

Т. И. Краснова

*Памяти профессора Ленинградского
государственного университета
Элеоноры Иосифовны Коротяевой (1910-1979)*

ДРУГОЙ ГОЛОС

**АНАЛИЗ
ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
1917–1920(22) гг.**

Санкт-Петербург
2011

УДК 81'42:070.1(470-87)"1917-1920"
ББК 66.0 81.1
К 78

Р е ц е н з е н т ы:

- д-р филол. наук **И. П. Лысакова** (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена)
д-р филол. наук **Б. Я. Мисонжников** (Санкт-Петербургский государственный университет)
д-р филол. наук **Н. И. Белунова** (Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики)

Рекомендовано к публикации кафедрой периодической печати факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета

Краснова Т. И. Другой голос: анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917-1920(22) гг. / под ред. Л. Р. Дускаевой. СПб.: Издательство «Северная звезда», 2011. 588 с., ил.

Проблематика монографии находится в сфере пересечения научных интересов дискурсологии (теория социального дискурса), когнитивной лингвистики, истории и теории журналистики, социологии, истории культуры. В центре внимания природа оппозитивного дискурса на тему России и проявления механизма оппозитивности в политизированных и неполитизированных газетах русского зарубежья эпохи революционного кризиса. Методология исследования связана с отечественными традициями изучения русского языка в его социальных разновидностях и с концепциями французской школы дискурсного анализа. Формация дискурса реконструируется по уровням его функционирования – неявного ментального и явного предметного, семантико-речевого.

Для журналистов, лингвистов, социологов, культурологов и всех интересующихся историей России и российской печати.

ISBN 978-5-905042-21-8

© Краснова Т. И., 2011
© «Северная звезда»,
оригинал-макет, 2011

С о д е р ж а н и е

Введение	8
Р а з д е л I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИСКУРСА О РОССИИ В ГАЗЕТАХ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1917-1920(22) гг.	35
Глава 1. Дискурсно-когнитивный анализ и понятие оппозитивного дискурса эпохи кризиса	36
1.1. Политико-идеологический и когнитивный подходы к анализу газетного дискурса о России	36
1.1.1. Концепции идеологии в отношении к анализу дискурса ...	36
1.1.2. Соотношение «текст ↔ дискурс ↔ действительность»	40
1.1.3. Дискурсный статус понятий «идеологический субъект» и «позиция субъекта»	43
1.2. Целостный контекстологический подход и полевая модель газетного дискурса	47
1.2.1. Контекст и дискурс	48
1.2.2. Внешнее поле зависимости: обостренная конфигурация действительности	52
1.2.3. Внутреннее поле зависимости: оппозитивная модализация сознания	54
1.2.4. Модусные концепты «приятие»/«неприятие» как дотекстовые составляющие идеологической пресуппозиции. Полевая модель оппозитивного дискурса о России	56
В ы в о д ы по Главе 1	61
Глава 2. Изучаемый материал в русле научных знаний и представлений (эпистемологические контексты с прототипом «другой»)	66
2.1. Оппозитивное в интерпретациях деятельности эмигрантской печати	67
2.2. Социологическая лингвистика в политико-идеологизированном контексте словесной культуры	72
2.2.1. Политико-идеологизированный контекст и словесная культура	74
2.2.2. Подавляющая и вспомогательная роль идеологии в науке о языке	75
2.2.3. Новое направление лингвосоциальных исследований («эпистемологический перелом»)	90

2.3. Интерпретирующий когнитивно-семантический подход к анализу формации газетного дискурса методом выявления оппозиций (основные понятия)	96
2.3.1. Ментальная область дискурса. Идеологические позиции и установки. Концептуализация	98
2.3.2. Импликация и реконструкция оппозитивных концептов. Гетерогенность дискурса	101
2.3.3. Коммуникативная структура акта речи как дискурсивно порождающая. Определение понятия структурно-семантической оппозиции	106
В ы в о д ы по Главе 2	110

Глава 3. Революционная эпоха как внешнее предметно-практическое поле оппозитивного дискурса 118

3.1. Историко-социальные основания оппозитивной формации дискурса о России	120
3.1.1. Эпоха кризиса с точки зрения «социологии революции». Социальные изменения	121
3.1.2. Явление миграций в механизме социальной оппозитивности и газеты русского зарубежья	125
3.2. Деятельность информационных служб и метаречевая структура газетной новости в условиях войны и конфронтации	135
3.2.1. Избыточность источников известий, их виды в газетах русского зарубежья эпохи войн	138
3.2.2. Избыточность в метареферентных структурах новости. Пути получения известий	150
3.2.3. Избыточность показателей момента времени в структуре новости	159
В ы в о д ы по Главе 3	165

Глава 4. Социокультурный контекст и внутреннее ментально-психологическое поле оппозитивного дискурса 171

4.1. Социокультурные факторы оппозитивной формации дискурса о России	172
4.1.1. «Русская ментальность» и «политический проект» модернизма (эпоха революционного кризиса)	172
4.1.2. Идеологическая оппозиция «новым ценностям» (сборник статей «Из глубины»)	180
4.2. Ментально-психологическое поле дискурса. Оппозитивная модализация и ее инструментарий	186
4.2.1. Речевая модалность, операциональный модус и точка зрения» в отношении к анализу дискурса	187

4.2.2. Модализация, интенциональность и роль модусных значений в оппозитивном дискурсе	193
4.2.3. Концепт «отрицание» в ментально-психологическом поле дискурса	206
4.3. Типичная референт-ситуация в дискурсе. Концепт и концептуализированная область в сфере языка и культуры	210
4.3.1. Архетип «антимир». Модель ситуации с концептом «война»	211
4.3.2. Модель ситуации с концептом «болезнь»	215
В ы в о д ы по Главе 4	220

Глава 5. Проявление ментально-речевого механизма оппозитивности в газетном дискурсе русского зарубежья 226

5.1. Оппозитивность картины мира в дискурсе РЗ	229
5.1.1. Оппозитивность мира в именовании доминирующего действия (концептуальные парадигмы)	229
5.1.2. Семантико-речевые оппозиции в структуре текстовой референт-ситуации с ключевыми концептами «Россия» и «большевизм»	238
5.2. Оппозитивное в «структуре апеллятивности» дискурса РЗ	262
5.2.1. Импликативная и эксплицированная оппозитивность в метатексте и диктуме новости	262
5.2.2. Оппозитивность идеологем (<i>старое/новое, темное/светлое</i>). Персонализация врага в дискурсе	277
5.3. Оппозитивность экспрессии в дискурсе РЗ: кванторное слово в газете	294
5.3.1. Мера определенности квантора <i>все</i> и аффективный характер коммуникации	298
5.3.2. Квантификативный показатель и концепт «лицо»	302
5.3.3. Логическое обобщение и прием генерализации: квантор <i>все</i>	312
В ы в о д ы по Главе 5	319

Р а з д е л II. ОППОЗИТИВНАЯ ФОРМАЦИЯ И СПЕЦИФИКА ДИСКУРСА О РОССИИ В ПРЕССЕ РАЗНЫХ СТРАН РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1917-1920(22) гг. 328

Глава 6. Газетный дискурс с открыто выраженной оппозитивностью (политизированные газеты) 334

6.1. Миграции в Маньчжурию и харбинская печать	334
--	-----

6.1.1. Становление харбинской печати: краткий обзор	337
6.1.2. Дискурс о большевизме и войне в России в харбинских газетах	339
6.2. Эмиграция в Америку и эмигрантская печать	357
6.2.1. Русская печать в Америке в период российского кризиса: краткий обзор	360
6.2.2. Дискурс о политической борьбе и большевизме в русских газетах Америки	361
6.3. Эмиграция и беженство в Европу; эмигрантская печать	398
6.3.1. Дискурс о большевизме в европейских центрах эмиграции (1917-1920)	401
6.3.2. Дискурс о большевизме в окраинных центрах эмиграции (1918-1919)	429
6.4. Опозитивная модель расхождения газет русского зарубежья в 1918 году. Размежевание газет в 1920-е годы	439
В ы в о д ы по Главе 6	445
Глава 7. Газетный дискурс с имплицитно выраженной оппозитивностью (деполитизированная газета в Швеции)	455
7.1. Экономическая миграция из России в Швецию. Дискурс о России в торгово-промышленной газете «Скандинавский листок»	456
7.1.1. История издания и его направленность	457
7.1.2. Концептуализация дискурса: выражение идеологии издания в ключевых словах	470
7.2. Когнитивно-семантические оппозиции, имплицитно связанные с референтами Россия/Швеция	479
7.3. Модус необходимости и актуализация целеобразующих смыслов в дискурсе	488
7.4. Когнитивно-семантическая оппозиция антинорма/норма. Мотив преодоления противоречий	496
7.5. Ментальные оппозиции как способ увеличения занимательности изложения (парадоксальные высказывания)	502
В ы в о д ы по Главе 7	509
З а к л ю ч е н и е	512
Примечания.....	521
Сокращения.....	521

Список источников.....	522
Литература.....	524

П р и л о ж е н и е

«Модус существования» и мироощущение человека в пространстве культуры	560
1. Культурологическое мессианство и символ веры: идеологизация образа Пушкина в зарубежной России (20-30-е гг.)	560
2. Архетип «антимир» и концепт «болезнь» в дискурсе массовой культуры периода д р у г о й российской революции (90-е гг. XX в.).....	568
2.1. Речевые стереотипы российской массовой культуры	569
2.1.1. Глубинная модель интерпретации картины мира: детские стихотворные страшилки как явление культуры	572
2.1.2. Социально компенсирующая модель интерпретации: мотивация страшилки в периодическом издании для детей	580
2.2. «Чернушечный» мир в социокультурном контексте	584
Библиографический список к разделу «Приложение»	587

В в е д е н и е

Глубокие и качественные изменения аксиологических доминант отечественной культуры, включая ценностную сферу СМИ, оставляют открытыми вопросы о причинах такой эволюции. Изучение материалов газет русского зарубежья эпохи революционного кризиса дает свободу таким ассоциациям, которых пока не взыскает своим вниманием современная массовая коммуникация.

Газета в европейской традиции ценностна, она формирует ядро общественной дискуссии. Газеты комплектуют социальную память, избирательно фиксируя то, о чем следует помнить (и думать), а что следует забыть. В газете мы имеем дело с языком социальной интеракции, с его формами выражения, означивания и особыми «информационными построениями действительности», которые могут определяться как стремлением к документальности, реальностью так и натяжкой в толковании, даже вымыслом [ср. Володина 2008 : 46].

Оппозитивный дискурс – отражение конфликтогенного¹ содержания и речевых форм проявления общественно-политической напряженности в сознании субъектов и в их текстах. Природа оппозитивности рассматривается в русле категории диалогичности с учетом понимания проблемы *Другого*. В появлении *Другого* содержится конфликт (конфликт является истинным смыслом бытия-для-другого, по Ж.-П. Сартру). Почва конфликта – социальная, социально-идеологическая, нравственная. В период кризиса 1917-1922 гг. (кризиса комплексного – политического, военного, экономического, культурного) конфликтный потенциал общества достиг предела. Прибегая к тактическому символу *Другой*, состояние российского политического сознания можно определить как следующее. Враждебный *Другой* мыслится и вне общества (внешний враг), и в составе его (внутренний враг). Враждебный *Другой* поместился в центр ментального поля участников диалога и занимает там субъективно понимаемое ими положение конфронтации. Это положение создает такой высокий уровень напряженности в умственном и речевом состоянии общества, который можно объяснить только поляризацией или расколом национального сознания. Признаками раздвоения национального сознания был отмечен весь XIX век («славянофилы» и «западники», «нигилисты» и «либералы», «монархисты» и «анархисты», «социалисты» и «консерваторы»). Но в первой четверти XX века оппозитивное состояние русского политического сознания обострилось до положения всеобщности в умах интеллигенции, в ее мирозерцании с концептом «борьба».

Оппозитивность – тотальная предметно-практическая и качественно-количественная характеристика русского газетного дискурса,

вызванная множественным характером длительно конфликтных отношений в обществе за продолжительный период исторического времени. В этой связи особого внимания заслуживают входящие в человеческую и социальную суть явления *порождающие факторы* оппозитивной формации дискурса о России в газетах русского зарубежья.

В привычном понимании наша работа посвящена изучению идеологического и речевого проявлений феномена оппозитивности в газетах русского зарубежья конца 10-х – начала 20-х гг. на разных геополитических пространствах их существования в Европе, в Маньчжурии и в Америке. В таком аспекте и комплексе «разношерстный» дискурс эмигрантской печати еще не изучался. Особый случай составляет энциклопедическое по своей широте исследование М. Раева «Россия за рубежом : История культуры русской эмиграции. 1919-1939» [М., 1994]. Здесь русская эмиграция рассматривается с разных точек зрения, подводятся итоги ее культурным достижениям. Но широта временных рамок (20 лет) и многоаспектность описания потребовала от автора ограничений: в книге отсутствуют периоды революции и начала Гражданской войны, история культуры русской эмиграции рассматривается с 1919 года, само понятие русской эмиграции связывается именно (и только) с эмиграцией Первой волны.

У нас в центре внимания находится предшествующий культурно-исторический этап. Он был этапом острейшей борьбы за Россию и одновременно – периодом вызревания и кристаллизации тех разобщенных идей, которые в условиях окончательной изоляции Зарубежной России от России Советской, постепенно стали вытесняться идеями сбережения основ национальной культуры (см. подраздел 1 «Приложения» в конце книги).

Актуальность работы связана с настоятельной необходимостью освоения культурного наследия русской эмиграции. В теоретическом отношении вопросы, решаемые в процессе исследования, входят в междисциплинарную область проблем изучения культуры русского зарубежья и одновременно в проблематику дискурсного анализа СМИ. Отметим те стороны объекта исследования и те аспекты его рассмотрения, которые имеют отношение к этой проблематике.

1. Тема российской эмиграции, уникальная по своим масштабам, вот уже более четверти века востребована разными научными направлениями, среди которых одно из первых мест занимает важное для нас историкографическое. С конца 90-х гг. XX в. выходят историографические исследования нового типа, где дается интерпретация объективных последствий социальных действий и изменений в России. Появление таких работ определялось

как научными, так и общественно-политическими факторами. В контексте пересмотра оценок советского периода возникла потребность переосмысления прежней политической культуры России. Стали широко использоваться раньше недоступные по идеологическим соображениям источники, малоизвестные материалы отечественных и зарубежных архивов.

2. С разных сторон познается историко-культурное наследие эмиграции, ее вклад в русскую литературу, науку, философию. Российское зарубежье стало восприниматься обществом как сложный социокультурный феномен отечественной и мировой истории сравнительно недавно. На очереди объективное прочтение опыта «расколотых революцией культур», в том числе – изучение журналистского процесса в условиях продолжительной эмиграции.

Наметились междисциплинарные подходы к изучению российского зарубежья. С начала 90-х гг. появляются работы по архивоведению, историографии, культурологии, искусствоведению, журналистике, славистике, политологии. Закономерным следствием интегрального подхода к комплексам работ такого рода стал разработанный под руководством акад. Е. П. Чельшева в Российской академии наук международный проект «Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре XIX-XX веков». Но, как было отмечено, «к сожалению, все это мало касается журналистики», а «литература о ней – незначительный ручеек в общем потоке научной продукции» [Жирков 1998 : 16-17].

3. Для истории журналистики исследование эмигрантских газет имеет особый смысл. Оно расширяет представление о русской зарубежной прессе как неотъемлемой части *общего* процесса развития отечественной журналистики. Кроме того, с историей языка, литературы связаны важнейшие культурологические аспекты проблематики. Об этом авторы монографии «Журналистика русского зарубежья XIX – XX веков» пишут ясно: «Исторический опыт русской эмиграции XX в. обостренно поставил проблему сохранения культуры. Именно журналистика помогала решать ее. Она сохраняла и как бы консервировала русский язык, литературные и публицистические формы, своеобразное развитие мысли. Как летопись социально-политической и культурной жизни русского Зарубежья, она аккумулировала огромное число разнообразных и разнородных фактов. Она стала овеществленной исторической памятью всех сторон этой жизни. Вот почему изучение истории, культуры невозможно без опоры на журналистику и как их источник, и как явление культуры». Говоря об истории эмиграции, о ее журналистике авторы добавляют: «нужны коллективные усилия», «соединение усилий всех ученых и заинтересованных в ней лиц» [Журналистика русского зарубежья 2003 : 175-176].

Представленная в газетах русского зарубежья (РЗ) эпоха кризиса в истории России первой четв. XX века охватывает сложный своей насыщенностью исторический срез: значительный предреволюционный этап и период Первой мировой войны, период революций и становления советской власти в 1917-1919 гг. и начало закрепления новой власти в 1920-1922 гг., когда появились устойчивые симптомы ее международного признания. Все это время газета русского зарубежья (синоним – «эмигрантская газета») выступала не только выразителем некоторого общественного взгляда на события. В миниатюре она образовала целый мир мнений, организовала *многоголосое пространство*, по-человечески объединяла Россию с русским зарубежьем. Газета была не только основным для читателя источником фактов и суждений, она выступала *субъектом* декларативного *действия*, отчасти являлась индикатором духовного состояния, настроений эмигрантов.

4. Интересующие нас вопросы связаны с когнитивной лингвистикой, в центре внимания которой соотношение ментальной и вербальной сторон идеологических объектов. Мы бы хотели, с учетом положения русских за рубежом в связи с событиями в России, выяснить, какими особенностями отличалась позиция газет зарубежья. Поэтому одним из вопросов исследования стал сопоставимый по общему методу *концептуальный анализ актуализированных в дискурсе идей*. Речь идет о *показателях оппозитивности* в когнитивном пространстве дискурса эпохи революций и войн. Это когнитивное пространство охвачено концептом «борьба». Вместе с ним в дискурсе актуализированы концепты «другой» (претерпевание изменений) и концепт «всеобщий» (тотальный характер борьбы). В речевую структуру идеологией привносятся модальные концепты «приятие» или «неприятие» происходящего. В когнитивную семантику вербальных показателей оппозитивности открыто или косвенно включаются концепты «насилия» и «сострадания», «гибели» и «болезни», «преступления» и «наказания».

Одним из центральных пунктов анализа дискурса о России оказывается вопрос о процессе и способах концептуализации референта «большевизм» в коммуникативной среде идеологически оппозитивных дискурсов (*антибольшевистского* и *пробольшевистского*). В дополнение к общей концептуальной картине русской печати мы рассматриваем *другой*, менее известный вид газеты за рубежом – *коммерческий* дискурс времени революций и войн. Здесь картина действительности отличалась своей противоположностью: она отобразила сильнейшую в торгово-промышленных кругах России и Швеции во время мировой войны интенцию к взаимовыгодному сближению и сотрудничеству сторон.

5. Многие представленные в нашей работе издания прежде либо не изучались, либо оценивались тенденциозно – в соответствии с господствующей в стране идеологией. Мы попытались рассматривать весь газетный материал *на равных основаниях*, без предвзятости к его идеологической основе. Объективированный подход к изучению разнородного материала мы принимаем в духе когнитивной лингвистики с ее доминирующими *п о з н а в а т е л ь н ы м и* установками. Основным поставщиком материала, необходимого для уяснения механизмов организации знания, поступающего извне или заложенного в человеческой памяти, считают именно лингвистику [Володина 2008 : 36]. По существующему мнению, только лингвист в состоянии правильно соотносить когнитивные структуры с языковыми формами, с закономерностями их распределения в тексте и в дискурсе [Кубрякова, Цурикова 2008 : 183-207]. При этом современные задачи анализа дискурса настолько превосходят по масштабам изучения задачи ранее ведущей в анализе газетного материала лингвостилистики, что теперь, говоря словами Ж.-Ж. Куртина, *«надо быть лингвистом и одновременно перестать им быть»*².

6. Актуальность исследования газет РЗ связана с необходимостью решить проблему *д и с к у р с н о - к о г н и т и в н о г о* анализа, который, по общему признанию, еще недостаточно разработан, хотя и считается наиболее перспективным для изучения языка СМИ (см. раздел «Когнитивный аспект исследования языка СМИ» в коллективной монографии: Язык средств массовой информации 2008). С когнитивизмом в историю науки пришло новое понимание того, как следует изучать знание или как можно подойти к проблеме непосредственно не наблюдаемого (к проблеме внутреннего представления мира в голове человека). По мнению специалистов, *когнитивной составляющей принадлежит ведущее место в организации дискурсивной деятельности СМИ*.

7. Проблематика дискурсного анализа находится в потоке востребованного общественными науками *л и н г в о с о ц и а л ь н о г о* направления исследований. В его основе лежит многопрофильный пласт трудов российских и зарубежных ученых по теории дискурса и социальной детерминации речевой деятельности (Т. Ван-Дейк, М. Н. Володина, В. З. Демьянков, К. А. Долинин, А. Д. Швейцер и Л. Б. Никольский, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, Л. П. Крысин, И. П. Лысакова, Ю. С. Степанов, Г. Я. Солганик, И. А. Стернин, Р. Т. Белл, У. Лабов, Ч. Фергюсон, Д. Хаймс, С. Эрвин-Трипп и мн. др.; см. обзор в Главе 2-й).

8. Представленная работа относится к *п о л и т о л о г и ч е с к о й* филологии, поскольку она изучает соотношение свойств дискурса с такими социальными концептами, как «власть»,

«воздействие», «авторитет». Эти свойства связывают с особенностями речевого поведения идеологических субъектов и с *интерпретацией* их дискурсов³. Диалог с «другим» как способ искания и испытания истины составляет проблему в коммуникативной сфере, в частности – проблему политической этики. Речь идет о противостоящем *Другом*, по-другому думающем и действующем. При этом в качестве участников оппозитивной коммуникации могут выступать идеологические контексты (интертексты), предписывающие адресату функции притяжения или неприятия фактов сообщаемого.

9. Основанием для интерпретации деятельности эмигрантских газет эпохи революционного кризиса выступает актуальное в рамках той или иной культуры понятие *идеологического дискурса*. Такой дискурс определяется *внутри идеологии* как содержащий систему принятых групповой культурой ограничений. Эти ограничения накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции. При этом термины «культура» и «идеология» понимаются нами в самом широком смысле. Мы идем на такое расширение сознательно.

Термин *«культура»* означает «то или иное состояние общественной, хозяйственной, умственной жизни в какую-н. эпоху, у какого-н. народа, класса» [сл. под ред Д. Н. Ушакова: М., 1935, Т. 1. С. 1546]. Должно быть ясно, что данное толкование может не совпадать с распространенным пониманием культуры как «совокупности человеческих достижений в чем-л.». Термин *«идеология»* означает для нас «любой языковой и – еще шире – семиотический факт, который интерпретируется в свете социальных интересов и в котором узакониваются социальные значимости в их исторической обусловленности» [Квадратура 1999 : 20]. Это понимание французской школы дискурсного анализа соответствует высказанному гораздо раньше положению М. М. Бахтина, у которого *семантика* часто скрывается под псевдонимом *идеология* [Алпатов 2005 : 359]. Семантика дискурса в таком понимании может трактоваться как совокупность идеологических интенций и пропозициональных установок в общении, в то время как прагматика дискурса – это способы выражения соответствующих интенций и установок.

10. Изучение ключевых слов, смысловых доминант и семантикоречевых вариантов дискурса при неизменяемой и/или изменяемой идеологической основе – одно из направлений современных *р е ч е в е д ч е с к и х* исследований дискурса СМИ (Л. М. Майданова, О. Л. Михалева, С. И. Соломатов, Т. Г. Федотовских, А. П. Чудинов и др.), к которому примыкает и данное сочинение. Актуальность исследований широкого спектра средств массовой информации в русле когнитивно-семантической, прагматико-политической и функционально-смысловой проблематики определяется

существующими вопросами развития современного российского общества, его культуры и языка. В последние десятилетия они подверглись массовым и радикальным изменениям, которые охватили и ценностную сферу СМИ [Ерофеева 2010]. Представляя анализируемый материал, мы стараемся занимать остраненную позицию: исходим исключительно из того, *что есть* в дискурсе периода войн. Язык и речь изучаемых газет могут рассматриваться как носители мировоззрения, как доступ к имплицитным знаниям в практике конфликтного взаимодействия. Такой подход актуален для когнитивной проблематики речеведческого изучения не только исторических, но и современных СМИ.

11. Представленная в книге разработка методов дискурсного анализа конкретных газет РЗ отвечает традициям французской школы дискурсного анализа (Р. Барт, М. Фуко, М. Пешё, Ж.-Ж. Куртин, Ж. Отье-Ревю и др.). Ее заслуги не раз отмечались в научной литературе [см. Степанов 1995а : 35-73; он же 1999 : 3-11; НФС 1998 : 222]. Французская школа дискурсного анализа отличается философской направленностью, вниманием к идеологическим, историческим, психоаналитическим аспектам дискурса. Благодаря французским ученым, воспринявшим и поддержавшим идеи «марксистской философии языка» (М. М. Бахтин, В. Н. Волошинов), на Западе получило обоснование и распространение семиологическое понятие идеологии, определилось понимание дискурса как феномена внутри идеологии, возникло понятие интердискурса и входящего в дискурс на правах импликации идеологического «преконструкта» (М. Пешё). Здесь активно разрабатывались проблемы теории политического дискурса (Ж.-Ж. Куртин, П. Серию), а также проблема интерпретации дискурса, включая проблему *Другого* [Квадратура 1999; в частности : Отье-Ревю : 54-94].

Изучаемые газеты имеют статус историко-документального свидетельства эпохи. В таком случае понятие «дискурс» приобретает более абстрактный смысл, ведь он относится к специфическому историческому периоду и к специфической социальной общности (ср. наименования «коммунистический», «буржуазный» дискурс)⁴. Изучаемый объект можно назвать историческим и абстрактным в силу того, что по прошествии долгого времени реальный дискурс во многом становится для нас латентным дискурсом. Попытка его анализа осуществляется при использовании междисциплинарного подхода с его непредвзятым отношением к интерпретации объекта.

Обратимся к первичному представлению газет РЗ, изучение которых представляет интерес не только для истории, но и для практики российской журналистики, включая ее зарубежную печать.

Материал исследования, степень его изученности. Работа проводилась на материале газет русского зарубежья, политико-

идеологический дискурс которых в основном относится к 1917-1920 гг. Газеты этого периода относительно хорошо представлены в библиотеках С.-Петербурга, хотя не вся пресса учтена в справочных изданиях. Часть газет сохранилась благодаря подписке и закупке печатных изданий эмиграции. При Ленине периодика русского зарубежья регулярно закупалась. «Сам Ленин постоянно читал основные издания эмиграции и требовал их своевременной доставки» [Жирков 1998 : 49]⁵.

Выбор временного отрезка периода войн (мировой и гражданской) предопределен как динамикой миграционного процесса из России, так и начальным этапом становления того Российского зарубежья, которое сформировалось под влиянием ключевых событий национальной и мировой истории начала прошлого столетия. К тому же, как оказалось, русские эмигрантские газеты «эпохи войн» плохо или однобоко изучены в журналистике.

В указанный период времени группы газет выходили в разных частях света – в Европе, Китае (Маньчжурия), в Америке – там, где к началу октябрьской революции уже существовали колонии русских. Весь изучаемый материал находится в газетных хранилищах Российской национальной библиотеки (РНБ) и, частично, в библиотеке Российской Академии наук (РАН)⁶ в С.-Петербурге.

Научно-библиографическое издание является типом справочного дискурса⁷. В списках собрания Российской национальной библиотеки газеты РЗ выступают в сокращенной форме назывных высказываний пространственной и качественно-количественной семантики (фиксируются название, время, место, субъект издания, порядковые номера хранящихся газет). В конце книги дается составленный нами по «Сводному каталогу» РНБ⁸ **список источников**, сгруппированных по геотерриториям размещения изданий. Газеты в списке относятся к более широкому периоду, нежели 1917-1920 гг., что было вызвано необходимостью увеличить исследовательское поле наблюдений. Ведь спутником любого собрания эмигрантской печати является фрагментарность и разное состояние источников. По необходимости нами изучались номера газет за годы, предшествовавшие указанному периоду (1915-1917) и следующие за ним (1920-1922).

С торгово-промышленной газетой «Скандинавский листок» можно ознакомиться по неполному комплекту за 1915-1918 гг. (РНБ). Год революций представлен в библиотечном собрании единичными номерами газет «Русский вестник», «Скандинавский листок» и «Новый мир». Газет 1918 года в хранилище 11 названий, и все они вошли в изучаемый материал. За 1919 год были изучены 9 газет из собрания РНБ (некоторые представлены в нем единичными номерами). Для получения дополнительных сведений рассматри-

вались четыре газеты за 1920 год. Из них более подробно изучалась берлинская беспартийная русская газета «Призыв», равномернее других представленная в подшивке за 1919 и 1920 гг. Дополнительным материалом наблюдений стали отдельные номера газеты «Новое слово» за 1921 год и газеты «Новое русское слово» за 1922 год.

Перечислим источники, вошедшие в материал исследования. Учтем характеристики изданий в подзаголовках газет. Из этих изданий две газеты («Варшавская речь»: Варшава; «Призыв»: Берлин) обозначили себя как внепартийный демократический орган; пять газет имеют партийную принадлежность («Голос России»: Берлин; «Русский социалист»: Берлин; «Труд»: Харбин; «Голос труженика»: Чикаго; «Народная газета»: Нью-Йорк); две газеты отметили классовую, рабоче-крестьянскую ориентацию («Новый мир»: Нью-Йорк; «Свободная Россия»: Чикаго); четыре издания обозначили свой многопрофильный общественно-политический характер («Новое слово»: Кишинев; «Вестник Маньчжурии»: Харбин; «Маньчжурия»: Харбин; «Новости жизни»: Харбин); одна газета относится к торгово-промышленному изданию («Скандинавский листок»: Стокгольм); еще одна газета является органом действующей армии, т.е. военно-политическим изданием («Вестник Северо-Западной армии»: Нарва)⁹. Остальные газеты не обозначили в подзаголовке своей направленности («Общее дело»: Париж; «Русский вестник»: Берлин; «Русское дело»: Прага; «Призыв»: Харбин; «Новое русское слово»: Нью-Йорк; «Свободная Россия»: Буэнос-Айрес), хотя в атрибутивных составляющих названий трех газет идеологическая тенденция акцентирована включением имен «дело» и «свобода»: они отражают метареферентную ситуацию выбора наименования («Общее дело», «Русское дело», «Свободная Россия»)¹⁰.

По сложившейся в прежние времена традиции полнее всего описана эмиграция по политическим основаниям в европейские страны. Между тем объективное положение вещей с миграцией из России и жизнью за ее пределами было очень разным, имело много оттенков и отличалось от сугубо политизированной картины мира. Уравновешенных исследований эмигрантских газет эпохи революционного кризиса в отечественной науке недостает, так что исследователь языка по большей части вынужден опираться на собственные возможности. Некоторые объективированные публикации появились в 90-е гг. XX в., когда стали собираться научные конференции нового времени¹¹. Поэтому распространение таких работ больше связано с материалами конференций по истории русской эмиграции и ее печати.

Всегда существовала, правда, и другая заинтересованная сторона. Сбором и изучением газет русского зарубежья времени револю-

ции и Гражданской войны занимались за границей¹². Там письменный источник являлся основным документом изучения всех аспектов истории России¹³. На западе, по данным М. Раева [1994 : 25], такие источники исследованы главным образом с точки зрения отражения в них отдельных событий до 1917 г., революции и Гражданской войны, а также жизни и творчества наиболее известных писателей-эмигрантов. В частности, комплектовать свои фонды систематически стремилась библиотека при Пражском архиве¹⁴. Ее интересы тоже были сосредоточены на периоде революции и Гражданской войны: в Праге над книгой «Социология революции» работал П. Сорокин. По Н. А. Хариной [1995], уже в 1924 году в Йене выходит в свет диссертация Ханса фон Римше «Русская гражданская война и русская эмиграция. 1917-1921», а в 1995 году вышел коллективный труд под ред. Карла Шлегеля «Русская эмиграция в Германии 1918-1941 гг.: Жизнь в гражданской войне»¹⁵. Но сами газеты русского зарубежья эпохи войн и свойственный им язык в его разновидностях **в комплексе не исследовались** ни в России, ни за рубежом. Во всяком случае, известные нам работы (в том числе и вышедшие за границей)¹⁶ по предмету изучения относятся к более позднему периоду — после высылки в 1922 году видных ученых и писателей из России.

Чем привлекает исследователя газет русского зарубежья революционный и пореволюционный период 1917-1920 гг.?

Во-первых, считаем его наиболее показательным для начала бурного роста, а затем и быстрого идеологического расслоения изданий. Как показывает «Сводный каталог» РНБ, число эмигрантских газет во время Гражданской войны росло. Эмпирические данные первичного анализа газет говорят, что размежевание между ними усиливалось. *Во-вторых*, благодаря газетному собранию РНБ и БАН в С.-Петербурге, в поле наших наблюдений оказалась печать русской диаспоры в *приграничных* России государствах и печать *дальнего* зарубежья. Среди названных в списке газет есть хорошо известные, малоизвестные или совсем не описанные в научной литературе издания. Так, существующий опыт описания эмигрантских газет (далее ЭГ) в монографиях по истории отечественной журналистики касается сугубо политико-содержательных характеристик изданий: это газеты «Новый мир», «Общее дело» и некоторые др.; газеты Сибирского правительства и белых армий в России; характеристика цензуры в эпоху Гражданской войны. Основная же масса исследователей нового времени миновала революционный и пореволюционный периоды, сосредоточившись на **послереволюционной** эпохе. И понятно: всеобщий интерес вызывает именно этот богатый и многообразный в культурном отношении этап в истории русской эмиграции¹⁷.

В-третьих. В советскую эпоху традиционно пользовались вниманием партийные издания, доминировал избирательный страноведческий подход. Лучше всего изучены печатные органы главных центров эмиграции¹⁸, позже появились диссертации на материале ведущих газет зарубежья¹⁹. Но нам нигде не встретились работы, посвященные анализу языка торгово-промышленной газеты «Скандинавский листок» или газеты русской диаспоры в Польше «Варшавская речь», то есть среднего уровня недолговечных изданий. Обычно исследователи говорят об «эфемерности» газет с двух-трехгодичным опытом существования. Однако нет оснований делать вид, что такой литературы не существует. Даже недолгое существование малообеспеченных изданий не лишает знаковости газету как влиятельного средства взаимодействия в эпоху кризиса. До сих пор же все то, что «не вписывается в классику» или в тексты первого, второго и прочих «рядов», по умолчанию остается вне предметного поля науки [об этом Фрумкина 1999].

Сказанное выше позволяет считать весь изучаемый материал представляющим интерес и значимым для истории журналистики и, что нас особенно привлекает – для изучения ее идеологического дискурса, повлиявшего на состояние общественного сознания в русском зарубежье.

Объект и предмет исследования. Опыт лингвистики с 70-х гг. XX в. показал: анализировать и описать на общем основании разнобразный по своему характеру литературный материал возможно, если в центре такого описания находится «мир дискурса» (выражение Р. Якобсона). Говоря о потоке человеческого опыта, в который включается всякий акт употребления языка, Б. М. Гаспаров выделил в особый пункт «общие идеологические черты и стилистический климат эпохи в целом», а также «климат той конкретной среды» и личностей, которым сообщение «прямо или косвенно адресовано» [Гаспаров 1996 : 10]. Объединяя в процессе анализа разрозненный материал, мы исходим из содержательно-тематического сходства публикаций, которое определялось устойчивым вниманием читателей газет к происходящему на родине. Основным референтом неисчислимых сообщений была Россия, а степень расхождений по части интерпретации положения дел связана с ключевым для того времени словом «большевизм». Таким образом, при всей «благоприобретенной индивидуальности» те или иные высказывания являются элементами одной области наблюдений – дискурса о России. «М и р России» составляет *ядро объекта* исследования, в то время как «мир русской эмиграции» являет собой «преломляющую» его *оболочку*.

коммуникативное поле русского зарубежья

мир России в дискурсе

мир российской эмиграции

Предметом анализа стал феномен оппозитивности и оппозитивный механизм, который управляет формацией газетного дискурса при его вариативности в разных условиях существования.

Теоретическая база исследования. Изучаемый материал велик по объему, малоизучен и поэтому представлен в работе в значительном эмпирическом освещении. Предпочтительным, хотя и затратным, являлся *индуктивный* путь от наблюдений к обобщению. Возникла необходимость анализа материала в режиме предварительного исследования (Раздел I). В целом проанализированы свыше полутора тысяч текстов, входящих в состав политизированных газет антибольшевистского и пробольшевистского толка, а также в состав деполитизированной торгово-промышленной газеты. Вопрос о единицах наблюдения оговаривается по разделам, но в основном такой единицей является *высказывание* в широком смысле его трактовки в дискурсе.

К о г н и т и в н о е направление исследований, к которому относится данная работа, характеризует **широта объекта рассмотрения, включающая не только язык, но и другие «знаковые системы»**. Именно такой взгляд позволяет обнаружить общность в принципах организации языка, материальной и духовной культуры. С одной стороны, ученых привлекает способность когнитивного подхода к выявлению стандартных форм человеческого мышления и повторяющихся «содержательных представлений». С другой стороны, когнитивизм рассматривается как разновидность и **н т е р п р е т и р у ю щ е г о** подхода. Наблюдается стремление ряда авторов, особенно в России, говорить именно о *когнитивной семантике*, а не когнитивной лингвистике (Е. С. Кубрякова, Е. В. Рахилина, О. Н. Селиверстова, А. М. Баранов, Д. О. Добровольский). Мы признаем особую роль для когнитивных исследований *прагматической теории* с ее интересом к вопросам социального познания и установкой на экспликацию имплицитного знания²⁰ (Ш. Балли, Ч. Моррис, Л. Витгенштейн, Р. М. Хэр, Г. П. Грайс, Дж. Лакофф, П. Сгалл, Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева, В. В. Петров, Ю. Н. Караулов, Б. А. Серебренников). Разработка теории *модальности* и *модуса* (пропозиционального отношения) определила одну из магистральных линий прагматических исследований. Большую часть применения прагматического анализа составляет, по мнению ученых, не слово или высказывание, а именно дискурс [Арутюнова, Падучева 1985 : 22].

Что касается изучения литературных произведений и журналистики, то с развитием когнитивного направления исследований связаны хорошо выраженное стремление к пересмотру подходов к самому анализу, а также попытка увидеть в текстах за категориями языковой семантики (особенно грамматическими) некоторые общие

понятийные категории. Изменения можно обозначить в виде тенденций к расширению поля наблюдений («пространства» социокультурного, ментального, духовного); к укрупнению объектов анализа (сверхтекста, макротекста, гипертекста, дискурса) [см. СЭС 2006]; к раздвижению границ понимания традиционных категорий лингвостилистики (понятий субъекта и субъективности, модуса и модальности, диалогичности, контекста).

Все это происходит в результате использования при изучении речевой коммуникации *когнитивных методов анализа*, начала которых положены К. Бюлером как раз во времена мирового кризиса и Гражданской войны в России. В 1918 году К. Бюлер предложил научному сообществу универсальную трехчленную модель функций языка (*репрезентативная, апеллятивная и экспрессивная функции*), которые так или иначе проявляются во всяком высказывании²¹. Мы взяли эту модель за основу в порядке характеристики типичных проявлений оппозитивности ЭГ-дискурса: в главе 5-й рассматриваются когнитивно-семантические аспекты репрезентативности, апеллятивности и экспрессивности корпуса высказываний разной идеологической направленности. К. Бюлер считал простое суждение не только (и даже не столько) связью представлений, но *особым классом переживаний, имеющим модальную природу*. При этом еще важнее оказывается *интенциональность* переживания, потому что «нельзя быть уверенным, если в сознании так или иначе не отражено то, в чем мы уверены»²². Тем самым в теории К. Бюлера получила обоснование *ситуативная теория речевой деятельности*, многие аспекты которой актуализировались в связи с прагматизацией языковых исследований.

В нашей работе присущая ЭГ-дискурсу оппозитивность связана с *ментально-психологическим механизмом порождения высказываний* в рамках дискурсной формации. Несколько слов о термине «порождение». В свое время Р. Б. Лиз отмечал, что понятие породить (generate) часто смешивается с термином «производить» (produce), что приводит к печальным последствиям [см. Степанов 2001в]. У нас понятие порождения употребляется как синоним *выбора посредством некоторого правила*. Таким образом, термин порождение приравнивается в конечном счете – к термину «функция».

Одним из примеров раздвижения границ лингвистики и теории речевых жанров в журналистике за счет логики, философии и психологии может служить *категория диалогичности*. Мысли об универсальности диалогических отношений в речи были высказаны М. М. Бахтиным в 30-х гг. XX века. И лишь сравнительно недавно в исследованиях был обоснован и осуществлен широкий подход к

анализу диалогичности газетных текстов с учетом разной степени ее эксплицированности [Дускаева 2004]. Диалогичность рассматривается как профессиональное свойство журналистики. В речевых формах и жанрах она охватывает различные способы взаимодействия и «ответного» развертывания в дискурсе. Сложный механизм диалогических отношений раскрыт как цикл: он заключается в смене «смысловых позиций», точнее – «жизненных позиций, точек зрения, определенного понимания факта, явления» [Там же 2004 : 8]. С когнитивной точки зрения, диалогичность имеет отношение к феномену смысловой оппозитивности в дискурсе. *Интеракционная модель коммуникации*, которой мы придерживаемся [Красных 2001 : 189-202], предполагает анализ речевого взаимодействия с учетом социально-культурных условий коммуникации. В центре внимания и анализа оказывается не столько речевой, сколько *коммуникативный акт*, который понимается широко – во всем разнообразии его зависимостей во времени и пространстве. Обоснованное разграничение речевого и коммуникативного актов сводится к утверждению *дискурс-ориентированного* понимания составляющих структуры коммуникативного акта.

В текстовом приближении анализ дискурса предполагает учет двух его планов – собственно лингвистического, семантико-речевого и когнитивного, или ментального. Механизм оппозитивности складывается из операций с языком в составе коммуникативного акта, включающего «затвердевшую» *модель А↔В* ментального и вербального противоположения. При этом в сознании человека, порождающего текст оппозитивного характера, присутствуют как поляризованные, так и более нейтральные объекты (противник, идеологический субъект и третья сторона). Подробнее в Разделе II.

Главной теоретической базой исследования явились **труды по когнитивной лингвистике и семантике, поэтике и литературоведению, семиотике и психологии** (работы М. М. Бахтина, Л. С. Выготского, Ю. М. Лотмана, Е. С. Кубряковой, О. Л. Селиверстовой, М. В. Никитина, Т. В. Шмелевой, Ю. С. Степанова, В. З. Демьянкова и мн. др.), но в особенности, как уже говорилось – **работы представителей французской школы дискурсного анализа** (М. Фуко, М. Пешё, П. Серио, А. Ж. Греймаса, Ж. Фонтанья и др. ученых).

Предметом наблюдений и анализа стали *виды и способы ментальных репрезентаций* в газетном дискурсе, организация языковых и неязыковых знаний по принципу семантической оппозиции. Мы рассматриваем политизированные газетные тексты с точки зрения того, как разные ментальные схемы (фреймы, сценарии, «жанровые схемы») в *анти-* или *пробольшевистских* изданиях концептуализируют «мир», включая в сознание читателя

оппозитивные модели понимания и общения. Одновременно мы рассматриваем *оппозитивный дискурс в его материальном выражении*. Он реализуется как последовательность речевых актов, которые обладают локальной и глобальной связностью (диагональностью), подразумевающей оппозитивность в сфере вертикального контекста. Сложный характер самого *процесса* и *механизмов* порождения дискурса, неоднородная *природа* объекта обусловили необходимость описания условий формации дискурса в два этапа — на **дотекстовом**, контекстном этапе и **текстовом**, формообразующем этапе существования дискурса.

Дотекстовый этап существования и формации дискурса подразумевает: а) наличие идеологического преконала и установочной посылки в виде *концептуального начала* пробольшевизма, антибольшевизма, а также нейтральной политики торгово-промышленного издания; б) наличие когнитивного условия реализации дискурса — *психологического модуса* с концептом «приятия» или «неприятия» в сознании говорящего. Это ментальное состояние (интенциональность) переносится на речь, выражаясь в *модализации* высказываний. Дотекстовый этап анализа необходим для понимания того, что каузаторами состояния приятия или неприятия *существующего в референции* выступают для говорящего две причины: 1) **экстралингвистические объекты**, т.е. факты оппозитивных отношений в самой действительности (мир событий и мир идей, социокультурная ситуация); 2) **интенциональность и ее ментально-модальные объекты** — положение вещей, оценки существующего положения, несоответствие желаемого или ожидаемого действительности. Этим и другим вопросам посвящены Глава 3-я и Глава 4-я первого раздела книги.

Изучению текстообразующих форм в дискурсивном процессе отведена Глава 5-я. Анализ проводится на вербальном уровне высказываний с тем, чтобы вычленив в предикативных центрах текста концепты уровня ментального (содержательно-идеологического). В процессе анализа в обращение вводились *категории культурных ценностей*, будь то мировоззрение, идеальные типы или мифологические конструкции. В текстах обнаруживается *активизация противоположных концептов* в составе фонового знания (в идеологемах, культурных моделях, стереотипных сценариях). Политическое мышление представляет собой манипулирование подобными структурами. Типичные в содержании материала оппозитивные показатели (оппозитивы) определили возможность характеристики региональных разновидностей газетного дискурса. С одной стороны, единый временной срез позволил увидеть в них *сходное* по способам оппозитивной организации сообщаемого. С другой стороны, определялось и *различное*, порой специфическое, если учесть идеологию и «дух места» в печатных изданиях.

Выделим **положения, которые должны быть подтверждены** в ходе аналитического описания.

1. Оппозитивный дискурс — *типичный способ существования картины мира в общественном сознании* времени революций и войн. Параметры такого дискурса определяются историческим временем, идеологией отрицания и антагонизмом овладевающих данным дискурсом групп. Определение оппозитивного дискурса и «мира дискурса» требует *учета многих факторов* и должно уточняться по ходу исследования.

2. Газетный дискурс сконструирован по правилам *оппозитивной формации* для решения определенных задач. Правила формации оппозитивного газетного дискурса вырабатываются в речевой практике как общеупотребительные и конвенциональные, то есть предназначенные для того, чтобы читатель понимал стоящие за ними *интенции* говорящих. В социальном интересе к поддержанию конфронтации закрепляются идеологические установки, находит подтверждение смысловая *доминанта* дискурса.

3. Оппозитивность газетного дискурса обусловлена *модализованным состоянием сознания* говорящих. Интенциональность и модализация являются каузаторами семантики и самого механизма оппозитивности. В целом речевая природа оппозитивности — природа ментальная, социально-оценочная, нередко волевая. Она связана с позицией «идеологического субъекта» газеты в контексте социального.

4. Поскольку язык, идеология и культура связаны, сосуществование в одном пространстве взаимодействующих между собой субкультур (политико-идеологической классовой и консервативно-либеральной, в т.ч. гуманистической; книжно-письменной и народно-поэтической и др.) определяет *множество идеологических контекстов*, или *интердискурсов*, в которых одновременно может ощущать себя субъект и адресат газетной речи.

5. Оппозитивный дискурс может быть представлен в виде *модели*, имеющей полевую структуру. Эта модель полевой структуры газетного дискурса включает, по нашим предположениям, три «ипостаси»: внешнюю *предметно-практическую*, внутреннюю *ментально-психологическую* и посредническую *семантико-речевую*.

6. Оппозитивность существует в газетном дискурсе *открыто*, в поверхностном выражении, и *имплицитно*, находясь в пресуппозиции высказывания, включенной в фоновое знание и, таким образом, входя на правах референта в обозначенную ситуацию. Разнообразие способов передачи смысловой оппозитивности, их *множественное рассеивание* в текстах позволяет охарактеризовать тип дискурса как **тотально оппозитивный**.

7. По идеологическому критерию и ограничениям, накладываемым

мым на оценочную деятельность говорящих идеологией, выявляются такие виды оппозитивного газетного дискурса, как *радикальный, умеренный* и политически *нейтральный* дискурсы.

Целью исследования является *определение внутреннего содержания и статуса оппозитивного дискурса* в сознании разных групп общества эпохи войн, разработка *принципов анализа* и описание *специфики* дискурса русского зарубежья с тем, чтобы вскрыть *природу* оппозитивного дискурса и представить *мир убеждений* идеологических субъектов *в рамках газетного дискурса* в эпоху перемен.

Поставленная цель потребовала решения многих задач, выполнить которые можно было лишь в два этапа, включая режим предварительного исследования.

Первый этап стал процедурно-аналитической подготовкой к дискурсному описанию конкретных газет русского зарубежья по месту их издания. Это теоретический категориально-описательный раздел, где главным образом решалась проблема *полного аналитического описания* дискурса с учетом *внешнего поля* и *внутреннего поля* зависимостей. Использовалась смешанная, индуктивно-дедуктивная методика описания, если характеристики газетного дискурса относились к понятию «внешний контекст». Такие характеристики потребовали уточнений, связанных в дискурсе с множественностью источников информации и ее достоверностью. Самый объект исследования (оппозитивный дискурс) как понятие междисциплинарной парадигмы знаний потребовал предварительной разработки его структуры ввиду отсутствия удовлетворяющего нас методологического представления о многоплановости (гетерогенности) и целостности (доминирующем единстве) столь не одномерного для анализа идеологического образования.

Задачи первого этапа исследования определялись необходимостью решить проблему совокупного и полного аналитического описания разного газетного дискурса. В задачи входит следующее:

▲ вычленил с учетом междисциплинарных составляющих описания *референты*, которые могли обусловить оппозитивную формацию дискурса;

▲ определить *ведущие категории* дискурсного анализа;

▲ построить *доминирующую модель* оппозитивного газетного дискурса русского зарубежья;

▲ дать *общее* определение оппозитивного газетного дискурса и определение его *разновидностей*;

▲ показать оппозитивность *репрезентации* в нарративах разной идеологической направленности;

▲ выявить оппозитивность идеологических установок в *апеллятивном* аспекте коммуникации;

▲ установить оппозитивность *экспрессии* в газетах на примере частотных кванторных слов с концептом «всеобщность».

Задачи второго этапа исследования (описание дискурса на тему России в прессе разных стран русского зарубежья) определялись необходимостью учета внешней среды существования изданий по месту их размещения. Для этого привлекались доступные нам историографические, социокультурные, историко-журналистские сведения. Учитывался существующий в научной литературе опыт лингвостилистического описания русских газет эпохи революций. Каждой газете посвящен отдельный раздел, но их объем неравнозначен по причинам, отчасти изложенным выше. В задачи исследования на втором этапе входило:

▲ краткое описание изданий по признакам, обозначенным в собственной атрибуции газеты (шапки, рубрики, заголовочные комплексы, обращения редакции и т.п.);

▲ вычленение оппозитивов и реконструкция ментальных оппозиций на базе семантико-речевого анализа высказываний (вертикальный и горизонтальный контексты);

▲ определение доминирующей разновидности оппозитивного дискурса о России в рамках конкретной газеты;

▲ построение модели расхождения газет русского зарубежья в самом начале Гражданской войны и характеристика расхождения изданий в ее конце;

▲ определение идеологической специфики (доминанты) коммерческого издания в свете ментальных отношений оппозитивности;

▲ характеристика соотношения оппозитивных разновидностей дискурса в газетах русского зарубежья.

Теоретическую значимость проведенного исследования мы связываем с разработкой междисциплинарного дискурсного анализа, в русле которого только и возможно полноценное описание изучаемого материала. **Теоретическая значимость** связана прежде всего (1) с методологическими аспектами анализа, а именно – объединенного в общую серию процедур и целостного (по учету внешнего и внутреннего факторов зависимостей) совокупного дискурсного анализа газет разной идеологической направленности.

При этом (2) историко-идеологические и научно-теоретические вопросы проблематики *лингвосоциального* анализа дискурса рассматриваются в отдельном обзоре в Главе 2 с учетом диалогности и контекстуальности научных знаний, в русле которых расположен изучаемый материал.

(3) Наше исследование отвечает необходимости разработок такой *социально ориентированной теории* дискурса, на основе которой осуществляется выход к практике функционирования дискурса СМИ, в прагматико-идеологическом отношении мало еще изученной. Выведены *основные категории* оппозитивного дискурса, определена процедура его когнитивно-семантической реконструкции

методом выявления оппозиций и с учетом идеологических разновидностей формации дискурса.

(4) Работа входит в научный контекст когнитивной лингвистики и в арсенал политической филологии в целом. Дискурсно-когнитивный анализ газет эпохи кризиса проводился с выявлением тех специфических черт социальных разновидностей языка и речи, которые имеют значение для оценки положения дел в условиях конфронтаций в *любом* политико-идеологическом сообществе.

(5) Исследование имеет значение для *истории российской печати* в части анализа наследия эмиграции и ее журналистики, которые изучены еще недостаточно. Теоретическая значимость представленных опытов анализа определяется тем, что его результаты затрагивают области исторического знания, вводят читателя в широкий круг историко-культурной проблематики в аспекте изучения СМИ.

(6) Культурологическое значение работы связано с предложенным когнитивно-семантическим подходом к изучению *ментальности* разных социальных групп. Теоретически этот подход опирается на концептуальный и семантико-речевой анализ содержания текстов. Так называемая *моделизованная картина мира* своими корнями-концептами находится в идеологическом контексте своего преконструкта – в контексте не явном, а подразумеваемом. В работе установлены *способы выражения ментальности в языке*, найдены «ключи» к анализу соотношения ментального и вербального механизмов оппозитивности. В качестве осознанных приемов анализа они имеют отношение к обсуждению этических проблем общения, к дискурсу не только вражды, но и согласия.

(7) Выявляются *приемы* активизации таких концептов социальных представлений, которые характерны для кризисного сознания эпохи войн. Дискурсивные особенности конфликтующих идеологий в рамках общей оппозитивной формации могут представлять интерес для сравнительной когнитивистики и лингвокультурологии.

(8) *Комплексный* анализ различных видов оппозитивности в их взаимодействии составляет еще один шаг в развитии концепции *диалогичности*, если понимать ее для СМИ в широком смысле как диалог с *Другим*. Тексты рассматриваются как инструменты оппозитивного взаимодействия в среде общения.

(9) Методика предложенного описания имеет отношение к изучению и дополнительному структурному обоснованию *категории проблемности* в публицистике. Внедренная в процесс изучения практики речевой оппозитивности такая методика позволяет надеяться на перспективы так называемого *проблемного* анализа текстов в рамках дискурса СМИ.

(10) Выведен *терминологический аппарат* дискурсного анализа газет русского зарубежья. Уточнено содержание понятия «оппози-

тивный дискурс», дается определение понятий «позиция субъекта», «идеологическая оценка», «модализация», «концептуализация дискурса» и др. Описана специфика проявления *оппозитивности как текстообразующей категории* в рамках репрезентации картины мира, оппозитивной апеллятивности или экспрессивности в дискурсе (выразительность кванторных слов в газете).

(11) Общая значимость работы в русле проблем изучения СМИ состоит в создании *теоретического обоснования перспективности* анализа высказываний *методом выявления концептуальных семантико-речевых оппозиций*; в углублении подхода к анализу дискурса на основе разноаспектного описания такого своеобразного объекта, каким является газетный текст (учет преконструкта, пресуппозиций, интертекста; парадигматический и синтагматический уровни анализа дискурса).

(12) Результаты исследования могут способствовать дальнейшей разработке проблем *косвенной* коммуникации в СМИ. В то же время они позволяют уяснить косвенную связь социальной ответственности групп общества с выполняющими «заказ» функциями журналистики – функцией когнитивной, познавательно-идеологической и функцией социально-регулирующей, оценочной.

Если коротко обозначить характер новизны исследования, то **научная новизна** определяется следующим.

1. Она обусловлена новизной объекта и предмета исследования. В научный оборот введен массив ранее не изучавшихся или однобоко изученных эмигрантских газетных текстов.

2. Новизной отличается сама постановка проблемы изучения *совокупности идеологически неоднородной продукции* газет зарубежья за короткий и насыщенный экстраординарными событиями период.

3. В идеологическую проблематику включен *новый по методологии* обзор фактов истории *эволюции* отечественной социальной лингвистики. Основанием для этого был общий в отношении к другому конфликтно-идеологический контекст советской эпохи, в котором существовала вся словесная культура в России.

4. *Проблема дискурсного анализа* решается с учетом предложенной модели дискурса, имеющего многослойную структуру. До сих пор приоритетным считался учет лишь экстралингвистических факторов функционирования дискурса.

5. Вводится важный для дискурсно-когнитивного анализа учет процесса «модализации» газетного дискурса. Характеризующая состояние сознания идеологического субъекта *модализация* выступает в составе когнитивного, ментально-психологического модуса как *ведущий фактор идеологического порождения* предикатно-аргументных структур, каузатор оппозитивной формации дискурса.

6. Новизной отличается главный тезис о *тотальной оппозитивности газетного дискурса*, включая не очевидную для его доказательства разновидность идеологии торгово-промышленной газеты в эпоху войн.

7. Новым стало специальное изучение в рамках категории оппозитивности *кванторного* слова в роли концепта всеобщности в аффективном дискурсе.

8. Новизной отмечено понимание *субъективированности феномена идеологии* как *Другого* в газетном дискурсе. Здесь идеи рассматриваются как «вещи», которые используются субъектами сугубо прагматически. Вместе с тем субъект понимается как символический объект, носитель группового сознания.

9. Новизной отличается *дискурсная интерпретация идеологии* газет и, в частности ключевых слов, как психологически модализованных *изнутри* на базе преконструкта и различно идеологизированных *вовне* речью в разных условиях существования изданий сходной ориентации.

В свете сказанного определяется **практическая значимость исследования**. Она состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в преподавании курсов когнитивной и социальной лингвистики, политической филологии, дискурсологии, риторики и поэтики публицистики, стилистики и литературного редактирования, критики речи, а также для дальнейшей разработки целого ряда теоретических проблем и вопросов функционирования текстов в массовых коммуникациях. Материалы работы могут послужить основой при подготовке курсов лекций, семинаров, учебных пособий по социальной дискурсологии, текстовому анализу, по стилистике и поэтике жанров СМИ.

Важно, что приемы и средства выражения оппозитивности могут быть освоены практически. Методические разработки и результаты исследования пригодятся журналистам, специализирующимся в анализе политических событий и проблем социальной жизни. Они могут быть полезны историкам и социологам при подготовке выступлений или при экспертизе материалов в случае конфликтных ситуаций. Некоторые положения могут быть учтены в ходе изучения специфики исторической эпохи, при подготовке частных и общих курсов по истории журналистики.

О методологии и методике исследования отчасти шла речь выше. Обозначим только те аспекты в подходах к анализу материала, которые имели для выработанной методики решающее значение.

Методологической базой исследования стала существующая в разных модификациях *теория дискурса*, а также общие представле-

ния ученых о способах репрезентации знаний на ментальном и языковом уровнях (В. А. Звегинцев, В. В. Петров, Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов, В. З. Демьянков, Т. А. Ван Дейк, Дж. Лакофф, Р. Лэнекер, П. Серио, М. Пешё, М. Фуко, А.-Ж. Греймас, Ю. Е. Прохоров, В. И. Карасик, Н. Н. Болдырев и др.). Большое значение при разработке методологических оснований дискурсного подхода имели *теории интертекстуальности* (Р. Барт, М. М. Бахтин, Б. М. Гаспаров, Ю. М. Лотман, Ж. Деррида, Ю. А. Кристева), а также работы по *надежной грамматике* с ее основами теории фреймов (Ч. Филлмор, Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац и др.).

Выработка принципиальных подходов, предвосхитивших появление новой теории описания социальных языков, связана с многочисленными трудами по *социальной лингвистике* (см. обзор в Главе 2) и теми аспектами *когнитивной лингвистики*, которые стали ориентироваться на эту проблематику, включая анализ дискурса (Э. Бенвенист, Т. А. Ван Дейк, Дж. Лакофф, Р. Шенк, А. А. Залевская, Е. М. Вольф, Ю. Н. Караулов, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия, Р. И. Павленис, Е. В. Падучева, Е. С. Кубрякова, О. Н. Селиверстова, В. З. Демьянков, Ю. С. Степанов, Р. М. Фрумкина и др.). Немалый вклад в решение проблемы дискурсного анализа внесли исследования по лингвистической *прагматике* (Ч. С. Пирс, Л. Витгенштейн, Дж. Дьюи, Дж. Лакофф, А. Вежбицка, Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева и др.) и *функциональной стилистике* (М. Н. Кожина, А. Н. Васильева, Т. В. Матвеева, В. А. Салимовский, Е. А. Баженова, Н. В. Данилевская и др.), работы по *теории речевой деятельности* в связи с характеристикой газетно-публицистических жанров (М. М. Бахтин, Г. О. Винокур, В. Г. Костомаров, М. Н. Кожина, Г. Я. Солганик, К. А. Рогова, И. П. Лысакова, Л. М. Майданова, Э. В. Чепкина, В. И. Коньков, Л. Р. Дускаева, Н. И. Клушина и мн. другие).

Говоря о методах анализа, приходится признать, что в столь объемной и многоаспектной работе, как представленная, автор вынужден был по мере погружения в материал использовать самые разные методы и методики сообразно множественным аспектам рассмотрения изучаемых текстов и контекстов, то есть в силу многомерности самого дискурсного анализа. Мы перечислим эти методы, а затем коротко остановимся на процедуре анализа по оппозициям. В работе используются *общенаучный индуктивно-дедуктивный и описательно-аналитический методы* с их основными приемами (наблюдением, интерпретацией, обобщением и классификацией); *контекстологический подход*, при котором интертекстуальные связи устанавливались с привлечением смежных областей знания (философии, литературоведения и др.); *метод экстралингвистической интерпретации* фактов языка; *функциональный и структурный*

методы анализа; элементы *психолингвистического* подхода, предполагающего внимание к процессам порождения и восприятия речи; *метод когнитивного моделирования* с учетом фреймов, сценариев, схем и т.п. когнитивных в составе газетного дискурса; *сравнительно-сопоставительный метод* определения сходства и различия между видами оппозитивного дискурса. В соответствии с дискурсно-когнитивным направлением и целью исследования была выработана методика *концептуального анализа высказываний по оппозициям*.

Методика анализа по принципу выявления концептуальных, когнитивно-семантических оппозиций включала в себя следующие операции. Сначала в результате вчитывания в текст и оценивания слов в составе высказывания определялось, каково его конкретное содержание и очевидна ли оппозитивная интенция, лежащая в его основе. Затем отдельные смысловые фрагменты, в сжатой форме обозначающие включенные в семантику слова оппозитивные элементы содержания, вычленились для реконструкции когнитивной оппозиции (например, *жизнь/смерть*). В тех случаях, когда оппозитивные интенции говорящего были ясны без переформулирования, оппозиция выводилась из текста и фиксировалась в речевой форме без изменений (например, *большевики/Керенский*). В отдельных случаях применялся *метод компонентного анализа*, необходимый при выявлении оппозитивных элементов в значении слова «большевизм» («большевики»), диссонирующих с его обычным употреблением в языке, и *метод контекстуального анализа* оппозитивности, если речевой контекст усиливал в лексическом значении слова яркость тех компонентов, которые противоречат его общеязыковой семантике.

Структура исследования отвечает двум этапам работы и целиком включает семь глав.

Раздел I «Теоретические основы изучения газетного дискурса о России в газетах русского зарубежья 1917-1920 (22) гг.» состоит из пяти глав.

Глава 1-я «*Дискурсно-когнитивный анализ и понятие оппозитивного дискурса эпохи кризиса*» посвящена определению исходных теоретических положений исследования. Здесь вводятся основные понятия дискурсного анализа, строится полевая модель идеологического дискурса.

В Главе 2-й «*Изучаемый материал в русле научных знаний и представлений (эпистемологические контексты с прототипом "другой")*» дается краткий обзор направления развития отечественной социальной лингвистики, вынужденной в научном контексте считаться с политико-идеологическим диктатом власти в Советской России. Характеризуется доминирующее состояние научного контекста в рамках истории эмиграции, ее журналистики (2.1) и социологической лингвистики (2.2), в структуре метаязыка которых

находится объект нашего анализа. Последняя часть главы посвящена *когнитивному основанию* анализа формации газетного дискурса методом выявления оппозиций.

Глава 3-я «*Революционная эпоха как внешнее предметно-практическое поле оппозитивного дискурса*» отводится характеристике российской действительности в изучаемую эпоху. Часть главы содержит описание условий существования изданий в эпоху войн, в том числе источников получения информации (3.2). Анализируется метатекстовая структура речевого жанра новости, содержащая сведения об условиях работы информационных служб во время Первой мировой и Гражданской войн.

В Главе 4-й «*Социокультурный контекст и внутреннее ментально-психологическое поле оппозитивного дискурса*» в центре внимания сначала находится внешний социокультурный контекст, влияние культуры модернизма на российскую словесность и значение работ русских философов для некоторых газет зарубежья (4.1). Центральным раздел главы (4.2) отводится характеристике психологического модуса в механизме оппозитивности, процессу модализации высказываний. Раздел 4.3 включает сведения о типичной референт-ситуации и доминирующих фреймах в дискурсе антибЭГ.

Глава 5-я «*Проявление ментально-речевого механизма оппозитивности в газетном дискурсе русского зарубежья*» посвящена текстопорождающим аспектам оппозитивности. Описание дается в подразделах, соответствующих (по К. Бюлеру) фундаментальным отношениям в структуре коммуникации: оппозитивность рассматривается в текстах в аспекте репрезентации (5.1), апелляции (5.2), экспрессии (5.3). Особое внимание уделяется тенденции, связанной с «тиражированием» смысла всеобщности в пропагандистском газетном дискурсе.

Раздел II «Оппозитивная формация и специфика дискурса о России в прессе разных стран русского зарубежья» состоит из двух развернутых глав, посвященных описанию политизированных и неполитизированных видов дискурса эмигрантских газет по месту их географического размещения. Общим мериллом в ходе определения газетных разновидностей оппозитивного дискурса выступает отношение идеологического субъекта газеты к референту «большевизм».

Целью Главы 6-й «*Газетный дискурс с открыто выраженной оппозитивностью*» было выявление речевой и когнитивно-семантической специфики социальных разновидностей оппозитивного дискурса в Маньчжурии (6.1), в Америке (6.2), в Европе (6.3). В центре внимания находится концепт «большевизм», включающий представления об идеологеме *большевики (большевизм)*. Главным

критерием при выявлении разновидностей газет был критерий субъективно-идеологический (способ репрезентации, аргументирующий отношение к большевизму) и субъективно-модальный (мера интенсивности при выражении этого отношения). В разделе 6.4 выводится общая оппозитивная модель расхождения газет русского зарубежья, констатируется состоявшееся размежевание газет в 20-е годы.

Глава 7-я «Газетный дискурс с имплицитно выраженной оппозитивностью» целиком посвящена описанию особенностей дискурса торгово-промышленной газеты «Скандинавский листок» (в нашем описании «коммерческий дискурс»). Рассматривается история издания, его идеологическая направленность. Внимание привлечено к имплицитным, дипломатично сглаженным в текстах оппозициям, связанным с политико-торговыми условиями взаимодействия воюющей России и нейтральной Швеции.

В конце книги расположены *Заключение, Примечания, Сокращения, Список источников, Литература* и раздел *Приложение*.

Последний раздел дополняет содержание изложенного в книге новыми связями концептов «антимир» и «болезнь» в печати русского зарубежья в 30-х гг. и подспудным освоением тех же концептов в дискурсе современной массовой культуры.

¹ Конфликтотен – любой предмет, идея, взгляд, элемент поведения, выявляющий разность оценок конфликтующих сторон.

² Слова Ж.-Ж. Куртина приводит в своем обзоре П. Серию. См: *Квадратура смысла* : Французская школа анализа дискурса / общ. ред. и вступ. ст. П. Серию; предисл. Ю. С. Степанова. М., 1999. С. 31.

³ *Демьянков В. З.* Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык средств массовой информации. М.: Академический Проект; Альма Матер. 2008. С. 376.

⁴ См. книгу: *Dijk, Teun Van.* Ideology A Multidisciplinary Approach. London: Sage, 1998 (Текст : А. Дерябин, пер. с англ., 31 May, 1999). URL: <http://www.psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm> (13.06.2008).

⁵ Автор обнаружил в архиве «Отчет отделения распределения литературы (Агитпропотдел ЦК РКП(б) за июнь и с 1 по 15 июля 1921 года».

⁶ Пожар в Библиотеке Российской Академии наук в С.-Петербурге с 14 на 15 февраля 1988 г. уничтожил треть газетного фонда. Особенно пострадало собрание газет периода Гражданской войны.

⁷ М. Фуко считал высказываниями даже классификационные таблицы ботанических видов, генеалогическое древо, бухгалтерскую книгу, учет торгового баланса и т.п.

⁸ Сведения: Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках С.-Петербурга (1917-1995 гг.). / 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во РНБ, 1996. 199 с.

⁹ Газета «Вестник Северо-Западной армии» – единственный источник, не относящийся напрямую к эмигрантским, но дискурсивно, по характеру издания к ним примыкающий и расположенный к тому времени за рубежом (г. Нарва).

¹⁰ О влиянии идеологии на «имя» газеты см.: *Кравец Т. И.* Название газеты : ономазиологический и стилистический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 22 с.

¹¹ *Суяров А. В.* Печать русского зарубежья в 20-30-е гг. // Журналистика в 1996 г. : Средства массовой информации в постсоветском обществе : тезисы науч.-практ. конф. Часть 5. М., 1997. С. 53-55; *Бойко А. А., Гордиенко В. А.* Особенности религиозно-философской публицистики в журнале «Путь» // Там же. С. 57-58; *Краснова Т. И.* Типы эмигрантских газет 1918 года по содержанию-идеологическим признакам : опыт изучения содержания и формы // Вестник С.-Петерб. ун-та, 1995. Серия 2. Вып. 2. (№ 9). С. 110-113; *Русская эмиграция в Китае и на Дальнем Востоке (1920-1945)* : тезисы и матер. науч. конф. РГПУ им. А. И. Герцена, 22-23 янв. 1997 г. / под ред. В. И. Старцева. СПб.: Минерва, 1997. 17 с.; *История журналистики русского зарубежья XIX–XX веков* : тезисы науч. конф. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. 51 с.; *История журналистики русского зарубежья XIX–XX веков* : матер. 2-й науч. конф. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 52 с.

¹² Помимо индивидуальных собраний в библиотеках, существуют два основных хранилища архивов эмиграции на западе (в США): *Гуверовский институт* в Стэнфордском университете и *Бахметьевский архив* русской и восточно-европейской истории и культуры в Колумбийском университете.

¹³ Особенно велик вклад в историю русского зарубежья со стороны библиографии. В Париже, Мюнхене, Бостоне и др. городах Европы и Америки изданы сводные каталоги эмигрантской периодики за весь период ее существования. В качестве примера укажем: *Русская эмиграция в Европе* : сводный каталог периодич. изданий: В 2 т. Т. 1: 1855-1940 / Сост. Т. А. Осоргина-Бакунина: В 2 ч. Ч. 1: 1855-1917, февр. Ч. 2: 1917, февр. 1940. Париж, 1981. Т. 2: 1940-1970 / Сост. А. Волкова. Париж, 1981. См. также: *Жирков Г. В.* Между двух войн : журналистика русского зарубежья. 1920-1940 годы : учеб. пос. / Г. В. Жирков. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998; раздел «Библиография». С. 185 и др.

¹⁴ *Магеровский Л.* Библиография газетных собраний Русского исторического архива за годы 1917-1921. Прага, 1939 (Репринт).

¹⁵ *Schlogel, Karl* (Hrsgb.). Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941 : Leben im europaischen Burgerkrieg / Hrsgb. Karl Schlogel. Berlin: Academ. Verl., 1995.

¹⁶ *Zelenin, Aleksandr.* The Language of the Russian Émigré periodical press in the 1920s and 30s // Nordiska Slavistmötet, XIV (Helsinki) 1997.

¹⁷ *Культурное наследие российской эмиграции : 1917-1940.* В 2-х кн. М., 1994; *Культура* российского зарубежья. М., 1995. 219 с; *Русские философы* (конец XIX – середина XX века) : Антология. Вып. 1. М.: Изд-во «Кн. палата», 1993. 368 с.; Вып. 2. М.: Изд-во «Кн. палата», 1994. 424 с.; *Русское зарубежье* / Сост. Л. И. Филиппова. Якутск: Изд-во Якутск. ун-та, 1992; *Русское литературное зарубежье* : сб. обзоров и матер. М., 1991. Вып. 1 и др.

¹⁸ См., например, обзор «Ведущие газеты русского зарубежья» в книге «Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков» (СПб., 2003), где идет

речь об эмигрантских газетах во Франции («Последние новости», «Возрождение»), о газетах эсеров в Германии («Дни», «Воля России», «Руль»).

¹⁹ Реброва И. В. Концепт Пророк в литературно-критическом дискурсе газеты «Руль» (нач. 20-х гг. XX ст.). СПб., 2000. См. также: Харина Н. А. Общественная позиция газеты «Руль» (1920-1923) // Русская и зарубежная журналистика : сб. СПб., 1996. С. 19-30.

²⁰ По Ч. У. Моррису, прагматика имеет дело «со всеми психологическими, биологическими и социологическими явлениями, которые наблюдаются при функционировании знаков». Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга. 2001. С. 71.

²¹ Теория К. Бюлера впервые изложена в книге «Критическое исследование новейших теорий предложения», написанной им в 1918 г. и опубликованной в 1920-м. См.: Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 2001. С. XIV.

²² Булыгина Т. В., Леонтьев А. А. Карл Бюлер : жизнь и творчество. Вступительная статья // Бюлер К. – Указ. соч. С. XIV.

Р а з д е л I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИСКУРСА О РОССИИ В ГАЗЕТАХ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1917-1920(22) гг.

Осмысление процессов, прямо или косвенно включающих понятие дискурсного анализа, содержится в работах целого ряда ученых, занятых изучением современных проблем коммуникации. Среди них: Богданов 1990, Карасик 1992, Макаров 1998 (конститутивные признаки дискурса); Чепкина 2001 (текстопорождающие практики и «коды» как след дискурсивных практик); Дускаева 2004, Чернявская 2004 (диалогическая среда существования газеты, интерактивный способ речевого взаимодействия); Прохоров 2004 (уточнение понятия «дискурс» в ряду смежных с ним понятий); Лейчик 2009 (обзор истории развития понятия «дискурс», характеристика его видов). Различными исследованиями, связанными со структурой дискурса или близкими к ней речевыми объектами, занимались Е. В. Падучева, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов и Г. Е. Крейдлин, М. Н. Кожина, Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. С. Степанов и многие другие. Обобщая научные положения, принадлежащие отечественным и зарубежным ученым, в качестве исходных для определения понятия «дискурс» выведем следующие.

- Дискурс – это *социокультурный* термин, поскольку особо оговаривается необходимость учитывать всю совокупность культурных условий и обстоятельств, способствующих его функционированию (Т. Ван-Дейк, Н. Ферклу, М. Фуко, М. Пешё, П. Серию и др.). В то же время дискурс – категория *когнитивного* и *лингвосоциального* направлений в исследованиях языка и речи, а дискурс-анализ – *междисциплинарная* область познания, находящаяся на стыке многих дисциплин (Е. С. Кубрякова, Б. М. Гаспаров, Ю. С. Степанов, М. Н. Володина и др.).

- Дискурс – это *гетерогенное* образование, где могут пересекаться несколько дискурсов, или «интердискурсов»; образование, где «в качестве конститутивного начала присутствует *Другой*» (М. Пешё). Дискурс – это способ оперирования языком, способ передачи информации, а не средство ее накопления (М. Дымарский). Как способ оперирования языком в передаче знаний дискурс является *интегративной* единицей речевого взаимодействия, находящей отражение в своем информационном следе – устном/письменном тексте (П. В. Зернецкий, В. В. Красных, Ю. Е. Прохоров и мн. др.).

Заранее оговорим принятые в работе наименования объекта. Газетный дискурс русского зарубежья обозначен сокращенно «ЭГ-

дискурс» (эмигрантский газетный дискурс). В качестве видового понятия он входит в состав категории «политический дискурс». Широкое понимание этого термина позволяет любой газетный дискурс считать политическим. Но мы придерживаемся наименования «идеологический дискурс» и далее вводим понятие «идеологический субъект газеты» (ИС газеты). Для описания материала важно было обозначить степень политизации газет: используются наименования «политизированные» и «неполитизированные» газеты.

В центре внимания в Разделе I исследования – **условия порождения оппозитивного дискурса**, внешний и внутренний контекст в качестве глубинной речевой основы газетного дискурса. Притом что процесс порождения заданных в поле дискурса единиц связан с рассмотрением проблемы связи языка и идеологии – главного аспекта изучения дискурсной семантики. В задачу главы 1-й входит попытка когнитивной характеристики понятия «дискурс» с построением его полевой модели для целей последующего описания газетного дискурса.

Глава 1. Дискурсно-когнитивный анализ и понятие оппозитивного дискурса эпохи кризиса

Явление оппозитивности в газетном дискурсе русского зарубежья нами рассматривается, во-первых, как знаковое (иконическое) отображение *мира действительности* в эпоху войн и, во-вторых, – как вербальное выражение *внутреннего состояния, реакции группового субъекта* в связи с характером этой действительности в России. Но как объединить две таких разных стороны дискурса в процессе анализа? Каким должен быть этот анализ с учетом плотного слоистого «тела» газетного дискурса? Решению этих и других вопросов анализа посвящена данная глава.

1.1. Политико-идеологический и когнитивный подходы к анализу газетного дискурса о России

Перейдем к изложению предварительных для анализа газетного дискурса представлений, связанных в работе с трактовкой термина «идеология» и подходом к ее когнитивно-семантическому рассмотрению.

1.1.1. Концепции идеологии в отношении к анализу дискурса

В литературе обычно идет речь о двух концепциях идеологии – политической и семиотической [НФС 1998, Волков 2010, Алпатов

2004, Волошинов 1995, Барт 2001]. Наш материал и его анализ имеет отношение к обеим концепциям идеологии.

Политическая концепция традиционно подразумевает под идеологией *совокупность идей, мифов, преданий, политических лозунгов, программных документов партий, а также философских концепций*. Данное понимание идеологии исходит из определенным образом познанной и «сконструированной» реальности, ориентировано на человеческие практические интересы и имеет целью манипулирование и управление людьми путем воздействия на их сознание [НФС 1998 : 256]. Таким образом, в самом наличии той или иной политической идеологии уже содержится в некотором роде конфликт, или оппозиция, по отношению к другому: к другой идеологии, к другой группе интересов. Апогея такой конфликт достигает в *идеологии классовой борьбы*, которая определяет весь смысл деятельности революционеров. Расхождения по части содержания и методов такой борьбы были разительными. Большая часть оппозиции за рубежом видела инструментом желаемых политических изменений в России *Учредительное собрание*, ликвидированное большевиками. Вопрос об идеологии, насаждаемой большевиками в России, практике ее воплощения в жизнь – коренной вопрос в оценке российских событий в газетах русского зарубежья. В воюющей стране действовали факторы совершенно специфические, прямо связанные с политической идеологией большевизма. Добавим следующее: политическое течение *б о л ь ш е в и з м а* было теорией и тактикой пролетарской революции, теорией и тактикой диктатуры пролетариата *в о в с е м и р н о м м а с ш т а б е*. Борьба и война, которую вели большевики в 1917-1922 гг. со своими противниками, была не только борьбой за власть в государстве, но и в значительной степени – борьбой за утверждение своей идеологии во всем мире. Время было подходящее. Друг за другом произошли революции в России (1905), в Турции (1908), опять в России (февраль 1917, октябрь 1917), в Болгарии (сентябрь 1918), в Германии (ноябрь 1918), в Венгрии (март 1919), в Греции (1922).

По С. В. Волкову, сценарий насильственной смены власти берет в расчет агрессивную толпу, которая, захватывая государственные учреждения, дает возможность своим руководителям провозгласить новую власть. Удастся это в зависимости от ситуации (наличие подходящего момента, степень решимости старой власти к сопротивлению, его возможности). Главными причинами революции называют «отсутствие власти», неадекватность ее ответов на вызовы агрессивной толпы и экстремистов, непонимание властями сути происходящего, недооценка деятельности революционеров («людей политических»)¹.

На фоне событий Первой мировой войны и революции социаль-

ное положение в России не просто ухудшалось. Оно усугублялось утверждением идеи расправы с классовым врагом или «борьбой нового типа» [Волков 2010 : 139]. Отмечается, что Гражданская война была не просто вооруженной борьбой двух группировок (белые и красные), а политической борьбой между идеологией классовой ненависти и идеологией национального единства. Конфронтация внутри одного народа стимулировалась экстремистски толкуемой идеей «социальной справедливости» и кампанией «красного террора». Он проводился по социальному признаку с ликвидацией тех сословий и групп, которые считались препятствием для достижения целей одной партии. О п о з и ц и о н н а я политическая журналистика русского зарубежья в лице Вл. Бурцева зафиксировала это положение в газете «Общее дело». Учтем при этом, что с 60-х гг. XIX в. два поколения (включая эмигрантов) выросли в среде нигилистических настроений. Три российские революции считались закономерным итогом многолетней революционной борьбы, построенной на создании разветвленной сети ячеек, на политической пропаганде и журналистике, даже на моде, которая оказывала влияние на настроения политических верхов. Некоторые газеты русского зарубежья были политически ангажированными изданиями.

И все же до некоторых пор (пожалуй, до начала массового исхода) основная часть русского зарубежья пребывает в некоем «аквариуме» стабильности, известной отстраненности от событий в России². Деятельность большинства газет русской диаспоры по месту пребывания заключалась в *другом*, и решали они *свои* задачи. Это была деятельность локальных субъектов политики, ориентированных на местную власть и жизненные интересы диаспоры. По отношению к событиям в России газеты проявили себя в разной роли: в качестве *критиков* установившегося режима большевиков, *защитников* режима, заинтересованных *наблюдателей* происходящего в России. В европейской торгово-промышленной газете применялась *идеологическая практика умолчания*. При таком разнообразии фактов речевого поведения в словесной культуре исследователь осознает необходимость более широкой концепции идеологии, нежели политическая, необходимость иного способа ее описания и объяснения.

Семиотическая концепция появилась благодаря нестандартному толкованию идеологии М. М. Бахтиным. В результате понятие оказалось извлеченным из классово-политического контекста. «Идеологическое» для Бахтина – *синоним знакового вообще*. По существующему мнению [Алпатов 2004 : 211], областью идеологии ученый считал в основном сферу духовной культуры, ценностного бытия, область социального общения. В результате на первом плане оказалось то, что лингвистика почти никогда не изучала: 1) «пред-

метно-смысловый и экспрессивный кругозоры», 2) «различия осмысления элементов языка», 3) «социально-идеологическая, смысловая конъюнктура», различия «лозунгов, брани и похвалы» [Там же]. Данная концепция идеологии является основополагающей для изучения газетного дискурса. Ведь речь идет о доминирующих идеях, которые выражаются с помощью языка в том или ином социально-бытовом контексте. Примечательно также, что существует «метаязыковая» концепция идеологии Р. Барта, который в «Мифологиях» (1957 г.) объединил миф и идеологию, называя их «метаязыком» [Барт 2001 : 336 и сл.]. Он не считал целесообразным проводить между идеологией и мифом семиотическое разграничение, определяя идеологию как *введенное в рамки общей истории и отвечающее тем или иным социальным интересам мифическое построение*. Эта концепция имеет отношение прежде всего к политике. Согласно Барту, задача политического письма состоит в том, чтобы «в один прием соединить реальность фактов с идеальностью целей» [Там же]. Власть вырабатывает «аксиологическое письмо», в котором слово одновременно становится и средством констатации факта и его оценкой.

В СМИ в л а с т ь проявляет свой ступенчатый характер: «автор имеет власть над читателем или зрителем, автора в свою очередь контролирует редакция, а редакция – ее владетель» [Fairclough 1989 : 50-51; цит. по Алпатов 2004]. Выделяются два вида власти в связи с функционированием языка: власть в дискурсе и власть за дискурсом. В этом смысле можно говорить об идеологичности любого текста. Однако не всегда прямо идеологизирован сам текст. Идеология может быть сосредоточена в его предпосылках, в пресуппозиции, в контексте.

Поясним, чем отличается идеологическая деятельность в среде журналистики.

По В. Н. Волошинову (М. М. Бахтину), в соответствии с внутренним миром человека и возможностями его выражения могут быть выделены три пласта идеологии [Волошинов 1995]. Первый – *жизненный пласт* (узкие, смутные, изменчивые слои так наз. «общественной психологии» с совокупностью разных жизненных переживаний). Второй – *сложившиеся пласты идеологических систем* (науки, искусства, религии, общественной морали, права и т.д.), оказывающие сильное обратное влияние на низший пласт, «задающие тон» жизненной идеологии. Между ними расположен третий пласт – *слои идеологий, примыкающих к сложившимся системам* в качестве существенного и ответственного пласта. Этот пласт идеологического ближе всего к журналистской деятельности, носит творческий характер, включая знаковые элементы разных идеологий и специализированных пластов выражения. Такой пласт обладает способностью накапливать «те творческие энергии, с помощью кото-

рых происходят частичные или радикальные перестройки идеологических систем» [Волошинов 1995 : 309].

Процесс идеологизации высказываний связан с употреблением социально-эффективных символов – *идеологем*. М. М. Бахтин использовал термин «идеологема» для обозначения объективно существующих *форм* идеологии. Впоследствии Ю. Кристева применяла для исследования идеологии термин Бахтина «идеологема» в значении, близком «эпистеме» Фуко или «интердискурсу» М. Пешё. Идеологема определялась ею в качестве «интертекстуальной функции, придающей тексту социальные и исторические координаты, а также связывающей текст с прочими практиками означивания, составляющими его культурное пространство» [НФС 1998 : 257]. Интеллигенция, работающая в средствах массовой информации на поприще идеологической пропаганды является главным проводником и первым потребителем идеологем. Тогда как в массовом сознании роль ведущей идеологемы выполняет *мифологема*, то есть популярная, социально значимая идеологема, которая активно участвует в формировании мировоззрения и поведения людей.

По Волошинову (Бахтину), исключительная роль слова как среды сознания объясняется его способностью сопровождать всякий идеологический акт. При этом должно учитываться соотношение слов и концептов, постижение неких структур знания вместе со словами. Целью семантического описания дискурса является *описание процессов, от которых зависит расположение слов в дискурсе*. Но семантика дискурса не выводится только из лингвистики. Составной частью всякого дискурса является «не-высказывание» [Серио 1999 : 36]. Сравните суждение М. Пешё, Кл. Арош и П. Анри: «Идеологические формации <...> содержат по необходимости в качестве своих составных частей одну или несколько взаимосвязанных дискурсных формаций, которые определяют то, что может и должно быть сказано...» [Квадратура 1999 : 38]. Речь идет о гетерогенности объекта, о вплетении предшествующих дискурсных пластов в газетный дискурс.

Таким образом, изучение идеологической формации дискурса в газетах русского зарубежья связано не только с проблемой методики когнитивно-семантического описания, но прежде всего с интегральным подходом к анализу такого сложного объекта, каким является дискурс.

1.1.2. Соотношение «текст ↔ дискурс ↔ действительность»

В предварительном порядке мы, вслед за Ю. Е. Прохоровым [2004], рассматриваем *дискурс* как «экстравертивную фигуру»³ коммуникации, которая отображает одну из конфигураций действительности и существует в газетных текстах в соответствии с этой

конфигурацией как социально обусловленное концептуальное представление о действительности через речь. Стереотипное ментальное – вот что содержит экстравертивная фигура дискурса, связанная с тем или иным общественным сознанием. Стереотипное семантико-речевое – вот что связывает фигуру социального дискурса с тем или иным текстом⁴.

Основной единицей изучения при анализе газетного дискурса является Текст (Высказывание). *Во-первых*, Текст в широком смысле – основная единица коммуникации (по Г. Вайриху – первичный способ существования языка). В статусе таковой Текст оказывает влияние на особенности формации и на существование дискурса как экстравертивной фигуры коммуникации: благодаря текстам, функционирование оппозитивного дискурса складывается как «умеренный» или «радикальный», «аффективный» или «нейтральный» способ существования идеологии по отношению к большевизму. *Во вторых*, Текст – единица, обладающая референцией [Бенвенист 1974; Барт 1978; Красных 1998; Прохоров 2004 и др.], и в этом своем качестве он способствует образованию конвенциональных форм отображения типичных референт-ситуаций в дискурсе (содержит формы скриптов, фреймов и т.п.).

В третьих, как явление действительности Текст многофункционален по своему социальному назначению. «Текст это и средство коммуникации, и способ хранения и передачи информации, и отражение психической жизни индивида, и продукт определенной исторической эпохи, и форма существования культуры, и отражение определенных социокультурных традиций и т. д.» [Красных 2001 : 205]. Поэтому, вероятно, Текст часто смешивается с Дискурсом, хотя это равноположенные понятия. Просто интерпретация текстов должна принимать во внимание способ функционирования дискурсов: ведь тексты являются продуктом идеологической работы. Именно поэтому анализ дискурса «стремится превращаться в подлинную дисциплину текстового анализа» [Серио 1999 : 17]. Мы поддерживаем и другое утверждение. Оно принадлежит Ю. Е. Прохорову. Рассматривать взаимосвязь текста и дискурса можно только «сверху» – от более высокого уровня обобщения, в которое они на равных входят; а выше – действительность и реальная коммуникация в ней. **Текст и дискурс** «появляются от них», если можно так выразиться – как **участники ответного состояния взаимодействия**⁵. Дискурс находится в зависимости от функционирующих в действительности текстов, близких ему по теме (топику). Но и текст (уточним: текстообразование) испытывает влияние способа организации уже существующих в социуме дискурсов. При этом утверждается примат «фигуры Действительности». По мнению Ю. Е. Прохорова, это не «вообще действительность» (или «вся

действительность»), а некоторый ее фрагмент определенной конфигурации [Прохоров 2004 : 34]. В газетах эпохи кризиса конфигурация действительности имеет обостренный характер. Но **увидеть и показать реальную взаимосвязь «фигуры» действительности, текста и дискурса можно, изучая лишь большой корпус текстов вместе с широким внешним контекстом и его референтами.**

С другой стороны, дискурс обладает своей внутренней спецификой. Она состоит в том, что дискурс содержит идеологически связывающую его «концептуальную нить» и качественно-количественные показатели своей протяженности, включая так называемые «диагональные высказывания». Такие высказывания могут свидетельствовать о внутренней диалогичности дискурса, об однородности или неустойчивости его идеологического содержания. *Диагональные высказывания* – это повторяющиеся «важные высказывания, устные и письменные, относящиеся к определенной области знания в определенную эпоху с точки зрения идеологии и образа мысли» [Le petit Larousse 1995 : 345; цит. по статье: Лейчик 2009 : 64]. Диагональные высказывания, лежащие в основе многих дискурсов, придают значительную степень единства определенной эпохе, образуя общий фон различных социальных «регистров» [ср. История ментальностей 1996 : 70]. Таким диагональным высказыванием в газетах РЗ выступает реализованный тезис-концепт «Большевизм – преступление», присущий текстам радикального антибольшевистского дискурса и распространенный на территориях Европы, Маньчжурии, Америки. Другой реализованный концептуальный тезис⁶ «Большевизм – надежда пролетариата всех стран» объединяет большевистский дискурс в России и пробольшевистский дискурс анархистского толка в Америке. Решающую роль играет пропагандистская информация. Ее канву в газетах русского зарубежья составляют сообщения о российских событиях, фактах и комментарии, оценки. *Активированная идеология*, или *пропаганда*, понимается нами в духе господствующих в дискурсе идеологем. Оценка, выражаемая в текстах, посвященных России, отражает цели политической борьбы, противостояние идеологий, потребности «позитивной идейной и моральной самопрезентации, часто связанной со стремлением к компрометации оппонента» [Культура русской речи 1998 : 257].

Для обозначения условного «субъекта идеологии» используется указанное выше наименование «идеологический субъект газеты» (ИС газеты). Он отождествляется в нашем представлении с позицией исполнителя, проводника данной идеологии (журналист, редактор); реже ИС выступает в качестве инициатора, идеологическогодемиурга издания (таким идеологом, по-видимому, был Вл. Бурцев). Демиург, или конститутивный ИС, имеет отношение

к политическим вождям как ведущим представителям политических движений⁷. В текстах газетного дискурса **идеологический субъект не отождествляется с личностным аспектом проводимой идеологии**. Ведущую роль играет дискурсная категория «позиция субъекта».

1.1.3. Дискурсный статус понятий «идеологический субъект» и «позиция субъекта»

Под идеологическим субъектом газетного дискурса у нас понимается абстрактный субъект, или *тот условный субъект, кому может принадлежать данный дискурс*. Субъект «кристаллизуется» в дискурсе и существует в коммуникативном пространстве «по диагонали», то есть во множестве текстов-высказываний. Согласно М. Фуко, он «остается единым и, вместе с тем, открытым повторениям, трансформациям, реактивациям» [Фуко 1996 : 14]. В журналистике русского зарубежья элементы субъективированной идеологии проявились в характере ответных отношений к событиям в России: во-первых, они есть в самом факте отбора публикаций материалов из России; во вторых, они усматриваются в речевом контексте их подачи местному читателю. Характер ответственности в немалой степени зависел от влияния внешних и местных социально-политических факторов (подробнее в Разделе II).

В рамках конкретного описания абстрактный идеологический субъект, выступающий у нас под названием «ИС газеты», рассматривается в качестве *условного субъекта-оператора*, влияющего на актуализацию значимых смыслов.

Подчеркнем социокультурную конструкцию понятия идеологический субъект, обратившись к работе Г. Г. Шпета «Внутренняя форма слова» (книга писалась в 1914-1919 гг., издана в 1927 г.).

Первое. Согласно Г. Г. Шпету, смысл сообщаемого понимается благодаря наличию соответствующего идеала, относимого логически к действительности как ее «идеальный проект» – в нашей терминологии «преконструкт». Идеал предудказывает соответствующие «правила формации» сообщаемого. В газете мы имеем дело с *идеологическим субъектом риторического типа*. Такой субъект практичен, причем его практичность «неразлучна с действием через впечатление», с экспрессивностью. Сообщение для прагматических целей – это прежде всего «моральное воздействие на воспринимающего сообщение» [Шпет 2006 : 176]. Отметим: для риторического типа воздействия в *антибольшевистской печати* РЗ критерий морали остается верховным. Пафос обвинения большевизма как разрушителя норм общечеловеческой, христианской морали (типичный прекоконструкт) преобладает в антибЭГ-дискурсе независимо от

места печатного органа. Другую ситуацию можно наблюдать в *про-большевистской* печати: здесь элементы верховного, христианского знания связаны с конструкцией классовой идеологии справедливости.

Второе. Изучая газету, мы можем рассматривать ее как *культурно-социальный субъект*⁸. Все акции и реакции субъекта могут рассматриваться, по Г. Г. Шпету, как «культурно-социальные акты его переживаний». При таких условиях идеологический субъект газеты в то же время *объект*, но объект специфический, если смотреть на сознание газеты как на часть действительного бытия. Этот социальный объект характеризуется «запасом содержания», включая интенциональное. Субъективность, по Г. Г. Шпету, может пониматься как стратегическая экспрессия, объективированная в формах языка. Речь идет об описании культурно зависимых психологических и языковых структур. «Правильнее и осторожнее здесь было бы говорить о социально-культурной относительности самого субъекта, как специфического объекта», – отмечает Г. Г. Шпет [Там же 2006 : 199].

Блиzkих взглядов к пониманию социокультурной относительности субъекта придерживался Н. С. Трубецкой в своей «персонологии». Для него коллективный субъект – это большая группа субъектов, которые мыслят сходным образом⁹. Индивидуальная личность выступает как репрезентант коллектива. С другой стороны, слово или выражение выступает как «лицо субъекта», а его объективация в тексте – это социальное явление, предмет истории и социологии.

Понятие «позиция субъекта» в дискурсе. Можно утверждать, что в дискурсе наблюдаются идеологические позиции, которые характеризуют не отдельных индивидов, а целые политические формации, вступившие или вступающие в отношения антагонизма. Каждая из таких формаций представляет собой совокупность позиций и репрезентаций, которые являются более или менее специфическими. Их специфика в характере «преконструкта», который содержит по-своему интерпретируемый концепт «борьба» и определяет ограничительную рамку в развертывании смыслов дискурса. Эта рамка включает первичные формулы – источники конфликта, «заготовку» для дискурсной формации. Механизм конструирования такой формации и, в целом – дискурсного пространства обозначил Ж.-Ж. Куртин: «С помощью цитирования, повторного цитирования и образования прекоконструкта объекты дискурса, которыми овладевает высказывание, приписывая их субъекту акта высказывания, обретают референтную стабильность в области памяти, создаваемой пространством рекуррентных формул» [Куртин 1999 : 99]. Верти-

кальность (сфера памяти) говорения проявляется в виде прекоконструктов «уже сказанного», и это сказанное служит целям идеологического п р и н у ж д е н и я . Пример из антибольшевистской газеты:

Иногда и в личных беседах, и в общественных местах мне приходится слышать, как вы, молодежь, слишком легко отзываетесь о нашем вожде: «он слаб... *Надо вешать...*» и проч. **Вы ошибаетесь**, вы принимаете за слабость – мудрость. **Вспомните, что то же говорили о Кутузове: слаб старик – надо бить врага, а он все чего-то выжидает. Но победил все-таки Кутузов** (В. С-З. арм., 1919).

М. Пешё описывает прекоконструкт как след в самом дискурсе предшествующих дискурсов (или интердискурсов), поставивших «сырьё» для дискурсной формации, с которым для субъекта связан эффект очевидности. В статусе прекоконструкта интердискурс детерминирует субъекта, «навязывая и одновременно скрывая его подчинение под видимостью независимости» [Квадратура 1999 : 46]. Пример, показательный для действия враждебной стороны:

«Красный террор, – заявил Зиновьев, – сильное средство, но ослабление “нажима” **не может быть**. <...> **Теперь выясняется окончательно, что только партия коммунистов может свободно существовать**. Других партий мы **не можем терпеть**» (аплодисменты) (ОД 1919, 2 апр.).

Таким образом, черты субъекта, которые его определяют, вписаны непосредственно в сам дискурс. **Дискурс – это специфическая область сознательного и бессознательного, превращающая субъекта в подданного**¹⁰. Появились рассуждения о *стирании* субъекта высказывания, что, по мнению П. Серио, вскрывало способность идеологических дискурсов к подражанию научному дискурсу¹¹. Французская школа анализа дискурса пришла к выводу: на уровне дискурса субъект не находится в центре анализа, т. е. не рассматривается как источник производимого смысла и не считается ответственным за него, хотя и мыслится как составная часть процесса производства смысла. Вместе с тем, в дискурсном процессе функционирует ряд воображаемых построений, представляющих позиции, которые субъект приписывает себе и *другому*. Поэтому образ собственной позиции субъекта и позиции *другого*, созданный идеологическим субъектом, может стать предметом дискурсного анализа.

В свете сказанного у нашего читателя может возникнуть ощущение противоречия между публицистической яркостью, порой аффективностью, изучаемого материала газет и тезисом об условности (или абстрактности) идеологического субъекта дискурса. Это противоречие преодолевается пониманием того, что категория субъекта отвлечена в дискурсный конструкт благодаря устойчивости ее идео-

логической позиции при всех множественных проявлениях риторического образа говорящего. *Институционные рамки* ограничивают деятельность субъектов высказываний. При этом идеологическим «институтом» производства запретов выступает «любой организм, который накладывает ограничения на действие высказывательной функции» [Серио 1999 : 29]. Это может быть статус не только ИС высказывания, но и статус идеологического адресата (таким для региональных газет был фактор власти на местах). Это может быть ограничение содержания того, что можно и должно говорить (в духе *анти-, про-*большевизма или, например, в духе коммерческой выгоды). Ограничителями свободы действий могут быть обстоятельства акта высказывания, законные для той или иной позиции (например, сдержанный вид реакции на деятельность *других*, не обязательно вербальную). Приведем характерный пример из газеты «Голос труженика» (Чикаго 1919). Газета на законных основаниях публикует факты вмешательства правительства в неудобное ему положение дел. Они даются в виде констатации. Идеологически двусмысленным выступает сам подбор фактов. Он говорит не только о регулирующей деятельности власти, но также о форме сопротивления власти под названием «go slow», которая пропагандировалась в газете «Голос труженика». Сравните:

- Мельбурн, 23 февр. – Федеральное правительство **приняло меры, чтобы помешать** высадке большевиков и других нежелательных. Правительство также **рассчитало** 500 судостроительных рабочих на острове Кокату, **применявших вид саботажа**, называющийся «го слоу» (работать не спеша).

- Объединяйтесь! Бросайте работу не одиночками, а твердо спянной массой...

Возможна некая концепция «точки зарождения» акта высказывания. Эта точка понимается не как субъективная форма, а как *п о з и ц и я*, в которой на уровне дискурса субъекты высказывания могут быть взаимозаменяемы. В любом случае в дискурсе ощущается наличие концептуального ядра с устойчивым смыслом. Функционирование дискурса по отношению к самому себе, то есть совокупность явлений «коррелации» дает дискурсу то, что можно назвать «нитью дискурса», а называют «интрадискурсом». Интрадискурс осуществляет *концептуальное* начало дискурсной цепи. При этом идеология, являясь интерпретацией смысла в определенном направлении, порождает избыток информации, которая и дает эффект очевидности. Одним из примеров является широкая представленность концептуализированных фреймов в ЭГ-дискурсе. Главный из них строевой фрейм – «*Политическая борьба*».

В исследованном газетном дискурсе происходит модификация фрейма с концептом «борьба» в зависимости от идеологической разновидности дискурса (подробнее в основной части работы). В условиях войны, то есть вооруженной борьбы между государствами или вражды между классами, отдельными группировками и лицами – общим для всех видов дискурса является оппозитивный способ ментальной и вербальной репрезентации данного положения. В целом борьбу можно понимать как своего рода состязательную деятельность, в которой онтологически заложены отношения концептуальной противоположности. В любой борьбе предполагаются не просто участники, а *соперники* (противники, враги); существуют те или иные *инструменты* борьбы (вооруженное вмешательство, терроризм; в их число входит радикальный вид идеологии). Предполагается и потенциальная роль *наблюдателя* событий с идеологией невмешательства (такова позиция торгово-промышленного издания в нашем материале).

На всех этапах развертывания дискурса с фреймом «борьба» направление означивания задает политико-идеологическая оценка. При всем объеме изучаемого материала выбор ее идеологических вариантов невелик. Оценки большевизма отражают **три основные позиции** политических субъектов: *пробольшеvistскую* позицию, *антибольшеvistскую* позицию и *нейтральную* позицию (политическое умолчание в торгово-промышленном издании 1917-1918 гг.). Поддержка именно таких стратегий информирования в газетах оказывается главным основанием для группировки изданий по идеологическим видам дискурса. При этом языковые формы рассматриваются как средство реализации культурно обусловленных значений, отражающих разделяемые членами общества оценки и ценностные ориентации, иными словами – отражающими групповые интересы в социокультурном контексте.

Изучением речевых актов и тех контекстов, в которых они реализуются, занимается прагматика. Вопрос о контексте – один из главных при анализе дискурса. Контекст в значительной степени обеспечивает интерпретацию текстов, во всяком случае дает ей направление. К тому же с помощью операционального понятия «контекст» можно попытаться охватить представление о дискурсе как явлении, имеющем полевою структуру, а значит – явлении многоплановом и целостном одновременно.

1.2. Целостный контекстологический подход и полевая модель газетного дискурса

Контексту уделяется внимание в разных подразделениях данной работы. Но главным для проведения исследования стал вопрос о возможности полноценного анализа дискурса с учетом многих

факторов – внешних и неоднозначного человеческого. Операциональное понятие контекста позволяет искусственно выделить разные ипостаси одного явления, временно забывая об их синтезе, прирожденной нерасчлененности в дискурсе. Обратимся к принципиальным для нас трактовкам понятия контекст.

1.2.1. Контекст и дискурс

В длинной истории бытования понятия в научной литературе за термином «контекст» закрепился ряд интерпретирующих синонимов, или аналогов. К ним относятся «окружение», «среда», «поле», «фон», «действительность» (ниже мы используем синоним «поле», о чем далее). В целом трактовка контекста строится на идее Бюлера о наличии у человека – в его психологическом восприятии – понятий-ощущений *фигуры* и *фона*. В 1920-е гг. была разработана теория знаковых ситуаций (*sign situation*), введены понятия внутреннего психологического и внешнего контекста (Ч. К. Огден и А. А. Ричардс). В отечественном языкознании компоненты «внесловесной ситуации» стали объектом пристального внимания ученых круга М. М. Бахтина [Волошинов 1995]. В качестве таких внешних компонентов были отмечены *пространственный кругозор, общее знание и понимание положения дел, оценка этого положения*. Л. С. Выготский [2005], изучая условия порождения смысла, утвердил, что речь не служит выражением готовой мысли; мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется. Каждый раз надлежит учитывать зависимость акта речи от психологического состояния и обстановки общения, то есть опять-таки от внутреннего и внешнего контекстов.

Определенность, как свойство контекста, роднит его с понятием дискурс (понятия одно время были взаимозаменяемыми). Однако в отличие от дискурса контекст больше осознается как понятие статическое; контекст может существовать как определенный «фон» для моделирования структуры динамично меняющегося дискурса. Контексты тоже меняются, но в отличие от дискурса, смена контекстов относится к методологии научного поиска, которая устанавливается субъектом познания. Контексты существуют «в голове» воспринимающего объекты, в то время как дискурс связывается с реальной коммуникацией и выступает, по выражению Ю. Е. Прохорова, равнозначным «напарником» конкретного текста в «ландшафте реальности» [Прохоров 2004].

Эпистемическую роль контекста в научной работе подчеркивал Л. В. Щерба. Он имел в виду языковое чутье исследователя, которое «состоит не в возможности непосредственного усмотрения истины, а в умении создавать новые контексты, тонко понимая их смысл,

в умении отличать возможные контексты от невозможных» [Русский язык. Энциклопедия 1979 : 114]. Связанные с контекстом понятия центра и периферии, «прототипический» подход к изучаемому объекту в филологии хорошо известны. Целый ряд наук (литературоведение, лингвистическая прагматика, социолингвистика, функциональная грамматика) применяют их по существующей традиции. Но именно *когнитивная* лингвистика, по мнению ее бельгийского представителя Д. Герартса, «реабилитировала» понятие контекста, и «именно она занимает наиболее радикальную позицию по этому вопросу»¹².

Большинство ученых, за некоторым исключением [см. обзор: Прохоров 2004], сопрягают понятие «дискурс» с миром внешней действительности, с экстралингвистическими факторами коммуникации, а также – с отражением в речи субъект-объектной интерпретации мира вещей. С иных позиций рассматривают «дискурс» ученые, принимающие это понятие зависящим от внутренней динамики субъективности, от психологической сферы человеческой активности.

Коротко остановимся на двух работах известных французских семиологов. Противоположные в подходах, эти работы дополняют друг друга в перспективном направлении *целостного* анализа дискурса. В исследовании имеет смысл «двигаться» при изучении дискурсных объектов с двух сторон «виртуальной реальности»: 1) со стороны «исторического» контекста (включая в мир «вещей» и мир идей); 2) со стороны внутрисубъектного контекста, или «дискурса страстей».

Внешний (внесубъектный) контекст исторического дискурса (М. Фуко). В «Археологии знания» автор утверждает приоритет поиска внешнего поля регулярностей: «Мы отказываемся рассматривать дискурс как феномен выражения, <...> скорее, мы пытаемся найти в нем поле регулярности различных позиций субъективности». «Дискурс – это внешнее пространство, в котором размещается сеть различных мест». «Дискурс... понимается не как разворачивающаяся грандиозная манифестация субъекта, который мыслит, познает и говорит об этом, а как совокупность, в которой могут определяться рассеивания субъекта и, вместе с тем, его прерывности». Впрочем, «извлечение» субъекта – исследовательский прием. Фуко поясняет: «я всего лишь отменяю любое внутреннее в этом беспредельном “вне”» [Фуко 1996 : 206].

Условия, при которых появляется объект дискурса, – это исторические условия. Они, согласно М. Фуко, «не определяют внутреннюю конституцию объекта, а только то, что позволяет ему появляться из переплетений других объектов и располагаться относи-

тельно их <...> – все это полагает дискурс в поле внешнего». Фуко говорит об отношениях зависимости на первичном уровне – они формируют объект дискурса, и об отношениях зависимости на вторичном уровне – дискурсивном. Отсюда выводится пространство возможных описаний – 1) в системе контекстуально первичных, или реальных, отношений и 2) в системе контекстуально вторичных, или рефлексивных, отношений, которые Фуко называет «собственно дискурсивными».

Эти вторичные контекстные отношения дискурс ограничивают или, по Фуко, «навязывают ему определенные формы, принуждают в некоторых случаях выражать определенные вещи» [Там же 1996 : 46]. Находясь в сознании субъекта, они предлагают ему объекты (референты), о которых он мог бы говорить. В нашем материале это объекты с оппозитивными отношениями, которые формируются действительностью, включая сознание. Сравните у М. Фуко: «Хотя объекты формируются независимо от дискурса, они определяют пучки связей, которым дискурс должен следовать» [Там же].

Внутрисубъектный контекст семиотического дискурса (А.-Ж. Греймас, Ж. Фонтаньей). У авторов «Семиотики страстей» дискурс – это имманентные структуры, предназначенные для выражения условий и предпосылок манифестации смысла. Устанавливается зависимость дискурса от присущей субъекту динамики страстей¹³. **В центре внимания – восприятие и чувство.** Акцент на чувствование стал тем, что называется авторами «феноменом выражения»: присутствие возникает «раньше» особенности; «чувствование объекта возникает в дискурсе раньше, нежели дискурсивный объект» [Греймас, Фонтаньей 2007 : 17]. Отмечаются подъемы и спады, характерные для дискурса страстей. Они понимаются как измерения, действующие по принципу плана выражения: либо наделяя сказанное акцентом, либо удаляя его. Постулируется важнейшая категория тенсивности (внутренней напряженности). Как известно, с напряженностью связано понятие агрессивности [Речевая агрессия 1997]. Согласно «Семиотике страстей», отношения между познающим субъектом (как оператором) и элементарными внутренними структурами (как представлением познаваемого мира) строятся в результате трансформации мира. Действие субъекта моделируется в эпистемическом сознании как «абстрактная операция». Требуется вообразить условия осуществления этого внутреннего действия как некую *модальную компетенцию* нарративного субъекта, делающую возможной данное осуществление (трансформацию). Ставится вопрос о «способе существования» модальной компетенции, которая изнутри является источником всех операций и рассматривается как предварительное условие, как потенция

действия. Повторение одного и того же действия *порождает в существовании субъекта завышающую компетенцию – умение делать*, понимаемое как общественный стереотип. Речь идет о лексико-семантической конфигурации внутреннего дискурса, так как «помимо модальной компетенции за охваченным страстью субъектом следует признать также и компетенцию семантическую» [Там же : 322]. «Всеохватывающая морализация частично гасит механизм страсти, а тематизация фиксирует его в виде блоков-стереотипов, легко идентифицируемых внутри данной культуры» [135].

Для нас важно, что компетенция существует прежде всего как состояние, в котором находится субъект. И *это внутреннее состояние является формой его «бытия», формой актуализированной и предшествующей реализации*. «Семиотика страстей» внесла свой вклад в опыт конструирования социального дискурса в его антропоцентрической целокупности. Теоретическое разделение мира внешнего и мира внутреннего должно преодолеваться рассмотрением живой связи двух сторон. Речь идет о мире как непрерывности, о «взаимном превращении состояний и событий, их глубинном взаимодействии», о котором (как пишут авторы) Соссюр упоминает кратко в своих «Записях»¹⁴.

Заметим, что зарубежная философия языка явно психологизировалась с появлением работы Дж. Р. Серля «Интенциональность» (1983 г.). Интенциональные состояния, с которыми связано и явление модализации, стали «инструментом соотнесения субъекта с внешним миром», так как представляют собой «фундаментальное и целостное свойство сознания» [Серль 1987 : 123], более фундаментальное, чем язык (хотя язык «выводим из интенциональности» [Там же 1987 : 101]).

Отметим следующее. Теоретические конструкты «контекст» и «дискурс» с их полями внутреннего (ментально-психологического) и внешнего (предметно-практического) обнаружения смысловых значимостей имеют типологическое сходство. Моделирование контекста и дискурса строится на традиционном для семиотики антропоцентрическом аналоге двусторонности. В условной структуре такого моделирования выделяется **внешнее поле** и **внутреннее поле зависимостей**. С перемещением из статуса синонимических, взаимозаменяемых понятий контекст и дискурс оказываются в статусе понятий не однородных, но близких и взаимосвязанных по принципу дополнительности.

Контекстологический подход в условиях реальной коммуникации мы называем *дискурс-ориентированным* подходом. Суть его в том, что привычное понятие «контекст» включается в категорию «дискурс» и мыслится в единстве с ним как взаимодействующая

структура. Близкое нам представление находим у В. В. Красных [2001]. Она выделяет внешний и внутренний контекст дискурса, куда входит пресуппозиция – зона пересечения индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов, включая и представления коммуникантов о конситуации. Подчеркнем: *общие пресуппозиции участников речевой ситуации являются самой важной составляющей контекста*. Сам же контекст, то есть его референты, расположены в пространстве внутреннего или внешнего поля дискурса.

Попробуем ниже обозначить основные факторы, определившие оппозитивность коммуникации в российском дискурсе со стороны внешнего и внутреннего поля его референтных зависимостей¹⁵. Наименование «поле» используется как аналог «контекста», но такой аналог, который позволяет говорить о контексте не в определенном направлении, а в расширенном понимании.

В лингвистике полем называют совокупность содержательных единиц (в т. ч. понятий), покрывающую определенную часть человеческого опыта [Ахманова 1969 : 334]. Выделяют *ассоциативное* поле (совокупность ассоциативных представлений), *концептуальное* поле (определенную понятийную область, совокупность взаимосвязанных понятий). Особенно близко к предмету рассмотрения (дискурсу) *семантическое* поле. Оно понимается как часть действительности, выделенная в человеческом опыте и теоретически имеющая в данном языке (дискурсе) соответствие в виде более или менее автономной микросистемы. Это может быть совокупность оппозитивных семантических отношений, в которые дискурсные единицы вступают при актуализации в означенном поле.

1.2.2. Внешнее поле зависимости: обостренная конфигурация действительности

Мы выделяем три внешних фактора оппозитивного характера коммуникации в изучаемую эпоху: исторический, социально-политический и культурный. В этом разделе мы скажем о них кратко, демонстрируя мнения авторитетных ученых.

Историческая эпоха, о которой идет речь, носит название «эпохи революций и войн». Один из самых драматических в русской истории, этот период включает три войны (Русско-японскую, Первую мировую, Гражданскую войны) и три революции (1905 года, Февральскую революцию и Октябрь 1917 года). Особенности общественной коммуникации соответствуют характеру действительности. В это время оформляется новый «облик толпы» и психологический тип человека особого рода. Н. А. Бердяев написал об этом явлении 1910-х годов XX века так: «Уже война выработала новый душевный тип, тип, склонный переносить военные методы на

устройство жизни, готовый практиковать методическое насилие, властолюбивый и поклоняющийся силе. Это мировое явление <...>. В России появился новый антропологический тип, новое выражение лиц. У людей этого типа иная поступь, иные жесты, чем в типе старых интеллигентов. Подобно тому, как в 60-х годах, при появлении нигилистов, более мягкий тип идеалистов 40-х годов заменен был более жестким типом, в стихии победоносной революции, вышедшей из стихии войны, тот же процесс произошел в более грандиозных размерах. <...> В новом коммунистическом типе мотивы силы и власти вытеснили старые мотивы правдолюбия и сострадания. В этом типе выработалась жесткость, переходящая в жестокость»¹⁶.

Социально-политический фактор. Социологически подтвержденное содержание условий и обстоятельств, определивших движущие силы конфликтов в российском обществе начала XX века, освещается далее в разделе 3.1. Здесь отметим лишь одно. Главным социальным противоречием эпохи, генерирующим конфликты, считается противоречие между трудящимися, не имеющими собственности, и господствующим классом, «присваивающим труд наемных работников». В кругах политизированной части молодежи в России приоритетом пользуется марксистское учение. В идеальном представлении большевизма («ленинский марксизм») перманентное состояние гражданской войны в обществе трактовалось как основной двигатель позитивных социальных изменений. Отрицательное отношение к классу буржуазии определялось не только развернутым политико-экономическим, но и культурно-историческим обоснованием, не оставлявшим сомнений в его исторической справедливости¹⁷. На этой почве взращивался классовый конфликт, участниками которого были антагонисты со своими политическими, экономическими, идеологическими интересами.

По мере развития событий возникали другие пункты конфронтации. В рядах политиков утвердилось мнение, что прогрессивно толкуемые действия большевиков, захвативших власть в России, пришли в противоречие с идеалами демократии. Более того – с идеалами православного народного сознания.

Социокультурный фактор. Была еще в народе склонность к архаике, к мифу в архетипах «коллективного бессознательного». Еще живы, – пишет историк культуры А. Л. Казин, – воспоминания о столетиями живших в коллективной народной душе правилах иконописи и житийной литературы. «Красота есть добро, а добро есть красота» – основной эстетический закон вертикального типа культуры, который на Руси просуществовал вплоть до нашего времени. «Это предполагает четкое различение ценностного верха и низа, правого и левого, осуществляемого как на уровне идеи, так и

на уровне поэтики». Таковы же и принципы русского классического реализма, отмечает автор. «Святая русская литература», как назвал ее Томас Манн, «решала, по существу, ту же задачу, что и безымянные строители древних софийских соборов»; «в основном стволе русской культуры верх оставался верхом, а низ – низом, и не было принципиального оправдания героев, переворачивающих ценностную вертикаль» (Казин 1989 : 242-244).

Практически все российские мыслители христианоцентричны. Впрочем, ценности религиозного сознания относятся к общечеловеческим ценностям, а к общерусским принадлежит учение о Соборности¹⁸. Другая культурная доктрина связана с элитарным «проектом» модернизма¹⁹ (см. Главу 4-ю). Не было единства и в рядах эмиграции (Н. В. Устрялов, Г. П. Федотов). Г. П. Федотову (статья «Власть и народ», 1949) принадлежит обоснованное им, но в эмиграции вызвавшее ожесточенные споры мнение, что «содержание нового идеала – коммунизма – оказалось связанным с очень глубокими основами народной этики. ...Русская этика эгалитарна, коллективистична и тоталитарна. Из всех форм справедливости равенство всего больше говорит русскому сознанию»²⁰.

Таким образом, объективная сторона конфликтного мироощущения эпохи кризиса – военная реальность, тенденция к антагонизму социальных отношений, идеологические столкновения представителей разной культуры. В содержании коммуникативных конфликтов основным являлось расхождение идеальных и реальных составляющих общественного сознания, конфликт между целью и средством ее достижения и проч. Но есть и психологическая сторона этих составляющих: чувство неудовлетворенности (сострадания, обвинения, мести), осознание невозможности реализовать свои замыслы, конфликт в системе общественных ценностей, моральных норм и настроений.

1.2.3. Внутреннее поле зависимости: оппозитивная модализация сознания

«Строго говоря, – отмечал И. М. Сеченов [1947 : 311], – внешние условия не следовало бы отделять от умственных и нравственных данных личности, потому что они действуют не иначе, как через посредство последних».

«Интровертивная» сторона коммуникации охватывается модализованным сознанием и высказываниями, находящимися в структуре «дискурса страстей». Есть основания соотнести модализацию с речевым переживанием, которое является внутренней стороной потока речи или внутренней речью. «Внутренняя речь есть вовсе не речь, а мыслительная и аффективно-волевая деятельность», и она включает в себя мотивы речи [Выготский 2005 :

303]. Модализация пронизывает смысл слова. Л. С. Выготский отмечает: смыслы как бы вливаются друг в друга (вливают друг на друга), так что предшествующие как бы содержатся в последующем и его модифицируют. «Сама мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы нашего сознания, которая охватывает наше влечение и потребности, наши интересы и побуждения, наши аффекты и эмоции. За мыслью стоит аффективная и волевая тенденция. Только она может дать ответ на последнее “почему”» в анализе мышления» [Там же 2005 : 343].

Выскажем гипотезу: **аффективно-волевое неприятие (несогласие) и есть подоплека оппозитивного дискурса**. Мотивы одобрения или неодобрения, порождающие какую-либо мысль, причастны к оформлению этой мысли. Как известно, в речи истинность и ложность характеризуют не событие, а утверждение о событии²¹. Пресуппозиция «приемлю – не приемлю» всегда представлена в высказывании как заведомо истинное утверждение говорящего. Согласно концепции авторов «Семиотики страстей», коммуникация существует внутри самой конфигурации диалогического. В ходе ее передаваемые друг другу объекты-сообщения – это прежде всего **модалные объекты**. Они действуют внутри симулякра²² (вся страсть целиком входит в симулякр). Что касается «любимого объекта» (России, Советской России, Совдепии), то его статус модифицируется модализациями (как и соперник в общении – тоже симулякр). В частности, испытываемое субъектом чувство ненависти – это установка на несогласие, точнее – на отрицание определенных явлений, противоречащих убеждениям, ценностям и, наконец, потребностям субъекта. Неоднозначность процесса модализации сознания в том, что смысловую сферу человека рассматривают как арену противоборства между разными векторами (направленностями). Испытывающий ненависть к новой власти антибольшевик не может столь же однозначно ощущать себя в отношении к самой России (Совдепии). Повторяемость, длительность, интенсивность разрушительных действий и последствий революции и гражданской войны *придает* ненависти субъекта к противнику и любви его к России *колорит страсти*²³. В то же время она принимает вид *образа цели* для субъекта [Греймас, Фонтаний 2007 : 126].

Эмоции инициируют приживаемость идей. На этой почве получает развитие представление о большевизме как о российской **болезни**. Это представление имело известные гносеологические основания. Еще в конце 60-х гг. XIX века Н. Я. Данилевский завершил работу над книгой «Россия и Европа» (издана в 1871 году), которую Н. Н. Страхов назвал «катехизисом славянофильства» (а В. С. Соловьев «литературным курьезом»). В ней глава

XI называется «Европейничанье – болезнь русской жизни». «Язва нигилизма» идет из Европы, – считал Н. Я. Данилевский²⁴.

Проблема изучения идеологической оценки должна быть связана с широко понимаемой категорией модальности, модуса и аффективно-риторическим противодействием *другому* в дискурсе страстей. Исходное положение следующее: в формации оппозитивного дискурса участвуют модусные концепты «приятие»/«неприятие», детерминированные идеологическим прекопунктом и вместе с ним составляющие *идеологическую presupпозицию* дискурсных высказываний.

1.2.4. Модусные концепты «приятие»/«неприятие» как дотекстовые составляющие идеологической presupпозиции. Полевая модель оппозитивного дискурса о России

В. Н. Волошинов отождествлял содержание сознания с идеологией, а внутреннее сознание рассматривал как тот комментарий, который всякий взрослый человек прилагает к своему поступку. Поначалу в сознании могут находиться расплывчатые и субъективные концепты аксиологического и модального планов. Переход от них к жестким программам человеческой деятельности осуществляется в акцентированном высказывании, в тексте (Н. Д. Арутюнова). Каждая ментальная система основана на выборе *принципов*, приводящих к системе правил и структур, лежащих в основе соответствующего аспекта поведения и предопределяющих то, какая картина мира демонстрируется²⁵.

Модусные концепты «приятие» или «неприятие», характеризующие внутренний контекст высказываний в дискурсе, предполагают конфликтное взаимодействие, проходящее на фоне выраженных негативных эмоций. Следствием выступает акцентированное в речи *п р о т и в о д е й с т в и е*, нередко связанное с аффектированным нарушением норм поведения, требований, нравственных предписаний. Напротив, гуманность представлена в сознании переживаниями сострадания и реализуется в актах содействия, соучастия, помощи. П. Сорокин в книге «Социология революции» пишет о дефиците гуманности, о деформации массового сознания в период революций.

Показательно, что в разных по идеологии контекстах с концептом «классовая борьба» **слово-понятие «гуманизм» приобретает конфликтное содержание**. Соображения по этому поводу принадлежат философу Л. Альтюссеру: «Всякая классовая борьба может иногда сводиться к борьбе за слово или против слова. Некоторые слова борются друг с другом, как враги, другие сохраняют двусмысленность <...>. Коммунисты борются за уничтожение классов

и за коммунистическое общество, где в один прекрасный день все люди станут свободны и будут братьями. Но в марксистской традиции не принято говорить, что марксизм – это Гуманизм. Почему? Потому что на деле слово “Гуманизм” эксплуатируется буржуазной идеологией, которая с его помощью хочет уничтожить другие, настоящие и жизненно важные для пролетариата слова: такие, как “классовая борьба”»²⁶.

Рассмотрим показательный пример из пробольшевистской печати. Метаязык ее дискурса своеобразен, так как подразумевает в качестве прекопункта спецификативную идеологию. Информация, входящая в слово «большевизм» русской пробольшевистской газеты в Америке, концептуализируется в двух направлениях – в предметно-тематическом («активный деятель с позиций силы») и в модальном («вызывающая одобрение деятельность»):

Течение большевизма **идет все дальше** к нашей великой радости... Большевизм **является народным восстанием против** старого режима... **Захватывая власть**, большевики **занимают места**, где раньше сидели сатрапы старого режима. **Типичная** большевистская революция – это политическая революция – **насилъно**... **Можно ожидать**, что волны большевистских восстаний **захватят** всю Европу... (ГТ).

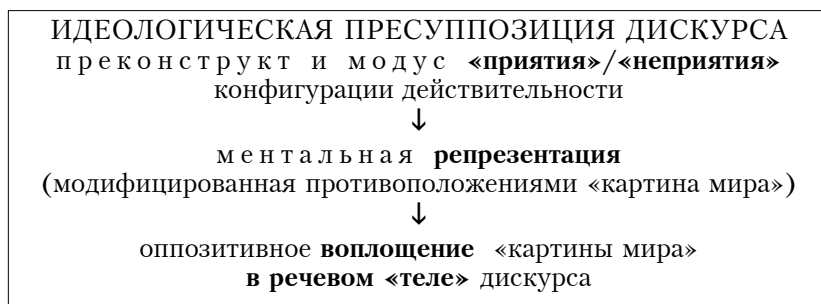
При содержащейся в тексте семантике отрицания (в наименованиях «старый режим», «сатрапы старого режима», «восстание против», «насилъно», «захватят») идеологическая оценка позитивная. Более того, семантика одобрения в тексте *усиливается не только вопреки, но благодаря тому, что присоединяет и преобразует конкретные смыслы негативно* означенного. Они трансформируются в сторону интерпретации «устранение врага», «успешно преодолеваемое препятствие». Процесс переосмысления²⁷ осуществляется по линиям верховных отношений – **через высшую меру общности – покровы идеологического понятия** («важный успех большевиков», «успех политической борьбы»). Охватывающий высказывание смысл в модусе приятия неоднороден. В тексте он складывается по крайней мере из двух модальных линий пропагандистской модализации: *утверждения очевидности* происходящего; *уверенности* в том, что так и должно быть.

Идеологически ценностные аспекты означивания, связанные со сверхсмыслом языковых выражений, на первый взгляд могут показаться парадоксальными. Ср., например, оппозитивный смысл предыдущего текста в терминах общей оценки: **‘Хорошо, что плохо сатрапам старого режима’**. Оценка расходится на две составляющие – *модусную идеологическую и диктумную фактологическую*: мод. Хорошо, что факт Плохо сатрапам старого режима. Модусная оценка относится ко всему высказыванию, и ее определяют мотиви-

рованные идеологией концепты амбивалентного отношения: *неприятие* (классового врага) / *одобрение* (политической борьбы с ним).

Так или иначе знаки (+/-) смысла и степень идеологической оппозитивности связаны с когнитивным модусом и модальностью. Мы придерживаемся того мнения, что широкое понимание модальности, включающее оценку и другие квалификативные категории, оказывается наиболее плодотворным для изучения смысловой организации высказываний в дискурсе. По механизму речевого действия идеологическая оценка связана с глаголами, которые обозначают состояния духа и выводные мыслительные операции: *я думаю, заключаю, что...* Такое предложение-«модус» возникает в ментальном поле дискурса **на основе ценностного преконструкта**, определяя способ репрезентации. В соответствии с преконструктом находится **модальное утверждение приятия** ('одобряю') или **неприятия** ('не одобряю') **картины действительности**. Статус *категории субъективности* в предложении-«модусе» расширяется в поле дискурса до статуса мнения *коллективного субъекта идеологии*.

В схеме ниже детерминирующие оппозитивность идеологические понятия «преконструкт» и «модус категоричности приятия/неприятия пропозиции» включены в структуру порождения газетного дискурса.

Стоит подчеркнуть, что слова и прочие языковые единицы возбуждают в памяти человека связанные с ними концепты, активизируют сложные сущности, и поэтому способны имплицитно выразить ментальные состояния. Средством испытания морализованного пропагандистского дискурса является картина мира с точки зрения добра и зла, пользы и вреда. Модальные отношения одобрения/неодобрения выражаются в высказываниях признаками, которые (в широком смысле) выступают признаками связи сообщаемого с идеологией говорящих. Однако в философской этике отмечается предельная степень относительности таких понятий морального

сознания, как *добро* и *зло*. Зачастую они не различаются по причине индивидуальных (и тем более – классовых) предпочтений, «из-за динамики ситуации с ее переменчивым и необратимым смыслом, из-за определенных социокультурных условий, по причине полисемичности и многофункциональности самого феномена морали» [НФС 1998 : 223]. В этой связи отметим особое положение **центрального объекта оценки** с наименованием «большевики» («большевизм»)²⁸. Слово имплицитно входит в модальную рамку идеологической оценки. В дескриптивной структуре высказывания имя приобретает смысл агенса противоправных действий (*антиЭГ*) или агенса поощряемых классово-идеологией действий (*пробЭГ*). В идеологическом контексте речи оппозитивная оценка (общая – *хорошо/плохо* и спецификативная – *преступление/благо*) актуализируется и входит в значение самого слова «большевизм». Она же отмечает имплицитно или эксплицитно выраженную модальность высказываний по диагонали: *Хорошо*, что существует большевизм в России и распространяется по всему миру / *Плохо*, что существует большевизм в России, так как он угрожает всему цивилизованному миру.

Таким образом, **о п п о з и т и в н о с т ь** существует, *во-первых*, как социопсихологическая реакция на происходящее; *во-вторых*, как идеологически устремленная модализация, которая как раз и вносит в речевое «тело» дискурса *третье* – соответствующую действительности (ее восприятию) категорическую структуру **когнитивно-семантического противоположения**. Нельзя не отметить и другое. Положительная и отрицательная оценка сообщаемого связываются с другими квалификативными видами модальностей – утверждающе-констатирующей, долженствовательной или гипотетической, выражающей надежду или угрозу и т. п. Тем самым в материале со структурой смысловой оппозитивности выражается не просто мысль, а **замещается противоречие действительности, выражается проблема**.

Обозначим изложенное в схеме, сопроводив ее пояснениями.

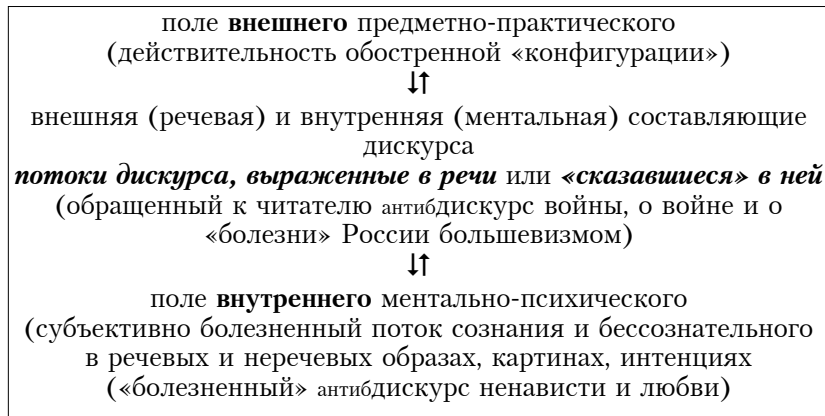
Полевая модель эмигрантского газетного дискурса о России. Говоря о структуре дискурса, обычно называют два ее компонента – экстралингвистический и лингвистический (текстовый)²⁹. Мы не можем согласиться с таким представлением.

Дискурс как экстравертивная фигура коммуникации принадлежит исторической действительности. Дискурс – это и есть действительность, но ментальная и предметно-практическая, речевая. Описание дискурса возможно лишь в контексте, и не одном. Теоретически дискурс в реальном пространстве существования имеет внешнее поле и внутреннее поле зависимостей.

В ы в о д ы по Главе 1

Условно внешнее поле зависимости дискурса образует сама предметная действительность (противоречивая реальность). Условно внутреннее поле зависимости дискурса образовано социопсихологической реальностью и групповой идеологией, в которую погружен дискурс и его концепты. Оба поля существуют в синтезе взаимопроникновения.

Сказанное обобщает таблица, в которой схема относится к господствующей в ЭГ-дискурсе антибольшевистской разновидности.

Таким образом, дискурс – далеко не только речь, и не *только* речь. Это прежде всего возникающие под воздействием внешнего и внутреннего мира говорящих *текущие* образы, картины, мысли, интенции, то есть *ментальные состояния*. Дискурс является *речью и пресуппозицией* к ней, «поступком и внутренним комментарием» к нему (В. Н. Волошинов). Дискурс может быть двойственным, общим (для всех) и индивидуальным, в т. ч. бессознательным (Л. Альтюссер, М. Пешё). В текстах он может быть параллельно множественным, например – одновременно сообщением *о войне* и дискурсом *войны*, аффективным дискурсом *ненависти* и *сострадания*. Сравните мнение П. Ф. Стросона: «...мы можем охотно допустить, что типы намерения, направленного на слушающего, могут быть очень разнообразными и что различные типы могут быть представлены одним и тем же высказыванием» [Стросон 1986 : 150].

Дискурс – *непрерывный поток ментального*, в то время как высказывание лишь конфигуративный «остров» в этом потоке³⁰.

Под *оппозитивностью* понимается **идеологически оценочная модализация**, пронизывающая деятельность субъекта сознания и проявляющаяся как отношение неприятия (или приятия), которое сформировалось в ходе интерпретации действительности **с позиций противодействия** (или оценочного противоположения) **на базе идеологического преконструкта**. В идеологическом контексте с его специфическими референтами мы имеем дело с таким типом оценки, которая включается в общий когнитивно-семантический процесс модализации дискурса на тему России и «русского большевизма».

Идеологическая оценка с ограничивающим ее концептом «приятие» или «неприятие» распознается в дискурсе как модальная рамка, которая **накладывается** на дескриптивное содержание языковых выражений, но, строго говоря, **определяется видом дискурса в целом**, то есть **всем комплексом его элементов**, включая идеологический преконструкт, модализацию, точку зрения, ситуативную пресуппозицию высказывания, стереотипы и шкалу оценок, которые существуют в социальных представлениях говорящих (или созданы усилиями групп).

Оппозитивный дискурс понимается нами как **идеологическая формация, которую невозможно рассматривать в отрыве от явления «мир дискурса» и его интерпретации**. Целесообразно выделить три общих ориентира в интерпретации феномена *мир дискурса*.

1. Мир дискурса – это **поле внешнего предметно-практического**, включающего материальную и идеальную стороны действительности. Поле внешнего как одна из социальных ипостасей дискурса подразумевает дотекстовый предметный мир, особую часть которого составляет *мир идеологии*.

2. Мир дискурса – это **поле внутреннего ментально-психического**. Поле внутреннего подразумевает **модализованное состояние сознания** субъекта до и во время акта речи. В конечном итоге психическое переживание суть становящееся внешним внутреннее. Оно такая ипостась дискурса, где «психика снимает себя, уничтожается, становясь идеологией» [Волошинов 1995 : 254].

3. Центр (ядро) дискурса составляет **языковая картина мира**, трансформированная модализованным сознанием в **речевую реальность со структурой когнитивно-семантического противоположения**.

Предложенные критерии трактовки «мира дискурса» по трем его ориентирам (конструктивным показателям) близки к абстрактному конструкту «языковой личности» Ю. Н. Караулова, который включил в него когнитивный, прагматический и вербально-семантический уровни³¹.

В центре внимания следующей главы находится краткий обзор истории вопроса, связанный с лингвосоциальными исследованиями и появлением теории дискурсного анализа. Развитие научных подходов к анализу социального материала лингвистики рассматривается с точки зрения проблем эпистемологии и присутствия в них концепта *Другой*. Имеется в виду среда политико-идеологических установок, в режиме которых проходили свой эволюционный путь история эмиграции, ее печати и социологически ориентированная лингвистика. Обзор имеет прямое отношение к изучению роли идеологии и феномена оппозитивности в дискурсе.

¹ Волков С. Почему РФ – еще не Россия : неостребованное наследие империи / Сергей Волков. М.: Вече, 2010. С. 117 и сл.

² Исследователи отмечают некоторые особенности *другого* восприятия эмигрантами происходящего на родине. «Чужую страну, ее культуру любой эмигрант, в том числе писатель, с годами начинает видеть и чувствовать изнутри, а свою родную извне: «так опыт жизни за границей прибавляет новое понимание жизни на родине» (Б. Хазанов). Цит. по статье: *Шевченко Л. И.* Аутентичное русское глазами «других» (проза русской эмиграции третьей волны) // Проблема «другого голоса» в языке, литературе и культуре : матер. IV междунар. конф. СПб., 2003. С. 93.

³ Наименование «экстравертивная фигура коммуникации» по отношению к дискурсу ввел Ю. Е. Прохоров. См. : *Прохоров Ю. Е.* Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта: Наука, 2004. С. 33.

⁴ Привлекает внимание вопрос о «скрепах» между столь различными составляющими коммуникации. По Ю. Е. Прохорову, их скрепления имеют разную природу: это прецедентные феномены, стереотипы общения, невербальные элементы и так называемые элементы «ландшафта» действительности.

⁵ Основой взаимодействия между действительностью, текстом и дискурсом, если они неслиянны и нерасторжимы, является интерференция (наложение). См.: *Прохоров Ю. Е.* Там же. С. 32.

⁶ Под «реализованным концептуальным тезисом» имеется в виду единое по смыслу (концепту) содержание высказываний, регулярно встречающееся в названных видах ЭГ-дискурса.

⁷ «Вожди» выступают создателями идеологического канона (преконструкта), существующего в дискурсе на правах известной всем очевидности, о которой можно не говорить.

⁸ Под *социальным субъектом* у Г. Г. Шпета разумеется «субъект любого момента, любого отрезка времени и любой совокупности объективаций, как и любой структуры: личности, класса, народа, школы, направления, течения и т. д.» (*Шпет Г. Г.* Внутренняя форма слова : этюды и вариации на темы Гумбольдта / 3-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2006. С. 196.)

⁹ По Г. Г. Шпету, Н. С. Трубецкому, между отдельным человеком и органической многоличностной личностью в этом отношении принципиальной разницы нет, а есть только разница в степени сложности соответствующих явлений, куда мы можем отнести и явления субъективные (т. е. **субъективно-**

групповую идеологию – Т. К.). См. также: *Серво П.* Анализ дискурса во французской школе (дискурс и интердискурс) // Семиотика : антология / сост. Ю. С. Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академич. Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 286.

¹⁰ Новую для своего времени категорию субъекта идеологии выдвинул в 60-е годы XX в. философ Л. Альтюссер. Он связал ее с «теорией обращения». Знаменательно, что французское слово *сujet* переводится на русский как «сюжет», «субъект», «подлежащее» и «подданный».

¹¹ Связанная с фактором интенциональности высокая степень уверенности и ее выраженность (категоричность) в высказываниях СМИ придают им статус **истинного** утверждения. С прагматической точки зрения категоричность означает «догматичность», «чрезмерную уверенность в собственных знаниях», тогда как под некатегоричностью подразумевается «осторожность», «предусмотрительность», «забота об интересах собеседника», «стремление к согласию». См.: *Гущина Г. И.* Актуализация категории категоричности/некатегоричности высказывания в языковой картине мира // Современная филология : матер. междунар. заоч. науч. конф. Уфа, 2011. С. 154-157.

¹² Вopr. языкозн., 2009. № 6. С. 154.

¹³ Термин «страсть» понимается как «сильное влечение к предмету, к которому стремишься и привязываешься всем существом» (квинтэссенция определения «чрезмерная привязанность»). *Греймас А.-Ж., Фонтаний Ж.* Семиотика страстей : от состояния вещей к состоянию души: пер. с фр. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 123.

¹⁴ Ф. де Соссюр: «Возможно, лишь в лингвистике существует разделение, без которого факты не поддаются пониманию ни на каком уровне <...>. Речь идет о разделении на состояние и событие, и можно задаться вопросом, позволяет ли это разделение, однажды принятое и понятое, рассматривать лингвистику как цельную дисциплину» (цит. по тому же изд. С. 16).

¹⁵ Составное наименование «поле зависимости позиции идеологического субъекта дискурса» мы сокращаем до наименования «поле дискурса», подразумевая весь состав понятия.

¹⁶ «Этот новый душевный тип оказался очень благоприятным плану Ленина», – отмечает автор. *Бердяев Н. А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. С. 101.

¹⁷ Сравните фрагмент из «Манифеста коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса: «Буржуазия повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идилические отношения, безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывавшие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного «чистогана». В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности; она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессловесную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой. Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до сих пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников».

¹⁸ Учение о «соборной природе сознания» возрождено в начале XX века С. Н. Трубецким. Соборность интерпретируется им как «совпадение религиозного, нравственного и социального начал, противостоящее как индивидуализму, так и социалистическому коллективизму» (*Новейший философский словарь* / сост. А. А. Грицанов. Минск: Изд-во В. М. Скакун, 1998. С. 630).

¹⁹ Исторические корни глубокого духовного кризиса революционного времени начала XX столетия находят «в многовековом развитии в стране двух различных субкультур в рамках общей русской культуры – народной и элитарной, – двух миров, противостояние и разрыв между которыми обернулись катастрофой» (*Пархоменко Т. А. Культурная жизнь русской эмиграции в первые послереволюционные годы (1917-1925)* // *Культура Российского зарубежья*. М., 1995. С. 29). Впрочем, исследование истории идей, актуальное в русле современной мировой науки, выявило общий в мире «огромный диссонанс между «умственным» развитием общества» (научным, техническим) и «гигантским моральным отставанием» (*Слобожникова В. С. Политическая мысль России 30-40-х гг. XIX в.* : автореф. дис. ... докт. политич. наук. Саратов, 2001. С. 4).

²⁰ Цит. по статье: *Голки Н. В. Другой как проблема политической этики* // *Проблема «другого голоса» в языке, литературе и культуре*. СПб.: Янус, 2003. С. 37-47.

²¹ Считается, что истинностным значением может обладать лишь то сообщение, которое охватывается утвердительной или отрицательной модальностью. Сравни мнение Джемса Уильяма: «Идея истинна, если оперирует с уверенностью, упрощая и экономя наши усилия».

²² Симулякр – «конфигурация, возникающая в процессе открывания воображаемого пространства путем модальных нагрузок, приписываемых субъекту»; это «эффекты, с помощью которых субъект включает сцены, являющиеся плодом его “воображения” в дискурсивную цепь». Симулякры строятся всеми участниками, а также культурами, к которым принадлежат последние. См. *Греймас А.-Ж., Фонтаньи Ж.* Указ соч. С. 73.

²³ В исследованиях по социальной психологии и психопатологии можно найти указания на некоторые условия и последствия психотравмирующих воздействий, в том числе социальных. Отмечается, что невротические расстройства являются нарушением приспособления к новым внешним и внутренним обстоятельствам, нарушением, обнаруживаемым «в моменты, когда индивидуальная и социальная эволюция становится наиболее трудной». При этом в первую очередь страдают тонкие и высокоспециализированные особенности личностной индивидуальной приспособляемости (самоконтроль, самооценка и др.). Цит. по кн.: *Александровский Ю. А. Состояния психической дезадаптации*. М., 1976. С. 18-19.

²⁴ «Каким же образом понять после этого странные оправдания прожительства за границей для образования детей в иностранных школах, во избежание язву нигилизма, по отношению к которому наш нигилизм составляет лишь слабый сколок и бледный отпечаток?» (*Данилевский Н. Я. Россия и Европа*. М.: Книга., 1991. С. 293).

²⁵ См.: *Краткий словарь когнитивных терминов*. / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: Моск. гос. ун-т, филол. ф-т, 1996.

²⁶ *La philosophie comme arme de la révolution – La Pensée*, 1968, № 138; цит. по книге: *Квадратура смысла : франц. школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серию; предисл. Ю. С. Степанова*. М.: Прогресс, 1999. С. 90.

²⁷ Согласно Е. И. Дибровой, «смысл может иметь различную глубину истолкования: это может быть первичный смысл (комбинаторика значений), смысл смысла (интерпретация комбинаторики) и даже сверхсмысл (глубинная степень истолкования)». (*Диброва Е. И. Избранные работы по русскому языку*. В 2 томах. Т. 1. М.: ТВТ Дивизион, 2008. С. 21).

²⁸ Изучение объекта оценки (большевизма) составляет задачу, которая требует отдельного исследования. Мы не претендуем на такую роль. В нашу задачу входит 1) фиксация отраженного в газетном дискурсе спектра мнений по отношению к политическому феномену большевизма, 2) изучение языковых процессов в составе оппозитивной речи.

²⁹ Дискурс определяется на основе конститутивных признаков (или параметров), характеризующих его свойства. В работах по социальной лингвистике и прагмалингвистике (Карасик 1992; Т. Ван Дейк 1998; Макаров 1998; Демьянков 1985; 2008; Степанов 1995; Гаспаров 1996; Прохоров 2004; Клушина 2008; Лейчик 2009 и др.) нашли отражение дискурсные параметры экстралингвистического и лингвистического характера. К *экстралингвистическим* признакам дискурса относят такие его определители, как сфера общения и характер общественного сознания; участники, условия, обстоятельства общения; туда же относят групповые интенции – стремления, мотивы, цели, стратегии субъектов; способы организации материала общения. К *текстовым* показателям дискурса исследователи относят как развертывание, так и членение общения; оценочно-стилевую тональность, стиль и жанр общения; ключевые наименования и стереотипы, социальную оценку как средство смыслового выдвижения концептов дискурса. В качестве *собственных признаков дискурса* называют его концептуальный характер и фреймы, группирующиеся вокруг опорного концепта, а также: межтекстовые (интертекстуальные) включения; диагональные высказывания с их потенциалом диалогичности внутри дискурса; имена и дескрипции, которые определены (и ограничены) дискурсом; отношения конъюнкции (**и – и**) и дизъюнкции (**либо – либо**), импликации (**если – то**); в целом – количественные показатели, так как специфика дискурса и его стиль во многом определяются количественными тенденциями в использовании языковых средств.

³⁰ Сравните у В. Н. Волошинова: «Внешне актуализированное высказывание – остров, поднимающийся из безбрежного океана внутренней речи; размеры и формы этого острова определяются данной ситуацией высказывания и его аудиторией» (*Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка : основные проблемы социологического метода в науке о языке / В. Н. Волошинов // Волошинов В. Н. Философия и социология гуманитарных наук / вступ. ст. Н. Л. Васильева; сост. примеч., библиогр., указ. Д. А. Юнова*. СПб.: Астак-пресс, 1995. С. 252).

³¹ *Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность / Отв. ред. Д. Н. Шмелев*. М.: Наука, 1989. С. 5.

Глава 2. Изучаемый материал в русле научных знаний и представлений (эпистемологические контексты с концептом «другой»)

В научном обзоре, связанном с материалом и проблематикой исследования, мы исходим из следующих положений.

- Между научными теориями могут быть как упорядоченные (или согласованные), так и конфликтные (оппозитивные) отношения.

- Научный дискурс, как и политический, при тоталитарном режиме проявляет признаки дискурса власти. Как и в политическом, в нем проступают элементы оппозиции, имеющие в условиях идеологического контроля определенную подоплеку. Это оппозиции: буржуазное/советское, традиционное/новое; диалогическое/монологическое; индивидуальное/общепризнанное; субъективное/объективное.

- Можно говорить о сходстве научного и политического дискурсов по интенциям к использованию формы – *категорического слова* – при воплощении замысла. Как и в политике, наблюдаемая позиция идеологического субъекта в научном дискурсе по сути рамочная («демиург» или «подданный»).

- В политико-идеологическом контексте при тоталитарном режиме приоритетная научная идея (идеологическая пресуппозиция) «парит» над мнениями и убеждениями. В гуманитарной науке она не терпит *Другого*, стремится соблюдать генеральное направление как властную установку.

Эпистемология так или иначе входит в состав когнитивной науки (или же считается одной из когнитивных наук как таковых). Ее характеризует интерес к таким проблемам, как рост знания, его совершенствование в процессе движения вперед. Оппозитивные комплексы характеризуют человека, его отношения с окружающим миром (познание мира) и саму реальность на основе разных видов противопоставлений. Понятие «*концептуальной оппозиции*» в аспекте противостояния различного характеризует взаимодействие научных идей в сфере гуманитарного знания.

Как известно, концепты¹ сводят разнообразие явлений к чему-то единому, способствуют обработке и подведению информации под определенные категории. Разные объекты получают возможность рассматриваться как представители одного класса (категории). Такой категорией выступает в области философии и культуры концепт «другой». Понятие *Другой* разрабатывалось прежде всего в феноменологии. Для Э. Гуссерля это проблема чисто познавательная. В социальном же плане претендующий на полноту своего

бытия *Другой* служит источником постоянного конфликта, проходящего через все возможные типы отношений между людьми².

Значительная часть исследователей считает: в науках гуманитарного цикла влиятельными факторами научных наблюдений всегда были не только психологические (характеризующие уровень активности познающего субъекта), но и идеологические – «заданность» наблюдений для получения определенного результата. Полностью отвлечься от этих факторов невозможно, что ставит проблему снятия с полученных исследователями результатов «субъективных напластований» [ср. НФС 1998 : 452]. Это в полной мере относится к области истории эмиграции и ее журналистики. Здесь в недавние времена восприятие фактов часто определялось идеологическими намерениями планируемой трактовки.

2.1. Оппозитивное в интерпретациях деятельности эмигрантской печати

Начало процесса выделения истории русской эмиграции в отдельную отрасль исторических знаний относят к 1960-1980 гг. Она связана с появлением монографических работ С. А. Федюкина, Л. К. Шкаренкова, Ю. В. Мухачева, Г. Ф. Барихновского и др.³ Обзор опыта изучения журналистики русской эмиграции содержится в [Жирков 1998 : 14-26]. В советском дискурсе сложилось особое политико-идеологическое представление о русских газетах за рубежом. Изучение эмигрантской печати велось с определенными идеологическими целями, было односторонним и острополемичным. Наука социоморфна (Г. Дерлугьян)⁴: всякая наука подобна породившему ее обществу.

Со своей стороны- зарубежный ученый М. Раев посчитал вопрос политических пристрастий и разногласий в среде самой эмиграции запутанным. Он предпочел в своем труде отказаться «от рассмотрения политических проблем, в которых можно только увязнуть» [Раев 1994 : 21]. Мы придерживаемся этой позиции. Забегая вперед, скажем: можно выявить два направления «оппозитивных» интересов при изучении содержания эмигрантских газет: традиционный с советских времен *политический* аспект и другой – *обиходно-бытийный* аспект содержания.

В изданиях политического характера информационная и пропагандистская задачи газеты перекрывали все другие. В газете пробольшевистского толка в Сев. Америке и в коммерческой газете в Швеции на первый план выходила функция организационная: участие газеты в компаниях агитации и непосредственной организации дела. В то же время интересам диаспоры на местах со всей четкостью отвечали культурно-образовательная и рекламно-спра-

вочная службы газет. Рекламно-справочная функция интенсифицировалась по экономическим соображениям. Чтобы выжить, газеты отдавали рекламе целые страницы (или большую часть первой полосы). Газеты способствовали налаживанию экономического, житейского состояния дел отдельных групп читателей, пытались создать благоприятную «духовную атмосферу» в местном обществе.

Мы разделяем не раз высказанное в литературе положение о том, что важна иерархическая значимость сосуществующих явлений. 1910-1920-е годы принадлежат эпохе, тяготеющей к тотальным утопическим идеалам и располагающей возможностями, которые дает для их воплощения политика. Отсюда доминирующий в литературе политический аспект изучения эмигрантской журналистики. «Русская журналистика за границей представляла весь спектр политической, а к концу XIX в. – и экономической эмиграции, которая менялась по своему составу, но сохраняла традиции литературной и культурной жизни» [Журналистика русского зарубежья 2003 : 91]. Разнообразны типы изданий, выходивших в зарубежье: журналы, газеты, сборники, листки, бюллетени, вестники и др. По замечанию М. Раева [1994 : 63], политический спектр эмиграции повторял ситуацию дореволюционной России, «если не считать отсутствия большевиков». Здесь присутствовали течения от крайне левых – анархистов-синдикалистов (в нашем списке это газета «Голос труженика»), левых и правых меньшевиков («Народная газета»), левых и правых эсеров (например, харбинская газета «Маньчжурия»), либералов различного толка – до крайне правых, ультрареакционных монархистов.

Начавшаяся в 1914 году мировая война привела к расколу внутри социалистических партий. «Большая часть членов, кроме большевиков, выступила за поддержку правительства в войне против Германии и за прекращение революционной борьбы до одержания победы»⁵. Меншевицкие издания в эмиграции стали антибольшевицкими⁶, что породило новую волну полемической литературы.

Советская, военно-коммунистическая идеология времен Гражданской войны, создала определенный *стереотип эмиграции*, равно как и принявших ее стран. Эта же идеология на долгие годы предопределила не только освещение событий, но и выбор тематики исследований. «На протяжении десятилетий русская эмиграция рассматривалась как отряд враждебного капиталистического окружения. Категории классового противостояния прочно вошли в научное исследование этой темы, предопределив ее рассмотрение через призму концепта «борьба» (война). Отсюда стереотипизация названий многих трудов⁷, утверждающих факт и результат идеологического противостояния: *Борьба с буржуазной идеологией в*

условиях перехода к НЭПу, Агония белой эмиграции, Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР, Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921-1924 гг.), Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Заголовки являются символическим воплощением официальной идеологии, или, говоря словами социолога – «символами элит, организовавших постройку»⁸.

Более уравновешенные и выверенные позиции находим в **постсоветском** научном дискурсе. Современные историки журналистики выдвигают ряд значимых для нас идей, противоположных прежде господствовавшим в данной отрасли науки. Некоторые из таких тезисов относятся к дискурсной трактовке идеологического языка. Важным заявлением выступает следующее: «Примеры различного понимания одного течения мысли свидетельствуют о возможности по-разному толковать такие субъективные явления, как мысли» [Журналистика русского зарубежья 2003 : 96]. Подчеркивается роль власти в социальных науках: «Сложилась тенденция видеть все то, что хорошо укладывалось в рамки официальной идеи... Все остальное попало в тень или вообще вытало из истории. Тенденция эта по-прежнему жива» [Там же; курсив наш. – Т. К.]. По мнению Г. В. Жиркова, «необходим новый анализ как самого большевизма, так и его периодики, поскольку существующая литература идеологизирована, роль большевизма и его журналистики в революционизировании России начала XX века преувеличены» [Там же 2003 : 97]. Автор анализирует книги о русской журналистике зарубежья, вышедшие в 20-х и в 70-х гг. XX века. Г. В. Жирков констатирует их тенденциозный характер, но отмечает, что публикации 20-х гг. (указываются: Белов В. Белая печать: ее идеология, роль, значение и деятельность. Материалы для будущего историка. Пг., 1922; Киришон В. М. Эмиграция и оппозиция. М., 1927; Grimm Э. Д. Эмиграция и интервенция. К 10-летию интервенции. М.-Л., 1929 и др.) были более содержательны и фактографичны, чем статьи и книги последующих лет советской власти. Новый, взвешенный подход к истории эмиграции прослеживается в литературе начала 90-х гг. XX века.

Обратимся к другому аспекту. **Обиходный** аспект культурной жизни эмиграции в его освещении эмигрантской журналистикой представлен в научной литературе самым незначительным образом. Исключение, возможно, составляет зарубежный коллективный труд под ред. К. Шлегеля «Русская эмиграция в Германии 1918-1941 гг.: Жизнь в гражданской войне» (1995). К обиходно-бытийному аспекту мы относим приоритетные для читателя в этой сфере культурно-образовательную, рекреативную и

рекламно-справочную функции журналистики. Пилотными изданиями в этой области стали выпуски серий работ под названием «Досуговая журналистика в России» [2009, 2010]. Опыт эмигрантских газет рассматривается в них лишь в первом приближении [Базанов 2009 : 6-9; Краснова 2009 : 133-138]. Можно подчеркнуть особую роль свойства «занимательности» в эмигрантской газете: занимательности на содержательном уровне (читателю интересно то, *о чем* пишут и *какой* может быть интерпретация) и занимательности на формальном уровне (интересно то, *как* написано). Газеты в эмиграции выполняли ряд важнейших обиходно-бытийных задач: в нужный момент вселяли оптимизм или юмористическое отношение к перипетиям жизни, способствовали внутренней консолидации соотечественников, защищали от произвола властей, оказывали помощь беженцам, создавали морально-психологический климат на местах и общественное настроение в той или иной ситуации.

Если говорить об альтернативе «погруженности» эмигрантской журналистики – в политику или в жизнь, – то здесь показательны суждения целого ряда авторов, в разное время изучавших историю и психологию русской эмиграции [Белов 1922; Еременко 1993; Раев 1994; Фрейнкман-Хрусталева, Новиков 1995].

Выделим основные положения, чтобы подвести **итог**.

- Кроме политической журналистики имелись и **д р у г и е** органы русской печати за рубежом. К ним относятся те издания, которые существовали за границей еще до революции и в то же время не принадлежали к какой-либо группе эмигрантской печати, не выявляли определенного политического лица (В. Белов). В журналистике были свои течения и направления, *стремящиеся уйти от проблем политики* или в смягченной форме выражающие общую тенденцию. Дискурс такого рода в изучаемом нами материале также наблюдается. В деполитизированном дискурсе существует торгово-промышленная газета «Скандинавский листок», в слабополитизированный дискурс встраиваются некоторые номера газет дальнего зарубежья (харбинские).

- Часть эмиграции вообще была чужда политике, идеологическим спорам. Другая часть, напротив – всю жизнь боролась с большевизмом (Н. С. Фрейнкман-Хрусталева, А. И. Новиков). Множество тех, кто бросил родные места в поисках лучшей жизни или под воздействием коллективных чувств неуверенности, страха, растерянности перед неопределенностью завтрашнего дня, относились к числу *колеблющихся*. М. Раев отмечает, что преобладающее большинство людей в эмиграции было настолько занято борьбой за выживание, что просто не могло позволить себе «роскошь» непосредственно и серьезно участвовать в политической деятельности. Политика волновала лишь незначительную часть интеллигенции

и офицерство; причем личные моменты, симпатии и антипатии зачастую играли большую роль, чем тактические и программные вопросы.

- Разные исследователи сходятся в том, что эмиграция представляет собой сложнейший социально-исторический и культурный феномен, в котором тесно переплетаются самые различные аспекты общественной жизни – политический и экономический, социально-психологический и эстетический, демографический и историко-культурный (Л. Еременко). По мнению ученых, отношение к эмиграции должно быть только объективным, основанным на реальных фактах истории, без каких-либо элементов конъюнктурности. До сих пор же преобладает позиция неуравновешенности, когда «в прошлом зачеркивали деятельность русской эмиграции, а ныне принимают ее всю, без каких-либо оценок и анализа» [Русская эмиграция 1997 : 7]. Но эмиграция настолько многогранное явление, что одними знаками «плюс» или «минус» характеризоваться не может [Журналистика русского зарубежья 2003].

Предположительно, ЭГ-журналистика эпохи кризиса делится на три разновидности: 1) *политическая* (партийная, военно-политическая); 2) *политизированная* (общественно-политическая); 3) *неполитическая* (или деполитизированная, коммерческая). Этому делению должны соответствовать три условных типа читателей: политизированные, колеблющиеся и слабо политизированные читатели.

Можно предположить и следующее. Политизированность газет, или политика сугубо направленной идеологизации читателя, не была жизненно необходимой для русской диаспоры за рубежом в первые **пореволюционные** годы. Однако точно так же она не была в отдельных моментах и случайной. Политизированность – одно из основных, но не всепоглощающих качеств газетного дискурса в контексте 1918-1919 годов еще и потому, что это было время «энтропии» – информационной неопределенности. С появлением политической определенности начался период массового «русского исхода», который изменил аудиторию и восприятие местной властью газет РЗ. Должны были меняться и сами издания. Вопрос этот требует специального изучения; в русле ограниченного военным временем исследования он лишь затрагивается.

* * *

История обобщает данные, относящиеся к сознательным проявлениям общественной жизни. Социальные структуры, включая власть, представляются в ней как объекты, не зависящие от того, как они осознаются людьми (К. Леви-Стросс). Такие «объекты», существуют как бы «сквозь людей», благодаря их действиям,

производимым совсем с иной целью, нежели цели управления этими объектами⁹. В социальном контексте обычным явлением становится идеологическое противоположение, то есть феномен оппозитивности.

Духовно-политическую среду существования гуманитарных отраслей знания в советской России мы рассматриваем как *внешний* контекст для словесной культуры русского зарубежья и для пореволюционной российской культуры, ставшей в результате культурой тоталитаризма: подробнее в [Романенко 2002]. Тенденция к тотальности, то есть к поглощению властью человеческой личности, включена в систему тоталитаризма как претензия на всего человека – в его физической, психической и интеллектуальной сущностях [Исаев 1992 : 7]. *Трансформируясь, словесная культура вносит в свое лоно навязанный ей политико-идеологический конструкт.*

Ниже мы рассмотрим это положение вместе с обзором этапов развития отечественной социологической лингвистики в идеологизированном контексте.

2.2. Социологическая лингвистика в политико-идеологизированном контексте словесной культуры

Нет сомнений в том, что изучение идеологического дискурса газет РЗ должно проводиться с позиций, подготовленных развитием социальной лингвистики. Послереволюционный период был временем расцвета этой науки. Развитие социологического направления лингвистики связано с XX веком в силу невиданной активности постигших его социальных процессов, движений и катаклизмов. Согласно В. М. Алпатову, изучавшему труды Е. Д. Поливанова и его предположения о причинах поворота, выразившегося именно в «искании путей социологической лингвистики», этот поворот произошел еще в 10-20-е годы XX века, как раз в период войн. На Западе в это время работали такие крупные лингвисты, как Ф. де Соссюр, А. Мейе, Ш. Балли, Ж. Вандриес, К. Бюлер, К. Фосслер. **Социологический поворот** в лингвистике Е. Д. Поливанов считал общим свойством времени. Через полвека с новым витком в развитии науки произойдет еще один поворот – когнитивный. О нем скажем позже.

Если для европейской науки XX века интерес к социальному аспекту изучения языка можно назвать, по крайней мере – характерным¹⁰, то для русской науки внимание к этому аспекту – национальная традиция. В России в работах всех выдающихся лингвистов – Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского, А. А. Потебни, Н. И. Крушевского, И. А. Бодуэна де Куртене, А. А. Шахматова – всегда рассматривалась проблема «язык и общество» и для комментариев

привлекались смежные с языкознанием науки [Десницкая 1981 : 86; Лысакова 2005 : 7]. Обостренный интерес к социальной дифференциации языковых явлений послужил основанием для организации Петербургской (Ленинградской) школы, созданной Бодуэном де Куртене. Ученый считал, что основанием языковедения должна служить не только индивидуальная психология, но и социология.

Социологическое направление в языкознании охватывает разные школы, направления в России и за рубежом. Обзоры направлений и сборники работ по истории и теории социологической лингвистики стали регулярно издаваться в России в последней трети XX века, включая зарубежные работы и рецензии [Швейцер 1971; Новое в лингвистике 1975; Швейцер, Никольский 1978; Десницкая 1981; Звегинцев 1976 и 1996; Язык и моделирование социального взаимодействия 1987; Лысакова 1989 и 2005; Живов, Земская, Крысин 2000; Сумерки лингвистики 2001; Романенко 2002 и 2003; Зарубежная лингвистика 2002; Рождественский 2003; Колесов 2003; Алпатов 1999 и 2005; Алпатов, Вельмезова 2003; Салимовский 2005; Язык средств массовой информации 2008; Гулида, Вахтин 2010 и др.].

Вслед за историками лингвистики, мы склонны рассматривать социологическое направление исследований очень широко: помимо известных работ 20-30-х гг. мы относим сюда последующие работы, связанные с изучением социальной дифференциации языка (стиля), включая сюда проблему ориентации говорящего на аудиторию, а также исследования по проблемам идеологического воздействия через язык. Но поскольку центральной наукой в русле названного направления с 60-х гг. стала социолингвистика, мы уделяем ей наибольшее внимание. Кроме работ советских специалистов, в этом разделе мы используем материалы социолингвистического обзора в составе компендиума, посвященного русистике: *Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen/Hrsgb. von H. Jachnow. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 1999, 1336 S.* [см. рецензию В. М. Живова, Е. А. Земской, Л. П. Крысина в журнале «Вопросы языкознания» № 5 за 2000 год].

Заметим также следующее. Современная западная социолингвистика (некоторые ее направления, связанные с изучением отражения в языке социальных процессов) концептуализирует политику и язык, отношения между ними. Еще в 90-е годы на Западе вышли книги, в которых так или иначе используются новые идеи о связи языка с идеологией [см. Алпатов 2005]. В настоящем разделе термин «идеология» понимается с учетом того, что это *идеология политической власти*.

2.2.1. Политико-идеологизированный контекст и словесная культура

В задачу данного раздела входит подтверждение ряда функций идеологии и ее риторических контекстов в дискурсе лингвистики. Об **идеологическом подавлении** неудобных научных концепций в истории лингвистики социологического направления хорошо известно. Однако не меньшего внимания заслуживают две другие взаимосвязанные функции политической идеологии: **функция охранения** концепций, которые отвечали доктрине власти, и переплетающаяся с ней – **вспомогательная функция** идеологии. Напомним, что слово «вспомогательный» имеет два значения: 1. Служащий для оказания помощи, поддержки. Ср.: *Вспомогательный капитал* (запасной) 2. Второстепенный, не главный, добавочный. Ср.: *Вспомогательные науки. В. значение.* Далее мы стремимся показать, что оба этих значения актуальны для понимания ситуации, связанной с характером отношений политической идеологии и словесной культуры. В данном случае – словесной культуры в ее научно-теоретической ипостаси.

Лингво-идеологический анализ тоталитарного дискурса представлен в [Купина 1995]. Идеологические предписания проводились в тоталитарном дискурсе через мировоззренческие установки, облеченные в языковую форму идеологем. Ведущая семантическая сфера политики поддерживала процесс идеологизации через регулярные идеологические «добавки», и он внедрялся во все сферы общественного сознания, включая научную. Идеологизированный научный дискурс включал фрагменты такого *метадискурса*, который сигнализировал субъекту власти о нормативной позиции говорящего.

По А. П. Романенко, словесная культура – это, во-первых, система нормативов, по которым строится языковая жизнь общества. Во-вторых, это общие принципы, которые лежат в организации *и языка, и речи, и языковой личности, и словесности, и филологических описаний – всей языковой жизни общества.* Эти общие принципы с 1918 г. до так называемой Перестройки безусловно зависели от авторитаризма и тоталитаризма культуры. Но, как замечает автор, не исчерпывались этим обстоятельством [Романенко 2002 : 118].

Больше всего нас интересует революционный и пореволюционный периоды, когда создавались филологические работы А. М. Селищева, Е. Д. Поливанова, В. Н. Волошинова и М. М. Бахтина, Р. О. Шор, Г. Г. Шпета и других ученых с непростой судьбой. Эти филологические сочинения должны были отвечать двум сторонам общественной практики – языковой и идеологической, становясь близким к достоверности историческим отражением того и другого.

В силу этого *дискурс о языке*, ставший, по выражению П. Серию, «пунктом сплетения фундаментальных вопросов об отношениях между языком, историей и субъектом», является главным предметом нашего внимания в следующем разделе. Влияние политической идеологии на словесную культуру и теорию языка рассматриваются в русле философии языка и социологического направления лингвистики с привлечением данных эпистемологии и обзора тенденций в лингвистике последующего времени (включая начало 2000-х гг.).

2.2.2. Подавляющая и вспомогательная роль идеологии в науке о языке

Социальный и интеллектуальный контексты научного познания зависят от «времени» и «места» его возникновения и функционирования. Это особенно очевидно для России.

В годы революционного кризиса ведущей политической идеологией был марксизм (плекхановского толка и «ленинского типа» марксизм). На первый план выдвинулось *социологическое направление в познании человековедческих закономерностей и роли активного субъекта в историческом процессе.* В дальнейшем с марксизмом связывают «технизм» и «операционализм», свойственные философии индустриализма, техногенному развитию философских идей.

В свое время Г. В. Плеханов обращал внимание на закон развития идеологических явлений по аналогии или в порядке *п р о т и в о п о с т а в л е н и я*¹¹ другому. Возможно, именно такому положению в 20-е годы соответствуют два направления теоретической мысли в языкознании: *социологизм* (позднее под названием «вульгарный социологизм») и *абстрактный объективизм* (по Волошинову/Бахтину), то есть структурализм, восходящий к позитивизму в науке конца XIX века.

«Новой идеологии – новую науку» – таково, в переложении П. Серию, представление о русской науке у евразийцев Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона, П. Н. Савицкого [Серию 2001 : 274]. По их убеждению, идеология идет впереди, а наука следует за ней; науку подталкивают вперед не открытия новых фактов, а *н о в ы й в з г л я д* на старые факты.

Заслуживает внимания (а нам принципиально близок) самый подход П. Серию к описанию им научных идей, родившихся в среде Пражского лингвистического кружка. Этот *д р у г о й* подход автор называет «сравнительной эпистемологией». Ее сжатую методологическую характеристику дает Н. А. Автономова во вступительной статье к авторизованному переводу книги Серию: «Как

общая позиция она предполагает **сопоставление различного, но сходного** историко-научного материала, **отказ от тезиса несоизмеримости**. Как конкретная методика она требует тщательного **перепрочтения текстов, затертых последующими интерпретациями**, реконструкции интеллектуальных миров и лежащих в их основе “идеальных библиотек” (что читали, могли читать, могли знать те или иные авторы). “Сравнительное” здесь значит не имманентное, а открытое к иному познавательному опыту...» [Там же, С. 12; здесь и далее выделено в цитатах нами. – Т. К.].

Речь идет об интеллектуальных контекстах, или контекстах «предпосылочного знания», как экстралингвистического фактора¹² существования любой научной теории.

Если рассматривать эпистемическую ситуацию в качестве модели процесса познания, то важнейшую роль среди экстралингвистических факторов познавательной деятельности играет комплекс субъект-объектных отношений [Котюрова 1996; Баженова 1996]. В нем все аспекты познавательной работы (онтологический, методологический и аксиологический) связаны с ценностной ориентацией познающего субъекта. В конкретном процессе вербального представления научного знания интеллектуально-духовная деятельность реализуется как деятельность оценочная [Рождественский 2003; Данилевская 2005]. Онтологический аспект имеет прямое отношение как к общественно-языковой практике, так и к научной теории, которые взаимодействуют. Методологический аспект отражает стратегии в деятельности познающих субъектов. Аксиологический аспект присутствует везде. Оценочность лежит в основании эпистемической ситуации как связь с ценностными источниками смысла (то есть в контексте с идеологическим преконструктом). Оценка сопровождается оценочными действиями исследователя, которые мы бы назвали **оппозитивно организованным выбором** в модусе когнитивной реакции: *принимаю/отвергаю; объективно/сомнительно, ложно; хорошо/плохо*.

В обзоре, помещенном ниже, источниками познавательного смысла выступают и политико-идеологический *контекст*, и сам *дискурс* о языке. Оба явления вплетены в социально-историческую ткань действительности (советской и постсоветской). Положения, из которых мы исходим, следующие.

- В широком политико-идеологическом контексте ученые, как и журналисты, являются субъектами властной коммуникации. Они имеют дело с идеологемами, с фактами культуры, которые представляют собой либо **п р а в и л о**, либо **п р е ц е д е н т** [Рождественский 1999].

- Идеологема не всегда прямо воспроизводится в тексте, чаще они сосредоточены в пресуппозиции, но следы их присутствия ощущаются в рамках ведущей научной парадигмы.

- Условный политико-идеологический субъект выполняет в дискурсе функцию насаждения и охранения (консервации) ведущей идеологической доктрины. Вместе с тем, власть подчиняющей идеологии выполняет в дискурсе не главную, а вспомогательную функцию. По-существу она вынуждена служить развитию научных идей, но их оформление носит зависимый от нее характер.

Ниже обозначены периоды воздействия политико-идеологического контекста, его доктрины и субъектов власти на дискурс о языке. По степени идеологического влияния на общество в целом традиционно выделяются: 1918-1950-е годы (интенсивно выраженная идеологизация) и 60-70-е годы (консервация стержневой идеологии, «ленинских норм»). С последующими десятилетиями связывают признаки **деидеологизации** и рецидивов прежней идеологии. Положения, близкие к данной периодизации, находим в *Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen/Hrgb. von H. Jachnow. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 1999, 1336 S.* [Рецензия: *Вопр. языкозн.* № 5. 2000.]

1918-1950-е годы: новый языковой стандарт и работы по социально-идеологическому расслоению языка; риторический аспект марксизма в научном дискурсе. Начиная с 20-х годов, в истории советской лингвистики преобладал марксистский подход. Хотя еще у античных истоков лингвистики намечаются два будущих пути языковой теории (материалистический и идеалистический)¹³, учение о формальных сторонах языка и художественной речи было вытеснено учением Н. Я. Марра о семантике, *о первенстве идеологического содержания над формой*¹⁴. Установившееся в науке положение исследователями характеризуется как безальтернативное: «Русское языкознание, столь плодотворное своими идеями и масштабными разработками (здесь можно назвать, например, развернувшиеся в 10-е – 20-е гг. XX в. планомерные диалектологические исследования на европейской территории России), оказавшись в 30-е – 40-е гг. зажатым в тиски тем, что мы сейчас называем “административными мерами”, и неся потери в своем кадровом потенциале, нередко трагические – вряд ли смогло бы переломить грубую силу внешнего воздействия» [Лаптева, Благова, Маковский, Строкова 2002 : 48].

В 2001 году вышел беспрецедентный сборник работ под названием *«Сумерки лингвистики: Из истории отечественного языкознания»*. Антология / Сост. В. Н. Базылев, В. П. Нерознак. М.: Academia, 2001. Впервые советская лингвистика 20-50-х гг. оказалась подробно представленной в одной книге. На с. 140 составители сборника отмечают: «История науки – важнейшая отрасль знания: наука предстает не как набор непреложных истин, а как борьба за их установление – тяжелая, далеко не всегда ведущаяся джентльмен-

скими методами». Рецензент сборника К. Г. Красухин в журнале «Вопросы языкознания» [2003. № 5], размышляя о названии сборника, пишет: «Сумеречное состояние души – вовсе не предрассветное; последняя часть вагнеровской тетралогии – “Götterdämmerung” – это именно “Сумерки богов”, преддверие их гибели»¹⁵. В сборнике под названием «сумерок» объединяются те направления советской лингвистики, которые *сознательно порывают с традицией*. Их важнейшие черты оппозитивны – это резкое неприятие буржуазной лингвистики и восторженное отношение к марксизму (оппозиция буржуазное/советское).

Но составители сборника все же предостерегают от однобоких оценок периода 1918-1957 гг. в советском языкознании. И обоснованно.

В 20-30-е гг. появился ряд работ, содержащих другие – конкретные и «неидеологизированные» – наблюдения социально обусловленных изменений в языке (работы А. П. Баранникова, А. М. Селищева, Е. Д. Поливанова, Г. О. Винокура и др.)¹⁶.

Спустя многие десятилетия общепризнанной стала выдающаяся роль Е. Д. Поливанова в развитии «социологической лингвистики», значимость трудов М. М. Бахтина, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, В. М. Жирмунского, Б. А. Ларина, Л. П. Якубинского для укрепления позиций этого направления лингвистических исследований. Е. Д. Поливанов разработал принципы и понятия теории *нового языкового стандарта*, указал его отличия от дореволюционного языкового мышления, присущего интеллигенции [Поливанов 1968 : 217]; социологически и теоретически обосновал *нормализаторский процесс*, называемый «упрощением» языка [об этом см.: Романенко 2000 : 154-157]. В своем терминологическом словаре, как и в других работах, Е. Д. Поливанов писал о «марксистской лингвистике». В сущности это было лингвофилософское обоснование другой словесной культуры, противопоставленной лингвофилософской концепции Н. Я. Марра.

Говоря о марксистских истоках ряда лингвистических идей, современные историки науки считают, что их нельзя игнорировать, но не стоит и переоценивать. В частности марксизм в деятельности Е. Д. Поливанова и других советских ученых той эпохи играл в их лингвистической деятельности примерно ту же роль, что евразийские истоки лингвистических идей Н. Трубецкого и Р. Jakobsona. Они *стимулировали выбор той или иной точки зрения, тех или иных решений, нередко самого объекта рассмотрения*, но из этого не следует, считает В. М. Алпатов, что существовала какая-то особая евразийская, как и марксистская, лингвистика¹⁷. Такое утверждение представляется нам не только верным, но и прозорливым. Приведем свои доводы.

1. Политико-идеологический контекст с его вниманием к социальному расслоению общества *способствовал общему развитию социологического направления* в отечественном языкознании. Уже в **20-е** годы имелся важный опыт изучения языковых особенностей малых групп населения (коллективов). Кроме новых черт языка в речевой жизни общества, исследовались и были описаны особенности речи отдельных классов и социальных групп: рабочих, крестьян, красноармейцев, уголовников, подростков, школьников и т. п. В работе 1929 года Р. О. Шор обращает внимание на факты экспрессивности слова, устанавливая их связь с **«социальной диалектологией»**¹⁸. Она пишет, что по выбору слов, по характеру их расположения, психическому состоянию и отношению к сообщаемому – воспринимающий квалифицирует говорящего как представителя той или иной общественной группы. Истолкование переносится на самые слова в зависимости от того контекста, от того умонастроения, от той общественной группы, в которой слова обычно употребляются... Заключение Р. О. Шор соответствует духу современных дискурс-исследований, посвященных разновидностям профессионального или этнического дискурса (см., например, труды В. И. Карасика, И. А. Стернина и В. З. Демьянкова, С. В. Ермакова, Т. В. Михайловой, И. Е. Ким, Е. В. Осетровой и др.).

2. Политико-идеологический контекст инспирировал *новый способ актуализации научных проблем*: их связь с марксизмом, с идеологией. Так, в комментарии В. Н. Волошинова к написанной книге можно увидеть необычное разъяснение роли социологического метода в лингвистике через главный объект научных интересов самого ученого (чужую речь). Факт создания новой «социологической металингвистики» укрупняется, эпистемическая ситуация предстает как новое открытие в марксизме. Сравните: «Марксизм и философия языка есть не что иное, как перформативное высказывание о том, что такое “высказывание”, опыт “металингвистики”, проблематизирующий лингвистику с помощью “социологического метода”, то есть посредством господствующего языка времени – “чужой речи”. Это первое по-настоящему новое открытие в марксизме в плане теории идеологии»¹⁹.

Общественно-языковая практика 20-х гг. соответствовала приписанному чужой речи статусу господствующего языка времени. Эта практика определялась устно-ораторическими условиями коммуникации. В изучаемых газетных текстах множество «сцен», которые передают общественную конфронтацию. Полемическое многоголосие, скрещивание мнений поддерживается синтаксическим и абзачным членением, предикатами речи и мысли.

...Ораторами выступили редактор анархистской газеты «Голос труда» – Волин, В. Шатов, рабочие Н. Павлов, А. Черняков и др.

Речи всех ораторов сводились к тому, что...

Большевиков г. Волин обрисовал в образе...

Нападая на все партии, на фракции и другие партийные организации, ораторы призывали слушателей отрешиться от всех условностей, не строить себе кумиров, ибо...

Коснувшись вопроса о манифестации в пользу мира, В. Шатов указал, что...

Ругая Чернова, Скобелева, Гоца и др., анархисты «по-дружески» предупреждают большевиков, что если...

Ораторы также напали на большевиков за то, что... (Народная газета 1918).

Монолог в газетах также диалогизирован. Он также создается в духе полемической конфронтации с противником.

7-го ноября (по н.с.), т.е. в день большевистского переворота исполнится **не годовщина нашей революции, а годовщина начала немецкого ее периода, или, что то же, годовщина нашего национального позора.** В этом позоре, которым закончилась наша с такими надеждами начатая революция, нам **обидно сознаваться, но мы это делаем,** потому что уверены, что дело на этом не остановится и над Россией

«...взойдет свободная заря».

(Общее дело 1918; абзацное членение и разрядка по газете. – Т. К.).

Столь интенсивная общественно-языковая практика имеет, конечно, прямое отношение к возникшей в эти годы фундаментальной концепции диалогичности Бахтина/Волошинова (работа «Марксизм и философия языка»). А. М. Селищев, характеризуя «революционное время», пишет об «усиленной речевой деятельности в среде населения, охваченного революционным движением», о доминирующей «ораторско-диалогической» форме речи. В своей работе ученый описывает не просто язык эпохи. Его внимание привлекают три функции речи, имевшие «весьма большое значение в революционные годы»: *коммуникативная, эмоционально-экспрессивная и назывная* [Селищев 2003 : 65-69 и сл.]. По Селищеву, различие между языком революционного времени до 1917 г. и языком после Октября заключается в «степени интенсивности и широте распространения указанных языковых особенностей» [Там же].

Отметим существующее до сих пор несоответствие. В отличие от малоисследованных речевых «документов» *Русского зарубежья времени революции*, словесная культура революционной эпохи в России описана довольно хорошо. См. обзор в [Романенко 2002], отчасти [Грановская 2005].

Вернемся к идеологической проблематике – к вопросу о степени влияния ведущей политической идеологии на языкознание того времени.

На этот вопрос существует несколько ответов. Марксизм определяют либо как искусственно привнесенное в языкознание содержание²⁰, либо как органическое свойство советской философии языка²¹, либо ввиду сложности проблемы учитывают связь того и другого²². При этом, – считает А. П. Романенко в [2001], – нужно различать, с одной стороны, взаимоотношения советской философии языка и *марксизма как теории*, с другой – взаимоотношения ее и *марксизма как риторической, речевой практики*. Первый аспект проблемы, внутренний, касающийся самой теории языка, исследуется давно. Второй аспект, внешний, в историко-лингвистической литературе по существу мало изучен. Он составил предмет примечательной статьи А. П. Романенко и отчасти наших наблюдений.

С прагматической точки зрения, *риторический аспект марксизма* выполнял в дискурсе науки мотивировочно-вспомогательную функцию: помогал работам получать «пропуск» на выход в свет в эпоху тоталитарного режима. Явление вполне объяснимое, и не только прагматическое. Гуманитарная научная речь все больше становится в это время царством «мнений», причем заведомых мнений (о чем писали М. М. Бахтин и В. Н. Волошинов). Но даже и в этих мнениях, отмечают авторы, «выступает на первый план **не то, что** в них собственно «мнится», а **как** оно индивидуально или типически **мнится**»... идеологам этого процесса²³. П. А. Флоренский – ученый-энциклопедист, математик, искусствовед, филолог, философ, богослов – также имел основания говорить о субъективности науки в эпоху тоталитаризма²⁴. Добавим: есть основания говорить об *идеологической субъективности* тех самых *общих принципов*, которые лежат в организации советской словесной культуры («лишь ею построенных схем и фикций», говоря словами П. Флоренского). Но обычно в субъективности уличалась другая сторона.

Типичный пример оценки «сигнальным способом» с помощью идеологом находим в ставшей историческим памятником – *вступительной части* статьи о модальности (публикация относится к 1950 г.): «В буржуазном языкознании категория модальности, понимаемая, обычно искаженно – в субъективно-идеалистическом плане, иногда рассматривается как основа смыслового единства и вместе с тем как принцип дифференциации всех цельных синтаксических выражений мысли, чувства и волевого импульса <...>. В советском языкознании изучение категории модальности и средств ее выражения в разных языковых системах должно исходить из основных принципов диалектического материализма и осуществляться в тесной увязке с материалистической теорией предложения»²⁵.

Очевиден риторический и «ритуальный» уклон вступительной части. Используются прямые враждебные оценки в духе борьбы и

противостояния. Они характерны для персонифицированной идеологии власти и *образа ритора* советской эпохи [См. Романенко : 2003]. Выбранная тактика (в статье Лаптевой, Благовой, Маковского, Строковой [2002 : 48] говорится об «искусном и успешном лавировании») применялась в условиях партийного руководства и в рамках общепринятой научной парадигмы.

После решающей для советской лингвистики сталинской коррекции положения дел²⁶ в советской лингвистической философии происходит **возврат к парадигме «абстрактного объективизма»**, основанной на принципе условности знака²⁷. Категория «объективной модальности», сконструированная в оппозиции к «субъективной модальности», относится к знакам такой парадигмы [см. также: Распопов 1970 : 8; Федосюк 1988 : 9; Шмелева 1988; А. Г. Баранов 1993; Зеленщиков 1997; Краснова 2002]. В политико-идеологическом контексте из философских оппозиций *материалистическое/идеалистическое, объективное/субъективное* выростала политико-идеологизированная оппозиция *советское/буржуазное*. Буржуазная наука связывалась с идеалистически субъективным (ограниченным и порочным) взглядом на вещи, советская – с диалектическим объективно-научным пониманием вещей.

В литературе отмечалась связь этих явлений с номинализмом²⁸. Одна из простейших форм политической власти, по замечанию П. Бурдьё, заключалась «в почти магической власти называть и вызывать к существованию при помощи номинации» [цит. по изд. Почепцов 2001 : 194]. Неслучайно речь монологическая (авторитарная) вызывает у М. М. Бахтина сомнение и неприятие [ср.: Эсалпек 2003 : 160].

Так или иначе, право голоса отдается *идеологическим субъектам властной коммуникации*, ими определяются принципы организации научного дискурса (общего для ученых «канала-посредника»). Другой голос не имеет нужного резонанса в коллегиальном сообществе. Такой «нерезонансный» факт из истории научных идей в филологии приводит В. М. Алпатов [2005 : 279]. Прочитую выдержку из его работы полностью, так как в ней содержится современное направление социологических исследований: «Концепция Виноградова учитывала неоднородность языка, например русского, но сводила ее, в первую очередь, к противопоставлению национального литературного языка разным нелитературным образованиям: просторечию, территориальным и социальным диалектам. Последние многообразны, но литературный язык более или менее един. Однако Бахтин подчеркивал, что и литературный язык «разноязычен»: объектом его изучения становится «внутренняя расслоенность единого национального языка на социальные диалекты, групповые манеры, жанровые языки, профессиональные жаргоны, языки по-

колений и возрастов, языки направлений, языки авторитетов, языки кружков и мимолетных мод, языки социально-политических дней и даже часов»²⁹. Своего рода экспликацией положения дел в науке того времени можно, по-видимому, считать содержание раздела «Бахтин и Виноградов. Опыт сопоставления личностей», а также содержание других историографических эпизодов в указанной книге В. М. Алпатова [2005].

Интерес к лингвистике начального периода советской власти и, в целом – к изучению языка тоталитаризма и ситуаций, с ним связанных, обнаруживает себя и за пределами России. 2-4 октября 2003 года в Швейцарии состоялась международная конференция «Дискурс о языке в тоталитарных режимах». Большая часть докладов была посвящена дискурсу о языке в тоталитарных обществах в историческом аспекте, начиная с древних эпох. В 2002 году состоялся первый в Западной Европе международный коллоквиум, посвященный эпистемологии советской лингвистики – «Философские, эпистемологические и идеологические основания дискурса о языке в СССР. 1917-1950» [Вопр. языкозн. 2003. № 2. С. 150-153]. Оба научных события организованы крупным специалистом в области сравнительной эпистемологии центрально- и восточноевропейской лингвистики, профессором кафедры славистики Лозаннского университета П. Серио. Одна из основных целей коллоквиума-2002 состояла в изучении мало исследованного аспекта советской культуры 1917-1950 гг., связанного с разными подходами к понятию «язык». Планировалось обратиться не только к работам профессиональных лингвистов, но и к трудам представителей других специальностей, затрагивающих языковые проблемы. Часть докладов посвящены анализу понятия «марксистской науки» и отношений между наукой и идеологией.

В России (замечание П. Серио) эпистемологические исследования в области истории языкознания ведутся очень немногими. Книгу самого проф. П. Серио, посвященную анализу структуры и смысла советского политического дискурса, отрецензировали по вненаучным причинам с опозданием на 5 лет [Seriot P. Analyse du discours politique soviétique. P.: Institut d'études slaves, 1985, 362 p.]. Подход же к политическому дискурсу не с идеологической, а с другой – чисто научной точки зрения – не был еще принят в России. «И в целом политический дискурс остается пока terra incognita для отечественных языковедов», – отметил в начале 90-х рецензент публикации [Вопр. языкозн. 1991. № 6].

Сейчас положение в корне изменилось. Но ведь еще в 90-е годы В. М. Алпатов рассматривал различные попытки построения марксистской лингвистики в СССР в 20-30-е гг. (марристы, языкофронтовцы, Е. Д. Поливанов). Объяснение причин влиятельности

марксизма и, в частности, марризма в советском языкознании он мотивировал влиятельностью м и ф а, а не науки³⁰.

Советская философия языка, согласно А. П. Романенко [2001], имела не столько научно-теоретическую, сколько **культурно-прагматическую значимость** (о чем говорит и сам факт вмешательства в нее И. В. Сталина). А. П. Романенко показал культурный детерминизм советской философии языка³¹, смог объяснить ее специфику особенностями мифологизированной культуры, особенностями общественно-языковой практики и попытался понять **неслучайность борьбы** (по нашей терминологии – с *Другим*) и **выбора теорий языка** в этой культуре. В частности, лингвофилософские теории Поливанова и Марра отвечали «разным культурным моделям», поэтому их оппозиция стала очевидной. Первая модель ориентировалась на *преemptивность и новаторство с учетом традиции*, д р у г а я модель – на *разрыв с традицией*, на культивирование «нового учения о языке». Отсюда их конкуренция, закончившаяся подавлением концепции Е. Д. Поливанова.

По утвердившемуся мнению есть три устойчивые традиции отношения ученых к периоду советской власти в науке (нижняя временная планка – 1918 г., верхняя – более условна). Это конформистски-националистическая традиция отношения (после появления работ Сталина), конформистски-монистическая традиция отношения в 50-70-е гг. и плюралистически-пессимистическая традиция отношения в 80-90 гг. (с преобладанием мрачных оценок). Составители сборника «Сумерки лингвистики» В. Н. Базылев и В. П. Нерознак связывают последнюю границу с окончанием «сталинского» периода и обращением отечественных языковедов к достижениям зарубежной науки.

60-70-е годы: утверждение принципа функционализма; активизация лингвосоциальных исследований во всем мире; возникновение когнитивной науки. С 60-х годов XX в. подвергся пересмотру ряд теоретических положений господствовавшей в то время в Америке генеративной лингвистики, которая рассматривала язык в «очищенном», идеальном виде. Правда сам Н. Хомский считал, что все направление генеративной грамматики развивалось в контексте «когнитивной революции» [КСКТ 1996 : 71].

Постепенное утверждение принципа функционализма стимулировало широкое развитие функционально-стилистических исследований, которые вливались на правах ведущих в социологическое направление отечественного языкознания. В его составе *функциональная стилистика*, с «узаконенным» ею обращением к внеязыковой действительности и участникам коммуникации, смыкалась с *социолингвистикой* [Степанов 1990 : 493]. Прикладной поначалу раздел языкознания – стилистика – в условиях господства структу-

рализма стала продолжателем научной традиции, связанной с общим учением об «употреблении языка». Функциональный подход к описанию языка и речи с позиций стилистики (текстовой, функциональной, генетической и декодирования, прагматической, практической, теоретической, исторической, сопоставительной) стал преимущественным в исследованиях и штудиях нескольких десятилетий, можно сказать – сложившейся национальной традицией. Весомый вклад в развитие лингвистической стилистики и в становление отечественного речеведения принадлежит М. Н. Кожинной и ее последователям [см. Кожина 2004; Салимовский 2005; см. статьи в СЭС 2006].

Широкое распространение получили д р у г и е – не классово-идеологические, а вполне «рабочие» понятия социолингвистики: *коммуникативная компетенция, речевой акт, регистр, языковой барьер, ограниченный языковой код, речевое сообщество (speech community)* и др. Русистика 60-х – начала 70-х годов отличается такой же интенсификацией социолингвистических исследований, как и подобный процесс за рубежом. Если советская наука в 20-40-е годы противопоставляла себя западной лингвистике как буржуазной, то в этот период устанавливаются более регулярные связи с различными направлениями лингвистических исследований в других странах. В качестве примечательной особенности советской социолингвистики последней трети XX века отмечают ее *отход от умозрительных концепций*.

Доминирующий пафос периода 60-х гг. в СССР был антисталинским, критически-разоблачительным. Массовая аудитория, ее интересы были вполне включены в систему СМИ, а языковой стандарт ориентировался на ораторику массовой коммуникации. Неслучайно в начале 60-х, говоря о том, что Институт русского языка АН СССР не оказывает должного воздействия на общественную языковую практику (отклик на партийную критику), акад. В. В. Виноградов ставит задачу широкого изучения языка массовой коммуникации³². Это определило научную деятельность и коллективов, и отдельных ученых. Появились хорошо известные теперь труды В. Г. Костомарова, Г. Я. Солганика, М. Н. Кожинной, К. А. Роговой, И. П. Лысаковой, Л. М. Майдановой и многих других.

В годы «застоя» и начала Перестройки внимание исследователей привлекают *социальные вопросы функционирования и дифференциации языка*. Самыми актуальными становятся *вопросы эффективности идеологического воздействия и фактор социальной оценки* в публицистике, предполагающий оперирование ментальными представлениями воспринимающих реч.

Затронем тему отношения российской социолингвистики с наукой за рубежом. Она специально рассматривалась в [Handbuch

der sprachwissenschaftlichen Russistik 1999]. Отвечая на вопрос, как воспринимались в СССР идеи и концепции западной науки того же направления, зарубежные авторы отмечали следующее. Хотя в 70-е годы становятся известными многие работы У. Лабова, Д. Хаймса, Ч. Фергюсона, Дж. Гамперца, С. Эрвин-Трипп и других американских исследователей [см., в частности, 7-й выпуск «Нового в лингвистике» за 1975], несколько позднее – книги Р. Т. Белла «Социолингвистика» [1980], – многие представители советской науки критикуют западных и американских авторов за «внеклассовый» подход к изучению социальной обусловленности языковых явлений, за гипертрофированное внимание к исследованию речевого поведения человека в малых социальных группах и, напротив, за пренебрежение к макропроцессам, текущим в больших языковых коллективах.

К 70-м годам и в 70-е гг. в России выходит ряд работ, **основанных на массовом социолингвистическом материале и лишенных примет идеологизации.** Прежде всего это четырехтомная монография «Русский язык и советское общество», выполненная под руководством М. В. Панова [1968]³³, затем «Русский язык по данным массового обследования» [1974], сборник «Социально-лингвистические исследования» [1976] под ред. Л. П. Крысина и Д. Н. Шмелева. Добавим: для теоретического обоснования позиций социолингвистики среди других дисциплин видную роль сыграли также работы В. А. Звегинцева, А. Д. Швейцера, Л. Б. Никольского и других исследователей.

В это же время за рубежом (Франция) отмечены резкие теоретические столкновения между теми, кто в рамках зародившейся *теории дискурса* пытался «соединить» язык, идеологию и дискурс, и теми, кто, будучи близок к узкой проблематике социолингвистики, занимался исследованием различий языка социальных групп. П. Серрио отмечает, что западные специалисты, не зная русского языка, не задавались вопросом о возможном отличии советской социолингвистики, которая изучала в значительно большей степени «отражение» действительности в языке, чем это было на Западе³⁴. С другой стороны, зарубежные коллеги высказывали мнение, что и в годы Перестройки и после нее западные социолингвистические идеи воспринимаются в России неохотно. Отмечалось и характерное *несоответствие* в теоретических установках советских исследователей: официально декларируется подход с марксистско-ленинских позиций, а в конкретных исследованиях, содержащих наблюдения над современным русским языком, этот подход может не отражаться. Между тем это явление для того времени вполне объяснимо. Для общественно-языковой практики России (СССР) 70-х – первой половины 80-х годов характерна *усиливающаяся ритуализация*

речевых действий и условий общения, ориентация языкового стандарта на документ. С другой стороны, в противовес казенной речи выделился в качестве *особой коммуникативной системы разговорный язык* с его «антитоталитарным механизмом языковой самообороны» [Вежицкая 1993].

Нельзя не заметить один важнейший сдвиг в развитии зарубежной лингвистики этого времени. В 70-х гг. прошлого века возникла потребность «определить науку об идеологии, основной составляющей которой должен был стать *анализ дискурса*» [Серрио 1999 : 20; курсив наш. – Т. К.]. Как и в русской концепции Бахтина и Волошинова, во французской школе анализа дискурса стало утверждаться широкое семиологическое понимание слова «идеология». Рассматриваются факты, в которых наблюдается «их неадекватность эмпирическому миру в силу их искажения или упущения»; подчеркивается «химический характер идеологии...» [Там же]. Появление новой парадигмы научных исследований знаменовало *когнитивизм*. С ним пришло новое понимание того, как подойти к проблеме внутреннего представления мира в голове человека.

В 80-е годы в отечественной лингвистике, отмечается в обзорах [Живов, Земская, Крысин 2000], произошла **«реабилитация» властью конкретных социологических исследований**, что отразилось на социолингвистических штудиях. Раньше преимущественное внимание уделялось макропроцессам, что было свойственно ортодоксальной советской лингвистике (указываются, например, работы Ю. Д. Дешериева). Теперь изучаются языковые явления, характерные для малых социальных групп [см. обзор : Гулида, Вахтин 2010].

С 80-х годов активизировались исследования по языку города, языку толпы. Внимание привлекает не только устная речь, просторечие, но «городская» речевая коммуникация в целом [Городское просторечие (1984); Разновидности городской устной речи (1988); Русский язык конца XX столетия (1996); в дальнейшем это работы М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой (1994; 1995; 2001), Н. А. Купиной, В. Д. Черняк и мн. других]. Примечательно, что в разнообразии аспектов изучения городской речи авторов привлекает и вопрос соотношения контрапунктов «с в о е» – «ч у ж о е» в пространстве коммуникации³⁵.

Заметным явлением в отечественной лингвистике, ознаменовавшим наступившую **смену научной парадигмы**, стал выход в свет книги Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» [1987] и коллективной монографии института языкознания АН СССР «Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира» [1988]. С другой стороны, в работах по социолингвистике впервые получила описание *типологическая модель газетного издания* с набором обязательных семантико-стилистических компонентов, которые

варьируют как социопеременные в зависимости от идеологической и политической позиции газеты [Лысакова 1989].

Особенностью социальной лингвистики последней трети XX века стала ее *ориентированность на эмпирические исследования – одна из примет функционализма и когнитивной лингвистики*. Не умолкают споры о преимуществах эмпирического подхода к изучению объектов перед заранее заданным рациональным подходом к их познанию. Для 80-90-х гг. характерен интерес к языку Перестройки, интерес к субвариантам русского языка (до этого игнорировавшимся), лексикографическая фиксация языковых инноваций, исследования по темам «язык ребенка», «язык семьи», «язык города», «тоталитарный язык», «язык Совдепии» и др.

Особый вклад в развитие лингвосоциальных исследований внесли работы, посвященные *языку русского зарубежья* и охватывающие как устные, так и письменные источники материала [Голубева-Монаткина 1994 и 1995 и др.; Грановская 1993 и 1995; Гловинская 2001; Зеленин 2007 и др.]. Русский язык дореволюционной интеллигенции, перенесенный за рубеж, и происходившие в нем процессы стали предметом семантико-стилистического описания в очерках Л. М. Грановской «Русский язык в «рассеянии» [1995]. Материалы наблюдений относятся к 1918-1940-м годам. Это первое в России, с ранних времен советской власти, развернутое описание особенностей языка эмиграции. Лишь в 2001 году выходит новый, уникальный по разработке анализа и его результатам, коллективный труд (Е. А. Земская, М. Я. Гловинская, М. А. Бобрик) под названием «Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты». Предпринятый авторами комплексный путь исследования позволил обнаружить некоторые общие закономерности в разнообразной картине русской речи в эмиграции. Привлечены материалы семейных архивов, осуществлен анализ языка нескольких поколений отдельной семьи, сохранены в записях для потомков данные устной и письменной речи «русских эмигрантов разных волн», живущих в Италии, Франции, Германии, Финляндии и США (Е. А. Земская, М. А. Бобрик). В принятом общем подходе к анализу языковые процессы эмиграции рассматривались на фоне тех процессов, которые происходили в русском языке метрополии (М. Я. Гловинская). В соответствии с реальностью в языке эмиграции продемонстрированы *две противоположных стороны* явления: процесс разрушения русского языка эмигрантов и сохранность русского языка эмиграции.

Специализированная для лингвистов характеристика языковых явлений на материале эмигрантской печати представлена в недавно опубликованной в России диссертации А. Зеленина. Автор справедливо отмечает, что обобщающие работы по языку меньшевист-

ской публицистики начала XX века до сих пор отсутствуют, не говоря уж об исследовании эмигрантского публицистического стиля [Зеленин 2007 : 22].

Но вернемся к периоду **90-х годов**. Отдельно следует сказать **о пробудившемся интересе исследователей к разным аспектам языка политики и массовой коммуникации**. «Язык перестройки» получил освещение в работах А. Н. Баранова, А. Д. Дуличенко, Е. А. Земской, Ю. Н. Караулова, И. П. Лысаковой, В. И. Максимова³⁶ (за рубежом: *L. N. Zybatow* 1995) и др. В них изучаются такие процессы, как новшества в области политического языка (заимствования и новообразования, метафоризация по новым моделям); формирование своеобразного «новояза», новых стереотипов; расширение возможностей свободной речи, позволяющей отходить от официальных канонов, используя нелитературные языковые средства.

В 90-е годы выходит монография Н. А. Купиной «Тоталитарный язык» [1995; ранее: Михеев 1991] о закономерностях формирования и структурирования «советской», то есть идеологизированной, семантики; разрабатывается понятие свертхтекста. Предмет особого внимания и заботы лингвистов – «культура парламентской речи» (одноименная монография вышла в 1994 году).

В другом для России политическом контексте язык в его орудийном использовании *осознается на практике* как «инструмент социальной власти» (Р. Блакар). В статусе востребованной обществом дисциплины развивается общая и прикладная риторика [Юнина, Сагач 1992; Рождественский 1997, 1999; Михальская 1996, 1998; Введенская, Павлова 1998; Культура русской речи 1998 и др.]. В ряду сочинений риторической проблематики видное место, вслед за Ю. В. Рождественским и А. К. Михальской, занимают работы А. П. Романенко, посвященные проблемам описания специфики советской словесной культуры и образа ратора в ней, а также – вопросам научной эпистемологии.

Коллеги за рубежом отметили многообещающий для российской науки факт: в постперестроечное время происходит **де и де о л о г и з а ц и я** лингвистической теории (во всяком случае, отход ее от марксистско-ленинских догм) и снятие табу с тем, при изучении которых наиболее плодотворен именно социолитвистический подход.

«Гипертрофированное внимание» к разного рода неcodифицированным языковым образованиям (просторечию, жаргонам, ненормативной лексике и т.п.) объясняют реакцией на прежние запреты, касавшиеся изучения такой лексики. Обширная библиография собрана в книге «Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация» [Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Языки слав. культуры. 2003. 568 с.].

Вместе с тем, один из ведущих немецких специалистов в области социолингвистики Хельмут Яхнов³⁷ обратил внимание на р е ц и д и в ы прошлых идеологических установок в российской науке к исходу XX века. По нашему мнению, они были очевидны в грамматике – наиболее консервативной части теории языка, с трудом преодолевавшей наследие политически идеологизированного «абстрактного объективизма». Но сказанное относится и к трактовкам категории более широкой – *категории значения*, включающей важные для речеведения проблемы модуса и модальности, субъективного-объективного в языке и речи³⁸.

Ныне значение языковых выражений в речи считается результатом когнитивной переработки, называемой концептуализацией. Интерпретирующая семантика стала одним из проявлений общей тенденции к интерпретативному подходу в разных науках, изучающих человека и общество.

2.2.3. Новое направление лингвосоциальных исследований («эпистемологический перелом»)

Очевидная плодотворность лингвосоциальных исследований для решения вопросов практического использования языка способствовала интенсивному изучению проблем языковой политики, образования, и в особенности – проблем манипулятивной функции речи в политических процессах. Язык стал пониматься как *когнитивный инструмент* (система знаков) в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации.

В то же время язык оказывается вторичным по отношению к ментальному, к интенциональности. Форму речевого акта образует способность человека выражать свои ментальные состояния. В этой связи отмечают особые заслуги *дискурсивной психологии*, связанные с изучением функционирования дискурса и его влияния на различные сферы человеческой активности, включая когнитивную (Р. Харе, Дж. Поттер, К. Гирген и др.)³⁹. Описывая существенные стороны дискурса в построении социального мира с учетом психологической природы языка и речи, ученые приходят к необходимости использовать чисто психологические понятия: *сознание и мышление, интенции и репрезентации*, понятие «*психологического модуса*» *репрезентаций* (веры, опасения, неприятия, благожелательства и т. п.). Среди разнообразных форм репрезентации особое место отводится схемам реализации пропозиций (аргументно-предикатных структур), которые считаются составляющими репрезентационной системы в голове человека [обзоры мнений в трудах : Залевская 1985; 2005; Кубрякова 1995; 2001].

С началом демократизации в России нарастает вал исследований современного *политического дискурса*. Последний рассматривается

как предмет политологической филологии (литературоведения и лингвистики), эффективные методы анализа которого связываются с интерпретирующим подходом [Демьянков 2002]. Когнитивная революция была одним из проявлений **общей тенденции к интерпретативному подходу в различных дисциплинах**. Стремление выявить механизмы интерпретации человеком мира и себя в мире особенно выражены в когнитивной лингвистике («интерпретирующая семантика»). Признанным средством утверждения и поддержания власти стал *вербальный и визуальный дискурс*. Особым предметом исследовательского интереса стал *тоталитаристский дискурс* [Купина 1995; Мокиенко, Никитина 1998; Тараненко 2001]. Выделены характеризующие его стилевые черты и поведенческие шаблоны. Среди них: идеологизация всего, о чем говорится; расширительное употребление понятий, в ущерб логике; повышенная критичность; претензия на абсолютную истину; театрализованная агрессия и др. В русле социологического направления лежат работы по идеологии политкорректности и стратегиям коммуникативного поведения в сфере журналистики, политики [Дускаева 1995; Астафурова 1997; Асеева 1999; Кара-Мурза 2000; Попова Т. И. 2002; Чудинов 2003; Михалева 2009], исследования жанров медиадискурса [Кольцова 2001; Дускаева 2004; Коньков 2004; Соломатов 2005; Федотовских 2005; Каблуков 2007], структуры и границ политического дискурса [Шейгал 1998; Попова Е. А. 1994; Ермаков, Ким, Михайлова и др. 2004]. Выделяется ряд исследований, посвященных изучению речевых стратегий и тактик избирательных технологий [Амиров 2002; Голокова 2007; Михалева 2009 и др.].

Согласно Н. Ферклу, *роль дискурса как способа подачи информации в современном обществе возрастает*: «при уменьшении значения поверхностных маркеров власти усиливается контроль над сознанием людей, достигаемый через различные виды дискурса» [Fairclough 1989 : 37-38; исх. данные : Алпатов 2005]. Прагматика также в большой степени приближается к этим проблемам по тематике, но она слишком индивидуалистична, по мнению Ферклу, уделяя основное внимание стратегиям индивидуального носителя и отвлекаясь от социального контекста. Наиболее продуктивным оказывается дискурсивный подход [Алпатов 2005 : 367]. Исследуются не просто наблюдаемые действия (речевые продукты), а их ментальные репрезентации, символы, стратегии и другие ненаблюдаемые процессы и способности человека, которые и порождают действия. В дискурсивном подходе актуализировано изучение *соотношения слов и концептов, постижение неких структур знания вместе со словами*, различение *декларативного* (что) и *процедурного* (как) знания и проч.

Заметной чертой современного состояния социологического направления лингвистики стало усиление внимания к д р у г и м

областям гуманитарных знаний. Становятся регулярными контакты и совместная работа лингвистов, психологов и социологов, педагогов [Язык и моделирование социального взаимодействия 1987; Ушакова, Павлова, Зачесова 1989; Слово в действии 2000; Русский букварь для мигрантов 2010]. Общая смена парадигм на антропоцентрическую в гуманитарных науках способствовала этому. Вместе с тем, *когнитивизм* современной лингвистики понимается как возвращение к уже имеющимся в некоторых лингвистических течениях, но временно отброшенным представлениям [см. Кубрякова 2001 : 284-294]. В исследованиях, посвященных языку журналистики, обосновано положение, что именно когнитивный аспект (пока еще наименее исследованный), оказывается в анализе речевой деятельности СМИ наиболее перспективным [Язык средств массовой информации 2008].

Вернемся ненадолго к проблематике советской словесной культуры и к работам, по-новому рассматривающим события истории отечественной лингвистики, в частности – «марксистского языкознания».

Описания советской словесной культуры теперь делятся на апологетические и критические. Но зачастую, как пишет А. П. Романенко в [2002 : 118], такой подход неисторичен, так как оценка научных работ часто сводится к оценке личности ученого. Однако же оценки личного вклада ученых в отечественное языкознание носили в свое время характер пропагандистских кампаний или быстро распространяющейся моды на ссылку. Возникал своего рода позитивно-негативный бум вокруг имени того или иного ученого. Так было с именами Е. Д. Поливанова, Н. Я. Марра, Т. П. Ломтева, М. М. Бахтина, В. В. Виноградова.

В настоящее время наблюдается тенденция к более уравновешенному, не столь одностороннему восприятию при оценке личного вклада ученых в языковедение и русистику. Теперь высказываются без оглядки на прежние авторитеты. Так, К. А. Долинин, отвергая концепцию функциональных стилей В. В. Виноградова, предложил в качестве альтернативы другое направление – развивать концепцию речевых жанров, разработанную М. М. Бахтиным в 50-е годы [Вопр. языкозн. 2003. № 5: «Философские, эпистемиологические и идеологические основания дискурса о языке в СССР. 1917-1950»]. И. Иванова [Там же] говорит о первенстве концепции диалога Л. П. Якубинского, который внес значительный вклад в становление теории диалога. По существующим оценкам, эта теория составляет одну из наиболее характерных особенностей мировой лингвистики последней четверти двадцатого века. Отмечается, что создателем теории диалога обычно считают М. М. Бахтина, хотя Л. П. Якубинский развивал теорию диалога раньше – и именно

его следует считать ее родоначальником. Рассмотрение идей Л. П. Якубинского на международном коллоквиуме сразу в трех докладах показывает, что они вызывают все больший интерес в мировой науке.

Теория Марра оценивается современными лингвистами довольно противоречиво. Некоторые ученые отводят Н. Я. Марру одну из ведущих ролей в становлении семиотики в СССР: формулировку законов функциональной семиотики [Сумерки лингвистики 2001 : 17]. Возникшая на идеологической основе теория глоттогонического процесса высоко оценивается в статьях [Гамкрелидзе 2005 : 5], где Н. Я. Марр представлен выдающимся ученым, обладавшим «тончайшей научной интуицией».

Переведены за рубежом и известны практически все изданные в России тексты М. М. Бахтина. Идеи Бахтина/Волошинова («Марксизм и философия языка») популярны среди исследователей проблем господства и подчинения с помощью языка, отражения социальных конфликтов в языке. Активно используются идеи Бахтина о многоголосии, подчеркивается идеологичность любого текста: другими словами, *порождение текста – одновременно интерпретация мира* [Fairclough 1989; 1995].

С учетом мнений разных ученых по вопросам, поднятым выше, сгруппируем выводные положения как **итоговые**.

- Ведущую роль марксизма как идейного течения в Европе второй половины XIX – XX вв. традиционно связывают с концепцией общество- и человековедения, сформулированной в работах Маркса. Влияние марксизма на все сферы жизни в *России*, а также распространенность его в *русском зарубежье* хорошо известны и подтверждаются, как мы увидим далее, материалом эмигрантских газет. В то же время марксизм ленинского типа (правящая в стране идеология) «доводил до крайне радикальных форм те аспекты учения Маркса, которые были посвящены проблеме активного субъекта и исторического процесса» как продукта коллективного творчества [ср. НФС 1998 : 402]. В этом смысле ведущая для изучаемой эпохи политическая идеология исходила из определенным образом «сконструированной» реальности. И должно быть не случайно в современной науке, изучающей социальную обусловленность речезыковой способности и ее связь с функционированием дискурса, актуализировалась так называемая идея «конструкционизма». Проследивая *влияние дискурса на когнитивную сферу человека*, некоторые специалисты считают, что исследование этой темы приведет ко «второй когнитивной революции» [Слово в действии 2000 : 25].

- В современной истории языкознания установилось мнение, что советская философия языка («марксистское языкознание»,

«марксизм в языкознании»), принципы которой дискутировались с 20-х по 50-е годы, принадлежат *не столько науке, сколько культуре в целом*, то есть системе нормативов, по которым строилась языковая жизнь общества.

История изучения советской словесной культуры показывает непосредственную *связь общественно-языковой практики и теории языка*, которую необходимо учитывать при изучении как истории науки, так и истории словесной культуры. В советскую эпоху эта связь проявилась особенно четко под влиянием авторитаризма и тоталитаризма культуры. Однако отведенная политической идеологии ведущая роль в теории языка, по мнению многих ученых, *роль мифологическая*. В то же время истоки ряда лингвистических идей (в числе которых марксизм) *стимулировали выбор той или иной точки зрения, тех или иных решений, нередко самого объекта рассмотрения*. В частности, изучение связанного монологического текста, в котором «узловым» явлением выступают синтаксические шаблоны чужой речи («модификации этих шаблонов и вариации этих модификаций»), считается в высшей степени продуктивным для социологического направления языка (В. Н. Волошинов).

- Политический и научный дискурсы оказываются в наибольшей степени подверженными идеологическому диктату. Научный дискурс как и любой другой представляет собой *коммуникативный поток различно*. В этом различном диалогические отношения принимают форму *ответных других* (иных) *концепций*. И порой от политико-идеологического контекста зависит, находятся ли они в отношениях конфронтации (непримиримости) или свободного диалога мнений, разных точек зрения.

Как общественный институт, зависимый в определенных исторических обстоятельствах от политической власти или от власти идеологического субъекта, наука (как и культура, в особенности – тоталитарно ориентированная) *приспосабливает к себе и субъективна*, «вопреки заверениям ее адвокатов»; «ее занимают лишь ее построенные схемы» (П. А. Флоренский). Это положение в известной мере подтверждается комплексными исследованиями научного текстообразования на основе оценки, где адресант выступает как активный интерпретатор, формирующий смысл, содержание и структуру научного произведения (Н. В. Данилевская).

Что касается политико-идеологизированного контекста словесной культуры и ее идеологического *метаязыка*, то необходимо учесть следующее. *Риторический аспект марксизма* выполнял в научном дискурсе *вспомогательно-прагматическую* функцию. Идеологизация (внесение марксизма в науку) было искусственным внесением, служащим для оказания поддержки той или иной научной теории. Формальное включение идеологических стереотипов

(своеобразный номинализм) были «данью времени», *второстепенной, а не главной операцией*, осуществляемой учеными ради решения научных задач.

- *Укорененность социолингвистики в социальных проблемах своего времени* – родовая черта этого направления науки (В. Б. Гулида, Н. Б. Вахтин). Как гибридная наука (образовавшаяся на стыке лингвистики с социологией и психологией) она испытала на себе за 70 лет советской власти значительное влияние *другой силы – политической идеологии*. В постперестроечный период в российской науке происходила *деидеологизация* лингвистической теории, отход ее от марксистско-ленинских догм и снятие табу с тем, при изучении которых наиболее плодотворен именно социолингвистический подход.

- В настоящее время наблюдается тенденция к более уравновешенным оценкам личного вклада ученых в языковедение и русистику. Проводятся регулярные конференции и чтения, посвященные как В. В. Виноградову, так и Е. Д. Поливанову, М. М. Бахтину и др. ученым, вклад которых в русское языкознание стал общепризнанным. Немало исследователей за рубежом (Fairclough, Pennycock и др.) непосредственно руководствуются концепцией работ Бахтина и его круга, изучая социальные функции языка и рассматривая проблемы связи языка и идеологии. *Язык определяется ими как средство идеологической власти, а лингвосоциальное исследование связывается с дискурсным анализом*.

- Особую роль в развитии когнитивного направления исследований принадлежит социально-психологической концепции языка, которая рассматривает *связь мира вещей* (репрезентативного содержания сознания) *с миром человека и его действиями в интенциональном состоянии* («психологическом модуле») в определенном социуме. Толчок к переосмыслению позиций анализа в сторону междисциплинарного взаимодействия в процессе интерпретации дискурса дала лингвистика. Она первой вышла из ограниченного круга своих проблем и подала пример другим наукам⁴⁰, совершив «эпистемологический перелом» (термин принадлежит Г. Башлярю – G. Bachelard). В результате когнитивная лингвистика «порывает со своей предисторией и своим идеологическим окружением», осознает свой предмет, свои принципы и свои методы «путем радикальных отрицаний». Эта *другая лингвистика*, «часто отрицая свою привычную среду», входит в проблематику исследований через категорию дискурс, «отрицая даже время» (П. Серио)⁴¹.

«Эпистемологический перелом» в социологически ориентированной лингвистике к первому десятилетию 2000-х гг. можно усмотреть в окончательном переходе от изучения языков отдельных групп, слоев населения к изучению особенностей их дискурсов.

Новым стало подчеркивание в языке (в тесной связи с идеями когнитивной науки) его психического и ментального аспекта, определение языка как явления когнитивно-процессуального [Степанов 2009 (1985); Никитин 1996; Брудный 1998]. Методологические разработки ведутся в широком спектре исследований, включая политический, социокультурный, коммуникативный, лингво-когнитивный аспекты анализа профессионального и этнического сознания [Язык средств массовой информации 2008; Михалева 2008; Карасик 2002; Прохоров, Стернин 2007].

Проблематика нашей работы тоже включается в русло подобных исследований, но в связи с методами анализа разнородного газетного дискурса русского зарубежья.

Остается сделать понятным читателю то, каким представляется дискурсно-когнитивный анализ текстов эмигрантских газет в качестве документов исторического и социокультурного значения.

2.3. Интерпретирующий когнитивно-семантический подход к анализу формации газетного дискурса методом выявления оппозиций (основные понятия)

Интерпретацией считается когнитивная целенаправленная деятельность и одновременно ее результат в установлении смысла речевых и/или неречевых действий *другого*. Интерпретатор не всегда может быть уверен в той интерпретации смысла, которую он приписывает изучаемому объекту. Поэтому заранее оговариваются условия интерпретируемости: характеристика объекта возможна только в рамках определенной системы интерпретации, форм представления материала и результата. Изложим исходные тезисы.

Нас интересует прежде всего тот «путь», которым шло порождение оппозитивного дискурса, притом что социальные мотивации должны так или иначе входить в такую «реконструкцию».

Интерпретацией можно считать *воссоздание модели регулярно конструируемой в дискурсе оппозитивности* или попытку *реконструировать само это создание*, используя определенные стратегии интерпретации.

Определяя лингвистику как когнитивную науку, указывают на то, что язык рассматривается при этом как определенный когнитивный процесс, состоящий в том, что информация, заключенная в речевом произведении, перерабатывается языком и сознанием [ср.: КСКТ 1996 : 64]. Моделируя когнитивную переработку в ситуационной семантике, используют понятие «тип ситуации», относящееся к ментальному языку (D. A. Evans).

В нашем материале этот **тип ситуации** может быть определен как *содержательно-идеологический конфликт*, или как *ситуация*

согласованного взаимодействия на фоне конфронтации с другим. Речевые значения оппозитивности «вычисляются» в результате анализа такой ситуации. **Оппозитивным смыслом** единицы высказывания (оппозитива) мы будем считать *актуализированное речевое значение* в рамках ситуации содержательно-идеологического конфликта.

К инструментам интерпретации относятся: свойства конкретной речи (включая специальные знания о языке), локальные знания контекста и ситуации, импликации текста, глобальные знания конвенций, правил общения и фактов, выходящих за пределы языка и общения⁴².

Когнитивная семантика в лингвистике понимается как концептуалистская теория значения (R. W. Langacker) и как общая теория категоризации. Полная семантическая характеристика выражения устанавливается на основе таких факторов, как уровень конкретности восприятия ситуации, фоновые предположения и ожидания, относительная выделенность конкретных единиц и выбор точки зрения на описываемое. Поэтому когнитивная семантика междисциплинарна, не ограничивается только лингвистическим аспектом и «вступает в соприкосновение с современными эпистемологическими концепциями, особенно с теми, где на передний план выдвигается понятие интенциональности» [КСКТ 1996 : 74].

Носитель когниции (у нас идеологический субъект) является активным началом, генерирующим значения выражений, а не берущим их готовыми из языка. В когнитивной семантике на переднем плане как раз и находятся *эпистемологические* (познавательные и порождающие) *функции* конкретных единиц в рамках структуры. Одну и ту же ситуацию можно описать с помощью различных языковых форм. Некоторые из них более предпочтительны в силу *свойств языка* выбранного выражения. Поэтому **выбор выражений и понимание мотивов этого выбора составляют важнейшую часть когнитивной семантики**. Как и в когнитивной психологии, в ней не раз подчеркивалось, что изучение языка может быть релевантным изучению процессов познания: относительная доступность анализа его поверхностных структур может быть источником сведений не только о языке, но и о мире, этим языком описываемом (иначе наш опыт не был бы в необходимой мере адекватен действительности).

В центре внимания при изучении газетного дискурса находится *ситуация восприятия* сообщений читателем. Психологи отмечают зависимость восприятия от ментальных репрезентаций, опыта и знаний экспериментера. Больше того, как считал Л. С. Выготский, сложившиеся у человека сознание и мышление вторгаются в области восприятия таким образом, что меняют его функции. Все внешние раздражители трансформируются, интерпретируясь и

осмысляясь согласно складывающимся в сознании человека эталонам и моделям [ср.: КСКТ 1996 : 20]. *Интерпретирующая модель* – это структура, налагаемая на события на более высоких уровнях обработки данных. Модель соответствует структуре знания, служащей для когнитивной переработки в рамках «реализма опыта» [Язык и структуры представления знаний 1992; Структуры представления знаний в языке 1994; Кубрякова 1995]. Согласно выводам психолингвистов, «когнитивное моделирование» состоит в построении модели текста как результата естественной обработки языковых данных.

Изучаемый нами дискурс характеризуется доминирующим в речевой структуре текстов принципом оппозиции. Но доминирование модели противоположения $A \leftrightarrow B$ в газетном дискурсе не означает, что она там единственная. Дискурс – смежная когнитивная структура – посредник между текстом и когницией. Его организация представлена в сознании ментальными репрезентациями – соотношениями *концептов и пропозиций, элементов иконизма* (фактического подобия в высказывании) и *предикации*, а также *фреймами, схемами, сценариями*.

Мы исходим из того, что оппозитивность как явление неприятия и желания противодействовать *Другому* существует сначала на дотекстовом, интенциональном уровне сознания, затем реализуясь на уровне текстообразующем. К механизмам оппозитивности, изучаемым в работе на базе текстового анализа, относятся *вербальные механизмы* (семантико-речевые). На дотекстовом этапе к ним относятся ментальные механизмы восприятия и смыслового конструирования результата в схемах и образах.

Обратимся к основным понятиям методики анализа оппозитивного дискурса. Начнем с его ментальной ипостаси, которую можно рассматривать в качестве внутреннего идеологического контекста.

2.3.1. Ментальная область дискурса. Идеологические позиции и установки. Концептуализация

Механизм оппозитивности срабатывает в сознании говорящего и читателя, когда они солидаризируются в роли критика, оценивающего реальное положение вещей – критика с точки зрения *подданного* идеологии. По природе общественного сознания это механизм социально-оценочный, а по способу существования и осуществления – модальный. В модусе критического сознания он существует как социальный механизм оценочного сопоставления и противопоставления по критерию норма (идеал)/антинорма (реальность). *Интенциональный* механизм оппозитивности достигает определенной языковой согласованности благодаря идеологиче-

скому субъекту-оператору. *Языковой* механизм оппозитивности существует в экспликативной и в имплекативной формах связи ментального и вербального.

Позиции, а также мотивы и содержание противодействия или содействия коммуникативным тенденциям в представлениях ИС разных изданий *свои*. В *пробольшевистском* ментальном мире (газеты «Новый мир», «Голос труженика» и др. издания) позиция ИС связана с общими для большевиков и пробольшевиков *классовыми установками*, отождествляющими политическое течение большевизма с борьбой за справедливость, за «мировую революцию». В *антибольшевистском* ментальном мире (газеты «Общее дело», «Народная газета», «Призыв» и др.) позиция ИС больше связана с *общечеловеческими установками* и задачами этого политического движения, открыто утверждающего тезис опасности большевизма для мирового сообщества. В *коммерческом* ментальном мире («Скандинавский листок») позиция ИС отличается неприятием к политическому вмешательству газеты в российские события. Позиция связана с местоположением газеты (Швеция) и экономическими приоритетами издания, с его *установкой на «невмешательство»* в политические события ради продвижения дел в области коммерции. Эта стратегия предназначена для сближения, в принципе, с *любой* властью для обеспечения успеха коммерческого предприятия.

Выше отмечалось, что каузатором семантики и самого механизма оппозитивности в интерпретации событий в России выступает *модализация*, доминирующая в коммуникативном пространстве, или *идеологическая позиция* с концептом «*неприятие*». Следует добавить: ключевым понятием когнитивной семантики выступает понятие концептуализации.

Концептуализация – один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и к образованию концептов (концептуальных структур). Процесс концептуализации направлен на выделение минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении. Это основной предмет поисков когнитивной семантики, где выявляются наиболее существенные для построения всей концептуальной системы концепты (они организуют *концептуальную область* и выступают как рубрики ее членения).

Процесс концептуализации тесно связан с объединением единиц, проявляющих сходство, в более крупные разряды. В сущности концептуализация может рассматриваться как живой процесс объединения и порождения новых смыслов. В нашем материале в центре внимания оказались объединенные идеологической связью

концепты «Россия» и «болезнь», «гибель»; «большевизм» и «преступление», «насилие»; «неприятие» и «обвинение»; «сближение» и «согласие». Конструирование человеком системы определенных представлений о мире происходит еще на довербальной стадии существования [Павилёнис 1983 : 107].

Один из наиболее часто употребляемых терминов когнитивной науки – **пропозиция** – используется для обозначения особой оперативной структуры сознания и/или особой единицы хранения знаний в голове человека. По существующему представлению, вся информация поступает в память в виде наборов пропозициональных моделей⁴³. В изолированном виде пропозиция понимается как некое *концептуальное объединение*, некое содержательное целое с определенными компонентами этого целого, причем целое «амодальное». Однако в речи изучаемых газет мы имеем дело с модализованным сознанием идеологического субъекта. Здесь *пропозициональное отношение*, существующее в модусе неприятия, отражает картину мира в аспектах той или иной идеологии по существующим моделям восприятия происходящего. В газетном материале такие *концептуальные модели* пропозиции представлены идеографическим сочетанием диктальной и модалной парадигм, участвующих в процессе порождения и развертывания текстов оппозитивного дискурса (см. раздел 5.1, где анализируются тексты с концептуальной цепочкой «конфликт» – «насилие» – «гибель»).

Особенностью оппозитивной модели, основанной на пропозиции, является взаимодействие различных типов знаний, активизируемых в процессе развертывания речи: языковых знаний и неязыковых знаний о мире. Известное в теории коммуникации разделение информации на старую и новую действует как *механизм активизации* тех знаний адресата, к которым имплицитивно «адресована» новая информация. Способом включения активизированных знаний является так называемая *семантическая сеть* – одна из моделей хранения знаний в памяти человека⁴⁴. Она представляет собой ассоциативную организацию связей, точки пересечения которой называются узлами. Каждый узел мыслится как репрезентирующий определенный концепт, поэтому семантические сети именуется нередко концептуальными сетями или сетями концептуальных зависимостей [КСКТ 1996 : 170]. Например, ниже в высказывании семантически пересекаются концепты «жизнь»/«смерть». Пересечение возникает благодаря концептуальным смыслам в предикативных центрах высказываний: умер, застрелился от отчаяния = «смерть»; остался на посту, но постарел и осунулся до неузнаваемости = «жизнь», близкая к «смерти». Сравните: «Умер профессор Мирнов, авторитет по истории и искусству, хранитель Эрмитажа... Профессор Ляпунов застрелился от отчаяния. Секретарь

Академии, профессор Ольденбург, говорят, остался на посту, но постарел и осунулся до неузнаваемости» (ОД 1919, 2 апр.).

Организация слов в предложении дает картину того, как вещи организованы в мире. **Предикацию** признают ведущей функцией языка, а отношения между субъектом и предикатом – отражающими способ, посредством которого человек познает окружающий мир. **Иконичность** – одно из свойств такой организации. Принцип иконичности (пространственной, каузальной, хронологической или социально обусловленной упорядоченности элементов текста) выражается в тексте в том естественном порядке, в каком они имели место в действительности. Фактическое подобие способствует *идеологически определенной* концептуализации смыслов в ментальной и речевой ипостасях дискурса.

Для установления **идеологической доминанты** дискурса понятие «концептуализации» имеет ключевое значение. Но если о понятиях люди договариваются, то концепты реконструируют как сущности ментального мира дискурса. При этом считается, что концепты скорее посредники между словами и экстралингвистической действительностью, и значение слова не может быть сведено исключительно к образующим его концептам. Правильнее было бы говорить о концептах, как соотносительных со *значением* слова понятиях.

Оппозитивное значение возникает всякий раз, когда *одно* информирует о *другом* и настраивает сознание на это второе как *информационно важное в ситуации конфликта идей*. В среде оппозитивного дискурса достаточно включить информационную настройку сознания, и *импликационные связи* порождают феномен оппозитивного значения. Например, концепт «тьма» подразумевает парный концепт «свет», «насилие» подразумевает «ненасилие» и т. д.

Необходимо учитывать явление импликации, связанное с реконструкцией оппозитивных концептов.

2.3.2. Импликация и реконструкция оппозитивных концептов. Гетерогенность дискурса

Вслед за В. З. Демьянковым [20016], мы связываем понятие концептуализации с интерпретацией смысла. Но понимание есть интерпретация в определенной концептуальной системе. В газетном дискурсе такая система (и ее интерпретация) строится из смыслов, составляющих *стереотипные* подсистемы мнения и знания. В газете концепт в качестве оперативной содержательной единицы памяти и концептуальной системы отвечает представлению о тех смыслах, которыми обычный человек оперирует в процессе мышления. К ним относятся *известные концепты* культуры и общественно-политического сознания (политико-идеологические концепты, этико-

философские, мифопоэтические концепты архаического сознания, прагматико-поведенческие представления о социальной норме/ антинорме поведения, в том числе речевого).

Если дискурс – это высказывание, рассматриваемое с точки зрения механизма, который им управляет, то в процессе анализа оппозитивные концепты в смысловой структуре высказывания могут быть обнаружены или реконструированы с учетом феномена *имплицативности*. Согласно М. М. Бахтину, жизненное высказывание как осмысленное целое складывается из двух частей: 1) из словесно осуществленной (или актуализованной) части, 2) из подразумеваемой части (к ней относится общность основных оценок). «Сказанные слова пропитаны подразумеваемым и несказанным. То, что называется “пониманием” и “оценкой” высказывания (согласие или несогласие) всегда захватывает вместе со словом и внесловесную жизненную ситуацию»; в частности, подразумевается то, что говорящие знают, любят и признают [Волошинов 1995 : 73].

Импликацию понимают как способ организации сознания, формирования концептуальных структур⁴⁵. Импликационные связи являются мыслительным аналогом реальных связей мира. Один концепт вызывает мысль о другом, «одно понятие имплицитно подразумевает другое в силу зависимости, взаимодействия отражаемых сущностей» [Никитин 1997 : 5].

Чтобы «вычислить» концептуальную информацию в дискурсе, надо концептуализировать в тексте представление о разнообразных явлениях через сведение их к меньшему числу разрядов в результате категоризации. Это нетрудно сделать в тексте, так как слова и референты (единицы действительности, к которым слова отсылают) связаны между собой посредством особой структуры – *ментальной репрезентации*, притом что картине мира в русском сознании свойственны проявления поляризации.

Зная, какие смыслы стоят за языковыми обозначениями, говорящий и читатель понимают означаемое в новости как ненормальное положение (антинорму) и могут имплицитно включать в оборот соответствующие оппозитивные понятия. Такими понятиями в тексте ниже являются концептуальные оппозитивы «правда»/«ложь», мотивированные реальной ситуацией и эксплицируемые на основании причинно-следственной связи. Сравните: «**Один факт нашего ареста и разгона рабочего собрания в социалистическом клубе, если бы даже не было других десятков разгонов, расстрелов, арестов на пространстве всей России, показывает нам, что эта власть ложно носит имя рабочих**» (НГ). Текст содержит имплицитные оппозиции: подразумевается ложность идеологемы «власть пролетариата», наименование *ложно* (по отношению к имени власти) подразумевает скрытый концепт «правда».

Итак, концепты могут выводиться из «языкового материала»,

поскольку содержательные сущности сознания объединены концептуальными связями. Операция соотнесения наименований в тексте с импликациями как раз и демонстрирует явление концептуализации. При этом к уровню установления концептуальной структуры относится механизм *категоризации*. Он предполагает «итог сопоставления двух концептуальных структур, принимающих форму высказывания «X – это пример категории Y» [КСКТ 1996 : 46]. Ментальная реконструкция неявного противоположения подразумевает переход выраженного концепта на *обратимый* в качестве члена противопоставления, если этот второй концепт подразумевается (или даже присутствует как не осознаваемый). Сравните скрытую категоризацию явления, ассоциированного смыслом «предательство»: *Когда одного немца спросили, по поводу запломбированного поезда, в котором возвращался Ленин, кто там едет, он ответил: «Это едет наш посол Ленин в Россию!» И немец был прав: Ленин ехал в Россию как немецкий посланник делать немецкое дело (ОД)*. Концептуальная связь является аналогом идеологической связи, оппозитивной по своей сущности: *Ленин* = ‘гражданин России’ и *немецкий посланник*. Неутвержденная когнитивная информация о наличии преступления рассматривается как общая основа или разделенное знание участников коммуникации.

Можно заключить, что *текстовый семантико-речевой уровень* выявления оппозитивных смыслов содержит разные возможности для интерпретации дискурса: а) он способствует обнаружению открыто выраженных оппозитивов; б) он дает шанс вычленить оппозитивы, если они в скрытом виде подразумеваются в ситуации когнитивно-семантического противоположения в идеологическом контексте. Семантическая сеть в таком контексте – это ассоциативные связи и «узлы» концептов знания, актуализированных по принципу оппозиции.

Как соотносятся различаемые в литературе понятия идеологического и ментального? Они не исключают друг друга. Идеология – это внешний слой общественного сознания, включающий его внутреннюю подоплеку (психическое и ментальное). Идеология и психика связаны, одно предполагает другое. Жизненная идеология не отделима от концептуальной семантики – это смыслы, акцентированные в акте коммуникации. Терминологические наименования оппозиции, которые используются в ходе описания («ментальная», «идеологическая», «концептуальная», «когнитивно-семантическая», «семантико-речевая» оппозиция), взаимозаменяемы, хотя и подразумевают специализацию отношения. Мы бы выделили в качестве самого нагруженного при анализе дискурса наименование «*когнитивно-семантическая*» оппозиция. Это наименование подразумевает интенциональное и содержательно-идеологическое

противоположение на разных уровнях представлений – от философских (включая архетипические) до прагматических представлений общественно-бытового содержания (жизненная идеология). Термин «*семантико-речевая*» оппозиция больше приближен к текстовому уровню анализа, хотя и может подразумевать абстрактный, содержательно идеальный уровень оппозитивности в зависимости от степени оценочных обобщений в тексте.

Высказывание многослойно. В исходных посылках французской школы анализа отмечается гетерогенность дискурсных формаций, когда другая, «неутвержденная» предикация предшествует и «господствует над утвержденной» [Квадратура 1999 : 34]. Именно поэтому дискурсно-когнитивный анализ предполагает относительную реконструкцию элементов когнитивно-семантического содержания. Ниже мы остановимся на перечне выявленных таким образом оппозиций, которые, по месту условной реконструкции, называются у нас ментальными.

Ментальные оппозиции определяются в речевом содержании высказываний на уровне горизонтального и вертикального контекстов. Как известно, эти два универсальных способа членения контекста выделяет литературоведение, при этом считая, что именно вертикальная ось «наиболее четко высвечивает иерархическую структуру текстов как объектов культурного наследия» [Проблема «другого голоса» 2003 : 229]. С нашей точки зрения, *вертикальный* контекст подразумевает диагональные структуры дискурса, возобновление высказываний, идеологические повторы. *Горизонтальный* контекст связывается с линейным развертыванием речевого «тела» дискурса, включающего предыдущий интрадискурс. Вертикальный и горизонтальный контексты – это и есть парадигматический и синтагматический уровни анализа дискурсной формации в текстах (см. гл. 5). Вернемся к ментальным оппозициям, которые были вычленены в процессе анализа в основной части исследования.

С реконструкцией оппозитивных концептов (то есть с выявлением подразумеваемых оппозиций) в дискурсе возникает определенная концепция смысла. Ее единицы вычленяются как существующие в смысловой структуре актуализированных противоположений в текстах. Внутри дискурса (и его субъекта) принципиально имеется *Другой*. Импликации в конечном счете опираются на весь человеческий опыт, на сложные структуры вероятностного знания, на цепи причин и следствий, совмещенностей и соположенностей⁴⁶. Ниже расположены принятые в процессе описания ЭГ-дискурса, извлеченные из текстов (Раздел II) и обозначенные попарно в номинациях *к о н ц е п т у а л ь н ы е* оппозиции. Они объединены в группы по условным параметрам концептуальных связей.

(1) **общечеловеческий социальный параметр:** *здоровье/болезнь, жизнь/смерть норма/антинорма, культура/одичание, человек/толпа, включая этнический показатель – китайцы/русские, германцы/русские, поляки/русские и др.*

(2) **политико-идеологический параметр:** *большевизм/Россия, мир/война, диктатура/демократия, власть/народ, власть / газета (общественное мнение), включая военно-политический показатель – защитник/враг.*

(3) **эпистемический параметр:** *философский явление/сущность, содержание/форма, необходимое/случайное; единичное, особенное/всеобщее; этико-философский - эгоизм/альтруизм, сила/слабость, тело/дух; архаический (мифопоэтический) с его амбивалентностью - земное/небесное, темное/светлое, высокое/низкое, внешнее/внутреннее; мир/антимир, свой/чужой; религиозно-нравственный показатель – добро/зло, Бог/дьявол (сатана) и пр.*

(4) **прагматико-поведенческий параметр:** *тактика борьбы/преступление, речь/умолчание, дело/слово, в том числе социопсихический (эмоциональный) показатель – приятие (одобрение)/неприятие (осуждение), большевики⁽⁺⁾ / их противники⁽⁻⁾, Керенский⁽⁻⁾ / большевики⁽⁺⁾, фанатики-большевики⁽⁻⁾ / немецкие офицеры⁽⁺⁾, включающий комическую трактовку в рамках оппозиции большевики/буржуи.*

К пласту «жизненной» идеологии относятся совокупности (1) и (4), идеология систем специального знания представлена совокупностями гуманитарных концептов (2-3); спецификативной идеологии оценки соответствует группа оппозитивов (4). Совокупность оппозиций (4) больше связана с конкретно-ситуативным уровнем речевого содержания, в то время как совокупности оппозитивов 1, 2, 3 по преимуществу находятся в области абстрактного знания.

В отличие от ментальных, семантико-речевые оппозиции фиксируют существенное для передачи смысла материальное воплощение мыслительных структур в виде знаков со своими «телами». Таким знаком, как уже говорилось, в дискурсе выступает факт моделирования содержания высказываний по принципу структурной иконичности (правдоподобия). Статус идеологии как воплощение связи дискурса с некоторой социальной топикой описывается в современной философии как ряд отношений правдоподобия⁴⁷: «референциального» – в контексте отношения с реальностями мира, и тогда возможно наименование «референтивные оппозиции»; «логического» – в плане соответствия жанровым и игровым закономерностям текстов, и отсюда возможное наименование «логические оппозиции». Отношение идеологического правдоподобия может быть «мифологическим» – в контексте соответствия идеологически спецификативной точке зрения. Отсюда дополнительные возможные обозначения, включая наименования «мифологическая оппозиция» или, например, «комическая оппозиция» в тексте.

Метод выявления оппозиций опирается на оценку когнитивно-семантической нагруженности смысловых компонентов модализованной фразы, проявляющей свойство оппозитивности. Активизация в газетных текстах эпохи кризиса семантики противодействия способствует обнаружению таких смыслов в самых выделенных частях высказываний – в предикативных центрах, в сильных позициях начала и конца фразы, во фразовой пресуппозиции, составляющей условие реализации высказывания. Акцентирование смысла происходит на уровне синтаксического ограничителя формы и лексического значения. Говорящий стремится выделить те элементы суждения, которые способны быть понятыми читателем с позиции одобрения/неодобрения сообщаемого.

Ментальный механизм оппозитивности имеет идеологическую природу и обладает мотивирующей силой. Он складывается из представлений 1) о норме, 2) о существующем отклонении от норм, 3) из оценки этого отклонения. Называются или подразумеваются их причины. Результатом становится занимаемая субъектом активная позиция неприятия и решение противодействовать. Методика текстового анализа состоит прежде всего в выявлении оппозитивов, в установлении вида и характера оппозиций. Основным методом демонстрации оппозитивных отношений в дискурсном анализе является *интегральное описание* [об этом Шмелев 2002 : 23]. Фиксируются все те речевые способы и языковые средства, которые маркируют оппозицию. Их множественное рассеивание в текстах характеризует дискурс как оппозитивный.

2.3.3. Коммуникативная структура акта речи как дискурсивно порождающая. Определение понятия структурно-семантической оппозиции

Структуру акта речи, которая опирается на социологические и психосоциальные теории коммуникации, представляет собой бюлеровская модель «адресант-сообщение-адресат». Эта модель подразумевает *контакт* (канал, психологическую связь участников коммуникации), понятный адресату вербализованный *контекст* (референты, к которым отсылает сообщение) и *код* (хотя бы частично общий для адресанта и адресата).

В дискурсном процессе функционируют воображаемые построения, представляющие собой позиции (или образы позиций), которые участники коммуникации приписывают себе и *другом* у. **Контекст**, то есть область референтов (или «ситуация», в которой возникает дискурс), относится к *социальным условиям порождающей* оппозитивности. Кроме того, мы имеем дело с *порождающей целью сообщения идеологией*, сквозь призму которой

виделся воображаемый объект с точки зрения одного из участников взаимодействия. **Получатель сообщения** также влияет на процесс порождения дискурса: читатель предстает *в оценке говорящего в границах оппозиции «свой»/«чужой»*. Характерное суждение находим у французского исследователя О. Дюкро. Он утверждает: «“Ситуация дискурса”, к которой отсылают пресуппозиции, включает в качестве неотъемлемого компонента определенные знания, которые говорящий передает своему слушателю. Следовательно, она *связана с представлением, которое участники диалога формируют друг о друге*» [Квадратура 1999 : 322; курсив наш. – Т. К.].

В главах 3-5 нашей работы рассматриваются все стороны коммуникативной модели оппозитивности. Порождающие факторы оппозитивного дискурса сначала отмечаются в связи с характеристикой разных контекстов (историко-социального, предметно-практического и ментального, идеологического), а затем рассматриваются в русле коммуникативных отношений «говорящий (ИС) – предмет речи – читатель» с точки зрения сторон оппозитивной *репрезентации, оппозитивной апелляции, оппозитивной экспрессии* в газетном дискурсе.

Предварительно необходимо прояснить суть рабочего понятия «структурно-семантическая оппозиция» и понятия «речевая оппозитивность».

Термин *о п п о з и ц и я* понимают широко, если иметь в виду его исконное толкование [лат. *oppositio* – противоположение]. В журналистике главным содержанием этого термина остается его общественно-политическое содержание. По данным словаря [Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова: 1938 : 827], оппозиция – это (1) ‘противодействие’, ‘отпор’ и это (2) политическая ‘деятельность, направленная против данного правительства, партии’; ‘деятельность, идущая вразрез с общепринятыми мнениями, враждебная’. Мы связываем противительную *речевую деятельность*, не с оппозицией, а с оппозитивностью. В нашей работе операциональный термин *о п п о з и т и в н о с т ь* обозначает не только модализацию как признак идеологического дискурса в аспекте его отношений с враждебным «другим» (неприятие). *Оппозиция и связанная с ней оппозитивность выводятся на поверхность в анализе дискурса как главный конструктивный признак его формации*. На уровне структурно-семантической организации текстов обнаруживается «конфликтная бинарность»⁴⁸. Дискурсная формация – это место образования смысла, и оппозитивность можно понимать как **выражение оппозиций в речевом «теле» дискурса**⁴⁹. Оппозиция – это термин, который позволяет объединить все проявления оппозитивности на

основе прототипа «другой». Такие проявления могут отличаться разительно, так как связаны с разными идеологическими контекстами и психологическими модусами. Но в подавляющем большинстве случаев **оппозиция – это содержательно и структурно воспроизводимое в дискурсе (в речи) отношение противоположения, в широком смысле – оппозитивной номинативности, маркирующее⁵⁰ характер несоответствия или противоречия в общественном сознании.**

Очевидно, речевая оппозитивность должна отображать объективную борьбу противоположных тенденций в самой действительности (например, борьбу между старым и новым). Но главным объектом оппозитивной речи выступают образования в большей степени субъективные. **Ментальный предмет оппозиции** в газетном дискурсе – п р е д с т а в л е н и е, из-за которого мог возникнуть или возник конфликт в действительности. Ведь именно социальные представления индивидов или групп, а не реальные характеристики социальных объектов лежат в основе конфронтаций.

Если оппозиция – это **смысловая структура в русле категории диалогичности** (и выступает ее признаком в речевом «теле» дискурса), то **оппозитивность** существует как **охватывающая текст социально-оценочная категория** речи. Она связана с мотивированным «неприятием» или оппозитивным *Другому* «приятием» объекта оценки (большевизм). Затрудненность дискурсного анализа состоит в том, что оппозитивность носит в нем многомерный (больше двух оппозитивов) и комплексный (разные пары оппозитивов) характер. Нередко кризисные явления действительности (внешний контекст) отражаются таким образом на состоянии умпостигающей функции сознания, что оно «уходит» порой из сферы реального в сферу комической или мифологической интерпретации происходящего (внутренний контекст).

Заместители термина «оппозиция» в описании. В обширном по охвату оппозитивного содержания материале наблюдений приходится заранее оговорить вопрос о рабочей замене термина «оппозиция» в ходе изложения. Вопрос имеет отношение к разновидностям этого понятия в описании дискурса. В качестве синонимов термина «оппозиция» используются наименования «несоответствие», «противопоставление», «противоположение».

Несоответствие. Ситуация конфликта и конфронтации, вольно или невольно актуализирует в речевом сознании нормативный модус. Содержательная структура текстов подразумевает или выносит на поверхность **семантику несоответствия**, которая порождена ментальным противоположением должного и сущего. Термин «несоответствие» подчеркивает диалогическую логико-социальную подоснову расхождения составляющих содержания анализируемых фрагментов дискурса.

Противопоставление. В соответствии с речевой трактовкой оппозитивности мы используем в описании синтаксический аналог оппозиции – понятие «противопоставление». Однако в некоторых речевых контекстах необходимо было снять сопутствующий этому термину риторический характер. В этом случае используется наименование «противоположение».

Противоположение. Если понятие противопоставление больше связано с лексико-синтаксической структурой горизонтального речевого контекста, то термин *противоположение* может использоваться для фиксации отношений внутри ментального комплекса, существующего в вертикальном контексте культуры. Кроме того, важно было акцентировать само *отношение различия* в лексической семантике слов в тексте. Из различий складываются свойства вещей с их «инакостью». Поэтому, с нашей точки зрения, в разряд оппозитивности входят такие формы и виды оппозиции, как семантико-стилистический *контраст*, концепт *неожиданности* или *странности*. Другими словами, термин «оппозиция» понимается в работе широко, подразумевая: содержательно-идеологическое и формально-смысловое, логическое противоположение; лексико-семантическое несоответствие номинаций, семантико-стилистический контраст; поддерживающее оппозитивный смысл синтаксическое построение.

Речевая оппозитивность – **следствие ментального состояния** субъектов дискурса. Ментальные состояния имеют отношение к модализации сознания: она играет каузальную роль в организации речи, которая позволяет идентифицировать и/или интерпретировать эти состояния. Когнитивная психология допускает, что все наблюдаемое поведение человека детерминировано и определяется его внутренними состояниями и ментальными, непосредственно не наблюдаемыми, *интериоризованными процессами и механизмами* [КСКТ 1996 : 68].

Особый пункт речевых свойств дискурса составляет оппозитивная (то есть идеологическая) **оценка**. Еще немного об этом.

Как известно, оценка относится к интенциональному аспекту языка и социопсихологическому аспекту речи, где преломление существующей в сознании картины мира осложняется тем, что подразумевает спецификацию ее составляющих, находящихся в зависимости от *субъекта* оценки, *объекта* оценки, *стереотипа* оценки и *шкалы* оценок. Социально-оценочное членение мира сложным образом отражается в языковых структурах оппозитивного дискурса. Сложность заключается в разных акцентах и способах идеологической интерпретации явлений действительности, хотя главным аспектом оценки является картина мира с точки зрения добра и зла, пользы и вреда и т. п.

Как уже говорилось, мы понимаем оценку как *один из видов модальности*⁵¹, причем *идеологически мотивированной* модальности. В текстах ЭГ-дискурса описывается ситуация войны (борьбы) и насилия. В ней обозначены актаны, их действия, их признаки. Но *главным оказывается концептуально обусловленное содержание всей ситуации*, сочетание в высказывании оценочных слов и предикатов. Модальная рамка, которая накладывается на подобные высказывания с концептом борьбы, содержит стереотипную для ментальности говорящих оценочную структуру: «ИС его отношение (г) к объекту оценки». Вместе с тем выведенная когда-то формула оценочной модальности (А г В) зачастую не совпадает ни с логико-семантическим, ни с синтаксическим построением высказывания в дискурсе. *Идеологическая специфика оценочного отношения выражается предикативными признаками, которые выступают признаками связи сообщаемого с идеологией (ментальностью) говорящих*. На базе идеологического аспекта оценки осуществляется связь оценочных слов и обозначений объекта оценки (большевизма), а также мотивировка оценки и признаков, по которым даются интратекстуальные включения и выбор прецедентных имен.

Заметим также, что психолингвистическую основу оценочных высказываний создает имплицитное представление о социальном стереотипе. При этом степень социальной обусловленности стереотипа бывает различной. Есть, как известно, традиционные общечеловеческие констатации.

В ы в о д ы п о Г л а в е 2

История изучения словесной культуры показывает непосредственную *связь общественно-языковой практики и теории языка*, которую необходимо учитывать при изучении как истории науки, так и истории словесной культуры.

Мы опираемся на опыт М. Фуко в подходе к анализу текстов, принадлежащих истории. В связи с формулировкой принципов «археологии знания», изучающей историю идей, наук и ментальностей, М. Фуко подчеркнул главную цель – *выявлять социальные взаимодействия*, во-первых, между различными видами речевых практик, устанавливая нечто общее, принадлежащее истории; во-вторых, между различными речевыми практиками и внеязыковыми «структурами повседневности» (экономическими, социальными, политическими и проч.).

Если отнестись с должным вниманием к осторожным, гипотетически высказанным представлениям М. Фуко о принципах анализа дискурса, то в них можно обнаружить несколько рекомендаций.

Он предлагает искать *совокупности правил в организации дискурса, используя различные инструменты описания и наблюдения*. В самом дискурсном существовании рассеянных и однородных высказываний нужно постараться *найти систему*, которая регулирует их перераспределение, *точки опоры*, которые они находят друг в друге, *способы*, которыми они имплицитно взаимодействуют, *изменения*, которым они подвержены, а также их взаимодействия, расположения и замещения [Ср. Фуко 1996 : 35].

Особая роль в развитии нового – когнитивного – направления исследований принадлежит **социально-психологической концепции языка**, которая рассматривает *связь мира вещей* (репрезентативного содержания сознания) *с миром человека и его действиями в интенциональном состоянии* в определенном социуме. Новым стало подчеркивание в языке (в тесной связи с идеями когнитивной науки) его психического, ментального аспекта и определение языка как явления когнитивно-процессуального.

Моделирование когнитивной деятельности учитывает, что *порождение речи погружено в контекст* и реализует коммуникативную направленность говорящего, который «кодирует» информацию, принимая во внимание особенности аудитории и преследуя свои цели. Ментальная информация в дискурсе определяется как *«внутренний код» с принципами его организации*. Обнаружение этих принципов приводит в свою очередь к установлению исследовательских приемов «вычисления» такого кода.

Мы выделяем два строевых аспекта в содержании и формации оппозитивного дискурса в газетных текстах:

- 1) уровень *ментальной информации* с ее концептуальной (когнитивно-семантической) структурой противопоставления;
- 2) уровень *речевой информации*, где концепты могут быть реконструированы, если они открыто не обозначены в словах-концептах⁵².

Оппозитивность существует, прежде всего, в ментальности и носит социально обусловленный характер. Термином «оппозитивность» обозначается доминирующее в дискурсе отношение неприятия. Термин «оппозиция» служит для обозначения структурно-семантического когнитивного и речевого противопоставления, которое интерпретируется с точки зрения условий формации дискурса с диалогичностью смысловых позиций – *своей* позиции и образа позиции широко понимаемого *Другого*.

Оппозитивность подразумевает механизм, который управляет формацией ЭГ-дискурса. В *задачу* аналитического описания должно входить установление *типичных проявлений механизма* оппозитивности и описание *концептуализированных областей* ЭГ-дискурса (доминирующих схем, фреймов, стереотипных парадигм развертывания идеологического содержания текстов). Факты связи интрадискурса (синтагматического контекста) с интердискурсом (вертикаль-

ным контекстом) отсылают исследователя речи к *конститутивному началу идеологии*, к условиям возникновения *гетерогенности* газетного дискурса и его *вариативности* даже при неизменяемой идеологической основе.

Коммуникативная модель оппозитивности предполагает изучение текстовых структур, которые отображают идеологизированное восприятие картины мира в трех основных аспектах ее речевой организации: *репрезентативном, апеллятивном, экспрессивном*. Тексты выступают эмпирическим объектом исследования, в то время как дискурс им не является. Это конструированный объект, который побуждает к размышлению об отношениях между языком и идеологией. Для этого дискурсивному анализу подвергаются высказывания (тексты), относительно устойчивый способ структурирования которых обладает значимостью для изучения идеологии определенного коллектива.

«Формацию» дискурса можно охарактеризовать через **преобладающий** в ней **способ производства**, через определенное отношение между его составляющими. По М. Фуко, правилами формации называются правила применения (но вместе с тем и существования, удержания, применения и исчезновения) дискурсивных данных [Фуко 1996 : 39]. Изучаемый дискурс характеризуется доминирующим в речевой структуре текстов принципом оппозиции. Этот принцип связан с ментальной репрезентацией действительности (картиной мира), модализованной идеологически и структурированной интенционально пониманием и переживанием положения дел в России.

Ключевые понятия и рабочая терминология описания дискурса связаны с процедурами когнитивного моделирования и с концептуальным анализом дискурса по существующим моделям. В связи с принципами формации оппозитивного ЭГ-дискурса приходится говорить об *эксплицитно выраженной* и об *имплицитивной оппозитивности*. Анализ формации высказываний дает понимание **выделенности** смыслового несоответствия, или противоположения. Такие оппозитивные структуры и смыслы могут выступать в качестве **поискового стимула** и/или **«ключа»** при когнитивно-семантическом анализе высказываний.

Экстравертивная обращенность, или «опрокинутость в жизнь», дискурса подразумевает перевес внешнего поля зависимостей при включенном внутреннем социопсихологическом аспекте описания его речевой формы. Поэтому содержание последующих глав раздела имеет отношение и к внешнему, и к внутреннему полю существования дискурса. То, *что делает* дискурс, есть нечто большее, нежели просто использование знаков для обозначения вещей, – считал М. Фуко. Именно это «нечто большее» позволяет ему быть несводимым к языку и речи [Фуко 1996 : 36].

Как было показано выше, мы поддерживаем эту трактовку. В модели существования дискурса (раздел 1.2) были обозначены три области его описания; назовем их в сокращении как «предметная», «ментальная» и «речевая» (вербальная). *Социологическая область существования* предметной основы оппозитивности рассматривается далее в **Главе 3-й**. Подразумеваемая в контексте культуры *ментальная область существования* оппозитивности рассматривается у нас в **Главе 4-й**. Доступная для современного восприятия *конструктивная речевая* сторона оппозитивности анализируется в **Главе 5-й**.

¹ Концепт – термин, служащий объяснению единиц ментальных и психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике. *Краткий словарь когнитивных терминов* / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М.: Моск. гос. ун-т, филол. ф-т, 1997. С. 90.

² *Новейший философский словарь* / сост. А. А. Грицанов. Минск: Изд-во В. М. Скакун, 1999. С. 227.

³ См.: *Ручкин А. Б.* Русская диаспора в Соединенных штатах Америки в первой половине XX века : автореф. ... д-ра ист. наук. М., 2007. С. 16.

⁴ Георгий Дерлугьян – профессор социологии чикагского North western University.

⁵ *Жирков Г. В.* Между двух войн: Журналистика русского зарубежья. 1920-1940 годы : учеб. пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербур. Гуманитарного ун-та профсоюзов, 1998. С. 124.

⁶ Во время революции меньшевики «оказались между красным и белым жерновами», и в конце концов их лидеры были вынуждены покинуть Россию, а потом «до конца своих дней пытались разобраться в том, что же произошло» (Эксперт. 2009. № 44. С. 77). Характерно, что А. Н. Потресов называл меньшевизм «европеизированным антагонистом большевизму» (*Богданова Т. А. В. И.* Засулич о «европейском вероятном пути политического освобождения» России : мечты и реальность // *Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли*. СПб.: Европейский Дом, 1997. С. 67 прим.). См. также: *Меньшевики* : От революции 1917 года до Второй мировой войны. М.: Собрание, 2009. 552 с.

⁷ Названия трудов приводятся по книге: *Жирков Г. В.* Между двух войн : журналистика русского зарубежья (1920-1940 годы). СПб., 1998. 208 с.

⁸ *Дерлугьян Г.* Кризисы неизбежны – как с этим бороться // *Эксперт* : спец. выпуск. 2008. 29 декабря. 2009. 18 января. № 1 (640). С. 9-14.

⁹ См.: *Степанов Ю. С.* Концепт // *Электронная Библиотека МГУ : Теория языка*. URL : http://genhis.philol.msu.ru/article_120.shtml (27.06.2008)

¹⁰ В Германии – это представители немецкой социальной диалектологии Ф. Маурер и Х. Науман, во Франции – лингвосоциологическая школа А. Мейе и его последователей.

¹¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения : в 5-ти томах. Т. 5. М.: Гос. изд-во пед. лит., 1958. С. 240.

¹² *Стилистический* энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной / 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 625.

¹³ *Античные* теории языка и стиля : антология текстов / под ред. О. Фрейденберг. М.; Л.: ОГИЗ, Соцэкгиз, 1936. С. 5-6.

¹⁴ Другими словами, «учением о решающей роли мышления, зависящего от материальной базы и общественных отношений» (Сумерки лингвистики : из истории отечественного языкознания : антология / сост. и коммент. В. Н. Базылева и В. П. Нерознака; под общ. ред. проф. В. П. Нерознака. М.: Academia, 2001. С. 10).

¹⁵ Часть выдающихся языковедов была репрессирована, и среди них были искренние «марксисты». См.: *Вопр. языкозн.*, 2003. № 5. С. 140 и сл.

¹⁶ *Баранников А. П.* Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы. 1. Влияние войны и революции на развитие русского языка // *Учен. зап. Самар. ун-та*, 1919. Вып. 2; *Винокур Г. О.* Культура языка. М.: Федерация, 1929. См. также: *Селищев А. М.* Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество. М.: Языки слав. культуры, 2003; *Поливанов Е. Д.* Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968; *Поливанов Е. Д.* Труды по восточному и общему языкознанию. М.: Наука, 1991.

¹⁷ См.: *Алтанов В. М.* 1) *Марр* : история одного мифа. М.: Наука, 1991; *Его же.* 2) Что такое марксизм в языкознании? // *Общее и восточное языкознание* : сб. науч. тр., посвященный 70-летию чл.-кор. РАН В. М. Солнцева. М., 1999.

¹⁸ *Шор Р. О.* Кризис современной лингвистики // *Сумерки лингвистики* : из истории отечественного языкознания : антология. М., 2001. С. 41-71.

¹⁹ *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка. Комментарии. М.: Лабиринт, 1993. С. 176-177, коммент.

²⁰ См.: *Романенко А. П.* Советская философия языка : Е. Д. Поливанов – Н. Я. Марр // *Вопр. языкозн.*, 2001. № 2, где автор ссылается на работы *Thomas (1957)* и *Концевича (1991)*.

²¹ Там же: *Hermitte (1987)*.

²² *Алтанов В. М.* Марксизм и марризм (заметки неисторика) // *Восток*. 1992. № 3; *Алтанов В. М.* Книга «Марксизм и философия языка» и история языкознания // *Вопр. языкозн.*, 1995. № 5.

²³ *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка (основные проблемы социологического метода в науке о языке) // В. Н. Волошинов. *Философия и социология гуманитарных наук*. СПб.: Аста-пресс, ltd. 1995. С. 380.

²⁴ П. А. Флоренский сравнивает науку с философией: «Наука *приспосабливает к себе*, философия *приспосабливается*. Та *субъективна*, эта *объективна*. Ту, вопреки заверениям ее адвокатов, *занимают лишь е ю построенные схемы и фикции*; эта, как росток, тянется к свету и воздуху Божиего мира. Та – *искусственна и в искусности своих имитаций жизни*, в своих фарфоровых цветах, железных венках, цементных скалах, анилиновых красках и государственных конституциях, в *условной, но выгодной, посадке всей мысли* видит обогатившую землю своих странствований; эта, напротив, об одном старается: о чистом оке, мир созерцающем» (*Флоренский П. А.* Антиномия языка // *Вопр. языкозн.*, 1988. № 6. С. 88; курсив наш. – Т. К.).

²⁵ *Виноградов В. В.* О категории модальности и модальных словах в русском языке // В. В. Виноградов. *Избранные труды* : исслед. по рус. грамматике. М.: Наука, 1975. С. 53.

²⁶ Факт, имеющий отношение к вспомогательной роли идеологии в языке, отмечают авторы статьи «Как это было» (*Вопр. языкозн.*, 2002. № 1. С. 48): «Имя Сталина в исторических условиях того времени определило общественный резонанс событий в языкознании. Новой роли языкознания в общественной жизни, согласно пониманию ситуации партийным и советским руководством, стало отвечать создание общезыковедческого журнала марксистской направленности, своего рода «Вопросы философии», но в области языкознания. Так в 1952 году появился журнал «Вопросы языкознания»».

²⁷ Как отмечала в материалах международного colloquium 2002 года Т. М. Николаева, «тотальная фонологизация» языкознания принесла отечественной лингвистике не только пользу, проявившуюся в построении абстрагированных систем. Структурный подход вытеснил из поля зрения лингвистов традиционные проблемы языкознания. Среди них – антропоцентрический, психологический подходы к изучению языка (В. Гумбольдт, Г. Пауль, А. Потебня, А. Шахматов и др.). См. указ. обзор: *Алтанов В. М., Вельмезова Е. В.* Международный colloquium «Философские, эпистемические и идеологические основания дискурса о языке в СССР. 1917-1950» // *Вопр. языкозн.*, 2003. № 2. С. 150-153.

²⁸ Базовый тезис номинализма связывает существование общих понятий онтологического статуса только со сферой мышления. В крайнем своем варианте номинализм послужил основой субъективизма в гносеологии. Номинализм стал актуальным течением в 1-й четв. XX века и, как культурный феномен парадигмального характера, проявил себя в различных областях. Его программа инспирировала развитие таких сфер, как логическая семантика, формальная семантика, теория записи, языковое моделирование и др. См.: *Новейший философский словарь*. С. 471.

²⁹ Дается ссылка на публикацию статьи М. М. Бахтина «Слово в романе» в журнале: «Вопросы литературы» (1965. № 8).

³⁰ *Алтанов В. М.* *Марр* : история одного мифа. М., 1991.

³¹ Философия языка – та часть теории языка, которая рассматривает вопросы построения и сущности языка в связи с его отношением к действительности, обществу, сознанию. См. также: *Рождественский Ю. В.* Принципы современной риторики. М.: Наука, 2003 (Раздел 3.2. Философия языка в России в XX веке).

³² См.: *Лантеева О. А., Благова Г. Ф., Маковский М. М., Строкова Г. В.* Как это было // *Вопр. языкозн.*, 2002. № 1. С. 48-57.

³³ Согласно А. П. Романенко (см.: *Вопр. языкозн.* 2002. № 2. С. 118-138), тема «Русский язык и советское общество» была выдвинута акад. В. В. Виноградовым и проф. С. И. Ожеговым еще в 1958 году.

³⁴ *Серио П.* Как читают тексты во Франции // *Квадратура смысла* : французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и поргуг. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс. 1999а. С. 48.

³⁵ См. *Китайгородская М. В., Розанова Н. Н.* «Свое» – «Чужое» в коммуникативном пространстве митинга // *Русистика сегодня*. 1995. № 1. С. 93-116.

³⁶ *Баранов А. Н.* Языковые игры времен перестройки : феномен полити-

ческого лозунга // Russistik = Русистика. 1993. № 2. С. 64-72; Дуличенко А. Д. Русский язык конца XX столетия. München, 1994; Земская Е. А. У людей развязались языки // Известия. 1997. 26 сент.; Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987; Лысакова И. П. Пресса перестройки. СПб.: Астра-Люкс, 1993; Максимов В. И. и др. Словарь перестройки / под ред. В. И. Максимова. СПб.: Златоуст, 1992.

³⁷ См. указ. выше: *Handbuch der Sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen*. Раздел, посвященный социолингвистике, написан Хельмутом Яхновом. В частности, 7-й параграф посвящен анализу понятийного аппарата, используемого советской социолингвистикой; 8-й – методам и теориям, которые в ней применяются.

³⁸ Подр. см.: Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избр. труды. М.: Гнозис, 2005. С. 228 и сл.; Никитин М. В. Предел семиотики // Вопр. языкозн. 1997. № 1. С. 3-14; см. также: Краснова Т. И. Субъективность – модальность. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т экон. и финансов, 2002.

³⁹ *Слово в действии : интент-анализ политического дискурса* / под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. СПб.: Алетейя. 2000. С. 25 и сл.

⁴⁰ Сравните по этому поводу замечание А.-Ж. Греймаса о том, что «лингвистике стало присуще своего рода методологическое излучение». Ученый находит этому обстоятельству свое объяснение: «Будучи в большей степени разработанной, в большей степени формализованной, она смогла предложить другим дисциплинам свой опыт и свои методы. Во Франции пятидесятых годов она получила вызывающий зависть титул ведущей научной отрасли среди наук о человеке». Греймас А.-Ж. Структурная семантика : поиск метода / пер. с фр. Л. Зиминой. М.: Академ. Проект, 2004. С. 5-6.

⁴¹ П. Серио в обзоре работ французской школы анализа дискурса пишет: «Среди гуманитарных наук лингвистика ...самым решительным образом осуществила “эпистемологический перелом”, то есть отрыв от собственной идеологии, что в конечном итоге и определяет подлинную научность. И тем самым лингвистика могла способствовать образованию подлинно научного Анализа дискурса» (Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла : французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс, 1999а. Сравните также мнение N. Ruwet: «Лингвисты первыми поняли, откуда следует начать, если мы хотим предпринять объективное исследование человека. Они первые перестали ставить телегу впереди лошади и первыми признали, что ...сначала надо очертить границы этого объекта, определить и описать его» (Ruwet N. Linguistique et sciences de l'homme. Esprit., 1963. № 11. P. 566).

⁴² Демьянков В. З. Интерпретация // Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т Моск. гос. ун-та, 1997. С. 32.

⁴³ Согласно исследованиям, в голове человека некоторые сущности действительно связаны определенными отношениями благодаря предметно-практическому культурному опыту человека, повторному осмыслению мира и т.д. Память хранит пропозиции и потому, что опыт поступает в память в этой форме утверждений о мире. См.: *Краткий словарь когнитивных терминов*. С. 139.

⁴⁴ С каждым узлом семантической сети в долговременной памяти человека связаны, таким образом, ассоциативно с ним вместе возбуждаемые сведения (другие концепты), что придает семантической сети свойство, которое Дж. Андерсоном именуется индексированием через понятие: если мы устанавливаем место соответствующего понятия (структуры знания) в памяти, мы одновременно вытаскиваем из памяти все известные нам в связи с ним сведения или факты. (Залевская А. А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М.: Наука, 1985. С. 165).

⁴⁵ См.: Никитин М. В. Предел семиотики // Вопр. языкозн. 1997. № 1. С. 3-14.

⁴⁶ Там же. С. 7.

⁴⁷ См.: Грицанов А. А. Идеология // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск: Изд-во В. М. Скакун, 1998. С. 256-257.

⁴⁸ Оппозитивное моделирование картины мира в гуманитарных исследованиях базируется на открытии, согласно которому «в описании любой картины мира лежат бинарные оппозиции, причем они носят универсальный характер» (Руднев В. П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999. С. 39). Хотя следует признать, что оппозитивность (подобно породившим ее конфликтам) является сложным образованием, лишь формально разложимым на «элементарные» бинарные (антонимические) оппозиции.

⁴⁹ Сразу подчеркнем: термин оппозиция и оппозитивность не имеют прямого отношения к функции приема, но не чужды косвенного к нему отношения. По ходу аналитического описания ЭГ-дискурса мы отмечаем связь оппозитивности в смысловом строении текстов с риторическими приемами или категорией комического.

⁵⁰ фр. marquer – отмечать. Маркировать означает ‘ставить клеймо, знак’.

⁵¹ Оценочные высказывания, подобно другим модальным, можно описать посредством формулы А. Прайера «Это есть F, что Р», где на место F подставляются самые разные модальные выражения: *Важно, что... Необходимо, что... Хорошо/Плохо, что...* По мнению А. А. Ивина, такого рода оценочные выражения могут быть приложимы и к понятиям добра/зла (хорошо/плохо). Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: КомКнига, 2006. С. 79.

⁵² Некоторые ученые считают, что в качестве простейших концептов следует рассматривать концепты, представленные одним словом, а в качестве более сложных – те, которые представлены в словосочетаниях и предложениях; другие усматривают простейшие концепты в семантических признаках или маркерах, обнаруженных в ходе компонентного анализа лексики. См.: *Краткий словарь когнитивных терминов*. С. 90 и сл.

Глава 3. Революционная эпоха как внешнее предметно-практическое поле оппозитивного дискурса

Если сформулировать нашу задачу в терминах функционализма, то нужно (принимая во внимание сферу общественного сознания и тип содержания материалов) определить экстралингвистический фактор первичного плана коммуникации – установить основные черты *базовой ситуации* общения. В изучаемом газетном дискурсе базовой выступает в целом *вся революционная ситуация* в России на протяжении более чем десяти лет (1905-1917). При этом в газетах русского зарубежья в центре находится информационно-воздействующий тип содержания, присущий политической сфере общения, сознания и ее дискурсу. По традиции такие факторы относятся к явлениям внеязыковой действительности, под влиянием которых протекает речевое общение и происходит отбор-организация языковых средств (ср. СЭС : 624-627). В данной главе мы сначала сосредоточимся, *во-первых*, на общей для эпохи кризиса социальной ситуации, на ее последствиях, включая миграционное движение из России. *Во-вторых*, уделим должное внимание экстралингвистическим особенностям и речевому стереотипу новостных сообщений: метатекст содержит косвенные сведения об условиях работы службы новостей во время войны.

Как выполнить поставленные задачи? Участь исследователя газетной речи такова, что он должен попытаться соотнести положение дел в действительности с тем, которое создавалось в газете усилиями заинтересованных групп или «сказалось» в газете. Но можно ли восстановить бывшее когда-то реальным положение дел, считая его основанием для процесса оппозитивной формации дискурса? Решению этой задачи способствуют данные так называемой «социологии революции».

В современной системе гуманитарных знаний *с о ц и о л о г и я* занимает особое место. Ее считают *формой научного самосознания* современности (П. Штомпка). Поиск истины об обществе выполняет когнитивную (обеспечение понимания) и практическую (предоставление сведений для социальной инженерии, социотехники и социальной политики) функции. Но вместе с тем, по убеждению польского социолога, есть и третья функция, отсутствующая в естественных науках. В социологии люди могут действовать на основе социологических представлений. Это и есть третья функция социологической истины, которую П. Штомпка называет освободительной. Она подразумевает просвещение, *знание фактов и механизмов социальной жизни*, а также «развенчание пропаганды, ложного сознания и идеологической лжи»¹.

В исследовании оппозитивного дискурса важное место занимает изучение процесса концептуализации образа *России* и *большевизма* в газетах. Даже в современном сознании концептуальный образ² России революционного и послереволюционного времени остается пока еще односторонним (если не искаженным). Выразительный пример – фраза из вступительной статьи Ю. В. Яковца к изданию книги Питирима Сорокина «Социология революции». Статья начинается симптоматичным для огульного понимания образа России суждением: «*После Первой мировой войны весь мир был охвачен великими революционными потрясениями, эпицентром которых стала Россия, поставившая перед собой высокую цель радикального преобразования социального строя всей планеты и дорого заплатившая за социалистический эксперимент*» [Яковец 2005 : 5]. В свете сегодняшнего представления о разных ипостасях России («географической» и «зарубежной», официально статусной и «катакомбной»), о существовании разных типов дискурса в представлениях когнитивной лингвистики и социологии, приведенная фраза вызывает возражения. *Миф официального дискурса власти* в стране отождествляется здесь с образом всей России, хотя в газетах «зарубежья» отразился совсем другой ее лик. Печать русского зарубежья, начиная с 1918 года, открыто включает в свой дискурс вопросы нравственности государства и власти как самые актуальные для страны в указанный период: см. газеты «Общее дело» (Париж, 1918-1919), «Народная газета» (Нью-Йорк, 1918), «Призыв (Берлин, 1919-1920) и другие издания этого времени. Очевидно, концепт «Россия» имеет качественно различные стороны своей единовременной исторической формы в идеологическом сознании русских. В нем могут причудливо пересекаться и перекликаются концепты официальной и «потаенной» власти, различных политических течений и символов конкурирующих идеологий, иные духовные силы в русском мире слова и дела.

В социологии понятию «дискурс», заимствованному из структурной лингвистики, отводится не только роль определенной формы выражения или функции речевой коммуникации. Понятие дискурс обретает здесь более широкую трактовку в представлениях о «*символической практике*» социального взаимодействия, о *стратегиях поведения*, о «*системах объектов различной модальности и символического выражения*» [Добренькова 2007 : 21-22]. По мнению автора, научное знание оказывается в таком случае одним из видов дискурса наряду с литературой, философией, религией, историческим описанием и др., кооперируясь – в духе когнитивной парадигмы – с интерпретативным подходом в исследованиях одного явления. При этом дискурс уподобляют *социальному полю* – некой размытой предметно-практической форме существования общест-

венного бытия и общественного сознания. На этом поле сталкиваются различные силы и субъекты, выражающие и защищающие свои интересы. В качестве основных агентов и субъектов этого поля социологи рассматривают крупные социальные силы (классы, конфессии, корпорации и т.п.).

Социологически интерпретированное понятие дискурса позволяет, по мнению ученых, «гораздо глубже и более широко отразить состав участников дискурса, распределить статусные роли и полномочия, поведенческие модели и ценностные приоритеты, используемые в публичном дискурсе культурные практики и формы социального взаимодействия» [Добренькова 2007 : 22]. Соответственно при исследовании дискурса с социологической точки зрения принято учитывать *своеобразную предметность самой практики социального взаимодействия*, а именно – социальный статус участников коммуникативного взаимодействия, социально-экономическую обстановку в «поле дискурса», историко-культурный контекст и предпосылки возникновения дискурса, интеллектуальный потенциал общества в целом (степень готовности к продуктивному диалогу), причины и мотивы возникновения противоречий, механизмы и процесс их протекания.

3.1. Историко-социальные основания оппозитивной формации дискурса о России

Говоря о характере социального предмета дискурса – противоречий, вызвавших революционные события в России, мы принимаем во внимание следующие положения когнитивной парадигмы знания.

- В когнитивной, или «интерпретирующей», парадигме любой феномен определяется на базе имеющегося предпонимания. Интерпретация представляется как процесс, для осуществления которого необходима презумпция интерпретируемости объекта.

- В своей стратегии интерпретаторы используют такие инструменты, как средства речи, знания, а также другие стратегии, взятые в подчинение к данным [см.: Кубрякова, Демьянков и др. 1996 : 32]. К опорным пунктам интерпретации жизни общества относятся своеобразные «вехи» (слова, конструкции, мысли, аналогии), на которые опираются интерпретаторы.

Мы опираемся на социологическую модель интерпретации процесса обострения противоречий в России, изложенную в трудах П. А. Сорокина. В ее основе философский объективизм и естественно-научный метод трактовки причин исторических изменений в «организме» российского общества.

3.1.1. Эпоха кризиса с точки зрения «социологии революции». Социальные изменения

Труд П. А. Сорокина под названием «Социология революции» подтвердил наличие общих в истории человечества закономерностей в процессе возникновения и протекания революций. По оценкам специалистов, без знания этой работы невозможно составить «научное мировоззрение, адекватное реалиям XXI века»³. Она – главный источник социологических данных по России в интересующий нас период.

П. Сорокин жил в стихии русской революции пять лет. Его суждения до сих пор воспринимаются как живые свидетельства той бурной эпохи. Вместе с тем, как социолог автор предупреждает: «Явления Революции – чрезвычайно эффективны, экзотичны и романтичны. Поэтому исследователь должен быть особенно прозаичным. Он должен подходить к ее исследованию с методами и заданиями натуралиста. Не порицание или похвала, не апофеоз или оплевывание революции <...>, а изучение революции такой, какова она есть на самом деле» [Сорокин 2005 : 33]. Всеобщая интерпретация мира революций у П. Сорокина строится на позитивистской модели. К инструментам интерпретации относятся понятия и термины физиологии: «условный» и «безусловный» рефлекс, «инстинкт», «стимул», «реакция» и др. В процессе интерпретации гипотеза о существовании единой модели образования и прохождения всех мировых революций верифицировалась привлечением исторических аналогий и была подтверждена многочисленными выкладками историко-социологического характера.

Обратимся к концепции П. Сорокина, отмечая положения, важные для характеристики предметно-практического поля оппозитивного дискурса.

Исследуя социальную природу революции как общественного явления, круто изменяющего ход развития той или иной страны, П. Сорокин выделил несколько ключевых причин образования революционных ситуаций. Это голод, подавление импульсов собственности и свободы, подавление инстинкта самосохранения и других человеческих инстинктов. Катализатором, ускоряющим возникновение революционной ситуации, ученый считает *дезорганизацию власти и социального контроля*. В то же время в процессе революции создается «иллюзия ее неизбежности, благородства целей и гениальности вождей».

По мысли П. А. Сорокина, в период революции природные инстинкты, генетически унаследованные черты, «стихийное слепое» следование толпе начинают преобладать в поведении по сравнению с разумом. В стабильных условиях внешней среды разнонаправ-

ленные стимулы взаимно уравновешиваются и «извержение вулкана» не происходит. В изменяющихся внешних условиях приспособление происходит через рефлексy: условные и безусловные (объективно более сильные). Когда условия среды изменяются так, что вызывают ущемление основных инстинктов у множества лиц, тогда мы получаем «массовую дезорганизацию поведения, массовый взрыв и социальное землетрясение, носящее название бунта, мятежа, смуты, революции» [Сорокин 2005 : 42]. Во всех известных миру революциях, предъясвляет доказательства ученый, происходило то же самое. *Русская революция типична, отличие лишь в деталях* (в величине дезорганизации и др.). Война и революция являются сильнейшими факторами трансформации поведения. Остановимся подробнее на процессе изменений, связанных с таким предметом, как «самочувствие» и поведение социальных слоев в России.

Социальные изменения, их последствия. Во внешнем выражении эпоха кризиса в России включает несколько временных отрезков начала века: периоды трех революций (1905 и 1917), мировой войны (1914-1918), период Гражданской войны 1918-1920 (1922). П. Сорокин дает социально-психологическую трактовку процессов, соответствующих этим отрезкам времени в России. Коротко изложим это представление, оно нам пригодится.

К началу XX в. дворянство было беднее, чем образовавшаяся торгово-промышленная буржуазия. Но по объему прав и привилегий оно было по-прежнему в исключительном положении. Из года в год с **1905 по 1914** гг. влияние дворянства падало, а торгово-промышленных групп росло. Русско-японская война дала толчок «реакции перемещения», вылившейся в революцию 1905 г. Она окончилась уменьшением привилегий дворянства и ростом прав и влияния торгово-промышленников.

Однако «реакция перемещения» не была вполне закончена, а война обострила борьбу между этими сословиями. Торгово-промышленная группа выступила во главе оппозиции против дворянской власти. Началась **февральская революция 1917 г.**, в первой стадии которой была выполнена указанная «реакция перемещения». Дворянство было ликвидировано, власть Временного правительства была в сильной степени властью торгово-промышленной группы.

Но исключительные условия вовлекли в борьбу и другие классы, желавшие реализации своих интересов⁴. Революция пошла дальше, общий порыв населения снес «ущемляющий старый режим». Но через одну-две недели, по замечанию Сорокина, единодушие исчезает. Начинается дифференциация и разделение единой недавно массы противников старого режима как раз по числу и характеру ущемленных инстинктов. «В первые же два-три дня после 27 февраля проходит первая борозда в виде дуализма “Временного правительства” и “Советов”».

Правящие классы и Временное правительство не планировали кончать войну. Иначе обстояло дело с солдатами, рабочими, крестьянами, с деклассированными, преступными и неприспособленными элементами. Основное ущемление инстинктов самосохранения у солдат не было уничтожено. Ущемления инстинктов пищевых, инстинктов собственности, свободы, ряда других Февральская революция не устранила. Рабочие также должны были стремиться к устранению этих ущемленных условий жизни. То же самое можно было сказать о крестьянстве. Февральская революция обещала, но не дала ему сразу «ущемлявшие» его помещичьи земли, не облегчила, а усилила его повинности по доставке хлеба и продовольствия. Еще в большей степени, отмечает Сорокин, это относится к преступным, деклассированным и авантюристским элементам в среде пролетариата. Они хотели дальнейшего углубления революции.

Появилась «трещина»: в то время как первые (правящие) группы хотели задержать революцию, вторые – гнали ее дальше. «А поскольку во втором лагере были рабочие, огромная армия и крестьянство, т.е. три основные силы – Октябрь был предрешен...»

По Сорокину, **Октябрьская революция** – это углубление Февраля «ущемленными» рабочими, солдатами, крестьянами и деклассированно-криминальными элементами. В первые месяцы октябрьский переворот облегчил ущемление всех поддержавших его групп: крестьяне получили санкционирование и одобрение производимых ими земельных захватов, армия – мир и возможность вернуться домой, рабочие – право на «ущемление буржуев». Отсюда – сила Октября и большевиков, считал П. Сорокин.

Но прошло несколько месяцев, и картина начала меняться. Крестьянству больше ничего не давали, в исходном положении очутились и Красная армия (кроме 300-400 тыс. особо привилегированных). Рабочий класс в **1919-1920 гг.** тоже почувствовал ущемление от голода, трудовых повинностей, бюрократизации и тирании новой власти. Начались восстания рабочих, красноармейцев и крестьян, в **марте 1921 г.** чуть-чуть не свергли правительство. Однако путем тех же ущемлений, отказа от коммунизма и «усиления тормозов» оно удержалось.

П. Сорокин определил первый и второй этапы революции. На первом этапе ущемление безусловных рефлексов приводит к отмиранию условных, которые ранее тормозили эти безусловные рефлексy. Далее развивается *процесс биологизации* поведения: он характеризуется доминированием нервного возбуждения, импульсивностью и несистематичностью поведения индивидов. В т о р о й этап революционной деформации – это торможение «вырвавшихся на волю» безусловных рефлексов по причинам истощения энергии. П. Сорокин доказывает, что со всякой глубокой революцией неразрывно связан *институт диктатуры*. В результате общество проходит ускоренный курс принудительного воспитания, а «социализация» вновь начинает доминировать над «биологизацией».

По мнению автора, неизбежным результатом извращенного под влиянием революции поведения (мутации) и отмирания условных рефлексов, выступает *примитивизация и дезорганизация психической жизни общества*. А именно – распространение рефлекса подражания, неспособность правильно воспринимать окружающую среду, отрыв от реальности, преобладание «прямого» метода мышления и действия, мания Величия, исчезновение личной ответственности и замена ее коллективной. Опираясь на объяснение процесса угасания условного рефлекса (как разрыва связи между анализатором и рабочей частью нервной системы), П. Сорокин ставит знак равенства между революцией и деградацией общества (моральной, правовой, психической). По его мнению, «русская революция произвела ужасающее – количественное и качественное – опустошение и ухудшение населения России» [Сорокин 2005 : 205].

Добавим, что современная теория катастроф, бурно развивающаяся с 70-х гг. XX в.⁵, увязывает их глубинную причину с трансформациями духовных оснований общества, с их размыванием. В процессе смены мирозерцаний, разрыва с прежней культурной традицией складывается *катастрофическое сознание*. Сравните суждение Н. А. Бердяева: «С Россией произошла страшная катастрофа. Она ниспала в темную бездну» [Бердяев 1992 : 67]. По мнению социологов, катастрофа возникает как результат синхронизации различных кризисов (военного, политического, экономического, гуманитарного), как следствие аккумуляции большого числа ошибок, которые долгое время не исправляются. Тенденция к катастрофизму сознания особенно характерна для маргинально-люмпенских слоев общества, склонных к нигилизму и максимализму, к упрощению и уравнительности. Такой способ социального действия обосновывается, например, в *анархизме* с его «проповедью люмпенского бунта, идеей созидательности тотального разрушения существующего общества» [Миненков 1998 : 651]. Необходимо учитывать и национальные особенности: на характерное для России противостояние двух миров – *народного и светского элитарного* – в рамках общей русской культуры наложилось соперничество двух других культур – *традиционной и европейской*. По убеждению ряда авторов, «их неслияемость и постоянный раскол во многом обусловили катастрофичность русской истории» [Там же; ср. также Пархоменко 1995 : 29].

В суждениях *современных* социологов революция, идентифицируемая понятием «кризис», получает д р у г у ю объективистскую интерпретацию, в рамках которой состояние человеческого общества подобно экосистеме. В какой-то момент в этой системе «перестают действовать надзорные механизмы, циклические колебания более не возвращаются к прежнему равновесию. Структурные

опоры рушатся от перенапряжения, высвобождаются прежде скованные противоречия, система втягивается в воронку стремительного хаотического перехода – назовите это бифуркацией, кризисом или революционной ситуацией» [Дерлугьян 2009 : 11]⁶. Переход в иное системное качество не обязательно ведет вверх. В ситуации кризиса возникают всевозможные боковые, или «обходные маневры вроде рокировки слонов на мамонтов». Случается и регрессивное, попятное движение... Наконец, возможно вымирание [Там же]. Рассматривая проблему в аспекте «кризисы и власть», ученый делает прагматически обоснованное заключение. Оно вносит акцент о т в е т в е н н о с т и за колебания экосистемы или ее преобразование человеком. «В отличие от систем биологических, – отмечает Г. Дерлугьян, – системы, созданные людьми, наделены сознательной рефлексивностью. Так или иначе, мы думаем, что делаем. Если же действия и бездействие людей подрывают устойчивость общества, то заподозрить стоит не когнитивные дисфункции (проще говоря, глупость) и не нехватку информации (“ах, знал бы батюшка-царь”). Аналитически продуктивнее будет поискать чей-то статусный и даже вульгарно корыстный интерес» [Там же 2009 : 14].

Обратимся к миграционному процессу как выражению социальной оппозитивности, под влиянием которого находился дискурсный поток новостных сообщений из России за рубежом.

3.1.2. Явление миграций в механизме социальной оппозитивности и газеты русского зарубежья

Одним из следствий русской революции было стихийное усиление территориальной циркуляции населения, нарастание миграционного движения в стране и из страны. С начала революции, в результате изменения границ по Брестскому договору 1918 года, сотни тысяч россиян оказались подданными других государств: Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Грузии, Польши, Украины, Румынии. Многие стали «абонентами» Лиги Наций, людьми «без отечества».

Для современного общества, науки характерно признание п о л и т и ч е с к о й а к т у а л ь н о с т и вопросов, связанных с «Россией вне России». Важно понять то, что дает мигрантам из России ощущение общей судьбы.

Российское зарубежье, возникшее в результате трудовой миграции начала века и революционных событий 1917 года, охватывало практически все континенты, около двух миллионов бывших российских подданных. Необходимые сведения имеются в специальных работах: Н. Н. Аблажей [2008], А. Б. Ручкин [2007], Русский исход [2004], С. В. Волков [1999].

В 1917-1918 гг. в России нарастала *внутренняя* и *внешняя* миграции. П. Сорокин говорит о сотнях тысяч людей, которые потянулись из голодных городов в деревни (приводится статистика). С началом Гражданской войны огромные армии стали передвигаться «от Владивостока до Польши, от Архангельска до Крыма и Персии». В 1921-1922 гг. миллионы людей семьями уезжали из голодных областей в другие. «Вместо оседлой России перед нами был растревоженный муравейник с кишачими муравьями» [Сорокин 2005 : 220]. С 1921-1922 гг., с момента окончания Гражданской войны, наметилась тенденция «оседания». Демобилизованные солдаты вернулись домой, население городов возросло. Вместо «Руси на телегах, на конях, бредущей пешком», какой она была в первый период революции, мы видим Русь – «большого Илью Муромца, сиднем сидящего на одном месте» [Там же 2005 : 222].

Ниже представлены основные понятия *внешней* миграции и отмечены процессы 1917-1922 гг., с ней связанные.

Эмиграцией считается выезд граждан из своей страны в другое государство на постоянное место жительства или на длительный срок по любым мотивам. Распространенное понятие диаспора (по греч. «рассеяние») включает шесть отличительных характеристик: 1) рассеянность из первоначального «центра»; 2) наличие памяти или мифа об исторической родине; 3) убежденность мигрантов, что они не будут полностью приняты новой страной; 4) видение родины как места неизбежного возвращения; 5) преданность исторической родине, ее идеализация; 6) наличие групповой солидарности и чувства связи с родиной, вовлеченность в ее внутривнутриполитическую жизнь. Считается правомерной точка зрения исследователей, отмечающих *политическую составляющую как одну из определяющих при изучении явления диаспоры* [Ручкин 2007 : 3]. Что касается принимающей стороны, то для нее, в контексте мировых событий, был важен один особенно интересующий ее момент в существовании российских переселенцев: *диаспора являлась наиболее информированной и наиболее интересующейся событиями на родине частью принявшего ее общества.*

В истории русской диаспоры исследователи находят этапы становления, развития и упадка. Одной из важнейших составляющих ее жизни являлась неразрывная связь с родиной, которая под влиянием конкретно-исторических обстоятельств могла принимать различные формы.

В связи с русскими газетами, существовавшими в дооктябрьский период, встает вопрос: относится ли понятие «русская эмиграция» к давно проживающему на территории других стран (или оказавшемуся в чужих границах по результатам войны) местному русскому населению? Встречается мнение, что название «русская

эмиграция» (в актуальном смысле этого выражения) обозначает эмиграцию времени революции и Гражданской войны. Два с лишним миллионов эмигрантов этого периода в преобладающем большинстве были русские. Особым статусом обладает понятие «Зарубежная Россия». Оно обозначает особое культурно-историческое явление (М. Д. Филин), более широкое, чем «русская эмиграция». Тогда выражение «Русское зарубежье» подразумевает самое объемное представление о русских за пределами родины. Сравните: «Русское зарубежье охватывало всех выходцев из России, их принадлежность к национальной культуре, определяемую общим языком, образом мысли, культурной принадлежностью» [Фрейнкман-Хрусталева 1995 : 58]. Мы согласны с таким утверждением, но сделаем особый акцент на языке. Если есть стремление к его удержанию и сохранению в инокультурной среде, это дает основание считать давних русскоязычных мигрантов входящими в одну из структур русского зарубежья. Таким образом, большая часть людей из России, проживавших за границей **до 1917** года, относятся к широкому явлению русского зарубежья. В конечном счете, *все определяет ментальность, укорененная в духовном пространстве выражающего ее языка* [Колесов 1999 : 80].

В зависимости от времени пребывания за рубежом эмиграция подразделяется на *временную* и *постоянную (безвозвратную)*. Так, социалисты-революционеры (эсеры) рассматривали свою эмиграцию как временную, краткосрочную. «При малейшей возможности они стремились вернуться (и возвращались) домой, в Россию. На это нацеливали и директивные письма ЦК, оставшегося в России. Допускалась лишь та эмиграция, которая была безусловно необходима» [Кукушкина 2004 : 97]. Вообще говоря, эмиграция социалистов-революционеров за границу была, прежде всего, **эмиграцией политической партии**. «Эсеры уезжали не для того, чтобы переселиться в другие страны, а для того, чтобы вести там политическую борьбу, ставшую для них невозможной в Советской России. В этом смысле новая эмиграция стала для них продолжением эмиграции царского периода» [Там же 2004 : 98].

Другой распространенный вариант – неоднократная эмиграция. Редактор-издатель «Общего дела» (Париж, 1909-1933) В. Л. Бурцев стал жить за границей *безвозвратно* только после октябрьского переворота, покинув Россию нелегально. Вместе с тем нелегальную миграцию принято отличать от беженства и любого другого вида вынужденной миграции. *Нелегальной* миграцией считается любое перемещение через границу с нарушением миграционного законодательства. Наиболее распространенным способом эмиграции в **1917 г.** стал нелегальный переход финской границы. Преобладание в это время нелегальной эмиграции делает сложным точное опре-

деление числа перешедших финскую границу. По данным американского Красного Креста и данным Роста, только за осень 1918 г. в Финляндию прибыло 3 тыс. русских, а к осени 1919 г. их число достигло 10 с лишним тысяч человек [Русский исход 2004 : 12]. При этом раздражение в финском правительстве вызывала политическая активность эмигрантов и взгляды некоторых из них, по-прежнему воспринимавших Финляндию как часть Российской империи. В 1918-1919 гг. Финляндия активно использовалась в качестве транзитного пункта: большая часть эмигрантов, не задерживаясь, следовала в другие страны и регионы России, свободные от большевиков.

По форме все миграционные процессы подразделяют на *организованные* и *неорганизованные (стихийные)*, а по способу реализации они могут быть *принудительными* и *добровольными*, рассматриваться как *репрессивные* и *нерепрессивные*.

Стихийной и *добровольной* была эмиграция множества жителей Петрограда и близлежащих мест в северные области Европы в 1917-1919 гг. Петроградцы из числа научной и творческой интеллигенции, имевшие дачи в приграничной полосе, решались переждать смутное время в Финляндии. В конце 1917 г. к ним стали прибавляться значительные группы офицеров и городских обывателей, бежавших из столицы от голода и репрессий. Многие выезжавшие (даже после провозглашения независимости Финляндии) продолжали расценивать свой переезд как движение внутри Российского государства на его окраины, что являлось **формой пассивного сопротивления новой власти**. В потоке северной российской эмиграции 1918 г. были представители «маргинальной» (двуязычной и двухкультурной) группы населения – иностранцы, постоянно проживавшие в России и во многом усвоившие ее язык и культуру. На Северо-Западе эта группа представлена «русскими шведами» (Ryslandssvenskar), проживавшими прежде всего в Петрограде («русские шведы» работали как на промышленных предприятиях и в торговле, так и в сельском хозяйстве)⁷.

Организованной принудительной (репрессивной) формой эмиграции была высылка из Петрограда в 1922 году интеллектуальной российской элиты. В этой связи существует мнение, что элитарная культура погибла... или переселилась из России за рубеж. По словам историка и философа П. М. Бицилли, «*весь ужас положения в России*» состоял «не в том, что в ней завелись большевики, а в том, что в ней нет места оппозиции». «Из России ушла не маленькая кучка людей, ушел цвет страны, в руках кого было сосредоточено руководство ее жизнью»⁸. «Российская империя никогда не проводила столь жесткой линии в отношении эмиграции, благодаря чему, собственно, Ленин и другие имели возможность оказывать столь заметное влияние на положение России» [Раев 1994 : 20].

Регулирование выезда из страны началось в 1919 г. Советское правительство приступило к оформлению института гражданства, с акцентом на политическую лояльность. Лишение гражданства использовалось как репрессивная мера. С 1920 г. уголовному преследованию подлежали этапированные в страну белогвардейцы, с 1921 г. – перебежчики и реэмигранты, с 1922 г. – «невозвращенцы».

К специфическим формам внешней миграции относят *беженство* и *интернирование*. Понятие «беженцы» претерпело наиболее сильную трансформацию. Под беженцами первоначально подразумевались мигранты из прифронтовых районов. В эмиграции термин «беженцы» применялся к тем, кто, как предполагалось, после нормализации жизни на родине должен вернуться домой (понятие «русский беженец» часто применялось в отношении всех пореволюционных эмигрантов из России). «Большинство беженцев считали себя преемниками русских политических эмигрантов XIX – нач. XX в., которые находились за границей ради продолжения борьбы с царским режимом» [Раев 1994 : 14].

Понятие «интернирование» получило распространение в период военных действий. Под ним понимают принудительное задержание на территории одной воюющей стороны (или нейтрального государства) военнослужащих и гражданских лиц другой воюющей стороны. Однако интернирование в период «русского исхода» стало по существу более широким понятием, независимым от военных действий и связанным с нелегальной или стихийной эмиграцией из России. Так, к концу 1918 г. всех беженцев, переходивших финскую границу, интернировали в лагеря (в Ино, Туук и Руркинсаари), при этом большинство из них были довольно обеспеченными людьми. Русские беженцы фактически подвергались интернированию в Швеции. В конечном счете Великобритания выразила готовность предоставить значительные средства тем странам, которые пойдут на размещение у себя эмигрантов из России [Русский исход 2004 : 13]. Норвегию использовали в качестве транзитного пункта для переезда в другие страны Европы (Францию, Германию и др.), где колонии российских эмигрантов были уже довольно многочисленны.

По масштабам внешние миграции определяются как *индивидуальные*, *групповые* и *массовые*. Интенсивность миграционного движения, в связи с Первой мировой и Гражданской войнами, нарастала с 1916 по 1922 гг. Индивидуальная эмиграция последовала уже в феврале 1917 г. (в связи с февральской революцией в России). В 1918 г. уже ощущалась географическая «специализация» распределения групп эмигрантов: в Италию ехали представители аристократии; Франция становилась прибежищем состоятельных людей различной политической ориентации; в приграничных госу-

дарствах, на Балканах сосредоточивались те, у кого не было значительных средств [Русский исход 2004 : 6].

Одними из первых политических деятелей оказались за границей те, кто после Февральской революции выполнял различные правительственные или партийные поручения и не вернулся в Россию. Отметим тех лиц, которые фигурируют в ЭГ разного направления. Среди таких лиц был *К. М. Оберучев*, делегированный в сентябре 1917 г. в Копенгаген на международную конференцию по обмену военнопленными. Генерал, общественный деятель – он после 1917 г. жил в США, являлся председателем Фонда помощи русским писателям и ученым; представлял в Нью-Йорке Административный центр «внепартийного объединения». Имя Оберучева с уважением упоминается в торгово-промышленной газете «Скандинавский листок» и в сатирическом свете дается в анархо-синдикалистской газете «Голос труженика» (Чикаго). В конце мая – начале июня 1918 г. за границу по поручению Союза возрождения России отправился *А. Ф. Керенский*. Авторитетное интервью с ним печатает харбинская газета «Новости жизни», в то время как его негативный образ в качестве политического деятеля России тиражируется в газетах «Общее дело» (Париж) и «Призыв» (Берлин).

Отступление Северо-Западной армии генерала Юденича в конце 1919 г. в Эстонии, а затем ее роспуск в январе 1920 г. положили начало массовому исходу на Северо-Западе. В то же время на юге эвакуированные морем армии составили основной контингент первой волны беженцев. Военные люди – генералы, офицеры, юнкера, казаки – по данным П. Ковалевского⁹, составили всего лишь около четверти от количества всех мигрантов, покинувших страну. Но за ними последовали их близкие и другие гражданские лица, сумевшие присоединиться к ним.

Как известно, процесс эмиграции из России происходил с разной интенсивностью в XIX в. и в начале XX в. В российской и зарубежной литературе, посвященной вопросам эмиграции, к трем главным ее мотивам относят *религиозный, политический и экономический (трудовой)*. Политическая эмиграция не существовала в чистом виде, в действительности она часто переплеталась с эмиграцией трудовой и этнической (национальной)¹⁰. Газеты, ставшие объектом нашего внимания, связаны с жизнью и общественной психологией экономической и политической эмиграции до революции и после нее. Подробнее о мотивах эмиграции в разные страны говорится в Разделе II. Мы строим большую часть описания на характеристике *периферийных* изданий эмиграции. Они выходили на территориях, куда переселенцы из России направлялись по мотивам прежде всего экономической эмиграции: северная Европа (Швеция), Маньчжурия, города Северной и Южной Америки. Русские газеты существовали здесь еще до революции.

Отношение к миграциям из России в газетах русского зарубежья. События «русского исхода» определили идеологическую направленность и отчасти судьбу интересующих нас изданий. Газеты были озабочены состоянием общественного мнения – одобрения или неодобрения публично высказываемых ими позиций в стране пребывания. Общественное (и правящее) мнение в странах эмиграции по-своему могло оценивать значимость происходящего в России. Существует понятие «степени внимания», уделяемого той или иной теме в общественном сознании, за счет чего осуществляется выбор в пользу того или иного политического решения. Предположительно можно думать, что «тематика» общественного мнения и так называемый «дух» его порождался и эмигрантской печатью времени кризиса тоже. Известна морализующе-нормативная концепция влияния общественного мнения (Ю. Хабермас). Это инструмент в руках правящих кругов. Ведь официальное, общественное и обыденное мнения могут совпадать, если речь идет о гуманитарных, политических (мир, справедливость, демократия) или правовых (закон и правопорядок) ценностях. Их общечеловеческое содержание не связано непосредственно с конкретным историческим периодом или конкретной этнической традицией. Хотя, как считают, каждая историческая эпоха и определенный этнос выражает себя в иерархии ценностей, определяющей социально допустимое [Севостьянова 1998 : 484].

Отношение к беженству во время российского кризиса было **н е о д н о з н а ч н ы м**. В этом вопросе газеты РЗ считали себя обязанными придерживаться политики властей. Газеты регулярно помещают официальные сводки об увеличении числа мигрантов, включая транзитных переселенцев. Например, газета «Скандинавский листок» (№ 178) дает такие цифры под рубрикой «Скандинавская хроника»: «За май 1916 г. эмигрировало 843 лица, в 1915 г. – 233. С 1 января по 1 июля 1916 г. – 2291». В сдержанной манере газета в Скандинавии приводит отдельные факты о перемещениях людей с территории бывшей Российской империи: *Финская революция занесла в Швецию некоторых русских офицеров, которые были принуждены уйти из Финляндии, где протекала их служба, дабы не участвовать в борьбе между «белыми» и «красными»*. Впрочем, газета не может быть совершенно безразличной к судьбе переселенцев. Однако оценки свои она дает в виде констатации фактов, включая мотивированную положением оценку ситуации: *Эмигранты пока поселились в Стокгольме, где их положение сейчас чрезвычайно тяжелое: они совершенно оторваны от сообщений с родными, которые бы могли им оказать поддержку или помочь перебраться в Россию. Чтобы оказать им посильную помощь, 8-го мая в Гранд-Отеле устраивается вечер «Русской музыки»* (№ 275).

Публикуются новые правила въезда и выезда из России («Скандинавский листок», № 353 от 16 янв. 1918).

Харбинские газеты в интересах читателей публикуют сведения о положении с эмиграцией в Америку. Они стали затруднительными из-за действия американских властей в связи с развитием событий в России: *Вашингтон, 2 дек. (Рейтер). Председатель комиссии по эмиграции представил на рассмотрение палаты депутатов закон, запрещающий эмиграцию в Америку в течение 2 лет. Исключения будут предоставлены лишь лицам, находящимся в кровном родстве с американским гражданином или иностранцем, взявшим на себя обязательство натурализоваться* (*Закон о запрещении въезда в Америку; «Призыв», Харбин, 1918, 1 окт.).

Американские власти пристально следят за мигрантами из России, прибегая к крайним мерам уже в 1919 году. Сообщается о высылке из Америки большого числа русских эмигрантов, заподозренных в экстремизме: *Нью-Йорк, 20 дек. (Рейтер). С транспортным пароходом «Wuford» были вчера отправлены в Россию 249 экстремистов, в том числе Александра Беркман и Эмма Гольдман, а также еще две женщины* (*Высылка из Америки русских большевиков. «Голос России», Берлин 1919, 30 дек.).

Отношение польских властей к проблеме миграций из России нелицеприятно для власти рассматривает газета «Варшавская речь» (статья «Радикальные мероприятия»: 1919, 14 дек.). Дело дошло до того, что газета вынуждена была вести правозащитную работу.

В разное время (1918, 1919, 1922) разные эмигрантские газеты на местах публикуют объявления для желающих возвратиться в Россию («Скандинавский листок», № 275), обсуждают ситуацию с идеей переезда («Свободная Россия», № 53, Буэнос-Айрес; «Новое русское слово», № 3471, Нью-Йорк). Регулированием миграций из России усиленно занимались государства Антанты в Европе и мест-ные власти в Америке.

Для изучаемого в данной работе способа существования российского дискурса в эмигрантских газетах важно следующее. В Европе на бывших территориях России местная печать становилась печатью русской диаспоры в границах другого государства. Название «эмигрантские» таким газетам может быть присвоено условно. К российским переселенцам в странах их проживания присоединялись беженцы. В результате активизировался интерес к русским газетам со стороны местных властей, со стороны представителей разных политических и правительственных кругов стран зарубежья. Все газеты были озабочены поисками средств и источников получения информации из России. Стремясь к удовлетворению интереса читателей (включая власти), издания публикуют всевозможные сообщения, рассказы очевидцев о событиях в России

из первых уст, от самих беженцев. Некоторые газеты помещают серии таких свидетельств из номера в номер. К примеру, берлинская газета «Призыв» в 1919 году дает под заголовком «Записки беженца» подробные свидетельства мигранта о разных сторонах действительности в России в № 115 (...) 123, 126, 128. Заметим также, что в изучаемом нами материале больше всего таких сведений (как и сведений о перемещениях мигрантов) содержится в структуре новости, в метатексте сообщений европейских ЭГ, где обычаем указания на источник сообщения соблюдался неукоснительно. Вопрос о характере и типах источников известий в газетах русского зарубежья освещается в следующем разделе.

Подведем итог. Российскую действительность эпохи кризиса можно рассматривать как внешнее предметно-практическое поле дискурса обостренной конфигурации, которое характеризуется разнообразными проявлениями социальной оппозитивности. *Социальная оппозитивность* понимается в данном случае как *ответ в системе человеческих отношений на агрессивные изменения среды, на деформирующие структуру общества и культуры противоречия*. К факторам социальной оппозитивности в жизни исторической России эпохи кризиса относятся:

- противоречия классового характера, столкновение интересов собственников;
- война как фактор конфронтации;
- оппозиция разных групп по отношению к власти, увеличение и разделение массы противников «старого режима»;
- аномальное усиление влияния деклассированных и авантюристских элементов в разных слоях общества;
- противостояние культур;
- деформация психики членов общества; изменение субъективных правил и убеждений (в противовес традиции); «биологизация» и массовая дезорганизация поведения;
- складывание катастрофического сознания и связанное с ним в условиях «аномальной» социальной системы увеличение потока эмиграции из России.

По М. Фуко, исторические условия определяют то, что позволяет дискурсу появляться из переплетений других объектов. Процесс концептуализации в сознании человека каких-то материальных вещей (протеста, демонстраций, восстаний; красного флага, черного флага, двуглавого орла и т.п.) является продолжением концептуальной формации дискурса, но в предметно-практической области его существования – в реальной жизни. Тогда *восприятие предметно-вещного как оппозитивного, благодаря концептуализации, является расширением экстенционального объема выражения дискурса*. Вещь может стать потенциальным или действительным

элементом формации дискурса в предметно-практическом мире, не являясь напрямую связанной с речью. Хотя пространство предметно-вещного с его объективированными отношениями сторон существует, казалось бы, независимо от человека (до их осмысленного восприятия и представления в текстах), сами эти отношения сторон могут быть ассоциированы в сознании как направляющие нас в пространство того или иного дискурса. Граница между уместным и действенным слишком зыбкая. Она преодолевается, если происходит синтез идеи и вещи.

Действительность, включающая «вещь» как идеологический компонент, подает мыслящему человеку знаки противоположения или идентичности, если они осмыслены (концептуализированы языком) в определенном направлении. Тогда артефакты (памятники, картины, здания и проч.), ритуалы, раритеты (в том числе газетные) могут стать *знаками-представителями дискурса в рамках определенной культуры*. Существующие городские пространства (а также леса, поля и пр.), если они ассоциированы в памяти эмигрантов с Россией, становятся концептуально-символическим *языком вещей* в дискурсе¹¹. Так, например, может быть концептуализирована предметно-вещественная форма в спецификативном дискурсе большевизма (флаг, мавзолей) или универсальная форма языка ненависти (яд, кинжал). «Сознание как организованное материальное выражение (в идеологическом материале слова, знака, чертежа, красок, музыкального звука и пр.), сознание – объективный факт и громадная социальная сила» [Волошинов 1995 : 307; выделено в тексте нами. – Т. К.].

Процесс соотнесения языка мысли (идеи) с реальностью (вещью) стал предметом лингвофилософских исследований В. В. Колесова [2002]. В частности он отмечает: «в момент идеации важно было посредством готового слова согласовать полученный символ с соотносимой им “вещью”» [Колесов 2002 : 399]. В любом случае связь между идеологическим символом большевизма и предметом (флаг, мавзолей и проч.) осуществляется на основе предикативного отношения (дискурсных высказываний). По В. В. Колесову, «оправдание идеи, материализованной в языке, в слове, телесностью “вещи”, есть соотнесение идеи с миром вещей, явлений, действий, развитие все новых уровней отвлеченности, уже заряженной идеей символических образных смыслов» [Там же].

Обратимся к следующему разделу, содержание которого относится к службе новостей в газетах русского зарубежья.

При когнитивном подходе (в широком его толковании) изучаются составляющие познавательного процесса речевой деятельности. Например, такие: как человек получает информацию о мире, как эта информация представляется в речи, чтобы затем повлиять на сознание и поведение человека. Поскольку тексты отображают

действительность через фигуру дискурса, все названные аспекты имеют отношение к дискурсу газетной новости и к информационной службе новостей в газетах русского зарубежья.

3.2. Деятельность информационных служб и метаречевая структура газетной новости в условиях войны и конфронтации

Сложность дискурсного анализа состоит в многоплановом характере объекта исследования. Поле газетного дискурса подразумевает не только речь, но и другие виды деятельности, включая ее дотекстовый этап. С когнитивной точки зрения, в центре анализа газетного дискурса должны стоять вопросы способов выражения особым образом обработанной информации, а также «особенностей ее представления или “упаковки” при передаче от одних людей к другим» [Кубрякова, Цурикова 2008 : 184].

Кризисная коммуникация признана в качестве новой, быстро развивающейся области знания. В период войны коммуникации протекают в особых условиях, среди которых отмечается **возрастание роли информации вообще**. Этому способствуют: отсутствие понятной всем интерпретации происходящих событий, изменение каналов сообщения (переход от официальных в сторону неофициальных каналов), характерная для кризисных коммуникаций «потеря рациональной составляющей аргументации»¹².

Включенность эмигрантской аудитории в положение дел на фронтах и в самой России была максимальной. Проблемой для редакций был не только острый дефицит известий, но и проверка их достоверности. В этих условиях особенно важным становится контекст сообщения (его авторитетность), количество источников, их разнообразный характер (кто, при каких обстоятельствах и откуда сообщает). Поскольку читатели газет русского зарубежья не имели доступа к процессу получения и отбора известий (как если бы они находились в самой России), источник, включая газету, становился для них единственной реальностью, формирующей картину мира. Для редакций более выгодной была стратегия опоры на уже существующие, доказавшие свою эффективность каналы. К таким каналам относилась прежде всего деятельность информационных агентств.

Работа информационных агентств, цензурных органов и учреждений по распространению прессы в 1917-1920 гг. получила освещение в монографиях Г. В. Жиркова, Л. А. Молчанова, Е. А. Приваловой, Ю. А. Абызова, посвященных истории развития российской газетной прессы в годы революции и Гражданской войны. Отмечаются общие тенденции в развитии информационной службы в это время: выход на первое место газеты (не журнала), капитали-

зация журналистики, налаживание сетей телеграфной и радиосвязи, многочисленных бюро печати и осведомительных агентств, субсидирование секретных фондов журналистики, стремление разных кругов управлять агитационно-пропагандистской деятельностью¹³.

По существующим данным, от 60 до 100 % информационных и аналитических материалов газеты получали от российских осведомительных агентств и бюро печати. Переработка информации осуществлялась в соответствии с идеологическими установками правительств, которым осведомительные агентства служили. Наиболее крупными из информационных органов были *Петроградское телеграфное агентство (ПТА)*¹⁴, *Российское телеграфное агентство РТА*, в большевистской России – *РОСТА*¹⁵, *Сибирское телеграфное агентство (СТА)*, *Российское бюро печати (РБП)*, *Информационное бюро Временного сибирского правительства*, *Архангельское (Северное) бюро печати*, *Американское бюро печати (АБП)*.

Антибольшевистские режимы в России создали целую сеть информационно-политических учреждений для идеологического обеспечения своего дела. В монографии Л. А. Молчанова, насыщенной архивно-документальными сведениями, отмечается: после ликвидации Советов на Дальнем Востоке, Урале и в Сибири газеты этого региона получали сведения от *информационного бюро при управлении делами Западно-Сибирского комиссариата*, созданного в начале июня 1918 г. Для активизации военно-агитационной работы летом 1919 г. отдел печати Главного штаба и особая канцелярия штаба Верховного главнокомандующего были соединены в один осведомительный отдел штаба (*Осведверх*). На территории, контролируемой колчаковским правительством, формировались местные отделения пресс-бюро «*Русского общества печатного дела*» (РОПД)¹⁶. Оно обладало и самой разветвленной сетью корреспондентов за рубежом. Существовал также *отдел пропаганды Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР*, но целенаправленной деятельности по монополизации информационного обеспечения российского общества на Юге России препятствовали противоречия между командованием Добровольческой армии и казачьими правительствами.

Основная часть международной информации поступала в осведомительные службы антибольшевистских правительств Сибири от иностранных дипломатических миссий и иностранных информационных агентств, действовавших на территории востока России. И наоборот, практически вся информация, предназначенная для заграницы, направлялась из Омска во Владивосток и далее шла по кабелям, принадлежащим *Северному телеграфному обществу*. Кроме того (по архивным данным), сотрудники отдела делали переводы из иностранных газет и также по телеграфу передавали их в Омск. В объяснительной записке отдела печати Совету Ми-

нистров Временного Всероссийского правительства в Омске летом 1918 г. отмечается, что Владивосток – «единственное пока окно в Европу и Америку» для антибольшевистского национального центра. *Северное (Архангельское) бюро печати* также смогло создать сеть зарубежных корпунктов, но она была не столь разветвленной, как у информационных служб Колчака и Деникина. Л. А. Молчанов добавляет, что к середине июля 1919 г. руководство Архангельского бюро смогло уговорить Л. В. Бурцева (редактора-издателя газеты «Общее дело») стать корреспондентом бюро в Париже с расчетом на передачу приблизительно 10 тыс. слов в месяц и гонораром в 2 тыс. франков.

Эмигрантская элита (кн. Львов и др.) признавала крайне необходимым развитие патриотической пропаганды за границей. Самым крупным отделением *Российского бюро печати* за рубежом являлось парижское отделение. Его функции выполнялись эмигрантским русским телеграфным агентством *УНИОН (Union)* во главе с Бурцевым. Агентство имело своих корреспондентов в Берлине, Гельсингфорсе, Праге, Стокгольме. Корреспондентские функции РБП в Лондоне выполнял созданный в 1918 г. «Комитет освобождения России», в руководство которого входили видные члены партии кадетов. Корреспондентом правительства Колчака в Лондоне должно было стать агентство Рейтер и известный русский публицист Дионео. На американском континенте РБП имело только одно – Нью-Йоркское отделение. Американское бюро печати, «Американские бюллетени» и др. пропагандистская литература АБП являлись источником информирования небольшевистских газет, выходивших в РСФСР¹⁷.

Подчеркнем следующее. *Первое*: для множества эмигрантских газет периода Гражданской войны условный идеологический субъект (ИС) изданий находился **в национальном центре** – в России; не только в Петрограде, но и в Омске, где располагались структуры Временного Всероссийского правительства. *Второе*: в условиях войны и конфронтации для службы новостей всех газет русского зарубежья главными были проблемы достоверности, доступности и авторитетности источников известий.

Множественностью и разнообразием видов новостных источников отличались газеты РЗ на территории Европы. Но как, какими путями образовывался этот многоголосый мир русской зарубежной газеты? Этот вопрос имеет отношение к *количественному параметру* характеристик газетного дискурса. До сих пор **мало исследован** вопрос о характере новостных источников в газетах РЗ, хотя он имеет отношение к читателю (*апеллятивность* дискурса) и к оценке степени достоверности известий (*персуазивность*) в эпоху войн. Мы обращаемся к вопросу об источниках, опираясь

на данные специальных исследований и материалы самих газет. По нашим предположениям, ответ может быть получен также по результатам анализа метареферентных структур новости, детерминированных внешними условиями коммуникации.

В задачи разделов ниже входит:

– установить предназначенные для читателя виды обозначений источников известий (ИИ) и сведения о путях получения известий в корпусе новостного дискурса русского зарубежья 1917-1919 гг.;

– проанализировать метареферентную структуру новости с тем, чтобы выявить косвенные данные самих служб о процессе информирования и роли газеты в условиях войны и борьбы за власть в России.

3.2.1. Избыточность источников известий, их виды в газетах русского зарубежья эпохи войн

В современной прагматике, изучающей продукты масс-медиа, отмечается метакоммуникативность ИИ, роль источников с высоким уровнем доверия, способных привести к большим изменениям отношений после акта коммуникации. «В масс-медиа в информационном соотношении *источник – объект – получатель* роль источника гораздо выше, поскольку именно там определяется, о каком объекте мы будем говорить и что мы будем о нем говорить» [Почепцов 2000 : 102].

Вопрос об основных видах источников для осведомительных учреждений в России в период Гражданской войны затрагивает Л. А. Молчанов [Молчанов 2002; раздел «Производство и передача новостей»]. Он выделяет три группы источников информации: 1) телеграфные сообщения и корреспонденции местных и зарубежных отделений осведомительных учреждений, их агитаторов, репортеров и корреспондентов; 2) материалы радиосообщений; 3) печатные издания и документы. Обратим внимание на то, что во всех названных случаях в понятие источника входит речь (текст), включающая субъекта речевого действия (передачи сообщения).

Несколько предварительных замечаний перед анализом материала. Вопрос об ИИ в газетах неизбежно расширяет границы наблюдений, охватывая разные по жанру тексты с эксплицитным модусом «передача сообщения». Условием, ограничивающим единицы наблюдения, остается факт передачи новости.

Критерии разграничения источников информации в журналистике и в лингвистике неоднородны, как неоднородно то, что задается описываемой реальностью и конструированием на уровне языка-речи. Объединению разных подходов в междисциплинарном исследовании помогает когнитивная или же дискурс-лингвистика. Далее

предлагается *чередование журналистского и лингвистического аспектов описания*. В расчет берутся не только способы языкового выражения мета-ИИ, но и существующие данные о работе осведомительных агентств, условия военного времени (соперничество, утечка информации и пр.).

Источник известий – актуальное понятие для журналистики, а не лингвистики. Объединяет их общая категория речи, главным образом – чужой речи. Сразу же отметим: элементы чужой речи находятся в диктуме новости и в этом разделе специально анализу не подлежат (см. Главу 5).

В лингвистике основной аспект рассмотрения знаковый (семиотический), в нашем случае это выражение (обозначение) мета-ИИ. В журналистике по отношению к ИИ аспекты рассмотрения другие: существование и способ выявления ИИ, их принадлежность, определенность (ангажированность), степень доверия и прочие. Источнику новости могут быть сопоставлены в лингвистике категория субъектности/объектности, ролевые функции актантов в составе пропозиции; категории определенности/неопределенности, конкретности/обобщенности, эксплицитности/имплицитности.

Коммуникативную ситуацию «передача сообщения» с включением журналистской точки зрения на уровне лингвистического анализа целесообразно рассматривать во взаимодействии двух сторон: 1) отталкиваясь от *субъекта* передачи сообщения, 2) отталкиваясь от *предиката* передачи сообщения к его субъектам. В первом случае будет преобладать журналистская точка зрения с особым вниманием к дискурс-характеристикам источника. Во втором случае перевес на стороне лингвистики: в центре внимания предикат и его предпочтения в валентностях с обозначенными источниками.

В речевом процессе передачи информации можно выделить *ИИ-субъекты* и *ИИ-объекты*. Лингвистический подход к анализу позволяет выявить степень и характер актуализации источников известий, учитывая их синтаксические позиции (детерминант, подлежащее, дополнение, обособленная конструкция).

В центре пропозиции с идеей «передача сообщения» находятся актанты в функции агенса и пациенса речевого действия. К **субъектным** мета-ИИ относятся существительные со значением ‘лица’, включая имена собственные, и ‘не лица’ [значения по изд. Макеева 2000 : 90], которые передают сообщение, то есть сочетаются с глаголами этой семантики. К **объектным** ИИ относятся существительные со значением ‘не лица’, если они служат исходным источником сообщения. Глаголы *передать* (*заявить, сообщить, объявить...*) оформляют действие активного субъекта передачи сообщения, а глаголы *получить, узнать от...* выражают статическое положение адресата в ситуации такой передачи.

Источником информации будем считать то речевое в денотации явление, которое определило предмет сообщения, от чего отталкивается агент службы новостей (говорящий) в передаче известия.

Обычно разновидности источников связываются с их фактологической очередностью в передаче сообщения. Распространено деление на первичный и вторичный источники, которое пришло из теории информации. В нашей работе к **п е р в и ч н ы м** источникам известий относятся субъекты и объекты передачи сообщения, выступающие его исходным источником. **В т о р и ч н ы й** источник представляет собой позднейшую, возможно побочную, ступень в передаче известия. Мы считаем вторичным ИИ медиатора, посредника между первоисточником и читателем, поскольку агентство или издание является идеологическим интерпретатором полученных сведений.

Современное **понятие информации** есть во многом порождение психологии эпохи информационных войн, когда после Первой мировой войны масс-медиа становятся партнерами правительств в кризисных ситуациях. Информация, в трактовке специалистов по масс-медиа, это сочетание «данных и инструкции»; это получившие оценку факты, которые без интерпретационного компонента не являются информацией; это «результат человеческого восприятия и интерпретации» явления, когда «феномен становится информацией только с помощью наблюдения и анализа» [суждение принадлежит П. М. Тейлору; цит. Почепцов 2000 : 460-461].

Связь первоисточника с посредником по сбору, оценке и передаче информации выступает в журналистике как сама собой разумеющаяся. Авторизованный первоисточник обычно замещен в газете корреспондентом-интерпретатором, добавляющим к новости выразительные детали и оттенки. Пример из корреспонденции: **Из разговоров с «интернированными», которые, кстати, слоняются по всем окрестностям, видно, что и на Севере тоже существуют концентрационные лагеря для «контрреволюционно» настроенных красноармейцев** (ВР 1919, 28 авг.)¹⁸.

В процессе информирования происходит учет данных по оси распределения *с в о й / ч у ж о й* источник. Известия из консолидированного источника агентство-посредник ретранслирует без изменений. Ниже консолидированным источником и для агентства, и для газеты выступает собкор издания, принадлежащего Информотделу Штаба Верховного Главнокомандующего¹⁹: **Омск, 8 июня. – Газета «Русская армия» получила от своего корреспондента следующее сообщение: Заняв Пермь, красные оставили в городе только одну часть своих отрядов, другая часть продолжает наступление. Пермь похожа сейчас на пустыню. Почти все население эвакуировано...** (ОД 1919, 30 июня).

Во время войны на свободу печати накладываются ограничения. Деятельность военных корреспондентов строго регулировалась. Причины ограничений объясняются в значительной степени и техническими достижениями в области связи. Если в период империалистических войн XIX века из-за отдаленности конфликтов и отсутствия современных средств связи масс-медиа не могли реально влиять на происходящие события, то с появлением телеграфа такая возможность появилась. Осознанию того, что политикой управляют не события, а освещение событий, сопутствовало введение цензуры и ограничение доступа к средствам коммуникации.

В неясных или закрытых для читателя обстоятельствах сотрудники антиинформационных служб использовали наименования «**д о с т о в е р н ы й**» («**в е р н ы й**») источник, «**а в т о р и т е т н ы й**» источник. Прием «глухой отсылки» в прагматике масс-медиа относится к технике манипуляции. В условиях войны такое обозначение ИИ носило вынужденный характер, что не умаляет его пропагандистской направленности. Ссылки на источник в модусе соответствия даются в препозиции, в составе вводной конструкции или детерминанта: **Омск, 11 авг. – По сведениям из достоверных источников, в центре и на севере Сов. России вспыхнуло массовое религиозное движение** (ОД 1919, 29 авг.); **Омск, 10 июля. – Согласно последним сведениям, идущим из верных источников, положение Советской России в тылу восточного фронта приблизительно следующее: <...>** (ОД 1919, 30 июля); **Из авторитетных источников сообщают, что работы по реорганизации высших органов власти в местностях, занятых Добровольческой Армией, идут полным ходом <...>** (ОД 1919, 29 авг.).

Для антибольшевистских изданий 1918-1919 гг. статусом достоверного ИИ обладал вражеский источник, если он произвольно подтверждал сообщения о фактах противодействия большевизму в России. Таких сообщений множество; вот пример: **Омск, июнь. – По сведениям из большевистских источников, в ночь на 14 мая в Казани вспыхнуло восстание против Советской власти** (ОД 1919, 30 июля); **По последним большевистским известиям в Нижнем Новгороде также вспыхнуло восстание, но оно было беспощадно подавлено** (Там же). Как видно, содержание телеграмм соответствует стереотипу идеологической установки. Здесь общие предикаты трактовки известий (в ключе стихийного противодействия) и общий модус обоснования (большевистский источник).

Агентства использовали технические средства перехвата сообщений противника. У белых режимов была система радиосвязи, позволявшая осуществлять их изъятие. Наиболее разветвленной сеть радиостанций была у Колчака (станции во Владивостоке, Екатеринбург, Омске, Челябинске). Согласно данным И. Ф. Каткова,

приведенным в книге Л. А. Молчанова, у Колчака, Деникина, Юденича, Врангеля и Миллера действовало около 30 радиостанций. Осуществлялся перехват сообщений практически всех европейских станций. В новостях большевистские радиотелеграммы указываются в препозиции, в модусе обоснования (*судя по*) или соответствия (*согласно чему, по словам*), в стилиевой манере конфронтации МЫ/ОНИ. Сравните: *Омск, 11 авг. Согласно перехваченных нами большевистских радиотелеграмм...; Омск, 18 авг. – Перехваченные нами радиотелеграммы большевиков явно говорят о...; Константинополь, 23 авг. (Передано с опозданием).– Большевистское агентство в Берлине сообщает, что...; Судя по последним радиотелеграммам, большевики намерены...* Проверка достоверности известий из других источников осуществлялась по возможности. Уведомление о факте сверки сведений размещается также в препозиции новости. Значимым было получение дополнительной информации из первых рук, от лица с официальными полномочиями:

В связи с появившимися в печати сведениями о том, что эстонское правительство поставило условием своей помощи нашему Северо-Зап. Корпусу предварительное признание независимости Эстонии, нам сообщают нижеследующее: В конце мая и в начале июня этого года в Ревеле находился проездом за границу один русский общественный деятель социалистического лагеря. Он виделся с г. Я. Теннисоном, нынешним эстонским министром иностранных дел и имел с ним беседу <...> (К русско-эстонскому вопросу. ОД 1919, 29 авг.).

По сохранившимся архивным данным, сотрудники информационных служб должны были использовать в донесениях материал, полученный из первоисточников. Если информация вызывала сомнения, она должна была перепроверяться. Корреспондентам не следовало включать в донесения сведения, основанные на непроверенных слухах и полученные из вторых рук. Например, руководство РТА не рекомендовало использовать газетный материал в качестве источника, так как в газетах могли содержаться недостоверные сведения. По заданию руководства [Молчанов 2002], региональные отделения и корреспонденты должны были устанавливать контакты с редакциями газет, руководством политических партий и общественных движений, местными органами власти, а если потребуется – проводить журналистские расследования, подтверждать сведения фактами, цифрами и документами. В то же время отделы пропаганды требовали от своих местных отделений, корреспондентов, добровольных осведомителей, тайных агентов прикладывать к информационным телеграммам обзоры местной прессы.

Таким образом, реальный процесс сбора материала был многосторонним, предполагающим как рациональную проверку, так и

дифференцирование источников информации по степени авторитетности²⁰. В конце 1918-1919 гг., когда белое движение достигло максимального размаха, в Осведомительном агентстве Добровольческой армии насчитывалось более 10 тысяч сотрудников [Жирков 2001], занимавшихся информационно-пропагандистской работой. Среди них были известные писатели, произведения которых в то время печатались в эмигрантских газетах Европы, Америки (А. Куприн, И. Наживин, Е. Чириков). Было много и случайных лиц, бездарных литераторов, людей разных идейных убеждений, с опытом и без опыта осведомительной деятельности²¹.

К достоинствам реквизитов новости всегда относился о п р е д е л е н н ы й ИИ. Определенность связывается в восприятии читателя с достоверностью. Кроме того, отсылка к определенному источнику переносила на него часть ответственности за сообщаемое. Сравните ниже двусмысленное сообщение корреспондента иностранной газеты: *Вопреки приближению красных войск, – пишет 15-го авг. спец. корр. «The Times» из Омска, – настроение в городе улучшается* (ВР 1919, 28 авг.). Однако определенность имеет отношение не только к наличию сведений об источнике и к их обозначению. Это качество характеризует открытость или затуманенность самого процесса информирования.

В эмигрантском дискурсе встречается неопределенное обозначение газеты как источника сведений: *одна русская газета, одна из киевских газет, некоторые газеты сообщили...* Непринужденный характер отсылки объясняется, по-видимому, устным каналом передачи сообщения. Кроме того значительная часть оперативной информации шла в подборку без указания на источник. «Имперсональные» материалы были приметой публикаций военного времени. Хотя, например – в порядке возмещения, имя авторитетного в зарубежье агентства *Union* (директором был Вл. Бурцев) завершало почти каждую публикацию в газете «Общее дело». Знаком регламентированной отсылки в публикациях ЭГ были подписи в конце публикации. Но авторы маскировались инициалами, псевдонимами и проч. криптонимами, которые могли со временем меняться (*В.Б.; Н.И.; Я.В.; Офицеръ; Старый бундовец, увечный воин; Ортодокс; А. Дальний; Я. Сибирский; Одинъ; -анъ*). Ю. И. Абызов пишет об анонимных заметках, то есть заметках, вышедших без указания источника [1990 : 30].

Н е о п р е д е л е н н ы й источник новости, указание которого расценивалось службой новостей как несущественное, обозначается в сообщениях грамматической формой глагола *сообщают* (*нам сообщают, что...*). Неопределенность источника не исключает впечатления достоверности сообщаемого. Этому способствовали подробности событийного изложения. Текст ниже целиком состоит

из подробностей, которые подразумевают опыт наблюдений по месту происшествия.

Из Гельсингфорса сообщают от 20 авг., что в ночь с понедельника на вторник два летчика-большевика, летевшие из Кронштадта, бросили 7 бомб над Териоками. Одна из бомб упала около станции, другая около складов керосина Нобеля, но обе особого вреда не наделали (ВР 1919, 28 авг.).

Неопределенный мета-ИИ сопровождает передачу такой новости, в которую многим читателям с опытом прежней жизни в России трудно поверить. В этом случае стандарт новостного построения сопровождается необычной для заметки пунктуацией. Например – многоточием перед сенсационной частью и восклицательным знаком в конце: **Из Петрограда сообщают, что там, в феврале этого года, известный профессор, историк Лаппо-Данилевский умер... от голода!** (ОД 1919, 2 апр.)²².

Особняком стоят высказывания с предикатом, косвенно выявляющим речевую активность неопределенного субъекта-ИИ, в то время как лицо, обозначенное в сообщении, находится в статичном положении получателя телеграммы (объектный ИИ). **Генерал Деникин получил следующие две телеграммы...; Праторщик Крыленко получил следующую телеграмму...**

Особую черту информационного дискурса ЭГ образует скрытый или подразумеваемый ИИ, в лингвистическом метаязыке – и м п л и ц и т н ы й ИИ. В нашей трактовке скрытым обозначением субъекта передачи новости является неполный детерминатив без указания информбюро или агента:

Нью-Йорк, 14 июля. – Изгнание Мартенса и других представителей большевиков в Нью-Йорке явилось следствием писем, адресованных сенатором Кингом Главному Прокурору Соед. Штатов г. Пальмеру и министру Труда Вильсону (ОД 1919, 26 июня).

В таких сообщениях из Сев. Америки имплицитность источника подразумевает ответственное лицо на службе новостей РБП. Выше говорилось о том, что в Америке было единственное русское отделение Российского бюро печати. Оно располагалось как раз в Нью-Йорке и возглавлялось А. И. Заком. Известно, что за 1919 г. от Зака было получено 72 информационных телеграммы. Установление ИИ в случае их невыявленности – одно из самых трудновыполнимых условий работы в культурном контексте исторического дискурса.

Есть основания выделить **п р я м ы е** и **к о с в е н н ы е** источники известий. Агентства мы относим к прямым (без промежуточных ступеней) метаисточникам. Доказавшие свою эффективность агентства осуществляли надежную передачу сведений газетам.

Обозначение авторитетного агентства в реквизитах новости отвечало критерию достоверности. Однако не все ЭГ могли оплатить услуги агентств. «Странствование одних и тех же текстов по страницам разных газет в разных странах, со ссылкой на источник или без оной, было обычной практикой русской прессы той поры» [Абызов 1990 : 108]. Лишь некоторые из газет «на телеграммы средств не жалели», имели собственных корреспондентов в городах и странах, благодаря чему «затмевали соперников разнообразием источников», и, как следствие, приобрели в разное время огромный круг читателей и большое влияние. В период кризиса 1917-1920 гг. это в первую очередь относится к ведущей антибольшевистской газете «Общее дело».

Иные газеты как «правого», так и «левого» течений зарубежья, не располагая материальными возможностями, выживали как могли, что приводило к скрытым заимствованиям из другого м е д и а – источника. Ю. И. Абызов приводит иронические замечания по этому поводу одной эмигрантской газеты 20-х гг.: «В больших условиях эмиграции, вчерашние комиссары и спекулянты сегодня делаются не только издателями, но даже политическими редакторами, каковое название открывает им двери кабинетов министров и вход на официальные банкеты и рауты. Эксплуатируя, до поры до времени, труд профессионала, такой газетный Епишкин затем, когда газета становится на ноги, может обходиться одними объявлениями, клеем и ножницами, выбрасывает журналиста-труженика на улицу без всяких средств к существованию» [Абызов 1990 : 49-50].

По замечанию Г. Г. Почепцова, если существует необходимость в информации, она восполняется всеми возможными способами. Есть немало примеров, «когда отсутствие реальной информации все равно было восполнено информацией с разной степенью искажения», в том числе через менее контролируемые устные каналы [Почепцов 2000 : 106]. К косвенным ИИ относятся слухи. Не случайно в предложениях неустойчивый статус слухов выражается вводной конструкцией: **Город Киев эвакуирован большевиками и, по слухам, уже занят отрядом атамана Зеленого** (ВР 1919, 28 авг.); **По слухам, поджог был совершен большевистскими пленными, насильственно включенными в добровольческую армию** (ВР 1919, 16 сент.). Вообще, многие субъект-объектные виды денотат-источников можно объединить под общим наименованием **н е м е д и й н ы е** ИИ. Немедийными будем считать всевозможные мета-ИИ, расположенные вне информационного поля новостных агентств, газет, других изданий с их корпусом корреспондентов, редакций и пр. коллективами по сбору и передаче информации. Сюда относим частные источники, например – отрывки из частных писем, беседы. Сравните заголовки: «Из бесед с приехавшими из

России» (ОД 1919, 3 марта), «Петроград (отрывки из частных писем)» (НГ 1918, 16 мая), «Из петроградских писем» (ОД 1919, 3 мая), «В Петрограде» (отрывок из письма; ОД 1919, 30 июля).

В новостных сообщениях о критическом положении в России обозначены как частные, так и коллективные, как медийные, так и немедийные источники известий. Ниже сообщение корреспондента помечено диалогическими знаками говорящих «третьих лиц»²³ – частных и медиа-источников в препозиции высказывания. *Гельсингфорс, 26 авг. – В Петрограде продолжает свирепствовать холера... Говорят о закрытии театров... По словам московских газет, раздача хлеба в Москве производится только раз в десять дней... В последних номерах тех же московских большевистских газет почти ежедневно говорят о серьезной опасности, угрожающей Советской России с юго-запада ввиду того, что...* (ОД 1919, 29 авг.).

Роль коллективных источников информации выполняют в ЭГ групповые заявления, воззвания, обращения, призывы, протесты, требования, постановления, резолюции, декларации и т.п. акты выступлений перформативного характера, в большом количестве документально представленные в газетах 1917-1919 гг. Сравните заголовки ниже: *Заявление социалистов-революционеров, Протест против насилия над печатью, Требование В.-Р. комитета об увольнении гимназистов, Воззвание арестованных рабочих делегатов, Обращение русских женщин к конференции мира, Резолюция, принятая общим собранием русской республиканской лиги 28 февраля; Декларация политического совещания.*

Документы, опубликованные в газете полностью, знаменовали приоритет «говорящего» первоисточника. Если же они давались в кратком изложении корреспондента-посредника, то становились новостной информацией – обработанным переложением содержания из первоисточника с внесением (или сохранением) социальной оценочности. *Омск, 29 апр. – Пермские социал-демократы опубликовали резолюцию, согласно которой партия социал-демократов продолжает рассматривать большевизм, представленный Лениным и Троцким, как псевдо-социалистическую и анти-демократическую доктрину, губительную для России, ее свободы и независимости* (ОД 1919, 20 мая).

Еще в памятниках русской письменности отражены ситуации, когда речь выступала объектом действия или инструментом при субъекте – человеке [Макеева 2000 : 125]. Новостные известия с объектным ИИ размещаются в антибгазетах 1918-1919 гг. в большом количестве. Их появление соответствует не только инструментальной функции документа в идеологической стратегии газет, но и журналистской установке на обоснованную достоверность. Распро-

странены два варианта модели документально обоснованных сообщений о публичных протестах в советской России – оценочно-мотивировочный и констатирующий с имплицитной оценкой. Первый вариант включал событийно-оценочное сообщение о появлении протестного документа (резолюции) и цитирование этого документа-первоисточника. Например: *Гельсингфорс, 15 авг. – На многочисленном митинге рабочих, состоявшемся на этой неделе на Путиловском заводе, была принята резкая резолюция, направленная против советской власти. Резолюция эта кончается следующими словами:* «...» (ОД 1919, 29 авг.). Второй вариант новости был коротким уведомлением о появлении документа и полным предъяснением первоисточника: *Центральный комитет р.с.-д.р.п. (объединенной) на заседании 13 ноября принял следующую резолюцию:* «...» (НГ 1918, 21 марта); *Закрываясь 28 июня, 3-й губернский учительский делегатский съезд вынес следующую резолюцию:* «...» (ОД 1919, 29 авг.).

В модели новости о дипломатических событиях – речевых актах официального характера, отражена полная структура модуса «передача сообщения»: субъект передачи – адресат – предмет сообщения. *Омск, 6 июля. – Верховный Правитель адмирал Колчак прислал Русскому Политическому совещанию в Париже следующее заявление:* «...» (ОД 1919, 26 июня); *Шведское правительство уведомляет своего консула, находящегося в Ревеле, что парламент никогда не согласится на посылку армии со шведской границы* (ГТ 1919, 4 янв.).

Неофициальная информация с такой структурой имеет иное оформление: *От офицера, прибывшего из красного стана, мы узнали, что при эвакуации Киева большевиками было обращено особое внимание на извлечение из столицы Украины всех врачей, инженеров, техников и офицеров* (ВР 1919, 28 авг.). Неофициальный субъект передачи информации находится не в центральной позиции подлежащего, а вынесен в субъектный детерминант со значением ‘тот, от кого исходит ситуация’ передачи новости (первоисточник). В зависимости от характера источника (официальный-неофициальный), модусные предикаты приведенных выше известий задают либо деловую тональность речи, либо соответствуют духу иронического диалога образованных собеседников (*узнать от; извлечение из столицы... врачей, инженеров, техников, офицеров*).

В европейских антибЭГ публиковались регулярные сообщения с мест военных действий и территорий, подконтрольных белой гвардии. В духе военного времени регламентированная речь официальных сообщений, распоряжений, приказов включала наименования объектных первоисточников, претендующих в препозиции на формальную роль субъектов речи.

Стандартную ситуацию повиновения задает оборот с творительным орудийным в составе пассивной конструкции с распространителем: **Приказом по осадному корпусу объявляется...** Метаисточник-документ выступает в тексте как «речевой деятель», семиологическое подлежащее: *приказом объявляется ~ приказ объявляет*. В коротких новостях декрет или приказ дается в сильном сокращении, но в режиме официально-делового распоряжения.

- Омск, 11 авг. – **Приказом Верховного Правителя призываются** под знамена все крестьянское население Сибири в возрасте от 18 до 43 лет (ОД 1919, 29 авг.);

- Гельсингфорс, 24 мая. – **Декретом Ленина** Петроград и вся Петроградская губерния **объявлены** на осадном положении (ОД 1919, 11 июня);

- Гельсингфорс, 23 мая. – **Декретом от 8 мая Советское Правительство распорядилось** разобрать целую сеть железных дорог (ОД 1919, 11 июня).

Согласно [Молчанов 2002], практически вся информация, поступавшая в распоряжение агентств во время войны, подвергалась обработке и сильному сокращению. Специальные известия для печати шли в газеты с ярлыком «официальное сообщение»: *Военные операции в Сибири (Официальное сообщение); Наши победы на северо-западном фронте (официальное сообщение)*. В сущности, ярлыком был дейксис со значением ‘обоснование’ и указанием на источник.

Стандартные сообщения начинаются обстоятельными распространителями со значением ‘соответствие’. При статусе официального первоисточника заметки не исключали вкраплений сдержанной оценки:

- Омск, 27 апр. – **Согласно официальному сообщению Главной квартиры адмирала Колчака**, наступление сибирской армии вдоль линии пермской ж.д. продолжается весьма успешно (ОД 1919, 20 мая).

Позитивная военная корреспонденция включала пропагандистский компонент – указание на о ф и ц и а л ь н ы й источник и повышенную оценку:

- Наши победы на северо-западном фронте (**официальное сообщение**). Гельсингфорс, 13 авг. – На левом берегу реки Луги на железнодорожном шоссе Нарва-Ямбург наши войска перешли в наступление, которое **дает прекрасные результаты** (ОД 1919, 29 авг.).

Значимый для любого адресата документ-первоисточник публикуется в газетах полностью за подписью официального лица. Это

приказы и декреты, составлявшие медиа-событие, общественная роль которого подчеркивалась заголовком: *Признание Колчака Деникиным: Константинополь, 16 июня 1919. Приказ Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России от 30 мая* (ОД 1919, 26 июня); *Приказ генерала Деникина о государственном языке* (В. С.-З. арм. 1919, 8 окт.). В газетах пробольшевистского толка полностью публикуются административно-хроникальные документы политического значения: *Протоколы 1 съезда Русских объединенных отделов союза И.Р.М* (ГТ 1919, 4 дек.).

Надлежит отличать субъект речевого действия от источника известия. Например: *Омск, 13 июля. – На одном из последних заседаний Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов одобрен был следующий декрет: «...»* (*Террор продолжается. ОД 1919, 30 июля). В наименовании субъектно-пространственного детерминанта со значением ‘место, которое объединяет тех, кто действует’ входит обозначенное лицо речевого действия (~ВЦИК одобрил), но это коллективное лицо источником известия не является. Им выступает для службы новостей одобренный документ (объектный ИИ).

Документы, речь авторитетных деятелей мы относим к объектным первоисточникам в передаче информации, которые используются службой новостей в двух вариантах: 1) в необработанном виде, опубликованные целиком (идеологический контроль соответствия осуществляется при отборе в газету), 2) в обработанном службой новостей виде (подр. в Главе 5).

Итак, по разным основаниям в эмигрантском газетном дискурсе выявляются следующие виды источников: по принадлежности или непринадлежности к средствам массовой информации: *немедийные денотат-ИИ/медиа-ИИ*; по условию первенства в передаче информации: *первичный/вторичный ИИ (посредник)*; по идеологическому признаку: *свой/чужой ИИ*; по степени доверия к источнику: *достоверный/недостоверный ИИ*; по степени приближенности к власти: *официальный/неофициальный*; по качественно-количественному признаку референции: *частный/коллективный ИИ (групповой)*; по степени и способу выявленности: *прямой/косвенный ИИ*; *определенный/неопределенный ИИ*; *эксплицитный/имплицитный ИИ*; по роли в составе пропозиции: *субъектного типа/объектного типа ИИ*. Кроме опоры на документ или авторитетное мнение, фактивность сообщаемого во время войны создается достоверностью жизненных деталей и типизацией образа очевидцев-мигрантов («засвидетельствованностью» со стороны жертв положения).

3.2.2. Избыточность в метареферентных структурах новости. Пути получения известий

Исследование новостей как дискурса впервые осуществил Т. А. Ван Дейк. Под структурой новостей он подразумевал «формальные конвенциональные схемы», которые могут быть соотнесены с установившейся практикой производства текстов новостей или выведены на ее основе. Ван Дейк предложил вместительную схему новостей, включающую следующие категории: краткое содержание, обстановка, направленность, осложнение, развязка, оценка, код. Кроме того он отмечает: «для читателя важно, что в принципе начало текста содержит самую важную информацию» [См. : Ван Дейк 1989 : 130-132]. Это метареферентный план [Майданова 1987 : 51], то есть включенные в текст в разных формах сведения об источниках информации, о времени и месте речевого акта, об отправителе известия и т.п. Для читателя эпохи кризиса все это важные элементы достоверности, поддерживающие доверие к сообщаемому и непосредственно связанные с практикой производства новостей.

Русские эмигрантские газеты указанного периода, особенно европейские, были в значительной степени информационными бюллетенями. В них первое место занимали телеграфные сообщения, заметки, новостные корреспонденции, обзоры печати о событиях в России. В чрезмерно политизированной атмосфере военной эпохи газеты и агентства, с ними связанные, стремились к полноте информационной картины, хотя объемы информации, скорости ее переработки были ограничены техническими и человеческими возможностями.

В центре нашего внимания **х р о н и к а л ь н ы е** газетные материалы, исходной моделью которых служила агентская информация. Анализ массива таких текстов невозможен без учета внешних по отношению к ним особенностей коммуникативного процесса. В этом смысле именно дискурс «характеризует коммуникативный процесс, приводящий к образованию определенной структуры текста» [СЭС 2006 : 54].

Структура информации содержит трафаретный набор элементов для передачи стержня новости. Лидирующая строка (лид) – одна из главных единиц наблюдения при изучении информационной заметки²⁴. В лиде находит выражение вариант эксплицитного (по Балли) предложения, где модус содержит сведения о субъекте высказывания, а диктум – предмет сообщения²⁵.

Обычным началом агентской информации в ЭГ было указание географической точки и даты исходящего сообщения. Например, *Лондон, 9 янв.* Таким же способом помечались и более пространственные материалы в газете (корреспонденция, комментарий). Должно быть,

это старая почтовая традиция²⁶. Метатекстовые элементы в составе лида близки по функции, с одной стороны, к диалогу с читателем, с другой стороны, напоминают внутреннюю речь, или само мышление (по замечанию А. А. Шахматова). Если понимать метатекст как действия ИС по организации новостного сообщения, то ведущими выступают речевые действия указания и осведомления. Они образуют внешнюю и внутреннюю рамки новостного сообщения: *Лондон, 9 янв. – Из Амстердама сообщают, что...; Владивосток, 4 сент. (Рта).* – Из Стокгольма сообщают, что...

Внешняя рамка обозначает местоположение агентства – географической точки, откуда пришло сообщение, и даты его передачи по телеграфу. Это свернутый знак факта сообщения, включая субъекта передачи известия (ИИ₂). Передающий агент присутствует имплицитно и восстанавливается в пресуппозиции в составе модусной рамки «я-здесь-сейчас». Внешнюю рамку сообщения мы называем детерминирующим номинативом (далее инфдетерминатив). **Внутренняя** рамка сообщения содержит основной источник (ИИ₁). Это субъект высказывания факта, вместе с предикатом составляющий вводный метатекст новости. Здесь на модусного субъекта возлагается ответственность за передачу известия (диктум).

Схема ниже содержит показатели факта очередности в прохождении известия к читателю: сначала предьявляется посредник, или вторичный ИИ, затем – условно первичный ИИ.

внешняя рамка (ИИ ₂)	внутренняя рамка (ИИ ₁)	фактообразующий
факт передачи новости		предмет новости
инфдетерминатив/модусные субъект и предикат//		д и к т у м

Фактивность – достояние информационного дискурса. Фактическое сообщение сильнее интерпретирующего. Вместе с тем модель с двумя источниками допускала трансформацию содержания (наименований) под влиянием идеологических и субъективных факторов. Выбор слова указывал на тип отношения к данному объекту. Например, то, что в советской газете являлось фактом правосудия, в антиб.ЭГ имплицитно представлялось фактом насилия: *Гельсингфорс, 26 мая. – По словам «Северной Коммуны», Московский Революционный Трибунал присудил к 10-ти годам тюремного заключения бывшего московского губернатора Джунковского за его верность царской власти, а также за то, что во время реакции занимал ответственные административные посты.* Union (ОД 1919, 11 июня).

Обратимся к вариантам внешней рамки сообщения, к инфдетерминативу. Его вариантность отражает разные ситуации в прагматике процесса информирования.

Независимая позиция инфдетерминатива подчеркивает *внешний* характер посредника по передаче информации. Детерминатив встречается в полной и неполной формах. Полная форма включает три компонента: наименование города, даты, агентства: *Нью-Йорк, 20 дек. (Рейтер)*; *Лондон, 17 сент. (W.T.B)*. Но в ЭГ часто встречается и неполный вариант детерминатива: город, дата.

В антигазете «Общее дело» распространен вариант оформления новости без названия агентства. Это были известия, помеченные названием столицы (Омск), где находилось Временное Всероссийское правительство. Сообщение строилось как фактивное с опорой на пресуппозицию этого знания и констатацию факта сообщения из своего, реже – чужого, источника: *Омск, 14 апр. – Газета «Русская армия» сообщает, что на всей территории, освобожденной только что от большевиков, сибирские войска встречаются с искренним энтузиазмом; Омск, 20 авг. Судя по последним радиотелеграммам, большевики намерены...*

Многим газетам требовалась большая энергия и предприимчивость сотрудников службы новостей, чтобы преодолеть нехватку средств на получение известий и «провинциальную» замкнутость. Отдельные города России и приграничного зарубежья являлись главными источниками сбора информации о положении дел в стране. В 20-х гг. «большинство гулявших по западной прессе достоверных и фантастических сведений о России» также атрибутировалось наименованиями этих городов [Абызов 1990 : 112]. С другой стороны, в Америке город (реже штат) могли быть единственным реквизитом новости. Подобная тенденция наметилась в пробгазете «Голос труженика». Здесь в детерминативах встречаются одиночные топонимы: *Бронзвиль, Амстердам* и др. Сравните: *Эльдорадо. Кензас. Власти официально объявили, что индустриализм так быстро развивающийся в стране, захватил и этот уголок Америки, и в особенности успешно прививается к нефтепромышленным рабочим* (ГТ 1919, 1 февр.). Трудно сказать, имеет ли такая новость своим источником телеграфное агентство. Как видно, здесь главная задача идеологическая: сообщить об успехах распространения рабочего движения в Америке. Также характерно для этой газеты неоднократное отсутствие календарных дат в составе инфдетерминатива. Название агентства может в этом случае указываться: *Питсбург, Па.* Отчасти неполнота атрибуции новости снимается, если ориентиром для читателя служит календарная дата номера газеты. И все же это свидетельствует об ином укладе информирования читателя, нежели в европейских ЭГ. Акцент делается на пропагандистские задачи новости, на внутренние проблемы рабочих-эмигрантов в стране проживания.

В европейских ЭГ часто встречается вариант инфдетерминатива

с указанием пути доставки известия. Например, парижская газета «Общее дело» получила известие из Петрограда обходным путем через столицу Финляндии: *Петроград, via Гельсингфорс, 6 мая. Продовольственный кризис вызвал закрытие фабрик на три месяца* (ОД 1919, 20 мая). Проблема выявления косвенных форм для выражения смысла в тексте – одна из проблем не только дискурсологии. «Речь должна идти не об абсолютном авербальном абстрактном мышлении без обращения к формам языка, а о таком авербальном абстрактном мышлении, которое осуществляется косвенно через другие формы» [Кривонос 1992 : 81]. Конечно, такой тип мышления возможен только как диалогически настроенное мышление.

Появление инфдетерминатива в структуре новости практически можно объяснить принципом языковой экономии, хотя этим не исчерпываются достоинства конструкции. Если детерминатив считать свернутым уведомлением, ему аналогично неопределенноличное предложение с предлогом ИЗ. Сравните: *Из Киева телеграфируют, что...* Но здесь нет констатации факта о местоположении агента в позиции я-здесь-сейчас. Этим же отличается лид *Агентство Рейтера сообщает из Екатеринбурга, что...* Он также окутан неопределенностью. Скрытый субъект факта сообщения, по-видимому, читал текст о передаче сообщения агентством Рейтера и, таким образом, является субъектом восприятия. В этом смысле имеется еще один аспект понимания информационной природы метатекста. Он связан с лицом посредника. Скрытый в составе внешней рамки новости, он присутствует как своего рода экспериенцер²⁷ в момент чтения текстов. Реквизиты телеграфного сообщения в таком случае идентичны тому, что субъект метатекста видел на телеграфной ленте или читая газеты.

Так или иначе мы рассматриваем информационный детерминатив 1) как форму замещенного посредника (ИИ₂) и, одновременно, как 2) показатель пресуппозиции, подразумевающей местоположение агента-посредника в ситуации передачи известия, имеющего другой источник.

Существовали, конечно, и старые нарративные формы новостей. На фоне стандарта агентской информации выделяются простые повествовательные формы с показателями времени и места события. Такие зачины известий встречаются под рубрикой «Хроника»:

• **В настоящее время в Совдепии убито уже 18 епископов.** Вот этот мартиролог...(ОД 1919, 2 апр.);

• **Переустройство России** на новых началах **продолжается.** Советское правительство, **оставляя пока** старое название Петрограда, **переименовало** все его улицы. Новые названия улиц таковы...(там же);

• Группа партии «Спартак» под руководством Либкнехта **устроила демонстрацию перед дворцом канцлера, где находится** главная правительственная квартира... (ГТ 1918, 19 дек.).

Структуры с обозначением места, времени, источников поступления известий составляют объективированную основу, на базе которой строилось новостное сообщение. Модальная тональность этих частей высказывания – регистрирующая, нейтральная утвердительность. На этом фоне выделяется субъективно-объективная избыточность показателей *путей* (способов) *получения* известий, особенно характерная для европейских эмигрантских газет эпохи войн. Так, в парижской газете «Общее дело» публикуются известия английского происхождения, поступившие из российского города (Екатеринбург) от находящегося там представителя агентства Reuters: **Агентство Рейтера сообщает из** Екатеринбурга, что английский генерал Гольдман передал **от имени Английского короля генералу Деникину за его высокие заслуги знак ордена Бани** (ОД 1919, 26 июня).

До сих пор речь шла лишь о двух показателях источников – в составе внешней и в составе внутренней рамки сообщения. Закономерностью является несовпадение этих показателей, что говорит о непосредственном процессе информирования и налаженных агентских связях. Сравните: **Лондон, 9 янв.** – Из Амстердама сообщают, что...; **Екатеринодар, 4 июля.** – Из Киева сообщают, что...; **Омск, 12 июля.** – По полученным из Москвы сведениям... За агентствами и бюро печати сохранялся приоритет идеологически выверенного производства новостей и посредничество в их передаче, в то время как газеты предполагались ретрансляторами сведений из разных источников.

Редакции газет стремились информировать своих европейских читателей об *обстоятельствах* доставки новостей в военное время. В период кризиса это было показателем к о м м у н и к а т и в н о й в з а и м н о с т и . Когда газета вместе с читателем находится в напряженном ожидании, любая деталь из чужого источника оживляет картину положения. Сравните: **Украинское бюро печати сообщает: на прибывшем сюда из Каменец-Подольска аэроплане доставлены следующие подробности военного положения, создавшегося ныне на Украине...** (ВР 1919, 28 авг.).

Агент, поставивший сведения из России в антиб«Общее дело», располагался в Гельсингфорсе: множество сообщений идут в газету с пометкой из этого города, где свободно циркулировала пресса из России. Главным их содержанием были общероссийские новости:

• **Гельсингфорс, 16 июля.** – «**Деревенская беднота**» объясняет дезертирство среди красноармейцев отчаянным положением их семейств. Union (ОД 1919, 26 июня);

• **Гельсингфорс, 13 авг.** – **Последний номер большевистской «Красной газеты»** сообщает, что в Кронштадте на днях состоялись выборы в новый совет рабочих и солдатских депутатов... (ОД 1919, 29 авг.).

Порой встречается сложная атрибуция сообщения по каналу поступления информации. Например, в составе лидирующей строки сочетаются обозначение вторичного ИИ по месту нахождения (стокгольмский корреспондент), иностранный посредник (голландская газета) и первичный ИИ русского происхождения: **Стокгольмский корреспондент голландской газеты «Allgemeen Handelsblad» сообщает из русского источника...** (РВ 1917, 13 нояб.). Разветвленность в обозначениях каналов ИИ объяснима. Во время мировой войны связь России с центральной Европой была нарушена и осуществлялась через Скандинавские страны. Например, в берлинской ЭГ о хозяйственном положении в России судили по сообщениям шведских источников:

Шведская газета «Aftonbladet» получила 17 июля из Гаппаранды сообщение, что вследствие кризиса в металлической промышленности прекратила крупная фабрика Гужон 14 июля **в Москве** работы. По тем же причинам прекратят в скором времени работы также металлургические заводы Бари, Думано и Бромлей (*Хозяйственное положение России. РВ 1917, № 172).

Здесь три метаисточника, из них два связаны с названиями городов, откуда поступила информация: (1) невыявленный первичный ИИ из Москвы, (2) невыявленный вторичный ИИ из шведского города Гаппаранда, (3) медиа-источник – шведская газета. Обращает на себя внимание тяжеловесность в построении диктума лида: разрыв актуализированного именного предиката **прекратила...** с инверсией субъекта **крупная фабрика Гужон... работы.** Отсутствии прямых ссылок на ИИ, поспешность оформления вызвана экстраординарностью сообщаемого для заинтересованных кругов в Германии.

Ниже в заметке обозначены, помимо обстоятельств получения информации, субъекты передачи новости: вторичный ИИ – по месту нахождения агентства (**Владивосток, Рта**), неопределенный посредник (**из Стокгольма сообщают**) и обобщенный первоисточник (**петроградцы**): **Владивосток, 4 сент. (Рта).** – **Из Стокгольма сообщают, что петроградцы, перебрашившие через Нарвский фронт в Швецию, передают, что в Петрограде царство комиссаров в возрасте 17-20 лет** (НЖ 1919, 11 сент.).

В следующей заметке, опубликованной в газете «Варшавская речь», три метаисточника информации: (1) первичный ИИ – неизвестный очевидец в Москве, (2) вторичный ИИ – неопределенный

посредник в Гельсингфорсе, (3) ИИ–ретранслятор в лице английской газеты «Times»: **Из Гельсингфорса** (2) *пишут в* (3) «**Times**», что слова, которыми Ленин начал свою произнесенную им речь (1) **в Москве**: – *Когда я буду казнен* <...> (ВР 1919, 12 дек.). Речь Ленина является **объектом** сообщения неизвестного лица. Как видно, заметка появилась в результате переводов газеты «Times» сотрудниками «Варшавской речи».

Ниже приводится агентская информация с зашифрованным вторичным источником. Она поступила в венское отделение агентства ПАТ из Лондона, затем опубликована в газете «Варшавская речь»:

Вена. 15 сент. (Пат). Б.К. сообщает из Лондона. Согласно сообщениям военного министерства, Добровольческая армия генерала Врангеля заняла Царицын. Атака большевиков продолжалась 3 дня. Большевики потеряли 9000 человек и 11 орудий. Три большевистских полка сдались в плен (ВР 1919, 16 дек.).

Здесь три мета-ИИ: (1) первоисточник – «сообщение военного министерства», (2) вторичный ИИ – передача данных от зашифрованного *Б.К.* корреспондента [большевистский корреспондент? – *Т. К.*], (3) посредник, агентство *ПАТ*.

Когда известия получены от частных лиц, фактивность сообщаемого создается достоверностью жизненных деталей и типизацией образа очевидцев (жертвы положения). Сообщается только род занятий собеседников, зато подробно передаются обстоятельства и время их вынужденного перемещения:

Константинополь, 26 авг. (Передано с опозданием) – **Врач, прибывший на днях из Москвы в Харьков**, рассказывает, что в середине июля <...>. **В момент, когда врач, дающий эти сведения оставлял Москву**, забастовка продолжалась только на Моск.-Казанской жел. дор. (ОД 1919, 29 авг.);

Омск, 21 авг. – **По словам одного офицера, которому только на днях удалось вырваться из Красной армии и прибыть в наши линии**, настроение советских войск падает с каждым днем (там же).

Известия, полученные от частных лиц, подтверждаются в диктуме подробностями, которые придают сообщению характер свидетельства. «Засвидетельствованность» (эвиденциальность *evidentiality*) используется газетой как имплицитное указание на достоверность сообщаемого:

Прибывший из Твери беженец рассказывает, что экономическая дезорганизация как и упадок духа приняли в Сов. России необычайные размеры. Пуд муки стоит сейчас 1000 рублей. Все собаки съедены.

Главари большевиков уже не сомневаются, что их дело погибло (ОД 1919, 20 мая);

Омск, 23 авг. Прибывший сюда на днях железнодорожник, которому чудом удалось вырваться **из Челябинска**, занятого недавно большевиками, говорит, что жизнь там окончательно замерла <...>. **По словам того же железнодорожника**, красноармейцы после занятия города в течение нескольких дней предавались грабегам и насилиям (ОД 1919, 29 авг.).

Для сравнения приведем заметки из пробольшевистской газеты в Америке:

Амстердам. Путешествующие, прибывшие из Германии в Голландию, сообщают, что вследствие слабости правительства Эберта-Гаазе, влияние большевиков увеличивается с каждым днем. Большевистские пропагандисты действуют везде, но в особенности в Берлине и промышленных центрах прирейнской области (ГТ 1918, 14 дек.);

Из Моргантауна, Западная Вирджиния, сообщают, что И.Р.М. успешно работают над делом организации углекопов в Мононгахела, Мэрионе и Трестоне (ГТ 1919, 6 сент.).

Метаисточниками информации в первой заметке выступают: 1) группа частных лиц, 2) невыявленное лицо агента из Амстердама. Здесь тоже наблюдается стремление к эффекту градации, но главным выступает обобщенно-оценочный компонент. Такой же идеологизированный предикат находим во втором сообщении, где источник ограничен указанием места (город, штат) и неопределенно-личной формой глагола *сообщают*.

Субъекты и предикаты модуса «передача сообщения». Обратим внимание на глаголы передачи информации. Они относятся к *ключевым словам* информационного дискурса: обозначают речевые акты в конструкции с модусным субъектом и вводят чужую речь как источник новой информации. Большинство таких глаголов, по [Гловинская 2000 : 403-409], дают «весьма дифференцированное представление» о передаваемой информации. Причем «предполагают информацию лишь о новых и притом актуальных в момент речи событиях». **Идея новизны информации** наиболее отчетливо выражается в глаголах *сообщать, осведомлять, информировать, извещать, уведомлять, оповещать, объявлять, заявлять*. В большинстве употреблений все глаголы передачи сообщения предполагают одинаковую мотивировку – высказывание делается субъектом для того, чтобы адресат знал *эту* информацию. Однако некоторые глаголы отражают более конкретные мотивировки. Так, глаголы по-разному характеризуют сферу, к которой относятся названные

факты: глаголы *извещают*, *уведомляют* тяготеют к письменной форме и используются в известиях о каких-то решениях официального характера, имеющих отношение к адресату. Сравните: *Шведское правительство уведомляет своего консула, находящегося в Ревеле, что...* (ГТ); *В № от 15 окт. «Le journal du Peuple» извещает своих читателей о предстоящей годовщине русской революции, и сообщает о грандиозных манифестациях, которые готовят в России большевики по этому поводу* (ОД).

Из названных выше глаголов в информационном дискурсе ЭГ самое широкое распространение получили *сообщать* и *заявлять*, в меньшей степени *объявлять*, *передавать*, *уведомлять*, *извещать*, *телеграфировать*, *писать*, *рассказывать*, специализированные поразному представлять диктум. Глагол *передают* предпочитается глаголу *рассказывают*, когда предмет известия приобретает высокую степень эмоционально-оценочного обобщения: *Прибывшие из Харькова передают о сильном взрыве энтузиазма, который вызвало обращение ген. Деникина к народу* (ОД). Существительные со значением 'л и ц а' при глаголах передачи сообщения имеют отношение к ситуациям официального и частного характера при обозначении источников известий. Связываясь с ними, глагол *сообщать* характеризует скорее деловые аспекты общения: *Париж, 22 авг. – Верховный Правитель адмирал Колчак сообщил по телеграфу бывшему военному министру и начальнику Специальной миссии в Париже Б.В. Савинкову, что...* (ОД). Некоторые глаголы модуса акцентируют способ передачи сообщения (технический, письменный, устный): *Депутат-социалист, член президиума социалистической партии Неклю вышел из партии и напечатал в газетах письмо, в котором...* (НЖ); *Бывший иллисальбуржец Василий Панкратов телеграфирует...; Очевидцы убийства ген. Руцкого, героя Галицийской кампании, рассказывают, что...* (ОД). Широко используемый глагол *заявлять* (обратиться с заявлением) вводит информацию о намерениях субъекта: *Копенгаген, 12 сент. Председатель конгресса Банинг обратился с заявлением к правительству, предупреждая последнее от продолжения войны против России...* (ВР). Глагол *объявить* больше тяготеет к обозначению объективных фактов: *Власти официально объявили, что...* (ГТ). Оба глагола тяготеют к устной форме и ориентированы на многих адресатов. С помощью глаголов *объявить*, *заявить* «часто делается явным положение дел, которое прежде либо скрывалось, либо имеет такой характер, что могло бы скрываться» [Гловинская 2000 : 407]. Сравните: *Омск, 14 апр. В телеграмме, адресованной Верховному Правителю, амурские казаки заявляют, что они готовы защитить родную землю против гнусных предприятий большевиков и выражают веру в близкое возрождение России* (ОД 1919, 20 мая).

В модусе «передача сообщения» в ходу формы перфекта, подчеркивающие факт речевого действия со стороны третьих лиц. Этим действием является сообщение, результаты которого имеют важное значение в настоящем с позиции ИС газеты: *сообщили, что...; объявили, что; сделал (прислал) следующее заявление; принял (следующую) резолюцию; выступил с речью, в которой...*

Существительные со значением 'н е л и ц а' при глаголах передачи информации проявляют высокую степень активности в ЭГ. Газета или документ выступали субъектом передачи сообщения, то есть были в пропозиции координатором соответствующего глагола. По существующему мнению [Макеева 2000 : 90-94], в памятниках русской письменности появление существительных со значением «не лица» при глаголах речи свидетельствовало о семиотическом значении глагола: он обозначал не собственно речевой акт, а «приобретал информативный характер». Предположительно, появлению семиотического значения способствовало ослабление связи глагола с собственно речевым актом. В новостных текстах ЭГ встречается старая книжная форма уведомления *гласит* (о документе) в значении 'содержать в себе какое-л. сообщение, утверждение'. В составе ремарки она создает эффект напряженности в ожидании значимого факта чужой речи²⁸: *Одно из последних донесений главнокомандующего Советскими армиями гласит...; В № 285 газета «Беднота» публикует резолюцию съезда крестьян Самарской губ., восставших против большевиков. Резолюция гласит...*

Встречаются не в о л и т и в н ы е модусные формы с субъектом-газетой в качестве источника. Ниже акцентируются два информативных центра сообщения – локальный субъект как источник (где напечатано) и объект цитирования (что напечатано): *В «Известиях» Ц.И.К. Сев. Кавказа Сов. Республики от 2 ноября напечатано...* Здесь название газеты пребывает в положении семиологического подлежащего: в высказывании акцентируется факт, где напечатано (а не кто напечатал). Тем самым понижается роль издания как субъекта передачи новости. Газета выступает как формальное средство, инструмент, в то время как «активный деятель» выведен в пресуппозицию (или в подтекст).

3.2.3. Избыточность показателей момента времени в структуре новости

Момент времени настолько важен и настолько относителен в известиях из России, что обозначается несколькими показателями в составе новости. Часть их встроена в метатекст, другая часть находится в диктуме в составе чужого сообщения.

[метатекст →] Омск, **14 авг.** – *Прибывший на днях* в наши линии один русский офицер, *долго пробывший* в Сов. России, сделал подробное сообщение о положении дел и условиях жизни в областях, занятых большевиками. По словам этого офицера, [д и к т у м →] жизнь в Сов. России **сейчас** буквально невозможной <...>. [метатекст →] Резюмируя затруднения советского правительства, офицер говорит, что [д и к т у м →] у *большевиков сейчас* три заботы <...> (ОД 1919, 29 авг.).

Как видно, показатели времени в метатексте имеют разноплановый характер. 1) В детерминативе метатекст содержит агентский реквизит новости: *календарное число* передачи сообщения (*14 августа*). 2) По отношению к дате ориентирован *факт прибытия* источника из России (*на днях*). 3) Ремарка содержит *временной показатель* степени осведомленности источника: *офицер, долго пробывший в Сов. России*. Наконец, 4) в диктуме двукратный актуализатор *сейчас* относится к описанию офицером положения дел в России с двух разных точек зрения: а) с точки зрения самого офицера и, б) по его версии, – с точки зрения большевиков. Квалифицирующий смысл (*жизнь сделалась сейчас буквально невозможной*) отражает состояние сознания свидетеля. Но субъективированная оценка положения дел в России подкрепляется указанием для читателя, как видит затруднения сама власть (*у большевиков сейчас три заботы*).

Лексико-фразеологические показатели времени в диктуме чужой речи имеют обыденный характер (включая лаконичный актуализатор *ныне* вместо *сейчас*), что косвенно свидетельствует о переложении чужой речи: *только что, сейчас, сегодня, вчера, на днях, недавно, ныне, за последнюю неделю*. Несмотря на свое положение в диктуме, такие обстоятельства связаны с модусом, где обозначен момент передачи сообщения. Именно этот момент ощущается как новостной. Сравните: **Омск, 24 авг. (Передано с опозданием)**. *Большевицкая радиотелеграмма сообщает, что из-за военных операций на всех фронтах пассажирское движение сейчас прекращено на всех железных дорогах Советской России*. Union (ОД 1919, 29 авг.). Стереотипный локализатор *на днях (на этих днях)* встречается повсеместно там, где ИИ является частным лицом или подразумевается имплицитный агент передачи новости: **Омск, 11 авг.** – *Туркестанские беженцы, приехавшие на днях в Омск, рассказывают, что...; Омск, 23 авг.* – *Прибывший сюда на днях железнодорожник, которому чудом удалось вырваться из Челябинска, занятого недавно большевиками, говорит, что...; Из России в Париж на этих днях мы получили много новых известий о русских делах* (ОД). Обстоятельство *на днях* со значением приблизительности имеет прямое отношение к дате передачи сообщения. Отсюда

чрезвычайная важность обозначения даты в детерминативе. Читатель привык соотносить дату события с датой передачи сообщения.

Нередко событие ориентировано только на инфдетерминатив. В относительной связке с ним сосуществуют актуализаторы предика-тивного значения в диктуме, если других указателей нет.

Копенгаген, **12 сент.** Председатель конгресса Банинг обратился с заявлением к правительству, предостерегая последнее от продолжения войны против России. По поводу вопроса о вооруженном вмешательстве в дела России, правительство **находится сейчас в резком противоречии** с общественным мнением. Что касается политики рабочего класса, то оратор заявил, что **в данный момент необходимо отказаться** от каких-либо то ни было активных выступлений, ибо нет таких политических реформ, которых английский пролетариат не мог бы достигнуть при помощи парламента (ВР 1919, 16 сент.).

Ниже пересказ события-сенсации актуализирует момент времени, связанный с чтением источников из стана противника (для антибЭГ):

Гельсингфорс, **10 авг.** – «Красная газета» сообщает, что советское правительство **на днях** постановило немедленно эвакуировать все гражданское население Кронштадта (ОД 1919, 29 авг.);

Гельсингфорс, **26 авг.** – «Известия» сообщают, что в Чернигове **на днях** открыт контрреволюционный заговор <...> (там же).

В любом случае устойчивым ориентиром может служить 1) дата в детерминативе, 2) календарная дата выхода номера газеты. В привязке к ним существует оборот речи «снова дошли» с фиксацией повторяющихся по смысловой оценке известий: *Из России снова дошли глубоко печальные известия...* (ОД 1919, 1 янв.).

Агентство Union нередко использует в детерминативе ремарку ответственности (*Передано с опозданием*). Заметим, эта ремарка связана также с моментом передачи сообщения агентом, а не со временем публикации.

[метатекст модуса →] Константинополь, **26 авг. (Передано с опозданием)** – *Врач, прибывший на днях* из Москвы в Харьков, рассказывает, что [диктум →] **в середине июля** <...> [метатекст → диктум] **В момент, когда** врач, дающий эти сведения, **оставлял** Москву, **забастовка продолжалась** только на Моск.-Казанской жел. дор. (ОД)

Таким образом, в структуре новости встречается несколько актуализаторов момента времени. В **модусе** это *дата передачи* сообщения и *ремарка запоздания*. В **диктуме** это обозначение *времени события по отношению к моменту передачи* известия главным

источником. В результате в событийной части высказывания показатель времени нередко привязан к метатексту модуса и составляет с ним *сверх предикативное* единство, активирующее восприятие новости читателем.

Когда бы ни состоялась публикация, показатель времени события был едва ли не главным элементом атрибуции новости для читателя. Хотя некоторые факты становились известными лишь месяц спустя, даже запоздалая информация оформлялась по правилам оперативной подачи. Сравните указатели дат:

Омск, **12 марта**. – Генеральный штаб Сибирской армии сообщает, что **19 февраля** большевики произвели массовые расстрелы в пензенских полках за отказ пойти на фронт. Упоп (ОД 1919, **2 апреля**).

В «Известиях» Ц.И.К. Сев. Кавказа Сов. Республики **от 2-го ноября** напечатано: «На основании постановления Чрезв. Ком. по борьбе с контрреволюционными организациями и в силу приказа № 3 **от 8 окт.**, расстреляли нижеследующих лиц: (Там же).

Актуализирует обозначенный момент времени в **диктуме** форма глагольного перфекта, которая употребляется в сочетании с датой события. Как видно, календарные даты в диктуме фиксируют отрезки времени в той части новости, где речь идет о *только что произошедшем* событии. При сообщении о событии как *начавшемся процессе* типичным актуализатором новости выступает глагольная форма настоящего времени с семантикой длительности.

Из авторитетных источников сообщают, что работы по реорганизации высших органов власти в местностях, занятых Добровольческой Армией, **идут полным ходом...** (ОД 29 авг. 1919);

Омск, 13 авг. – В направлении Тюмень наши войска, продолжая арьергардные бои, **отступают** в заранее подготовленные позиции в сторону Ялуторовска... (Там же).

В новостной корреспонденции естественным был актуализатор *недавно*, свойственный обиходно-разговорной речи. **Недавно** в Лондон прибыла делегация от правительства северной России (ВР). Локализаторы *сегодня* и *завтра* встречаются в составе диктума новости при полемическом переложении чужой речи. Сравните противопоставление: *Фош обратил внимание Совета на такое положение вещей. Протест послан в Берлин. Союзники не должны забывать, что **сегодняшний** блеф может превратиться в серьезную угрозу **завтра*** (ВР).

Особый случай составляет образная передача момента времени с помощью эпиграфа-цитаты из другой газеты. Цитата относится к содержанию *всей полосы* газеты «Общее Дело», когда настал один из самых тяжелых моментов Гражданской войны.

Каждый день промедления **стоит** Петрограду сотни людей. В городе **стоит стон** населения. **Раздаются голоса:** «Или берите город сейчас же, или прекратите бряцанье оружием кругом... Больше мы в таком состоянии жить не можем...

«Русская газета»

...Около Петрограда **назревают** события огромной важности.

Перед нами глаголы с семантикой настоящего длительного в ситуации символической передачи крайне тяжелого положения дел. Очевидно явление эмпатии. Момент длящегося настоящего фиксируется психологически обобщенно. Речь подразумевает консолидированную группу: невыявленное лицо говорящего, голоса петроградцев, заключение редактора «Общего дела» в завершающей строчке эпиграфа.

Подведем итог. Всеобщий спрос на известия в период войны и конфронтации определял жанровый приоритет новости в коммуникативном процессе. Особенностью периода 1917-1918 гг. было то, что запрет на распространение информации в России еще не действовал. Кроме того, с передачей сообщений по проводам национально-государственные границы стали проницаемы для информационных потоков. Однако внутри страны и за рубежом главной проблемой и основным фактором передачи сообщения была доступность источников известий – официальных и неофициальных, включая сведения мигрантов из России. **Картина мира постоянно менялась.**

В силу этих обстоятельств подача новости в газетном дискурсе отличается избыточностью кода метареференции. Он содержит стереотипный для читателя комплекс сведений, а в ракурсе проблематики исследования внешнего контекста новости – *метареферентный код имеет прямое отношение к практике получения и производства известий.*

Избыточными были указатели самого факта поступления новости в газету, а именно: обозначение времени и пути доставки известия, обозначение источников и обстоятельств получения известий, обозначение времени и места событий в рамках чужой речи. **Известная иконичность схемы оформления новости – отражение учета информационных запросов читателя к процессу получения новостей.** Востребованность достоверных данных определили, в частности, наличие информационного детерминатива или двойной рамки в эксплицированном модусе известия.

Разнообразие источников известий в европейской ЭГ – следствие объективированных потребностей и возможностей издания. Оно заинтересовано в правильной интерпретации положения дел в России и в обосновании такой интерпретации, включая идейно-документальное.

В контексте конфронтаций и полемичности сообщаемого, известия строились на передаче содержания чужой речи. По-видимому, впечатление достоверности косвенно связывалось с перекрестной множественностью и фактом определенности источников, поскольку именно они вводят сообщаемое. Факт засвидетельствованности не только «события», но также «источника» чужого мнения (речи) – один из пунктов отражающих иллюзию верификации при вероятной субъективированности содержания известий. С прагматической точки зрения, нарушающая норму избыточность в метареферентных структурах новости должна была компенсировать преимущественно пассивный характер процесса получения информации, заглушить (по крайней мере) субъективно переживаемую остроту невозможности самостоятельно добыть и верифицировать известие.

Акцентированность элемента «источники» выражается его размещением в сильных позициях текста: в заголовке, в двойной модусной рамке новости (внешней и внутренней) в позиции концовки, в подписи. В модусной рамке лидирующей строки источникам известий сопутствуют значения указания, установления соответствия или обоснования засвидетельствованности сообщаемого. В предложении лида источники известий занимают позиции детерминанта, субъекта, объекта или обособленной конструкции.

Деятельность информационных агентств была ведущей в процессе накопления, обработки и в передаче информации. В то же время, как показывает анализ дискурса, самым активным коммуникатором эпохи 1917-1919 гг. была газета. **Редакции европейских газет стремились информировать своих читателей о всех обстоятельствах доставки новостей в военное время и о статусе «засвидетельствованности» сообщения по газетным источникам.** В период кризиса это было показателем коммуникативной взаимности. В отличие от европейских *антибольшевистских* газет, *удаленная от театра войны пробольшевистская* газета в Америке больше озабочена местным пропагандистским эффектом новостей из России. **Акцент на идеологическую подоплеку сообщения нивелирует значение элемента «источники», оставляя впечатление приближенности или обобщенности детерминатива новости.**

Метаречевой особенностью множества известий было олицетворение газет как агентов разноречивых субъективно-оценочных действий. Отсюда разнообразие слов речемыслительной семантики, вводящих сообщение. Представление журналистов зарубежья о месте газет в информационном поле, об их перекрестном взаимодействии **было столь живым**, что нашло отражение в метатексте новости в составе разных жанровых форм (преимущественно в обзорах печати и корреспонденциях). Помещаем ниже список глаголов, которые сочетались с наименованиями газет как субъектами

речевых действий. Газеты *получают* сообщения, *передают*, *сообщают*, *печатают*, *пишут*, *публикуют*, *извещают*, *констатируют*, *комментируют*, *уделяют место*. Газеты действуют как живые лица с их психико-волевными свойствами: они *говорят*, *думают*, *находят* (в значении 'приходят к заключению'), *называют*, *посвящают*, *объясняют*, *требуют*, *жалуются*, *уверяют*, *утверждают*, *предсказывают*, *рисуют* (в значении 'описывают в словесной форме'), *бросают свет на...*, *указывают на...*, *сходятся на том* и т.п. В дискурсе обзоров печати газета олицетворена предикатами речевых действий детально: она *передает следующий разговор*, *распространяет слухи*, *объясняет дезертирство*. В «наивных» отчетах некоторых составителей обзоров газета, как и сам человек, «отзывается» на полученные известия. Согласно предикатам в пропозиции, та или иная газета *рисует печальную картину жизни рабочих*, *указывает на блестящие успехи*, *в жутких красках передает трагедию...*, *с горечью констатирует*, и даже – *не без тайного умысла сообщает*.

Остается открытым вопрос о соблюдении газетами условий, при которых можно говорить о понятной читателю направленности тех или иных высказываний в текстах. Подробнее об этом в Главе 5-й, посвященной проявлениям механизма оппозитивности в смысловой структуре текстов ЭГ-дискурса.

В ы в о д ы по Главе 3

Изучение связей между «обстоятельствами» речи и собственно процессом ее порождения отвечает не только интересам когнитивной науки, но также социальным задачам журналистики с ее поисками причин тех или иных действий. Эта область должна быть представлена в теориях исследованием *онтологического контекста*, как особого глубинного уровня текстов, делающего возможным их создание и понимание.

Особенности культурно-исторической эпохи 1905-1920 гг. дают вполне определенные очертания реальной (и ментальной) действительности, в контекстах которой существовало общество и – как выразитель определенного общественного мнения – газета в России и русском зарубежье. **Исторические условия сформировали оппозитивный объект дискурса в системе первичных (или реальных, по М. Фуко) отношений.** Изучение этих отношений – предмет междисциплинарной области знаний в исследованиях социального дискурса и порождающих его контекстов.

К условно внешнему полю дискурса мы относим те *контексты*, которые связаны с референцией к предметной действительности. (1) Во-первых, это **российский контекст**; он устанавливается на

основе исторических, социологических, историко-культурных источников. (2) Во-вторых, это связанный с процессами переселения и беженства **миграционный контекст**, в котором существуют одни и образуются новые эмигрантские издания; он связан с получением газетами известий из России, устанавливается по содержанию изданий и научным источникам. (3) В-третьих, это **региональный геополитический контекст**, предполагающий учет взаимоотношений газетного органа с местной властью; он устанавливается в процессе обработки данных, полученных из научных источников и из самих газет. (4) В-четвертых, надо думать, это **содержательно-идеологический контекст** самого издания; устанавливается аналогично третьему.

Целесообразно считать процессом порождения речи совокупность формальных механизмов, порождающих данный текст в данных «обстоятельствах» [Ср.: Квадратура 1999 : 317]. В этом смысле «рефлексивные отношения», о которых говорил М. Фуко в связи с формацией дискурса, не являются чем-то внешним по отношению к дискурсу. В информационном дискурсе они «навязывают» сообщениям определенные формы и «принуждают» отображать определенные вещи, в том числе – оппозитивные отношения в самом канале коммуникации.

Выявляется **иконизм формы** новости, то есть отображение в мысли агента новостной службы интенциональных объектов (объектов намерения): **речевая цепь отражает затрудненный порядок получения новости и степень ее относительной достоверности для читателя**. Корпус данных, обнаруживаемых в модальной рамке новости, позволяет почувствовать специфику работы эмигрантских газет в связи с разбросом различных источников известий. Обращает на себя внимание **избыток наименований с характеристикой источников новости**. Зачастую фактивность новости чисто символическая, так как сама новость не может быть верифицирована. **Достоверность новости в эпоху войн носит отсылочный характер**. В таких условиях сам факт множественности разных источников известий создает эффект пропагандистского воздействия (нелобовой, естественный).

Показатели *пространственно-временной локализации* сообщений (этой суперкатегории предложения) хорошо выявляют **два типа субъектов службы новостей** – скрытого в пресуппозиции *субъекта-передатчика* сообщения и эксплицированного агента в позиции *получателя известий*. Также хорошо выявляются **два вида обозначения времени прохождения известий**: *в модусе* – обозначение времени получения и передачи новости, *в диктуме* – обозначение времени самого события, скрепленное модусом. Все эти внутренние обстоятельства связаны с работой новостной службы в газете. Они

всего лишь *актуализаторы* новизны, эффекта «свежести» доставленной читателю информации. Такова, по всей видимости, была специфика работы агента новости: **сигналы оперативности** в затруднительных обстоятельствах исполнения своего профессионального долга **замещались сигналами новизны, эффектом актуальности сообщаемого**. Демонстрация путей (способов) получения информации, ее датирование связаны для читателя с образом агента на посту, напряженно ожидающего и передающего информацию. Подробнее об этом в Главе 5, где проблема достоверности рассматривается уже на примере фактологической основы известия.

Идеологически сообщение может быть равным поступку и участвовать в создании новой ситуации, в создании нового контекста. В информационном пространстве дискурса войны активно действует «реактивная» модель сообщения *стимул–ответ*. Причем понятия **ментального состояния, контекста и акта употребления** должны совместно учитываться для объяснения общего феномена понимания и порождения высказываний в дискурсе.

¹ Доклад П. Штомпки, сделанный 26 ноября в Москве на ежегодной конференции «Современная российская социология в контексте общественных тенденций», опубликован в журнале *Посев*. 2006. № 6. См. также: URL: <http://lib.socio.msu.ru/1/library?e>; Электронная библиотека Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

² Согласно В. В. Колесову, *концепт* имеет структуру соотношения «образ – понятие – символ», где образ выступает как основа и как процесс познания. См.: *Колесов В. В. Философия русского слова*. СПб.: ЮНА, 2002. С. 349 и сл.

³ Фундаментальные труды П. А. Сорокина, прежде недоступные советскому читателю, получили признание в демократической России. В феврале 2001 г. в Москве, Санкт-Петербурге и Сыктывкаре прошел Международный научный симпозиум, посвященный 110-летию со дня рождения П. Сорокина. Образован Международный институт Питирима Сорокина – Николая Кондратьева (русского экономиста, автора теории «длинных волн» – друга Питирима Сорокина, оказавшего влияние на его творчество). См.: *Яковец Ю. В. Великое прозрение Питирима Сорокина и глобальные тенденции трансформации общества в XXI веке*. М.: МФК, 1999; *Возвращение Питирима Сорокина*. М.: МФК-МОНФ, 2000; *Return of Pitirim Sorokin*. Moscow: Patent Support Network of Rhode Island, 2001.

⁴ Положение усугублялось и тем, что на стыке XIX и XX веков Россия становится жертвой глобального финансового кризиса, который переживает особенно тяжело. Страна погрузилась в семилетнюю, а в некоторых видах деятельности и в девятилетнюю рецессию, сопровождающуюся сильным падением доходов рабочих, ростом протестных настроений и маршами несогласных (самый известный вошел в историю под именем «Кровавого воскресенья»). См.: Эксперт. 2011. № 30-31.

⁵ Современная теория катастроф развивается в форме универсального

математического метода исследования любых скачкообразных переходов (Р. Том, И. Р. Пригожин), их причин и путей установления нового равновесия. Указ. *Новейший философский словарь*. С. 651.

⁶ Различные теории хаоса получили массовое признание в кризисные 70-е годы прошлого века, в основном благодаря популярным книгам нобелевского лауреата по химии, бельгийца российского происхождения Ильи Пригожина.

⁷ *Кукушкина И. А.* Путь социалистов-революционеров в эмиграцию (1918-1922) // *Русский исход* : сб. ст. / отв. ред. Е. М. Миронова. СПб.: Алетейя, 2004. С. 17.

⁸ Цит. по изд.: *Фрейнкман-Хрусталева Н. С., Новиков А. И.* Эмиграция и эмигранты : История и психология. СПб.: С.-Петербург. гос. акад. культуры, 1995. С. 68.

⁹ Н. С. Фрейнкман-Хрусталева и А. И. Новиков ссылаются на книгу: *Ковалевский П.* Зарубежная Россия : История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). Париж: Librairie des Cing Continents, 1971.

¹⁰ *Колоницкий Б. И.* Эмиграция, военнопленные и начальный этап германской политики «революционизирования» России (август 1914 – начало 1915 г.) // *Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли* / под ред. Ю. Шеррер и Б. Ананьича. СПб.: Европейский Дом, 1997. С. 197.

¹¹ Сравните, у А. Т. Аверченко: «И на чужбине я буду помнить твои маленькие церковки и зеленые монастыри, буду помнить тебя, холодный красавец Петербург, твои улицы, дома, помню «Медведя» на Конюшенной, где так хорошо было зайти расстегивать рябиновой! На всю жизнь врежешься ты в мозг мне – моя смешная, нелепая и бесконечно любимая Россия!».

¹² *Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2001. С. 492.

¹³ См.: *Жирков Г. В.* История цензуры в России XIX-XX вв. М.: Аспект Пресс, 2001. Раздел II : Цензура и процесс капитализации журналистики; Журналистика и цензура в условиях существования двух России: 1917-1920 гг.

¹⁴ Петроградское телеграфное агентство (ПТА) с 1904 по 1917 гг. являлось одним из ведущих в Российской империи. Впоследствии вошло в российское телеграфное агентство (РОСТА).

¹⁵ Российское телеграфное агентство (РОСТА) образовано 7 сент. 1918 г. при ВЦИК. Оно было создано на основе слияния бюро печати при Совете народных комиссаров и ПТА.

¹⁶ Во время Первой мировой войны широко использовался **телеграфный код**, включавший сокращения. Они входили в речевой обиход через официальные донесения и военные сводки в газетах. В послеоктябрьский период изобилие подобных и других сокращений стало настолько показательным, что явилось предметом пародий и критики. Об этом: *Грановская Л. М.* Русский литературный язык в конце XIX и XX вв. : очерки. М.: Эллипс, 2005. С. 213.

¹⁷ См.: *Привалова Е. А.* В союзе с белогвардейской прессой. Американское бюро печати в советской России (1917-1920). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990; *Несоветские газеты (1918-1922)*. Каталог собрания Рос. нац. библиотеки. – СПб.: Изд-во РНБ, 2003. Следует заметить, что накануне 25 октября 1917 г. в России выходили газеты различных буржуазных и социалистических партий

(например, 52 меньшевистских, 31 эсеровская, 6 анархистских). Начало Гражданской войны поставило большинство меньшевистских легальных изданий вне закона, в том числе и печать социалистических партий. По существующим данным, в сентябре 1918 их осталось 50, а в 1919 г. – 3. Белогвардейские издания (около 30 по всей стране) исчезли в ходе Гражданской войны – в 1920 г., а последние меньшевистские газеты были закрыты в 1919 г. *Козлова М. М.* История отечественных средств массовой информации. Ульяновск: Изд-во Ульяновск. ун-та, 2000.

¹⁸ Примечание. 1) Здесь и далее графически (курсивом Times New Roman) выделяются примеры из газет *внутри нашего текста*. 2) Другим шрифтом (Arial) примеры из газет выносятся вниз с отступом в абзац.

¹⁹ *Несоветские газеты (1918-1922)* : каталог собрания Российской национальной библиотеки. СПб, 2003. С. 102.

²⁰ Ср. современные суждения о приоритетах информации в синхроническом аспекте. «Первые варианты были ориентированы на авторитет говорящего, делая акцент на человеке. Затем внимание человечества сместилось на акцентуацию информации. Отсюда все объективные методы познания, начиная с позитивизма». Ссылка на авторитет активно используется и сегодня (эксперт, свидетель события, который является ситуативным авторитетом). Но «проверочные механизмы в современном обществе оказались вытесненными за пределы человека – в СМИ, которые одновременно взяли на себя две функции из прошлых этапов: авторитет и рациональную проверку». *Почепцов Г. Г.* Психологические войны. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2000. С. 499, 501.

²¹ Л. А. Молчанов приводит выразительный пример из книги Ивана Наживина, который характеризовал сотрудников отдела следующим образом: «Сотни газетных и журнальных работников, бежавших от большевиков, голодали, а пропаганда – в особенности в провинциальной глуши – была отдана в руки оставшихся не у дел спортсменов, отставных предводителей дворянства, чиновников казенной палаты и даже милых дам, которым пара тысяч нисколько, конечно, не помешала» (цитата приведена Л. А. Молчановым по изд.: *Наживин И. Ф.* Записки о революции. Вена: Русь, 1921. С. 277).

²² Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863-1919) – русский историк, социолог; первый председатель Русского социологического общества им. Ковалевского (1916-1918). Читал лекции по методологии истории; после Февральской революции возглавил кафедру социологии в Петербургском университете.

²³ О диалогичности и знаках говорящего: *Дускаева Л. Р.* Диалогичность современных газетных текстов в аспекте речевых жанров. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2004. С. 19 и сл.

²⁴ См.: *Вакуров В. Н., Кохтев Н. Н., Солганик Г. Я.* Стилистика газетных жанров. М.: Высш. шк., 1978; *Практическая стилистика русского языка. Функциональные стили* : учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 1982; *Лысакова И. П.* Тип газеты и стиль публикации (опыт социолингвистического исследования). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. О структуре и стиле новости также: *Шостак М. И.* Журналистика новостей : вопросы технологии. Ч. 1, 2, 3. М., 1996; *Дроняева Т. С.* Информационный подстиль // *Язык средств массовой информации* : учеб. пособие для вузов. М.: Академ. Проект, Альма Матер, 2008. С. 496-520.

²⁵ Современные исследователи отмечают сложное взаимодействие модальных рамок в зачине информационного текста, куда входит и модальность засвидетельствованности (Дроняева Т. С. Указ соч. С. 507 и сл.). В нашей работе в центре внимания находится очередность выраженности способов субъектной пространственно-временной локализации новости, связанная с внешним полем дискурса и условиями производства новости в эпоху войн.

²⁶ Пауль Юлиус Рейтер, основатель старейшего в мире агентства, сначала создал свою **почтовую службу**, а затем стал использовать новшество – **электрический телеграф**. В 1851 г. он открыл телеграфную контору недалеко от лондонской биржи и занимался поначалу коммерческими новостями для банков и деловых фирм. Позднее он переключился на информационный сервис вообще и в 60-е гг. XIX века газеты стали главными клиентами агентства. По данным конца XX в. (1998 г.) услугами информационного агентства Reuters во всем мире пользуются 435 тыс. подписчиков, из них 53 тыс. – различные средства массовой информации; терминалы Reuters расположены в 164 странах; новости распространяются на 25 языках, с 1997 г. – и на русском. Правлению подчиняется 145 бюро во всем мире. (Воронина О. Г. Информационное агентство Reuters на пороге 150-летия // Средства массовой информации в современном мире : тезисы докл. науч.-практ. конф. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 1999. С. 6.)

²⁷ См.: Иванова Е. Ю. О перцептивности номинативных предложений // Вопр. языкозн. 2004. № 1. С. 107-116.

²⁸ О глаголе *гласить* см.: Янко Т. Е. Глагол *гласить* : от звука к знаку // Язык о языке : сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 527-539.

Глава 4. Социокультурный контекст и внутреннее ментально-психологическое поле оппозитивного дискурса

Ментальную информацию определяют как «внутренний код», как результат познавательной деятельности человека [КСКТ 1996 : 37]. Такая информация имеет отношение к различным ментальным пространствам, содержание которых составляют и сведения о реальном мире (контекстуальная информация), и планы, убеждения, интенции (когнитивная информация). В данной главе нас больше всего интересует интенциональный аспект порождения речи, связанный с модализацией сознания и слова в оппозитивном дискурсе.

В психологической науке, изучающей речь, психологическим содержанием текстов считается «внутренний мир автора, его желания, опасения, практические направленности» [Слово в действии 2000 : 7]. С другой стороны, объектом изучения психологии и психолингвистики является социальная обусловленность речевых способностей. Как видно, оба аспекта имеют отношение и к пониманию человеческой природы дискурса, и к его речевой структуре.

Основные положения дискурсивной психологии, определяющие статус дискурса как социокультурного явления в жизни человека и общества [Слово в действии 2000 : 25-27], мы принимаем полностью. Дискурс – характерная особенность человеческой жизни. Он существует не потому, что «отражает» действительность, скорее наоборот: человек существует в мире культуры и действительности, воспринимая окружающее сквозь призму того или иного дискурса. «Различные сферы человеческой активности определяются функционирующим в обществе дискурсом» (Дж. Шоттер, К. Гирген, Дж. Поттер; цит. по указ. изданию, С. 25). Через дискурс устанавливается множество психологических и социально-психологических отношений. При этом участники взаимодействия часто используют наборы готовых дискурсивных форм, лишь приспособив их к контексту.

Глава включает два раздела. В разделе 4.1 характеристиками социокультурного контекста подтверждается, *во-первых*, оппозитивность формации российского дискурса в системе реальных историко-культурных отношений; *во-вторых*, типичность в данную эпоху утверждающего монологического способа речевого воздействия. В разделе 4.2 главы рассматриваются ментальные составляющие психологического модуса неприятия в связи с общей модализацией дискурса. В разделе 4.3 на примере доминирующих фреймов характеризуются концептуализированные области идеологического сознания в оппозитивном дискурсе.

4.1. Социокультурные факторы оппозитивной формации дискурса о России

Ментальная сторона дискурса, как говорилось выше, – это модифицированный мир, охваченный в сознании ИС некоторой идеологической конструкцией. В поисках ментальных структур, определяющих языковое поведение (порождение и понимание вербальных высказываний), мы задаемся вопросом: отражает ли доминирующая в «кризисном» российском сознании конструкция противоположения так называемую «русскую ментальность», если учесть все-таки типично российскую среду воздействия идеологического субъекта газеты?

4.1.1. «Русская ментальность» и «политический проект» модернизма (эпоха революционного кризиса)

Понятие «ментальности» – общая категория культуры, затрагивающая смежные области истории, социологии, когнитивной семантики. Ряд важных для понимания категории ментальности положений дают работы зарубежных историков антропологической ориентации, в частности историографическое направление, возникшее в начале 60-х гг. под названием «история ментальностей» [История ментальностей 1996], в лоне которого появилась «Археология знания» М. Фуко с ее началами теории дискурса. В отличие от системно-структурной концепции истории, представителей этого историографического направления интересует тот «человеческий фон», который почти не попадает в поле зрения событийной истории. Используются данные географии, экономики, психологии, лингвистики, в свое время отвергавшиеся как недостойные внимания. Если учесть, что в фокусе внимания историка-антрополога постоянно находится та область действительности, где мышление практически сливается с поведением, то как раз такую область действительности представляет собой человеческое сознание.

Моделью истории ментальностей считается социальная психология. Ее представители утверждают, что интеллектуальное начало нарастает в ходе истории за счет эмоций. В работах французских историков (Ф. Арьес, М. Вовель, Ж. Делюмо) ментальность практически приравнивается к сфере эмоций, которые рассматриваются как проявление коллективного начала, а идеи как проявление начала индивидуального. При этом эмоции (эти «идеи бедняков») трактуются как движущая сила истории, идеи же в собственном смысле считаются чем-то поверхностным и вторичным [История ментальностей 1996 : 67]. Сравните также: «Задавая пристрастность отражения уже в самом базисе образа мира, эмоции определяют

возможные формы поведения субъекта, определяют направленность его в принятии решения» [Оптимизация речевого воздействия 1990 : 24].

Английский историк Питер Бёрк предложил посмотреть на ментальность «снаружи» и «изнутри». Снаружи – со стороны социальных условий и анализа интересов. Изнутри – из глубин языка: со стороны господствующих метафор и «сетки» представлений [История ментальностей 1996 : 56-60]. В отечественной науке вопрос экспликации русской ментальности в слове, в философских системах национального характера, в константах русской культуры, то есть искомое историками решение «вопроса реконструкции не осознаваемых людьми представлений и соответствующих им норм поведения», раскрывается на материале словесной культуры [Степанов 1997; 2001; Колесов 1999; 2002]. «Русская культура реально существует в той мере, в какой существуют значения русских (и древнерусских) слов, означающих культурные концепты» [Степанов 2001 : 8]. Речь идет о концептах, представляющих собой в некотором роде «коллективное бессознательное» российского общества, и приведение ученым цитат из древних и современных текстов служит доказательством наличия таких концептов. В ответ на сомнения критиков автор поясняет: это концепты, существующие *не в головах* тех или иных людей, а концепты, существующие *в русской культуре*. Таким образом, место категории ментальности расположено не только и не столько в границах истории или социологии, сколько в пространстве культуры – преимущественно словесной.

В. В. Колесов дает характеристику отражения русской ментальности в слове [Колесов 1999 : 112-137], в своем обзоре опираясь на представителей русской философской мысли (Вл. Соловьева, Н. Федорова, Н. Михайловского, Н. Бердяева). Характер предпочтений русской ментальности, о которых идет речь, насчитывает 25 пунктов. Приведем некоторые из них в кратком изложении.

В центре русской ментальности находится **не факт или идея, а конкретное дело**, причем **мысль расценивается как дело** || Всякое дело, мысль или слово (три ипостаси логоса) **окрашены нравственным идеалом, «признаком красоты»** || **Духовность важнее меркантильности** || Личная **совесть человека предпочтительнее** перед навязываемой средой «сознательностью», т.е. сознанием. Другое дело, что и сама «со-весть» является таким же порождением коллективного «сознания». Так, в русском сознании идеал представлен как категория нравственная («правда»), а не как категория знания («истина») || **Честь** русскому человеку всегда **дороже славы** || Мир как спокойствие приходит не извне, им нельзя одарить. **Мир – внутри человека**. Невозможно жить счастливо, видя несчастье других. || Жизнь человека **нацелена на идеал хорошего, а не на критику отрицательно-плохого**.

Плохое, т.е. «зло», **маркировано в противопоставлении** к добру и, следовательно, само по себе ясно || Прокламируется «**жизнь по мечте**» согласно определенной цели (Н. Федоров), а не простое «протекание жизни» в соответствии с заданными ею же условиями || **Конкретное и образное предпочитается** отвлеченно умственному, рационалистическому. Именно потому, что оно образно, в нем нет единичности. Сказанным определяется и **основная модель познания — модель синтеза** || Особое место занимает в русском сознании категория «**соборность**». Это органически внутреннее единение людей на основе свободно осознанного качественного отношения («любви») по общности духа || Из многих значений, связанных с понятием «любовь», для русского менталитета, по-видимому, **более характерно понимание любви как отношения**, а не как связи. Русские философы единогласно подтверждают это идущее с древности представление о любви **как цементирующей силе соборности**.

Перед нами идеальная модель русской ментальности. На самом деле, «мы осуждены чувствовать, не больше того» [Там же]. Конкретные проявления характерных черт в реальной жизни отдельного человека временами оборачиваются противоположной своей стороной. К тому же «двойственность самого мира людей» в русской культуре носит «более сильно выраженный дуалистический характер» [Степанов 2001 : 852].

В эпоху революций и войн расхождение того, что «находится в головах», и того, что веками существовало в русской культуре, было разительным. Под воздействием новых условий и специфической идеологии складывается *д р у г о е* сознание. «Разрушается хозяйство, растут смертность, голод, холод, болезни и эпидемии...», — писал в начале 20-х годов П. Сорокин, — а общество в первый период революции беззаботно игнорирует эти явления и занимается борьбой против... офицерских погон, срыванием гербов, слежкой за формой обращения друг к другу (господин, товарищ, “вы” или “ты”) и т.п. детскими бирюльками» [Сорокин 2005 : 169]. Причины несоблюдения норм жизни означали не недостаток культуры, а происходящий сдвиг в норме, зону развития *д р у г о г о* коммуникативного правила, или «зону подвижки, переходную форму» [Прохоров, Стернин 2007 : 60]. Формируется и сохраняется групповая идеология, объясняющая и оправдывающая поведение группы. На этом уровне зарождается и функционирует социальный стереотип. В пространстве культуры устанавливается не просто обычный для жизни конфликт «идеал»/«действительность», а конфликт вида — «архетипы русской ментальности»/«другая» жизненная идеология (включая «программу» преобразования действительности).

Обратимся к определению ментальности. Единство по этому поводу отсутствует; оно затруднительно по причине слабой, или

односторонней, разработанности этой проблемы. В этой связи В. В. Колесов отмечает: «Ученые, изучающие ментальность, обычно сторонятся уже наработанных предшественниками объемов понятия и особенностей его содержания. Они представляют дело так, словно именно они впервые ставят проблему и решают ее — в удобном для них направлении. Забывают, например, и о В. фон Гумбольдте, и о А. А. Потебне, и забывают главным образом потому, что полностью исключают из рассмотрения ментальности проблему языка» [Колесов 1999 : 79; далее указ. только страницы. — Т. К.]. Между тем, отмечает ученый, «не мы живем в языке, как думают многие, а язык живет в нас. Он хранит в нас нечто, что можно было бы назвать *интеллектуально-духовными генами, которые переходят из поколения в поколение*» [137; выделено в тексте нами. — Т. К.]. Автор подвергает резкой критике представителей социально-филологического направления исследований, которые понимают ментальность как «психофизическую силу, почти брутально сосредоточенную в социальном организме народа» [79]. В. В. Колесов не без досады заключает: «Русскую ментальность они обычно и описывают фактически только отрицательными характеристиками как “человеческую стихию” или “переживание стихии как сущности русской души” в “архетипе произвола”. <...> Биологическая сфера коллективного подсознания с выходом в социальное пространство действующей идеологии — причем определенно классового характера (М. Барг) — вот что такое ментальность с точки зрения данных исследователей “загадочной русской души”» [79]. Из сказанного выше вытекает следующая оппозиция: существует *старинный идеал русской ментальности* и вместе с ним находящийся в процессе становления в массовом и научном¹ сознании *новый российский «менталитет»* (слово заимствованное: в нем нет русского суффикса).

Рискнем высказать предположение: философы находятся в зоне *д р у г о г о* научного дискурса. Это с одной стороны. С другой стороны, их оппонент, возможно, не считает нужным учитывать изменения в состоянии массового сознания. Главная ценность для В. В. Колесова, историка языка и русской словесности — национальный идеал. Иное мнение принадлежит структуралисту, последователю исторического материализма М. Фуко: «...есть понятия, которые никогда не бывают окончательной данностью, но вечно находятся в становлении. Таковы понятия “ментальности” или “духа”...» [Фуко 1996 : 19].

Мы принимаем общее определение ментальности, сформулированное В. В. Колесовым. «**Ментальность** есть *миросозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального*

характера в типичных его проявлениях» [Колесов 1999 : 81]. Другие (критикуемые В. В. Колесовым) характеристики категории ментальности относятся скорее к видовым, выявляются внутри иных научных дискурсов: философского (М. Барг, В. Кантор), психологического (И. Акчурина, М. Гуревич), социологического (М. Рожанский).

Важно, что существует интерес к разноэтажности ментальной сферы. Нарастает тенденция к более дробному структурированию объекта. При этом либо расширяют понятие ментальности, либо вообще отказываются от него, пользуясь терминами «знание», «представление» и т.п. Соответственно, в поле зрения оказывается «вся ментальная сфера – противоречивая и изменчивая, сотканная из различных групповых и даже индивидуальных представлений, колеблемая борьбой этих групп и индивидов за собственное видение реальности, за право “производства здравого смысла”» [История ментальностей 1996 : 10].

Немецкий ученый Петер Динцельбахер отмечает, что ментальность можно скорее описать, чем определить: она выражается в действиях. Но все же он дает определение исторической ментальности (правда, мы бы в нем заменили слово «ментальность» на «менталитет»): «Историческая ментальность – это сочетание (Ensemble) способов и содержаний мышления и восприятия, которое является определяющим для данного коллектива в данное время» [Там же 1996 : 98]. В этом определении существенны два опорных пункта, сближающих понятие менталитет с представлениями о формах ментализации дискурса: 1) пункт о типичном сочетании способов и содержаний мышления и восприятия; 2) акцент на их локализацию – «для данного коллектива в данное время». Современные исследования подтверждают продуктивность введения в сферу ментальности особых групповых ограничений, ассоциируемых с понятием «менталитет»².

Подчеркнем еще раз: целесообразно различать *идеально мыслимые черты русской ментальности* и *менталитет*, присущий крупным общественным группам в определенный исторический период. В последнем случае имеются в виду *символы, ценности, правила и ориентации, которых придерживаются различные группы, сообщества, классы*. Они фиксируются в социальном сознании или в культуре, приобретая характер норм и правил межличностного общения, придавая различным сообществам некий временной профиль. В эпоху кризиса такой профиль не является четким. Он смутен, так как хаотично состояние социального сознания. В некоторых газетах русского зарубежья массовое сознание такого рода характеризуется как «помраченное». И неспроста. Обычно период кризиса – экономического, политического, культурного – немедленно оживляет традиции. В трудные времена люди обращаются к

опыту предков, ищут убежища от современных тревог и забот в прошлом. Не то происходило в Советской России. Там, по выражению П. Штомпки, шел идеологический процесс «догматического антитрадиционализма». В контексте культуры это явление можно представить в виде конфликтного отношения «традиционная культура»/«культура модернизма».

«**Политический проект**» модернизма, на ранних стадиях сливавшийся с либеральной доктриной³, был одним из факторов оппозитивности в среде российского общественного сознания. Социокультурные корни групповых менталитетов являются результатом предикации идеологического преконструкта, исторически обусловленной практики и интеллектуальной обстановки. В частности, марксистская идеология развивалась в среде интеллектуалов (философов, политиков, артистов – другими словами, деятелей культуры), охваченных ее доминирующим в новой европейской культуре влиянием.

Идеологию относят и к миру *внешнего* (группового или «общечеловеческого»), и к миру *внутреннего, психологического* (психическое переживание, по В. Н. Волошинову, является «знаковым выражением соприкосновения организма с внешней средой»). В свою очередь в нем – в этом мире эмоциональных и рациональных идей – как в контексте располагается сознание человека-индивида, «воспринявшего данную идеологию или бессознательно ее принимающего» [Волошинов 1995 : 250, 254]. Согласно исследованиям, исторически доминирующие идеологии с их методами и приемами (в науке их называют – парадигмами) в течение определенного времени дают тем или иным сообществам модели постановки проблем и их решений. Во всяком случае интеллектуальная среда на них ориентируется в своем восприятии и, может быть неосознанно, в творчестве [Кубрякова 1995 : 158; Руднев 1999 : 208]. Речь пойдет о закрепившихся в социогуманитарном познании философско-мировоззренческих идеях установочного характера, свойственных творческому (элитарному) мышлению не только в России, но и в Европе конца XIX – начала XX веков. Ведущими в мировоззренческой системе мышления европейского человека выступают в это время монизм и модернизм.

Краткое определение *монизма* находим у Г. В. Плеханова, отметившего, между прочим, что «наиболее последовательные и наиболее глубокие мыслители всегда склонялись к монизму, т.е. к объяснению явлений с помощью какого-нибудь одного принципа (μονος по-гречески значит единый)» [1956 : 510]. Плеханов был ярким последователем монизма, развивающим его на историческом материале. Он был марксистом правого толка и не принял больше-

вистской революции. Политическая доктрина Г. В. Плеханова оказывала самое непосредственное влияние на социал-демократические издания в России и за рубежом (таким изданием была, в частности, «Народная газета» в Сев. Америке).

Важнейшей категорией в характеристике духовной жизни Европы и России изучаемого периода является *модернизм*. Наиболее известны исследования модернизма в области художественной культуры. Там модернизм часто отождествляется со своей ранней фазой – авангардизмом, и рассматривается в конкретных хронологических рамках – говоря условно – с 1890 по 1968 год. Но понятие модернизма тесно связано не только с искусством, оно относится также к науке и философии, к политике⁴.

Феномен модернизма в философии тесным образом связан с переходом от традиционного общества к индустриальному, то есть со становлением капитализма и появлением самостоятельности индивида, способного преобразовывать мир по собственной воле. В русле европейской традиции культуры модернизм выступал по отношению к социуму как культура отрицания, как воинствующий «антинормативизм». Существенную информацию несут признаки черты модернизма, связанные с новым типом личности героя этого времени. Перечень его характеристик оставляет впечатление, знакомое по артефактам кино, театра, литературы, изобразительного искусства. Это неустанно воспроизводившийся в искусстве тип **д е я т е л ь н о г о о п п о з и ц и о н е р а**. К культивируемым качествам человека эпохи модернизма относятся: активность (динамизм, энтузиазм); непримиримость, потребность действовать против чего-либо или против кого-либо; нигилизм, стремление без колебаний преодолевать традиционные преграды, презирать общепринятые ценности; культ молодости и новизны, устремленность в будущее; экспериментализм, стилевое новаторство; эпатажность и революционность (в культурном смысле) [ср.: НФС 1998 : 438]. Исторически жесткую оценку такой доминанты в искусстве модернизма дает Ю. Н. Солонин: «Тема героической личности, провидца новых ценностей и смыслов жизни, бескорыстного героя, подчиненного порывам благородного риска и подвига, презирающего толпу и безопасное бытие ничтожества, пропитала всю нравственность эпохи. Она толкала человека в рискованные ситуации, облагораживала бесчеловечность, формировала презрение к нормальной жизни и снимала с него бремя социальной и личной ответственности» [Солонин 2000 : 152]. «Историзм модернизма выражался в смысловых экспликациях категорий катастрофы, метаморфозы, порыва к жизни, воли, власти и подобных им. Эти экспликации фиксировались в теориях борьбы, революции, жертвенности, творческого взрыва, ставших основой новой философии действия, наде-

ленного весьма внушительной суггестивной установкой» [Там же 2000 : 149].

Характерная черта всякого модернизма – установка на эпатаж. Существует мнение, что модернизм (авангард) в искусстве создал не новую эстетику, а н о в у ю р и т о р и к у как систему воздействия на читателя. Одним из важнейших приемов этой риторики является именно эпатаж: желание удивить, поразить нарушением общепринятых правил [см.: Шапир М. И. Комментарии // Винокур Г. О. Филологические исследования. М., 1990]. В газетах русского зарубежья эпатаж выражался в демонстрации очевидной абсурдности происходящего, в фарсовой заостренности образов, связанных с большевизмом.

Л. М. Грановская [Грановская 2005; далее указ. только страницы] отмечает характерные для стиля эпохи модернизма выразительные контрасты: с одной стороны – патетика архаических наименований [113, 188-189, 227], библейские темы и образы, возрастание эстетической функции цитаты [78, 90, 103, 133-134, 183, 193, 195, 225-226]; символизм образов, включая графический символизм заглавных букв [87, 91, 130, 180-183], бурное развитие политического красноречия с его шаблонами декламационного стиля [76, 93, 97, 118, 207-209], гипертрофия оценочных средств [137, 144, 150-151, 209, 239]; с другой стороны – разговорно-бытовая, сниженная речь в текстах [107, 158, 164, 171, 202-204, 244]; «невыносимо народный, цветистый, прибауточный и часто темный язык» [260; выражение принадлежит А. Г. Горнфельду]; вызывающая враждебность, срамословие («копролалия») и злословие [153, 245]. Отдельно говорится о борьбе страстей в революционную эпоху, об эмоциональной стихии языка, которую отмечал также и С. И. Карцевский [2000 : 223]. Л. М. Грановская приводит слова И. А. Бунина о «напыщенном стиле большевистских газет» [248], обращает внимание на приподнятость тона, романтическую фразеологию и метафорические излишества в печати времен Гражданской войны [159-260].

Примечательную черту литературного стиля эпохи составляет «развитость комментирующих систем изложения» [Грановская 2005 : 133, 137]. Французский философ Лиотар в целом определил модернизм как культуру «метанарративов», определенных социокультурных доминант, своего рода **властных установок**, задающих «легитимизацию того или иного (но обязательно одного) типа рациональности и языка»⁵. Стала традиционной **претензия на четко артикулируемую истину**. В дальнейшем постструктуралисты, анализируя существующую традицию, усматривали главную ее особенность в л о г о ц е н т р и з м е. Модернизм, при всем многообразии его конкретных проявлений, был принципиально монологичным. Мы бы добавили сюда положение об *идеократичности* политиче-

ских текстов (тех, где господствует «власть идеи»). Создать (и понять) текст означало подчинить его смысловым доминантам и стереотипам, господствовавшим в сознании. В конечном счете, на почве логоцентризма родились тоталитарные идеологии и попытки подчинить им ход истории. Доктриной интернационализма и всемирной революции **преодолевался один из признаков выражения русской ментальности**, реализуемый через архетип семейных отношений – образ *России-родины-матери*, «носительницы идеи прошлого и наследуемого» (выражение М. В. Романенковой [2003 : 81]). В эмигрантской газете этот образ выражен отчетливо: «...переводные их части продвигаются к сердцу истрадававшейся матушки России» (В. С-З. арм. 1919, 8 окт.); «Там, далеко, на востоке лежит наша мать, Россия, – измученная, обескровленная, поруганная...» (ОД 1921, 10 июня).

Подчеркнем следующее. Модернизм – не просто категория сферы искусства, художественной практики, литературы. В рамках культурной эпохи современной истории мы имеем дело с «политическим проектом» модернизма. В статье «Аспекты моральной философии модернизма» Ю. Н. Солонин говорит о принципиальных изменениях в самом характере мышления европейского человека, «об особом типе сознания, постепенно оказавшем преобразующее воздействие на строй жизни под влиянием новых ценностей» [Солонин 2000 : 148]. В России модернистское мышление отбросило предшествовавшие ему формы рациональной культуры, в том числе – «традиционный историзм» с его представлением о постепенном совершенствовании общества. Появился и полемический ответ в духе акцентированной оппозиции в дискурсе.

4.1.2. Идеологическая оппозиция «новым ценностям» (сборник статей «Из глубины»)

Социокультурный контекст эпохи трудно себе представить без знаменитых сборников критических статей о русской интеллигенции, о ее роли в освободительном движении («Вехи», 1909 г.) и социально-философских статей о русской революции («Из глубины», 1918). Содержание критики и авторы статей были известны, по-видимому, в русском зарубежье. Аналогичные полемические ноты слышатся в газете «Общее дело» В. Бурцева в 1918-1919 гг.

Русская философская проза XIX века была тесно связана с риторическими жанрами, с «морализаторством», где ощущался перевес религиозно-этического начала. По замечанию Л. М. Грановской, русская философия долго жила «в образах» художественной литературы, посвящаясь ее анализу «в связи с глубинными проблемами человеческого духа», стремилась поучать с позиций «разумных начал» [Грановская 2005 : 133-134]. В конце XIX века философские

тексты заметно диалогизировались, отражая идейные столкновения, всеобщую «борьбу страстей» [Там же 2005 : 135 и сл.]. В этом смысле газетно-журнальная публицистика была в определенной степени последовательницей философской прозы в освоении дидактико-риторических форм высказывания. Влияние философского языка на поэзию, художественную критику и другие жанры не подлежит сомнению. Но и публицистика наложила свой отпечаток на работы русских философов. В частности, для публикаций Н. А. Бердяева, ведущего автора сборника «Из глубины», характерны эмоциональность, экспрессивность, раскованность, «сочетаемость несочетаемых понятий», особенно способствовавшие его популярности на Западе [Грановская 2005 : 144]. Мы обратимся к тем идеям философских статей, содержание которых концептуально отозвалось в антибольшевистских газетах зарубежья.

Задачу характеристики влияния указанного сборника на идеологию значительной части политической журналистики мы здесь не ставим. Отметим лишь общую особенность судьбы их авторов. Все они в разной степени были связаны с марксизмом и революционной социал-демократией в России; затем перешли к более умеренному пониманию социализма и утверждению идеалистических оснований обществности; предпринимали попытки построения либеральной доктрины на религиозных основаниях [ср.: Русская философия 1995 : 96].

Авторы сборника «Из глубины» (Н. А. Бердяев, А. С. Изгоев, С. А. Аскольдов, С. Н. Булгаков, П. Б. Струве, Вяч. Иванов и др.) попытались объяснить происходящее в России со стороны не всегда осознанных проявлений «русского духа», включая творчество великих писателей (Толстого, Достоевского, Гоголя). Традиция, начатая в 1909 г. сборником «Вехи», была продолжена. Нынешние авторы расценивали «Вехи» как призыв и предостережение, которое, несмотря на вызванную им яростную полемику, «явилось на самом деле лишь робким диагнозом пороков России и слабым предчувствием той моральной и политической катастрофы, которая грозно обозначилась еще в 1905-1907 гг. и разразилась в 1917» («Предисловие издателя» П. Струве к сб. «Из глубины» [1990 : 19]). Трагические события русской революции, включая начавшуюся Гражданскую войну, авторы сборника «Из глубины» отождествляют с битвой между з л о м и д о б р о м. При этом противополжение религии и революции, борьба «света» и «тьмы», звериный образ революции достаточно традиционны для общих представлений того времени.

Необычными были другие положения авторов, проявивших психоаналитические способности в связи с оценкой субъективного фактора в истории подготовки русской революции. Этот момент представляется существенным по причине устойчивой и открытой

(реже подспудной) критики первых лиц большевизма в газетах русского зарубежья. И радикальные, и умеренные газеты антибольшевистского толка отмечают превращенный характер личных устремлений идеологов революции. Такая двойственность является привычной для психоанализа, который умеет раскрыть «под невинностью говорения» скрытую глубинность д р у г о г о дискурса. Неважно, идет ли речь об осознанных или неосознанных интересах желания или об интересах какого-либо социального класса, в обоих случаях «аналитик» имеет в качестве предмета своего толкования «процесс формирования иллюзии» [ср. Квадратура 1999 : 23]. В представлении газет РЗ проблема личной заинтересованности авторов переворота маскируется ими, преобразованная в проблему достижения «общего блага». Ее апологеты нечувствительны к другим идеям, так как эти другие идеи противоречат глубинно мотивированным целям властного субъекта (мести, корысти и проч.). Заметим, что в радикальной газете «Общее дело» акцент ставится на когнитивный социально-оценочный (а не утилитарный) аспект оценки действий известных лиц: «Для нас гораздо важнее выяснить не то, с какими целями эти два предателя предавали родину, а во что обошлось их предательство и в чем оно состоит». В содержании материалов «Народной газеты» также встречается познавательный-оценочный аспект значения. Формальный союз *И* как суперпридаток соединяет несоединимое (противоположные по смыслу действия большевиков), одновременно акцентируя конфликт между «практической» и так наз. «духовной» моралью, между словом и делом: **«Говорят о свободе и — замыкают своих товарищей в тюрьму! Называют себя немущими, и — сами, беря плату за кровь, беря плату за лень, оценивая на монету свои убеждения, утопают в ростовщичестве, вымогательствах и взятках!.. Говорят о братстве, а в это время режут чужое горло!»** Сравните аналогичное и по смыслу и по синтаксической форме утверждение П. Б. Струве в сборнике «Из глубины»: «Г о в о р я т «к л а с с о в а я б о р ь б а», а ощущают как реальный мотив и жизненное задание о т с т а и в а н и е и н д и в и д у а л ь н ы х и н т е р е с о в»⁶. Ключевыми словами во вводной части статьи Н. А. Бердяева «Духи русской революции» стали слова «катастрофа» и «темная бездна».

Авторам сборника видится глубокая разница в психологии внешних и внутренних войн. «В гражданской войне классовая вражда и борьба партий гораздо более совпадают с чувствами личной вражды и ненависти, чем всякого рода столкновения между государствами, где личный и общегосударственный интерес разобщены друг от друга множеством чрезвычайно сложных промежуточных отношений» [Аскольдов 1992 : 34; везде выделено в текстах нами. — Т. К.]. Авторы пишут о «п р а к т и к е ж и в ы х

с и л э г о и з м а», вытекающих из принципа, обозначаемого, как классовая борьба»; о «сравнительно невинной личине злого зверя», имеющей свою персонификацию в «третьем герое русской революции», Ленине (первыми двумя героями С. А. Аскольдов признает В. Соловьева и А. Керенского). К «злому гению России» Н. А. Бердяев относит Л. Толстого (ему вменяется крайний анархизм, индивидуализм и «л о ж н а я , з л а я с в я т о с т ь»). Согласно автору, метафизическая диалектика Достоевского и моральная рефлексия Толстого определили внутренний ход революции. «Если пойти в глубь России», — пишет автор, — то «за революционной борьбой и революционной фразеологией нетрудно обнаружить хрюкающие гоголевские морды и рожи» [Бердяев 1992 : 68]. Сравните с высказыванием из газеты «Общее дело» от 2 апреля 1919 г., где под заголовком «Во власти Ноздревых и Собакевичей» говорится о большевизме в модусе уверенного долженствования: «С этим большевизмом Ноздревых и Собакевичей и с теми, кто является его выразителями, мы обязаны вести беспощадную борьбу, и он не может не быть раздавлен». «Много есть русских бесов, которые раскрывались русским писателям или владели ими, — считает Н. А. Бердяев, — бес лжи и подмены, бес равенства, бес бесчестия, бес отрицания, бес непротивления и мн., мн. другие» [Бердяев 1992 : 69].

Автор говорит о нездоровой страсти к уравнительности и отрицанию в русской революции: «Подобно тому как у Толстого или у Достоевского в русской революции “максималистическое отрицание исторического мира рождается из исступленной эгалитарной страсти»» [Там же 1992 : 97]. «Моральная настроенность русского человека характеризуется не здоровым вменением, а болезненной претензией» [Там же 1992 : 94]. Начала «т я ж е л о й б о л е з н и» авторы связывают со слишком частыми и слишком интенсивными в России «прививками революционного фермента», которые нашли благоприятную почву в «относительно ничтожном по численности слое русской интеллигенции» [Аскольдов 1992 : 48]. Болезнь русского нравственного сознания им видится в «о т р и ц а н и и личной нравственной ответственности и личной нравственной дисциплины, в слабом развитии чувства долга и чувства чести» [Бердяев 1992 : 94]. Говорится о «распаде русской души», о том, что противорелигиозная психология «воспитала в массах чувства классово-ненависти, самоуверенности, преувеличения своего значения, вообще психологию самоутверждения во всех отношениях» [Аскольдов 1992 : 37].

В русской революции находят и п о л о ж и т е л ь н ы й смысл. «В революции народ изживает свои соблазны, свои ошибки, свои ложные оценки» [Бердяев 1992 : 105]. Надо «развязать» сложное сплетение добра и зла для того, «чтобы от зла можно было ради-

кально и окончательно отречься». При этом С. А. Аскольдов пишет: «готов утверждать, что социализм, понимаемый в смысле социальной справедливости, имеет полное основание рассматриваться и с гуманистической и даже с религиозной точки зрения имеющим на себе некоторое историческое благословение» [Аскольдов 1992 : 64]. Стоит напомнить, что большая часть печатных материалов во время войны поступала в эмигрантские газеты из России и, следовательно, была под влиянием той или иной группы российских идеологов. К идее социализма в газетах РЗ соответствующего направления относятся со вниманием и понятным читателю одобрением. Между тем, как заметил в статье «Социализм, культура и большевизм» А. С. Изгоев, социализм — это род своеобразного «христианства без бога». Все декламации большевиков «о социализме, о пролетарской солидарности, о пролетарской дисциплине, о совместной работе на общее благо» — всего лишь «глупые сказки» или «сантиментальные разговоры», «аккомпанемент к сценам первобытного каннибализма» [Изгоев 1992 : 184]. Главную же причину краха русского социализма автор видит «в ложном и лживом учении о человеке» [Там же 1992 : 196], в губительных для народа политических, социально-экономических и психологических идеях русской интеллигенции. «Крушение интеллигентщины, — добавляет в своей статье В. Н. Муравьев, — есть крушение мирозерцания, построенного на одной мысли» [Муравьев 1992 : 231].

В год планируемого выхода сборника (1918)⁷ идея «вины» и «наказания» распространяется авторами именно на русскую интеллигенцию, не устаивая категорической оценкой деятельность собственно большевиков в России. «Большевики лишь последовательно осуществили все то, к чему их толкали русские социалисты и “сочувственники как марксистского, так и народнического толка”», — пишет С. А. Изгоев. Нельзя переложить только на большевиков идейную ответственность «за крах всей системы идей», считает он, добавляя, что «само собою, речь идет не об уголовной ответственности». Д р у г у ю позицию мы наблюдаем в русском зарубежье в 1918-1919 гг. в радикальной газете Вл. Бурцева «Общее дело». Здесь ставится вопрос именно об уголовной ответственности большевиков, их сторонников и «арривистов».

Обратимся к вопросу о языке, каким он виделся авторам сборника «Из глубины» во времена борьбы за власть в России. Освещение этой темы в сборнике (как и в трудах современных лингвистов) подтверждает постулат об иконичности процессов изменения в языке по отношению к изменениям в обществе нового времени⁸.

Дискурс власти (1918) и ответный «образ языка». Опозитивное отражение темы «язык и власть» находим в статье Вс. Иванова «Наш язык» [«Из глубины»: Пути Евразии 1992 : 170-176].

По мысли автора, Россия в ее духовной субстанции существует

в я з ы к е, «многоместительном и метком», совмещающем «необходимость и свободу», божественное и человеческое, «создание духа народного и Божий народу дар» [170; разрядка по первоисточнику. — Т. К.]. Следуя выражению, язык дан русскому народу как «соборная среда, совокупно всеми непрестанно творимая», обуславливающая всякое творческое действие «в самой колыбели его замысла» [170]. В описании Вс. Иванова насилие в обществе отзывается насилием, производимым над языком. Актуализируется смысл разрыва русской речи с традицией. Ведущие тему начальные части высказываний ограничены двоеточием от противительно-распространительных частей — по семантике деструктивно акциональных: «Язык наш свят: *его кощунственно оскверняют богומרзким бесивом <...>. Язык наш богат: уже давно хотят его обеднить, свести к насущному, полезному, механически-целесообразному <...>. Язык наш свободен: его оскопляют и укрощают; чужеземной муштрой ломают его природную осанку, уродуют поступь» [172-173; курсив наш. — Т. К.]. Двоеточия символизируют разрыв между образом языка как «уготованного Провидением дара народу» [170] и языком механическим, обиходно орудийным.*

Вс. Иванов отмечает, что в обиходе образованных слоев общества язык уже давно растратил то исконное свое достоинство, которое А. А. Потебня называл «внутренней формой слова»: «она сохлась в слове, опустошенном в ядре своем, как сгнивший орех» [173]. Слово обратилось в условный меновой знак, обеспеченный лишь наличным запасом понятий. Оно стало *орудием обыденных потребностей*: «язык наших грамотеев уже не живая дубрава народной речи, а свинцовый набор печатника» [173]. «Чувствование языка в категории орудийности» составляет психологическую подоснову обеднения языка: «чувство формы нам претит: разнообразие форм противно началу все изглаживающего равенства», — отмечает писатель [173]. Как психолог он замечает, что единственным мерилом действенной мощи в языке остается ненависть, а первым условием творчества — разрыв [173]. Притязания власти подчинить направление преобразований одной (утилитарной или иной) тенденции названы опасными.

Однако исторически это удалось как раз на волне модернистского дискурса власти в России. Существует связь между практикой «авторитарной речи» (исходящей от лица, наделенного властью) с одной стороны, и теорией и практикой речи, называемой литературной, с другой стороны⁹.

Подводя итог, отметим следующее. Российский дискурс эпохи кризиса входит в сложную по своим ориентациям историко-культурную среду, обладающую объектами, которые в обстоятельствах нового времени проявили свойство к противоположению. К таким

объектам относятся *русская* ментальность и *групповой исторический менталитет*, *традиционная* (консервативная) культура и *культура модернизма*, куда входит известное по тем временам соотношение *прежний язык* и *новый язык*. В силу внешних обстоятельств во внутренний процесс категоризации и концептуализации явлений в дискурсе радикально включается прототип «д р у г о й».

Картина мира в сборнике «Из глубины» в сознании современного читателя реализуется как своего рода «исторический» и «психологический» контекст, в рамках которого обсуждаются концепции д р у г о й идеологии, соответствия и различия ценностей, контактирующих друг с другом в революционной России. «**Пре-конструкты**» идеологии, в том числе **прецедентные** литературно-художественные **тексты** Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, **выступают как участники коммуникации** (ее семантического поля). Интерпретация специфически осмысленных произведений художественной литературы субъективирована и возникает как диалогичное коммуникативное действие, в которое вовлечены «участники» поля культуры – **текст** сборника, **интертекст** как феноменальный голос *Другого* и жизненный **контекст** как идеологически и психологически *другой*. Интерпретация ч у ж о г о дается и в сборнике «Из глубины», и в газетах РЗ как способ его познания в оценке образа действий (большевики) и образа мыслей (например, Л. Н. Толстого). Таким образом, функционирование оппозитивного дискурса проходит в диалоге с миром, образ которого подвергается жестокой критике в процессе разносторонней интерпретации. Огромную роль в дискурсе играет выражение модальности.

Модальные составляющие ментально-психологического поля оппозитивного дискурса заслуживают особого рассмотрения. С них мы и начнем, чтобы затем обратиться к вопросу о концептах и схемах концептуализации, обеспечивающих понимание в дискурсе.

4.2. Ментально-психологическое поле дискурса. Оппозитивная модализация и ее инструментарий

Ответное отношение к явлению большевизма в России возникает в газетах РЗ как результат культурной обусловленности и психико-идеологической реакции притяжения/непритяжения в разных слоях российского общества. Об этом говорилось выше. Далее в центре внимания будут аспекты интенционального и модально-речевого механизма оппозитивных высказываний.

Для интерпретации и анализа оппозитивного дискурса наиболее важным оказывается понятие интенциональности и анализ проявлений интенциональности в речи, связанных с модализацией сознания и речевой модальностью. **Интенциональность** – *общее фундаментальное свойство ментальной и психологической организации*

человека, которое заключается в стремлении выразить (репрезентировать) *в речи свои мнения, желания, убеждения, опасения, надежды*, другими словами – внутренние психологические состояния. Посредством этого свойства человеческой психики и сознания (или бессознательного), ментальные состояния направляются на объекты и положения дел внешнего мира. Согласно Дж. Серлю [1986б : 197], направленность на внешний мир лежит в основе репрезентативного характера интенциональности и обуславливает содержательность соответствующих психологических, или, шире, интенциональных состояний. В структуру интенционального состояния входит **психологический модус**, в котором заключено содержание пропозиции, а также детерминированы условия речевого акта и «направление соответствия» между пропозициональным содержанием интенциональности и внешним миром [Серль 1986а : 172 и сл.]. Направление соответствия между пропозицией и действительностью **оформляется модальностью**: либо *мир* выступает в качестве «точки отправления» и заданного критерия истинности слов (онтологическая модальность, *de re*), либо же *слова* рассматриваются как своего рода проект, в соответствии с которым строится новое положение дел в мире (деонтическая модальность, *de dicto*). Слова, или модальные операторы (модальные глаголы, глаголы пропозициональной установки, вводно-модальные слова и оценочные слова), создают уровень интерпретации, который целиком подчинен функционированию категории модальности.

Интенциональность и связанные с ней категории модуса и модальности играют ключевую роль в теории порождения речи [КСКТ 1996 : 129; Зеленщиков 1997 : 198-218 и сл.]. Перейдем к названным и смежным с ними категориям, чтобы рассмотреть их роль в организации высказываний в дискурсе подробнее.

4.2.1. Речевая модальность, операциональный модус и «точка зрения» в отношении к анализу дискурса

В соответствии с представлением о дискурсе [ЛЭС 1990 : 136-137] **речь** мы рассматриваем как *целенаправленное социальное действие*, как *компонент, участвующий* во взаимодействии людей и *в механизмах их сознания (когнитивных процессах)*. В современной лингвистике **речевая модальность** рассматривается в качестве универсальной функционально-семантической категории, непосредственно связанной с проблемой соотношения языка, мышления и действительности. Нужно признать, что нынешний этап становления категории модальности характеризуется ее углубленной семантической разработкой в русле ведущих философских концепций (классических и неклассических). Это

соответствует общей когнитологической перспективе развития науки о языке (речи), но и, конечно, усложняет видение объекта. Некоторые постулаты философского знания, наиболее влиятельные в вопросе о модальности, получили развитие в прагмалингвистике.

Специфика идеологической работы в сфере публицистики состоит в том, что это пропагандистская деятельность ярко выраженной оценочной (читай – прагматической) направленности. Прагматика ставит в центр внимания речевой акт, основные компоненты которого хорошо известны (К. Бюлер) и получили подробное освещение (работы Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гака, Т. В. Шмелевой и др.). Особенное внимание уделяется семантике, связанной с вектором «автор-адресат» (у нас «идеолог → адресат»). Такая семантика получила в некоторых работах наименование интересубъектная (межличностная) модальность. Согласно *текстоцентрической* концепции А. Г. Баранова [1993], содержание и объем модальности определяется через разнообразные отношения между участниками текстовой деятельности. Выявляется цепочка зависимостей когнитивных, поведенческих и коммуникативных функций языка в выражении отношения ЦЕННОСТЬ – ОЦЕНКА – МОДАЛИЗАЦИЯ.

Основная задача речевой модальности – управление процессом интерпретации высказываний адресатом. Интерпретирующая функция базируется на ценностных параметрах отражения действительности, проявляется через поведенческие ориентировки и регуляции, в основе которых лежит *оценка*, или главная составляющая эмоций, как отмечают психологи. **Оценка является основой механизмов модализации, служащих задачам идеологии**, поскольку выполняет функцию связующего звена между ментальной сферой говорящего и социально-культурным контекстом. Именно оценке принадлежит ведущая роль в изменении значений, в переоценке и «перемещению слова из одного ценностного контекста в другой» [Волошинов 1995 : 301]. Аксиологическая модальность входит во все ступени и уровни индивидуальной когнитивной системы. Выделение аксиологической модальности как самостоятельной области научной рефлексии связано с обнаружением неустранимости из познания оценочного момента, разных модальностей, типов и способов организации мыслительной деятельности. Ядро когнитивного базиса одного из аспектов такой организации включает систему аксиологических операторов: «положительно», «отрицательно», «неопределенно». В речи фактор модальности связан с разными аспектами оценочности и выбором предоставляемых языком способов выражения значений говорящим. Как известно, модальность – это категория широкая, недостаточно определенная и внутренне неоднородная. П. Адамец посчитал возможным при определении этой категории сказать, что «модальность – это

выражение некоторого взгляда говорящего на отношение содержания пропозиции к фактическому положению дел» [Адамец 1978 : 11; курсив наш. – Т. К.]. Отсюда несколько существующих квалификаций типов и форм модальностей. В книге «Субъективность-модальность» [Краснова 2002] они группируются по четырем основным направлениям, которые учитываются далее в процессе анализа дискурса. Модальности различаются: 1) **по способу выбора «мира»**, в котором пропозиция выполняется: *реальная/ирреальная, виртуальная* модальности; 2) **по ориентации на структуру речевого акта** (отправитель-адресат-сообщение): а) модальности *ментального, эмотивного и волитивного* состояния говорящего; б) *межличностная* модальность с ее аспектами отношения к собеседнику (*учтливости, оскорбления, нравоучения* и т.п.); в) *кваликативные разновидности* модальности по отношению к сообщаемому (степень *достоверности, оценочности* и др.); 3) **по ориентации на смысловую организацию предложения**: а) *диктумная*, или внутренняя, модальность, б) *модусная* (внешней рамки) модальность; 4) **по средствам выражения модальности**: *лексическая* (наименований, образная); *грамматическая*, в т.ч. морфологическая (с учетом модальности наклонения, глагольная, междометий, частиц, вводно-модальных слов); *синтаксическая* (объективно-относительная и субъективная), *коммуникативная* (утверждения, отрицания, вопроса, приказа, просьбы и т.п.), *текстовая* (в том числе *риторическая*)¹⁰. Отметим здесь *идеологически превращенный* характер модальности и модализации в газетном дискурсе: они служат процессу эффективного внедрения означиваемого конструкта (риторической формы идеологии) в общественное сознание. Немаловажное значение имеет в этом ракурсе понятие «*о п е р а ц и о н а л ь н о г о м о д у с а*»¹¹, которое может рассматриваться как **способ операций со знаком в психологическом механизме «самоуправления деятельностью»** [ср. Вагапова 1998].

Обозначим некоторые получившие известность представления, связанные с общим термином *модус*, переходя к его операциональному толкованию.

Понятие «модус» имеет богатую историю и уже сложившуюся традицию научных трактовок в процессе осмысления, начиная с Аристотеля [Аристотель 1978; Балли 1961; Шмелева 1988; Бокадорова 2000; Зеленщиков 1997; Арутюнова 1999 : 403-439 и др.]. В этимологии слова (лат. *modus* – мера, способ) усматривается общая связь понятия с представлением о разумной деятельности субъекта (сравните также лат. *modus vivendi* и *modus operandi*). Категория *Модус* получила многостороннюю трактовку в разных науках, связанных с изучением работы сознания: в логике (философии), в психологии и особенно в лингвистике, где модус рассматривается

в нескольких направлениях логического анализа языка — в теории смысловой организации предложения, в теории речевых актов и лексической семантике.

По Б. Расселу, модус — все то, что может быть квалифицировано как состояние сознания говорящего (или субъекта установки): источник знания и мнения, цель сообщения, эмоции и желания, степень уверенности и т.п. В исследовании функционирования языка как средства познания говорится и о «формальном модусе речи» [Рассел 1999 : 157]. В психологии модус — это субъектная реальность личности, которой присущи переменные во времени свойства [Гагин 2004]. Согласно субъектно ориентированной теории Ш. Балли, полный модус — это модальный субъект + модальность в качестве коррелята «психической операции». В модальности больше выражен аспект *отношения*, а в модусе, помимо этого, актуализируется само *лицо говорящего* с его ролевыми функциями, с *его точкой зрения и настроениями операционального предпочтения*. В лингвистике, со своей стороны изучающей работу сознания, модус — это как бы превращенная и стабильная форма мыслительной практики. Когда модус мыслится в качестве операциональной категории, **он ответственен за выбор формы и способа взаимодействия субъекта с объектом** (действительностью). И это уже новый этап в понимании взаимной связи и обусловленности явлений общественной практики в языке.

В грамматике операциональный аспект связывается с функцией модальной рамки сообщаемого и с представлением о содержании речевого действия. Для анализа механизма оппозитивного смыслообразования важно, что модус выступает как своего рода квалификатор пропозиции. **Он включает ментальное и психическое** («интенциональное») **состояние субъекта речи, направленное на положение дел**. Модус составляет содержание «оценки» (в широком смысле) пропозиционального содержания высказывания; выступает как один из мотивирующих факторов, образуя основу продуцирования речи. В метаязыке семантического синтаксиса модус считается одним из двух понятий смысловой структуры предложения как постоянный сопровождающий пропозиции (*диктума*). Пропозиция является «сценой» реализации семантических ролей, выполняемых актантами предложения (агенса, пациенс). При этом *«все многочисленные аспекты семантики — эмотивность, оценочность, темпоральность, модальность, референциальность и т.п. — высказывания, которые так или иначе связаны с возможными формальными преобразованиями предложения и способами его использования, не нарушающими его пропозициональное значение, относятся к модусу»* [Зеленщиков 1997 : 101; курсив наш. — Т. К.].

Особый статус имеет операциональный модус в лексической

семантике. В лексемах мышление способно приобретать концептуально отчетливый характер благодаря наличию когнитивных значений и стереотипам словоупотребления (сильному импликационалу значения)¹². В дополнение к интенционалу и импликационалу значения выявляются прагматические и коммуникативные типы лексического значения. Они образуются как дополнительные аспекты основного понятия (каким является, например, основное значение слова «большевизм»). Знак, употребленный с модусом приятия или неприятия, приобретает новое значение. Согласно М. В. Никитину, **дополнительные значения возникают как «операциональные модусы» основного понятия**. В сущности, это «формы структурирования целостного знания для операциональных целей», подчеркивает М. В. Никитин [1996 : 80]. В контексте представлений о нормах социальных отношений и о характере их нарушений в разное время лексема оказывается местом встречи и проявления разных сем. Французская семиотика относит лексему к явлениям событийного порядка, относящимся к истории. Это приводит к тому, что «в ходе исторического процесса лексемы обогащаются новыми семами» [Греймас 2004 : 53].

Методология операционализма больше всего выразилась в концепции речевой структуры т е к с т а как стратегии поведения говорящего для выполнения задач сообщения. На уровне текста говорящий выбирает нужный модус речевого действия — по сути, он выбирает оперативный прием использования языковых средств сообразно типовым целям сообщения (это могут быть модусные операции *полагания, волеизъявления* или способы обращения с языком для формирования типового *предметного описания, событийного повествования, практического рассуждения*; вспомогательные операции, отвечающие за формирование связей в процессе общения — *метатекст, сентенция, перформатив* и т.п.). В любом случае речь идет об инструментальных действиях с использованием фрагментов знания, опыта и языка в целях построения заданной идеологии текста. Совокупность таких операций предстает как стереотипная форма речевого поведения субъекта, соответствующая его коммуникативно-речевой стратегии. Это позволяет другой стороне — получателю сообщения, определенным образом интерпретировать текст.

Для прагмалингвистики, с ее коммуникативной направленностью, момент эффективной стереотипизации в процессе общения является одним из решающих. Важно отметить: операциональные модусы могут быть рассмотрены и в когнитивном (мыслительном), и в формальном аспектах. С одной стороны, это известные модусы ментальных действий говорящего, демонстрирующие активно-созидательную работу его сознания по формированию сообщения.

Но в то же время модусы – это и воплощенные типовые формы, возникающие на функциональной основе для операциональных целей. Они демонстрируют *КАК-компонент* формы текста и, в конечном счете, образуют его модальную характеристику.

В чем же состоит **отличие дискурсного анализа** от обычного речевого? Как утверждают разные научные источники, отличие это связано с «опровержением всякой узкокоммуникативной концепции языка» [М. Пешё; Серию 1999 : 34]. Исследователь не должен быть сосредоточен на речи, производимой субъектом в рамках конкретной коммуникативной ситуации. Ведь дискурс определяется как «понятие, которое нельзя смешивать ни с эмпирической речью, ни с текстом» [Там же]. Сходной позиции придерживаются российские ученые, исследующие дискурс [см. кол. моногр. Язык средств массовой информации 2008; раздел «Когнитивный аспект исследования языка СМИ]. Понятие коммуникативной интенции говорящего (центральное, как отмечается, для прагматического анализа) отходит на задний план при анализе дискурса. На переднем плане социальный контекст. «Коммуникативное значение понимается как контекстуализированное социальное значение, реализуемое и идентифицируемое только благодаря тому, что участники обладают общими знаниями и навыками в рамках известного им контекста» [Кубрякова, Цурикова 2008 : 201]. Рассматривая дискурс как проявление социальной деятельности человека (с позиций «интеракционной социолингвистики»), авторы коллективной монографии подчеркивают необходимость анализа «*универсально понимаемого «глобального» социального контекста* коммуникации, где актуализируются *«интерактивные фреймы»* взаимодействия» [Там же; курсив наш. – Т. К.].

Нельзя не сказать о своеобразии категории «*т о ч к а з р е н и я*» в дискурсе¹³. Эпистемическое и особенно аксиологическое видение прямо зависит от точки зрения, с которой ведется наблюдение. Вообще говоря, *точка зрения* понятие логико-психологическое. Но в области искусств оно связано с так называемым авторским «видением». У художников есть расхожее выражение ТАК ВИЖУ, что в сфере творчества равнозначно ментально-психологическому ТАК ПОНИМАЮ или ТАК ХОЧУ. В высказывании мы имеем дело уже с последствиями точки зрения. Сравните: «Больше всего жалею, что *58 лет провел в тюрьме*, именуемой соцлагерем» (Коммерсантъ). Связанная с идеологией, «дискурсная формация» определяется **историческими условиями**, базируется «**на силовых отношениях**» и принадлежит «**определенной конъюнктуре**» [ср. Серию 1999а : 45].

Не модальность, а именно **точка зрения определяет интерпретацию объекта субъектом** (модальность лишь управляет этим

процессом). При этом идеологическая «точка зрения» обозначает способ существования текстов в дискурсе как явления скорее автономного по отношению к говорящему. Этот способ существования подразумевает извне заданный идеологический проект и ограничения, настроенную «оптику» рассмотрения объекта и актуализационные возможности формы. В ментально-психологическом поле дискурса «точка зрения» – понятие довольно условное, так как абстрактен сам «идеологический субъект». Во-первых, в идеологическом дискурсе речь идет о *воображаемом* объекте с *позиции властного участника общения*, а не о физической реальности. Точка зрения может лишь фиксировать *основание* и *сферу оценки* – классовую, этническую, правовую, торгово-экономическую, комическую, морально-нравственную и проч. Во вторых, между субъектом языка и субъектом идеологии существует не тождество, а зависимость (симптоматическое отношение): в том или ином построении язык служит дискурсу как «специфическое материальное воплощение дискурса»; дискурс в свою очередь определяется как «специфическое материальное воплощение идеологии» [Квадратура 1999 : 211]. В жесткой рамке пресуппозиции точка зрения существует вместе с субъектом идеологии и способна определять в тексте направление смыслового означивания. Но при этом субъект языка-речи не находится в центре анализа, а текст может анализироваться лишь в рамках системы ценностных установок, имеющих единый смысл для интерпретаторов.

Обратимся к способам материального воплощения идеологических оппозиций в газетном дискурсе, опираясь на модусные значения в структуре высказываний.

4.2.2. Модализация, интенциональность и роль модусных значений в оппозитивном дискурсе

Для изучения особенностей отображения «картины мира» в языке необходимо прежде всего понимание важности процессов номинации и предикации как основных для порождения оппозитивной речи в определенном контексте. В конкретном высказывании номинации и в целом пропозиция имеют своих референтов и свою референцию в структуре действительности. *Референцию* определяют как ту информацию, которую имя сообщает слушателю. Исходят из существования двух уровней референции – уровня внутренних потенциальных свойств лексической единицы и уровня актуальной референции в речевых актах [Николаева 1987 : 121].

Актуальное реферирование считается мысленным действием говорящих, а не выражением. «Референция наряду с предикацией составляет основу языковой коммуникации. Используя языковые

единицы, мы, во-первых, осуществляем референцию к внеязыковым объектам, а во-вторых, приписываем (преддицируем) им какие-то свойства» [Шмелев 2002 : 16]. При этом «именно оценка определяет то, что данное предметное значение вошло в кругозор говорящих» [Волошинов 1995 : 324]. Референция и оценка связаны в ментально-психологическом поле газетного дискурса. Причем референция создается не только референцией предметных наименований (термов), но и референцией компонентов с пропозициональным значением, которые в нашем материале соотносятся с фактами, событиями, ситуациями, вызывающими неприятие ИС газеты. Например:

- **Бывшие чиновники, денационализировавшие, деморализовавшие, насаждавшие невежество и грабившие Польшу, возвращаются сюда массами, а за ними тянутся другие,** знающие лишь понаслышке, как удивительно приятен и наивно терпим польский край (ВР).

- *Был принят целый ряд полицейских мер. Председательская трибуна была окружена охраной* из латышей, а позади слушателей **размещены группы красноармейцев.** У входа в дом Урицкого, где происходил митинг, **стояли наготове два броневика.** По закрытии митинга **все выступавшие были арестованы** (ВР 1919, 24 сент.).

Как видно из примеров, предикаты диктума выражают объективную информацию. Это глаголы акционального подкласса с его семантическими разрядами физического действия, перемещения, речевого действия, социальных интересубъектных действий. Но вместе с ними в речь вводится смысл и возникает целенаправленное высказывание, к которому может быть применен критерий идеологической оценки с концептом приятие/неприятие. Говоря об интенциональности речевых утверждений, британский философ Б. Рассел отмечал: «*Анализ убежденности как состояния ее носителя* не включает понятия «истины» и «лжи»; поскольку мы рассматриваем убежденность с субъективной стороны, нам следует рассматривать предложения только как «выражающие» состояния тех, кто их употребляет. Но сказанное только *часть цели* использования предложения в изъявительном наклонении; *другая цель* состоит в том, чтобы «указывать» на один и более фактов, которые вообще-то не являются состояниями личности, произносящей предложение» [Рассел 1999 : 184; курсив наш. — Т. К.]. Следовательно, утверждение имеет две стороны: субъективную и объективную. Субъективно утверждение «выражает» **состояние сознания говорящего, которое принято называть «мнением».** С позиций эпистемологии, можно говорить о *двух идеологических функциях предикатов и в целом диктума* — о сигнификативной (*интерпретирующей*) функции, о дейктической (*акцентирующей*) функции. В то же время нельзя упускать из виду специфику дискурсного подхода

к анализу текстов как явлений, обусловленных **ментальностью, культурой, идеологией.**

«Ментальность» (экзистенция) создается из мысли, так же как сущность духовности — из духа, а мир культуры — из культа [Колесов 2002 : 397]. В философии понятие «экзистенция» связывается с понятием **п р е д и к а ц и я** (Э. Мах, А. Дж. Айер, Б. Рассел, Э. Гуссерль, Ж.-П. Сартр, А. Ф. Лосев; из лингвистов — Ю. С. Степанов, В. В. Колесов)¹⁴. Пространственно-временные координаты говорящего (актуализационная модальная рамка «здесь-сейчас») неразрывно связаны с предикацией. В соответствии с идеологическим пониманием модализации находится функция предиката с его способностью образовывать смысл высказывания *под диктатом* концепта «приятие»/«неприятие». Ведь предикаты соответствуют не «вещам», а «отношениям». Само понятие предиката влечет за собой «идею всеобщей связи “фактов” в мире и связи “выражений” в языке» [Степанов 2010 : 129]. Предикаты выступают как особые семантические сущности языка, которые типизируются не в форме словарных единиц, глаголов, а в форме *пропозициональных функций* и соответствующих им *схем* предложений. В этом смысле актуализационные категории модуса в структуре синтаксической организации предложения включаются, чтобы отобразить состояние мира, причем **не только внешнего, но и внутреннего**¹⁵. «Предикат сущностно всегда понимался как некое совпадение «внешних», объективных отношений, существующих в мире, и «внутренних» отношений, существующих в акте предикации в нашем сознании» [Степанов 2010 : 139]. Физическое и психическое, объективное и субъективное в определенные моменты (то есть в речи) содержат общие элементы; *предикация осознавалась как связь и момент этой общности.* В рамках феноменологии Э. Гуссерль включил понятие предикации в систему понятий «жизненного мира» человека, мира «непосредственных мнений» [Там же 2010 : 140], в котором чувствование отождествляется с самой жизнью.

В трактовке понятий «ментальное состояние», «модализация», «картина мира» мы придерживаемся синтезирующих психологическую природу порождения речи взглядов А.-Ж. Греймаса и Ж. Фонтанья [2007]. Подчеркнем основное. **М е н т а л ь н о е с о с т о я н и е** понимается как «*состояние вещей*» в трансформируемом субъектом мире; но это также и «*состояние души*» *субъекта-оператора*, который готов к действию, и *само переживание отношения* в различных аспектах и трансформациях. Ментальное состояние уже предполагает концептуальную структуру и код, предшествующие речи. Эмоции, согласно данным психолингвистики, выступают как «наиболее глубокие формы категоризации, определяющие общие контуры выстраиваемого сознанием концептуального

образа мира» [Оптимизация речевого воздействия 1990 : 24]. *Переживание отношения выражается в модализации субъекта (ИС) через модализацию объекта (Россия) и вкладывается, благодаря языку, в дискурс* (в речь и в тексты).

Ранее говорилось об оппозитивной модализации сознания во внутреннем поле зависимости (с его идеологическим прекопструктом и ментальностью), о модальных концептах «приятие»/«неприятие» как о дотекстовых составляющих идеологической пресуппозиции (см. разделы 1.2.3, 1.2.4 и 4.1). Теперь необходимо объяснить, как понимается модализация и модалность применительно к *речевой ипостаси* дискурса.

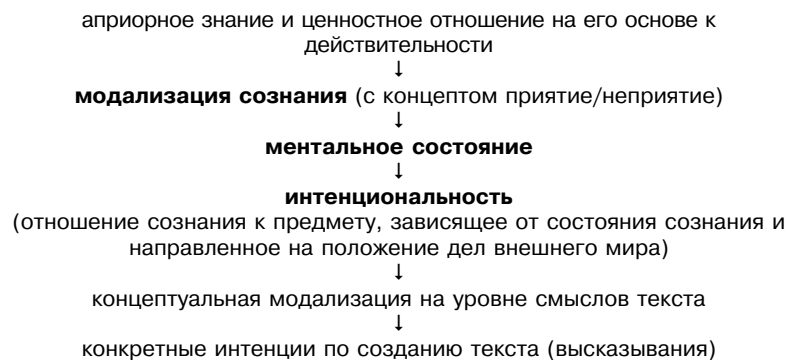
Область модальных категорий так мало изучена, что до некоторых пор полагались в основном на предикат, на перечни модальных глаголов и эксплицитный модус в духе Ш. Балли. Теперь можно говорить о модализации и в узком, и в широком смысле. В узком смысле модализация включает в себя то, что традиционно называется модалностью (знание, хотение, долженствование, возможность-невозможность, уверенность-неуверенность и т.п.). Все известные нам модалности происходят из рациональной категоризации и составляют, таким образом, *модальные структуры* – часть инструментария «семиотики страстей» и способа интерпретации происходящего [Греймас, Фонтаний 2007]. Другая же часть, если понимать модализацию в широком смысле, – это наблюдаемые на уровне поверхностных нарративных структур *модальные устройства*, охватывающие прагматическую и когнитивную области. Устройства эти – пересечение множества структур, «путь от одной модализации к другой в течение всего синтаксического развертывания устройств». В силу этого «предикат может быть сверх-детерминирован» [Там же 2007 : 25]. Его идеологическое означивание может передаваться несколькими модусными категориями – актуализационными, квалификативно-оценочными, социальными.

Так, в следующем высказывании грамматическая модалность предиката событийного действия (семантика обыденного настоящего в форме несомн. вида глагола) интенционально сопряжена с модалностью обвинения: «...**слышат** выстрелы на Софийской площади и на окраинах подола. Это – ваши ярые «співробітнікі» **раствреливают** ни в чем не повинных людей, попавших к ним в руки». Модалная нагрузка определяет сначала предикат в его связывающей функции, а затем она способна распределяться, вкладываясь в каждую актантажную позицию: в наименование агенса («ваши ярые «співробітнікі») или пациенса («ни в чем не повинных людей»). Таким образом, к инструментарию модализации, помимо *наименований*, относятся *актанты* и *характер предикации* (агенса, пациенса и производимое действие). Иначе говоря, их концептуаль-

ное объединение, *интерпретация*¹⁶ (подробнее в 5.1). Актантные категории в их ролевой семантике, характер их обозначения в целом носят модалный характер и способны наделять собственным модалным статусом сообщение как «зрелище» (spectacle). Сама структура сообщения предписывает определенное видение мира [Греймас 2004 : 190-192]. Оно прямо связано с эпистемическим состоянием сознания того, кто говорит, а затем и того, кто воспринимает речь [ср. также: Арутюнова 1998 : 420].

В междисциплинарных исследованиях, связавших в процессе разработки «теории речевых актов» лингвистическую философию и психологию, интенциональность относят к свойству многих ментальных состояний субъекта речи. Один и тот же объект может становиться разными предметами в зависимости от типа сознания: воспринимают этот предмет или судят о нем, ненавидят его или любят и т.п. В этом смысле говорят об «интенциональном существовании предмета внутри душевного акта» (Ф. Brentano, Э. Гуссерль)¹⁷. Отношение сознания к предмету может принимать различные модификации, зависящие уже не от предмета – от состояния сознания. В этой связи различают виды или «модусы интенциональности». Под этим названием Э. Гуссерль ввел, по существу, «субъективные модусы значения» [Степанов 2010 : 204], а М. М. Бахтин/В. Н. Волошинов отнесли такие значения к роду жизненных, психико-идеологических смыслов в составе социологической структуры высказывания [Волошинов 1995 : 73, 75, 84, 151, 163-169, 221-228, 315]. Очевидно и другое: проблема интенциональных актов относится к проблеме описания модалностей, которые известны под именем «пропозициональных установок» (типа «Он считает, что...»). По Э. Гуссерлю, не только языковое высказывание, но и любое познавательное «переживание» (восприятие, представление предмета) включает в себе «значение», «смысл». Следовательно, *само значение слова, высказывания в дискурсе определяется тем, что в «переживании» заключено отношение к предмету*¹⁸. Такое значение связывается с целью говорящего, так как является результатом его действий. Следует добавить: на уровне дискурс-анализа важен не столько даже фактор значения слова, сколько его иллюкативная сила – *эффект значимости, выделенности образованного смысла*, «матрицей» которого (местом образования) является дискурсная формация [ср.: Квадратура 1999 : 266].

В ментально-психологическом поле оппозитивного дискурса дотекстовый этап модализации высказываний можно представить как идеологически и психологически детерминированное пропозициональное отношение. Оно складывается на уровне сознания с учетом зависимостей в поле внутреннего.

Предикаты модуса выступают как явно выраженное или неявное пропозициональное отношение, организующее смысловую направленность речи. Экспликация неявного входит в задачи дискурсного анализа. По Балли, модус – психическая операция, производимая мыслящим субъектом над представлением, содержащимся в диктуме. Поэтому в речевой ткани встречается немало смешанных модально-диктальных форм, которые можно считать результатом модализации диктума. Эти формы имеют отношение и к номинациям, и к предикативным связям. Выделим несколько смешанных форм предикатов диктума с квалификативной модальностью рациональной оценки.

- Субъектно ориентированная модальность, мотивирующая в контексте высказывания политическую деятельность, «вклинивается» в диктум сообщаемого, когда находится во вспомогательной части у глагола: *«Главный принцип политики французского правительства по этим вопросам про д и к т о в а н ж е л а н и е м действовать в полном согласии со всеми союзниками» (РД).*

- Квалификативная модальность включается в диктум в форме прилагательного, выражающего оппозитивное суждение или оценку, в т.ч. в составе предиката полемической чужой речи: *«Но Ленин невозмутимо продолжал: “Когда я буду казнен, весь мир увидит, что я был прав”» (ВР).*

- Сложнее случай, когда предикативное прилагательное совмещает значения объективного качества и оппозитивной оценки. Например: *«В их [вождей большевиков] руках имеются не только номера журнала московской Чрезвычайной комиссии, о которых мы говорим, но и очень много других документов, которых у нас нет. Обо всем этом они знают гораздо подробнее и обстоятельнее, чем мы. ... и они делают это вполне сознательно» (ОД).*

Теперь в лингвистике уже не оспаривается вывод: *наклонение диктума выполняет назначение модуса.* Актуализационная (грам-

матическая) модальность присутствует в диктуме, имплицитно отражая ментальное состояние говорящего. Балли назвал эту модальность *de re* (относящейся к действительности, с точки зрения говорящего), а наши советские грамматик, затемняя человеческую суть модальности, обозначили ее без всяких оговорок идеологемой «объективная». Если модус не эксплицирован, пропозициональное отношение может быть восстановлено в дискурсе, в контексте речи. Ведь лицо говорящего и его субъективность всегда присутствуют как «способность говорящего присваивать себе язык в процессе его применения» (Э. Бенвенист). В самом языке в виде особой черты его устройства выступают целые классы языковых элементов, которые имеют особую референтную соотнесенность, или, если пользоваться специальным термином Э. Бенвениста, являются «аутореференционными»¹⁹.

Вопрос о смыслообразовании в модализованном переживании событий дискурсе о России переключает внимание исследователя на взаимосвязанные в когнитивном подходе к анализу материала понятия «эксплицитный модус» и «модальность». Насыщенный оценками и мнениями дискурс о России дает множество примеров **открытой идеологической позиции** субъектов высказывания.

Эксплицитный модус в отношении к идеологическому субъекту дискурса. Проблема с разграничением диктума/модуса существует, когда прагматика не поддерживает жесткого разграничения семантики: не отделяет субъекта речи от его суждения. Для того чтобы это произошло, необходимы особые обстоятельства, которые возникают в условиях лично ориентированной речевой «войны» в апеллятивно настроенной коммуникации.

Обособленный от диктума эксплицитный модус порождается полемикой, внутренним или явным диалогом. Во внутренней речи модус полагания не эксплицируется. В полемике и диалоге с противником он эксплицирован (*думаю, полагаю, считаю, что...*) в силу того, что подразумевает диалогический ответ (или вызов) собеседнику, апелляцию к его мнению. Сравните: *... что касается Владивостока, я не думаю, чтобы это был большевистский город... Это город офицеров, крупных промышленников и буржуазии.* Таким образом, если адресат выражает реакцию несогласия, то его высказывание **оппозитивно и двумодально**: оно содержит утверждение, модус которого противоположен модусу утверждения со стороны собеседника (модальности взаимоисключают друг друга). Подобные высказывания объединяют разные точки зрения, позицию говорящего и «д р у г о г о».

Количество модальностей возрастает в полипропозитивном высказывании, где модальности сменяют друг друга: *«Мы с ужасом*

и негодованием отворачиваемся от озверевших, разнузданных палачей-убийц наших детей и верим, что наше осуждение поддержит вся честная, сознательная Россия» (НГ). В примере выявляются четыре модальности, включая схемную: 1) эмотивная в модусе психической реакции, 2) модальность веры и 3) социальной оценки, 4) модальность предикатно-аргументной структуры с семантикой насилия. Учтем, что схема пропозиции может подразумевать скрытую оценочность морального противоположения («палачи-убийцы» / «дети»).

Как известно, к традиционным средствам выражения модусной семантики относятся лексические и морфологические средства (оценочные наименования, модальные и вводно-модальные слова), синтаксические средства (вводные предложения, сложно-подчиненные конструкции с придаточным изъяснительным). Выделяются и отдельные модусные предложения, выступающие самостоятельно в составе текста²⁰. Их таксономия определяется по субъектам [Степанов 1981 : 162 и сл.]. Это те случаи, когда содержание метааспекта может быть отчуждено от него самого и оформиться в виде отдельных предложений-метавысказываний, получивших в лингвистике обозначение «я-предложения» (предложения от лица говорящего типа **Я согласен с вами; Нас это не удивляет**); «он-предложения» (субъектом выступает «третье лицо»: **Каждый должен себя спросить, что он может сделать, чтобы...**). Предложения с **каждый** являются травестированными предложениями с квантором общности [Там же 1981 : 170]. Мы бы выделили в этом случае и «все-предложения», часто встречающиеся в полемическом ЭГ-дискурсе (**Все были убеждены в оправдании героя**)²¹. По причине высокой частотности кванторного слова *все* в газете ему посвящен специальный раздел главы 5-й.

Видоизменение основной эксплицитной формы выражения диктума и модуса приводит к сокращению объема синтаксической конструкции, поэтому в дискурсе встречаются номинализованные формы предложений с диктумом и модусом. Сравните: *Его речь была принята громкими криками недовольства* (~ Толпа была недовольна тем, что...); *наше осуждение поддержит вся Россия* (~ Мы осуждаем, считая, что ...). В таких предложениях, во-первых, сокращены известные из контекста идеологические мотивировки, во-вторых, синтаксическое обособление модуса от диктума утрачивается, хотя сохраняется их эксплицитно выраженное в лексике взаимодействие смысловое.

Благодаря предикатам модуса (модальным глаголам *не хочу, приказал, может, рад* или предикативам типа *необходимо, удивительно, печально*), посредством грамматической связи актуализируются представления, особенно значимые для идеологического субъекта оппозиции.

• А буржуи **радуются**, смотря [= **рады тому, что...**] на остервеневших рабочих, готовых зубами впиться в горло такого же несчастного... **Когда же ты, брат** рабочий, **поймешь, кто** твой истинный враг и **бросишься на него...**? (ГТ)

• Единственное, что мы **можем и должны** сделать — это **покончить** с профессиональными союзами **и объединить всех** доковых рабочих в один Индустриальный Союз (ГТ).

В семантике *модального предиката* находят, что это предикат события, оценивающий его осуществимость и указывающий модус его осуществления. Сравните суждение М. В. Никитина о модальном предикате: «Он относится не просто к какому-либо предикату реального признака, а к экспликационной структуре вещь-признак, отмечая умственный (ментальный) характер признакового отношения и указывая модус его осуществления» [Никитин 1997 : 439-440].

Эксплицитный модус, как отмечалось, порожден диалогом. Он выражает отношение говорящего к реплике собеседника, реальной и предполагаемой. Например, начиная высказывание с *Ясно, что...* (*Очевидно, что...*), говорящий хочет предупредить попытку возражения со стороны собеседника. Отсюда же стремление к усилителям смысла в высказываниях с явным модусом. *Можно сказать решительно, что... Необходимо, стало быть, чтобы...* При этом модальные и кванторные усилители появляются в обеих частях идеологического противоположения. Сравните: «*В се понимают, что нельзя быть голым... от каких бы то ни было моральных и идейных принципов. Но было бы крупной ошибкой в её валить на большевиков*» (НГ).

В оппозитивном дискурсе с развернутым по мотивированности и открытым для выражения эмотивности ментально-психологическим полем внутреннего **встречаются все группы эксплицитных модусов**: перцептивные, ментальные, эмотивные, волитивные. Разграничение это условное. В значении предикатов пропозициональной, эмотивными и волеизъявительными.

Модусы, относящиеся к плану *чувственного* восприятия (*видеть, слышать, замечать, ощущать*), показательны для новостного дискурса. Их резульативная констатирующая семантика в новостях связана с восприятием сообщений из разных источников и свидетельствами очевидцев (раздел 3.2). Зрительное восприятие событий важно для производства новости, так как оно совместимо с достоверным знанием. Судя по исследованиям, концепт запечатлевается в образах: это одна из первых стадий его существования в сознании — психологически представленная [Колесов 2002 : 53]. Перцептивные данные играют большую роль в установлении ис-

тины, причем очевидец всегда ценится больше, чем «слуш». Кроме того, восприятие не отделено от таких ментальных операций, как отождествление, интерпретация, извлечение импликаций и др. Глаголы чувственного восприятия предрасположены к развитию эпистемических смыслов: *Трудно разобраться в отрывочных известиях, полученных нами из Сибири. ...Но для нас во всяком случае ясно, что в Сибири произошло что-то очень печальное* (ОД). Следует учесть, что зафиксированное в новостях восприятие поставлено в зависимость от сложившихся концептов идеологии в газете²². И все же целая серия убеждающих модальных слов базируется на значениях зрительного восприятия, таких, как «по-видимому», «как видно», «как я вижу», «очевидно», «ясно». Сравните: *«Нет, – в этом взрыве зоологических инстинктов я не вижу ярко выраженных элементов социальной революции. Это русский бунт без социалистов по духу, без участия социалистической психологии»* (НГ); *«...ясно стало, что большевизм эпидемия опасная даже в Америке»* (НГ).

Больше всего эксплицитных предикатов модуса в ЭГ-дискурсе относится к ментальному плану. Эпистемические модусы, выражающие мнение, во множестве встречаются в информационных материалах для введения чужих сообщений (*думать, полагать, считать, казаться* и др.), а также в аналитических жанрах. В последних также встречаются модусы допущения, сомнения (*возможно, может быть, сомнительно*) и модус с концептом истинностной оценки (*правда, ложь, верно, неверно, невозможно*), а также модус знания, вводящий верифицированную пропозицию, в т.ч. номинализованную (*знать, быть известным* и т.п.). Нередко модус знания включает такие акцентированные детали факта, на которые газета хочет обратить внимание читателя с определенной интенцией: вывод делай сам. При этом модус знания помещается в н у т р и э м о т и в н о г о модуса, отражая неоднозначную реакцию субъекта мнения на противоречивость происходящего. Сравните:

Л ю б о п ы т н о также, что **прекращение** со стороны союзников активной борьбы с большевиками **совпадает с речами Вильсона** во время его агитационного объезда Штатов, где он, клеймя большевизм и называя его жесточайшей тиранией ничтожной кучки людей над многомиллионным народом, торжественно обещал приложить все усилия, чтобы не допустить в Соединенные штаты господства меньшинства над большинством (ВР 1919, 25 сент.).

Модус незнания используется для введения предположений (*Мы недостаточно информированы, чтобы знать истинные размеры недовольства, но согласимся предположить, что...*), а модус умолчания для подчеркивания экстраординарности ситуации. При этом оппозиции могут быть образованы не только суждениями, но и модусами. Сравните:

Затем он задал вопрос, который **сильно удивил** меня, не своим содержанием, а больше **манерой, с которой был задан**. «Как скоро можно ожидать революцию в Америке — был вопрос. **В его тоне слышалась уверенность**; он не спросил меня, возможна ли революция в Америке, но **когда; как будто он не сомневался, что** когда-нибудь красный флаг будет развеваться в Вашингтоне. **Я не ответил**. (ГТ 1919, 8 февр.; разрядка наша. — Т. К.).

В дискурсе эпистемическое видение нередко искажается под влиянием предубеждений, настроения или эмоций говорящих. Другими словами, человек видит то, что хочет видеть (и вовсе не видит того, чего не хочет или не может заметить). Ниже приводятся примеры убеждений, соответствующие антибольшевистской позиции субъектов высказываний. Но эта убежденность в пылу полемики отличается разным видением объекта.

• **Элементарнейшая истина, что террором нельзя бесконечно угнетать народ, что кражи и грабеж не могут долго являться правительственной системой. Наступает момент,** когда пострадавшее от лишений и анархии **население восстает и всеми средствами стремится свергнуть иго притеснителей** (НГ).

• **Вывод ясен:** так как Советы имеют оружие или, вернее — **так как Советы есть политическое представительство пехоты, конницы и артиллерии, то они всегда окажутся хозяевами положения** (НГ 1918, 28 марта).

Убеждающее высказывание чаще всего начинается с эксплицитного модуса знания или с эксплицитного мнения, которое выдается за общепризнанное. Такая речевая тактика связана с прагматическими задачами. Например, 1) побудить адресата к активным действиям, 2) нейтрализовать попытку оспорить суждение. Примеры из газеты «Голос труженика»: (1) *Мы знаем, что капитализм должен умереть, но умрет ли он, если рабочий класс не будет организован?* (2) *Само собой понятно, что большевики не могут проявлять той жестокости, которую проявляли и проявляют мировые плутократы...*

Скажем об одной общей особенности высказываний с эксплицитным модусом. В ходе обмена мнениями (модальный диалог) категории знания, сомнения, убежденности, оценки, допущения, психической реакции ассоциируются с ответной репликой и составляют основной пласт предикатов, обслуживающих так называемое *то-что*-значение. По замечанию Н. Д. Арутюновой, предложения с *то-что*-субъектом образуют такой вид сложных предложений, который подчинен не столько нуждам выражения мысли, умозаключения, сколько задаче опровержения или исправления чужого мнения [Арутюнова 1999 : 439].

Брошенная 25 сентября бомба в Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Коммунистов **ясно доказывает** [то], что настал момент всеобщего восстания, момент освобождения от небывалого ига комиссародержавия, что уже пора отдать насильников воли русского народа под суд. **И горе тем, уши коих не слышат, а глаза не видят** [то], что совершается вокруг, ибо грядет хозяин земли русской Учредительное собрание и потребует к отчету сынов родины (В. С.-З. арм. 1919, 8 окт.)

Модусы э м о т и в н о г о плана (эмоционального состояния, отношения, или психической реакции) выражаются словами разной грамматической природы: предикативами (*грустно, жаль, приятно, противно*), краткими прилагательными и причастиями (*рад, огорчен*), возвратными и невозвратными глаголами (*жалеть, сожалеть, бояться, опасаться*). Но и здесь когнитивный компонент первичен относительно эмотивного: **И до ужаса тяжело при мысли о том, от чьей руки, от чьего удара падали на камни уличной мостовой эти жертвы (НГ)**. Добавим также, что психические реакции в своих весьма текучих и зыбких формах выражаются разнородными лексико-синтаксическими структурами.

К в о л и т и в н о м у плану относятся модусы желания и волеизъявления (*хотеть, требовать, приказано*), необходимости (*необходимо, нужно*). «Волитивная» интерпретация враждебного образа мыслей, осуществляющего акт выбора, сближает в альтернативную оппозицию ментальные и практические действия. В примере ниже противоположение риторического и практического в содержании речи противника образовало речевую оппозицию, реализующую представление о циничности и агрессивности «планирующей» деятельности большевиков.

Есть два выхода, сказал он недавно на тайном заседании коммунистов. Выход первый — **умереть с честью**, но это мы предоставим политическим мальчикам. Такие люди, как мы, не могут умереть, **хотя с музыкой и помпой, но глупо**. Выход второй: **уйти в подполье**. У нас есть неограниченное количество денег, есть остатки золота, есть много оружия <...> Надо очистить свои ряды. Надо оставить себе <...>. Власть безусловно захватит <...>; мы будем будировать, мы будем разрушать <...>. Мы воспитаем рабочие массы в нужном для нас духе (ВР 1919, 12 дек.).

Подспудный волитивный смысл такого высказывания легко вычитывается субъектом нормативного сознания: действие риторического типа предполагает нравственный закон, а действие практического типа — подкуп и агрессию.

В дискурсе модус волитивного плана, имеющий значение волеизъявления и необходимости, вводит придаточное с ирреальной модальностью. В порядке осведомления волитивная позиция

противника в дискурсе мотивируется его же словами (дискурс чужой речи), а на уровне *верховой идеологии* русской газеты (преконструкта) подвержена оппозитивному переосмыслению. Сравните уничижительный комментарий и следующую за ним в качестве иллюстрации чужую речь:

«...под рассуждения мракобесца весьма низкой пробы он подводит хитроумные рассуждения statist'a старой итальянской школы.

– **Душить русских необходимо, ибо** представив изгнанникам человеческие права, разрешив им иметь свою газету, учить детей в собственной школе, Польша рискует очень многим, пользуясь незнакомством держав Согласия с русско-польскими отношениями; заявят в свое время устами какого-нибудь Сазонова или Извольского перед мирным конгрессом претензию на признание Варшавы и Польши краем со смешанным населением, где русским должны быть признаны права национального меньшинства» (ВР 1919).

Завершая раздел о предикатах модуса, отметим терминологическую особенность в употреблении понятия *модус*. Оно гораздо шире понятия предикат, в то время как функция предиката более определена, чем функция модуса. Как уже говорилось, р а с ш и р е н и е п о н я т и й н о г о с о д е р ж а н и я т е р м и н о в в русле когнитивной лингвистики и прагматики — явление заметное. Сама прагматика ближе к психологии и социологии, чем к логике и лингвистике. Обращалось внимание и на то, что подобно дискурсивному «прагматический подход понижает уровень лингвистического анализа, но он же делает лингвистический анализ более содержательным и углубленным» [Гак 1998 : 559].

В связи со сказанным приходится признать: мы сознательно повышаем статус понятия «когнитивный модус» до его представления как суперкатегории. Оно близко к понятию «воззрение» (по сл. под ред Д. Н. Ушакова: 'убеждение', 'точка зрения', 'образ мыслей'), но только в связи с конкретным характером высказывания в газете. Таким образом подчеркивается сложно организованный характер когнитивного модуса: он может включать *контекст* разных культурных *оппозиций* и *доминант*, связанных с реакциями русского сознания на события в России²³.

Для такого расширения основания в виде неоднократно испытанного в когнитивной лингвистике понятия р а м к а. Рамка подразумевает своего рода оболочку, ограничение определенной области по отношению к другой. Приведу пример. С принципом оппозиции связано проведенное Декартом деление мыслей на действия (волеизъявления) и страсти. Действия состоят из пропозиционального содержания (идеи) в окружении некоторой *волитивной ментальной рамки*, которая их укрепляет. В акты мысли

вовлечена воля, участвующая в механизмах утверждения и отрицания. Страсти души, или «пропозициональные страсти», как назвал их З. Вендлер, также состоят из идеи и *эмотивной рамки*, создаваемой страхом, надеждой, опасением и т.п. [ср. Арутюнова 1998 : 414]. Идеология отношения к большевизму в русской зарубежной печати определенно включена в известный модус интерпретации, находится в одной из трех действующих по диагонали дискурса рамок: в позиции притягивания, неприятия или нейтральной позиции к большевизму.

Вместе с тем общей чертой кризисного сознания выступает так называемый «негативизм».

4.2.3. Концепт «отрицание» в ментально-психологическом поле дискурса

По мнению психологов, главное для возникновения эмоций – наличие потребности в получении определенного результата и контраст, несоответствие между прогнозом и возможностью его реализации [Нечаева 1979 : 13]. В глубинной основе *идеология отрицания* – это внутреннее психическое переживание, становящееся внешним. Мир в эпоху кризиса имеет негативную окраску. Модализация состояния субъекта проходит через модализацию объектов. Потеря ценностного объекта равнозначна его исключению из круга жизни, его отрицанию. Сравните, из письма В. Засулич: «*России, которую я знала и любила, нет больше на свете*». Знак интенционален, то есть реализует намерение его отправителя. «Вещи и события продвигаются в сторону знака, когда за ними стоит намеренное их исполнение с целью актуализировать в сознании наблюдателя связанные с ними импликации» [Никитин 1997 : 11]. Сравните: «*Не удивляйтесь, что у меня ночь темная на душе, что отчаяние звучит в словах. Уже слишком много потеряно...*» (НГ 1918). Уделим внимание принципиальной для оппозитивного дискурса категории отрицания, имея в виду ее логический, языковой и психологический аспекты.

Отрицание считается одной из самых развитых категорий в истории философии, формальной логики. В логическом отношении оно включает такие понятия, как «отсутствие» и «различие» (концепция особой отрицательной реальности), как «знание об ином бытии» (концепция реальности, отличной от данной), как логический оператор, способ опровержения ложности высказанного суждения (концепция преодоления ложного знания), как субъективно-оценочная реакция, неодобрение мыслимого содержания (психологическая концепция отрицания), как элемент смысла суждения, имеющий объективное основание (содержательная концепция отри-

цания) [Бондаренко 1983; Кондаков 1975]. Отрицание становится главным процессом в преобразовании общества во всякую переходную эпоху: в глобальном смысле оно предполагает весь процесс перехода системы в иное качественное состояние и его результат.

В языке категория отрицания входит в разряд фундаментальных, сущностных в своем явлении дуализма. Отрицательное суждение активизирует противоположные представления. Всякий отрицательный смысл противопоставлен какому-то положительному и возможен только на его фоне. От ситуации зависит, активизировано ли значение противопоставления до степени противоборства идеологических смыслов. На фоне острых публикаций газеты «Общее дело», в условиях Гражданской войны и продолжительного ожидания помощи, Вл. Бурцев задает свой вопрос политическим союзникам, не принимая их позиции невмешательства (концептуальная оппозиция действие/бездействие + неприятие): *Кто вы, союзники нам или нет?* Так или иначе, единица языка способна выразить отрицание, если она входит в идеологическую структуру противоположения, увеличивая тем самым объем заданной информации за счет пресуппозиции.

Отрицательное предложение может не иметь непосредственной связи ни с ближайшим, ни с отдаленным речевым контекстом, но охватывающее обозначенную ситуацию значение противопоставления будет ему присуще: *Теперь этого уже никто не говорит* (~ раньше говорили). Формальные показатели отрицания в языке хорошо известны. Неформальное выражение отрицания имеет отношение к косвенным актам. В психологическом смысле, когда отрицание понимается как неприятие, возможности его выражения в речи практически не ограничены. В речи имплицитное отрицание связывается с семантической трактовкой оценки как аксиологической модальности [Вольф 2006 : 11 и сл.]. К скрытым способам выражения отрицания относится ирония: на уровне текста и подтекста отрицание выражается имплицитно, разводя на две категории (сообщение и содержание) общую структуру высказывания.

Считается, что *отрицательные* высказывания, как и *вопросительные*, более эмоциональны и экспрессивны, чем *утвердительные* высказывания. *Много ли теперь осталось от русского офицерства? Многие ли из них избежали страшного конца?* Модус вопроса подсказывает предикат ответа. Впрочем, и самый акт утверждения, согласно Г. Фреге, есть все-таки акт выбора того, что утверждается. И тогда «какого рода интересы лежат в основе того или иного способа выражения?» Ведь «каждый языковой элемент является очень сложным и чувствительным инструментом, на котором играет тот, кто пользуется языком» [Блакар 1987 : 91, 97]. Учитывая контрастную природу отрицания, мы часто имеем дело

с обычным способом ограничения какой-то смысловой перспективы или с торможением какого-либо встречного речевого действия, то есть своего рода противодействием. Сравните: «...основные идеи социалистического движения и идея классовой борьбы в русском развитии вошли **не как организующие, созидательные силы строительства, а только как разлагающие, разрушительные силы ниспровержения**» (П. Б. Струве).

По замечанию Гегеля, все, что существует, находится в отношении, и это отношение есть истина всякого существования. В речи явление отрицания не может быть «вещью в себе», оно связано с категорией цели и оценочностью. Оппозитивное отрицание, или *акцентированная модальность неприятия*, в публицистике вызвана потребностями социальной оценочности. Исследование лексики публицистического стиля, проведенное в свое время Г. Я. Солгаником, показало, что языковые средства в этой сфере взаимодействия подчинены выражению спектров социального отношения к сообщаемому, в том числе – выражению объективированной групповой оценки [Солганик 1976]. В публицистическом тексте оценка выступает как текстообразующая категория, отражающая социально осмысленное членение действительности [Захарова 1988]. **Концептуализированная отрицанием область психологического неприятия в модусе – ответное следствие общей модализации социального дискурса.** В то же время противоречия действительности отражаются в глубинной структуре отрицательных высказываний как некоторые виды противоречий логических. Поиск скрытых противоположений приводит к обнаружению в глубинном содержании дискурса оппозиций, близких к парным категориям диалектики (*сущности и явления, содержания и формы, качества и количества, причины и следствия, необходимого и случайного, единичного, особенного и всеобщего*). Область выражения эмоционально-отрицательных отношений в публицистике может покрывать до 100% структуры текста. При этом отрицание можно усматривать не только в выражении чувства отвращения, сопротивления, запрета, угрозы, разочарования, удивления, сомнения, недоумения, нежелания («модальный примитив» я не хочу, чтобы...), но и ложного одобрения, восхищения, поощрения и т.п. Отрицание как опровергающее отношение говорящего побуждает участника коммуникации взять свое мнение обратно, пересмотреть его или отбросить совсем. Поэтому в убеждающих текстах с нарастающей эмоциональностью отрицание закономерно переходит в акцентированное утверждение (оборотную сторону семантики отрицания): *Можно ли представить себе нечто более бессмысленное, нежели русское наступление? Главная задача всех народов состоит в прекращении этого убога людей и восстановления мира! (РВ 1917, 28*

июля). Концептуализированные отрицанием области дискурса публицистики могут рассматриваться на базе разных единиц: предложения, сверхфразового единства, жанрового текста, сюжетной композиции (включая текстовые ситуации протеста, самопожертвования и т.п.). Ну и конечно, отрицание связано с природой целых литературных жанров (пародия, памфлет, фельетон, драма абсурда), стилей (гротесковый), с определенными течениями в искусстве («другая проза», искусство «андеграунда»).

Подведем итог, имея в виду доминирующую в модализации ментальную особенность дискурса эпохи кризиса. Его характеризует отрицание – одна из категорий, сопряженных с человеческим сознанием (которое диалогично), а также с противоречивым или контрастным мироощущением «языковой личности». *Идеологически оппозитивное отрицание подразумевает акцентированное неприятие и противодействие в условиях поляризации ценностных представлений*; его роль в полемике в переходную эпоху одна из самых главных.

Оппозитивная идеологизация положения, которое занимает та или иная газета РЗ в культурном пространстве коммуникации, связана не только отношением к большевизму в России, но и с отношением к этому политическому явлению в других изданиях. Как мы увидим далее (Раздел II), распределение позиций отрицания в газетах РЗ идет по следующим направлениям: 1) *отрицание* (активное политическое неприятие) *большевизма* в России; 2) *приятие большевизма на фоне его политического неприятия* другими организациями и странами (в философских терминах «отрицание отрицания»); 3) *отрицание явно политической конъюнктуры* (антиили пробольшевистской) в деятельности торгово-промышленной газеты как способа взаимодействия в отношениях с Россией *ради конъюнктуры коммерческой*.

Завершая теоретический обзор вопросов, затрагивающих разные стороны анализа дискурса, приведем необычное и, возможно, справедливое замечание Ю. С. Степанова: «Для понимания того, что такое дискурс, мы нуждаемся не столько в общих рекомендациях... мы нуждаемся в хороших описаниях дискурсов, без которых не может быть продвинута и их теория» [Язык и наука конца XX века 1995 : 38].

* * *

Следующий раздел посвящен описанию результатов анализа «архива» (или разнообразия содержащихся в газете текстов), а также специфических механизмов «архива», что позволило газетам сохранить доминирующей идеологической след событий.

Положение о складывающейся в «архиве» определенной доминанте референции, ее смысла, напрямую относится к тенденциозной

продукции русской печати за рубежом. Из воспоминаний М. К. Тенишевой: «Ничто не могло отвлечь нас от всего того, что пережили теперь Россия; По вечерам – газеты, газеты, газеты... Мы просто слепли от них; ... все, что мы читали в газетах, было далеко не утешительно, иногда ужасно» [Тенишева 1991 : 234, 239].

В процессе анализа газетного дискурса РЗ нами фиксировались составляющие фреймовых структур, выступающие стереотипными множественными показателями его главных референт-ситуаций и связанных с ними опорных концептов.

4.3. Типичная референт-ситуация в дискурсе. Концепт и концептуализированная область в сфере языка и культуры

Общезыковое понятие *ситуация*, согласно словарным данным, подразумевает совокупность условий и обстоятельств, создающих те или иные отношения, обстановку, положение. Большая часть толкований термина ситуация связана с представлениями о языке (высказывании) в русле теории референции, а также в направлении, известном под названием «логический анализ языка». Здесь ситуация – «фрагмент действительности, вырезанный и обработанный мыслью» [Арутюнова 1976 : 7], событие объективной действительности, которое может быть описано языковыми средствами. Обычным в работах стало двойное понимание *референт-ситуации*: с одной стороны, как экстралингвистического референта высказывания, как явления объективной действительности, и с другой стороны, как факта отражения и переработки этой действительности в сознании (Н. Д. Арутюнова, В. А. Белошапкина, В. Г. Гак, Т. П. Ломтев, О. Москальская, Е. В. Падучева, В. А. Плунгян, Ю. С. Степанов, О. В. Ханина, С. Г. Вирячева и др.). Номинативная теория (ономасиология) связывает понятие референции не только со словом, но и с предложением. В номинативном плане слово в тексте рассматривается как частичный знак, соотносимый со знанием ситуации. Поскольку знания часто представляются в виде фреймов, отсюда происходит **понимание ситуации как семантического фрейма** (В. Б. Касевич). Это выражаемое средствами языка общее представление о фрагменте реального мира открывает путь к изучению «картины мира» во множестве текстов дискурса.

В процессе структуризации сознания, в результате отражения смыслов которого возникают концепты, выделяются «расплывчатые субъективные концепты аксиологического и модального планов» [Роль человеческого фактора 1988 : 5]. В антиб-ЭГ-дискурсе к ним относится концепт «Отрицание» (Неприятие), который как реализованная единица сам может задавать программу для дальнейших действий человека (личных и социальных). Неслучайно А. Л. Лурия предложил различать «коммуникацию события» и «коммуникацию

отношения» [Красных 2001 : 113]. Основная идея, связанная с концептуализацией, состоит в том, что одни концепты предполагают другие для своей характеристики²⁴. При этом существуют архетипические структуры мышления, которые сохраняют общие черты, обновляясь в процессе социального развития человечества. К ним относится оппозиция мир/антимир [Лихачев 1984; Степанов 2001 : 852].

4.3.1. Архетип «антимир». Модель ситуации с концептом «война»

Наш газетный материал показывает: групповые менталитеты в эпоху войн отличаются типичной совокупностью элементов, концентрирующихся вокруг концептов «борьба» (война) и «насилие» (гибель). Александр Блок обозначил этот драматический период художественным символом: *Безжалостный конец Мессины / (Стихийных сил не превозмочь), / И неустанный рев машины, / кующей гибель день и ночь...* («Возмездие»). В цитате выделены слова, которые по смыслу, с нашей точки зрения, образуют концептуальное единство, характерное для катастрофического сознания. Его можно обозначить как «стихия разрушительных страстей и злой воли». В социокультурном аспекте здесь можно было бы говорить об интегрирующем культурном прототипе как о ценностной пресуппозиции. А н т и м и р – это архетип, родившийся в сакральном противопоставлении «мир Божий»/«мир Дьявола» («верхний» мир/«нижний» мир; «рай»/«ад»). Источники такого противопоставления: 1) сакральные, 2) литературные; 3) смеховая культура (городской фольклор: см. Приложение).

Одно из открытий когнитивной психологии состоит в том, что концепты устроены прототипически, по принципу центр-периферия [КСКТ 1996 : 375]. Этого требует когнитивная деятельность: для нее важно сочетание структурной стабильности и гибкой приспособляемости к изменениям. По мнению ученых, глубинный слой сознания приобщает человека к коллективной памяти, таящейся в глубинах психики каждого и тем самым принадлежащей *всем*. Считается, что это не столько подсознательное, сколько досознательное, внеличное, имперсональное.

Реконструируемый в ЭГ-дискурсе глубинный прототип «антимир», как и многие другие (например, «свой»-«чужой»), имеет двойную природу (амбивалентен). Этот архетип определяет оценочную составляющую концептов «война» («борьба») и мифологического концепта «болезнь», так как связан с осознаваемым миром реального и миром виртуального. Он на равных входит 1) в нейтральную культурологическую и 2) в жесткую морально-нравственную основы интерпретации: (1) антимир – *иной* мир; (2) анти-

мир – *порочный* мир. Архетип – это смыкающий компонент в системе «человек – действительный мир». Архетипы образуют **фундамент понимания**, погруженный в глубины общего для всех людей бессознательного слоя психики [Брудный 1998 : 64]. Знаменательно и другое: К. Г. Юнг видел в архетипах источники защиты себя в точности такие же, как подвергшиеся небрежному обращению органы и системы органов человека [Там же 1998 : 47].

В новостном дискурсе ЭГ прототип «антимир» интегрирует предметно-тематическую канву сообщений с фреймами «война» и «политическая борьба». Это видно по наименованиям событийной и предметной семантики. Но в глубинной структуре таких высказываний реализуется и модально-оценочный компонент отношения («неприятие» или «приятие»). Различие отношений связано с идеологией, которая определяется спецификативной трактовкой понятия «политическая борьба».

Почему именно модальные концепты «приятие»/«неприятие» становятся главными направляющими идеологического означивания в изучаемом дискурсе? Ответ прост. Общественное мнение, в наиболее общем значении [НФС 1998], есть одобрение или неодобрение публично наблюдаемых позиций и поведения, которые выражаются определенной частью общества или обществом в целом. Морализующе-нормативная концепция общественного мнения (по Хабермасу) говорит о тесной связи права и политики. При этом в эпоху социального катастрофизма проблема общечеловеческих ценностей (нравственных, политических, правовых, религиозных и др.) драматически возобновляется. Она возобновляется именно на фоне преобладания деструктивных процессов в политике, девальвации моральных ценностей и поиска вариантов какого-либо социокультурного выбора.

Данный раздел посвящен *номинативному* аспекту дискурса, который связан с **социальным представлением типичной для общественного мнения референт-ситуации**. Применительно к языку акт семиозиса (выбора наименования) заключается в поисках и нахождении конкретной языковой формы, которая «упаковывает» складывающееся в голове говорящего представление. Значения одного слова могут активизировать разные связанные с ним фреймы, или структуры знания. Например, слово *бойня* может использоваться для обозначения войны (газет., ритор., с осуждением) [Сл. под ред. Д. Н. Ушакова]. Но первичное значение этого слова: 1. Здание для убоя скота, скотобойня. Номинативный акт поэтому и следует рассматривать прежде всего как акт формирования и акт фиксации языковой формой – словом – определенной концептуальной структуры, структуры знания [ср. Кубрякова 2001 : 287].

Текстовая ситуация войны соотносится с действительностью и для этого существует некая совокупность вербальных форм, кото-

рая используется в практике организации и оформления содержания. При этом имеется в виду когерентное целое ментальных элементов. Мы обратимся к модели, относящейся к разным референтам – к Первой мировой и Гражданской войнам. Эти ментальные образования реализуются в структуре многочисленных текстов ЭГ в виде фрейма «Война» устойчивой комплектации (в слотах). Часть таких текстов реализует представление о мировой войне. Но большая часть текстов нашего материала идентифицирует представление о войне Гражданской. **Ситуационная модель «война»** – это фрейм для производства значения из соответствующего события. Он имеет отношение и к референции, и к оценке. Хотя фрейм относится к мыслительному образованию, однако общегазетный дискурс РЗ показывает не только сходство, но и различие гнезд прагматической лексики²⁵ по слотам. Различие вызвано избыточностью эмотивно-отрицательных дескрипций в представлениях о «гражданской войне». Очевидно, это связано с усилением «неприятия».

СЛОТ «война»

Наименования а к т а н т о в , связанные с референтом *Первая мировая война*

война (вспыхнула, захлестнула) \ мировая война (гроза, волна м. в.) \ внешняя война \ мировая *кровавая бойня* \ огонь и смерть \ военное время \ временной хаос \ поля сражений \ поле битвы \ *ожесточенные* бои \ военная операция \ позиции \ атака

Наименования а к т а н т о в , связанные с референтом *Гражданская война*

война \ внутренняя война \ фронт \ тыл \ казармы \ концентрационные лагеря \ мобилизация \ распоряжение \ требование \ приказ \ бои \ столкновения \ атака \ занятие города \ поражение \ бегство \ *расстрел* \ *расправа* \ уничтожение \ блокада \ контрблокада \ *переворот* (новый переворот) \ *дезертирство* \ *грабежи* \ *насилие* \ *дезорганизация* \ *разгром* \ *террор* (*кровавый, беспощадный, массовый, красный, белый*) \ *убийство* \ *казнь* \ *кровь* \ *смерть* \ *гибель* \ *растерзание* (России)

СЛОТ «действия»

Наименования п р е д и к а т о в , связанные с референтом *Первая мировая война*

браться за оружие \ вступить в бой \ отступить \ сдаться в плен \ перейти в наступление \ наносить удар \ оттеснить \ уничтожить \ вторгнуться \ завладеть \ захватить \ занять \ подавить \ продолжать гнать \ распасться \ проливать кровь \ томиться в плену \ разыскивать пленных \ спасти \ помочь перебраться

Наименования п р е д и к а т о в , связанные с референтом *Гражданская война*

занять город \ взять в плен \ *загнать* \ разбить \ подстрелить \ нанести раны \ разорить \ покорить \ ослабить \ осадить \ принудить уйти \ ликвидировать

рывать \ предать суду \ произвести массовые расстрелы \ расстрелять без следствия и суда на месте преступления \ интернировать \ совершить акт мести \ разрушить \ убить \ поглотить \ подавить \ арестовать \ уничтожить \ казнить \ расстрелять \ замучить \ превратить в кладбище \ искать спасения \ заступаться \ вырваться \ протестовать \ сопротивляться \ рассчитаться

Как видно, если исходить из текстов, в ЭГ-дискурсе находят свое отражение две ипостаси концептуальной области «война»: 1) дискурс о войне, 2) дискурс войны – косвенного противодействия, негативной модализации события.

Понятие фрейма в разделах когнитивной лингвистики получило развитие от представления о падежной рамке глагола до представления о сложных совокупностях [КСКТ 1996 : 113]. Фрейм дает знакомое знание ситуации благодаря типовым слотам – элементам ситуации, которые представляют собой единицы знания (концепты, ментальный лексикон). Концепты слотов составляют части фрейма и определенный аспект его конкретизации. В то же время они связаны между собой в определенную систему, и эта когнитивная система отражает представление о тех смыслах, которыми оперирует человек. Групповые идеологические стереотипы получают выражение в виде наименований – слов, словосочетаний, предложений – своего рода шаблонов восприятия и суждения в данной социальной группе (в ее менталитете). Именно поэтому, на наш взгляд, понятие «фрейм» вместе с контекстом может быть соотнесено с понятием «концептуализированной области» Ю. С. Степанова²⁶. В его концепции фигурирует также понятие «синонимизации», которое имеет два разных смысла, связанных между собой: 1) синонимизация разных корней слов, 2) синонимизация «слов» и «вещей». Под синонимизацией в первом смысле понимается схождение двух разнокоренных слов (или, в плане этимологии, двух разных корней), по происхождению никак между собой не связанных, но становящихся синонимами внутри данной концептуализированной области (см. слоты).

Под общим понятием «концептуализированной предметной области» в языке и культуре мы, вслед за Ю. С. Степановым, понимаем такую сферу культуры, где объединяются в одном общем представлении (культурном концепте) слова, вещи, мифологемы и ритуалы... В пределах отдельной «концептуализированной области» (например, «политическая борьба») слово и ритуальный предмет, слово и мифологема, и т. д. могут особым образом семантически совмещаться, выступая заместителем или символизатором одно другого. Сравните: «*Не только мужики, бабы, но и малые ребята ходят с красными флагами, повыбрасывали вон из избы иконы, орут всякие песни...*» [Тенишева 1991 : 233]. Красные флаги, иконы выступают символизаторами идеологий, и, подобно самим

идеям, вступили в конфликт в ментальном пространстве коммуникации. Но мы также видим, что обычное разделение явлений окружающей действительности на мир вещей-фактов и мир знаков весьма условно. Всегда существуют объекты, занимающие промежуточное положение: при вхождении в некоторую семиотическую систему они функционируют как знаки, при выпадении из нее – как вещи [Байбурин 1989 : 71; Прохоров 2004 : 210].

Согласно Ю. С. Степанову, «концептуализированные области», синонимизация в указанном смысле становятся одним из важных принципов группировок слов и «вещей» в новых представлениях о культуре – наряду с группировками по принципам «полей», «рядов», «тематических групп» и т.д. Именно в таких явлениях, принадлежащих одновременно языку и культуре, считает ученый, вскрывается глубокая мотивированность наименований – неслучайность наименований. Характерный для изучаемой эпохи пример (1916 г.): «*Мы больны, мы очень тяжело больны! Наша якобы молодая нация, не дойдя еще до зари своего рассвета, успела уже подгнуть у самого корня и, как ветхий организм, разлагается. Страшно! Больно до слез, обидно...*» [Тенишева 1991 : 244].

4.3.2. Модель ситуации с концептом «болезнь»

Дискурс не накапливает информацию, он лишь передает ее определенным способом. Но сам по себе способ такой передачи может быть осмыслен как информативный. *Идея болезни* выявляется в текстах ЭГ как параллельная теме Гражданской войны и беспощадной борьбы с политическим противником. Семантика ее тематической группы включает значения и смыслы, полученные по ассоциации с представлениями о телесной или психической болезни, но главным является морально-нравственный аспект интерпретации идеи болезни как тяжелого социального недуга. По А. П. Чудинову [2001], слоты фрейма «болезнь» следующие: заболевание, течение болезни, исход; условия его возникновения, симптомы, возбудители, причины болезни; процесс лечения, врачевание, лекарство, профилактические меры; больной, врач, лекарство (в комической или трагической трактовке). Ниже наименования из антибЭГ приводятся списком, чтобы показать: 1) насколько была распространена идея болезни большевизмом в текстах, 2) какие ассоциации, связанные с болезнью, преобладали. Некоторое представление об идеологии словосочетаний дают дополнения в скобках.

1. Термы, именующие болезнь или указывающие на нее как телесную, *психическую, социальную.

СЛОТ болезнь

наименования актантов: недуг \ эпидемия (опасная, стачечная) \ заразная

(повальная, прилипчивая) *болезнь* \ *зараза* (заразные радикализмы) \ *чума* \ *холера* \ *язва* \ **моральное извращение* \ *патологический факт* \ **маниакальное явление* \ *общественные болезни и недуги* \ *болезнь усталых, истощенных народов* \ *тяжкая социальная болезнь* \ *новый эпилептический припадок* (новая революция)

СЛОТ симптомы болезни

наименования актантов: *страдания* (муки) \ *боль* (сердечная боль \ боль в душе) \ *судороги* (массового недовольства) \ *апоплексически жуткий вид* (о Москве) \ *гнойный нарыв* (на теле России) \ *патологическое состояние* (революционного брожения) \ *новый пароксизм* («русского бунта») \ **угнетенное настроение* \ **развинченные нервы* \ **душевное волнение и негодование* \ **тоска* \ **дух, подавленный тяжелой скорбью* \ **бред* (сумасшедшего) \ **лепет* (бессвязный) \ **безумие* (опасное)

атрибутивные на и м е н о в а н и я : *больно* (тяжело и больно, бесконечно больно) \ *трудно, тяжело* (живется)

наименования предикатов: *изрыгать ругательства* \ *угрожать* \ *пьянствовать* \ *бесчинствовать* \ *взбеситься* \ *рвать обрызганными слюною зубами руку* (которая их освободила) \ *натравливать дикую темную толпу* \ *призывать к погрому* \ **потерять сознание* (о рабочих) \ **сойти с ума* \ **умопомешанно* (сорвать) \ *действовать на психику* \ **совершать безумства* (величайшие) \ *свирепствовать* \ **остервенеть в безумии* (губить в безумном ослеплении)

СЛОТ течение болезни и ее исход

наименования актантов: *буря темных страстей* \ *взрыв зоологических инстинктов* \ **слепое неистовство* \ *дикая анархия* (среди рабочей массы)

наименования предикатов: *заболеть* \ *хромать* \ *потерять свою жизнестойкость* \ *носить в себе заражающие микробы* \ *быть подверженным болезням* (быть одержимым недугом) \ *заразить* \ *отравлять* (общественную жизнь) \ *присосаться* (к революции) \ *высасывать кровь* \ *набухать* (гнойный нарыв на теле России) \ *постареть и осунуться* (до неузнаваемости) \ *распухнуть от голода* \ **кричать* (так громко, сколько хватит сил)

СЛОТ состояние больного как агенса-преступника

наименования актантов: *холодная злобность* \ *отсутствие нравственных критериев* \ *спокойное истребление ближнего*

наименования предикатов: *совершать злодеяния* (открыто) \ *быть вивисектором своего народа* \ *быть в душе палачом* \ *убивать* (косить направо и налево) \ *захлебываться в крови* (братской) \ *истязать* \ *толкать в пропасть* (весь народ) \ *затмить жестокостью* (всех) \ *довести до вырождения*

СЛОТ исход болезни

наименования актантов: *разрыв сердца* \ *агония* \ *кризис* \ *разложение* \ *разрушение* \ *оздоровление*

наименования предикатов: *быть у последнего издыхания* (о России) \ *разлагаться* \ *метаться* \ *умереть* (скончаться) \ *отойти навсегда* \ *застрелиться от отчаяния* \ *быть задушенным* \ *остаться здоровым* (о сердце России)

2. Наименования, указывающие на процесс лечения заболевания

СЛОТ врачевание

наименования актантов: *врач* \ *знахарь* (политическое знахарство) \ *борьба с эпидемией* \ *уничтожение паразитов* \ *лекарство* (сильное, опасное) \ *характер применяемых средств* (моральный) \ *изживающая себя болезнь*

наименования предикатов: *вырвать язву* (большевизма) \ *пристрелить, как бешеных волков* \ *смягчить страдания* \ *согреть больные и ожесточенные души* \ *просветлить* (быть просветленным) \ *приводить в сознание*

СЛОТ профилактические меры

наименования актантов: *рекомендуемые мероприятия* (радикальные) \ *иммунитет* \ *целительная сила природы* \ *предохранитель от заразы подобными болезнями* \ *санитарные меры* \ *помощь* \ *комитет по сбору пожертвований*

наименования предикатов: *обезоружить* \ *запереть* \ *отправить в больницу* \ *привить сыворотку* (антибольшевистскую) \ *терять свою вирулентность* \ *рекомендовать* (в целях уменьшения кризиса) \ *предлагать употреблять в пищу* \ *застраховать от болезни* \ *обладать достаточным разумом* \ *восстановить нормальную жизнь культурного мира* \ *вести беспощадную борьбу* (с большевизмом) \ *бороться во имя русской веры* (во имя русского народа, во имя Великой России)

СЛОТ условия возникновения, причины болезни

наименования актантов: *контагий заразы* \ *паразиты* (о капиталистах) \ *травля* (опасная) \ *голод* \ *холод* \ *несанитарные условия* \ *хаос* \ *способность порождать новые заболевания* \ *ядовитое начало* (классовой борьбы) \ *ядовитые семена* (большевизма) \ *хамство* \ *преступные наклонности* \ *разбойное поведение* \ *еврейские погромы* \ *далеко не нормальная жизнь* \ *работа темной силы* \ *отрицательные качества человеческой природы* (свидетельствующие о глубине падения человека) \ *умственное безначалие* \ *недисциплинированные умы* (метущиеся умы и души) \ *злые идеи* (уродливые формы идей) \ *антидемократические тенденции* \ *пагубная и опасная доктрина* \ *вредное влияние* (большевизма) \ *все виды террора* \ *осквернение свободы личности* \ *коммунистические эксперименты* \ *тяжкое насилие* (советских властей над больной Россией);

наименования предикатов: *выматывать все силы* \ *разнуздать страсти* \ *породить зло* \ *потерять нравственную точку опоры* \ *дать ядовитые всходы* \ *травить* \ *грозить увлечь ко дну* \ *не давать успокоиться и оправляться* (русскому народу) \ *продолжать гнать в огонь и смерть* \ *не проявлять должной здоровой инициативы* \ *потрясти* (в корне) *государственное хозяйство* \ *предать весь мир большевизму* (о Германии)

СЛОТ больной

наименования актантов: *больной* \ *искаженный человек* \ *больные души* (больные и ожесточенные души) \ *обезумевшие, беззащитные, обреченные жители* (Москвы) \ *обезумевшие люди* (банды обезумевших людей) \ *страдающие голодные* \ *усталые, истощенные народы* \ *обезумевший несчастный народ* (зверь, истерзанный вековыми муками) \ *рабочие* \

озлобленная деревня \ Москва, Петроград (и др.) \ дикая темная толпа \ угрожающая погромная стихия \ безумная шайка \ озверевшие разнузданные палачи-убийцы (сознательные убийцы) \ бешеные \ фанатики \ мономаны (всех мономаний) \ сумасшедшие (всех сумасшествий) \ больная родина \ «упрощенная», изуродованная и обнищавшая Россия \ несчастная истрадавшаяся страна \ Красная Россия \ измученная Россия \ лежащая раздавленной поруганная Россия \ отрезвленное человечество

Наименование «больной» в текстах встречается редко. Актуализирована сама идея болезни, и смысл 'больной' содержится в наименованиях актантов имплицитивно. Аналогичное положение с конверсивом «доктор». Только в комической интерпретации в газетах РЗ можно встретить подобный смысл («большевики» отождествляются со «знахарями»). В дискурсе конверсивность признаков лежит в основе **семантической противоположности импликационного типа**. Ведь конверсивный признак – не собственное свойство вещи, с которым бы она вступала в отношение, а реляционный признак, приобретаемый ею в самом этом отношении: доктор – больной, преступник – жертва, продавец – покупатель и т. п. Данные смысловые противоположения вытекают из прагматических значений других слов. За словами стоит совокупный общественный опыт, и в речевом контексте составляющие их смыслы могут быть эксплицированы в знаковых оппозиции (см. раздел 5.1).

Следует подчеркнуть наличие и другого имплицитивного содержания концептов «война» и «болезнь» в газетном дискурсе антиРЗ. В них содержится интерпретационный слой семантики с концептом «преступление». Можно предположить, что рамочный фрейм «Преступление» сознательно или бессознательно «натягивается» на толкование событий, связанных с деятельностью большевиков в России. Модализация дискурса неприятием образует ментальную область, где обозначается новое содержание концепта «большевизм», устанавливаются рамки новых оценок, санкционированных общественной группой. Все это подводит к осознанию *основополагающей роли модальных нагрузок* в построении картины мира и формации дискурса.

Мотив болезни и ее лечения – один из самых распространенных в СМИ независимо от времени или тематики публикаций. В таком случае актуально объяснение, связанное с исследованиями метафорических и метонимических отношений в языке (ср. название книги Лакоффа «Метафоры, которыми мы живем»). *Метафора* – общеязыковой инструмент осмысления новых сфер в терминах сфер, стоящих ближе всего к непосредственному человеческому опыту. Вопрос в том, какова идеология концепта и фрейма «Болезнь», почему метафора болезни так пригодилась.

С фреймом «болезнь» напрямую связана **идеология войны, идея искоренения большевизма** (оппозиция *Россия/большевизм*),

а не лечения этой «болезни». В конечном счете стремление к радикальным мерам борьбы с большевизмом приводит русское зарубежье к осознанию другой опасной альтернативы – вопроса о жизни/смерти самого народного организма России. И здесь рационально-логические доводы и практика сопротивления оказываются в проигрыше перед эмотивно-волевитивной стихией полемики, которая скорее соответствует природе человеческих страстей и их интенсивности.

Вопрос о концепте «болезнь» безусловно имеет свой культурологический аспект. Другие аспекты содержания концепта «болезнь» рассматриваются в ходе описания материала.

По словарю В. И. Даля слово «Боль» связано с понятиями «любовь» и «страдание». Среди определений слова «боль» – *болезнь, недуг, скорбь* (телесная) // *самое чувство, телесное страдание // чувство горя, страданий душевных, скорбь, грусть, тоска, кручина, жаль, сокрушенье*; «Больно» – *что болит, больное, что возбуждает чувство боли, рождает боль, телесные, либо духовные страдания, томление*. «Болезь» – *о чем болеешь, скорбишь, грустишь, соболезуешь, печалуешься, заботишься сердцем*; «Болезный» – *по ком сердце болит; кто болеет по другим, сострадательный* [Даль 1996 : 111-112]. Как отмечает Вяч. Вс. Иванов, «сравнительное индоевропейское и новейшее ностратическое языкознание в качестве особенного древнего выделяют оторуну, родственное древнеирландскому *seirc* «любовь», *dearc deserc* «милосердие» и другим индоевропейским глаголам со значениями «болеть, сторожить» (русское *стеречь*, хет. *ištark* «болеть») при соответствиях и в других ностратических языках»²⁷.

Как показывает анализ дискурса, концепт «болезнь» проявляется не только в отношении к характеристике большевизма и состояния России, но и к самому интерпретатору, переживающему род заболевания. В нем в виде – это душевная боль, страдание у смертного одра матери (концепт «семья», род – древнейший в языке). Обозначенная в нем, то есть в слове, «болезнь большевизма» интерпретируется в антибЭГ как зло, которое надо победить и победить «всем миром». Отсюда проистекает идея необходимости согласия, общего диалога и взаимодействия для борьбы со злом. Здесь же по текстам существует и концепт «борьба» в ранге войны мнений. В антибЭГ обсуждается, в сущности, аморальный дискурс большевизма. Морализация – результат традиции. По отношению к аксиологической поляризации объектов в ЭГ-дискурсе она является дополнительной. В то же время морализация накладывает на газетный дискурс стереотипы, смысловой эффект которых в антибольшевистской печати имеет больше общечеловеческий характер. Происходит наложение морального дискурса на аффективный дискурс неприятия. Подробнее об этом в главе 5-й, к которой мы и переходим.

В ы в о д ы по главе 4

Внутреннее ментально-психологическое поле социального дискурса является базовым порождающим для его формации. Изначальная природа дискурса – человеческая, ментально-речевая дотекстовая. Речь – лишь одна из форм существования дискурса, хотя и главная материальная форма. Язык и сознание неразрывно связаны и полного осознания схем своей деятельности человек достигает именно благодаря языку.

Социальный дискурс как совокупность коммуникативных отношений, интересов, предпочтений в эпоху революционного кризиса обусловлен не только экономическим или политическим противоборством социально-классовых сил, но и развитием культурных процессов, в частности воздействием ментальных структур общества. Следует учитывать *культурные корни* политической идеологии, которая явилась результатом соединения в рамках определенной культуры дидактической практики и интеллектуальной обстановки.

Пространство культуры изучаемой эпохи характеризует не только обычный для жизни конфликт *идеал/действительность*, но и конфликт *традиционная ментальность / новая жизненная идеология*. В качестве фактора культуры, сыгравшего свою роль в формировании специфики и внутреннего единства оппозитивного дискурса изучаемой эпохи выступил *политический проект модернизма* с его открытым приятием революционного характера развития общества в России и убеждением индивида в способности вместе со всеми переустроить старый порядок. Такой **культурный проект** способствовал нарастанию идеологической тенденции к тотальности – претензии отдельной идеи и отдельной группы на всеобщность. «Идеи социализма и анархизма, политической и агитационной деятельности европейских социалистов и анархистов – вот что только и выдавалось у нас за европейскую культуру» [Изгоев 1992 : 180]. В конечном счете логика большевистской власти, высокая степень конфликтности по отношению к окружающему миру пришли в противоречие с идеалами демократии. **Язык символизировал разрушение** прежней реальности своим собственным «телом», становясь механическим орудием власти. В программу преобразования российского общества включился «монологический императив», отсюда ораторский пафос эпохи и ориентация на поиск общей «веры» (идеологии).

Идеологический преконструкт (марксизм и русский большевизм, а также, например, содержание сборника «Из глубины») можно связать с предвосхищением отношения к сообщаемому, то есть дотекстовой **модализацией** газетного дискурса русского зарубежья. Модальность приятия или неприятия психологически и логически предшествует предикатам пропозиции, устанавливая

возможность их модификации. Влиятельным каузатором механизма и семантики оппозитивности в интерпретации действительности выступает **идеология отрицания**, господствующая в период радикальных перемен и, кроме того, в целом свойственная политически идеологизированной интеллигенции в России. Отсюда известно суждение Н. Бердяева о том, что в XIX веке «раскол» стал характерным для русской жизни [Бердяев 1990].

Можно предположить, что репрезентация мира в сознании *подданного* идеологии (ИС газеты) осуществляется в связи с конкретными событиями в определенном ментальном состоянии («психологическом модусе»), окрашенном позитивными или негативными переживаниями – верой, страхом, ненавистью, надеждой и др. Язык оказывается вторичным по отношению к ментальному состоянию, но благодаря языку эти состояния типизируются. Не случайно с позиций лингвофилософии дискурс определялся как конкретизация речи в различных модусах человеческого существования.

Модусные категории речи определяют характер пропозиции (модальный характер актантных категорий) и помогают эксплицитировать существенную часть интенций говорящего. Связь модусных категорий с ментальным состоянием, интенциональностью и общей модализацией дискурса имеет определенное подтверждение. Оно подводит к **осознанию роли модальных нагрузок** в создании картины мира, включая формацию дискурса.

Предикаты модуса входят в обширную группу предикатов интенциональной семантики, куда относятся всевозможные значения и смыслы, связанные с передачей состояния и поведения человека, проистекающих из внутреннего мира. Отсюда возникла общая всем авторизирующим средствам основа **единого интерпретативного представления концепта «модус» как операциональной категории**, ответственной за способ и характер взаимодействия субъекта с объектом.

К текстовым механизмам оппозитивности относится речевой инструментарий модализации. Модальные категории понимаются как модальные устройства, пронизывающие организацию высказывания в целом, включая его дотекстовый и текстовый этапы. **Модальные устройства** выступают определяющими по отношению к моделям одновременно и предикативным, и актантным. Подобно действию в спектакле, они «самоорганизуются, поскольку не могут действовать иначе» [ср. Греймас 2004 : 193].

Общекультурное ментальное пространство существует как совокупность значений, образов, символов. Языковое оппозиционно-оценочное сознание выступает ответным выражением конфликтного взаимодействия, компонентом поведения – речевого и неречевого. В процессе коммуникации, а значит и в дискурсе, происходит переплетение и взаимопроникновение различных знаковых структур.

Это обстоятельство подтверждает **семиотически гетерогенную природу социального дискурса**.

Категорию модальности и модуса можно, по-видимому, отнести к понятийным **суперкатегориям**. О возможности постулирования понятийных суперкатегорий давно высказывались некоторые представители отечественной когнитивной лингвистики (Т. В. Бульгина, М. Я. Гловинская, В. С. Храковский, Ю. С. Степанов и др.). Внутри такой категории ее члены могут быть связаны разными отношениями, но каждой из них соответствуют концепты базового уровня категоризации. Обычно к ним относят категории языковой семантики, но за ними можно увидеть некоторые общие понятийные категории, которые рассматриваются как **результат освоения мира человеческим сознанием**. Таковыми и являются понятийные категории *модальности, модуса, концепта*. Концептуальный мир, существующий в сознании человека в обобщенном виде в форме концептов, фреймов, сценариев, различных схем действий и т. д., формируется не только с помощью языка, но и без него. «Концептуализированная предметная область» (Ю. С. Степанов) в культурном сознании является более объемным, неоднородным и сложным явлением, чем мир языковой.

В процессе обработки информации о мире, поступающей читателю из газет, язык в качестве явления когнитивно-процессуального в *связях номинации и предикации* осуществляет речевую организацию этой информации и способов ее представления. Если интенция оценивается как основополагающий элемент речезыкового процесса, то возможен и **анализ способов выражения интенционального состояния (содержания) через речевой акт**. В режиме предварительного анализа в поверхностном содержании текстов ЭГ-дискурса в наименованиях актантов и предикатов обнаруживаются приметы и *явной* доминирующей, и *скрытой* дискурсной семантики: 1) явно обозначены в текстах концепты и группы их составляющих фреймовой семантики («война», «болезнь»); 2) косвенно или неявно в номинациях присутствуют смыслы прототипической семантики в духе архетипов «мир»/«антимир», «свой»/«чужой», «семья», «род» (ср.: *народ, родина, человеческая природа*). Полученные данные могут быть подтверждены на этапе развернутого дискурсного анализа.

В свете дополнительно выявленных показателей оппозитивный дискурс определяется следующим образом:

– это **идеологический дискурс, опорный фрейм которого «борьба»** задан отношениями концептуальной противоположности между *участниками, инструментами* борьбы, идеологическими *позициями* с учетом их формации в дискурсе;

– это **ментально-психологическая среда и социокультурный способ репрезентации** картины мира с когнитивно-семантическими

отношениями различия и противоположности между *модализованными* единицами речевого сознания (оппозитивами);

– это **гетерогенное** в своем когнитивном модусе **речевое образование**, всей совокупностью модализованных единиц отображающее отношение к предмету, благодаря взаимодействию контекстов *внешнего и внутреннего* (ментально-психологического) поля зависимостей.

Подчеркнем важность **когнитивно-психологического** подхода при анализе дискурса. Его направленность – связать функционирование речи (и языка как одной из важнейших функций человеческой психики) с ее контекстологической обусловленностью, учитывая включенность в дискурс типичных когнитивных структур (фреймов, сценариев, схем и др. когнитивных ментальности). Психологический подход опирается также на широкий круг исследованных материалов речевой и коммуникативной практики. Этот подход включает *психосемантический*²⁸ способ анализа, опирается на данные об интенциональных установках говорящего, их зависимости от темы и условий общения. Он настаивает на том, что в СМИ языковые формы вырабатываются как общеупотребительные и складываются как конвенциональные высказывания, предназначенные для того, чтобы слушающие понимали стоящие за ними интенции говорящего.

¹ Аналитически, сближение научного сознания с массовым сознанием принесло свои плоды в исследованиях по философии, социологии языка (работы по лингвистической прагматике, труды А. Вежбицкой и др.).

² Сравните: «Понятие менталитет стало одним из самых распространенных в литературном языке, в самых разных слоях общества, широко используется в СМИ. Под ним понимается некая особая реальность (идеальная, духовная или просто психологическая)». *Корнеева Т. С.* Менталитет как социокультурный феномен : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Екатеринбург, 2001. С. 3.

³ См.: *Полякова В. Н.* Образ другого в политической философии консерватизма // Проблема «другого голоса» в языке, литературе и культуре: матер. IV междунар. конф. / Под ред. проф. Н. В. Тишуниной. СПб., 2003. С. 53-56.

⁴ В. П. Руднев считает проявлениями модернизма в культуре XX в. такие ключевые явления, как психоанализ, теорию относительности, аналитическую философию, кибернетику или структурную лингвистику. См.: *Руднев В. П.* Словарь культуры XX века : ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 1999. С. 178.

⁵ *Можейко М. А.* Нарратив // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск: Изд-во В. М. Скакун, 1998. С. 454.

⁶ *Струве П. Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Пути Евразии : русская интеллигенция и судьбы России / сост. и вступ. ст., коммент. И. А. Исаева. М.: Рус. книга, 1992. С. 284.

⁷ В августе 1918 г., когда книга была набрана и сверстана, ее издание запретили. В 1921 г. рабочие типографии по собственной инициативе отпечатали

книгу, но тираж был конфискован и уничтожен (уцелело лишь несколько экземпляров). Позднее сборник вышел за рубежом.

⁸ Таким, в частности, стал вывод Л. М. Грановской: «Язык оказался лучшим способом отразить крушение общества в его кризисную эпоху. Напряженная жизнь русского литературного языка в разных его подсистемах протекала под знаком антагонизма между тенденциями к переменам, “словому” и консерватизмом норм». (*Грановская Л. М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв. : очерки.* М.: Эллипс, 2005. С. 196.)

⁹ Иосиф Бродский в беседах с С. Волковым так говорил о языке, «которым пользовалось государство» (*Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским.* М., 2000. С. 107). Он «во многих отношениях – не русский. Это язык сильно онемеченный, загаженный жаргоном марксистских трактатов начала века, полемики Ленина с Каутским и пр. Это жаргон полемических социал-демократических программ, который внезапно оказался языком людей, пришедших к власти». И этот субъектно-объективированный для особых целей язык власти сам стал властным субъектом, воздействуя на человека, нацию, на прежний язык. «Платонов говорит о нации, ставшей в некотором смысле жертвой своего языка, а точнее – о самом языке, оказавшемся способным породить фиктивный мир и впавшем от него в грамматическую зависимость» (*Бродский И. Поклониться тени : эссе.* СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 56). Размышляя о судьбе и «писательском инстинкте» А. Платонова, «об имперсональном характере происходящего» в его произведениях, «об ощущении безжалостной, неумолимой абсурдности, исходно присущей [в них] языку», Бродский отзывается: «Закрывать его книгу – все равно что проснуться с изменившимся лицом» (Там же. С. 64, 67).

¹⁰ Так наз. «объективная» модальность входит на правах одного из модусов в обширную модусную структуру сознания субъекта речи. *Ирреальная* модальность включается в концепт *реальной* модальности как ее полярное отражение. Вместе они (и модальность реальности, и ее экстремус – модальность ирреальности) контрадикторны по отношению к *виртуальной* модальности. См.: *Краснова Т. И. Субъективность – модальность.* СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т экон. и финан., 2002. С. 135-152.

¹¹ Подробнее см.: Там же. С. 140-145.

¹² Лингвистическая типология значений прямо связывает *значение* со способом, характером его языкового выражения. Ср.: «Под языковым статусом значения можно понимать способ существования, *modus vivendi* значения в языке, способ его выражения, выявления» (*Никитин М. В. Курс лингвистической семантики.* СПб.: Науч. центр диалога, 1996. С. 60). Грамматическое, лексическое значения – это модусы значений. «Правомерно противопоставлять грамматические значения номинативным, и противопоставляются они как разные модусы выявления, актуализации понятий в структуре языковых выражений» (Там же. С. 80).

¹³ Сошлемся на раздел нашей книги, посвященный категории «точка зрения» в тексте в связи с речевыми модусом и модальностью: *Краснова Т. И. Субъективность – модальность.* С. 140-149.

¹⁴ См. обзор мнений, включая историю вопроса, в монографии: *Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка : семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / отв. ред. В. П. Нерознак.* 2-е изд. М.: Либроком, 2010 (глава IV).

¹⁵ Б. Рассел считал, что путем исследования синтаксиса мы можем достичь существенного знания о структуре мира.

¹⁶ Интенциональные категории публицистического текста рассматриваются в диссертации Н. В. Клушиной. Они выделены на разных основаниях, хотя с общей атрибуцией. Список интенциональных категорий составили: наименование, идеологема, оценка, интерпретация, стереотип, тональность (*Клушина Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000-2008 гг.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук.* М., 2008. 57 с.).

¹⁷ См.: *Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / отв. ред. В. П. Нерознак.* 2-е изд. М.: Либроком, 2010, С. 204.

¹⁸ Там же. Ученый считает, что восприятие предмета как значения есть один из главных семиотических законов вообще (См. также: *Степанов Ю. С. Семиотика.* М., 1971, С. 27).

¹⁹ *Бенвенист Э. Общая лингвистика / предисл. Ю. С. Степанова.* М.: Прогресс, 1974.

²⁰ *Степанов Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика) / Ю. С. Степанов.* М.: Наука, 1981, С. 162 и сл.

²¹ Поскольку идеологические отношения могут исходить от разных лиц (с большей или меньшей мерой субъективности), такие предложения с модальными, речемыслительными глаголами широко встречаются в текстах, в том числе в виде ремарок в контекстах с прямой речью. Соответствующие разработки в этой области модусной семантики принадлежат, в частности, Т. В. Шмелевой. См.: *Шмелева Т. В. Модус и средства его выражения в высказывании / Т. В. Шмелева // Идеографические аспекты русской грамматики / под ред. В. А. Белошапковой и И. Г. Милославского.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988, С. 168-202.

²² Н. Д. Арутюнова отмечает, ссылаясь на У. Найссера: «Современная когнитивная психология настаивает на неразрывной связи восприятия с эпистемическими процессами. То, какую сторону предмета или явления воспринимает человек, зависит от его установки, предопределяемой ситуацией и конвенциональной категорией стимулов» (*Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова.* М.: Языки рус. культуры, 1999, С. 414).

²³ В широком смысле когнитивный модус сближается с понятием «менталитет». Т. С. Корнеева отмечает существующее в культурологических исследованиях понимание менталитета как «некой особой реальности (идеальной, духовной или просто психологической)». См.: *Корнеева Т. С. Менталитет как социокультурный феномен : автореф. дис. ... канд. философ. наук.* Екатеринбург. 2001, С. 3.

²⁴ Эта мысль принадлежит Лангакеру. *Современная американская лингвистика : фундаментальные направления / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и И. А. Секериной.* 2-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 357.

²⁵ Ср. «В естественном языке нет чистой семантики, его семантическая структура основана на прагматике» (*Сгалл П. Значение и содержание предложения // Научно-техническая информация.* Сер. 2. 1976. № 11. С. 17).

²⁶ *Степанов Ю. С. Концепт // Электронная Библиотека МГУ: Теория языка* http://genhis.philol.msu.ru/article_120.shtml (27.06.2008).

²⁷ *Иванов Вяч. Вс. О лингвистических исследованиях П. А. Флоренского // Вопр. языкозн.* 1988. № 6. С. 78.

²⁸ См.: *Слово в действии : интент-анализ политического дискурса / под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой.* СПб.: Алетейя, 2000. С. 35-37.

Г л а в а 5. Проявление ментально-речевого механизма оппозитивности в газетном дискурсе русского зарубежья

Введенное выше понятие «механизм оппозитивности» косвенно связано с представлением о закодированной в структуре оппозитивности текстопорождающей функции, ментально-речевое происхождение которой можно предположить.

Ментальный язык понимается как механизм естественного языка, связывающий мысли (т. е. ментальные репрезентации) с языковыми формами [КСКТ 1996 : 100]. Структурой, представляющей мысль, обладает предложение. Его схема, грамматическая структура оказывается промежуточной стадией формирования мысли между двумя другими — когнитивным уровнем мысли и уровнем значения, представляющим языковую информацию. Понятие концепта потому широко используется при описании языка, что значения языковых выражений приравниваются выражаемым в них концептам или концептуальным структурам. Такой взгляд на вещи считается отличительной чертой когнитивного подхода в целом¹.

Фазовая структура порождения речи впервые проанализирована Л. С. Выготским [2005]. Она включает «дограмматический» этап (план, замысел) внутреннего программирования высказывания, задающий его содержательный инвариант. Внутренняя программа есть то содержание, которое удерживается в оперативной памяти при порождении дальнейших высказываний [об этом писал А. А. Леонтьев; см. Красных 2001 : 115]. При этом внутренняя речь пользуется особым внутренним кодом — «предметно-схемным» [Жинкин 1964; см. также: Жинкин 1982].

В дискурсе и в текстах, с ним связанных, **механизм выбора и организации слов** является конструктивно заданным идеологически. Он связан с классами операций в модусе приятия/неприятия фрагмента действительности: поиска семантических признаков слова, поиска соотношений словесных признаков с учетом их способности к идеологической характеристике. Эти операции позволяют обнаружить в вербальной памяти соответствующую лексическую единицу. **Механизм грамматического конструирования** высказывания также включает несколько классов модусных операций, в результате которых осуществляется переход от содержательно-смысловой программы к опорным словам-оппозитивам и закрепление грамматических «обязательств» структуры в соответствии с обязательствами идеологическими. В процессе анализа мы опираемся на факт признания в грамматике речи той структурной

роли, которую имеет в предложении **именная группа**. В так называемой *падежной грамматике* именные группы, сочетающиеся с данным глаголом, характеризуются набором ролей — семантическими агенсом, пациенсом (термы), ролью инструмента, места, времени (не-термы). Тот факт, что в падежной грамматике зафиксирована роль именной группы при порождении предложения, имеет, конечно, большое влияние как ситуативно обусловленный текстопорождающий фактор. Ведь имена указывают на соответствующие и различные «способы представления» объекта в референции.

Поскольку *конфликтная ситуация фиксируется в языке текстами*, «значения конкретных лексических единиц могут быть описаны в терминах их участия в процессе структурирования ситуации в тексте» [Вирячева 1991 : 4]. Перенос семантического значения *референт-ситуации* на текст вызвал появление термина *текстовая ситуация*. Смежное понимание, связанное со структурой содержания в тексте, предполагает реконструкцию ситуации, описанием которой мог бы стать данный текст. Именно поэтому в психолингвистических исследованиях была введена идея реконструкции *фрейма ситуации*, хотя и отмечается, что сами фреймы и представления о них могут быть разными [Красных 2001 : 112].

Целью данной главы является анализ оппозитивного газетного дискурса на базе ведущей текстовой ситуации и ее пропозиций с тем, чтобы подтвердить постулат об универсальности оппозитивной формации ЭГ-дискурса о России независимо от жанровых форм текстов. Пропозиция понимается как «модус репрезентации пропозиционального концепта» [Зеленщиков 1997 : 227]. В изучаемом дискурсе это концепт «война» («борьба») в модусах существования описываемых событий. В задачи анализа входит следующее:

- установить связь оппозитивности с модусом репрезентации картины мира в России, отдельно выделив аспекты апеллятивности и экспрессивности дискурса;
- изучить структуру оппозитивных представлений о действительности, выявив в содержании картины мира доминирующую парадигму ее устойчивых элементов в составе фреймов (в рамках типичной текстовой референт-ситуации);
- уточнить идеологические особенности картины мира посредством анализа «концептуализированных областей» дискурса с референтами в смысловом пространстве «Россия» и «большевизм»;
- показать имплицативные и эксплицативные способы существования оппозитивности в апеллятивном аспекте новости с учетом метатекста и модусно-диктумного взаимодействия в структуре ее семантики;
- рассмотреть аффективный способ существования высказыва-

ний в дискурсе в связи с анализом функционально частотного кванторного слова в газете;

- по ходу анализа дать представление о методах когнитивно-семантического описания элементов выборки из дискурсивных потоков разной идеологической направленности.

Выделим некоторые ориентиры в процессе анализа и описания материала.

Главным является понятие *ментальной репрезентации*, которая определяется как знаковая сущность (отражение картины мира в голове человека)². При этом ряд исследователей полагает, что основная функция языка заключается не только в передаче информации и осуществления референции, но в *ориентации адресата в его собственной когнитивной области*.

Особый пункт наблюдений в процессе анализа составляют понятия *модальности и оценки*, нередко объединяемые исследователями (Е. М. Вольф, А. Г. Баранов, В. И. Карасик и др.), поскольку оценка и отношение на ее основе – в природе сознания и понимания как целенаправленной деятельности. Под речевыми оценками обычно понимают добавочные коннотации слова в контексте (созначения, по Г. Г. Шпету). Когнитивная лингвистика стремится к исследованию феномена значения во всей его сложности, с учетом ненаблюдаемых явлений (скрытых значений). По этой причине ее иногда определяют как «сверхглубинную семантику» (П. Паршин, Е. С. Кубрякова, А.-Ж. Греймас и др.). Мы исходим из того, что в социокультурном контексте само предметное значение знака формируется оценкой. К объективной в зарубежье социальной основе оценочности относится единство реальных жизненных условий, одной судьбы и обстоятельств, порождающих общность оценок (включая преконструкт).

Важен «общий фонд знаний» ИС газеты и читателя. Этот идеологический фонд существует как «само собой разумеющееся» в когнитивном модусе, благодаря чему определенные знания элиминируются. *Ценностная presupпозиция* (включая интердискурс) входит в семантику как диалогически неявная, оппозитивная часть высказывания и может быть вскрыта методом экспликации. К ней же относится *точка зрения* (ведь образ действительного мира так или иначе включает пропозициональную установку) и *модализация* (обусловленность оценочных значений модальностью неприятия). Теоретическое обоснование, предпринятое выше, показывает: указанные *модусные признаки* репрезентативности могут анализироваться как входящие в presupпозицию и пониматься как *условие порождения текстовой ситуации оппозитивности*, отраженной в значении слов.

Обратимся к анализу, уточняя его методику в ходе изложения.

5.1. Оппозитивность картины мира в дискурсе РЗ

Раздел посвящен изучению структуры содержания текстов в ЭГ-дискурсе эпохи кризиса. Главное внимание уделяется концептуальному и структурно-семантическому аспектам анализа высказываний методом выявления семантико-речевых оппозиций. С одной стороны, такая методика соответствует прикладной задаче исследования – **изучить структуру представлений о действительности** в эмигрантской печати, с другой – она противостоит «формальному анализу разрозненных приемов», которого хотелось бы избежать³. Основанием для сравнения и анализа различного газетного материала является общий для него проблемно-критический характер. Он вызван конфликтно-противоречивой конфигурацией действительности и ее социально-оценочным в дискурсе и тексте отражением.

Изучение семантико-речевых оппозиций в структуре газетного текста проводилось в традициях теории текстовых единств – на парадигматическом и синтагматическом уровнях анализа. На **парадигматическом** уровне анализа (5.1.1), дающем возможность охватить большие массивы новостных текстов, главным объектом наблюдений являлась лексика с учетом ее концептуализации в коммуникативном центре высказываний. Предикатно обозначенное размещение слова в роли аргумента – идеологический знак его погружения в активный, отвечающий контекст. Здесь оно может нести любую идеологическую функцию, в частности, моральную. Установление концептуальных оппозиций в массиве предикативно актуализированной лексики входит в задачу нашего анализа. Далее, на **синтагматическом** уровне анализа и описания (5.1.2), объектом наблюдений явились динамически развертывающиеся сверхфразовые единства в составе конкретных текстов разной жанровой принадлежности.

Сосредоточимся на первом этапе анализа – на изучении предикатно-аргументных соотношений как элементов конфликтной референт-ситуации в текстах со статусом новости. Это дает возможность систематизировать те структуры репрезентации, которые встречаются в содержании новостей по диагонали – в качестве проявления общего принципа формации дискурса с концептом «борьба».

5.1.1. Оппозитивность мира в именовании доминирующего действия (концептуальные парадигмы)

Изучаемый материал показал, что в указанный исторический период в составе новостных текстов наиболее активизированы два

вида концептуальных оппозиций – элементов типичной референт-ситуации: «*насилие/ненасилие*» и «*антинорма/норма*». Большую разработку в текстах получает *негативное* поле семантики, в то время как *позитивное* присутствует либо в виде ассоциированных мотивов, либо зачастую лишь мыслится (норма). Термин «мотив» используется для обозначения свернутого представления⁴. Заметим также, что оппозиция «насилие/ненасилие» вторична и входит как частная в соотношение «антинорма/норма». Вторичная оппозиция рассматривается первой по причине усиленной прагматической актуализации в политизированных текстах эмигрантской печати.

1. Ментальная семантико-речевая оппозиция насилие/ненасилие. На парадигматическом уровне анализа в массивах новостных текстов устанавливались общие когнитивно-семантические схемы, или парадигмы, развертывания сообщений. Методом сплошной выборки из таких текстов была извлечена актуализированная в коммуникативном отношении лексика. В предикативной функции она входит в состав *основы* предложения или распространяет в качестве атрибута и объекта подлежащее и сказуемое. Выделяются группы слов актуализированной семантики отрицания, включающие в макрокомпоненты своих значений семы «отсутствия», «лишения», «прекращения существования», «конфликта», «противодействия», «осуждения» и т. п. В массиве политизированных текстов такие группы лексики насыщают референциальную идеографическую парадигму *борьбы*, ситуативно представленную в текстах концептуальным соотношением **конфликт – насилие – гибель**. Это фрейм, в основании которого лежит априорное (походящее на архетип) знание, образованное ценностной для выбора способа действий человека альтернативой «*насилие или ненасилие*».

В составе высказываний преобладают субъектно-объектные наименования с грамматическим значением предметно-качественной определенности и глагольные наименования со значением результативности. Ср. слова, выражающие а) ситуативную семантику конфликта: *нигилист, подстрекатель, предатель, хулиган; подлость, ненависть, проклятие, месть, война; свести счеты* и т. п.; б) ситуативную семантику насилия: *грабитель, разбойник; беженцы, эмигранты; захват, разгон, разгром, зверство, террор, переворот, революция, штыкocraticия; принудить, пасть жертвой* и т. п.; в) ситуативную семантику гибели: *убийца, палач; гибель, убийство, казнь, конец; разрушить, замучить, убить; быть на исходе, умереть, стать могойлой* и т. п. Подавляющая часть лексики, связанная с когнитивной семантикой **насилие**, – прагмемы, то есть слова, в лексическом значении которых совмещены оба компонента суждения:

«предмет» – явление, обозначенное словом, и «предикат» – выраженная тем же словом отрицательная оценка. По М. Н. Эпштейну, прагмемы разной оценки составляют около 1/5 словарного состава языка⁵. В публицистическом тексте прагмемы представляют собой свернутые суждения, обладающие особой силой воздействия. Не случайно авторы помещают их в коммуникативный центр высказывания (см. примеры ниже).

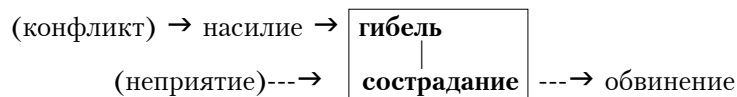
Меньшую часть приведенной лексики составляют прагмемы, включающие в семантику не только мотив насилия и его отрицательную оценку, но и позитивный эмоциональный компонент – сострадание говорящего к жертве насилия. Ср.: *беженцы, эмигранты, гибель, пасть жертвой, замучить, быть на исходе, умереть*. Используя прагмемы двойственной оценки, субъект как бы «расслаивается», а в тексте происходит наведение сем второго порядка. В речевой структуре на референциальную идеографическую парадигму *конфликт – насилие – гибель* накладывается модальная идеографическая парадигма концептов **неприятие – сострадание – обвинение** (фрейм модализации). Модус неприятия выражается либо имплицитно (контекст, интонация, кавычки), либо эксплицитно (с помощью перформативов *протестую, не согласен, не хочу чтобы...*) или косвенно с помощью глаголов *принудить, замучить, искать спасения*, атрибутивами *неверный* (шаг), *несправедливо* и т. п. Модус обвинения выражается прямым или косвенным указанием на виновных. В свое время американский лингвист С. Куно ввел в синтаксический обиход понятие эмпатии – принятия говорящим точки зрения участника описываемого события. Рассмотрим несколько текстов, помня о том, что не собственно модальность модифицирует объект, а исходная точка зрения идеологического субъекта определяет логику используемой в текстах модальности в режиме утверждения.

- Радикальная антибЭГ

После **обыска**, которому он [Г. В. Плеханов] **подвергся** в Царском Селе сейчас же после **большевистского переворота**, он **принужден** был оставить Россию и **искать спасения** в одном из санаториумов вблизи Териоки. Он **умер** там 30 мая, **пав жертвой** деятельности белогвардейцев, германцев и большевиков (НГ 1918, 13 июня).

Референциальная парадигма *конфликт – насилие – гибель* представлена в тексте а) предметно-оценочными словами с семантикой насилия и б) предикатами двойственной оценки, которые наряду с семантикой насилия включают в текст модус сострадания. Мотивы конфликта и неприятия присутствуют имплицитно, так как речь идет о насилии и сострадании, а семантика гибели выражена откры-

то, наряду с мотивом сострадания и косвенным выражением обвинения. Модель ситуации:

Таким образом, в тексте с имплицитной когнитивно-семантической оппозицией **насилие/ненасилие** происходит наложение разных идеографических парадигм – референциальной и модальной. Это возможно благодаря прагмемам двойственной оценки и в целом по причине ассоциированности лексической семантики в когнитивном комплексе данной прагматической ситуации (сообщение о смерти лидера).

• Умеренная пробЭГ

* Дэбс **заступается** за эсэров (По просьбе В. Чернова он обратился с **протестом** к Н. Ленину).

Чикаго, 27 июля. Престарелый вождь американских социалистов Юджин Дэбс, находящийся в местном санаториуме, отправил в Москву на имя Н. Ленина каблограммму следующего содержания:

«Ленин, Москва. Вместе со всеми цивилизованными людьми и во имя общего человеколюбия я **протестую против казни** кого-либо из социалистов-революционеров или **несправедливого лишения** их свободы. Советская Россия может явить пример **отказом** следовать методам мирового царизма. Она должна высоко держать знамя, которое мы стремимся водрузить, и которое мы почитаем» (Юджин Дэбс).

Протест Дэбса явился ответом на каблограммму, полученную им из Берлина от группы эсэров, возглавляемых В. Черновым⁶. Каблограммма эта гласила: «Дело 22-х русских эсэров **близится к концу**. Всем **грозит смерть**. Большевики желают **совершить акт мести**. **Просим возвысить голос** американских социалистов сообща с **протестом** европейских социалистов. Телеграфируйте в Москву. Положение **серьезно** и малейшее промедление **повлечет** за собою **непоправимые последствия**» (НРС 1922, 28 июля).

Референциальная идеографическая парадигма борьбы представлена в тексте эксплицитно: словами с семантикой конфликта *протест, несправедливый, отказ*; словами с семантикой насилия *несправедливое лишение, акт мести*; словами с семантикой гибели *казнь, конец, смерть, непоправимые последствия*. Модальная идеографическая парадигма, накладываясь на слой первичной семантики, образует композиционно-смысловые скрепы. Модус неприятия передается повторами слова *протест*: от лица Дэбса (перформатив), от лица эсэров и с объективированной точки зрения (в орудийном значении). Модус сострадания также повторяется и связан

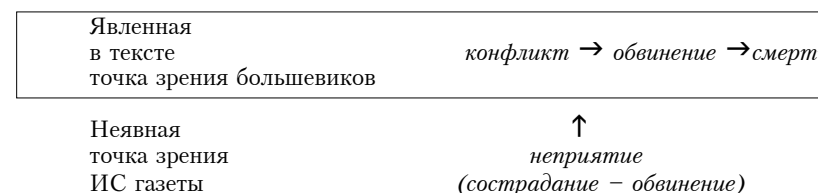
с субъектным расслоением актов речи: от лица автора в ремарках – *Дэбс заступает за эсэров, престарелый вождь, находящийся в местном санаториуме, по просьбе В. Чернова*, от лица Дэбса – *во имя общего человеколюбия*, от лица эсэров – *просим возвысить голос американских социалистов*. Модус обвинения эксплицитован от лица эсэров – *всем грозит смерть, большевики желают совершить акт мести*, но имплицитно содержится и в речи Дэбса.

Конфигурация указанной выше модели варьирует в зависимости от точек зрения, которые могут быть выражены в текстах с разной степенью определенности. Сравните ниже информацию с места события, где преобладают структуры знания и отраженные (в чужой речи) структуры мнения, выступающие в статусе знания.

• Радикальная антибЭГ

Между лицами, **расстрелянными** в последние дни в Петрограде, фигурируют девять журналистов, редакторов или сотрудников «*буржуазных*» газет. Они **осуждены**, согласно официальному сообщению, за то, что «*возбуждали своими писаниями население против советского правительства*» (ОД 1918, 12 окт.).

Модель коммуникативной ситуации отражает две точки зрения – явную и неявную:

Модель отражает внутритекстовую (чужая речь) точку зрения большевиков и относящуюся к ней как внешняя имплицитную точку зрения ИС газеты. Мотив конфликта обозначен в составе цитируемого обвинения: «*возбуждали своими писаниями население против советского правительства*». Семантика насилия и гибели содержится в строке сообщения о жертвах расстрела. Поставленная в кавычки и, таким образом, отчуждаемая идеологема «*буржуазные*» свидетельствует об остраненной точке зрения ИС газеты. Но эта остраненность не мешает читателю понять оценку факта сообщения (т.е. скрытое мнение ИС). Хотя модус неприятия присутствует в тексте имплицитно, он передается идеологией издания в целом и фактом предъявления враждебных читателю мотивов террора в частности.

Обратимся к в а р и а н т а м той же модели. Вариативность связана с идеологией газеты по месту издания и с конкретной на-

правленностью публикаций в прагматике момента борьбы эмигрантов за свои права. Рассмотрим пример из пробольшевистской газеты «Голос труженика» в Сев. Америке. Здесь актуализирован иной конечный элемент референциальной парадигмы: *конфликт – насилие – болезненное состояние (положение дел)*. Имеются в виду трудности, связанные с положением русских рабочих в Америке в период Гражданской войны в России.

- Радикальная проба ЭГ

В Монтевидео, Уругвай, **происходят забастовки**, в особенности в транспортной индустрии. Правительство **применяет войска для подавления** забастовочного движения. **Виновниками забастовок считают русских агитаторов**, проявляющих усиленную деятельность в последнее время. Правители не могут понять, что высокие цены на продукты **вынуждают рабочих бастовать** (ГТ 1919, 4 янв.).

Референциальная парадигма *конфликт – насилие – болезненное положение дел* занимает центральное место. Модальная парадигма *неприятие – сострадание – обвинение* находится с ней в отношениях косвенного соответствия. Мотив конфликта получает усиленную проработку, доминируя в предикативном составе всех четырех высказываний (*забастовки, забастовочное движение, бастовать*). Семантика насилия включена в конфликтный смысл как сопутствующая борьбе (*применять войска для подавления забастовочного движения*). Смысл 'болезненное положение дел' косвенно присутствует в трактовке ситуации, когда ощущается безвыходность положения: *Правители не могут понять, что...* Болезненное ощущение безнадежности положения должно вызывать у читателя протест, что и планировалось ИС газеты.

Модальная парадигма *неприятие – сострадание – обвинение* отражает активную позицию ИС, но выступает внешней по отношению к текстовой ситуации. Модус неприятия выражается имплицитно – в смысловом нагнетании отрицательных фактов и мотивировкой происходящего (*виновниками забастовок считают русских агитаторов, проявляющих усиленную деятельность в последнее время*). Модус сострадания с семантикой обвинения ассоциативно привносится в текст указанием: *Правители не могут понять, что высокие цены на продукты вынуждают рабочих бастовать*.

Обратимся к другому тексту, чтобы показать их типичность для данной газеты.

- Радикальная проба ЭГ

В штате Коннектикут **назревают забастовки**. Хозяева фабрик и заводов стали **выбрасывать рабочих**, а некоторых **переводят на другую**

работу и уменьшают заработную плату. Это **слишком чувствительно отражается** на благосостоянии рабочих, а в особенности семейных, и начинает приводить их в сознание.

Масса чувствует несправедливость, но она не организована и представляет сырой материал. В гор. Сыморе уже **вышли на забастовку** 600-700 человек из «Бросс Милл». Но **нет у них опытного руководителя, который соорганизовал бы их в один Большой Союз** – иначе стачки могут быть проиграны (ГТ 1919, 14 июня).

Смысл «болезненное состояние (положение дел)» получает психологически акцентированное выражение (*это слишком чувствительно отражается на..., масса чувствует несправедливость*). Ситуация вызывает сострадание (*рабочие семейные*). Смыслы неприятия и обвинения сопровождают референт-ситуацию насилия благодаря словам-прагмемам: *Хозяева фабрик и заводов стали выбрасывать рабочих...* Семантика обвинения неоднородна, ей сопутствуют прагматически разные смыслы: 1) обвиняются хозяева, 2) обвиняется передовая часть рабочих, не сумевших «организоваться».

2. Ментальная семантико-речевая оппозиция антинорма/норма.

В группе актуализированной атрибутивно-предикатной лексики с семантикой отрицания как отклонения от нормы действует вертикальная шкала отношений. Уровень нормы – представление о должном положении в действительности, обычно присутствует в тексте умозрительно, как фон негативной информации. Концепт борьбы представлен в текстах умозрительно, как «сопротивление» умственного начала (разумности).

Выделяется незначительная часть лексики с семантикой рациональной оценки и констатации того факта, что явление находится за порогом нормы: *ненормальный, неуместный, непонятный, странный*. Подавляющая часть лексики состоит из слов эмоциональной оценки с ассоциированной семантикой, включающей неприятие, иронию, осуждение. По форме это нередко атрибутивная или субстантивная лексика, имеющая в тексте полупредикативное значение.

В отношении к уровню нормативных представлений лексика с семантикой антинормы распадается на две группы.

1) Лексика, фиксирующая степень **превышения нормы по количественному признаку**: *тяжелый, бесконечный, нестерпимый, маниакальный, фантастический; загадка, сфинкс*.

2) Лексика, фиксирующая характер (реже степень) **пренижения нормы по качественному признаку**. Сюда относятся слова, мотивированные социальным понятием «низы»: *деклассированные массы, низшее существо, дно*. Однако основную массу этой группы лексики составляют: а) лексика, ассоциированная по семе 'болезненность'

(физическая и психическая): *старый, сухой, страшный; нелепый, бессмысленный, ненормальный* (психич.), *маниакальный; похмелье, анемия* и т.п.; б) лексика, ассоциированная по семе 'аморальность': *цинизм, подлость, бесстыдство; авантюрный, на все способный, преступный* и т. п. Это самая разработанная в газетах группа слов, формирующая идеографическую парадигму конфликт – насилие – гибель в составе текстов антибольшевистского направления.

Чтобы рассмотреть оппозицию **антинорма/норма** в структуре разных текстов, обратимся к фрагментам двух публикаций на темы местной жизни. Как увидим, соотношение двух парадигм (референциальной и модальной) сохраняется неизменным, что подтверждает их общую причастность к проблемно-критическому дискурсу ЭГ и к фундаментальному логико-психологическому отношению диктум-модус.

- Умеренная _{антиб}ЭГ

Ни для кого не секрет, что наша **старая** школа с ее трех-, а иногда и четырехмесячными каникулами жила **далеко не нормальной** жизнью: «**выматывая**» за зиму **все силы** детского организма **сухой** учебой, **старая** школа «**проматывала**», выражаясь образно, во время **бесконечных** каникул на лето, **почти наполовину все то, что дорогой ценой было приобретено** зимой (Тр. 1918, 10 апр.).

Референциальная идеографическая парадигма представлена в тексте в виде соотношения **конфликт – насилие – болезненность (нездоровье)**. Семантика конфликта связана с борьбой старого/нового и скрыто возникает в усиленной актуализации сем, связанных с образом старой (т. е. устаревшей) школы. В текст заложена такая ситуация («сценарий»), в которой школа проявляет качества насильника по отношению к детям – жертвам болезненного «вампиризма». Образная природа речи приводит к синтетизму смыслового выражения. Модус неприятия выражен рационально-оценочным повтором *старая* и эмоционально – в подтексте образного противопоставления. Модус сострадания и модус обвинения также выражены как в подтексте, так и косвенно: в «страдательном» опредмечивании жертвы и количественными противопоставлениями (квантитативной семантикой отрицания): «*выматывавая*» за зиму *все силы* детского организма, «*проматывала*» во время *бесконечных каникул за лето почти наполовину все то, что дорогой* (т. е. высокой) *ценой было приобретено зимой*.

Другой фрагмент – о неудовлетворительной работе парламента.

- Радикальная _{антиб}ЭГ

(1) Во время одной из очередных **бурных сцен** в парламенте, когда

депутаты, **изрыгая ругательства, угрожали друг другу кулаками**, председатель палаты г. Земфиреску **грозил закрыть** заседание и сделал знаменательное заключение: «**Это – не парламент**».

(2) Председатель палаты достаточно компетентен в ее оценке и надо признаться, что, пожалуй, **никогда не был так близок к истине, как при произнесении своего горького определения**.

(3) Но оно приобретает **поистине трагическое значение**.

(4) **Девять месяцев работы – и ни один законопроект не принят**. **Были** многословные и длительные разговоры о перенесении каких-то памятников – **и не было**, кажется, дня, обошедшегося без дразг и руготни.

(5) И на этом фоне разыгрывается **невиданная** транспортная **разруха**, проделываются продовольственные кунштуки г. Атанасиу.

(6) **В чем дело? Кто виноват?**

(7) Виновато и большинство палаты, **не проявляющее должной здоровой инициативы**, – виновата тем более оппозиционная федерация, **творящая критику – критики ради**, потому, что ей упорно не удается вкусить славкаго яда власти (НС 1921, 2 марта).

Литературно-образная манера письма обусловила беллетризованный способ существования референциальной парадигмы в тексте, а значит, и синтетизм ее выражения. Отрицание как отклонение от нормы и неприятие этого отклонения (отрицание отрицания) воплощено в новом варианте схемы: **конфликт – угроза насилию – трагедия разрушения**. В 1-м абзаце референциальная парадигма «упакована» в форму иронической стилизации. Совокупная семантика составляющих ее смыслов выражена посредством а) контраста словосочетаний, нормативно недопустимых в речи, когда речь идет о работе парламента; б) логическим отрицанием идентификации *Это – не парламент*. Таким образом ментальная семантико-речевая оппозиция антинорма/норма актуализируется и на уровне формы – стилистическим контрастом худож.-образное/офиц.-деловое, и на уровне идеи – понятийно-логической оппозицией парламента/не парламента.

Модус сострадания выражен во 2-й и 3-й абзацных фразах градацией атрибутивных форм оценки: *горькое определение, поистине трагическое значение*. Они усиливают напряжение в передаче конфликтной ситуации. Семантика, связанная с концептом «антинорма», также нарастает. В 4-м абзаце она разворачивается в форме речевой антитезы, построенной на отрицании: оппозиция *были/не было*. В 5-м абзаце разворачивание референциальной парадигмы достигает логического конца: появляется мотив гибели в слове *разруха*.

Модус обвинения эксплицирован в вопросно-ответном единстве. Здесь же (абз. 7) появляется мотив нормы, но лишь для того, чтобы подчеркнуть семантику антинормы: *не проявляет должной здоровой инициативы, творит критику – ради критики*. В заклю-

чительных строках обвинения ироническое неприятие достигает полноты сарказма: *не удаётся вкиснуть славкаго яда власти*.

Подведем итог. Анализ газетного дискурса показал наличие в содержании новости таких идеографических парадигм, как «Конфликт – Насилие – Гибель (Болезнь)», «Неприятие – Сострадание – Обвинение»; «Болезненность – Аморальность». Это соотношение базовых ментальных сущностей, или концептов, связанных по текстам в узлы семантических доминант, представляет собой некий «срез» состояния оценочного сознания в процессе восприятия эмигрантами текущей действительности. Тексты строятся по принципу семантической оппозиции, модель которой в различных по содержанию высказываниях отвечает конфликтным реалиям действительности с прототипом «антимир».

В парадигматическом отношении структура газетных текстов, построенная на семантических оппозициях, нами рассмотрена. Теперь обратимся к синтагматическому аспекту рассмотрения текстовых единств.

5.1.2. Семантико-речевые оппозиции в структуре текстовой референт-ситуации с ключевыми концептами «Россия» и «большевизм»

Текстовую ситуацию, связанную с передачей фактов, мы называем референт-ситуацией (далее в примерах РС). Ее границы в составе текстов относительно свободны: предложение, сверхфразовое единство, текст целиком. Конфликтная текстовая референт-ситуация вычленяется нами как составляющая формации социального дискурса⁷. В «ментальном мире» говорящего она представляет собой модель оппозитивной интерпретации действительности, основанной на соотношении базовых модальных понятий Действительного, Возможного и Необходимого.

Раздел посвящен: а) выявлению ментальных семантико-речевых оппозиций в составе текстов в рамках анализа ситуации по ключевым концептам; б) представлению названных семантических оппозиций в качестве универсального способа формации дискурса при всех конкретных различиях, связанных с субъективированным представлением референт-ситуации, с речевой модальностью или жанрами изложения.

Смысл модальности определяется «способом мысленного представления референта» [Зеленщиков 1997 : 47]. Модальность рассматривается в дискурсе комплексно: как устанавливаемое субъектом предикативное отношение связи сообщаемого с действительностью; как выраженное тем самым психологическое эмоционально-волевое отношение к сообщаемому; как социальная

морально-ценностная оценка в модусе идеологического отношения к главному объекту сообщаемого. Идеологическую модализованность сознания и речевую модальность текста (результат чувствования и мышления) мы рассматриваем в единстве их ментально-речевого существования и воплощения. Обе ипостаси (и когнитивная, и речевая) объединяются в составе психологического модуса, выражая участие ИС («точки зрения» говорящего) в репрезентации действительности. При этом «включение» модальности в диктум, согласно Балли, происходит на уровне языкового выражения.

Для проведения текстового анализа обозначим различные аспекты модальности, связанные с содержанием. Мы традиционно учитываем модальность *коммуникативную* (КМ), связанную с характеристикой предложения по цели высказывания и с ориентацией на адресата сообщения; модальность *грамматическую* (ГМ), связанную с показателями реальности/ирреальности сообщаемого⁸; модальность оценочную *лексическую* (ЛМ) и модальность *риторическую* (РМ), по принадлежности субъекту речи в стилистике нередко представляемую как тональность.

Текстовая референт-ситуация в составе дискурса о России отличается единством опорных концептов. Это ключевые по референции концепты «Россия» и «большевизм». Вокруг них складывается общий контекст с характерными элементами структуры (семантический фрейм, гештальт) и типовой идеологической интерпретацией. Заметим: прикрепленность речевого высказывания к российской действительности создается не только референцией предметных термов (наименований российских городов, российских граждан, явлений большевистской власти), но и референцией компонентов с пропозициональным значением, которые соотносятся с фактами, событиями, ситуациями.

По семантической нагруженности и сочлененности (соединению значащих структур) анализируемый дискурс можно рассматривать как речь дескриптивную (описательно-повествовательную) и речь транскриптивную (сконструированную идеологическим рассуждением). Первая разновидность представляет в большей степени *онтологический* аспект когнитивной семантики, вторая – *гносеологический* аспект концептуализации значений, соответствующий аналитическим жанрам. При этом весь достаточно обширный класс ситуаций может быть сведен к одной «семеме» «Россия». В обобщенном понимании [Греймас 2004 : 122] **семема** – это единица содержания, не зависящая от ее лексической оболочки (она может лишь подразумеваться) и не зависящая от ее контекстуального окружения в речи (она – категория более высокого порядка обобщений, категория концептуальная). Такую трактовку поддерживает мысль о сложности кодирования дискурса. Скажем, под лексикализацией концепта следует понимать превращение семемы не в лексему, а в

то, что иногда называют «словом в контексте» [Там же 2004 : 163]. Тогда «подвергнутая анализу единица коммуникации содержит, с одной стороны, *лексему*, ядро которой пытаются выделить, а с другой стороны – *класс контекстов, совместимых с этой лексемой*» [165; курсив наш. – Т. К.].

1. Концепт «Россия» (Русь) в культурно-исторической традиции связывается с тремя «слоями» значений: 1) этнос, народ = русские, 2) территория = русская земля, 3) государство = политическое образование [Степанов 1997 : 493 и сл.]. Разумеется, в эмигрантских текстах концепт *Россия* включает все три значения, но особенно часто присутствует в форме прозрачных дескрипций – географических наименований русских городов, поселений Севера и Юга, Сибири и проч. Прагмасемантика этих наименований в составе текстовых референт-ситуаций имеет вполне определенную константу: подразумевается *пространство, где имеют место разрушение (беспорядок), насилие, голод, гибель*. Основной идеей, на фоне осмысленного прошлого, выступает идея болезни России большевизмом. Она определила и характер референции в текстах. В антибольшевистской печати преобладает понимание «российской болезни» как психического и умственного недуга, с которым связано стихийное, агрессивное поведение и беспорядочность, или нарушение логики действий⁹.

Забегая вперед, добавим, что онтологический аспект интерпретации реконструирует событийно-аксиологическую основу утверждения *рациональной* идеи единства России со всем цивилизованным миром, частью которого она является и от оздоровления которой зависит «нормальная жизнь культурного мира». Гносеологический аспект интерпретации больше обращен к анализу способов представления предмета (Россия), включающих и *рациональный* когнитивный компонент, близкий к уровню досознательного.

Онтологический аспект интерпретации. В нашем описании используется предикатно-актантная терминология семантического синтаксиса. О модальном характере актантных категорий шла речь выше и в подразделе 4.2.2 предыдущей главы. Модальность обвинения организует содержание сообщения аргументной схемой: один актант наделяется способностью безжалостно действовать (агенса), другой по инерции оказывается жертвой насилия (пациенса). Таким образом синтаксис задает *лингвистические условия* познания мира.

Обратимся к текстам, выступающим в качестве показательных в анализе.

• **Корреспонденция** «Болезнь внутри» (ВР 1919, 28 авг.) представляет собой развитый в указанном отношении текст, повест-

вующий о ситуациях насилия с элементами сюжета, комментария, оценки положения дел. Текст не содержит дескрипций, напрямую связанных с темой болезни России (кроме заголовка, имеющего такой подтекст при вторичном его осмыслении после прочтения корреспонденции). Однако речевая последовательность текста строится на логических несообразностях, которые должны болезнь символизировать. Модальности: грамматическая – реальная была=РС; коммуникативная – утверждение, недоумение, сострадание; риторическая – в форме субъективно-авторской речи, построенной на логической несообразности с включением сигналов чужой речи.

Идея болезни в тексте связана с оценкой поведения (образа действия и образа мыслей) субъектов действия как нездорового. Как мы увидим, эта оценка реализуется в рамках концептуальных оппозиций, заданных в тексте благодаря приему алогизма, семантике насилия и существующим в сознании читателя нормативным представлениям: а) о должном в сфере умозрительных отношений в элементарной логике – логичное/нелогичное (понятное/непонятное); б) о позитивном в сфере человеческих (социальных) отношений в действительности – насилие/ненасилие, согласие/несогласие, конфронтация. Заметим, что оппозиции из сферы умозрительного *логичное/нелогичное, понятное/непонятное* имеют отношение не только к рациональной, но и к эмоциональной оценке (то, что логично – принимается, нелогично – отрицается; то, что понятно – удовлетворяет, непонятно – удивляет, вызывает недоумение, интерес). Оппозиции из сферы реального (действительного) *насилие/ненасилие, согласие/несогласие (конфронтация)* имеют более сложную по прагматике семантику аксиологической оценки, которая зависит от точки зрения (этической, эстетической и проч. социальной). Осуждаться или поощряться может любой член диады. В данном тексте осуждается насилие и вызывает сочувствие конфронтация.

Логические несообразности в тексте передают оценочное понимание РС как ненормальной, вызывающей недоумение. Недоумение окрашено еще и сомнением. Выражается 1) знаками препинания (многоточием, тире, которые создают паузы растерянности и/или многозначительности в речи рассказчика; 2) средствами ЛМ: наречиями с семантикой неопределенного, сомнительного знания (*повидимому, почему-то*, предикатом той же модусной семантики *видно*). Обратимся к тексту, где знаком // передается логико-смысловое несоответствие фрагментов высказывания. В записи обозначена также логическая композиция текста, о которой ниже.

(1) По последним сведениям, в Святошинском лагере под Киевом были интернированы... // красноармейцы [РМ : логич. несообразность; КМ : недоумение; сем.: Насилие].

семантическое следствие ¹⁾	(2) Около 40 тысяч «своих» // убрано было в концентрационный лагерь. Все это – мобилизованные крестьяне. Повинны – // в контрреволюции. В действительности же // не желали воевать.
семантическая причина	[PM : элем. несооб.-авт. речи, логич. несообр.; KM : недоумение]. Отказ ехать на позиции // едва не закончился сражением, предупредить которое удалось чуть ли не хитростью. Разоружали верные латыши [элем. несооб.-авт. речи; PM : логич. несообр.; сем.: Насилие].
семантическое следствие ²⁾	(3) Этот // контрреволюционный корпус, ввиду приближения Деникина, выводился частями и размещен сейчас за М о с к в о й в нескольких лагерях. Следствие продолжается: были уже расстрелы [сем. Насилие].
семантическое тождество	(4) Другой лагерь находится у К о р о с т е н я. Там два полка. Им оружия не дали. Предупредили, что воевать не будут. И вот, чтобы избежать шумной процедуры разоружения, // согнали безоружных в глухую дыру под К о р о с т е н ь [PM : элем. нес.-авт. речи; логич. несообр.; сем. Насилие; KM : сострадание]. Конечно ведется следствие и были расстрелы. Но режим там, по-видимому, более мягкий, чем в С в я т о ш и н с к о м лагере: контрреволюционеры // пьянствуют, дуются в карты бесчинствуют и... // занимаются грабежом. [PM : элем. несооб.- авт. речи; логич. несообр.; сем.: Насилие; KM : сострадание]
семантическое различие	(5) Расстреливая за контрреволюцию, большевики // почему-то смотрятнисходительно на разбойное поведение своего взбунтовавшегося воинства [PM : элем. несооб.-авт. речи; логич. несообр., сем.: Насилие].
семантическая причина	Причина такого попустительства – отчаянное положение продовольственного дела [сем.: Голод].
семантическое следствие ²⁾	(6) Из разговоров с «интернированными», которые, кстати, // слоняются по всем окрестностям [PM : логич. несообр.; сем.: Насилие], видно, что и на С е в е р е тоже существуют концентрационные лагеря для «контрреволюционно» настроенных // красноармейцев [PM : лог. несообр.; сем.: Насилие].
семантическое тождество	(7) Только там дело с продовольствием обстоит – еще хуже [сем.: Голод].

На уровне логической композиции текста (пометы слева) несообразность отсутствует. Как и положено, логические следствия вытекают из причин, а тождества и различия чередуются. Однако с целью активизации оценочного восприятия текст строится по принципу композиционной инверсии: речевой блок, выражающий семантическое следствие, предшествует речевому блоку, выражающему семантическую причину и т.д. Семантическое тождество

фактообразующих ситуаций с разной пространственной референцией (*под Киевом, за Москвой, у Коростеня*) выражается в идентифицирующих повторах (*концентрационный лагерь, другой лагерь, разоружение, следствие, расстрелы*) и общим сюжетным сходством изложения фактов. Семантическое различие состоит во введении новой оценочной информации, связанной с парадоксальным образом поведения красноармейцев (*отказ ехать на позиции*), интернированных (*слоняются по всем окрестностям, дуются в карты, бесчинствуют и... занимаются грабежом*).

Как видно, идея болезни проводится в составе референт-ситуации и средствами риторической модальности, композицией точек зрения. Присутствует субъективированная речь, включающая сигналы чужой (несобственно-авторской) речи. В результате выявляется соответствие двум точкам зрения: 1) сухой идеологизированной точке зрения большевиков, выступающих в роли *агенса-насильника* (в абз. 1-4 он подразумевается, а изложение идет в неопределенно-личной форме); 2) простонародной сострадательной точке зрения, принадлежащей невыявленному участнику в роли *пациенса-наблюдателя* сообщаемого (4, 5 абз.). Изобразительным является абз. 4, где алогизмы и повторы в неупорядоченной речи рассказчика имитируют взволнованность лица, сочувствующего пострадавшим. Сравните: *Им оружия не дали... // и вот чтобы избежать шумной процедуры разоружения // согнали безоружных в глухую дыру под Коростень*.

Идея умственного и психического расстройства участников событий проводится последовательно и обнаруживается в структуре фактообразующих высказываний благодаря приему контраста, или синтагматического противопоставления. Семантика предиката, передающая образ действий или мыслей персонажей, входит в несоответствие с их наименованиями как лиц и групп, поведение которых определено идеологически (в пресуппозиции). В результате в тексте наблюдаются следующие «неформальные» отношения.

1) Наблюдается отношение логического несоответствия в образе действий и мыслей насильников (*большевики*):

а) *интернированы... // красноармейцы; убрано было в концентрационный лагерь // около 40 тысяч «своих»*. Семантика дескрипций *красноармейцы*, «свои» затемнена (отсюда эффект первоначального недоумения), ведь языковая компетенция говорящего включает в трактовку значение слова *свои* с семей «связанные близкими отношениями, совместной работой, общественными убеждениями»¹⁰.

б) *Расстреливая за контрреволюцию, большевики // почему-то смотрятнисходительно на разбойное поведение своего взбунтовавшегося воинства*. Ср. со следующей фразой комментария, где устанавливается отношение рационального соответствия между

образом мыслей насильников и положением дел: *Причина такого попустительства – отчаянное положение продовольственного дела.*

2) Наблюдается отношение логического (и идеологического) несоответствия в образе мыслей и действий жертв насилия, также ставших насильниками: **красноармейцы** // не желали воевать; отказ ехать на позиции; контрреволюционно настроенные; **контрреволюционеры** // пьянствуют, дуются в карты, бесчинствуют и... занимаются грабежом; **интернированные** // слоняются по всем окрестностям.

Указанные несоответствия и организуют понимание референт-ситуации как ненормальной, болезненной. Такое понимание может осуществляться только с помощью задействованных по смыслу текста целостных структур сознания: а) умозрительных – по оси концептов *истинное/ложное*, б) идеологических – по оси концептов *свои/чужие*.

Оппозиция *свои/чужие* реализуется в составе текста как алогизм несоответствия. Это подчеркивается в наименованиях кавычками: «свои» оказываются ложными своими, *красноармейцы* оказываются «контрреволюционно» настроенными, то есть ложными красноармейцами, вследствие чего *мобилизованные* оказываются *интернированными*. В результате противоположность *истинное/ложное* имеет отношение к пониманию проблемы большевизма в России как вопроса о соответствии/несоответствии, органичности/неорганичности этого явления (идеологии) народному укладу и сознанию.

В заключение можно добавить, что оценка референт-ситуации болезни реализуется как в части предикативной организации высказывания (рема), так и по линии предварительной его организации (идентификация, тема). Идея российской болезни просматривается не только в последовательном развертывании текста, но и в совокупном смысловом соответствии *беспорядок – насилие – голод*.

• З а м е т к а «Вести из Петрограда» (ГР 1919, 30 дек.) в отличие от предыдущего материала относится к группе текстов, в которых заголовок прозрачен по своей референции, и тема болезни в нем отсутствует. Однако она вычитывается имплицитивно в содержании референт-ситуации.

Идея болезни и связанные с ней атрибутивные дескрипции с концептуальной семантикой **Нарушения – Голод – Гибель** выражены в составе текста структурами, обозначающими несоответствие: а) бытийное, средствами грамматической модальности – Была=РС/Есть=РС, причем Была=РС выражается косвенно, через пресуппозиции высказываний (абз. 1-2); б) умозрительное, средствами риторической модальности – ЛОГИЧНОЕ/АЛОГИЧНОЕ, выраженное через синтагматический контраст (абз. 2), где интонационный компонент обозначен кавычками.

(1) Лицо, приехавшее недавно из П е т р о г р а д а в Гельсинфорс, сообщает о жизни бывшей столицы все такие же мрачные подробности, как и прежде. Голод и в особенности холод – главные язвы полувывмершей и опустевшей Невской столицы [**косв. Была=РС / Есть=РС; сем. Гибель**].

(2) Несколько лучше обстоит дело по части «работы» Чрезвычайка [**косв. Была=РС / Есть=РС; сем. Гибель**]. Расстрелы интеллигенции происходят редко. Беспощадно расстреливают только спекулянтов и дезертиров. Расстреляна недавно компания спекулянтов, продававшая совету народного хозяйства // принадлежащие ему же 4000 сепараторов. Расстреляна компания, занимавшаяся освобождением от воинской повинности // во главе с цыганкой Масальской, Грамматиковым и др. [**ЛОГИЧНОЕ / АЛОГИЧНОЕ; сем. Гибель**].

В имплицитивно-оценочном отношении выразителен 1-й абзац. Благодаря введенным в текст наименованиям *Петроград – бывшая столица, Невская столица* – в смысловой объем текста включается экзистенциальная противоположность следующих референт-ситуаций:

реальная Была=РС (в пресуппозиции)	реальная Есть=РС (текстовая)
П е т р о г р а д /столица России, полная жизни /	<i>бывшая столица, полувымершая и опустевшая Невская столица</i>

Речевая противоположность временного плана, выраженная в составе Есть=РС обстоятельствами времени *недавно/прежде*, в контексте снимается: здесь доминирует качественное тождество *все такие же мрачные подробности, как и прежде*. Оценочный эпитет **мрачные подробности** выступает как ассоциированный семемами «болезнь», «гибель». Ср.: *Голод и в особенности холод – главные язвы полувывмершей и опустевшей Невской столицы*. Слова, характеризующие Есть=РС, являются самой обобщенной и категоричной формой оценки: это существительные, объединенные по семе старинного русского слова *язва* – «болезнь, мор», а также «зло», «вред» [Сл. под ред. Д. Н. Ушакова]. Многозначны по комплексу ассоциированных идей и оценочные адъективы *мрачные, полувымершая, опустевшая*. Они связаны общей идеей «гибели», «небытия», подерживая сему «мор» соотношением *мрак – смерть – пустота*. Совокупная семантика дает текстовую парадигму *Петроград (Россия) – болезнь, гибель*. Вместе с тем эта схема РС имеет смысловую доминанту – концепт **БОЛЕЗНЬ**, что подчеркивается синтаксически, морфологически, интонационно (модальностью утверждения).

В высказываниях актант *Россия* чаще встречается в роли второстепенного субъекта суждения. В текстах он и замечающие его

дескрипции втягиваются в структуру противопоставлений, создающих актуальный смысл сообщаемого с опорой на внешний контекст (Первая мировая война и революция). Обратимся к анализу разных по жанру текстов.

• Статья Л. Стеговского «Отношение России к Англии и Франции» (РД 1919, 12 февр.) тематически посвящена вопросам преемственности политической культуры в странах мирового сообщества, а по своей цели должна содействовать получению помощи Россией со стороны ее основных союзников. Такая помощь в любой форме, по убеждению автора, послужила бы «оздоровлению русского народа» в интересах всего человечества.

Как показано ниже, содержательно-смысловая структура текста делится на три части. Значимые логические положения выделены в нумерованные абзацы (в скобках). В нашей записи внимание обращается на внутритекстовые противоположения, связанные с атрибутивными (или как говорят, непрозрачными) и собственно референтными (прозрачными) дескрипциями. Благодаря этим внутритекстовым противоположениям прозрачные дескрипции (имена собственные) и непрозрачные дескрипции (группы имен нарицательных) сначала семантизируются в структуру морально-ценностной оппозиции СВОБОДА/НЕСВОБОДА, а в конечном счете мотивируются как глобальное оценочное отношение ЗДОРОВЬЕ/НЕЗДОРОВЬЕ (БОЛЕЗНЬ). В тексте скрыто присутствует *ситуация выбора*, актуальная для судеб мира и России. Обозначим ее в схеме:

Англия, Франция		Германия, немецкий народ
Россия, русский народ		
свобода		несвобода
здоровье		нездоровье

Посмотрим, как эта прагматическая ситуация мотивируется в тексте по ходу реализации речевой стратегии в его композиционных частях.

Первая часть композиции состоит из двух абзацев, где господствует описательно-аргументативная стратегия речи, или тактика выкладки аргументов. Модус представления – реальная Была=РС – пронизана модусом утверждения (уверенного мнения). Фактообразующая семантика (абз. 1) выступает в логической структуре текста как причина развития событий (абз. 2).

(1) Русский интеллигент **ездил** в Германию и **изучал** там естественные науки и теоретическую философию, // но **никогда не воспринимал** политической морали ее; источником политического образования были для него исключительно Франция и Англия. В Германии он **обучался технически**, // в тех странах – **человечески и гражданственно**.

(2) Это столетнее сотрудничество и создание глубокой и принципиальной разницы политической культуры Германии, с одной, // и Франции-Англии, с другой стороны, **привело** в конце концов **к политическому сближению** России с последними, которое вполне созрело к моменту, когда Германия // **объявила войну человечеству** за мировое господство.

Как видно, благодаря семантическому контрасту предикатов собственно референты (прозрачные дескрипции) включаются в структуру смысловой оппозиции, которая отражает оппозицию референтальную в картине мира.

Вторая композиционная часть также состоит из абзацев 3 и 4. Здесь описательно-разъясняющая стратегия речи. Ограничительный вывод из аргументов подготавливает тактический переход к введению идеологемы «СВОБОДА» и связанных с нею ценностей жизни.

(3) России **могут быть близкими только те** народы [// а не иные], где **с в о б о д а** действительно составляет центр сознания их души, где **о н а** вошла in succum et sanguinem их, во все их институции, где представляет основную ценность их жизни.

(4) Немецкий народ ни в коем случае **не может быть отнесен** к числу их, так как он никогда **не чувствовал внутренней потребности** // направить силы своего духа **к достижению внутренней СВОБОДЫ** и подчинить **ЕИ** все свое мирозерцание [выделено заглавными буквами в первоисточнике. – Т.К.].

В модусе утверждения противопоставляются (3) *Возможная=РС*, и (4) *Невозможная=РС*. Они опираются на субъективно-категорическую оценку реальной *Была=РС*.

Третья часть резюмирующая, с трехчастным абзацным членением (абзацы 5, 6, 7). Эта часть характеризуется причинно-следственным построением речи с тактическим введением инструкции для понимания логики *возможной* ситуации, имеющей прецеденты.

(5) Опыт насаждения в России немецких теорий, лишенных истинной своей сущности – реальной **с в о б о д ы** // **обречен на гибель рано или поздно. Поэтому** дружба России с Германией // **послужила бы лишь к усилению реакции, как показал опыт прошлого**.

Утверждается *Возможность предполагаемой=РС*, причем утверждение содержит дискурсивно известные читателю мысли.

(6) Русский народ может ждать помощи, в какой бы форме она ни вылилась, для своего **о з д о р о в л е н и я** [**в пресуппозиции**: наличие болезни] **только от** своих идейных друзей [**в пресуппозиции**: не Германия].

Модус утверждения переходит в побуждение. Вводится и утверждается *Долженствующая=РС*.

(7) Эта помощь **должна быть оказана ему** искренне и бескорыстно в интересах всего человечества, громадную долю которого составляет русский народ, при помощи и участии которого **только и может быть** восстановлена нормальная жизнь культурного мира

[в **предсуппозиции**: без участия русского народа восстановление невозможно].

Как видно, в тексте господствует модус уверенного (категорического) утверждения. Он обозначен в составе предикатов разными формами наклонения, модальными словами и обстоятельствами меры: *исключительно* – в (1), *вполне* – в (2), *только* – в (3, 6, 7), *ни в коем случае* – в (4). Модальные оценки выражаются предикативно и включают (абз. 5) **оценку действия как неизбежного** (в форме индикатива *обречен*, усиленного обстоятельством непреложности *рано или поздно*); (абз. 6) **оценку действия как желательного и возможного** (оптатив) *может ждать помощи*, усиленного ограничением *лишь от своих*; (абз. 7) **оценку действия как должного** (конъюнктив в роли косвенного перформатива) *должна быть оказана ему*, что усиливается обстоятельствами морально-ценностной семантики – *искренне и бескорыстно, в интересах всего человечества*.

Гносеологический аспект интерпретации текстов с концептом Россия отвечает идее иррациональной природы самого народного духа России: о «женственной, пассивной душе русского народа» говорил В. Розанов, о ее особенных свойствах писал Н. Бердяев [см. Бердяев 1990б]. В художественной публицистике эмигрантской газеты *Россия* предстает как «безумная родина», которую трудно понять, но в которую верится. Приведем один выразительный пример, чтобы затем обратиться к дискурсивно выраженной причине такого образа России – к болезни под названием «большевизм».

• Художественно осмысленная «виртуальная» реальность предстает в очерке «Из России в Польшу через Европу» (ВР 1919, 28 авг.). По-видимому, автор был участником события. Художественно-документальная манера изложения помогла ему (подписался К.Н.) создать многозначный текст. Мы постараемся вскрыть находящийся в нем смысловой потенциал, связанный с дескрипцией *Россия*. Приведем два отрывка: диалог с авторскими ремарками из основной части очерка и концовку очерка. Модус представления картины – *реальная Была=РС*, но потенциал изображения таков, что содержит когнитивно-семантические оппозиции, подразумевающие наличие своего рода бессознательного.

В тексте первого отрывка актанта *Россия* характеризуется в составе предикатов признаками, подразумевающими глубинные оппозиции концептуального характера.

Ночь выпала **сказочная** [РЕАЛЬНОЕ/ВИРТУАЛЬНОЕ]. Долго сидели все наверху [верхняя палуба корабля. – Т. К.]. **Спорили** о России, **гадали** о судьбах Европы [ЗНАНИЕ/НЕЗНАНИЕ].

– Одно скажу, – твердо заявил уполномоченный, – я верю в Россию.

– Мы-то в Россию **верим**, да вот **верит ли** Россия в нас... [ВЕРА/НЕВЕРИЕ]. В этом вся суть, а впрочем, старикам пора спать...

И, поправляя пенсне, Родичев¹¹ простился с нами.

– Господа, как хорошо, – вздохнула Зинаида Васильевна, – и за что так хорошо... прямо плакать хочется.

Все замолкли.

Амбивалентная двойственность художественного сознания подспудно проявляется и в авторской речи, и в репликах диалога (субъективно-модальное противопоставление *мы верим, // да вот верит ли Россия*). Двойственен по своей семантической роли актанта *Россия*: сначала он в позиции пациента, затем выступает в роли агенса – непосредственного инициатора РС, «контролирующего» ситуацию и ее участников: **верит ли** Россия в нас... В этом вся суть... Напряженность вопроса снимается юмором расслабляющей концовки: *а, впрочем, старикам пора спать... И, поправляя пенсне, Родичев простился с нами*. Амбивалентность реплики «*Так хорошо... что прямо плакать хочется*» мотивирована психологизмом художественно-публицистического повествования. В то же время эмоциональная фраза героини подготавливает смысловую линию сюжета, связанную с образом «большой» России. Это концептуальное представление о «милой, растрепанной, безумной родине» появляется в сильной позиции в конце эпизода. Рассмотрим концовку. В ее составе угадываются скрыто присутствующие ментальные оппозиции.

Свежело. **Жизнь замерла** [ЖИЗНЬ/СМЕРТЬ]. Настал **покой** и смутной **тревогой** сжались сердца [ТРЕВОГА / ПОКОЙ] и тех, кто завтра должен **покинуть** «Владимир», **нырнуть в гущу константинопольской жизни**, и тех, кого **ждали и стерегли длинные часы пути** к иным берегам [ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ/ПРОМЕДЛЕНИЕ, ОЖИДАНИЕ].

Все **стали задумчивыми и грустными**.

Одна только Зинаида Васильевна **настойчиво твердила**:

– **Работать, работать и работать** [ДЕЙСТВИЕ / РАЗДУМЬЕ, МЕЛАНХОЛИЯ]. Вот там, в Вене, **приобрету** технику, **наклонюсь к самому источнику европейского знания**... а потом домой, к милой, растрепанной и безумной родине. К ней и для нее [ЗНАНИЕ / НЕЗНАНИЕ, ПОНИМАНИЕ/НЕПОНИМАНИЕ; УМ/БЕЗУМИЕ, ГЛУПОСТЬ; ЗДОРОВЬЕ/НЕЗДОРОВЬЕ].

Прокомментируем сделанные пометы. В приведенном фрагменте вскрываются амбивалентные ряды ментальных множеств, связанные причинно-следственными отношениями. Если распо-

ложить их в порядке следования по тексту, то их единство оказывается небезразличным для интерпретации глубинных смыслов сообщаемого. Сравните: понятие реальной **деятельности** каузируется наличием **действия**; **ожидание и промедление** бывает следствием **раздумья**; **действие (активность)** является следствием наличия **знания**; **раздумье (меланхолия)** часто обусловлены **незнанием**; **знание** является причиной или следствием наличия ума; **незнание (непонимание)** выступает как причина (или как следствие) наличия **безумия (глупости)**; **ум** – это и причина, и следствие **наличия знаний**; **безумие (глупость)** поступка может возникать по причине незнания или вследствие **незнания (непонимания)**; **здоровье** является причиной положительного ума или следствием присутствия **ума**; **нездоровье (болезнь)** возникает как следствие **безумия (глупости)** или же их причина. В результате может быть установлена **синтагматическая цепочка когнитивных оппозиций, пронизывающая текст имплицативно**.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (активность) ДЕЙСТВИЕ (понимание) ЗНАНИЕ УМ ЗДОРОВЬЕ	ОЖИДАНИЕ, ПРОМЕДЛЕНИЕ РАЗДУМЬЕ (меланхолия) НЕЗНАНИЕ (непонимание) БЕЗУМИЕ (глупость) НЕЗДОРОВЬЕ (болезнь)
---	--

Для целей интерпретации нам важна нижняя часть данной последовательности, то есть концепт «Здоровье». Он выступает базовой ценностью по отношению к другим. Ментальная схема обладает объяснительной силой для интерпретации понимания эмигрантами «русской болезни». С одной стороны, понимание «нездоровья России» имеет под собой эмоциональную основу дискурса страстей, связывается с болезненным недоумием, даже безумием. С другой стороны, наличие «русской болезни» мотивируется малым знанием или многим незнанием. Это щадящая, мягкая позиция речевого субъекта. Наименование «милая, растрепанная, безумная родина» мотивировано общепонятным для русской интеллигенции женским образом России – близким к народному образу, который выдает сочувствие и желание помочь.

2. Концепт «большевизм» в советской культурно-исторической традиции означает «то же, что ленинизм, т.е. марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности» [Сл. под ред. Д. Н. Ушакова]. Главная константа прагмасемантики этого слова в эмигрантских газетах выражается метафорической оценкой: большевизм – опасная болезнь, которая подобно эпидемии имеет свойство распространяться и заражать другие народы. Большевизм понимается, *во-первых*, как агрессивное

проявление доктрины недемократического, тоталитарного переустройства общества, соотносимого по результатам своего осуществления с низшими формами социальной жизни, а по методам – с формами болезненной и /или преступной жестокости; *во-вторых*, как социальный и человеческий (на уровне индивидуума – психический и умственный) недуг, связанный с противоречивой судьбой великого и в то же время угнетенного и отсталого народа, в краткий срок претерпевающего величайшие исторические катаклизмы. Обратимся за подтверждением к текстам.

• Корреспонденция с элементами интервью «Керенский о большевизме» (НЖ 1919, 11 сент.) помещена под рубрикой «Вести и факты». Полемические ответы Керенского строятся на уверенном в себе опровержении чужого мнения. Идея большевизма как русской болезни находит открыто выраженную мотивацию *временем и местом* происходящего. Обратим внимание на концовку предпоследнего абзаца (1) и последний абзац (2).

(1) ...Пройдет еще одно лето, наступит новая зима, и народные массы **достаточно ознакомятся с большевизмом, во всех его цветах и оттенках, разочаруются** во всех видах террора, – // и тогда они **снова будут просветлены** и выдвинут из своей среды достойных вождей.

[ГМ – реальные Есть=РС / снова Будет=РС, т.е. косв. Была=РС; сем. **Насилие, Болезнь**].

(2) На вопрос корреспондента о том, что он думает об американских большевиках, // Керенский, смеясь сказал: «Вам нечего бояться большевизма в Соединенных Штатах. **Большевизм не может нарастать в стране**, где народные массы так хорошо питаются и живут, как в Соединенных Штатах. // **Большевизм – болезнь усталых, истощенных народов**, живущих под пятой в продолжении столетий. / Вы вполне защищены от этой болезни в Америке, уверяю Вас».

[ГМ – реальная/ирреальная РС в рамках оппозиции Россия/США; сем. **Болезнь**].

В смысловой структуре 1-го абзаца присутствует экзистенциальная противоположность: три ситуации-референта, связанные предикатами с наименованием *народные массы* (далее *народы*): *ознакомятся – разочаруются – снова будут просветлены*. Наименования вводят в текст, помимо характерных для духа того времени социальных коннотаций, важный для риторического эффекта количественный компонент смысла. Он связан с длительностью процесса: *пройдет еще одно лето, наступит новая зима и...* Количественный показатель связан и с идеологемой *большевизм*: вводится ироническое кванторное слово «*во всех его цветах и оттенках*». Иронические наименования не просто характеризуют речь Керенского как выразителя авторитетного мнения в среде некоторой части эмиграции. Иронические наименования играют роль стержня, вокруг которого образуются идеологические концепты, связанные с судьбой России:

«действительность Р./будущность Р.»: они осмысливаются под знаком противоположения реальность/ирреальность. Реальная бытийная ситуация в пресуппозиции сообщаемого двойится и представлена как смутная Есть=РС и светлая Была=РС. Вместе с ирреальной = долженствующей = снова Будет=РС (текстовая ситуация веры – *будут просветлены*) светлая Была=РС составляет оппозицию реальности в настоящем. Настоящая ситуация (Есть=РС) выражается косвенно: она существует как то, что всем известно (см. левый столбец ниже).

Модальные противоположения текстовой референт-ситуации:

Реальная ЕСТЬ=РС (в пресуппозиции)	Ирреальная, веры = долженствующая снова БУДЕТ=РС, т.е. косв. БЫЛА=РС
(народные массы, <i>недостаточно знакомые с большевизмом во всех его цветах и оттенках, не разочарованные во всех видах террора, помраченные недостойными вождями</i>)	народные массы достаточно ознакомятся с большевизмом во всех его цветах и оттенках, разочаруются во всех видах террора, – и тогда они снова будут просветлены и выдвинут из своей среды достойных вождей.

Идея болезни как психического и социального недуга выражена признаковой семантикой имплицитно. Народный недуг, возникший под влиянием большевизма, связывается с кратковременным массовым заблуждением, ср.: «*большевизм во всех его цветах и оттенках, во всех видах террора*»; «народные массы, *помраченные недостойными вождями*». Предикат «разочаруются и снова будут просветлены» включает смысл «как раньше». Текст подразумевает не только оппозицию «антинорма/норма», но и отношение соответствия «большевизм – болезнь».

Семантическая оппозиция в следующем абзаце выражена четко, она реконструируется как подразумеваемая.

Модель ментального противоположения:

Больная Россия	Здоровая Америка
реальная ЕСТЬ=РС болезни большевизмом (операция отождествления)	реальная НЕТ=РС болезни, ирреальная НЕ МОЖЕТ БЫТЬ=РС болезни большевизмом
(Страна, где есть) <i>большевизм болезнь усталых, истощенных народов, живущих под пятой в продолжение столетий.</i>	Большевизм не может нарастать в стране, где народные массы так хорошо питаются и живут, как в Соединенных Штатах. Вы вполне застрахованы от этой болезни в Америке, уверяю Вас.

Как видно, в тексте реализована скрытая ментальная оппозиция концептов *Настоящее / Прошлое и Будущее* для России, *Настоящее*

и *Будущее* для Америки. Выдвинутая оппозиция связана с устойчивым для антибЭГ мотивом опасности распространения большевизма. Она обозначена в тексте средствами КМ: а) вопросом к Керенскому и б) ответным отрицанием (заверением Керенского).

• В корреспонденции «Красные во Франции» (НЖ 1919, 11 сент.) идея опасности распространения русской болезни большевизма актуализирована уже в заголовке. В тексте из двух абзацев композиция сообщений однотипная: 1) сообщение о выходе авторитетного лица из социалистической партии в знак протеста, 2) сообщение о причинах этого поступка: партия находится под влиянием большевизма. Указываются признаки опасной болезни, составляющие характеристику Есть=РС с точки зрения персонажей новости.

(1) Париж. 30 авг. (РТА). Депутат-социалист, член президиума социалистической партии Неклю вышел из партии и напечатал в газетах **письмо, в котором объясняет причину и указывает на антидемократические тенденции**, берущие верх в партии под **вредным влиянием** большевизма. Неклю пишет: **классовая борьба**, которая **должна быть только средством**, сделалась целью и часто заменяется **классовой ненавистью**.

[**скрытая оппоз. Любовь/Ненависть**, разводящая мораль христианскую и классовую].

(2) Другой социалист, бывший кандидат партии при выборах Эрлих, проведший два года в Р о с с и и, тоже вышел из социалистической партии и **напечатал письмо об ужасах большевизма**. По поводу этих ужасов депутат социалист Варейн пишет, что руководство партии **захвачено красными элементами** и она **разлагается**. Варейн **требует, чтобы** социалисты, стоящие за национальную оборону, остались сплоченными перед **опасностью безумия красных элементов**.

[**эмотивн. и волитивн. модусы; сем. Опасность, Агрессия, Гибель, Болезнь**].

Отмеченные в тексте дескрипции имеют обобщенный характер: это идеологемы (*классовая борьба, красные элементы*), названия сильных чувств (*ненависть, ужас*) и умственного состояния третьих лиц (*безумие*). Идеологемы включены в динамический контекст, благодаря оценочным предикатам действия процессуальной семантики (*берут верх, заменяется, разлагается*) и результативной семантики (*сделалась целью, захвачена*).

• Ф е л ь е т о н «Радикальные мероприятия» (ВР 1919, 14 дек.) относится к группе публикаций, посвященных вопросам жизни русских эмигрантов в Польше, защите их прав и достоинства. Статья не связана прямо с обсуждением проблемы большевизма в России, но отвечает **идее опасности** «русской болезни». Автор уверен, что большевизм влияет на умы польской общественности, провоцируя

негуманные действия администрации по отношению к беженцам, эмигрантам. Модус представления – Есть=РС.

Изложение в фельетонной манере письма строится на смысловых неожиданностях и контрастах, но с модальностью утверждения. Для создания иронии используются алогизм, комическое преувеличение и уподобление, литературные аллюзии. Обратимся к тексту с разметкой поабзацно.

(1) Среди польских исторических анекдотов, попавших в хрестоматии и всякие сборники, занимают одно из видных мест рассказы про шута короля Сигизмунда I – Станчика, которому между прочим принадлежит изречение, что самая распространенная профессия на свете – **врача**. Фельетонист одной из варшавских газет не согласен с этим и утверждает, что больше – **политических знахарей**.

[ментальн. оппоз. согласие / несогласие; модус утвержд.; сем. Болезнь, оппоз. врачевание/знахарство].

(2) ...Действительно в наши тяжелые дни, в дни общественных болезней и недугов на сцену выступает **политическое знахарство**, предлагающее назойливо, крикливо **лечить их домашними средствами**. Отличительная черта знахарских средств – **простота и радикализм**: болит зуб – **вырвать зуб**, сломана рука – **отрубить руку**, завелась в доме заразная болезнь – **сжечь дом**.

[модус согласия; прием уподобл., алогизм; сем. Болезнь, оппоз. врачевание/знахарство].

(3) Типичные **сторонники знахарских средств** – русские большевики. (...) Следует удивляться, как это большевики до сих пор не последовали совету Свифта, предлагавшего иронически своим согражданам употреблять в пищу молодых ирландцев. Почему до сих пор в большевики нет лавок, продающих мясо буржуев, – вещь почти не понятная...

[модус иронич. недоум.; лит. аллюзия; сем. уподобл. Знахарство].

(4) **Политические знахари** в рекомендуемых ими мероприятиях почти всегда **напоминают пошехонцев, втащивших корову на крышу**, когда там выросла трава и никак не сообразивших, что проще скосить траву и дать корове. **К разряду этого рода знахарей** надо несомненно причислить и члена варшавского городского совета Будзинскую-Тылицкую (если не ошибаюсь, женщина – **врач**), рекомендующую в целях уменьшения квартирного кризиса в Варшаве выселять русских, евреев из литовских губерний (литваков), помещиков из тех же губерний...

[алогизм; лит. аллюзия; модус уверен. утвержд.; сем. уподобл. Знахарство].

(5) **Совершенно непонятно и странно** отношение этой печати к эмигрантскому вопросу и **объяснить его трудно**. Приходится полагать, не играет ли здесь решающую роль большевизм. **По странному стечению обстоятельств** особенно рьяно агитируют против эмигрантов как раз элементы, желающие приостановления военных действий по отношению большевиков и примирения с ними.

[сем. странности; модус иронич. недоум. и полагания; полемиче-ски снятая оппоз. местная печать/большевизм].

Текст характеризуется особенной интерпретацией не только идеи болезни, связанной с большевизмом, но и самого явления «большевизм». Новизна выражается в представлении, которое обусловлено определенным знанием явления изнутри (еще недавно Польша была в составе России): большевизм – *политическое знахарство*, а большевики выступают как *доморощенные лекари* социальных недугов России. Однако их «радикальное лечение» относится к антигуманным средствам, связанным с актом уничтожения, в том числе и людей (абз. 2, 3, 4). Доминирующие модальности также контрастируют: с одной стороны – уверенное утверждение, а с другой – ироническое (если не саркастическое) недоумение. Уверенность утверждения выражается модальными словами, уточняющими актуализаторами (*действительно, всегда, несомненно, как раз те*) и синтаксически: параллелизмом соответствия с ударными императивами в конце (*болит зуб – вырвать зуб, сломана рука – отрубить руку*), отождествительным высказыванием *Типичные сторонники знахарских средств – русские большевики*. Ироническое недоумение передается алогизмами, а также лексикой модусной семантики с подразумеваемой оппозицией (*следует удивляться, вещь непонятная, совершенно непонятно и странно, объяснить трудно, по странному стечению обстоятельств*). В качестве сквозных, идеологически доминирующих в тексте выступают иронические наименования, связанные с идеей болезни и ее лечения (*врач, знахарь, политическое знахарство, лечить, заразная болезнь, знахарское средство*). В роли модализованных неприятием актантов, ассоциированных по предикату с негуманным образом действий (мыслей), выступают два ряда дескрипций. Это дескрипции с прагмасемантикой 'политические знахари', 'знахарское средство' (*русские большевики, Большевия, большевизм*) и дескрипции с прагмасемантикой 'идейные противники по месту эмиграции' (*член варшавского совета Будзинская-Тылицкая; печать; элементы, желающие приостановления военных действий по отношению большевиков и примирения с ними*).

• В статье М. Исаева «Большевизм с точки зрения философии» (ВР 1919, 17 сент.) читатель находит взгляд на проблему большевизма с точки зрения гуманистических идеалов как непреходящей ценности.

Несколько предварительных замечаний. Проблематика статьи и научнообразный характер изложения обусловил введение в текст дескрипций абстрактного историко-социологического характера. Картина мира рассматривается с позитивистской точки зрения как состояние социального организма во время кризиса. Используется гносеологически функциональная антропоцентрическая метафора болезни, лечения, опоры, падения и т.п. Отсюда в тексте

возникают ряды ментальных и семантико-речевых противоположений, которые обозначены ниже в соответствии с концептуальным разграничением «антинорма» (БОЛЕЗНЬ)/«норма» (ЗДОРОВЬЕ). В тексте концептуальное поле антинормы или нормы включает свой онтологический аспект, знание действительности (Есть=РС/ Долженствующая быть=РС). Есть=РС отмечена по тексту наличием семантики Конфронтации (Разлада, Разрушения, Гибели). Долженствующая быть=РС отмечена семантикой необходимости Единодушия (Согласия, Блага). Выявленные в тексте синтагматические противоположения выведены в оппозиции по ходу линейного развертывания текста. **Примечание.** В разметке семантико-речевой структуры текста ниже символ → выступает в качестве знака перехода к противоположной части ментальной оппозиции.

Êíí ôâr ðòàèüí í âíí èá áí ðèí î ðì ù
 Áí ÈÁÇ Û
 ðààèüí àÿ Áñöü=DN̄;
 óñèí áí í ðààèüí àÿ Áóáâð=DN̄

Êíí ôâr ðòàèüí í âíí èá í ðì ù
 ÇÁÍ ÐÍ ÁÛÁ
 è ððààèüí àÿ Áí èæáí òð-
 áòð ù àÿ áú òü = DN̄;
 ðààèüí àÿ Áú èà=DN̄

(1) **Революционные движения**, охватившие народы Европы, произвели великий **политический и нравственный кризис**, →Пока умы не примут в **единодушном согласии известных общих идей**, способных образовать **общую социальную доктрину**, [Д О Л Ж Е Н С Т В У Ю Щ А Я БЫТЬ=РС; сем. Согласие]

→ до тех пор народы, несмотря на всевозможные политические паллеативы, будут находиться в **патологическом состоянии революционного брожения**, допускаяющего только **временные учреждения**. →[состояние стабильности = в пресуппозиции]
 [ЕСТЬ=РС; сем. Конфронтация, Разлад, Лишение /ср. Безумие/]

(2) **Тем временным учреждением**, свидетельствующем в то же время **о тяжелой социальной болезни народов**, измученных небывалой в летописях человечества **войной**, явился **большевизм с его обещанием социального рая**. Его идеи, охватившие **метущиеся умы и души** потерявших -----→ **нравственную точку опоры** людей, изверившихся прежде всего ----→**в своих моральных силах**, породили настоящий хаос в восприятии →**общегуманитарных истин**
 →и произвели полное крушение основ

общества. → -----**Все этические скрепления**, которые объединяли разнообразные его элементы в **одно стройное целое**, -[БЫЛА=РС; сем. Единство, Стабильн.]
 [ЕСТЬ=РС; сем. Нестабильность, Болезнь, Конфронтация, Обман, Хаос, Разрушение]
 разлетелись в прах, и каждый индивидуум, каждая социальная особь начала жить своей собственной самостоятельной жизнью, не считаясь с интересами другой особи. -----**Старые понятия о долге, совести, чести**
 [ЕСТЬ=РС; сем. Разрушение] оказались **надломленными или разрушенными** и на смену этих низверженных→**идеалов** явилось **хамство** – квинтэссенция отрицательных качеств человеческой природы, свидетельствующее о **глубине падения** человека.
 [ЕСТЬ+РС; сем. Разрушение, Моральное падение]

(3) Как солнечный луч, преломляясь в **кризис**, получает разнообразную цветную окраску и вместе с тем теряет присущие ему химические свойства, так и идеи социализма, будучи восприняты **недисциплинированными умами**, отразились в них в **уродливых формах** →[дисциплинированный ум = в крушение бывшего ранее социального строя.
 [ЕСТЬ=РС; сем. Искажение, Разрушение]

(4) ...Старания проповедников этой идеи внедрить ее путем поправки **преступным наклонностям** ее случайным последователям привели только к ее **извращению** (...) Попытка же внедрять учение **силой** окончательно обрекла его на **смерть**.

(5) **Надежды главарей** большевизма в России **на всемирную революцию**, то есть, иными словами, на принятие умами в единодушном согласии их идей, **разлетелись как дым** и доказали всю бесплодность их идей **заразить** мир большевизмом. Теперь уже он **не опасен**, так как **контагий этой заразы**

потерял свою жизнестойкость и не способен производить и порождать **новые заболевания**. Даже более, он является как бы **иммунитетом**, предохранителем в будущем от **заразы подобными болезнями**. Человечество, убедившееся на опыте, к каким страшным последствиям приводят **злые идеи**, кажущиеся привлекательными под **туманным покровом обещаний всеобщего братства**, уже не бросится очертя голову в расставленные сети, а пойдет ----- [ЕСТЬ=РС, БУДЕТ=РС; сем. Разрушение, Болезнь; Неопасность, Разоблачение, Обман]

(6) **Большевизм**, разнуздав страсти, **породил зло**, зиждиться на котором никакой общественный строй не может, ибо зло может по своей природе только **разрушать**, но не созидать. [ЕСТЬ=РС; сем. Зло, Разрушение]

→медленно и осторожно к **желанной цели** достижения **социального благоустройства**. [ДОЛЖЕНСТВУЮЩАЯ БЫТЬ =РС; сем. Достижение блага]

→[необходимость сдерживания страстей = **в пресуппозиции**]

→Творчество есть **удел добра**, идея которого и должна стать отныне **господствующей**.

(7) Мы надеемся, даже более – вполне уверены, что скоро настанет время, когда **отрезвленное человечество** вступит на путь **культурной работы над самим собою**, поняв, что **мир**, спокойствие и счастье могут быть достигнуты только тогда, когда человек осознает необходимость **стремления к нравственному совершенству**, и это сознание явится тем основным мнением, по Огюсту Конту, или **идеей, которая управляет миром**. [ДОЛЖЕНСТВУЮЩАЯ БЫТЬ =РС; сем. Выздоровление, Благо, Совершенствование]

Отметим способы обозначения референт-ситуаций текста. Как видно, реальная Есть=РС выражена в тексте формами прошедшего результативного (перфект). Долженствующая быть=РС эсплицирована лишь в конце текста, а в его основной части она присутствует в виде лаконичных сигналов отношения наименований к известным ценностям. В основании большинства противоположений лежит универсальная социокультурная оппозиция АНТИНОРМА/

НОРМА. При этом специфика речевой формы оппозитивности (как и в целом речевой деятельности в научно ориентированном публицистическом дискурсе) состоит из непрерывных процедур именования: ср. шрифтовые выделения в тексте. Заметим также: свобода формулировки оценочной позиции в таком морализирующем дискурсе ограничена целой системой априорных «принуждений», то есть ограничений в рамках выбранных модально-ценностных категорий добра, зла, социальной целесообразности и т. п.

Подведем итог, разделив выводные положения на две части согласно парадигматическому и синтагматическому планам проведенного анализа.

Экспликация ментальных и вычленение выявленных в текстах смысловых противоположений действительно помогает представить совокупность знаний и мнений в виде моделей понимания субъектами картины действительности. Модели извлекаются из «тела» дискурса методом структурного семантико-речевого анализа.

1. В **парадигматическом** плане анализа выявились **познавательные-ценностные парадигмы речевой семантики**, которые можно представить в виде следующих ментальных соотношений: *конфликт – насилие – гибель (болезнь); неприятие – сострадание – обвинение; количественность – качественность; болезненность – аморальность*. Важным условием при активации нужного идеологу состояния сознания воспринимающих текст является усвоенная ими социально-культурная парадигма привнесенных оценочных представлений о действительности. Стратегическое поведение ИС газеты также направляется понятийным полем ценностных установок, входящих в некий культурный канон. В частности выделенные идеографические парадигмы изложения могут быть связаны с **архетипами** национального сознания: с жалостью и состраданием к жертвам насилия, с осуждением насильников и другими ценностями, прежде всего – христианскими. Анализ текстов подтвердил, что можно выделить два этапа формирования оппозитивных противоположений – *дотекстовый* и *речевой*, воплощающий в «языковом» теле дискурса **запланированный акт морального воздействия**. Под его влиянием должна была складываться позиция читателя, близкая по эмоциональному настрою к позиции защитника и обвинителя. В таком коммуникативном пространстве легче обеспечивается целенаправленный выход смысла к ментальным представлениям адресата.

Для газетного дискурса новостей типично наложение **референциальной и модальной парадигм**. Экспликация повторяющихся в текстах содержательных цепочек различается в зависимости от идеологической направленности изданий. В газетах *антибольшевистского* направления больше эсплицированы мотивы г и б е л и

и сострадания наряду с открытым или косвенным выраженным мотивом обвинения. Известные для читателя смыслы, связанные с обозначением конфликта в модусе неприятия, присутствуют имплицитно. В газетах *пробольшевистского* направления, наоборот, больше эксплицирована референциальная составляющая содержательной цепочки с акцентом на идеологический конфликт классового и ценностного характера. Такой конфликт получает усиленную оценочную проработку в предикативных центрах высказываний. Модус обвинения здесь неоднороден, он расслаивается: наряду с «хозяевами» в состоянии положения дел обвиняются «несознательные» рабочие.

Ментальная и семантико-речевая оппозиция «антинорма/ норма» может быть выявлена в текстах умозрительно или косвенно. В основном косвенному проявлению этой оппозиции служит лексика с семей 'антинорма', которая актуализирует **количественно-качественные отношения степеней несоответствия** норме. Такая лексика включает кванторный компонент и больше разработана в текстах антибольшевистского направления, где она в качестве эмотивно насыщенной сопутствует формированию ситуации по схеме конфликт – насилие – гибель (см. далее 5.3).

Сценарно-повествовательная канва изложения с квантитативной семантикой отрицания характеризует также оппозитивный дискурс на темы местной жизни. Здесь ментальная оппозиция «антинорма/ норма» заметно интенсивнее актуализируется на уровне **формы выражения** (например, стилистическими контрастами). Впрочем, и сдержанный информативный способ передачи идеологии сообщаемого по мере накопления создает эффект кумуляции негативного смысла.

В дискурсном существовании текстов по диагонали выявляется закономерная для оппозитивности мнений актуализация **лексики с семантикой отрицания**. При этом наблюдаются два типа улавливания и концептуализации значения: значение отрицания как имманентно присущее слову *в его языковом значении* и значение как открытое проявление негативности *в контексте*. Известно, что особенности оценочной лексики свидетельствуют о приоритетах данной культуры. Значения слов в составе дискурсных высказываний характеризуются двойственностью социально-оценочной модальности (обвинение подразумевает и сострадание). Идеологически объяснимое «расслоение» оценок в лексике выявляется на фоне общей пропозициональной структуры (*действие* ← агенс → пациенс) с модальным концептом «Неприятие».

В **синтагматическом** плане развертывание оппозитивных единиц в разных жанровых формах показало **разнообразие вариантов пространственно-временной репрезентации** конфликтной картины мира в дискурсе.

Анализ текстов с точки зрения чередования линейных речевых последовательностей в высказываниях установил роль построений с актуализацией *логических несообразностей*. Их функция иконическая – символизировать «болезнь» России большевизмом. Велика роль *контрастов модальности* (сочетания утверждения и недоумения, удивления и сострадания) и в целом – *иронических оттенков* изложения. **Идея умственного и психического расстройств**, характеризующая участников многих событий, обнаруживается в структуре сообщений фактологического характера (заметка, корреспонденция) благодаря *лексико-синтаксическим контрастам, смысловым несоответствиям*, разным видам *синтагматического противоположения*. При этом **именно различного рода «несоответствия»** акцентируют в описанной ситуации ее ненормальность и болезненность. Положение дел и оценки этого положения могут быть скрыто оппозитивными в пресуппозиции. Они подразумеваются или «вычитываются» дополнительно.

Выражение линейных противоположений различается в зависимости от жанровой принадлежности публикаций. В показательной для материала *корреспонденции* создается *временной* план противоположений, связанный с референт-ситуациями разных периодов социальной истории (до большевиков Была=РС – сейчас Есть=РС – после большевиков Будет=РС). Модальные концепты Настоящее, Прошлое, Будущее входят в противоположение, когда дается объясняющее положение дел сопоставление России с другими странами. В *проблемных статьях*, помимо использования лексики с семантикой конфронтации, с одной стороны, и лексики согласия, с другой стороны, создаются структуры смысловой оппозиции, отображающие в референции идеально-ценностные противоположения в глобальной картине мира (например, олицетворенные Англия и Германия – это «Свобода» и «Несвобода» соответственно). При этом **бытийно** мотивированная причинно-следственная логика речи вступает в противоречие с **морально-нравственными** постулатами гуманистического сознания. В составе *художественно-публицистических* текстов (очерк) вычленяются скрытые оппозиции, имплицитно присутствующие в менталитете говорящего и обнаруживающие **глубинные слои оппозитивности** в сознании. В жанрах комического (фельетон) наблюдается почти тотальное в тексте построение изложения на смысловых неожиданностях, контрастах интерпретации с использованием всевозможных лексико-синтаксических средств несоответствия, приемов алогизма, иронического переосмысления наименований. **В целом план дискурса характеризуется глубинным разнообразием и проявляется как принадлежащий то парадигмальному, то синтагматическому способу существования.**

5.2. *Оппозитивное в «структуре апеллятивности» дискурса РЗ*

Ценность журналистской информации выявляется прежде всего в отношении к адресату. Проблема учета адресованности оказывается ведущей при коммуникативном подходе к тексту, так как она отвечает диалогической природе дискурса журналистики в целом. Диалогичность – фундаментальное, онтологическое свойство публицистики. Фактор адресата [Арутюнова 1981] в газетных текстах проявляется в удовлетворении информационных запросов и приведении композиционно-тематических и стилистических свойств текста в соответствие с гипотезой об информационных ожиданиях читателя. Поверхностно-речевой уровень текста зависит от представлений автора о когнитивном, эмоциональном, поведенческом аспектах концепции адресата. Это свойство газетных текстов, помимо аспекта адресованности, включает аспект ответственности и присуще как диалогическим текстам (типа интервью) и межтекстовым единствам (в виде диалога текстов), так и внешне монологическим публикациям в виде внутримнологической диалогичности. Последняя представлена не только способами и средствами, как бы заимствованными из устного диалога, но и средствами, специально для этого выработанными в письменной речи. Причем формы выражения диалогичности различны: в тексте отображается взаимодействие не только с аудиторией, но и с оппонентами [Дускаева 2004 : 9-30]. Реализация отношений «Мы (коллективное) – Вы (читатели и противники)» может носить как эксплицитный, так и имплицитный характер. Данные обстоятельства представляются важными для анализа наиболее востребованных в эпоху кризиса *новостных* текстов, где интенции говорящего обычно завуалированы. Обратимся к метатексту и диктуму новости, чтобы рассмотреть выраженные сигналы конфронтации в газетах разного направления.

5.2.1. *Имплицитивная и эксплицитивная оппозитивность в метатексте и диктуме новости*

Раздел посвящен интерпретации когнитивной модели новости, в жанровой природе которой обычно нет места оценочной тенденциозности, но есть ссылки на чужую речь (источник; 3.2.1). Позже мы рассмотрим метатексты в газетах антибольшевистской и пробольшевистской идеологической направленности.

Метатекст новости в эмигрантской газете интересен тем, что он содержит сведения о действиях и реакциях информатора в момент получения известий из России. Оппозитивная структура

коммуникации проявляется в ориентации ИС газеты на предполагаемого адресата, притом что **единую когнитивную составляющую новостей из России образовывали два полюса ментальных представлений, куда входила оппозиция МЫ/ОНИ.**

В период кризиса коммуникация протекает в особых условиях. Сложность такой коммуникации в ее новизне, динамичности, но самое главное в том, что она реализуется в контексте противостояния агрессивно настроенных оппонентов. Такой настрой проявляется во всяком взаимодействии смысловых позиций: между автором и гипотетическим адресатом, между авторами разных текстов (т.е. между текстами), между изданиями разной направленности и т.д. Наибольший интерес вызывает положение, когда оппозитивность присутствует в сообщении имплицитно вследствие общей модализации дискурса. Процессу модализации в идеологическом контексте, известном читателю, отвечает **прагматика затекстовой или скрытой текстовой оценки.** В результате имеются условия для интерпретации сообщений читателем в нужном для идеологического субъекта направлении.

Профессиональная ситуация получения известия в газетах РЗ строилась на стандартном положении – восприятии известий, переданных по телеграфу или отобранных из других источников. Основные ментальные операции – акты восприятия (зрительного и умственного) и акт затекстовой оценки. Исследователи говорят в этом случае об «определении нереализованных в данном тексте потенциях высказывания (о выявлении “заднего смысла”)» [Борисова, Мартемьянов 1999 : 11]. В газетном тексте признают наличие разных уровней внутри одной значащей совокупности. Мы рассматриваем их в связи с модализацией дискурса: 1) уровень пресуппозиции сообщения – **неявный, контекстный** (а значит, по нашим представлениям, модализованный); 2) предметный уровень сообщения – **явленный в тексте**; 3) оценочно-смысловой уровень – **явный или неявный, но имманентный** не только коннотативным, но и денотативным значениям в тексте концептуального модализованного сообщения.

Неявный уровень оценки в пресуппозиции сообщения предполагает дотекстовую квалификацию полученной для передачи новости. Такая квалифицирующая операция может быть представлена в виде дейксиса *Эмо Adv-o*, где дейксис указывает на полученное сообщение (стимул), а предикативом выступает оценка (реакция). Для нашего материала это возможная предварительная оценка в русле социальных задач издания. Субъект может соотносить с ней другие типы собственных оценок (механизмы такого соотношения мы не рассматриваем), но идеологическая оценка остается определяющей для реагирования ИС на поступающие сообщения. Можно

предположить далее, что предварительная оценка в пресуппозиции отражает рациональное и эмоциональное отношение к полученному сообщению, а именно: согласие или несогласие с полученной информацией (*это верно* = известный факт/*неверно/маловероятно*); определение познавательности сведений (*это важно/интересно*); логическую оценку (*это логично/убедительно/странно*); утилитарную идеологическую оценку (передаваемое нам выгодно/будет полезно); общую оценку (в формулах *это хорошо/плохо*); общемодалную оценку (*передать это возможно/необходимо*); этическую оценку (*это преступно/аморально/справедливо/несправедливо*). Зафиксированные в текстах реакции (*это ужасно/непереносимо/грустно/обидно* и т.п.) были реальными на дотекстовом этапе. По речевым особенностям в ситуативном контексте публикуемых сообщений операциональные примитивы такого рода отчасти позволяют эксплицировать когнитивное состояние и множественность мотивов отбора поступающих известий.

Установка политизированных ЭГ на внесение знаков идеологической оценки в известия приводит к выдвиганию так называемого субъективного компонента. Коллективный идеологический субъект многослоен (редактор, автор, персонаж), **важна тенденция** в оценке, а ее стержень определяет идеологический субъект газеты. Вместе с тем, в соответствии с традицией в газетах выделяются объективированный и субъективированный модусы подачи новости.

Объективированный модус встречается в типичных образцах агентской информации с устойчивой формой лида в виде сложноподчиненного (реже бессоюзного) предложения. Оценочная тенденция в объективном модусе чаще всего соответствует **консолидированным данным разных источников знания и мнения**. Рассмотрим известие, в метатексте которого выделяются три обозначения источников знания и мнения – скрытый, косвенный и прямой способы. Новость исходит из материалов сибирской печати. Она, как видно, прошла композиционную обработку в агентстве и после сокращения была передана по телеграфу в газету:

Омск, 20 авг. – Судя по последним радиотелеграммам, большевики намерены в случае решительного поражения в Европе перенести центр своей деятельности и пропаганды на восток, а именно в Азию. Сибирская печать находит, что «если этот проект удастся, чреватые последствия его несомненно отзовутся во всем мире» (ОД 1919, 7 сент.).

1. **Скрыто** обозначен замещенный в детерминативе агент по передаче информации (ИИ-посредник): **Омск, 20 авг.** Он в разряде авторитетных источников (Омск – столичный город).

2. **Косвенно** обозначен первоисточник в свернутой модусной рамке сообщения (вводная конструкция): **Судя по последним**

радиотелеграммам, большевики намерены... Первоисточник имеет отношение к блокированному большевиками каналу поступления информации (но в пресуппозиции присутствует знание читателей о перехватах белыми телеграмм большевиков).

3. **Прямо** обозначена доступная агенту чужая речь в виде конструкции с придаточным в модусе предположения: **Сибирская печать находит, что «если этот проект удастся, чреватые последствия его несомненно отзовутся во всем мире...»** Источник относится к консолидированным идеологическим субъектам, чье мнение поощряется цитированием. Можно предположить общую тенденцию затекстовых оценок: «для нас это важно»; «это симптом агрессии большевизма, опасный для всего мира».

Обратимся к сигналам идеологизации, присутствующим в телеграфной новости, объективированная подача которой связана с фактором длины текста: он короткий.

Ё Затекстовое по оценке оснащение короткой новости заголовком зачастую определяет неоднозначное восприятие телеграфной строки. **Ироническая идеологема в заголовке** ниже вносит в нейтральное сообщение амбивалентный смысл даже при общей положительной интерпретации явления:

* Повышение заработной платы **в Совдепии**. Стокгольм, 14 марта. Центр. Исполнит. Комитет Советов и Совет Народных комиссаров издали декрет о повышении заработной платы с 1 февраля (ОД 1919, 24 апр.).

Ё Если не учитывать затекстовый этап подготовки, где происходит отбор сообщений и присвоение им заголовка, в границах сообщения оценка может не проявиться. Следы идеологической обработки обнаруживаются лишь в текстовых элементах, соотносимых с тем или иным политико-идеологическим контекстом. Так, слово «большевистский» в его идентифицирующем значении использовалось в разных лагерях с разными коннотациями. Наличие пояснений и отсюда – **избыточность в наименованиях**, может служить признаком идеологизации для тех читателей, которые не погружены в специализированный контекст. В высказывании «*Последний номер большевистской “Красной газеты” сообщает...*» отрицательная коннотация связана с отчуждением идеологом «большевистский» и «красная». Понадобился избыточный идентифицирующий повтор для тех читателей, кто не воспринимал колоратив как большевистскую идеологему.

Ё Идеологическую принадлежность, при всей сдержанности субъективно-модалного отношения, выражают **слова с функцией статусных наименований субъектов, принятых в том или ином лагере**, и отчасти географические координаты предмета сообщения:

• Париж, 22 авг. – **Верховный Правитель адмирал** Колчак сообщил по телеграфу бывшему **военному министру и начальнику Специальной миссии** в Париже Б. В. Савинкову...;

• Засев полей: Приказ **главнокомандующего вооруженными силами на юге России**.

Ё Теперь о главном. **Категория «точка зрения»**, существующая со стороны контекста, **выступает определяющей для обозначения положения дел в информационном сообщении**. Так, например, умеренная антибольшевистская газета «Призыв» в Маньчжурии предпочитала соблюдать политическое «равновесие», если затрагивались интересы трудового населения Харбина. Идеологема *Советская Россия* в неполитизированном контексте используется ею как нейтральная. Очевиден общий позитивный настрой в изложении новости, связанный с нормализацией почтового сообщения с Россией («Почтовые сношения»):

По всей линии Забайкальской железной дороги восстановлен правильный обмен почтовых отправок всякого рода. Начались правильный прием и доставка корреспонденции из **Советской России** и обратно (Пр., 1918, 1 дек.).

Ниже речь идет о публикации приказа. В стандартном виде текст мог появиться без изменений в газетах противоположного толка, но это обстоятельство лишь на первый взгляд кажется фактом нейтрального отношения к событию. Смысловые акценты вычитываются в каждом лагере свои. Следующее ниже сообщение опубликовано в радикальной антибольшевистской газете «Общее дело» под заголовком причинно-следственного характера «Расстрел за агитацию в войсках»:

Приказом по осадному корпусу объявляется, что все агитаторы против существующего государственного строя Украинской Народной Республики и ее самостоятельности, которые будут являться с целью враждебной агитации в казармы, лагеря и др. места расположения войск, будут расстреляны без следствия и суда на месте своего преступления (ОД 1919, 2 апр.).

Задача публикации – дать представление о положении дел в советских войсках на Украине. Появившееся в большевистской печати это сообщение читается с другим акцентом: оно содержит угрозу.

Политизация информационного пространства во время войны слишком высока: **внешне объективированное изложение все же подразумевает концептуально модализованный отбор на уровне пропозиции**. Рассмотрим известие, включающее переложение чужой речи: *Нью-Йорк, 14 июня. – Вся нью-йоркская печать коммен-*

тирует принятое союзниками решение морально и материально помочь всероссийскому правительству, находящемуся в Омске. В пресуппозиции этого сообщения содержится три факта: существование альтернативного российского правительства в Омске; решение союзников; реакцию на это решение нью-йоркской печати. Имплицитно присутствует позитивное отношение к фактам и сообщаемому, когда вынесением кванторного слова в препозицию подчеркивается всеобщее внимание к новости: **Вся нью-йоркская печать комментирует**. В контексте лексема «помочь» реализует свою позитивную окраску. Очевидно, что готовность союзников оказать помощь вызывает у субъекта речи воодушевление и надежду. **Отвечающая прагматике такой оценки направленность сообщения оптимизируется линейностью идеологически значимых предикативных связей между фактами** (*комментирует – принятое – решение; помочь – находящемуся в Омске*). Драматизация состоит в подходе к фактам в жизни и их аналогам в новости как образованию нарративному (с оправдавшимися ожиданиями и неожиданностями, позитивом и негативом и пр.). Соответственно выбирается и форма новостного информирования: при удовлетворительном развитии событий эта форма чаще объективированная, с имплицитной оценкой.

Так называемую «драматизацию» новостного дискурса исследователи отмечают как свойство политически направленной информирующей деятельности. Ван Дейк, анализирувавший структуру новостей, высказал в своей работе замечание, которое напрямую относится к категории модуса в структурах масс-медиа. По мнению исследователя, массовый текст строится как интерпретирующая структура, стратегически предписывающая читателю, **как** нужно думать (а не *что*). Именно как-компонент структуры отвечает за основные идеологические направляющие в составе информации. Они есть в любом, даже коротком сообщении. Обычно нет в информации другого – композиционно выраженных альтернативных точек зрения [Ван Дейк 1989 : 187]. Однако в ЭГ-дискурсе обнаруживаются **сигналы альтернативной позиции, понятные читателю в контексте**. Кроме выбора наименований такими сигналами являются определенные элементы избыточности, модализованные понятной читателю затекстовой оценкой связи между фактами, идеологизированный заголовок. Обратимся теперь к субъективированному модусу подачи известия.

Субъективированный модус подачи новости характерен для широкого круга текстов разной жанровой принадлежности, где новость служит поводом для комментария, предметом обсуждения или поводом для художественно-публицистического обобщения

ния. Ср. следующие зачины в материалах газеты «Общее дело»: *По словам Омского «Правительственного Вестника», город Уфа был оставлен большевиками в ужасном положении; Известия из России делаются изо дня в день все ужаснее и ужаснее. Кровь, кровь и кровь!* Данные высказывания – эксплицированные за-текстовые оценки, предпосланные собственно изложению известия и его обсуждению.

С разрастанием и обострением Гражданской войны в материалах антибольшевистских ЭГ **растет число известий, оформленных не по правилам агентской информации.** В них нет детерминатива, они оформляются «МЫ-предложениями», где субъект речи в лице коллектива редакции как будто выходит в *символический круг близкого общения с читателем.* При этом говорящий не апеллирует к читателю как к собеседнику, он хочет высказаться сам. Читатель остается объектом воздействия, агентом при полемических, порой, театрално аффектированных выступлениях лица.

Обратимся к метатексту¹² новости, чтобы рассмотреть его варианты в антибольшевистской и пробольшевистской газете.

Метатекст новости в антибольшевистской газете. В метатексте, оформленном МЫ-предложениями как уведомление, читатель находит ряд обычных рамочных сведений и, сверх того, ряд дополнительных новостных составляющих. К *стандартным* мы бы отнесли: а) данные о времени получения известий из России; б) сведения о путях (способе) получения известий; в) комментарии, включающие сведения о количестве полученных сообщений. К *дополнительным* составляющим метатекста относим: г) сведения о соответствии / несоответствии новости ожиданиям редакции (и читателя, которого редакция включает в свой круг); д) эмоциональную реакцию говорящего на полученные известия. Так или иначе, МЫ-предложения в большой степени отражают технологическую сторону информирования, действия условного *агенса* в положении сбора известий. Иногда такие предложения фиксируют его намерения *посредника* по передаче сообщения или *комментатора* чужих высказываний.

Выделим несколько позиций агенса в связи с получением и передачей новости.

1. Позиция «МЫ-агенса». Речевой и деловой активности редакции по отношению к адресату соответствуют предикаты МЫ-предложения *находим, даем ниже, приводим целиком (полностью)* и т.п. При этом валентности таких глаголов заполняются словами с оценочной семантикой неприятия:

• В № 61 гельсингфорской «Русской жизни» (от 17 мая с.г.) **находим** следующие подробности хозяйничанья большевиков в Одессе...;

• В «Деле народа» и в «Воле народа» **находим** следующее описание очевидцев разгрома Москвы;

• **Приводим целиком** заметку из «Знамени трудовой Коммуны», помещенную 10 окт. 1918 г. по поводу одного акта большевистского правосудия. **Вот заметка в «Знамени», о которой мы говорим...**

Информатор в роли агента по сбору и оценке известий ощущается читателем как **живой свидетель важного факта публикации новости в другой газете.** Эта роль обозначена предикатами с семантикой восприятия, например – глаголом *появились*: «Недавно в газетах появились сообщения о том, что...» Используется также безличная форма *напечатано*: «В «Известиях» Ц.И.К. Сев. Кавказа Сов. Республики от 2-го ноября *напечатано...*» Информатор как субъект восприятия, близкий к позиции читателя, ощущается благодаря локализаторам времени и места, наименованиям источника сообщения и просто в самом факте указания на объект публикации. Субъект речи передает читателю **собственный опыт впечатлений**, вызванный новостью и оценкой ее содержания: «*Общее впечатление при чтении большевистских газет получается такое...*» [«получается» – в значении ‘выходит, происходит как следствие чего-либо’]; «*Мы получили ряд новых ужасающих известий и документов о деятельности большевиков за время их господства в России*».

Субъект речи как военный наблюдатель, находящийся в месте передачи известия, включает читателя-союзника в свое поле воспринимающего сообщение, благодаря местоимению *наши* со значением близким к концепту «общее» (единое; ‘общее, близкое нам, объединяющее нас в одно’). Читатель и говорящая личность, взятая, по выражению В. Н. Волошинова, «изнутри», оказываются всецело в контексте диалога.

• Гельсингфорс, 13 авг. – На левом берегу реки Луги на железнодорожном шоссе Нарва-Ямбург **наши войска перешли в наступление**, которое дает прекрасные результаты;

• Омск, 14 авг. – **Прибывший на днях в наши линии** один русский офицер, долго пробывший в Сов. России, сделал подробное сообщение о положении дел и условиях жизни в областях, занятых большевиками.

2. Позиция «МЫ-пациенса». Данная позиция обусловлена изолированным положением эмигрантской газеты в условиях зарубежья и больше всего связана с речевым действием *уведомления* читателя. Условно говоря, пассивной позиции говорящего соответствует роль принимающего звена редакционной службы новостей. Используются предикаты *получили (полученные нами), нам доставлено, нам сообщают, до нас дошли, от N мы узнали.* Такая позиция соответствует профессиональной ситуации, когда другие субъекты-отправители известий по соглашению находятся в состоянии рече-

вой активности: это штатные и внештатные агенты, корреспонденты-союзники по идеологии, сочувствующие лица. Зачин уведомления довольно будничен и прагматичен. В нем фиксируется непрерывная работа коллективов редакций, о которой они считают своей обязанностью сообщать находящемуся на связи и в напряженном ожидании читателю.

- С юга России **мы только что получили** много документов, касающихся, главным образом, деятельности Добровольческой Армии. **Начиная с нынешнего номера «Общего Дела», мы приступим к их печатанию;**

- **В связи с появившимися в печати сведениями о том, что** эстонское правительство поставило условием своей помощи нашему Северо-Зап. Корпусу предварительное признание независимости Эстонии, **нам сообщают нижеследующее:** ...;

- **Нам доставлено** воззвание: «Ко всем рабочим, ко всем русским гражданам!»

Уведомление с МЫ-предложениями дается в форме констатации фактов. Такого рода сообщения характерны для газеты «Общее дело» и связаны с личным участием в публикациях ее редактора Вл. Бурцева. Подчеркнуто остраненные новостные сообщения связаны с уравновешенно доказательной позицией субъекта, который указывает на множественные факты сопротивления большевизму в России. Заголовки таких известий бывают эмоциональными. Сравните заголовок и зачин:

*** Народ против большевиков!** Восстания рабочих и крестьян против Советской власти;

Из вполне достоверных источников нам доставлен следующий, к сожалению, далеко не полный, список наиболее крупных восстаний против советской власти только в течение летних месяцев прошлого года. **Комментарии к этому списку излишни.**

В радикальной антибольшевистской газете существовала сдержанная политика новостного информирования, если факты из вражеского источника «говорили сами за себя»: **Без комментариев мы даем ниже ряд документов и известий, почерпнутых нами из полученных за последнее время русских газет, преимущественно советских. Все относится к положению дел в «Совдепии».** Такую позицию субъекта в метатексте считаем активной и позицией молчания. Положение дел оказалось чреватым грозными последствиями, и от субъектов политики требовалась большая сосредоточенность на фактах в противовес переизбытку комментариев и мнений.

В противоположность некоторым мнениям, можно предполагать

существовавшую на деле фактологически выверенную политику новостного информирования читателя в радикальной антибольшевистской газете 1918-1919 гг. («Общее дело» Вл. Бурцева).

Метатекст новости в пробольшевистской газете («Голос труженика»). Новостной дискурс пробольшевистской газеты в целом отличается проблематикой открытой конфронтации, связанной с отношением издания к союзникам и противникам большевизма. Полученные факты интерпретируются в соответствии с пониманием агентами новостей событий в мире как происходящих под влиянием русской революции: **Нам сообщают, что Голландия накануне революции, а в Швеции правительство открыло первые приготовления к восстанию** (*Большевизм делает гигантские шаги. ГТ 1919, 3 мая).

Отметим одно существенное обстоятельство в семантической структуре пробольшевистской новости. Зачастую источник сообщений в них не разглашается или обозначен слишком обобщенно. В известиях на тему большевизма смысловую нагрузку несут предикаты и предикативные обстоятельства с семантикой длительности и процессуальности. В новостных нарративах семантически акцентируются

- длительность противодействия: *...Шведские большевики уже несколько недель вели среди транспортных рабочих агитацию, убеждая их мешать отправке грузов во враждебные большевикам государства, поддерживающие блокаду, направленную против центральной России* (ГТ 1919, 6 сент.);

- усиление процесса идеологического влияния в настоящем: **Амстердам.** Путешествующие, прибывшие из Германии в Голландию, сообщают, что вследствие слабости правительства Эберта-Гаазе, влияние большевиков увеличивается с каждым днем. **Большевистские пропагандисты действуют везде, но в особенности в Берлине и промышленных центрах прусской области** (ГТ 1918, 14 дек.).

Показателем привлечения внимания читателя к идее силы большевизма в мире выступают заголовки (см. далее 6.2), а также риторические средства выдвижения этой идеи. В сообщениях идеологически важный компонент предшествует атрибуции новости: **Лондон.** Большевики делают успехи в Эстонии и Ливонии, как это сообщают с различных столичных городов Европы, а также по сообщению шведского консула, бывшего в Ревеле (ГТ; *Красные угрожают балтийским провинциям). В редакции газеты в Америке могли работать сотрудники, далекие от грамотной журналистики: вкрапления элементов книжной речи соседствуют с грамматикализированным просторечием (предлог из замещается в высказывании предлогом с).

В пробольшевистской газете МЫ-предложения находятся в метатексте, который создает «упаковку» и тем самым трансформацию новости, поступившей из чужого источника. Убеждающий комментарий сначала предшествует пересказу чужой заметки, а потом завершает ее публикацию.

Тот факт, что революционно организованные рабочие составляют грозную силу, противостоящую капиталистическому строю, **становится все более и более ясным**. Об этом самом желтая пресса **говорит открыто**. Для иллюстрации **мы приводим выдержку из чикагской газеты «Трибюн»**. Эта выдержка гласит: «Большевистские элементы в России, вопреки противоположным сообщениям, по-видимому крепнут, и можно опасаться, что им удастся войти в соглашение с группой “Спартак” в Германии и сообщая распространять свою доктрину в западных странах».

Υò à ì àèáí üéàÿ çàì àò èà áí áí èúí î ýñí î ðàððèò àðèçáò ò î ò ñò ðáò, èí õ ðú é í àáááááò í à áóðæòáçèð èàæáú é ø àááí áðáá, ñááèáí í ú é áí èüø áàèèàì è (АС 1919, 4 үí à.).

Ниже в преамбуле к перепечатке из советской газеты содержится намек на факты, опровергающие неблагоприятное мнение о методах большевизма. Читателю предлагают убедиться в справедливости российского правосудия и в том, что обвинения в терроре на самом деле являются плодом буржуазной пропаганды.

Много говорилось и писалось о красном терроре Советского правительства. **Интересно же знать, на кого распространяется этот красный террор**. В «Повенечкой звезде» в № 5 от 22 марта 1919 г. **мы находим** два следующих сообщения, отвечающих на поставленный вопрос (ГТ 1919, 16 дек.).

Приводятся публикации, в которых меры судебного воздействия мотивированы необходимостью борьбы с уголовными преступлениями и правовой несознательностью части местного российского населения.

Проблема оценки достоверности в пробольшевистской газете утилитарно отражена в одной из публикаций как прагматическая, а не только связанная с разоблачением умысла идеологического противника: *Не имеем ли мы право подозревать, что новости о России были и продолжают быть представлены нам в искаженном виде и далеко не для нашей пользы?* (*Какова же правда о России? ГТ 1919, 29 марта).

Далее мы обратимся к показателям оппозитивности, имеющим отношение к проблеме оценки достоверности в а н т и б о л ь ш е в и с т с к о й печати. С внешней стороны (со стороны контекста) эта проблема связана с фиксированным названием источника известий (см. 3.2). Изнутри же (со стороны отношения) проблема персуазивности была порождением политического противостояния.

К достоверным источникам антибЭГ относили официальные документы и сообщения официальных лиц, если они имели противодействующий большевизму характер. Отсюда публикации множества документов, обильное цитирование и сопровождающий его набор полных статусных наименований лиц. Внушению достоверности способствовали количественная информация и средства эмоционального воздействия: то, что вызвало интенсивную реакцию говорящего, трудно считать недостоверным.

Типичной составляющей речевой стратегии было *прямое указание на достоверность* (недостоверность) и *общая модальность сообщаемого*, возникающая в процессе порождения текста. В этом случае происходит «согласование модальных значений высказываний» — внешних (модусных) и внутримодальных, диктумных [ср. Солганик 2010 : 75]. Преобладающий в газетах полемический уклон по отношению к предмету сообщения обусловил две основные позиции идеологического субъекта — утверждение и опровержение диктума.

Модус утверждения диктума. Значение утверждения, вообще говоря, операционально сочетается в речи с другими, например ирреально-модальными значениями *возможности, необходимости, сомнения* или какого-либо другого отношения к объекту (в том числе утверждается отрицание). Указание на степень достоверности подтверждало реноме издания. Для этого использовались: 1) слова с характеристикой источника *достоверный, верный, авторитетный*; 2) группа модусных предикатов верификативной семантики: *утверждать* (т. е. ‘настоячиво говорить, доказывая что-л., свидетельствовать о чем-л.’), *подтверждать* (‘засвидетельствовать достоверность, действительность, наличие чего-л.’); 3) предикативы типа *это видно из...* плюс цитируемый документ. 4) При утверждении безусловной, не допускающей опровержения достоверности использовался усилитель *категорически* и речевые обороты судебной практики. Сравните:

- Английские, французские и немецкие газеты **подтверждают** возникновение сильных беспорядков в Петрограде (РД).
- ..**это видно из** следующего **напечатанного в газете обращения** за подписью Вольского, Светицкого и Шмелева (ОД).
- Заявление Уральск. Обл. Комитета партии с.-р. **категорически подтверждается** следующим официальным **заявлением** (НГ).
- Откуда раздобыл эти слова г. Ицхок-Айзик? Мы **категорически заявляем**, что никогда и нигде т. Плеханов этих слов не писал и не говорил (НГ).
- **Точными данными и свидетельскими показаниями** я могу **в настоящее время установить**, что в начале революции в марте 1917 года в Берне у Ленина происходили свидания и переговоры с секретарем немецкого посольства гр. Татенбахом (ОД).

Модус опровержения диктума в силу известных обстоятельств больше распространен в антибольшевистской печати, где он связан с цитированием. При этом в чуждом высказывании пересекаются знаки противоположных оценок, создается смысловое противоречие.

«Юкка» – «организация юных коммунистов», сообщает, что все эти разведчики вполне убежденные коммунисты (**это в 14 лет**), отряды их приданы в последнее время почти ко всем красным частям (*Мобилизация детей. ВР 1919, 12 дек.).

Заголовок содержит диссонанс несоответствия и отражает ненормальность положения (мобилизуются // дети). Часть сообщения не обладает статусом фактивности: на это указывает иронический комментарий вставной конструкции (*это в 14 лет*). С другой стороны, по логике ИС газеты вторая часть новостного сообщения фактивна: *отряды их приданы в последнее время почти ко всем красным частям*. Выбор факта реализует установку газеты на идеологическую показательность события.

В пореволюционные годы многое в советских газетах соответствовало характеру действительности и поэтому использовалось в пропаганде антибольшевиков.

• Гельсингфорс, 10 авг. – «Красная газета» сообщает, что советское правительство на днях постановило немедленно эвакуировать все гражданское население Кронштадта (*Большевики эвакуируют Кронштадт. ОД 1919, 29 авг.);

• Гельсингфорс, 30 мая. – Комиссар по Народному Здравью сообщает, что в Петрограде сейчас ежедневно умирает около 1.000 человек в день (*Петроград вымирает. ОД 1919, 11 июня).

Модус опровержения диктума связан с модальностью сомнения или недоверия: «Сообщают еще, что Петлюра бежал..., а Винниченко поладил, *будто бы*, с большевиками». Недостоверность усматривается в сообщениях, использующих подозрительные повторы цифровых данных. Такие сведения открыто именуется как неверные.

*Первые успехи большевиков на южном фронте (П. Симанский). **К числу последних, т.е. неверных сведений** приходится отнести и радиотелеграмму с юга о состоявшемся прорыве большевистского фронта. Цифра в 55 тыс. пленных, с 72 орудиями и 280 пулеметами **была уже показана много раньше** как результат десятидневных боев в стороне Ельца и Воронежа. Очевидно, что именно эта цифра и была повторена вновь (ВР 1919, 28 авг.).

В случае безусловной недостоверности сообщений (на языке газетчиков – «утки»), составляется опровержение. Оно дается с заголовком-отрицанием и оформляется стандартно:

Вести из России. ***Ульманис не свергнут**. Копенгаген, 28 октября. Латышское бюро печати сообщает: Известие о том, что правительство Ульманиса свергнуто социалистами, **не соответствует действительности**.

Опровержение оформляется как официальное заявление агентства, если ложным сообщением задета репутация значительного лица. Тогда используется косвенный источник сообщения. Ниже официальный тон заявления – не только показатель серьезности ошибки, но и коннотативная оценка информационного поступка, близкая к презрению.

Париж, 5 мая. – Некоторые парижские газеты сообщили на днях, что представитель генерала Деникина полковник Бакальский **будто бы** заявил, что Добровольческая Армия окончательно отказалась от Бессарабии в пользу Румынии. Агентство «Union» **уполномочено заявить, что генерал Деникин никому не давал права делать подобные заявления** (*По поводу аннексии Бессарабии. ОД 1919, 20 мая).

Недостоверность чужого сообщения подчеркивается разными способами: 1) знаком вопроса в заголовке; 2) семантикой неопределенности в тексте, передающем новость; 3) сниженной стилиевой окраской известия как явления, близкого к статусу «слуха»; 4) противоречивостью частей; 5) комментарием от лица редакции. Сравните:

Смерть Леонида Андреева?* Вена. 15 сент. (ПАТ). «Der Neue Tag» сообщает из Стокгольма, что в субботу **на какой-то даче умер Леонид Андреев. Местность эту обстреливали большевики, одна из бомб взорвалась вблизи дома, где жил Андреев. Взрыв **до того перепугал его, что у него произошел разрыв сердца**.

(Насколько нам известно, Л. Андреев в настоящий момент находится в Париже. – Ред.) (ВР 1919, 16 сент.).

Мотивировка происходящих событий в содержании новости из чужого источника также подлежит оценке достоверности. *При совпадении* гипотезы в представлениях ИС газеты и чужого ИИ эта мотивировка обозначается без поправок как соответствующая действительности со слов источника: *Гельсингфорс, 16 июля.* – «*Деревенская беднота*» **объясняет дезертирство среди красноармейцев отчаянным положением их семейств** (ОД 1919, 26 июня).

Сообщения о трагической судьбе известных людей в бывшей столице империи, уточняются и корректируются со ссылкой на другие источники. Не подтвердившееся сообщение получает стандартный ярлык «преждевременное».

В газетах сообщалось о расстреле в Петрограде издателя «Биржевых Ведомостей» С.М. Проппера, томившегося в большевистском

застенке более трех месяцев. Как передает «Русс. Гол.», сообщение о расстреле г. Проппера является «преждевременным». От Проппера взята подписка о невыезде из пределов Совдепии («Одесские новости», 5 янв.) (ОД 1919, 2 апр.).

Встречаются мифологически мотивированные опровержения, рассчитанные на любителей «желтой прессы». Так, ниже ирония опровергающего известия о судьбе известной личности мотивируется фактами такого жизненного контекста, в котором дискредитирующее эту личность место занимают большевики.

*Вести из России. Амстердам, 29 октября. Английские газеты от 27 с.м. сообщают о расстреле большевиками Ф. И. Шалапина.

Принимая во внимание «гибкость убеждений Шалапина», находящегося, как известно, в наилучших отношениях к палачам России, нам кажется вышеприведенное известие маловероятным (Пр₂ 1919, 31 окт.).

На читателя должна была действовать четкость в передаче оценок достоверности сообщений из разных источников. В текстах присутствуют вполне естественные, в непростых обстоятельствах получения и передачи известий, противоположные модальные оценки. Например, впечатление неясности, проистекающее из чужих сообщений, и собственная уверенность в знании факта: *Газеты сообщают, что М. Горький вошел в какие-то деловые сношения с большевиками (...). Но вот не подлежит сомнению, что ему принадлежит следующая статья, не так давно помещенная в «Новой жизни»* (НГ). На фоне указанной автором затруднительности в обозначении деталей сообщения, модальный оператор *не подлежит сомнению* побуждает адресата к чтению.

Ироническому комментированию подвергается тональность речи большевистских газет, демонстрирующих уверенность в исходе военных действий: *Большевистская пресса уверяет, что...; Комментируя торжественно и с чрезмерным оптимизмом события на фронте и, в частности, в Челябинске, «Красная газета» говорит, что красные армии триумфально пройдут в Омск...* (ОД 1919, 29 авг.).

Достоверность оценок утверждается не только языковыми операторами достоверности, но и акцентированным модусом единодушия. Сравните оформление заголовка и начала текста: **Признание Колчака наносит страшный удар советской власти (Комментарии русской печати)*. Омск, 28 июня. – *Обмен нотами между союзными правительствами и Омским живо комментируются в обществе и печати. Все единогласно сходятся на том, что...* (ОД 1919, 30 июля). В другом случае пафос единодушия вытекает из совпадения критической позиции газеты с мнением другого источника, например: *Совершенно справедливо заметила одна*

русская газета, что англичане желают уничтожения русского народа на полях сражений (НГ).

Наблюдается активизированная позиция критического молчания в оценке достоверности. Прием смыслового акцентирования оказывается сопоставлением: рядом публикуются известия, противоречащие друг другу. Демонстрируя несоответствие, пробо-ль-ше-ви-ст-с-к-а-я газета «Голос труженика» убеждает своего читателя в подтасовке данных. Публикацию предваряет заголовок-уведомление: по версии газеты он акцентирует ложный характер сообщений о неудачах большевиков.

*Противоположные сообщения

- Лондон, 9 янв. – Из Амстердама сообщают, что американские войска направляются в Берлин для восстановления порядка [в пресуппозиции: «большевицкая» революция в Германии; **порядка нет**].
- Лондон, 9 янв. – Германское правительство держит власть в своих руках. Лидеры большевиков теряют надежды [в пресуппозиции: **порядок есть**].

Можно заключить: подача новости в политизированных газетах РЗ определялась идеологической точкой зрения на событие и «гипотезой адресата». В этом смысле показателен метатекст. Он дает основания думать о тех связях в структуре коммуникации, которые были вызваны отношением к читателю-союзнику, к противнику и к третьим лицам в составе диктума. Оппозитивность ощущалась читателем в структуре новости не только благодаря скрытой или прямой оценочности в диктуме известия. Оппозитивность реализуется в самом контексте, в пресуппозиции сообщений как ментальное противоположение МЫ/ОНИ. Интенционально оппозитивность пронизывает эмигрантский дискурс и в диктуме, и в модусе. Но более всего она выражена уровнем человеческих отношений, существующих как конфронтация в менталитете группы и в ее языке. Чтобы описать этот мир идеологических отношений в языке, обратимся к показательным для эпохи полярным идеологемам, а также к вопросу о *персонализации врага* в дискурсе анти- и пробольшевистского направления.

5.2.2. Оппозитивность идеологем (старое/новое, темное/светлое). Персонализация врага в дискурсе

В когнитивных ориентациях адресованность определяется через заложенную в тексте программу интерпретации. Оппозитивная программа интерпретации в ЭГ-дискурсе коренным образом связана с идеологемами «старое» – «новое».

Старое/новое. Идеологическая оппозиция *старый/новый* контекстуально связана с доминирующим в газетном дискурсе РЗ концептом «Борьба» и, в то же время, с диалектической связью «старое» – «новое»: отрицание старого означает помещение его в положение подчиненного и преобразуемого.

Ниже приводится типичная для газет разной направленности сочетаемость определителей *старый – новый* с терминами тематики социального устройства. В скобках помещаются распространители словосочетаний: разница смысловых направлений очевиднее на длинных отрезках речи. Сопоставление показывает большую политизированность и метафоричность указанных наименований в пробольшевистском дискурсе.

старый

антибольшевистский дискурс: старый **режим** (*при старом режиме*), старый **порядок** (*старый несправедливый и недемократический порядок вещей*), старая **бюрократия**, старые **начала** (*старые начала и пережитки несправедливой, недемократической государственности*), старая **Россия**, старый **строй**, старый **мир**;

пробольшевистский дискурс: старый **режим**, старые **организации**, старое **общество**, старое **здание** (*современного капиталистического строя*), старый **мир**, старое **зло** (*старое социальное зло*)

новый

антибольшевистский дискурс: новая **система** (*новая система народного образования*), новый **путь** (*новый путь децентрализации, широкого самоуправления и рабочего законодательства*), новая **власть**, новый **строй**, новые **основания** (*устроить Россию на новых основаниях*), новый **мир** (*новый мир права, справедливости, истинной свободы, истинного равенства и истинного братства*); новая **бюрократия**, новая **анархия**, новая **Россия** (*новый Иерусалим – ирон.*);

пробольшевистский дискурс: новое **общество** (*новое общество свободы, равенства, братства \ общество любви \ Коммунизм*), новое **государство**, новая **форма** (*новая форма общественной жизни*), **новые силы**, новые **выступления** (*новые выступления русского народа*).

В политическом дискурсе газет определение *старый* относится к картине мира, не сопровождаемой положительными коннотациями. И пробольшевистская, и антибольшевистская печать РЗ представляли мировоззрение критически или революционно настроенных слоев общества. Исключение составляют коммуникативные ситуации, связанные с представлениями о почитаемой старости

или заслугах опытности, бывалости. Ср. контексты, где определение содержит положительную оценку: *...подошли к старой столице своего народа, Москве; среди жертв массовых расстрелов немало старых революционных борцов.*

Когнитивно-семантические оценочные коннотации, связанные с употреблением определения *новый* в политическом дискурсе газет РЗ, менее устойчивы и не столь однозначны, нежели у слова *старый*, да и число значений этого прилагательного по словарю в два раза меньше [Сл. под ред. Д. Н. Ушакова].

Антибольшевистский дискурс. Слово «новый» входит в предикативные сочетания с семантикой отрицания (включая иронию) и контрастивной семантикой новизны. Это стереотипные фразеологизмы с оценочными коннотациями: отрицательными – *что не ново, не говорить ничего нового, преподносить под новым соусом* (ирон.); и положительными, подразумевающими противоположение – *пойти новым путем, открывать новую страницу русской истории, приобрести новое богатство и силу*. В контекстах слово «новый» демонстрирует варианты значений с противительной семантикой контрастивности, присущей оппозитивно-оценочному антибольшевистскому дискурсу по разным тематическим аспектам. Сравните: 1) «новый» в значении ‘относящийся к последнему времени’ или ‘недавно появившийся’: *новые меры* (*новые неотложные*), *новые известия* о русских делах (*новые ужасающие известия и документы*), *новые крестьянские восстания*, *новый переворот*; 2) «новый» в значении ‘другой, иной’: *новые доказательства* (*новые доказательства неприемлемости для них советской власти*), *новые преступления* (*ряд новых сознательно совершенных большевиками преступлений*), *новые несчастья*, *новый этап* (*новый этап в истории собирания России*); 3) «новый» в значении ‘ранее неизвестный’ или ‘недостаточно известный’: *новое слово* «большевизм», *новые завоеватели*, *новые варяги*.

Определение *старый* в составе антибольшевистского дискурса больше, чем определение *новый*, специализировано для целей политической идеологизации. Идеологические оценки связаны с конфронтацией в рамках оппозиции *МЫ/ОНИ*. Хотя по количеству словарных значений *старый* превосходит слово *новый* в два раза (согласно Сл. Ушакова), в контекстах антибольшевистского дискурса оно используется в подавляющем числе как отрицательная идеологема.

Идеологизация слова *старый*. Актуализировано стандартное выражение *старый режим* и синонимичные ему варианты выражения этого понятия (в контекстах они используются в паре с атрибутом *новый* и без него). Это объясняется, по-видимому, стремлением интерпретировать феномен большевизма, полагаясь на

известные читателю ассоциации с царизмом. Референты наименований *большевизм* и *старый режим* сопоставлены в высказываниях как сходные и отвергаемые. Их интерпретация связана с градационными отношениями в семантике отрицания.

1) Оба понятия соединены в пару объектов при глаголе *ненавидеть* как аргументы, по функции однородные:

Они [Колчак, Деникин, Сазонов и др. – Т. К.] далеки от всякого рода замыслов о восстановлении старого режима. Они ненавидят **большевизм, как и царизм**, и знают, что **большевизм и царизм** только губили Россию (ОД).

2) Оба понятия разведены субъективно-модальным противоположением, хотя находятся в позиции однородных по функции и одинаково отрицаемых семантически (общее отрицание):

Нас глубоко радует, что принцип Учредительного Собрания, как идеал, так решительно подчеркивается всеми. Это значит, что возвращение **к старому режиму, с одной стороны, и к большевикам** [т.е. новому режиму. – Т. К.], **с другой, быть не может** (ОД).

Ср., такая же модель в основе другого близкого по смыслу высказывания:

Великий принцип народоправства и социальной справедливости, действуя на два фронта, **противопоставлен, с одной стороны, старым началам и пережиткам несправедливой, недемократической государственности, а с другой – владычеству и притязаниям разнузданной черни, руководимой демагогами**» (ОД).

В иных высказываниях идеологемы *советы* и *старый режим* оцениваются предикативно все же как несопоставимые по степени проявления признака. Используется прием градации: *Советы только разрушают все... Правосудия не существует. Введен деспотизм, перед которым бледнеет старый режим...* (ОД).

Деидеологизация слова *новый*. В антибольшевистской газете использование определения *новый* в противовес идеологеме *старый* не отвечает положительным коннотациям. Его идеологизация для читателя также относительна. Она закреплена во враждебном большевистском дискурсе, а в антибольшевистском ощущается в контексте скрытого иронического противопоставления и отрицания: *Мы совершенно не видим стен нового Иерусалима, возведенного большевиками; Широковещательные декреты о новой системе народного образования ...существуют только на бумаге.*

В газетном дискурсе определение *новый* больше расположено к употреблению в риторических целях. Характерны его усиленные повторы с целью полемической аргументации в коммен-

тариях: *...дают новые и новые доказательства неприемлемости для них советской власти; ...все новые и новые несчастья от развивающейся анархии в стране* (ОД). Повышение позитивного статуса события в глазах читателей также связывается с риторическим употреблением «новый» при констатации новизны и возможности происходящего: *Для нас, русских, признание нашими союзниками Колчака – событие огромного значения. Это **новый, очень важный этап** к истории собирания России, ее избавления от большевиков и ее возрождения* (ОД). Верификация смысла большевистской идеологемы *новый* происходит в процессе отталкивания от уже известного. Понятие нового не соответствует идеологически навязанным представлениям о нем. Сочетание наименований подвергается сомнению или опровержению, заключается в кавычки: **«Новый» рабочий** – человек чуждый промышленности и непонимающий ее культурного значения в нашей мужицкой стране (НГ; М. Горький «Несвоевременные мысли»).

Особый случай составляет употребление в кавычках как нового (то есть недостаточно известного читателям) самого слова «большевизм». Очерчены круги образованного общества, в которых нет четкого понимания того, что стоит за этим наименованием. Идентификация понятия как раз и входит в одну из задач газеты «Общее дело» с ее ориентацией не только на русского, но и чужеземного читателя.

Для иностранцев – «большевизм» **совершенно новое слово**, которое они впервые услышали лишь после того, как разразилась русская революция 1917 г. **Новым** явилось оно и для тех русских, которые стояли вдали от революционных течений (ОД).

В антибольшевистской газете вопрос о новом, прогрессивном, что обещает и дает новая власть, обнаруживает оборотную сторону – само явление действительности. О главных идеологемах большевизма ИС газеты судит полемически и сопоставительно – *по факту* с места событий и *по трудам* идеологов социализма.

Что же нового даст революция, **как изменяет** она звериный быт, **много ли света** вносит она **во тьму** народной жизни?

За время революции насчитывается уже до 10 тысяч «самосудов». Вот как судит демократия своих грешников: около Александровского рынка поймали вора, толпа немедленно избил его и устроила голосование: какой смертью казнить вора: утопить или застрелить? <...> Все это творится **от имени «пролетариата» и во имя «социальной революции»**. И все это является торжеством звериного быта, развитием той азиатчины, которая гноит нас.

А где же и в чем выражается тот **«идеализм русского рабочего»**, о котором так лестно писал Карл Каутский? **Где же и как воплощается в жизнь мораль социализма – «новая» мораль?** (НГ).

Пробольшеви́стский дискурс. Ситуация вражды, неприятия вместе с оппозитивным отношением идеологом «новый / старый» выражены в пробольшеви́стском дискурсе как новое отношение противостояния в рамках конфронтации. Оппозиция МЫ/ОНИ – ведущая для дискурса газеты «Голос труженика». В подтверждение сказанного приведем списки слов, образующих семантическое поле с названными концептами.

ОНИ (старая сила): враг\господствующий класс (*класс вампиров*)\класс хозяев\дармоеды (*паразиты*)\деспоты\самодержцы\капиталисты\империалисты\союзники\богачи\буржуазия\правители (*правлящие всех наций*)\правительство\власти\маленькая кучка капиталистов (*хитрая кучка*)\капиталистические революцетушители\политические прислужники (*прихвостни*)\наемники (*наемные хулиганы*)\юнионные чиновники\джелидеры (*затемнители рабочих*)\капиталистическая пресса (*наемная пресса*)\портное начальство\собственники копеек\капиталисты Чикаго\союзные капиталисты;

МЫ (новая сила): рабочий класс\рабочие (*рабочие всех стран*)\пролетариат\рабочие и крестьяне\рабочие массы\армия производителей\миллионы трудового народа (*трудящиеся*)\труженики (*всё создающие*)\пропавшийся рабочий народ\организованные рабочие\стена рабочей силы\товарищи\работники и работницы\Индустриальные Рабочие Мира (*индустриалисты*)\революционные радикалы (*радикальные элементы*)\революционные организации (*радикальные организации*)\большевики\красные\большеви́стская армия\большеви́стская Советская власть\российское большеви́стское рабочее правительство (*советское правительство*)\русский пролетариат, американский пролетариат\американский рабочий, российский рабочий\американский фермер, русский крестьянин\русские рабочие Америки (*русские в Америке*)\жертвы (*жертвы миллионов рабочих*) политические и классовые узники\политзаключенные\ товарищи, борющиеся в Европе\честные люди.

Идеологическое противоположение *новое/старое* встречается в контекстах как вместе, так и отдельно. Оно всегда актуализировано в сознании читателя для целей неумолкаемой пропаганды:

- **Организуясь** индустриально, **мы** организовываем ячейки **нового** общества внутри оболочки **старого**.

- Большеви́зм является **народным** восстанием **против старого** режима; Их первая цель направлена раньше всего **против** существующего правительства, и после торжествующей победы большеви́ков все казенные учреждения **переходят в руки нового** государства.

- **Захватывая власть**, большеви́ки занимают места, где раньше сидели **с а т р а п ы** **старого** режима. Типичная большеви́стская революция – это политическая революция – насильно.

- ...большеви́зм *имеет огромный успех* и может распространиться по всему свету, *поэтому о н и* [капиталисты] дали страдания и голод народам, принявшим **новую** форму общественной жизни.

Контрастная оценочность идеологом *старый(-)* и *новый(+)* в текстах тождественна тем установкам идеологии войны, которая содержится в программных большеви́стских документах. Для подтверждения сказанного помещаем ниже фрагмент декрета Советов о роспуске Учредительного Собрания, опубликованный в газете «Свободная Россия» (Буэнос-Айрес 1918, 27 янв.):

Учредительное Собрание было избрано на основании **старых** избирательных списков и вследствие этого явилось представителем **старого** режима. <...> Советы пришли к заключению, что парламентаризм **старой** буржуазии не способен разрешить проблемы, которые поставил себе социализм, и что *только они могут победить оппозицию* со стороны богатых классов **и создать новое** социалистическое государство.

Темное/светлое. В отличие от предыдущей оппозиции, данная не образует формально выраженного противопоставления в текстах. Существование такой оппозиции как архетипа реконструируется. По данным Т. М. Николаевой, изучавшей поэтику противопоставлений в структуре «Слова о Полку Игореве», соотношение концептов *тьма – свет* означает в «Слове» морально-ментальную оппозицию. Содержание культуры, связанное с различными формами сознания (обыденным, мифологическим, религиозным, научным, художественным) «находит экспликацию в слове, служащем сигналом определенного кода» [Сулименко 2006 : 36]. Имена *темный, светлый* в этом смысле можно рассматривать как средство доступа к культурным реалиям того времени и к особенностям групповых менталитетов русских за рубежом.

Отметим значимость названных определителей как связанных с переживанием человеком своего отношения к предмету. Для публикаций а н т и б о л ь ш е в и с т с к о й направленности характерны эпитет **темный** и метафора **темнота** в сочетаниях с целым рядом референтов: *темная масса, темный народ, темная толпа, темные люди, темные личности, темный солдатский штык, темная улица, темное сознание, темные страсти, темнота народная*. Слово **светлый** ограничено употреблением в значении ‘радостный’ (*светлое пробуждение всей России*) и символическим смыслом ‘откуда исходит свет; истинный’ (*светлый стяг терпимости и закона; светлый дух*). В текстах слово **светлый** никак не связано парным противопоставлением со словом **темный**. Зато используется подразумевающий *тьму* (в значениях ‘невежество’ и ‘неизвестность’) фразеологизм «**проливать свет**».

В пробольшеви́стской печати встретилось только одно словосочетание – *темная сила* – должно быть, хорошо известное читателям-рабочим по тексту «Интернационала» («Вихри враждебные веют над нами / Темные силы нас злобно гнетут»). Используется идеологема *затемнители рабочих*, подразумевающая вредное влияние профсоюзных «лжелидеров» на сознание простых рабочих. Знаком светлого будущего в пробольшеви́стской газете «Голос труженика» выступает слово *солнце*. Как символ народного счастья оно включено в пафосную идеологему *солнце свободы, равенства и братства*.

Главным значением слова **темный** в антибольшеви́стской газете стало значение, относящееся к характеристике сознания широких кругов простонародного населения (массы). «Темный» значит ‘невежественный’, ‘отсталый’, а также (в силу этого) ‘обманутый’. Слово является косвенным аргументом при объяснении причин происходящего в России:

- Раздраженные инстинкты этой **темной массы** нашли выразителей своего зоологического анархизма... (НГ);
- от имени социалистической демократии, в угоду большевикам натравливает **дикую, темную толпу** на кадетов (ОД);
- ...**обманутые люди, побратавшись** с венценосным тираном-Вильгельмом, **шли кровавым боем на родную землю и на своих братьев**, ... а пушки, пулеметы и ружья, данные им народом для защиты своей родины, **обратили на свои собственные исторические святыни** древнего Кремля, на просвещенную свободолюбивую молодежь, которая хотела остановить их, **темных, обманутых!** (НГ).

Синонимичным слову «темная масса» по смыслу является слово *чернь* в значении ‘невежественная, некультурная среда, толпа’. Речь идет об отпоре «владычеству и притязаниям разнужданной *черни, руководимой демагогами*» (ОД). Как видно, в качестве причины и виновника происходящего указываются не «притязания» темной массы, а сознательные действия ее **вожжак**ов и **«темных людей**, собравшихся вокруг Смольного» (НГ). Сочетание *темные люди (личности)* актуализируется в значении ‘подозрительные’ и ‘преступные’. Смысловые варианты использования концепта «темный» в антибольшеви́стской газете невелики, но они устойчиво ассоциируются с образом врага и семантикой орудийности.

В антибольшеви́стском дискурсе важнейшим редакционным мотивом событийного изложения становится имплицитно присутствующий мотив ответственности. Отсюда множество контекстов, начиненных фактологическими деталями и звучными для читателя именами собственными с функцией персонализации (Керенский, Троцкий, Ленин, их сподвижники).

Персонализация врага в антибольшеви́стском дискурсе. С развитием когнитивной лингвистики завоевывает свои позиции мнение, что имена собственные играют важную роль в концептуализации мира, в процессе экспликации концептов (А. Ф. Лосев, А. Вежбицкая, Ю. М. Лотман, Е. В. Падучева, Н. И. Толстой, Н. Е. Сулименко, В. Д. Бондалетов, О. И. Фоякова и др.). Речь идет о персонифицированной русской культуре, включающей известные имена, которые служат ориентиром в пространстве культуры. Исследователи говорят об относительности границ между семантикой и прагматикой, между лингвистической и экстралингвистической информацией, заключенной в слове. Отсюда возможность взаимоперехода имен собственных в нарицательные и наоборот. Согласно Н. И. Толстому, о семантике имен собственных можно говорить лишь в той мере, в какой имя собственное связано с именем нарицательным. При этом идентифицирующая функция имен собственных объясняет их роль в мифологизации [Сулименко 2006 : 111]. В сфере таких имен «происходит отождествление слова и денотата, характерное для мифологических представлений» (о чем писал Ю. М. Лотман; цит. по указ. выше изд.).

В дискурсе эмигрантской газеты так или иначе встает вопрос об ответственности вождей и попутчиков большевизма, развязавших Гражданскую войну. Питирим Сорокин считал, что «первый – восходящий – период революции поднимает наверх всякого рода авантюристов, маньяков, полуненормальных, самолюбивых и т. п. жертв неуравновешенной психики...» Примерами лиц этого типа у него являются Г. Струве, Бакунин, Робеспьер, Марат, Дантон, Уот Тайлер, Ленин (его болезнь, отмечает Сорокин, подтверждает этот прогноз), Сталин, Троцкий, Зиновьев, Лацис, Радек, Кедров, Дзержинский и далее – десятки тысяч коммунистов, вышедших из разных слоев общества. «Значительная часть их прошла через тюрьмы и каторгу, что не могло не отразиться на их нервах, чем и объясняются те каторжные методы и тот каторжный режим, которые они ввели вместо обещанного земного рая», – считает П. А. Сорокин [2005 : 250-251]. Он поддерживает тезис об огромной роли подсознательных чувств в поведении людей, о подчиненности им разума и сознания. Фрейд и ряд других социологов (например, Жакан и Парето) подчеркивали **несходство «логики чувств», управляющей поведением людей, и логики разума, в значительной степени оформляющей приказы первой**. Отсюда происходит превращенный характер личных устремлений, в частности нелогичность указаний Троцкого, хотя субъективность решения прикрывается мотивом общественной потребности. Реакция на подобное судебное решение из газеты «Общее дело»: «Тут все – от начала до конца – сплошное безумие!.. Капитан Щастный, по приговору

верховного революционного трибунала, казнен 22 июля 1918 года за спасение Балтийского флота!..»

В мире идеологий и убеждений наблюдается в таких случаях логика чувств. Ниже она эксплицирована имитацией несобственно-прямой речи вождя большевиков и в оценочном комментарии.

Пусть Германия как наиболее разрушительная сила разгромит всех противников: это тоже к лучшему, ибо поможет мировому пожару социализма. Вот она – смелая, но абсурдная идея Ленина. Он весь во власти этой идеи, пред которой совершенно откидывается всякая этика! Ведь мораль – только надстройка! К черту всякая буржуазная сентиментальность! (НГ)

Идеология лжет тому, кто не видит в ней игру материальных сил, – писал В. Н. Волошинов. Антибольшевистская газета показывает читателю, что он имеет дело с идеологией, мотивированной субъективно. В «Народной газете», опубликовавшей большую статью Е. Чирикова «Иллиодор и Ленин», говорится об идеях большевистского социализма как о простых стекляшках, преподносимых в «коробочке с драгоценностями».

Очевидно, что **персонажи имен собственных** в антибольшевистской газете времени кризиса обладают свойствами, которые моделируются представлениями людей, некоторое время знавших первых лиц новой России. Личные устремления вождей большевизма «оголяются» с учетом приписанного им сознательного или «бессознательного» в их социальном поведении. Коротко представим характеристики главных персонажей революции по данным антиБЭГ, не останавливаясь на них (см. Раздел II, описание газет).

Керенский представлен в газетах человеком, которому следует покаяться в своих преступлениях:

Керенский может читать лекции, писать статьи, давать показания о России не иначе, как стоя на коленях и прося прощения у родины (ОД; Вл. Бурцев).

Комически сниженное отношение к Троцкому проявилось в антибольшевистских газетах благодаря стилистически контрастной форме повествования о действиях этого вождя революции:

• «Когда придет Деникин»... доносится уже до стен покрасневшего кремля и до императорского салон-вагона, в котором мечется по Совдепии верховный вождь рабоче-крестьянской красной армии.

• У большевиков пошли нелады. Ленин того мнения, что на время надо ступешаваться, чтобы возобновить позднее большевистскую компанию, но сотрудники его, и главным образом, Троцкий, ни за что не хотят расстаться с властью.

Самой разнообразной и развернутой стала персонализация имени Ленина. Приведем только наименования лица: «идеолог», «теоретик классовой борьбы», «умный провокатор», «человек аморальный», «немецкий агент», «политический циник», «предатель родины» («символ предательства»), «representative man большевизма», «исторический проходимец», «злой палач», «идол охлократии» (НГ; ОД). По «референциальному потенциалу» семантики, о котором пишет А. Д. Шмелев [2002 : 207], это преимущественно результативные имена, обозначающие лицо по действиям, совершенным этим лицом в прошлом. Но среди них есть и так называемые актуальные имена, ядро которых составляют агентивные существительные, обозначающие лицо по действию, совпадающему по времени с точкой отсчета говорящего (1917–1918 гг.): «теоретик классовой борьбы», «предатель родины», «умный (великий) провокатор». Таким образом в интенциональных контекстах имена собственные указывают на соответствующие им различные способы представления объекта. Если в референциально прозрачных контекстах имя собственное обозначает свой референт, то в интенциональных контекстах «то же имя (или предложение) обозначает свой смысл, выражая другой смысл, присущий имени в таких “косвенных” контекстах» [Зеленщиков 1997 : 48].

Так называемая *интегральная* концепция лексического значения слова, признание сквозной его семантической и интерпретационной характера позволяет отметить у имени собственного сверхноминативную функцию. Слово способно иметь «не только редуцированный экстенционал, но и очень широкий импликационал, несущий прагматическую, коннотативную информацию». [Сулименко 2006 : 117]. Такая информация становится самой значимой для читателя, включая в его восприятии мифопорождающие механизмы.

Персонализация врага в пробольшевистском дискурсе не строилась на оценке конкретной личности. Использовался другой – мифологический – ресурс. Поясним сказанное.

Чикагская газета «Голос труженика» главной своей задачей поставила вовлечение «радикальных» рабочих (в первую очередь из России) в организацию под названием «Индустриальные рабочие мира» (И.Р.М.), что и было отчасти сделано. Следующей задачей было объединение всех рабочих Америки в составе И.Р.М. Наконец, в мечтах и планах предполагалось осуществление программы максимум – объединение индустриальных рабочих всего мира в борьбе против власти капитала. Пропаганда большевизма в Америке стала средством для достижения этих целей.

Свое кредо индустриалисты изложили в «Программе индустриальных рабочих мира», опубликованной в газете 14 декабря 1918

года. В тексте «Программы» (см. ниже) выражена идеология издания – органа создаваемого союза.

Массовое сознание тяготеет к мифологической персонализации политического процесса. Согласно Е. С. Козиной, «кризисные симптомы ассоциируются массовым сознанием с каким-нибудь конкретным персонажем-причиной и источником всех бед, победа над которым становится условием их преодоления» [Козина 1996 : 17]. Именно поэтому значимой фигурой «кризисного» пространства становится **мифологически обобщенная и сконструированная фигура врага**. В тексте «Программы индустриальных рабочих мира» ключевыми выступают противопоставленные в дискурсе классовые общности – класс рабочих (МЫ, СВОИ) и класс капиталистов (ОНИ), которым служат Тред-юнионы (ЧУЖИЕ). Опубликованную в газете «Программу» характеризует агрессивная категоричность утверждений с включением форм отрицания. В тексте выделяются несколько текстовых ситуаций с модальными переходами от Реального к Возможному/Невозможному и Необходимому. Но главным средством воздействия становится риторическая модализация, преимущественно – *безапелляционное утверждение*.

Среди лучших способов аргументации, увлекающих толпу, отмечают **преувеличение, безапелляционное утверждение и повторение** (Гюстав Ле Бон и др.). Обращаясь к толпе, оратор должен обладать совершенно специальным красноречием, заключающемся в энергичных, хотя и бездоказательных утверждениях и ярких образах, обрамленных поверхностными рассуждениями¹³. Документу, о котором идет речь, присуще такого рода прагматическое красноречие. Оно направлено против Тред-юнионов, но главным идеологически обобщенным врагом остается к л а с с (капиталисты). Рассмотрим «Программу», разбив ее на текстовые ситуации по характеру утверждаемого.

1. Утверждаемая реальность конфронтации

Рабочий класс и класс хозяев **не имеют** между собой **ничего общего**. Между ними **не может быть мира до тех пор, пока** голод и нищета царят среди миллионов трудового народа, // **а маленькая кучка**, составляющая класс хозяев, пользуется всеми благами жизни.

2. Утверждаемая необходимость борьбы

Между этими двумя классами борьба **должна продолжаться до тех пор, пока** рабочие всего мира, организованные как класс, не завладеют землей и всеми средствами производства, и не уничтожат системы наемного труда.

3. Утверждаемая несостоятельность противника

Мы находим, что централизация производства, управление которым сосредоточивается в руках все меньшего и меньшего количества лиц, **делает** тред-юнионы **неспособными бороться** с постоянно растущей силой класса хозяев.

4. Утверждаемая дискредитация противника, излагаемая по пунктам обвинения

Тред-юнионы создают такое положение дел, при котором в одной и той же промышленности одна категория рабочих // **может быть противопоставлена** другой, **способствуя** этим самым обоюдному **поражению** в войнах за заработную плату.

Сверх того *тред-юнионы помогают* классу хозяев **вводить** рабочих **в заблуждение**, *прививая им ложное мнение*, что рабочий класс имеет общие интересы с предпринимателями.

5. Утверждаемая позитивная возможность, связанная условием (всеобщая забастовка)

Это печальное положение дел **может быть изменено**, и интересы рабочих **могут быть защищены только [тогда]**, когда организация построена таким образом, что все ее члены в какой-либо одной отрасли промышленности, или во всех отраслях, если это необходимо, // *прекращают работу всякий раз*, как только стачка или локаут возникают в какой-либо части промышленности, признавая, таким образом, страдание одного страданием всех. Вместо консервативного девиза – «Справедливая поденная плата за справедливую поденную работу» – // мы **должны написать** на нашем знамени революционный клич – «Уничтожение системы наемного труда».

6. Утверждаемая всеобщая необходимость (цель) и средства ее достижения

Историческая миссия рабочего класса – уничтожение капитализма. Армия производителей **должна быть** организована *не только для* повседневной борьбы с капиталистами, *но также и для того, чтобы* продолжать производство, когда капитализм будет свергнут.

7. Ведущий идеологический лозунг

Организуясь индустриально, мы **организовываем** ячейки **нового** общества внутри оболочки **старого**.

Данный текст насыщен лексико-семантическими средствами, выражающими конфликт между враждебными сторонами. В арсенале идеологического субъекта при оппозитивной концептуализации дискурса:

– слова с семантикой социального неблагополучия (*голод, нищета, страдание всех, печальное положение дел*);

– слова, социально нагруженные семантикой неравенства и несоответствия (*класс хозяев, рабочий класс и предприниматели; консервативный девиз и революционный клич*);

– слова с семантикой конфликта или соперничества (*борьба, бороться, противопоставить, защитить интересы, война за заработную плату, поражение*);

– слова с семантикой захвата (*завладеть, сосредоточить в руках*);

– слова с семантикой обмана (*вводить в заблуждение, ложное мнение*);

– предикаты с семами ‘прекращение’, ‘остановка’ (*уничтожение, уничтожить, прекращать работу; стачка, локаут*);

– предикативное отрицание, выражающее непримиримость конфликта (*не имеют ничего общего, не может быть мира*);

– риторическая фигура противопоставления с союзами *а, не только, но и*, построенная с помощью контекстуальных антонимов количественной семантики (*маленькая кучка, составляющая класс хозяев/миллионы трудового народа; все блага жизни/голод и нищета*);

– актуализаторы времени и условия – союзы *до тех пор, пока; только тогда, когда*, придающие утверждениям риторическую безапелляционность.

Очевидна идеологическая конструируемость текста пробольшевистского дискурса. Газета «Голос труженика» готовит развитие в идеологическом смысле сценария, которые дают инструкцию действий рабочих. Главный постулат пробольшевизма – всеобщее объединение в борьбе – развивается рядом таких сценариев, в основе которых решение конкретной ситуации действительности. Если предыдущую модель можно назвать программным сценарием, то ниже мы рассмотрим его перформативную модель.

Сценарная модель призыва к объединению сил. Как известно, политическая аргументация является социально зависимой деятельностью. Она строится на том, что важно для группы, для конкретной аудитории, а не на логических выкладках.

ИС газеты учит своего читателя, как действовать сообща, чтобы добиваться своих целей (пример ниже: ГТ 1919, 4 янв.). Однако рабочему не просто предоставлен технически универсальный сценарий речевых и неречевых протестных действий. Его неоднократно понуждают к этим действиям. По-видимому, рабочий в массе своей довольно пассивен. Но форма его понуждения по модальности неоднозначна: она не только прямая напористая, но и уважительно-осторожная.

1. Совокупное агитационное обращение:

Товарищи работники и работницы!

2. Констатация положения и прямое побуждение к действию:

*Настало время действовать. Не теряйте напрасно времени, а соединяйте ваши силы для величайшего в человеческой истории испытания **рабочей солидарности**.*

3. Программа действий в модусе долженствования:

Мы должны направить все наши усилия на освобождение **всех** политических заключенных: Тома Муни, индустриалистов, Евгения Дебса, а также других классовых рабочих, сидящих в тюрьмах или числящихся кандидатами в тюрьмы.

4. Личностно акцентированное обращение:

Я спрашиваю **каждого из всех**, что вы намерены предпринять **для** освобождения мужчин и женщин, так храбро *боровшихся за меня, за нас, за всех* рабочих?

5. Смягченный призыв в модусе предложения:

Не соединитесь ли **вы вместе**, отодвинувши на задний план теоретические разногласия, и упрочите **стену рабочей силы**, долженствующей заставить слушаться и согласоваться с требованиями, которых мы заслуживаем.

6. Активизирующий призыв энтузиаста:

Так объединимся же **для** живого, дышащего силой, призывающего к борьбе требования: немедленного, безусловного освобождения **всех** политических и классовых узников.

7. Констатация объединения (утвержденного в пресуппозиции) и лозунг-призыв:

Объединенные классовой **солидарностью**, провозгласим же нашим лозунгом **«Либо всем свободу, либо всех в тюрьму»**.

Здесь не просто адресованность, перформативность. Агитационная идеология обращения, побуждения, вопроса, призывных формул совместного действия поддерживается повышающей градус эмотивностью, суггестивной притяжательностью местоимений **МЫ, НАШИ**.

Тот же сценарий с идеей объединения находим в публикации с призывным заголовком «Рабочие Нью Гевэн, Кон(нектикут), организуйтесь». Однако здесь модель действий имеет не только обучающий или мотивирующий смысл. Образ поведения **провокативно заимствуется из арсенала врага**, идеологически стимулирует злые чувства для ответных действий рабочего.

Рабочих свыше 15-ти тысяч постигла «судьба» безработицы, они целыми вереницами спуют на улице без дела. При этом я напоминаю, разве это *только в одной* стране происходит?

Нет, это делали в с е империалистические государства. Делали и будут делать, пока рабочие не поймут и не последуют по стопам России.

Товарищи! От кого ожидать нам помощи, как не от самих себя? Так **возьмите же** этот пример себе для урока! **Поступите так, как поступают наши враги капиталисты. Организуйтесь наподобие их, сплотитесь** в одно целое, как они сплочены.

Этому **объединенному усилию капитала** – поработить рабочих – **мы должны противопоставить организованную силу.**

Товарищи Нью Гевена, Кон. и окрестностей! **Вступайте в ряды** рабочей организации. Каждый из вас знает ее деятельность, там нет дармоедов. *Долой их, сидящих на нашей шее!*

Да здравствует объединение рабочего класса, несущее нам освобождение! *Да здравствует девиз «все за одного, один за всех»* как светоч, ведущий трудящихся к счастью и свободе.

На мифах строятся предпочитаемые модели поведения. Миф превратился в один из самых популярных и эффективных пропагандистских приемов [Почепцов 2001 : 338]. Ниже мы рассмотрим примечательное риторическое средство пробольшевистского дискурса, подтверждающее выдвинутую ИС газеты и захватывающую ее сторонников *идею о распространении большевизма по всему миру*. Эта мифологическая идея глобальности происходящего поддерживается в пробольшевистском дискурсе кванторным словом **в е с ь** в сочетаниях *весь свет, весь мир*:

- революционные радикалы **разбросаны по всему свету** и учат народ восстанию, а главной школой оказывается Москва;
- зарево пожара ярко **освещает всю Европу**;
- большевизм имеет огромный успех и может распространиться **по всему свету**;
- И недалек тот час, когда рабочие **всего мира** примут своим лозунгом – «Освобождение рабочих есть дело самих рабочих!»

Сравните в «Декретах Советской власти»: *«На вас смотрит вся революционная Россия и весь мир»* [Декреты Великого Октября 1977 : 29]. Предикаты высказываний с квантором **в с ё** формируются повторами, чтобы создать впечатление неудержимого роста большевизма: **всё более и более, всё летят и летят; всё растут и растут; всё разрастаются**: «В Германии потеряно тысячи жизней, но все-таки большевики всё растут и растут».

Кванторное слово повторяется, чтобы подчеркнуть идею объединяющей всеобщности для целей противодействия: *Мы должны направить все наши усилия на освобождение всех политических заклю-*

ченных. Слово *все* входит в сочетание с идеологемами: **все пленники классовой борьбы, все классовые узники**, то есть множественные жертвы капитализма. *Я спрашиваю каждого из всех: что вы намерены предпринять для освобождения мужчин и женщин, так храбро боровшихся за меня, за нас, за всех рабочих?* Квантор *все* выступает усилителем расхожих выражений: **во все времена, во все стороны; приложить, направить все усилия; всё делать, чтобы; добиться всех требований; использовать все приемы.**

Что касается чрезмерности, то, по мысли А.-Ж. Греймаса, она представляет собой прежде всего – интенсивное выражение чувства. В то же время становится ясным, что интенсивность в дискурсе есть выражение нестабильности, на которой основывается расположение участников конфликта.

Подводя итоги раздела, можно заключить следующее. В групповых менталитетах, находящихся в состоянии конфликта в газетном дискурсе, наличествует оппозитивность идеологически субъективированных сознаний активных агентов пропаганды. При этом очевидно стремление групповых субъектов использовать **идеологические и технические** в речевом смысле **стереотипы** как средства, **упрощающие контакты и понимание имплицитного в общении**. Сигналы альтернативной позиции понятны читателю в модализованном контексте, так как читатель преимущественно осознается как соучастник и носитель позиции той группы, к которой относится передающий сообщение.

Оппозитивность ЭГ-дискурса обусловлена в основном расходящимися по идеологии, но **активно внушаемыми в разных социальных группах читателям представлениями о старом и новом, светлом и темном** в картине действительности. Эти представления обусловлены общими с читателем коннотациями позитивного и негативного характера в том или другом культурном сознании и воспринимаемом этим сознанием мире. В таком случае **идеологизацией сообщаемого** в восприятии читателя является **внесение агентом пропаганды в текст идеологической оценки приятия или неприятия объекта**, иными словами – **активизацию морализаторского (модально-концептуального) аспекта мировоззрения читателя с его идейной составляющей**. Речевую оппозитивность в каждом конкретном случае можно считать в рамках дискурса продолжением и стимулятором идейной борьбы.

Ментальные состояния обладают интенциональными объектами, которые отличают эти состояния и образуют некоторый язык модализации. Интенционально оппозитивность антибольшевистской газеты более всего связана с живой персонализацией образа врага в дискурсе и, в то же время, **с тенденцией к мифологизации кар-**

тины действительности, как обусловленной преступными действиями определенных лиц. Идеологически оппозитивной и несомненно популярной являлась сама классовая доктрина марксизма, провоцирующая конфликт на уровне сознания как высших, так и низших слоев общества. В этом смысле борьба являлась порождением идеологии, которая, в свою очередь, создает обратный эффект – усиливает идеологическую и материализованную борьбу. Должно быть поэтому в пробольшевистской газете образ врага (как и большевистского друга) имеет слишком **общий или даже глобальный характер**, что свидетельствует о мифологической природе используемой идеологии, **ее сконструированности для утверждения далеко идущих целей**. Функция экспрессивных слов как усилителей смысла в идеологизированных газетных текстах пробольшевизма **риторическая, но со значительной долей идеологического задания**. «Образы позволяют создавать наиболее сильные иллюзии, и толпа не отличает их от реальности» [Кучерова 1996 : 33].

Далее мы обратимся к одному из аспектов экспрессии в газетном дискурсе на примере кванторных слов, ее поддерживающих. В основе наблюдений материал антибольшевистской печати, широко использующий концепт всеобщности, который в виде «детерминатора и квантификатора» отнесен А. Вежбицкой в работе «Толкование эмоциональных концептов» к семантическим примитивам¹⁴.

5.3. Оппозитивность экспрессии в дискурсе РЗ: кванторное слово в газете

По мнению психологов, чувство выводит на первый план знание, а последствия выражения эмоций затрагивают способность к совершению сильных поступков. «Эмоции выступают как наиболее глубокие формы категоризации, определяющие общие контуры выстраиваемого сознанием концептуального образа мира» [Петренко 1990 : 24].

Предметом анализа в разделе выступают слова *все* и *всё* с их семантикой и особыми функциями в антибольшевистском газетном дискурсе. Идея в с е о б щ н о с т и, заключенная в семантике таких слов, актуализировалась в эпоху военного и социального противостояния в России и в мире. Это было время всеобщей динамики страстей индивидуальных и коллективных. Частота и стереотипность употребления количественных определителей *все*, *всё*, *вся*, *весь* очевидна именно для пропагандистского политического дискурса, представленного в разных источниках не только документами эпохи¹⁵, листовками, газетными публикациями, воспоминаниями, но и художественным текстом. Читателю знакомы

стихотворные строчки В. Маяковского, в которых запечатлелись лозунговые формулы декретов по схеме «что – кому» и стереотипы адресации:

... а утром:
 – **Всем!**
Всем!
Всем! это –
фронтам,
 кровью пьяным.
рабам
 всякого рода,
 в рабство
 богатым отданным. –
Власть Советам!
 Земля **крестьянам!**
Мир народам!..

Идея всеобщности связана с идеей множественности (разделительной или собирательной). В языке идея всеобщности выражается кванторными словами (*все, каждый, всякий, любой*) или косвенно, наряду с другими значениями слова (*всяческий* ‘самый разнообразный, всевозможный’). К тому же всеобщность может соотноситься с «нулевым» показателем, то есть с контекстом предложения: так, имя в единственном числе становится общим именем (*Человек смертен; В равнобедренном треугольнике углы равны*)¹⁶.

Прямой, формально выраженный показатель демонстрирует актуальность идеи всеобщности в текстах, что мы и наблюдаем в изучаемом дискурсе¹⁷. Например, оппозитивность связывается с идеологическим постулатом и подтверждающими его фактами: *Мир может дать только правительство, призванное всей страной. Крестьяне, юг, казачество соглашения с большевиками не признают* (НГ). При этом актуальным может быть ограничитель всеобщности. Таким ограничителем при выражении оппозитивности выступает оборот с предложным квантором *кроме*: *«Свобода сходов уничтожена. Право голоса отнято у всех, кроме как у фабричных и беднейших служащих»* (ОД). Ограничитель всеобщности может быть семантическим, то есть выражаться описательно, например, причастным оборотом: *Большевистская тайная полиция собирает сведения о всех рабочих, голосовавших против большевиков. Таких преследуют как контрреволюционеров»* (ОД).

В интензивно оценочном контексте формальный показатель всеобщности нередко инициирует потенциальный смысл множественности в именной группе с формальной единичностью. Например:

На первом плане в политической жизни **всех стран** появилась **темная улица** с дикими взглядами, с дикими инстинктами, с дикими требова-

ниями. **Она** появилась во Франции, Англии, Италии и Америке. Это было общемировым несчастьем (ОД).

Значение множественности поддерживается перечислительным рядом географических наименований и общей оценкой тождественной совокупности: *общемировое несчастье*.

Прежде чем перейти непосредственно к предмету нашего описания, мы должны сделать понятным читателю аспект исследования оппозитивности, который мы считаем психологически обусловленным. В газетах РЗ эпохи кризиса мы встречаемся с **внутренне аффективным** дискурсом, который был порожден страстями социального и субъективного свойства. При анализе дискурса мы имеем дело с речевой категорией **интенсивности**, предполагающей количественную меру оценки, меру экспрессивности и меру экспликативности. Страсти побуждают говорящих прибегать к преувеличениям и преуменьшениям. Как известно, лексикон количественных значений легко метафоризируется, на его основе создаются риторические приемы – гипербола, литота, эмпфаза. Термин **страсть** мы понимаем в русле категорий *Семиотики страстей* [Греймас, Фонтаний 2007; далее *Семиотика*], согласно которой страсти появляются в дискурсе как своеобразные носители смысла. «Описать эффекты смысла как “запах” семионаративных устройств в дискурсе – значит признать, что страсти присущи не только субъектам (субъекту), но дискурсу в целом, и они исходят от дискурсивных структур как эффект “семиотического стиля”, который может проецироваться или на субъекты, или на объекты, или на их соединение между собой» [Там же 2007 : 32]. Ненависть, чувство сильнейшей вражды, неприязни к большевизму и одновременно одержимость идеей спасения России определяли духовное существование значительной части эмиграции в Европе (в меньшей степени в Америке).

Толковый словарь определяет страсть как ‘сильное чувство, с трудом управляемое рассудком’ или ‘отдачу всех своих душевных сил какому-л. делу’. В русских изданиях критико-полемического направления «страстного» публицистического стиля выступлений придерживались особенно долго, благодаря чему закрепились **стеротипы** аффективного изложения, переходящие в подчеркнутую, порой искусственную аффектацию. В 1918-1919 гг. такой «семиотический стиль» изложения был порожден сильнейшим накалом борьбы за власть в России, гражданской войной и соперничеством русских политических группировок в стране и за ее пределами. Сделаем несколько пояснений к используемым терминам. Аффективный, то есть повышенно эмоциональный, способ выражения может быть противопоставлен аффектирован-

ному способу, то есть нарочито преувеличенному, подчеркнутому и искусственному. В этом смысле *аффектация* понимается как искусственная приподнятость и возбужденность, преувеличенное и подчеркнутое выражение какого-либо чувства, настроения¹⁸. Изучаемый материал дает основание для такой трактовки, но преобладающим (по нашему мнению) выступает психологически мотивированный подлинными переживаниями представителей русской эмиграции *аффективный* способ существования высказываний в дискурсе (публикации В. Л. Бурцева, Е. Н. Чирикова, П. Б. Струве, Д. Н. Овсянко-Куликовского и др. деятелей культуры в русском зарубежье).

В *Семиотике* охваченный страстью субъект рассматривается как субъект, модализованный согласно своему «бытию», то есть понимается как *субъект состояния*, даже если он совершает определенные действия. Согласно концепциям А.-Ж. Греймаса и Ж. Фонтаня, *состояние* – это, прежде всего, «состояние вещей» в трансформируемом субъектном мире, но это также и «состояние души» компетентного субъекта, готовящегося к действию, и сама модальная компетенция, подвергающаяся различным трансформациям. Под видом этих двух концепций «состояния» возникает известный дуализм «субъект/мир». Указанному дуализму позволяет противостоять лишь гипотеза об однородности семиотического существования, ставшего возможным при посредстве «чувствующего тела»: благодаря вышеописанному превращению, мир как «состояние вещей» сводится к «состоянию субъекта», то есть заново интегрируется во внутреннее однородное пространство последнего [Греймас, Фонтаний 2007 : 25].

В антибольшевистском газетном дискурсе состояние и умонастроение коллективного идеологического субъекта газеты выражается **разоблачительным модусом обвинения** и **целеобразующим модусом желания**. Напомним: модусы мы понимаем как состояние сознания субъекта пропозициональной установки; как формы существования (способы рассмотрения) положения дел; как способы взаимодействия субъекта с объектом¹⁹.

Перейдем к описанию кванторов всеобщности в оппозитивном газетном дискурсе, где ведущая роль принадлежит слову **все**. Функциональная мощь этого квантора заключается не только в заметной частотности его в эмигрантской газете, но также в языковой его распространенности вообще: *все* может выражать всеобщность «практически во всех контекстах» [Падучева 1989 : 16]. Полагаем, что в антибольшевистском газетном дискурсе квантор *все* находится между условными контрапунктами референция (предметно-отождествительный план содержания) и оценка (подчеркнутая аффективность смыслового акцентирования).

В основе описания лежит нарративная модель анализа. Мы рассматриваем кванторное слово, придерживаясь опорных точек пропозициональной структуры предложения. На уровне дискурса анализ требует обязательного учета конситуации (обрастает экстралингвистическими сведениями). Внутрифразовый анализ позволяет обойтись без лишних подробностей такого рода. Особое внимание уделяется далее наименованиям с концептом «лицо». В составе пропозиции (нарративная структура) персонажи, в том числе субъекты знания или мнения, выступают в образе противника, союзника ИС или в образе неопределенного сомневающегося субъекта. Приступим к анализу.

5.3.1. Мера определенности квантора *все* и аффективный характер коммуникации

Определенность квантора *все* в составе сложных дескрипций обычно зависит от значения переменных. *Все* сочетается как с конкретными именами исчисляемых референтов, так и с отвлеченными наименованиями объектов неисчисляемых.

Референция слова *все* проявляется в связях с именами предметно-отождествительной семантики. Но аффективно выраженная идея общего в кванторе *все* нивелирует предметный уровень референции сглаживанием разделительной множественности до совокупности: **Все** штывки, **все** пушки и пулеметы, **все** броневики и бронированные поезда великой и могущественной некогда русской армии он, Вильгельм, повернул на русских же! (НГ).

1. Сочетания *все* с конкретными именами исчисляемых референтов наблюдаются в высказываниях информационного типа: <...> в коммерческом училище **во всех учебных классах**, во время занятий, был произведен обыск. И все же в информационном ЭГ-дискурсе квантор *все* тяготеет к оценочности и нередко выступает в составе метафоры-обобщения, а конкретные имена-референты подтверждают оценку: **В городе возродились все прелести большевизма: налеты, аресты, обыски.**

Общее положение дел связывается ИС газеты с нарушением большевиками принципов демократии. И хотя усилитель **все** сочетается с именами конкретной семантики (*газеты, декреты; фабрики, заводы; политические партии, правительства, совдепы; жандармы, грабежи, разбои* и т.п.), по смыслу интенсификатор тяготеет к сказуемому. Причина в пропозициональном господстве сказуемого как смыслового ядра высказывания. В модусе обвинения предикаты с семантикой антинормы и неприятия составляют денотативный центр сообщения, отображая несоответствия социального характера: 'отклонение от установленных принципов общественной жизни',

'нарушение социальных норм', 'прекращение существования', 'гибель' и др. Сравните: *убивать, запретить, разрушить, дезорганизовать* что-либо, *угрожать* чем-либо, *затмить жестокостью, довести до вырождения* и пр. **Таких гнусностей и таких преступлений большевики совершили в России много. Они убивают и расстреливают всех, кто стоит у них на пути, – и правых, и левых, социалистов и монархистов...** (ОД). Сравните высказывание крайней степени обобщения в отрицании большевизма, характерное для рассуждения: **Своей жестокостью они затмили всех когда-либо существовавших русских жандармов и палачей, рекой пролили народную кровь, чумой и холерой прошли из края в край по всей стране и довели ее до вырождения** (ОД).

В качестве общего усилителя пропозиции (и актантов, и предиката) *все* имеет отношение к смысловым противопоставлениям в дискурсе обвинения:

- Хотя большевики сами когда-то пламенно отстаивали свободу печати, они, став у власти, **запретили все** несочувствующие им газеты. Больше всего при этом пострадала социалистическая печать (ОД);

- Движение, называющее себя пролетарским, по преимуществу **разрушило**, прежде всего, рабочий класс. **Все** фабрики и заводы, за исключением немногих, работающих еще на оборону, **прекратили свою деятельность** (НГ);

- Коммунизм осуществляется в виде хищений, системы заложничества и многочисленных казней. **Все** декреты **объявляются под угрозой смертной казни** (ОД).

Убеждающий пафос пропаганды запланирован в разоблачающих публикациях о событиях в России. Квантор *все* в этом случае усиливает идею всеобщей подверженности населения расправам со стороны большевиков. В речи о жертвах большевизма определенность отождествления обеспечивается референцией – компонентами атрибута *все* с предметным значением, а также благодаря пропозициональному значению высказываний, которое соотносится с фактами, событиями, ситуациями. На восприятие читателем сообщаемого влияет внешний, внутренний контекст и стиль изложения (информационный или художественно-публицистический).

В составе информационного сообщения квантор *все* редко стоит рядом с именем агенса ненормативного действия, чаще сливаясь с пациенсом, жертвой события:

- По закрытии митинга, **все выступавшие против** советского правительства были арестованы (ВР);

- Нам доставлено воззвание: **«Ко всем рабочим, ко всем** русским

гражданам!» После обыска, – говорится в воззвании, – **всех нас 58 человек**, а в том числе 50 рабочих, представителей московского, петроградского, тульского пролетариата *повезли на автомобилях на Лубянку в чрезвычайную комиссию Дзержинского (ОД)*;

• **Все жители** Петрограда представляют собою – *обреченных на смерть (ОД)*.

Заметим, в последнем случае нет преувеличения: угрозой жизни в 1919 году был длительный голод в Петрограде.

В составе художественно-публицистических жанров отождествительные признаки слова *все* выявляются в режиме образного описания: *И заканчивает М.Г. [М. Горький] статью таким приветом: «Всем, кто чувствует себя одиноко среди бури событий, чье сердце точат злые сомнения, чей дух подавлен тяжелой скорбью – душевный привет! И душевный привет всем безвинно заключенным в тюрьмах» (НГ)*.

2. Квантор *все* с отвлеченными неисчисляемыми именами наблюдается особенно часто в составе субъективированных речевых форм комментария, рассуждения. Отвлеченные имена входят в состав фразеологического сказуемого, в переносном значении которого слово *все* указывает на высшую степень проявления признака или состояния: *раскрыть все карты, покончить со всеми пережитками, выносить все тяготы борьбы, принять все меры, отдать все силы* и т.п.

Как известно, сигнификация и денотация отвлеченных (абстрактных) терм совпадают. Аффективность высказываний способствует параллельному сочетанию квантора общности как с конкретными, так и с отвлеченными именами объектов пропозиции:

• Свобода печати завоевана **всем** народом и для **всего** народа. И печатники, требуя от **всех** пролетариев и граждан поддержки в борьбе за свободу печати, защищают не свой узкий профессиональный интерес, а право **всей** демократии (НГ);

• Затем для того, чтобы страна могла *покончить со всеми пережитками старого строя и воплотить в жизнь все демократические завоевания*, вне которых нет спасения России, Колчак должен идти навстречу образованию **всех** местных демократических организаций, где бы и как бы это только оказалось возможным (ОД).

Н е о п р е д е л е н н о с т ь квантора *все* связана с его самостоятельным употреблением в качестве существительного и с выражением концепта «лицо». Тогда референт идентифицируется по контексту, но не всегда полностью (референция имеет место не для слов и выражений языка, а только для их употреблений в речи). Приведем следующий пример.

Поступок части французских союзников по социал-демократической партии, поддержавших в Лозанне большевиков, привела их в стан врагов газеты «Общее дело». ИС газеты дает отпор их обвинениям, с гневом принимая вызов нападавших: *В своей резолюции они говорят о русских контрреволюционерах в Париже. Мы принимаем этот вызов на свой счет и дадим всем какие угодно ответы*. Как видно, местоимение *всем* включает неопределенную множественность. Смысл этого неточно сформулированного высказывания в том, что ИС не затрудняет ответы на любые вопросы от кого бы то ни было (ответят всякому). Такое высказывание – знак для читателя, знак уверенности ИС в своих оценках и убеждениях в противоположность **им** (политическим предателям).

В косвенном обращении к тем, кто сомневался в чистоте целей русской социал-демократии за рубежом, пародируется ситуация непонимания как неуслышания многократно повторяемого. Отсюда адресация к «глухим»: *Пусть же все, у кого есть уши, запомнят то, что мы сотни раз говорили раньше и о чем напоминаем всем от имени исторической России: Мы боремся за единую Россию, и мы против ее кромсания*. Комическая определенность обращения *все, у кого есть уши* сочетается с буквально выраженной неопределенной широкой адресатом. Ироническая трактовка подразумевает обратный смысл: есть и «такие, у кого нет ушей».

Неопределенное множество *все, всем* или *всякому* встречается в контекстах, где обсуждается вопрос о понимании-непонимании происходящего. Альтернатива «кто-то не понимает – все поймут» связывается с модусом надежды и возникает на общем фоне разоблачительного антибольшевистского пафоса контекстов с оппозицией МЫ/ОНИ. Неопределенному субъекту соответствует предикат незнания. В то же время факт знания очевиден, когда субъект *все* близок к субъекту безличного предложения (формальное *все* можно исключить): *Предательство Ленина ни для кого не было неожиданностью, и оно подготавливалось не тайно. О нем /все/ знали. Много о нем говорили и писали (ОД)*. Очевидно, квантор *все* можно было заменить определителем многие. Сравните: *Теперь все [многие] начинают себя спрашивать: – да как же могли восторжествовать большевики? (ОД)*. Следовательно, идея всеобщности риторическая, слово *все* работает как усилитель. После его изъятия экспрессивность сказанного уменьшается. Прием усиления в таком случае близок к преувеличению. Сказанное не может быть полной правдой в действительности (*все знали/все начинают себя спрашивать*). Сравните также:

• ...и эта аморальность, этот бандитизм большевиков только теперь *начинает быть понятным для всех (ОД)*;

• Эта проповедь дала свои плоды, а кому они пошли на пользу, –

теперь **всякому** [всем] известно. Ни в какой войне Россия не могла потерять столько, сколько она потеряла от большевистского мира (ОД).

Процессуальным предикатам достижения знания *начинают себя спрашивать, начинает быть понятной* сопутствуют утверждения в модусе надежды и необходимости:

- Те, кто спасались от большевиков, терпеливо, зачастую среди страшных лишений, *ждут дня светлого пробуждения **всей** России, когда заблудшие поймут*, кто их настоящий, подлый враг (ОД);

- Мы надеемся, что угар, охвативший народные массы после войны, пройдет, и тогда **все** поймут, каким позором эти предатели покрыли социализм (ОД);

- ...[проводить] хорошую, честную, дальновидную политику, которая *ясно говорила бы **всем***, что не может быть и речи ни о каком примирении с большевизмом и не должно быть оказано ни прямой, ни косвенной поддержки тем, кто, так или иначе, оказывали поддержку большевикам (ОД).

5.3.2. Квантификативный показатель и концепт «лицо»

Ниже мы рассмотрим квантор *все* в разных речевых модусах. Показательными для семантики всеобщности в эмигрантских газетах выступают модус обвинения, модусы желаяния и необходимости.

Слово *все* в семантическом ряду и деологически е противники. Модус обвинения. В газете «Общее дело» модус обвинения имеет адресный характер. Кванторное слово и сочетание слов *все, все они, все их единомышленники* относятся к именам собственным. В предикате они сопровождаются ярлыками «преступники», «враги России», «предатели» и т.п. Использование таких наименований в контексте мотивировано, и выступают они как вторичные отождествительные имена референтов. В конечном счете такие имена становятся идеологическими индексами (постоянными указателями) лиц противников на общем фоне разоблачительных публикаций антибольшевистского толка:

Как в союзных странах отнесутся к грядущим событиям около Петрограда Лонгэ и Кашэн и **все их единомышленники** – мы заранее знаем. Они и тогда останутся в р а г а м и России, *какими были до сих пор* [ОД; разрядка в примерах наша. – Т. К.]

В оценочно-отождествительных актах обвинения в газете «Общее дело» нет риторической огульности, неразборчивости. Обобщение сопровождается ограничительным условием, а обвинение – мотивом оправдания:

Большинство Совета Республики в лице Мартова, Дана, Лемнинского, **всех с. д-тов, левых с.-р.** и т.д., *кроме кадетов, кооператоров, казаков и некоторых примыкающих к ним членов части левых партий*, – преступники по отношению к России, для которых может быть только одно оправдание, – что они не ведают того, что творят, и являются невольными выразителями воли Вильгельма II (ОД).

Сочетания с квантором *все* возникают в модусе обвинения как усилители идеи общей ответственности за преступления большевиков. ИС настаивает на полной степени идентификации идеологического врага с агенсом преступления. Отождествление большевиков с преступниками мотивируется (*Большевики сделали столько преступлений и такие преступления <...>*) и затем категорически связывается с идеей наказания. Педалируется устрашающая противника идея **всеобщего** наказания. С этой целью определитель *все* сочетается с вводно-модальными словами: *все без исключения; безусловно все они*.

Большевики сделали столько преступлений и такие преступления, что **безусловно все те из них, кто** так или иначе принимал ответственное участие в этих преступлениях, должны будут нести личную ответственность, и **безусловно все они** должны быть преданы суду (ОД).

Таким образом, выявляется описательный вариант совокупного отождествления с указательными сочетаниями *все те, кто; все те из них, кто; все, кто; все эти*. Парадоксально, что ограничительный смысл со значением условия в этом случае выражает расширительную трактовку обвинения: антиИС жестко настаивает на ответственности попутчиков большевизма. Градационный ряд степеней участия в преступлениях большевизма охватывается всеобщей полнотой ответственности.

- **Все те, кто** не боролся и не борется с большевиками как с преступниками и, так или иначе, поддерживает их, тот *сам виновен в их преступлениях* (ОД).

- И такую же роль невольных «предателей родины» играли и продолжают играть **все, кто** бегал и бежит теперь за колесницей большевистского Цезаря и по глупости или по иным качествам торжествует (НГ).

Как видно из контекстов обвинения, идеологическая индексация противника как преступника осуществляется двумя путями: 1) открытым введением политических ярлыков с семантикой ‘субъект преступного действия’; 2) косвенным путем, с помощью предикатов с семантикой ‘совершать преступления’, ‘отвечать за свои преступления’:

В советской России, в так называемой Совдепии, власть все еще находится в руках Ленина, Троцкого, Зиновьева, Нахамкеса, Раковского, Петтерса, Дзержинского и К^о. **Все эти господа сплошь** – откровенные политические циники, сознательные предатели родины, немецкие агенты, тюремщики, грабители, палачи и убийцы. *Свое дело они делают сознательно, с открытыми глазами. Всё*, что за последнее время произошло в России, *лежит на их ответственности и на ответственности их партий* (ОД).

Стереотипна ироническая окраска статусного наименования *господа* в сочетании с количественно-указательным *все эти*. Сам по себе количественный указатель нейтрален, его собственная окраска зависит от разных стереотипов сочетаемости и социальных представлений. Сравните позитивную окрашенность *все* со словом *люди*:

- **Все они люди** глубоко преданные народному делу... (ОД).
- ...а именно покойные Плеханов и Вера Засулич и несколько не похожий ни на Плеханова, ни на Засулич, также теперь покойный Туган-Барановский. **Все эти люди** питали к личности Ленина антипатию, граничившую с отвращением, несмотря на идейную и партийную близость того времени (ОД).

Диалогический характер дискурса в модусе обвинения очевиден уже в силу крайней оценочности изложения. Естественен и композиционно-речевой показатель диалогичности. Говорящий нередко сопоставляет утверждению оппозиционное мнение условного «субъекта дискуссии». Такой риторический ход усиливает утверждение идеи всеобщей ответственности большевиков как проводников политики врага во время войны. В отрывке ниже корректирующее мнение условного оппонента имеет вид альтернативного утверждения (*есть провокаторы и есть не провокаторы*). Оно встроено ИС в ответную фразу согласия. Это формальное согласие завершается каскадом смысловых повторов-опровержений (их 5), а завершается категорической констатацией главного тезиса в необычной форме полемика двойного отрицания: *есть провокаторы и есть не провокаторы / нет не агентов*. Сравните:

- Да, среди большевиков есть провокаторы и есть не провокаторы, но **все они** – бессознательные или сознательные агенты Вильгельма II ! **Все они, все без исключения** творят его волю и немецкого Ген. Штаба;
- ...Но во всяком случае несомненно, что **все** большевики – агенты Вильгельма II – сознательные или бессознательные. **Все они, без исключения**, делают его дело.
Среди большевиков **нет не агентов** Вильгельма II ! (ОД).

Контекст с количественным противопоставлением фиксирует неожиданное для политических эмигрантов из России положение на конференции в Лозанне, а именно – процесс изменения в стане европейской социал-демократии. Бывшие идеологические союзники отождествляются ИС с защитниками большевизма:

<...> теперь они [большевики. – Т. К.] *оправдывались большинством* представительских партий **всего мира** и гласно, под шумные аплодисменты, *защищались* лидерами различных социалистических партий, лишь при оппозиции **меньшинства** (ОД).

Типичной для критики явилась обобщающая модель стилистически сниженного изложения, состоящая из событийного высказывания (1) и саркастического комментария к нему (2):

(1) За Лениным и Троцким в Европе пошли Лонгэ и Кашэны, Рендель и Ляфон, Макдональд и Гендерсон, Гильфердинг и Адлер. (2) **Все они** сделали знаменосцами дикой толпы и в то же время сознательно, по расчету сделали и ее послушными белыми рабами – лишь бы она была за них (ОД).

Как видно, в событийном высказывании (1) обозначен мотив измены (тема публикации) и называются имена агентов этого политического действия. Попарно увязанный перечислительный ряд лиц – субъектов предосудительного действия (*пошли за...*), носит стилистически сниженный характер (мн. ч. *Кашэны*). Оценочный комментарий (2) содержит уничижительную характеристику всей совокупности лиц. Субъекту *все они* соответствует процессуальный предикат неодобрительного оттенка: не становиться, а *сделаться кем-л.* (сравните, *сделка* [Сл. под ред. Д. Н. Ушакова] ‘соглашение, сговор’, неодобр. фразеол. *сделка с совестью*). Целевая обусловленность (*сознательно, по расчету сделали*) дополняется введением утилитарно-сниженной точки зрения (*лишь бы толпа была за них*). Кроме того, вводятся образные формулы, лексически знакомые, но также сниженные и удобные для повторного использования читателем: *знаменосцы дикой толпы, ее послушные белые рабы*.

Особый случай в субъектно-ориентированных контекстах с семантикой цели составляет использование показателей множества в позиции с творительным орудийным объекта²⁰:

- В истории не было примера, чтобы какое-либо правительство для того, чтобы победить своего соседа, систематически развивало у него **всеми доступными способами всякого рода** разрушительные и преступные политические течения, как это делала Германия по отношению к России и ее союзникам (НГ);
- Ленин и во время своей эмиграции **всегда** был циником и сознательно окружал себя мошенниками, ворами и провокаторами. Часто

на большевистских съездах, им устраиваемых, делегаты наполовину состояли из провокаторов. Ленин шел к своим целям **всеми** средствами и **всеми** путями. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Ленин **все время** держался за Малиновского как агента департамента полиции в интересах развития большевизма в России (ОД).

Наряду со стереотипным выражением «средства» в творительном орудийном используются образные дескрипции – метафоры, эпитеты крайней степени оценки:

Нравственные критерии для него отсутствуют. Для достижения своих целей он готов пользоваться и пользуется **всеми** средствами, **всякими** изворотами, готов идти **всякими** закоулками, самыми гнусными (вспомним отношения этого максималиста с германской полицией, без которых вообще деятельность Ленина перед войной и во время войны не была бы мыслима) [Там же].

В составе аффективного обращения к противнику выделяется орудийное сочетание «со всеми вашими + объект». Оно принимает стилистически сниженную окраску, чему способствуют уничижительные ряды имен собственных во множественном числе и противительный подтекст ‘несмотря на все ваши потуги, усилия’:

Но, все-таки, господа Мартовы и Натансоны, Черновы и Даны, Лемнинские, а также Ленины, Зиновьевы, Троцкие, Рязановы, Каменевы, - мы вам **со всеми вашими** «Новыми Жизнями» и «Рабочими Путиями», и «Нашими Путиями», с «Советами Р. и С. Д.», **со всеми вашими** высокими покровителями и попустителями – не дадим погубить Россию... Несмотря на **все ваши** усилия, Россия не погибнет! (ОД).

Слово все в семантическом ряду и деологически союзники. Модус желания и необходимости. Квантор *все* относится к спаянной по ведущему признаку совокупности лиц, которая именуется по текстам с выраженной адресацией как *русские, русские политические деятели, союзники*.

1) Совокупность *русские* с усилителем *все* (*все мы*) часто подразумевается в расширительном смысле: русские за границей и русские в России: *Пред всеми нами, русскими, огромное общее дело, и мы должны его разрешить общими усилиями; Теперь прошло время для каких-либо колебаний и выжиданий. Пред всеми нами стоит вопрос: или Колчак, или Ленин!* (ОД). Часть контекстов подразумевает все же ограничительный смысл ‘русские эмигранты’ и ‘единомышленники’. Например, тогда, когда идет речь о появлении Керенского в эмигрантских кругах Парижа: *Нам всем тогда хотелось верить, что Керенский решится посмотреть правде в глаза и не только расскажет нам, как он довел Россию до развала, но и удержит тех, кто впрямь был бы способен повторить его*

ошибки; или тогда, когда речь идет о помощи России со стороны союзников: *И мы все поэтому страстно желали бы иметь право громко сказать в ближайшем будущем, что наши союзники – наши союзники – и не на словах только, а на деле* (ОД).

В нью-йоркской «Народной газете» название *русский* больше сопряжено с понятием гражданства. С именем *Россия* ассоциировались наименования разных народов, но предпочитался термин *русские граждане* (подобно стереотипному термину «американские граждане»). Определитель «российские» не был столь актуален, как наименование титульной нации.

Рассмотрим фрагмент ниже, который начинается сочетанием *вся Россия*, подразумевает совокупную, а затем разделительную множественность, включающую квантор ограничительной семантики:

Вся Россия ликовала, когда самодержавие было свергнуто... **Все**, кроме незначительного числа зубров и бюрократов. **Все народности**, населяющие великую Россию, клялись в верности революции. **Все** готовы были защищать родину и революцию от внешних и внутренних врагов.

Далее перечисляются имена народов с собирательным *все* и термом русские граждане: *Малороссы, армяне, татары, литвины, латыши, евреи – все гордились тем, что они русские граждане. Россия никогда еще не была так едина и могуча, так страшна – для немецких и австрийских башибузуков (НГ)*. Как видно, идея всеобщности связана не только с идеей позитивной множественности (разделительной и собирательной). Проводится исторически выстраданная мысль о важности единства множественного перед лицом многих врагов России (тюрк. *башибузуки* напоминает русскому читателю о войнах с Турцией; Сл. под ред. Д. Н. Ушакова: *башибузуки* ‘солдат иррегулярных частей турецкого войска’, перен. ‘разбойник’).

2) Совокупность *русские политические деятели* с квантором *все* связывается в газете «Общее дело» с необходимостью общей программы действий и единства в борьбе с большевиками:

• Нас глубоко радует, что принцип Учредительного Собрания, как идеал, так решительно подчеркивается **всеми**. Это значит, что возвращению к старому режиму с одной стороны, и к большевикам с другой быть не может. <...> Но именно поэтому **всем русским политическим деятелям** и необходимо признать, что бывшее Учредительное собрание, избранное при совершенно недопустимых условиях, не является выражением народной воли, и доброй трети его членов – большевикам, левым революционерам и некоторым другим – место на скамье подсудимых!

• **У всех находящихся в России** программа в настоящее время сводится к следующему: <...>;

- Представители **всех государственных партий** в России, принадлежащие к различным национальностям, *должны* в настоящее время *стоять всецело на этой почве*.

В ситуации разлада в стане политэмигрантов, связанного с различными оценками альтернативного большевикам русского правительства в Омске, идеологи газеты «Общее дело» стремились убедить читателей в единстве и перспективности образованного правительства. Квантор *все* усиливает убежденность, демонстрируемую ИС газеты в этом отношении:

- Правительство объединяет **всех русских, от социалистов до прогрессистов включительно**. Не только министерские посты заняты в Омском правительстве прогрессивными и демократическими элементами, но и вообще **все** наиболее ответственные места заняты ими;

- **Все они люди** глубоко преданные народному делу и доказали свою преданность делу повседневной упорной культурной и политической работой, годами тюрьмы и самыми тяжкими испытаниями. **Все они** идут рядом, и **все** с полным отрицанием относятся к той гражданской войне, которую развили год тому назад большевики (впрочем, не только одни большевики) с помощью немцев.

3) Совокупность *все наши союзники*, идентифицируемая в желаниях ИС, актуализирует идею эмигрантов видеть непротиворечивое единство блока антибольшевистских сил в борьбе за Россию. В критический момент такой борьбы в 1919 году политические эмигранты считали своим правом требовать от союзников координированных действий: *Такое же заявление все союзники теперь же обязаны сделать коллективно и в будущем провести это решение в жизнь без послаблений*. В контексте противоречий между недавними единомышленниками актуален был не только вопрос координации, но и вопрос идентификации союзников: *Перед всеми союзниками сегодня мы ставим вопрос: Кто вы? – Союзники наши или нет?* Идеологема *наши союзники* не просто нуждается в речевом действии подтверждения, согласно ИС. В модусе желания сигнификативный смысл противопоставлен отождествительному. Сравните: <...> *страстно желали бы иметь право громко сказать в ближайшем будущем, что наши союзники – наши союзники – и не на словах только, а на деле* (ОД).

Аффективная сопряженность множественного и единичного. Положение дел в России оценивается с позиций ИС как моральное и правовое нарушение большевиками демократических ценностей и общечеловеческих норм. Отклонение от общепризнанного или общепринятого вызывает эффект неприятия (осуждения, негодо-

вания), порождая контрастный по структуре и обвинительный по модусу наклон оценочного изложения.

1. Семантический к о н т р а с т кванторов множественности и единичности (все/один). Эксплицированному модусу обвинения сопутствует аргументативный характер речи в составе речевых форм комментария или рассуждения. Под контрастом здесь имеется в виду логическая несообразность или парадоксальное несоответствие количественных показателей в пропозитивной структуре высказывания. В роли актантов выступают разнообразные имена субъектов политических действий (*рабочие, интеллигенты; министр, теоретик марксизма, бунтарь; рабочий класс, гарнизон, вооруженная сила, власть*) и отвлеченные идеологемы (*политические свободы, преступление думать иначе, сознательная социалистическая величина, предпосылки демократии, равное избирательное право*). Оба типа дескрипций взаимодействуют, благодаря смысловому акценту на количественные множители. Рассмотрим явление квантификативного контраста на материалах разной жанровой принадлежности.

- Модус обвинения в событийном к о м м е н т а р и и : **Все свободы отменены ими, и каждый день китайские, латышские наемники расстреливают сотни рабочих и интеллигентов, виновных в единственном преступлении – думать иначе, чем большевики** (НГ). В морально-правовой оценке повторяющихся (обычных) событий ИС газеты делает акцент на логической несообразности. Интерпретация вины жертв террора отражает в утрированном виде точку зрения большевиков. Основание террора имеет идеологически общий характер, что выражается ед. ч. дескрипции *преступление думать иначе*. Сравните также: **Гарнизон – т.е. 200,000 местных штыков – назначает министерство, ибо ясно, что неугодного министерства он не потерпит. Единство власти будет зависеть от единства гарнизона. Вся остальная Россия будет «слушаться».** Контраст исчисляемой единичности (*гарнизон – 200,000 местных штыков*) и неисчисляемой совокупной множественности (*вся остальная Россия*) выражает циничную, с позиций ИС, расчетливость противника.

- Модус обвинения в составе р е ц е н з и и . Идеолог нью-йоркской ЭГ полемизирует с автором пропагандистской статьи о Ленине, уличая в логической несообразности сказанного им действительному положению вещей:

Один из крупных «партийных божков», теоретик социализма, бунтарь эмигрантских кружков, долгие годы проживавший за границей, он был популярен лишь в среде **маленькой горстки** русских людей и об его существовании меньше всего подозревал **многомиллионный русский народ**, ибо и **весь-то** рабочий класс как сознательная социалистическая

величина, по сравнению с **многомиллионной массой темного и малосознательного народа** был и есть **только «горсть» народа** (НГ).

Полемическая аргументация строится на контрасте количественного несоответствия. Контрастируют: а) наименования с семей единичности (*один, он; божок, теоретик, бунтарь; маленькая горстка людей*) и наименования с семантикой 'нерасчлененная совокупность' (*многомиллионный русский народ*); б) совокупности, несопоставимые по объему и поэтому негодные для отождествления, предпринятого писателем (*весь рабочий класс, «горсть» народа / многомиллионная масса народа*).

• Модус обвинения в статье. Изложение фактов как аргументов обвинения оформляется чередой противоположений с акцентом на кванторы *все – один*. В одиночных действиях противника отмечается не только противоречие общественному мнению, но упорное сознательное противодействие:

• Связь Малиновского с жандармами особенно *не могла не стать ясной для Ленина и для других большевиков*, когда Малиновскому пришлось уйти со скандалом из Государственной Думы и *когда о его провокаторстве говорили все. Ленин*, тем не менее, и тогда продолжал сознательно прикрывать Малиновского, как нужного ему человека, и писал о нем как о лучшем большевистском деятеле;

• ...когда *было для всех очевидно* <...>, **Ленин** повел тогда в защиту Малиновского страстную кампанию в печати **против всех** его обвинителей (ОД).

2. Семантическое с б л и ж е н и е кванторов множественности и единичности (все – один). Понятие *сблизить* имеет пространственный аспект значения 'поместить на близкое расстояние друг к другу', и его можно отнести к речевым приемам субъекта-оператора. Иной смысл сопровождает понятие *сблизиться* в значении 'устранить резкие различия между чем-л.', 'найти сходство между чем-л.' (МАС). По контекстам этот аспект политический: он относится к идее согласия или, что актуально для ИС газеты, – к желаемому единству союзников (субъектов пропозиции). Выбирая термин *сблизение*, мы имеем в виду оба аспекта (коммуникативный и пропозитивный) в их операциональной расчлененности.

Оба аспекта связаны с модусом желания и коммуникативным расчетом ИС убедить читателя-союзника газеты. В модализованном дискурсе проводится мысль о необходимости сближения и единства разных сил при многих различиях. Политические субъекты, какими являются в представлении говорящего *народы, племена, партии, демократические элементы, рабочие, крестьяне, дворяне* и др. интерпретируются ИС как потенциальные или реальные союзники

в положении кризиса. Идея проводится с опорой на смысловое и внутрифразовое сближение кванторов *все и один* (варианты: *единый, единственно, объединение*). Сравните:

• ...они выбрали бы *единственно* пригодный для этого путь – путь объединения **всей** живой России, **всех** демократических элементов народа и общества под **одним** лозунгом: спасение родины и революции, освобождение России от иноземного ига (НГ);

• Генерал Деникин нас учил, что нет ни крестьян, ни дворян, ни рабочих, а есть **один русский народ**. Пусть же Русь объединит **все народы, все сословия**, и будет **единая** могучая великая Россия! (ОД);

• **Единая демократическая Россия** – еще не факт, но уже не мираж. Она – залог замирения и свободного симбиоза и сотрудничества **всех народов и племен**, населяющих огромную территорию бывшей российской империи (ОД).

Идеологическое единство разделительного множества выражается в высказывании прямо или косвенно (показателями признаковой семантики): *Они [союзники] идут, – и всероссийское дело связывается с делом всемирно-историческим.*

Сближением множественного и единичного отличается формула *союз всех* (сравните: *все как один*). Для усиления мысли о единственной возможности достигнуть желанной цели формула *союз всех* сопровождается выделительно-ограничительной частицей *только*. Исключается условие достигнуть желаемого ограниченными союзами партий. Введенный постулат дублируется, пропагандистская речь категоричностью, энергичными повторами, оценочными контрастами напоминает речь агитационную.

Только союз всех государственных партий, начиная с левых, кончая умеренными, может спасти Россию.

Только этот союз сможет покончить с большевиками и начать в настоящее время обновление России, а в будущем вывести ее на путь свободного развития. *Это аксиома*. Выполнить настоящую задачу **одним** левым или **одним** умеренным партиям – не по силам.

Представители **всех** государственных партий в России, принадлежащие к различным национальностям, *должны в настоящее время стоять всецело на этой почве.*

Если же **союз всех этих** государственных партий не будет создан, то нашей родине предстоит впереди всё новые и новые несчастья от всё развивающейся и развивающейся анархии в стране (ОД).

Как видно, семантическим сближением кванторов множественности и единичности характеризуются контексты с идеей с п а с е н и я России.

5.3.3. Логическое обобщение и прием генерализации: квантор *всё*

Выражения с квантором *всё* передают высокую степень всеобщности. Существительное *всё* в позиции актанта означает 'то, что есть целиком, без исключения', а в качестве сказуемого 'обозначает исключительную важность, значение предмета, понятия и пр.' [Сл. под ред. Д. Н. Ушакова]. В эмигрантском дискурсе к выражениям высокой степени обобщения относятся кванторные сочетания *всё это* и *всё, что* (с придаточным).

Обобщение – это логическая операция, форма приращения знания, посредством которой получают понятия широкого объема. Обобщение в газете – одно из важнейших средств интерпретации субъективного знания, позволяющее ИС извлекать «суть» из хаоса затемняющих ее явлений, унифицировать и в «единой формуле» отождествлять множества различных вещей и событий²¹. Стереотипной формулой обобщения в аффективном газетном дискурсе РЗ является выражение *всё это* при перечислении. В антибольшевистском дискурсе это распространенное средство констатации и выведения оценочного суждения. Ниже оно используется для уведомления и обоснования оценки *Возможности*:

- Мы получили ряд новых ужасающих известий и документов о деятельности большевиков за время их господства в России. Читатели «Общего Дела» **всё это** прочтут в ближайшее время;
- Программа Колчака, его имя, его прошлая деятельность, являются для нас порукой того, что с его стороны нам нечего ждать какого-либо возврата к прошлому. **Всё это** позволяет нам горячо приветствовать Колчака и во имя спасения гибнущей родины звать **все** политические партии признать его правительство и оказать ему **всяческую** поддержку;
- Большевики догнивают. Они и сами не сомневаются в своей близкой гибели. Ленин, Луначарский, Каменев с их лакеями теперь жаждут идти на переговоры с кем угодно, лишь бы только где-нибудь найти новых себе союзников <...>. **Всё это** еще может продлить агонию большевизма, но не может его спасти (ОД).

Однако не эта логически уравновешенная форма обобщения является показательной для аффективного дискурса антибЭГ. Определяющим стереотипом выражения идеи всеобщности выступает здесь актант *всё* или аналогичный ему оборот *всё, что* с придаточным. Сравните ниже в описании Москвы (в тексте косая черта – знак абзаца):

А в пустых магазинах через незапертые двери и окна видны рогожи, доски, мусор, – словом **всё, что** говорит о запустении, об отъезде куда-то, о какой-то убыли, потере людей, словно **всё** провалилось к черту,

вся жизнь стала хламом, мусором прошлого. / И жутко слушать эту каменную повесть о предсмертной муке. / Жутко смотреть на эти казенные дома, где **всё** говорит о гибели и смерти. / Как выбитые глаза, зияют пустыми впадинами темные окна без рам. / Как сломанные кости, беспомощно висят железные стропила и скрепы. / Стучат и гремят на ветру ключья почерневшей крыши, и железные листы ее болтаются в воздухе, как перебитые крылья подстреленной птицы. / **Всё** здесь умерло, и **всё** окутано черным трауром пожарища. / Но до сих пор эти обгорелые камни вопиют к нам: Граждане русские! Когда вы пойдете на великий собор Русской земли, **расскажите всё, что вы видели!** (НГ).

Мы имеем дело с так называемыми генерализованными высказываниями. Термин входит в инструментарий практической психологии, точнее нейро-лингвистического программирования (НЛП)²², где выражения с квантором всеобщности изучались в целях снижения значимости отрицательного опыта человека.

Практическая психология обращает внимание на те свойства языковой системы, которые чаще всего искажают восприятие. Высказывание с квантором всеобщности всегда можно поставить под сомнение с точки зрения собственно логического значения, поскольку генерализованные высказывания, как правило, относятся к негативному опыту человека и представляют собой не фактическое знание, а интерпретацию его эмоций, впечатлений о действительности. Например, высказывание «...она [рабочая интеллигенция] должна помнить, что **всё, что** творится теперь – творится от ее имени; к ней, к ее разуму и совести история предъявит свой **суровый приговор**» (НГ) вполне верифицируемо, поскольку отражает реальный опыт субъекта. Однако следующее высказывание представляет собой результат субъективного вывода, отражает катастрофическое восприятие событий в России:

То, что есть отвлеченное начало в марксовской доктрине классовой борьбы, з л о б а, то было **всегда** отличной чертой или стихией Ленина, как личности. И, в конце концов, именно эта индивидуально-психологическая черта Ленина объясняет его глубокое равнодушие к вопросу о выборе средств в осуществлении своих целей (П. Струве; НГ).

НЛП²³ рассматривает язык и речь как важнейшие источники информации о психическом состоянии человека (постулат об иконичности и изоморфности языка, с одной стороны, и психических и мыслительных процессов, с другой стороны). Искажение опыта, его неправильная интерпретация может быть связана с опущением, элиминацией или, наоборот, с необоснованным «доставиванием», «обогащением» представлений о реальности. Типичный источник искажения такого типа – н е п р а в о м е р н а я г е н е р а л и з а ц и я (от лат. – generalis – общий, главный), обобщение. На-

пример, в естественном языке выражения типа *Всегда Р* интерпретируются либо в «ослабленном» кванторном смысле ‘обычно Р / Чаще всего Р / Как правило Р’, либо в «сильном» логическом смысле (нечто вроде ‘для любого момента времени из выбранного временного интервала имеет место Р’). Для НЛП важно, что любое утверждение человека имеет смысл только в рамках его собственной модели мира. Непонимание этого является еще одним источником заблуждений, ограничивающим поле выбора альтернатив при принятии решений в проблемных ситуациях. В этих случаях полезно эксплицировать глубинный перформатив, который, согласно перформативному анализу, представлен в глубинной структуре любого речевого акта. Преобразование высказывания в форму с эксплицитным перформативом *Я утверждаю, что...* сразу уменьшает сферу применимости утверждения, ограничивая ее моделью мира самого говорящего. Фактически это эквивалентно снятию неправомерной генерализации [См. сноску 23 URL].

Продолжим наши наблюдения. Рассмотрим генерализованные высказывания с точки зрения определенности-неопределенности выражений с квантором *всё*. По мере повышения степени обобщения должна возрастать и неопределенность (отвлеченность от конкретного, от деталей, частных подробностей). Но как тогда понимается существительное *всё*? Не будет ли такой прием обобщения чистой риторикой, выгодам которой уступил акт референции?

Часть исследуемого материала при очевидной обобщенности сохраняет тесную связь с референцией. Это выражается в ограничителях времени (*сейчас, теперь, за последнее время*) и событийном характере сказуемых в составе придаточного дополнительного при формуле *всё, что*:

(1) Власть *покушается на всё, что было завоевано народом в революции, что нужно ему сейчас как воздух. У рабочих отнимают их кровное право свободы собраний, их оставляют беззащитными* (НГ);

(2) <...> она [рабочая интеллигенция. – Т. К.] должна помнить, что *всё, что творится теперь – творится от ее имени*; к ней, к ее разуму и совести история предъявит свой суровый приговор (НГ);

(3) Свое дело они делают сознательно, с открытыми глазами. *Всё, что за последнее время произошло в России*, лежит на их ответственности и на ответственности их партий. *Всё, что в них говорится о злодействах Московской Чрезвычайной Комиссии, великолепно известно и Ленину, и Троцкому, и Нахамкесу* (ОД);

(4) И когда прусские и австрийские юнкера наслушались декламаций Троцкого, они решили, что Россия готова. *Всё, что большевики в состоянии были сделать для них, они великолепно сделали* (НГ).

Роль квантора *всё* – обозначать совокупное множество целиком, без исключения. Контекст показывает, что отождествительный смысл совокупности зависит от референциального объема предиката в составе придаточного. Сравните: широкое по семантике (1) *всё, что было завоевано народом в революции* и локализованное по времени (2) *всё, что творится теперь*. Кроме того, есть уточняющие ограничители: (3) *всё, что в них говорится о злодействах Московской Чрезвычайной Комиссии*.

Есть контексты вполне конкретные по референтивной обобщенности с формулой *всё, что*. Они напоминают информационное сообщение:

Союзники услышали от русских **всё, что они имели сказать**, и они знают теперь, в чем нуждаются русские; Необходимо немедленно снабдить русские армии, борющиеся с большевиками, **всем, что им надо**: провиантом, одеждой, вооружением. До сих пор союзники почти ничего не сделали (ОД).

Высокой степенью генерализации отличаются высказывания с одиночным *всё* в качестве обобщающего слова при перечислении. Хотя перечисляемое должно, казалось бы, ограничивать объем совокупной множественности, здесь в ряде случаев наблюдается приоритет риторичности перед точностью:

(1) Прежде всего, следует отметить, по поводу этой ноты, циничную готовность большевиков **отдать иностранцам всё – и концессии, и русские территории** – только бы они, эти иностранцы, оставили им возможность довести свое дело до конца;

(2) Как и следовало ожидать, **всё внутри России дезорганизовано**. Коммунизм осуществляется в виде хищений, системы заложничества и многочисленных казней. Декреты имеют в виду *обратить и обречь на голод буржуазию, и всё распределить* между рабочими;

(3) *Наше народное искусство, наша родная страна, наши бесценные памятники и наши древние храмы – всё было брошено под ноги новых завоевателей, и над всем безраздельно царил* самодержавная шрапнель! (все примеры: НГ)

Можно заметить, что образные преувеличения и эмоциональность в (3) идут в ущерб логике и смыслу: перечислительный ряд актантов в составе обобщения (*народное искусство – родная страна – бесценные памятники*) плохо сочетается по объему понятий и количественному критерию, он не соответствует характеру предиката.

Аффективность понижает контролируемость речевого потока. Отсюда логическая несогласованность риторического образа и смысловой формы выражения: *Эта новая громадная чиновничья саранча губит всё, за что ни возьмется. Она совершенно бессильна*

при разрешении какого-нибудь вопроса. Нелогичным кажется соответствие одновременно двух противоположных ролей одному актанту в составе пропозициональной ситуации: преувеличенно активной роли (*губит всё*) и преувеличенно пассивной роли (*совершенно бессильна*).

Высокая степень обобщения сопутствует абстрагированным дескрипциям и высказываниям. В глубинной структуре таких высказываний для автора референтные индексы есть²⁴, но они с трудом могут быть верифицированы читателем. Например: *В ужасной истории большевизма, – этого массового палачества во имя коммунизма, – всё связано и всё последовательно. И потому все ответственности до последней степени ясны.* Генерализованное высказывание служит основанием вывода, категоричность которого доведена до крайности: *и потому все ответственности до последней степени ясны.*

Высокий стиль риторического обобщения свойственен контекстам, одушевленным идеей спасения России. Зависимость дискурса от имманентно присущей субъекту динамики страстей проявляется здесь в сочетаниях одновременно позитивной и негативной окраски, в объединяющих обращениях к единомышленникам и во всех видах кванторных форм, служащих обобщению. «Интенсивность выражается в “горячности”, чувство становится предрасположенностью к служению или деланию чего-либо... субъект “посвящает” и даже приносит себя “в жертву” объекту» [Греймас, Фонтаний 2007 : 211]. Сравните:

- <...> для блага и свободы революционной России готовы отдать **всё, что дорого человеку** (НГ);
- Мы обращаемся к ним, прежде всего, с нашим горячим приветом и самыми горячими пожеланиями успехов в их борьбе. Мы будем всех звать идти к ним навстречу и сами сделаем для них **всё, что будет в наших силах** (ОД);
- Мы будем приветствовать в их деятельности **всё, что будет служить делу спасения родины**, и в то же самое время мы будем возражать им, когда в их деятельности мы увидим ошибки (ОД);
- Россия для нас – не пустой звук. Россия – наша родина! *России мы отдадим **всё!*** Россия лежит сейчас бедная, раздавленная, поруганная... И должны же мы ей помочь, должна же Россия стать великой, должна же Россия воскреснуть! И именно в пережитых ужасах мы будем черпать силы, и не уйдем от одра больной родины! **Всё для тебя, Россия!** Мы с тобой, Россия (НГ).

Высказывания, как можно заметить, расположены в аспекте будущего, относятся к модусам желания и необходимости, выража-

ют готовность. Охваченный страстью субъект идентифицирует себя с «ценностным объектом» (*не уйдем от одра больной родины, всё для тебя, мы с тобой*). Страсть к спасению родины выступает как *страсть коллективизирующая*, что соответствует национальной традиции русских. Можно сказать, что с ее помощью определяется «идентичность группы» за рубежом и в России.

Несколько замечаний об усилителях генерализации. Как видно, прием обобщения, или генерализации, используется в страстном дискурсе по преимуществу в целях воздействия. Однако на фоне стереотипного аффективного изложения говорящему ИС требуется всё больше интенсификаторов для воздействия на читателя в нужный момент. Утверждения сопровождаются категоричностью и навязчивыми повторами, скоплением и градацией кванторов оценочного обобщения.

В этом отношении показательно сочетание квантора *все (всё, всюду)* с наречием *решительно*. Значение оценочного слова, от которого образовалось наречие, соответствовало мятежному духу своего времени. Сравните [Сл. под ред. Д. Н. Ушакова]: *решительный* ‘смелый, не останавливающийся в действиях перед трудностями; не знающий колебаний в осуществлении принятых решений’. В аффективном дискурсе эпитет *решительный* выступает как усилитель со значением ‘окончательный, определяющий последующее, самый важный’: *«Это есть наш последний и решительный бой»* («Интернационал»). Наречие *решительно*, употребленное перед сказуемым, фиксируется словарем по литературным источникам с давних пор (Баратынский, Толстой, Чехов, Лесков). Наречие употребляется в разговорном значении ‘окончательно, без сомнения’. *Нет, я решительно развинулся* (Чехов); как усилитель при отрицании в значении ‘совсем’. *Решительно печальных строк моих не хочешь ты ответом удостоить* (Баратынский). *Решительно ничего не могу вам посоветовать* (Лесков).

В аффективном обвинительном дискурсе радикальной антибольшевистской газеты наречие *решительно* используется как дополнительный интенсификатор при обобщении с кванторными словами *всё, все, всюду*. Такое сочетание слов доводит варьлируемый смысл до крайней степени категоричности:

- ...в первом (и единственном) номере «нашего Общего Дела» (25 окт.), появившемся в день большевистского переворота, я **обратился решительно ко всем русским гражданам**, без различия партий, любящим свою родину: Г р а ж д а н е ! С п а с а й т е Р о с с и ю!
- За последний год, где я только ни был – в России или за границей, я **решительно всюду и решительно от всех**, наряду с вопросом «Где Азеф?», неизменно *слышу вопросы*: «Ленин и Троцкий – немецкие агенты?» «Они – предатели?»

- От большевиков *можно ожидать решительно всего!*.. Проклятие, проклятие вам большевики!

- Мы *обязаны сделать решительно всё*, чтобы наши союзники возможно скорее признали правительство Колчака и вместе с ним объявили решительную борьбу большевикам.

Особой концентрации идея всеобщности достигает в контекстах, построенных повтором в форме триады. Используется полный состав местоимений по родовому признаку (*весь, вся, всё*), образуется скопление кванторов одной природы, нарастает градация. Из «Народной газеты»:

- Немцы предали большевикам **весь** мир, **всю** науку, **всё** человечество. Систематически они сеяли семена большевизма и отравляли ими общественную жизнь **всюду**.

- В общем, террор и анархия **повсюду**, а голод такой, что грозит катастрофой. Таково же, приблизительно, положение **во всей** России, где **весь** аппарат общественной организации больше не действует, где **вся** система путей сообщения дезорганизована, где **вся** жизнь как будто притаилась, где нигде больше нет личной безопасности.

- Этими-то подонками человечества и переполнены **все** совдепы. От них-то и зависят **все** грабежи, **разбои**, **все** жестокости.

- Нам, находящимся так далеко от нее, трудно себе представить **весь** ужас этого положения **во всём** его конкретном, действительном его *проявлении*, **во всём** поражающем *трагизме*.

Очевидна стереотипизация средств интенсивности. Используются разнообразные оценочные ресурсы языка, но самыми ходовыми из дескрипций стали отвлеченные наименования крайней степени оценки состояния, чувства, явления в сочетании с кванторами полноты и всеобщности. Несколько таких выражений для примера: *всей* своей *намученной душой* я кричу вам; *весь* ужас и *вся* моральная низость того движения, которое известно под именем большевизма; *нынешний большевизм со всеми* его ужасами и авантюрами оставляет далеко позади себя *все* ужасы инквизиции и царизма; но что ужаснее *всего*, что *все* творимые вами ужасы творятся не вашим только именем, но именем несчастного народа и принципов мировой демократии.

Подведем итог. С когнитивно-семантической и функциональной точек зрения квантор **все** занимает свое место между условными контрапунктами *референция* (предметно-отождествительный план содержания) и *оценка* (подчеркнутая аффективность смыслового акцентирования), *имея отношение к модализованной референции* (на уровне сознания). Внутренне аффективный дискурс

соответствует психологическому состоянию говорящего и его субъективированной картине мира. В антибольшевистской газете это состояние и умонастроение идеологического субъекта выражается разоблачающим модусом обвинения или целеобразующим модусом желания. При этом именно **эмоциональное переживание, которое возникает при напряженном ожидании субъектом желаемого** и предвосхищающим вероятностью его свершения, **определяет ментальную окраску дискурса**.

Страстная напряженность, интенсивность эмигрантского антибольшевистского дискурса есть не что иное, как **смысловой эффект количественных вариаций** в актантной и модалной структурах пропозиции **с квантором все**. Эти вариации в разнообразной форме по своему эффекту близки к понятию чрезмерности. Кванторные слова действуют в пропагандистском дискурсе как **резонаторы**, создающие болезненную аффектацию речи, связанную с модусами обвинения и желания (необходимости).

Слово *все* **вбирает в себя из контекста интеллектуальные и аффективные содержания**. Хотя референция слова проявляется прежде всего в связях с именами предметно-отождествительной семантики, однако аффективно выраженная идея общего в кванторе *все* нередко нивелирует предметный уровень референции сглаживанием разделительной множественности до совокупности. Такие сочетания *все* с конкретными именами исчисляемых референтов наблюдаются в высказываниях информационного типа. Но даже в информационном дискурсе эмигрантских газет квантор *все* тяготеет к оценочности и нередко выступает в составе метафоры-обобщения, а конкретные имена-референты подтверждают оценку.

В функциональном отношении наблюдается многоплановый, «сгущенный» режим действия слов *все* и *всё*: просматриваются **одновременно реализуемые** функции идентификации, обобщения, интенсификации. При этом выявляются семантические величины, поддающиеся обобщению внутри данной культуры и характеризующие концептуализацию слова как факт культурный. Это касается смысловых эффектов и сопутствующих им значений, связанных со словом «большевизм».

В ы в о д ы по Главе 5

Проведенная на этапе предварительного исследования работа **подтвердила гипотезу об оценочной оппозитивности как механизме текстопорождения в газетном дискурсе**. Оппозитивность обнаружена при рассмотрении всех трех аспектов смысловых отношений в дискурсе: 1) в аспекте репрезентации мира идеологическим субъектом (диктум) и на уровне коммуникации (модус), 2) в аспекте

структуры апеллятивности, включая метатекст и диктум в их полемической диалогичности, 3) в аспекте экспрессии оппозитивного дискурса с его риторической аффективностью.

Ниже следуют выводные положения согласно обозначенным аспектам и принятой методике анализа.

1. Мы имеем дело с описанием *социокультурно и психологически зависимых лингвоментальных речевых структур*, потому что приходится говорить о социальной и культурной зависимости самого идеологического объекта и субъекта дискурса — эмигрантской газеты с ее речевым обликом субъекта идеологии.

Оппозитивность выступает в ЭГ-дискурсе главным структурным организатором смыслообразования. Она опирается на заложенные в текстах и ментальности субъектов ценностные ориентиры, концепты, фреймы, на активированные идеологически различно модусы политического и гуманитарного сознания. Хотя главный социопсихологический и операциональный модус оппозитивного дискурса связан с концептом «неприятие», он различается в зависимости от идеологической ориентации газет — неприятия большевизма или неприятия антибольшевизма.

В составе высказываний устанавливаются **связи и отношения, по-новому конституирующие понятия-концепты «Россия» и «большевизм».** Если вспомнить слова К. Бюлера, то новое о понятии суждение дает второй «корень» понятия, резко отличающий его новую концептуализацию от той, что закрепились за понятием первоначально.

Направляющие смыслового порождения в проблемно-оппозитивном дискурсе можно обозначить как следующие: а) **принцип опорной концептуализации** (концепт «война», или «борьба»); б) **принцип идеологической сценарности** (программной заданности для выражения идеологических предпочтений); в) **принцип когнитивно-семантической структурной оппозитивности**, или стержня, вокруг которого организовано формально-смысловое содержание текста и развитие его смысловых компонентов в составе целого; г) **принцип наложения семантико-речевых парадигм** (референциальной и модальной).

К общим текстопорождающим факторам оппозитивного дискурса относятся следующие: социокультурный и социопсихологический факторы, концептуально-аксиологический и прагматико-поведенческий факторы (если учесть условного субъекта дискурса). Они определяют основные признаки газетного дискурса. Добавим сюда параметры, связанные с ментальной репрезентацией (модель события), с интенциональной прагматикой (стратегия сообщения, его приемы), с идеологической субъективированностью сообщаемого (экспрессивное смыслопорождение, оппозитивная коннотативность).

Специальными средствами оценки выступают **логическая несообразность**, выявленная **абсурдность** положения. Анализ текстов с точки зрения чередования линейных речевых последовательностей показал роль построений с логическими несообразностями для актуализации идеи «болезни» России большевизмом. Именно несоответствия разного характера организуют понимание читателем ситуации в России как ненормальной и болезненной. Образ говорящего также не свободен от такой интерпретации: бытийно мотивированная причинно-следственная логика его речи может противоречить постулатам гуманистического сознания. Становится ясным, что интенсивность **н е о б ы ч н о г о** в дискурсе есть выражение понимания болезненной нестабильности положения и «живой» привязанности участников общения к тому или иному «ценностному объекту».

Опорные вехи газетного дискурса на родине и в зарубежье — насыщенные оппозитивными представлениями концепты «Россия», «большевизм», «война», «болезнь». Они составляют в ментально-психологическом поле ЭГ-дискурса область глобальной²⁵ концептуализации. **Ключевому концепту «война»** соответствуют представления о речевых и неречевых действиях во внутреннем и внешнем поле дискурса: концептуальным референтом *речевой «войны»* выступает борьба идеологий, мнений, инвектива; концептуальный референт *неречевой «войны»* — представление о военных событиях и сами эти события. Обе разновидности концепта имеют отношение к архетипу «антимир», давно существующему в русской культуре. **Интерпретационный концепт «болезнь»** также имеет отношение к этому архетипу и охватывает доминирующую область смыслов в аналитических жанрах (корреспонденция, интервью, статья, очерк, фельетон).

Можно сказать, что культурологическое содержание концептов «война» и «болезнь» расширяется, но и определенным образом уточняется в контексте оппозитивного дискурса изучаемой эпохи. Идея социальной «войны» включает модальный концепт «неприятие» как отторжения происходящего. Идея социальной «болезни» включает интерпретационный слой, связанный с концептом «преступление» в отношении страны и народа.

Концептуализация понятия «большевизм» происходит в предикативных контекстах с объемной семантикой «антинорма». Неуклонно проводится идея всеобщей подверженности населения расправам со стороны большевиков. В речи о жертвах большевизма определенность отождествления обеспечивается референтами с компонентом всеобщности, а также благодаря пропозициональному значению высказываний, которое соотносится с **негативной семантической предметности** (факты, события, ситуации), связанной с кон-

цептом «насилие» (террор). Характерно, что в составе информационных сообщений количественный определитель редко стоит рядом с именем агенса ненормативного действия, чаще сливаясь с пациенсом, жертвой события. С другой стороны, для слов с семантикой «большевизм» характерны контексты и высказывания **крайней степени обобщения** (оценки). Эксплицированному модусу обвинения сопутствуют аргументативный характер речи в составе форм комментария или рассуждения.

2. Модус обвинения имеет **адресный характер**. Наблюдается персонализация врага в дискурсе (имена собственные). В предикативных контекстах семантический ряд «п р о т и в н и к и» отмечены ярлыками «преступники», «враги России», «предатели» и т.п. Использование таких наименований мотивируется, и выступают они как вторичные отождествительные имена референтов. В конечном счете такие имена становятся **идеологическими индексами** (постоянными указателями) лиц противников на общем фоне разоблачительных публикаций. И наоборот, семантический ряд «идеологические союзники» связан с модусом позитивного желания и необходимости. Проводится исторически выстраданная мысль о важности единства перед лицом множественных врагов России. Однако в контексте противоречий между недавними единомышленниками в России и за рубежом актуализирован не только вопрос координации сил, но и **вопрос идентификации настоящих/ложных союзников**.

Диалогический характер дискурса в модусе обличения очевиден в силу крайней оценочности полемического изложения. Диалогическая полемичность приводит к процессу **оценочной трансформации наименований в дискурсе** (бывшие идеологические союзники превращаются в защитников большевизма). В ходу модель стилистически сниженного изложения, состоящая из событийного высказывания и саркастического комментария к нему.

Мотив «средство достижения» – один из самых востребованных в идеологическом дискурсе. Само по себе марксистское учение было использовано в России именно как средство обоснования классовой борьбы за справедливость. Язык поддерживал существующие потребности политического самовыражения в газете. В субъектно-ориентированных контекстах с семантикой цели активизируются показатели позиции с творительным о р у д и й н ы м объекта. Наряду со стереотипным выражением орудийности, для этой же цели используются образные дескрипции – метафоры, эпитеты крайней степени оценочности. В роли актантов выступают имена субъектов политических действий и отвлеченные идеологемы. Оба вида дескрипций взаимодействуют, благодаря смысловому акценту на количественные множители.

3. **Количественный фактор** структурно-семантической специфики относится к важнейшим при изучении аффективного конфликтогенного дискурса. *Количественность и качественность, модальность и оценочность речевых действий оказались непосредственно связанными в газетном дискурсе*. В текстах наблюдаются наложения модусов когнитивных состояний (хотя они стандартны психологически) и оценочных коннотаций, поддерживающих смыслы обвинения и сострадания, ненависти и любви. Количественность (то есть повторяемость, длительность, интенсивность) придают модальной компетенции и речевому поведению идеологических субъектов «колорит» страсти, притом что она интерсубъективна. В нарративах интенсивно передается страсть большевиков к завоеванию власти, которая выражалась в беспощадном подавлении сопротивления. И в то же время дискурсивно запечатлелась страсть антибольшевиков – их одержимость в борьбе с врагом и способность полностью отдаваться идее подготовки общего похода против узурпаторов власти.

В газетном дискурсе **актуализировалась идея всеобщности**, заключенная в семантике кванторных слов. Эти слова находятся повсюду, участвуя в актах репрезентации, апелляции (призыв к объединению и борьбе) или в актах экспрессии. Очевидна стереотипизация средств аффективности (интенсификаторов). Используются разнообразные оценочные ресурсы языка, но самыми ходовыми из дескрипций стали отвлеченные наименования крайней степени оценки состояния, чувства, явления в сочетании с кванторами полноты и всеобщности.

Как известно, идея всеобщего связана с явлением тоталитаризма. Бердяев одним из первых отметил: эта идея порождена претензией «частичного» и «отдельного» (отдельной идеи, группы, нации) на всеобщность, массовидность системы, подавляющей личность. В то же время при тоталитаризме такая идея составляет «демократический камуфляж», настаивающий на коллективных формах (о чем писал И. А. Исаев в сб. «Из глубины»). В эмигрантских антибольшевистских газетах идея всеобщности – **реакция, ответный прием полемического сознания на вызов** в трудных условиях борьбы за Россию.

В пробольшевистских контекстах идея всеобщности предстает больше как **риторическая**. Когда слово *все* работает усилителем, после его изъятия экспрессивность в потоке сказанного уменьшается. Усилитель в таком случае близок к излишеству преувеличения, а контролируемость речевого потока понижается. Заметим: сам по себе количественный показатель нейтрален. Окраска слова *все* зависит от разных стереотипов сочетаемости, в конечном счете – от представлений говорящего.

В антибольшевистском газетном дискурсе **состояние сознания**, умонастроение коллективного субъекта характеризуется **модусом обвинения, целеобразующей модальностью желания и необходимости**. Общая картина мира в России связывается с моральным и правовым нарушением большевиками общечеловеческих норм и принципов демократии. Эффект неприятия порождает контрастный по структуре и обвинительный по интенции уклон оценочного изложения. Повсеместно возникают усилители идеи всеобщей ответственности за преступления большевиков в России.

Что касается **«механизма оппозитивности»** в ЭГ-дискурсе, то, как видно было по ходу анализа, обнаруживаются *имплицитный, частично явный и открытый* уровни проявлений оппозитивности. Как механизм осознания или неосознанного моделирования и выбора опорных элементов **о п п о з и т и в н о с т ь** существует **и м п л и ц и т н о** на уровне *ментальности*, где дискурс неявным образом содержит в себе свои собственные организационные модели. Среди них есть модели конститутивные – иерархически более высокого уровня, чем квалификационные или функциональные модели. **Частично явно** механизм оппозитивности обнаруживается на уровне *ментально-речевом*. В дискурсе такие неявные устройства оппозитивности обнаруживаются лишь постольку, поскольку так или иначе **р е а л и з у ю т с я** когнитивные модели, которым подчинено дискурсивное проявление оппозитивности. Их помогает выносить на поверхность синтаксис. **Открыто** механизм оппозитивности обнаруживается в речи. Это проявления значений слова и смыслов, которые реализуются в *дескрипциях*. Их акцентирует позиционно выделенная, идеологически осмысленная оценочная лексика.

Подчеркнем **продуктивность использования когнитивных методов** при анализе языка и речи как средства организации, обработки и передачи информации. При этом **внимание должно быть привлечено к исследованию феномена значения** с учетом ненаблюдаемых явлений в дискурсе или текстовых структур, передающих скрытые значения. Само значение как явление духовное зависит в конкретный момент его существования от *информационно важного* в сознании, в частности от концептуальных связей оппозитивного типа, настроенных от текста к сознанию и наоборот. Систематизация речевых структур оппозитивного характера, проявляющихся в дискурсе признаки ментального и семантико-речевого противоположения, может проводиться в ракурсе сценарно-динамического (повествование) и схематически умозрительного (рассуждение) соответствия ментально существующим, но не всегда осознанным оппозициям.

¹ Jackendoff R. What is a Concept? // Frames, Fields, and Contrasts : New essays in semantics and lexical organization. Hillsdale, 1992. P. 191-209. (P. 195).

² По общему признанию, *репрезентации* представляют собой символические отражения окружающей нас действительности, а в определении репрезентации подчеркивалось, что «само появление и развитие репрезентаций в сознании человека связано с памятью на отсутствующие в восприятии объекты». Кубрякова Е. С. О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) // Язык и культура: Факты и ценности : К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / Отв. Ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. М.: Языки слав. культуры, 2001. С. 283.

³ Лотман Ю. М. и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 23.

⁴ Понятие *мотив* имеет коммуникативно-психологическую основу. В мотив превращается потребность, которая может существовать в виде представления или «образа результата». См.: *Этнопсихоллингвистика* / Отв. ред. Ю. А. Сорокин и др. М.: Наука, 1988 (раздел: «Фоновые знания и языковая коммуникация»).

⁵ Эпштейн М. Н. Идеология и язык // Вопр. языкозн. 1991. № 6. С. 19-33.

⁶ Чернов В. М. (1873-1952) – один из основателей партии эсеров, ее руководитель. В 1917 г. министр земледелия Временного правительства. Председатель Учредительного собрания. В 1919-1920 гг. жил нелегально в Москве, затем выехал за границу.

⁷ Дискурсу как «тексту» и как «языку» в качестве «особой социальной данности» посвящены работы Ю. С. Степанова. Наиболее известная из них: *Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Причинность* // Язык и наука конца 20-го века. М.: Рос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 35-73.

⁸ См.: *Гуревич В. В. О «субъективном» компоненте языковой семантики* // Вопр. языкозн., 1998. № 1. С. 27-35.

⁹ Говоря о патологии личностного и группового поведения в ситуациях войны, затяжных конфликтов, бедствий, психиатры отмечают такие черты, как крайний эгоцентризм, морализаторство, обвинение окружающих, суженный аффективно-насыщенный смысл, агрессию как ведущий способ разрешения конфликтов (*Братусь Б. С. Аномалии личности*. М.: Мысль, 1988). Результатом расстройства психики считается не только «усиление чувств», их патологическая фиксация, но и, как следствие, развивающаяся тенденция к слабоумию, «поскольку страдание резко ограничивает возможности переработки информации и памяти» (*Амосов Н. М. Моделирование мышления и психики*. Киев., 1965. С. 238. См. также: *Зейгарник Б. В. Патология мышления*. М., 1962; *Петренко Л. В. Нарушение высших форм памяти*. М., 1976).

¹⁰ *Толковый словарь русского языка* / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. 4. М.: Сов. энцикл., 1940; см. также : *Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры : опыт исслед.* М., 1997. С. 473 и сл.

¹¹ Родичев Федор Измайлович – бывший депутат 1-й Государственной Думы.

¹² О метатексте см.: *Вежбицка А. Метатекст в тексте* // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1977.

¹³ Цитир. по: *Кучерова Г. Э. Гюстав Ле Бон : Методологические основы функционирования массовой коммуникации в условиях «эры толпы»* // Журналистика в 1996 г. : средства массовой информации в постсоветском обществе : тезисы науч.-практич. конференции. Ч. 2. М.: Моск. гос. ун-т, 1997. С. 30- 33.

¹⁴ URL : <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/8/80/10008269.htm> (13.06.2008).

¹⁵ См. декреты, постановления, декларации, обращения, радиogramмы: *Декреты* Великого Октября: книга-альбом / Авт.-сост.: Ю. А. Ахапкин, М. П. Ирошников. Л.: Лениздат., 1977. 143 с.

¹⁶ *Падучева Е. В.* Идея всеобщности в логике и естественном языке // *Вопр. языкозн.*, 1989. № 2. С. 15-25. О количественном аспекте выразительности: *Арутюнова Н. Д.* Проблема числа // *Логич. анализ языка: квантификативный аспект языка* / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик., 2005; *Выразительные* средства русского языка и речевые ошибки и недочеты: *Энцикл. словарь-справ.* / под ред. А. П. Сковородникова. М.: Флинта, Наука, 2005. С. 140-142.

¹⁷ В основном примеры даются по двум радикальным газетам антибольшевистского толка: «Общее дело» (Париж) и «Народная газета» (Нью-Йорк). **Приводятся только сокращенные названия газет в скобках.**

¹⁸ *Словарь* русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. Т. 1. А-Й. М.: Наука, 1981. С. 52.

¹⁹ См.: *Раселл Б.* Исследование значения и истины. М.: Идея-Пресс, 1999; *Арутюнова Н. Д.* От редактора // *Логический анализ языка. Избранное* (1988-1995): I. Знание и мнение. М.: Индрик, 2003, С. 44-46; *Зеленщиков А. В.* Пропозиция и модальность. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997; *Краснова Т. И.* Субъективность – модальность (материалы активной грамматики). СПб.: С.-Петербург. ун-т экон. и финансов, 2002. С. 135-152.

²⁰ Мотив «средство достижения» цели актуален в дискурсе эпохи кризиса. По нашим наблюдениям, он охватывает большой круг ситуативной лексико-грамматической семантики. И каждый раз кванторное слово оказывается заметной особенностью аффективного самовыражения как в составе авторской, так и чужой речи.

²¹ Обобщением называется «мысленное выделение каких-нибудь свойств, принадлежащих классу предметов и формулирование такого вывода, который распространяется на каждый отдельный предмет данного класса». *Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник. 2 изд. М.: Наука, 1975. С. 395.

²² Нейро-лингвистическое программирование (НЛП) – направление в теоретической и практической психологии. Очевидна связь положений НЛП с языком и знаниями об особенностях функционирования языковой системы. Исследуя репрезентативные системы человека, коммуникатор (психотерапевт) должен обращать внимание на языковое поведение. При этом используются сведения из грамматической теории, теории речевого воздействия и прагмалингвистики, построенные под цели психотерапевтической практики. Определенное влияние имели также идеи «общей семантики». В основе методик НЛП лежит предположение, что язык – как многие формы социального опыта – выступает в качестве фильтра, который искажает опыт или, по крайней мере, структурирует его. Эксплицитное выявление вносимых в речь искажений составляет значительную часть психотерапевтической процедуры. Основная часть трудов основателей НЛП переведена, издана в России и внедряется в практическую психологию. См.: *О'Коннор Дж., Сеймор Дж.* Введение в нейролингвистическое программирование /пер. с англ. А. Б. Бродского. 2-е изд. Челябинск: Б-ка Миллера, 1998; *Бэйли Р.* НЛП-консультирование. М.: КСП+, 2000; *Дилтс Р.* Фокусы языка: изменение убеждений с помощью НЛП. СПб.:

Белый кролик, 2000; *Бэндлер Р., Гриндерг Д.* Структура магии. СПб.: Питер, 1996.

²³ URL : <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet>

²⁴ Важнейшим следствием постулата об иконичности языка и речи является принцип психологического разграничения поверхностной и глубинной структур высказывания. Если поверхностная информация сообщает нам нечто о реальности, то глубинная информация представляет собой ограничение неопределенности этого сообщения. В глубинной структуре, по Хинтиikka, референтные индексы всегда есть. Генерируя это противопоставление в духе трансформационализма (иногда в смысле порождающей грамматики, а иногда в смысле порождающей семантики), представители НЛП приписывают поверхностной структуре функцию отражения сознания, а глубинной – подсознания (URL : <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet>).

²⁵ Термин «глобальный» в своем вторичном значении («всесторонний», «полный») стал распространенным в научном дискурсе когнитивного направления.

**ОППОЗИТИВНАЯ ФОРМАЦИЯ И СПЕЦИФИКА
ДИСКУРСА О РОССИИ В ПРЕССЕ РАЗНЫХ СТРАН
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 1917-1920(22) гг.**

Идеологию, или «общественную психологию» – по терминологии круга Бахтина, должно изучать с двух сторон: с точки зрения ее содержания, то есть тем, которые актуальны, и с точки зрения тех форм и типов речевого общения, в котором данные темы осуществляются, «обсуждаются, выражаются, испытываются, продумываются»¹. По существующей традиции как раз и выделяются два способа анализа литературного материала – содержательно-идеологический и лингвостилистический. Сочетание этих двух подходов в анализе текстов отвечает довольно распространенному сейчас пониманию дискурса как «стилистической специфики плюс стоящей за ней идеологии»².

Учет идеологической направленности газетной публицистики был главным условием изучения российских газет времени революции в 70-80-е годы прошлого века [Житенева 1978; Рогова 1979; Лысакова 1989]. Такие работы служат источником сведений, небезразличных для проблематики изучения эмигрантской печати той же эпохи. Ниже в обзоре указанных работ выделяются некоторые принципиальные положения, свидетельствующие о том, что по ряду вопросов анализа ЭГ-дискурса ответы уже есть.

➤ *Предшествующий опыт лингвостилистического анализа русских газет эпохи революций и дискурсный анализ газет РЗ*

Классовые, политические и нравственные убеждения враждующих сторон в *действительности*, так же как и концептуальные оппозиции в *ЭГ-дискурсе*, являются следствием осознания объективно существующей проблемной ситуации. Э к с п л и к а ц и я оппозитивности в любом ее варианте – важная задача для целей политики, так как способствует уточнению путей выработки решений. Под «осознанием» Л. С. Выготский понимал акт сознания, предметом которого является сама же деятельность сознания [Выготский 2005 : 210, 250]. Можно думать, что лингвостилистическое описание русских газет времени революции стало актом такого осознания: установлены особенности политического языка новых для своего времени газет, способов их эффективного воздействия на читателя (далее в обзоре курсив наш. – Т. К.).

Книга Л. И. Житенева «*Язык и стиль “Правды” 1917 года*» [1978] посвящена выявлению специфических черт этой газеты, основными из которых являются интенционально оппозитивные *директивность* и *полемичность*. Эти черты и общее направление идеологического означивания в пользу большевизма роднят публицистику главной советской газеты с п р о б о л ь ш е в и с т с к и м и изданиями за рубежом. Л. И. Житенева анализирует жанры, приемы, формы, типичные для газетной публицистики момента противостояния. В их числе – логунги, призывы, обращения как форма пропаганды, агитации и организации в газете, иронический подтекст как способ ведения полемики, функциональное назначение заголовков и абзацев, изобразительно-выразительные средства, литературные реминисценции (интертекстуальность) в качестве способа идеологической оценочности. Анализируется язык и стиль рабоче-крестьянской публицистики, включая «язык и стиль пролетарской поэзии» [Житенева 1978 : 80-88]. Последнее обстоятельство примечательно тем, что в эмигрантской печати тоже нередкими были наивные стихотворческие опыты читателей. Это не мешало поэзии стать идеологическим средством пропагандистского воздействия.

В книге И. П. Лысаковой «*Тип газеты и стиль публикации. Опыт социолингвистического исследования*» [1989] за период с 1918 по 1920 гг. рассматриваются материалы двух разных по ориентации советских газет – руководящей газеты «Правда» и массового издания «Беднота». На базе выявленных различий предлагается *социолингвистическая модель газетного издания*, построенная на учете семантико-стилистических особенностей таких речевых компонентов, как рубрики, заголовки, тексты информационных заметок (агентская и рабселькоровская информации). Дается сопоставительный анализ указанных изданий с очевидным различием по выявленным параметрам. Затем такой же анализ газет проводится через периоды средних и конечных десятилетий советской власти. Главной целью было диахроническое изучение эволюции газетно-публицистического стиля в русском языке XX века, притом что эволюция наглядно демонстрирует зависимость стилистических средств языка от социальных факторов. В другой книге того же автора «*Язык газеты и типология прессы*» [2005] содержатся направляющие методики анализа текстов по выработанным параметрам. К ним относятся *социолингвистически значимые показатели* следующих структур: семантико-стилистической структуры заголовочных комплексов и тематических полос, речевой структуры текстов (лексические и синтаксические особенности), предметно-тематические и композиционно-текстовые показатели [Лысакова 2005 : 235-240]. Немаловажное значение имеет положение о том,

что социальная оценочность языка газеты есть отражение политической позиции издателя и свойство «социолекта», выражающего идеологию класса, партии, группы. Классовая дифференциация печати в 1918-1920 гг. была настолько очевидной, что характер издания можно было легко определить по набору оценочных существительных или определений. Подчеркивается, что определения в языке большевистской прессы отличаются «номинативной точностью и ясно выраженной партийностью», в то время как определения в языке либеральной и реакционной печати – «политически не конкретны», эмоционально расплывчаты. Автор опирается на слова В. И. Ленина о том, как можно определить характер издания «по составу сотрудников, по отдельным выражениям, указывающим направление органа» [Там же 2005 : 21-22].

С точки зрения методики речевого анализа, особую значимость для изучения газетного материала имеет исследование, проведенное в конце 70-х гг. К. А. Роговой. В книге «*Стиль ленинской “Искры” и газеты “Новая жизнь” (лингвостилистический анализ жанра статьи)*» автор с позиций функционального текстового анализа рассматривает вопрос о становлении стиля социал-демократической и большевистской публицистики. Автор подчеркивает: в изданиях этого направления было особенное, марксистское восприятие действительности. Говорится о распространении идей научного социализма и освоении этих идей в практике публицистического анализа социальной жизни (другими словами – об их существовании в форме сложившегося дискурса). Речь идет о появлении ведущих «авторитетных» стилей [Рогова 1979 : 5]. Отмечается то обстоятельство, что такого рода стили явились точным и ярким выражением и воплощением эпохи. В подтверждение приводятся слова М. М. Бахтина, что они (эти стили) связаны с наличием «авторитетных и отстоявшихся идеологических оценок». Автор ставит вопрос о технической новизне «синтеза идеологических и речевых элементов». В структуре публицистических произведений В. И. Ленина рассматриваются многочисленные речевые факты с эксплицитными формами выражения авторской оценки. «Открытые» формы авторизации с эмотивной лексикой, экспрессивным синтаксисом характерны для периода острого социального противостояния. Они (эти формы) даются К. А. Роговой с количественными показателями распространенности в процентах, что подтверждает дискурсное направление исследования.

Выводом стало положение о двух разных факторах, определяющих поэтику пролетарской публицистики. С одной стороны, по мысли автора, это **документализм** и **объективность** отображения действительности, которые, вместе с тем, «стали средством выражения политической тенденциозности для идеологов борющегося

класса». С другой стороны, это сдвиг «**в сторону оценочного момента**», **предваряющего собственно сообщение**, и направляющего восприятие читателя «**в русло выдвигаемых критериев и оценок**» [Там же 1979 : 141]. Забегая вперед, отметим следующее. Материалы нашего анализа эмигрантских газет действительно подтверждают данные тенденции, но с некоторым расподоблением их по изданиям разной идеологической направленности. Первый способ как раз больше свойственен антибольшевистской публицистике в ее политике «документальной» опоры нарратива на множественные источники информации из России. Второй способ скорее характеризует тактику «сконструированного» информирования в пробольшевистской газете. Но тем не менее, К. А. Рогова довольно точно очертила тенденции в развитии газетной публицистики нового времени.

Ведущее место в указанной работе отводится исследованию статей В. И. Ленина. Для выявления своеобразия его индивидуального стиля применяется сопоставительная методика. К рассмотрению привлекаются наиболее массовые русские газеты 1905 г. (современницы первого легального органа большевиков «Новая жизнь»). По наблюдениям автора, публицистический стиль Ленина выгодно отличается тем, что в нем «центр тяжести перенесен на само сообщение», а экспрессивно-оценочный смысл выражается с помощью языковых средств коммуникативной организации высказывания (путем интонационного расчленения компонентов, акцентного выделения ремы, конструкций детализации и проч.). В отличие от техничной ленинской публицистики, либерально-буржуазная пресса в ее левых газетах (пример «Русского слова») в избытке использует приемы экспрессии обличения, выработанные революционно-демократической публицистикой XIX века. Преобладающим тоном ее был тон эмоционально-экспрессивной оценки. Доминировала субъективно-оценочная сторона высказывания при широком использовании форм модального «обрамления» сообщения в ущерб его смысловой значимости как собственно сообщения [Там же 1979 : 144]. Стиль таких газет, как «Гражданин» и «Новое время», квалифицируется исследователем как узко специфический. Особенности таких стилей обусловлены идеологическим содержанием и мировоззрением определенных групп, ориентируется на социально ограниченные явления, что и оставляет стиль этих газет, по мнению автора, «на периферии процессов развития языка». Здесь мы бы заметили, что стилистика таких изданий (а также их идеология) входит в общую картину контрастирующего разнообразия содержания публицистического стиля эпохи, о котором пишет Л. М. Грановская [2005]. Необходимо признать, что данным К. А. Роговой стилистическим характеристикам российских либерально-буржуазных газет («Новое время», «Русское слово») соответствуют

риторические черты газет не радикального толка в зарубежье. Но их трудно назвать ущербными для смысловой значимости сообщения в дискурсе о России.

Вернемся к проблеме дискурсного анализа конкретных газет русского зарубежья.

Ведущим остается *идеологический подход* к анализу российских материалов методом *экспликации концептуальных оппозиций*. Содержание высказывания многослойно и включает невыраженную очевидную часть идеологии. В речевом «теле» высказывания (в выдвинутых центрах предикации) в соответствии с моделью А↔В устанавливается концептуальный элемент оппозиции. Иногда он домысливается. Сам концепт по существующим представлениям является широко толкуемой категорией, включающей образы, понятия, связи, символы. Внутри его содержания можно найти «бинарную» составляющую, напр., понятие «убийца» подразумевает конверсив жертва. *Речевой* уровень выявления оппозитивных смыслов в составе высказываний предполагает: а) обнаружение оппозитивных концептов, если они представлены в речи открытым способом (выражены содержанием вербальных форм); б) вычленение их в дискурсе, если оппозитивы в скрытом виде реализуются как осознаваемые в вертикальном контексте высказывания. *Ментальный* уровень реконструкции неявного противоположения подразумевает вычленение концептуальных оппозиций даже на базе одного концепта как члена противопоставления: второй оппозитив присутствует в контексте как само собой разумеющийся.

При анализе конкретной газеты мы исходим из высказанного ранее положения о наличии внешнего и внутреннего полей дискурса, которые учитываются при знании контекста. В начале каждого раздела располагаются историографические, социокультурные, историко-журналистские сведения, предосланные описанию той или иной группы газет по месту их географического размещения. Поскольку говорящий видит мир сквозь призму объемлющей его социальной и ментальной среды, мы ставим перед собой задачу хотя бы косвенного ее описания. В отсутствие многих данных, анализ содержания, языка и стиля газет становится для исследователя порой единственным источником получения дополнительной информации. В ходе изучения российского содержания ЭГ для нас особенно важно то, что в контексте того или иного понимания эмигрантами положения в России в печати РЗ содержатся повторяющиеся *оценки*, а значит и предполагаемые *цели* ее деятельности.

Содержательно-идеологический анализ внутри конкретного издания проводился с опорой на параметры, сохраняющие свое постоянное значение в условиях существования газеты. Учитывались и анализировались как единицы наблюдения: 1) рубрики,

заголовки, тематические объединения («шапки»), социолингвистическая функция и содержательно-мотивирующая роль которых доказана целым рядом исследований [Лысакова 1982; Лазарева 1994; Лазарева 1989; Прохорова 2001; Кравец 2002 и др.]; 2) объявления редакции в связи с открытием или продолжением подписки; программные обращения редакции к читателям; комментарии редакции с объяснением мотивов публикаций; 3) номинативно-речевые и семантико-стилевые показатели специфики газет, релевантные их идеологическим признакам; 4) строевые текстовые единицы (зачины, концовки, абзацные фразы³), ключевые оценочные контексты с концептами «Россия» и «большевизм».

В свое время, говоря о проблеме методов исследования, К. Бюлер заметил: «...остается выполнить то, чего ждут от врача у постели больного и называют диагнозом, или то, что требует филологического чутья в процессе анализа текста и именуется толкованием (герменевтикой). И хотя точность и достоверность интерпретации (герменевтического акта) здесь может больше зависеть от исторического знания, а там — от понимания жизненной ситуации, с психологической точки зрения это практически несущественно»⁴.

¹ Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка : основные проблемы социологического метода в науке о языке / В. Н. Волошинов // Волошинов В. Н. Философия и социология гуманитарных наук / вступ. ст. Н. Л. Васильева; сост., примеч., библиогр. указ. Д. А. Юнова. СПб.: Астапресс, 1995. С. 232.

² Кибрик, А., Паршин, П. Дискурс : <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/7/75/1008254.htm> (13.06.2008).

³ О текстообразующей роли и функциях абзацных фраз в тексте: Лосева Л. М. Как строится текст / Л. М. Лосева. М.: Просвещение, 1980. 92 с.; Рогова К. А. Стиль ленинской «Искры» и газеты «Новая жизнь» / К. А. Рогова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979 С. 53-81; Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое) : учеб. пос. / Г. Я. Солганик. М.: Высшая школа, 1973. 214 с.

⁴ Бюлер К. Теория языка : репрезентативная функция языка / Пер. с нем. / К. Бюлер; общ. ред. и коммент. Т. В. Булыгиной. М.: Прогресс, 2001. С. 22-23.

Глава 6. Газетный дискурс с открыто выраженной оппозитивностью (политизированные газеты)

Насыщенность газетных текстов оппозитивными отношениями определяют такое качество проблемно-критического дискурса, как политизированность и полемичность. В данной главе рассматривается самая большая группа газетных изданий разной степени политизированности. Устанавливается связь меры политизации газеты с факторами разной природы, в числе которых одним из существенных оказался фактор места – географический.

6.1. Миграции в Маньчжурию и харбинская печать

Начиная с 1990-х гг., вопросу формирования российской диаспоры в Китае посвящены специальные труды отечественной историографии. В них учитываются как российские, так и зарубежные разработки по этому вопросу¹.

Появление российской диаспоры в Китае тесно связано с демаркацией границы во второй половине XIX в. и колониальной политикой России в Азии. Строительство в 1898-1903 гг. Китайской Восточной железной дороги (КВЖД) стимулировало миграцию в Маньчжурию. Китай был вынужден согласиться с «политикой открытых дверей», и подданные Российской империи стали мигрантами, живущими в китайской полосе отчуждения площадью в 112 тыс. га. Строительство КВЖД способствовало возникновению на территории Китая новых городов (В 1898 году на берегу реки Сунгари был основан город Харбин). В связи с необычным характером такой «эмиграции», газеты русской диаспоры в первоначальную пору пребывания русских переселенцев в Маньчжурии считать «эмигрантскими» можно лишь условно. Но дальнейшее развитие событий показывает, что шесть отличительных характеристик диаспоры, о которых говорилось выше (3.2.1), полностью относятся к явлению внешней миграции из России в Китай. Как развивались события?

Сначала (1903-1906 гг.) российские власти содействовали процессу военной колонизации полосы отчуждения и аграрному переселению в этот район. Потом заселение приняло стихийный характер, и в ряде городов и поселков вдоль линии КВЖД русскоязычное население превышало китайское. К 1913 г. русскоязычное население на северо-востоке Китая достигало 150 тыс. человек, из них до 20 тыс. было занято на транспорте и концессионных предприятиях в лесной и добывающей промышленности, около 40 тыс. – в сельском хозяйстве, остальные – в городской экономике и сфере услуг [Аблажей 2008 : 29].

Другое дело – последствия 1917 года. Они вызвали государственную неопределенность в отношении принадлежности полосы отчуждения КВЖД и находившихся в Китае россиян. В апреле 1918 г. в Харбин прибыл из Пекина адмирал А. В. Колчак с целью формирования на Дальнем Востоке русских вооруженных сил в зоне КВЖД. Он принял командование над всеми русскими военными частями в Маньчжурии.

Еще 23 июля 1918 года Совет министров Временного Сибирского правительства постановил считать Омск столицей Сибири. Приехав в Омск в октябре 1918 года в связи с планами по изгнанию большевиков из Сибири, после переворота 18 ноября 1918 г., А. В. Колчак стал Верховным правителем Российского государства и Главнокомандующим новой, создаваемой им Русской армии [Клавинг 2004 : 100-101]. Между тем китайские власти ввели в Харбин и зону КВЖД свой воинский контингент. Показательная для этих событий записка в харбинской газете «Призыв» от 1 октября 1918 года сообщает: «На станции “Ханьдаохедзы” командиром китайских войск занято под китайский воинский постой помещение школы, благодаря чему занятия пришлось прекратить. Протесты со стороны дорожной администрации во внимание приняты не были». В феврале 1918 г. функции охраны, а с конца 1920 г. и полицейский надзор в полосе КВЖД перешли к китайским властям.

Обобщая происходившее, отметим следующее. Важнейшими факторами переселения россиян в Маньчжурию были трудовая эмиграция, революция и Гражданская война, национальные движения (например, в Казахстане и Киргизии). Особенностью пребывания эмигрантов в Маньчжурии явилось то, что они попали в русскоязычную среду. Русские в Харбине мало отличались от соотечественников в Российской империи. Харбин, основанный русскими, был фактически русским городом. Между россиянами и китайцами здесь не воздвигалось никаких искусственных перегородок. Люди общались, дети учились в одних и тех же школах, изучая одновременно оба языка – русский и китайский [Русская эмиграция в Китае 1997 : 3].

Русский капитал сыграл важную роль в развитии промышленности Маньчжурии. Здесь сформировался рынок производства и потребления, ориентированный на российского и западного потребителя. Харбин был административным центром Маньчжурии, но в местных газетах 1918 г. высоко оценивается роль этого города для России в целом: «Харбин превращается в складочный пункт огромной мощности и источник питания России» (Призыв 1918, 1 окт.). Значительная часть мигрантов покинула переживавшую системный кризис родину по экономическим соображениям. Их предприимчивость, наряду с изобретательностью, была одним из

главных двигателей переезда. Состав переселенцев был пестрым. В 1918 г. местные газеты писали: «Очевидно, в Харбин долго еще, впредь до восстановления русской промышленности и балтийских портов, будут стекаться не только искатели легкой наживы, политические изгнанники социалистических республик, искатели приключений и авантюристы, но и коммерсанты, и представители всевозможных коопераций России, Союзных стран и Китая» <...> «Очевидно, Харбин родился в рубашке» (Призыв; там же). Положение изменилось к 1919 году, когда главным двигателем эмиграции стал мотив выживания: в России голод и Гражданская война. Первая мировая и Гражданская войны привели к массовой эвакуации и беженству в 1919-1920 и 1922 годах. В Маньчжурии и Синьцзяне оказалось около 100 тыс. человек. В то же время отмечается, что массовая миграция с самого начала сопровождалась и масштабным возвращением. С октября 1920 г. бывшие подданные Российской империи были официально приравнены к беженцам и эмигрантам без подданства.

К середине 1920-х гг. складывается русскоязычная диаспора в Китае, которая стала устойчивым образованием, осознававшим себя «зарубежной Россией». Консолидация диаспоры происходила в рамках религиозно-культурных общин, корпоративных и профессиональных групп. М. Раев, ссылаясь на документальные материалы по Харбину, пишет: «Особенность русской эмиграции на Дальнем Востоке состояла еще и в том, что в городе, давшем приют беженцам, уже существовали многочисленные организованные группы – служащих КВЖД, бывшей администрации и охраны железной дороги, церковные общины, школы, больницы, появившиеся еще до революции. Их присутствие способствовало сохранению «русскости» Харбина и облегчало интеграцию вновь прибывших в сложившуюся структуру и стиль городской жизни» [Раев 1994 : 48].

По существующим данным [Волков 1999], офицеров в Китае было не менее 5 тысяч. Уезжали из России вместе с семьями, так как среди офицеров Сибирской армии преобладали местные уроженцы. В октябре 1922 г. из Владивостока смогли выехать практически все желающие. Ряд офицеров уехали затем в Японию, США и Канаду, некоторые в Европу. Но большинство оставалось в Китае. Беженцы первоначально селились в основном в полосе отчуждения КВЖД, где сохранилась старая русская администрация. Офицеры оказались в худшем положении, чем в Европе, поскольку на Дальнем Востоке, после эвакуации Приморья, армии как целостного организма не существовало. Чтобы не умереть от голода, офицерам приходилось объединяться в артели грузчиков, носильщиков, работать чернорабочими, заменив в этом качестве китайцев.

М. Раев отмечает, что в сравнении с европейскими центрами Харбин обладал существенными недостатками. Технический и ад-

министративный персонал КВЖД преобладал здесь над «творчески активной интеллигенцией», сказывался также «провинциализм» представителей эмиграции, «выходцев из Сибири». Существенной была удаленность Харбина от культурных центров русской диаспоры в Европе [Раев 1994 : 37]. Хотя, по мнению ряда ученых, значение вклада Харбина в культуру русского зарубежья стало очевидным лишь после того, как многие деятели культуры эмигрировали из Харбина в США и Австралию².

6.1.1. Становление харбинской печати: краткий обзор

К сожалению, мы располагаем предельно ограниченным материалом наблюдений, а также сведений о харбинской печати времени революционного кризиса в России³. Насколько известно, большая коллекция газет (с 1917 по 1945 гг.), вывезенная из Маньчжурии, хранится в Государственном архиве Хабаровского края. Как отмечает Л. П. Громова, длительный период развития журналистики русского зарубежья в Китае не представлен еще в научных исследованиях ни комплексным исследованием, ни систематизированным указателем [Громова 2010 : 196].

Первым русским изданием в Китае стал журнал «Харбин», вышедший в 1898 году. Первой газетой на русском языке в Харбине был «Харбинский листок ежедневных телеграмм и объявлений» (появился 14 авг. 1901 г.). Издатель газеты П. В. Ровенский был во время первой русской буржуазно-демократической революции членом Харбинской организации партии эсеров. В этом же 1905 г. П. В. Ровенский начал выпуск газеты «Маньчжурия». Два номера этой газеты находятся в РНБ в С.-Петербурге.

До 1917 г. в Маньчжурии выходили две постоянные газеты. Это были официальный орган Управления КВЖД «Харбинский вестник» под ред. П. Тищенко (в 1917 г. переименован в «Железнодорожник», который существовал до 1920 года) и газета «Новости жизни» под ред. С. Р. Чернявского.

Согласно источникам, до октябрьской революции российские революционные организации в Харбине имели свои легальные и нелегальные издания. Так, нелегальная газета «Революционная мысль», издававшаяся с начала 1908 г., ориентировалась на рабочих Харбинского железнодорожного завода, а также на россиян среднего и низкого достатка, проживавших в Харбине. Здесь постоянно помещались новости о рабочем движении в России и теоретические статьи, агитировавшие рабочих и крестьян на свержение царской власти.

Во время октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны в России, когда число выходцев из России удвоилось, журналистика

и издательское дело в Харбине бурно развивались. В 1920 г. появилось 25 новых периодических изданий, в 1921 г. – 32. К сожалению, за этот период в петербургском собрании РНБ имеются лишь 4 номера газеты «Новости жизни» под ред. С. Р. Чернявского.

Отмечается, что с 1917 г. по 30-е годы большинство изданий русских эмигрантов в Харбине имело антибольшевистскую направленность. Но и большевики активно действовали. В апреле 1917 года харбинский совет российских рабочих и солдатских депутатов учредил «Голос труда». Газета призвала рабочих и крестьян объединиться для свержения власти буржуазии под лозунгами «Да здравствует партия рабочих!» и «Демократия для всех!» Именно благодаря этой газете, как утверждают, ленинизм впервые проник в Китай.

С притоком беженцев из России после 1917 г. и окончания Гражданской войны в Китае появилось немало известных редакторов, журналистов, писателей. К 1925 г. только в Харбине и Шанхае выходило около 100 наименований газет и журналов на русском языке, рассчитанных на различные слои эмиграции – начиная от домохозяек и заканчивая солидными научными журналами⁴ для профессуры [Русская эмиграция в Китае 1997 : 6].

В харбинской периодике политические издания составляли примерно одну треть. Далее шли литературно-художественные, экономические и религиозные издания. Многие из них были кратковременными. Из периодических изданий, выпускавшихся русскими эмигрантами в Харбине, почти треть газет и журналов выходила в свет менее года. Из-за краткого времени издания, узкого масштаба распространения, фактов хаоса и перемещения организаций множество ранних изданий русских эмигрантов, как отмечается, ныне уже невозможно отыскать. Тем ценнее номера харбинских газет, доступные для нас в Санкт-Петербургском отделении РНБ.

На основании имеющихся данных, можно полагать следующее.

1. Миграции в Маньчжурию носили как организованный (в 1910-е гг.), так и стихийный (с 1918 г.) характер. В 1910-е годы это была в большей степени экономическая эмиграция, а в 1918-1920 гг. – переплетающаяся с ней политическая индивидуальная и групповая эмиграции.

2. Большинство читателей харбинских газет 1918-1920 гг. считали себя подданными Российской империи, но фактически после событий 1917 года находились в положении «бесподданных», эмигрантов. На этом формальном основании газеты русской диаспоры в Харбине **1918** года считаем условно «эмигрантскими» газетами.

3. Предположительно, события 1917-1918 гг. в европейской части России рассматривались в газетах сквозь призму острани-

ного восприятия – в силу их значительной удаленности, неопределенности происходящего и с точки зрения занятого трудом населения Харбина.

4. У харбинских газет эпохи кризиса был довольно пестрый контингент читателей в составе русскоязычной колонии. Отсюда спектр интересов, которым должны были удовлетворять газеты.

6.1.2. Дискурс о большевизме и войне в России в харбинских газетах

В петербургском собрании РНБ находятся отдельные номера харбинских газет за 1918 год: «Маньчжурия», «Вестник Маньчжурии», «Призыв», «Труд», «Новости жизни». Все указанные газеты включают публикации, входящие в русло антибольшевистского дискурса.

«**Маньчжурия**» – «ежедневная общественно-политическая газета», с учетом принадлежности ее издателя (П. В. Ровенский) к партии эсеров может быть отнесена к изданиям социалистической направленности.

Газета выходила с «Приложением» и давала читателю широкий набор информации – от политико-экономической до эстетической. Рубрики: «Положение в России», «Торговля, промышленность, финансы», «Хроника», «Вопросы внутренней жизни», «Отклики печати», «Гуземная жизнь», «Из дневника журналиста». Публиковались большие статьи по политическим вопросам («Рабочий вопрос в России и в Англии»), обзоры иностранной прессы, тематические подборки публикаций из российских газет, стихи, фельетоны, пародии.

Тональность политизированного дискурса, связанного с событиями в России, ироническая. Речевой субъект литературно искушен, чуток к выбору слова, готов к полемике с идеологическим противником. Возьмем статью «Рабочий вопрос в России и в Англии» (Маньчжурия № 36). В ней автор ставит проблемный вопрос о необходимости борьбы с негативизмом в сознании правящего класса по отношению к рабочему в России. В зачине⁵ статьи речь идет об отношении к имени и самому понятию «рабочий» в среде буржуазии и в буржуазной прессе. Ряды ярлыков – отрицательно-оценочных предикатов (в тексте выделены курсивом) – включают негативно-оценочное имя «большевик» как отражение враждебной точки зрения [оппозиция «рабочие/буржуазия»]. Идеологическое и эмоциональное неприятие подчеркивается речевой структурой противоположения и градацией, доводящей вражеский смысл до преувеличения, близкого к констатации его абсурдности.

В последнее время слово **рабочий** стало у нас синонимом *разбойника, грабителя*, или по меньшей мере *названием низшего существа*, которого наша отечественная буржуазия не может вспомнить без скрежета зубного... Вот уж действительно: «На бедного Макара все шишки валяются». Рабочий – это *предатель отечества, большевик, губитель родной промышленности, разоритель имущих, виновник дороговизны, буян, невежа, а то и просто разбойник на большой дороге... Рабочий во всем виноват!* Кто не виноват, кто чист как агнец новорожденный, принесенный в жертву революции, – это наша многострадальная, мудрая, вездесущая, не скупившаяся на жертвы русская буржуазия.

В связи с ярко выраженной эмотивностью отрывка, вспоминается суждение А. Вежбицкой: «Русская речь отдает предпочтение гиперболам для выражения любых оценок, как положительных, так и отрицательных, и, в частности, моральных. Такая любовь к категорическим моральным суждениям, конечно же, является отголоском моральной и эмоциональной ориентации русской души» [Вежбицкая 1996 : 84].

Пытаясь продемонстрировать степень неприятия врага, автор использует повторы дейктических конструкций отождествительной семантики: **Так, по крайней мере, пишут газеты. Почти все газеты за исключением некоторых с явно социалистической окраской. Так говорят на улице. Так принято говорить в обществе.**

В целом видно, как речевые интенсификаторы выносят на смысловую поверхность высказывания классовую подоплеку идеологических оценок и той, и другой стороны. Этот стереотипный для печати классовый подход получает выражение в комически двуголосом противополжении, когда при иронической трактовке чуждой точки зрения хорошо выражена защитная позиция автора-социалиста: **И боже вас сохрани замолвить словцо за рабочих! На вас тогда будут смотреть как на большевика, нет хуже! Как на большевистского комиссара финансов...** Эта защитная позиция согласуется с точкой зрения ИС газеты – эсеровской по своей партийной принадлежности. Известно, что эсеры противились установлению любой диктатуры (как «красной», так и «белой») и пытались в годы Гражданской войны играть роль «третьей силы», оказавшись, таким образом, «между двумя большевизмами» [Русский исход 2004 : 80].

Для сравнения дадим фрагмент из статьи «Всероссийское правительство и областная дума» в «Приложении» к той же газете [Маньчжурия, № 40]. Здесь открыто выражены целеобразующий модус необходимости и проблемная оппозиция с альтернативой «власть народа/власть большевиков»:

Ясно, что необходимо привлечь население всей России к освобождению от большевиков. А для этого необходимо, чтобы население видело, что вместо большевизма, вместо презренной власти авантюристов, оно получит **народоправство**, а не ненавистный ему режим «правителей всей России», с неминуемо грядущей за ним новой революцией, с новыми потрясениями.

Как видно, аргументативное высказывание содержит две контрастирующие части – короткую (идеологему «народоправство») и длинную, содержащую по обе стороны противоположения имена крайней степени негативной оценочности.

Приведенные выше отрывки показывают приращение радикально иных коннотаций к значению слова «большевик», нежели те, которые соответствуют советской идеологии [по данным словарей: «член ВКП(б), последователь большевизма, стойкий коммунист»]. При чтении газеты может показаться, что ее сотрудники увлечены сбором речевых фактов, характеризующих это новое слово-понятие. Такое занятие сродни попыткам развлечь своего читателя. В газете «Маньчжурия» (№ 36) публикуется заметка «*Большевик*» как бранное слово в американском сенате». В ней ключ к интерпретации идеологии «большевик» дается уже в заголовке. В тексте заметки стилистический контраст создается в градиционном ряду наименований, где самым сильным по негативной оценке оказывается необычная для американцев **экспрессема** «большевики»: «*Если члены палаты хотят знать, что о них думает народ, – воскликнул сенатор Шерман, – пусть они попадут в отставку и предложат себя переизбрать, тогда вы увидите, с каким треском они провалятся. Они все подстрекатели, нигилисты, “большевики”*».

Слово тиражируется в газете как ярлык для обозначения лиц с определенными свойствами. Какими? Компонентный анализ показывает, что в синонимических рядах слов, соположенных с именем «большевик», находятся следующие семантические множители: «нарушение» (*подстрекатель, предатель, буян*), «уничтожение» и «насилие» (*губитель, грабитель, разоритель, разбойник*), и «избыточная претензия на знание», «грубость» (*невежа, буян*), «склонность к рискованным или сомнительным делам» (*авантюрист*), «управляющий, начальствующий» (*правитель*)⁶. Учтем, что приращение новых коннотаций к значению слова «большевик» возникает в риторических построениях в контексте чужой речи.

Критическое слово, приверженность литературной традиции, жанровое разнообразие выступлений характеризуют «Приложение» к газете «Маньчжурия». Выразительный пример – статья с многозначительным названием «O tempora, o mores». Она снабжена эпи-

графом, который служит исходным тезисом для создания противопоставления в проблемно-критическом контексте рассуждения:

Я книгу взял, восстав от сна,
И прочитал я в ней:
«Бывали хуже времена,
Но не было подлей».

(Н. А. Некрасов)

Полемизируя с первыми строчками эпиграфа, в начале статьи автор строит ответное ироническое отрицание. Но в речи эта ирония доводится до степени гневного словоизвержения. Фразеология низкого просторечия смешивается с крайне эмоциональными формами, отлаженными в жанрах литературной полемики. Сравните:

Прогрессируем. Теперь для того, чтобы убедиться в истине, до которой наблюдатель II пол. XIX столетия доходил таким сложным путем, этот путь **не нужен**. **Не нужно** восставать ото сна, **не нужно** брать книгу, **не нужно даже** доходить до истины умозрительным путем, как Тяпкин-Ляпкин до сотворения мира. *На яву, среди бела дня, не из книги, а из жизни подлость прет из всех углов, бьет в нос крепчайшим ароматом бесстыдства и цинизма неизреченного.*

Г. Г. Шпет относил тропы и фигуры к «языку страстей». Для риторического типа воздействия критерий морали остается верховным. «Можно говорить о морали всюду, где только есть риторика»; это могут быть логические формы, «орошенные слезами, отравленные завистью и злобою», внутренняя форма которых «порой распускается до патологической экспрессивности» [Шпет 2006 : 154, 160 и сл.].

Названная газетная статья написана в традициях злободневной публицистики с ее стилистическими контрастами, включением литературных аллюзий и построением смысловых парадоксов. Стилистический контраст привносит в текст иронию: библейские мотивы соседствуют с образами социального низа, ассоциированного с большевизмом. Это чисто литературная форма идентификации противника: открыто в тексте он не именуется, передается идеологически описательно. Интерпретация строится на библейском мотиве-символе «хриstopродавца». Но и этот образ обыгрывается в оценочном сравнении как член скрытого градиционного ряда. Образная трансформация героя завершается переходом в предельно сниженный человеческий, а потом – зооморфный образ, трактуемый как библейский (змеевидные):

Иуда, который, продавши Христа за тридцать сребренников, пошел и повесился, – разве он не кристалл честности **по сравнению** с людьми, **продающими мать-родину распивочно и на вынос?**

О! эти люди не повесятся. <...> в палачи пойдут. <...>. Ползут, шипят, смердят...

Риторическая концовка статьи относится к ее началу как перекрестная антитеза (хиазм). Если зачин строится как полемическое отрицание первых строчек эпиграфа, то концовка статьи содержит ответное подтверждение последних строчек эпиграфа.

«Бывали хуже времена,
Но не было подлей».
Не было...
Не будут!
Будьте уверены!

Обобщенно представлена этическая оценка негативных явлений революции в зачине и концовке публикации под рубрикой «Из дневника журналиста» (Мн. «Приложение» к № 40). В зачине сущность революции передана в высказывании словесным противоположением с идеологической оппозицией внешнее/внутреннее, антропоцентрической по своей природе: *Революция выбросила на поверхность многое, что в былые времена глубоко таилось в подспудных недрах человеческой души*. Далее становится ясным, что мнение зиждется на старинном религиозно-нравственном прототипе «земное»-«небесное». Молитвенный образ евангелия составляет ценностную опору для риторического вопроса, завершающего статью:

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь» – что может быть справедливее и величественнее этой молитвы, изложенной божественно простым языком?

А во что обратилась бы эта молитва, если бы коснулась **требования равного для всех каравая?**

Идеалистическое по своей риторике прекрасное утверждение обращено к читателю, способному к уравновешенности точек зрения и обладающему остраненным взглядом на действительность. По В. Н. Волошинову, абстрактного читателя нет. В сознании пишущего находится идеальный усредненный читатель, понимающий ценность того, о чем идет речь.

«Вестник Маньчжурии» – «ежедневная газета, посвященная политике, экономике, культуре и интересам профессионально-трудовой жизни». В собрании РНБ за 1918 г. газета представлена восемью номерами с № 208 (25 окт.) по № 216 (3 нояб.). Издавалась Президиумом торгово-промышленной секции Общества изучения Маньчжурского края. В 1923-1924 гг. газета преобразована в журнал под тем же названием. В содержательном отношении отличалась не только тематическим разнообразием и деловым характером, но и местным колоритом.

В 1918 г. Вестник уделяет большое внимание военной тематике. Краткие сообщения о военных действиях даются в сводках с фронтов (Западного, Юго-западного, Юго-восточного, Приволжского, Прикамского и др.) под рубрикой «Телеграммы».

Множество рубрик и заголовков отражают разнообразие ориентаций газеты, живущей интересами харбинских жителей: публикации под названиями «Из жизни армии», «Нормы оплаты труда», «Американский журналист о положении вещей в России»; рубрики «Письма в редакцию», «Сибирская жизнь», «Из дневника журналиста», «Театр и музыка». Газета учитывает местный колорит в разбросе тематических интересов читателя. Этнически познавательные переводные статьи (например, с англ.: «Происхождение китайцев») сменяются очерками этнографического характера, бытовыми зарисовками (подзаголовок: «кусочек быта»), сведениями из жизни «туземного» населения (№ 208), публикацией «О китайской лекарственной промышленности на Дальнем Востоке» (1918, 30 окт.). Даются серийные публикации по вопросам здоровья: «Инфлюенца (краткий очерк болезни)», «К лечению инфлюенцы». В форме стихотворного фельетона повествуется о «тайнах» местного промысла наркотиков (№ 210).

Особенностью публикаций 1918 года явилось малое число авторских материалов, что неожиданно в тех случаях, когда занимательная манера изложения невольно предполагает автора. Неясно также, откуда в том или ином случае имеет место перепечатка материалов из других источников. Возможно, фактор умолчания действовал по каким-то скрытым соображениям (латентный для нас дискурс). Так, например, без подписи дана публикация «Беженцы и интеллигенты», основанная на российском материале. Здесь при описании положения дел в России наблюдается двусмысленная игра трагикомической формой изложения. Она напоминает театральные традиции фарса.

Как жанровая форма *фарс* (от лат. *farsum* – начинка, фарш) предполагает небольшую комическую сценку бытовой или сатирической направленности, разыгрываемую между действиями с целью развлечь зрителя⁷. В театре XIX и XX века фарс – это комедия-водевиль легкого содержания с чисто внешними комическими приемами, использующая элементы шутовской игры, утрирования черт характера, поведения и речи персонажа. Вернемся к статье «Беженцы и интеллигенты».

Большевики в построенном по литературным канонам сюжете выполняют роль агенса предосудительных (преступных) действий. Метафорические образы с преувеличениями фельетонного типа придают изложению ту красочную художественно-литературную оснащенность, которой, по-видимому, ждал от проблемных публика-

ций читатель. Содержание статьи предполагает, с одной стороны – некоторого свидетеля событий, с другой стороны – включает комического по стилевому образу комментатора общей картины происходящего. Ниже видно, что описание драматических событий при захвате большевиками Казани дается с фарсовой их трансформацией. При этом раскрываются причины этих событий.

Перед падением Казани над городом раза по два и по три в день летали большевистские аэропланы. <...> Бомбы падали и в частные дома, на мостовую, в сад, где играли дети.

Но этого большевикам показалось мало.

Они придумали новое средство.

Аэропланы наряду с бомбами стали раскидывать и прокламации за подписью казанской коммунистической партии, казанского совета и даже самого Льва Троцкого. – «Пошады никома не будет», – **кричал в прокламациях кровожадный** Троцкий, **показывая своим преступным перстом** на казанскую интеллигенцию.

И этого оказалось мало. <...>. **Черные инстинкты зашевелились в бандах** Троцкого. **Они услышали**, что *кроме миллиона рублей Троцкий пообещал им еще дать право на разграбление города.* <...>

Казань опустела.

Идеология неприятия пронизывает изложение, благодаря риторическим акцентам. Негативные смыслы нарастают в рядах высказываний с субъектами физического и психического действия. Физические действия связаны с олицетворением аэроплана как большевистской «машины подавления». Речевые акты сопутствуют желаниям вождя в образе «преступника»: *кровожадный Троцкий кричит, показывает своим преступным перстом, обещает дать право на разграбление.* В художественно-публицистической форме предстает даже «нутряное» действие. Оно олицетворяет темное начало и связано с ощущениями-желаниями вражеской группы: *черные инстинкты зашевелились в банде.*

В изложении, с одной стороны, налицо приемы фарса, утрирование предосудительных действий. С другой стороны, дается простая констатация результатов вражеских действий, построенная на смысловом контрасте: *Бомбы падали // и в частные дома, на мостовую, в сад, где играли дети; Казань // опустела.* С точки зрения логики социально неоправданной жестокости происходящего, эти две стороны (информационно-событийная и театрализованная фарсовая) плохо сочетаются. Субъективная легкость отношения порождает двусмысленность восприятия. Она отчасти снимается элементами прямой оценки, ассоциированными концептом «п р е с т у п л е н и е». Нарисованная картина действительности оставляет желать большего при меньшей «театральности». Но ведь сделано это для своего читателя.

Еще одна особенность. В газете много сообщений из «Красной газеты», которая используется как источник информации. Разные сообщения чередуются на равных – по канонам западной журналистики – без заглавий и комментариев, распределяясь по абзацным отступам. Дается их буквальная перепечатка. Приведем пример двусмысленной, т.е. плохо акцентированной, оценочной позиции ИС, и как следствие – неясной оценки в изложении.

Под рубрикой «По России» 3 ноября 1918 дается сообщение «о меньшевиках в советской России» с использованием советских источников. Речь идет о публикации в московской газете «Утро Москвы», которая сообщает «об оригинальном заявлении центрального комитета меньшевиков». Далее приводится выдержка из «Красной газеты», которая, как сказано, «заключает»: *Чуют меньшевистские лидеры гибель своей политики, чувствуют, что близится час расплаты, и виляют хвостом. Но напрасно, господа предатели. Революция воздаст вам по делам, а не по словам вашим...* [обещаются расправы с самарскими меньшевиками. – Т. К.]. И тут же после абзацного отступа следует: *Что и как едят в «красном Петрограде»: В хроникерской заметке «Красной газеты» сообщают: На 13 и 14 сентября будет выдано по 1 категории – 1/4 ф. хлеба и 3 шт. сельдей, по 2 категории – 1/4 ф. хлеба и 3 шт. сельдей, по 3 категории – 3 сельди»* (и т.д.).

Газета «Вестник Маньчжурии» проявляет признаки нейтрального, сугубо информационного отношения к передаче сообщений о политической ситуации в России. Наблюдается некая проамериканская позиция «всеядности» при отсутствии даже графических средств расстановки акцентов (сообщения из американской печати регулярно публиковались).

Разнообразие содержания, занимательность и насмешливый стиль характеризует другую «ежедневную» газету «Призыв» (редактор А. Ф. Олигер; Изд. Т-во «Русь»). В собрании РНБ она представлена за месяц 1918 года номерами с 1 октября по 7 ноября.

Газету отличает педантизм в обозначении новостных источников. Похоже, обеспеченность источниками – предмет ее особой гордости: ведь именно таким образом контролируется возможная степень достоверности сообщаемого. Указание на источник стало принципом озаглавливания новостных рубрик в газете. Ср.: «Телеграммы агентства “Рейтер” для газеты “Призыв”», «Телеграммы Сибирского телеграфного агентства», «Телеграммы Американского осведомительного бюро печати», «Телеграммы агентства “Фета”», «Телеграммы М. D. N.». Названиями других новостных рубрик стали именованья по месту исходящей информации: «В России» (встречается и подзаголовок «В Совдепии», характерный для север-

ного агентства СТА), «В Сибири», «За границей». Актуальны рубрики «Новости дня», «На железных дорогах», «Дневник происшествий», «Из китайских газет», «Письмо в редакцию», «Харбинская биржа (котировка)», «Харбинский рынок», «Среди печати».

Идеологическая направленность газеты против большевизма очевидна в материалах разной жанровой формы. Под рубрикой «Среди печати» находим подзаголовки информации «Большевистский тайный договор». В краткой заметке с точной ссылкой на первоисточник говорится: *«В издающейся в Пекине газете “Рек. Т. Times” напечатаны материалы, разоблачающие предательство большевиками Польши».*

Наименование «большевики» встречается в газете «Призыв» в значении «представители или последователи большевизма, обладающие властью в России». В № 160 от 1 октября 1918 г. опубликовано сообщение, полученное из вторых рук и озаглавленное «Красный террор». Здесь имя «большевики» вновь и вновь употребляется в пропозициональной схеме высказываний в роли агенса и каузатора текстовых ситуаций насилия. Сравните:

Уфа. 20 сент. Ведомством Иностранных Ком. Учр. Собр. получена следующая телеграмма из Стокгольма: члены Учр. Собр. Гавронский и Сухомлинов просят донести до сведения Ком. Учр. Собр. и всех правительств, что большевики **официально приговорили к смертной казни тысячу пятьсот двадцать одного человека** в Петрограде, из которых десять принадлежат эсерам, **как возмездие за убийство** Урицкого. Гавронский и Сухомлинов настаивают на доведении этих сведений рабочим и крестьянам всей России об этом **новом зверстве** большевиков.

«Призыв» публикует материалы о деятельности большевиков с разной степенью критического отношения: от констатации события («Разоблачение большевиков») и юмористического рассказа («Новые ценности») до памфлета о перспективах жизни в России под властью большевиков (фантазия-памфлет «Завоевания революции»). Новости из центра России поступали в газету чаще из сибирского региона. Ниже, в качестве примера оценочно-оппозитивного построения, дается корреспонденция «В Петрограде» (Пр₁ 1918, 9 окт.). Чередование событийности и образного иронического комментария создает насыщенную оценками картину положения дел в городе. Формально это достигается стилистическим контрастом деловых, революционно-риторических и литературно-поэтических элементов изложения. См. ниже:

Лицо, выехавшее из Петрограда и случайно добравшееся до Красноярска, сообщило сотруднику «Воли Сибири» новости и впечатления преображенной жизни столицы.

ПРИЗЫВ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.

Выпуск № 254
 Периодический сбор:
 Годовое издание 7 руб. 50 коп.
 Полугодовое издание 4 руб. 50 коп.
 Трехмесячное издание 2 руб. 50 коп.
 За доставку по почте прибавить 50 коп.

Плата за объявление:
 Обыкновенные объявления по 10 коп. за строку в день
 За доставку по почте прибавить 50 коп.

Адрес редакции в Харбине:
 Харбинь-Новый, Танкоострова
 № 17.

Анонсы
 Драма во 5 актов с участием Павлова, Павловой, Кошечкина

Горькая доля
 Декорации

ВЫГАЙ СКАЧКИ
 Чемпионы Чемпионы! Чемпионы!!!
 Чемпионство Бельгии Харбинский Провоз в 3000 руб.

КАРТА
 абайкальского фронта Цена 1 руб 50 коп.

Изд. газ. «Призыв».

Содержит: 1. Описание местности. 2. Расположение войск. 3. Дороги. 4. Местности, имеющие значение. 5. Местности, имеющие значение. 6. Местности, имеющие значение.

ПРИЗЫВ

Издательство «Призыв»
 на газету
 «Призыв»

Содержит: 1. Описание местности. 2. Расположение войск. 3. Дороги. 4. Местности, имеющие значение. 5. Местности, имеющие значение. 6. Местности, имеющие значение.

Русское книгоиздательство и типография
 «Путеводителя по Шангаю»

Содержит: 1. Описание местности. 2. Расположение войск. 3. Дороги. 4. Местности, имеющие значение. 5. Местности, имеющие значение. 6. Местности, имеющие значение.

Бюро по встрече и подготовке подарков союзным и российским войскам

Временное правительство
 Бюро по встрече и подготовке подарков союзным и российским войскам

Временное правительство
 Бюро по встрече и подготовке подарков союзным и российским войскам

Призыв англичан

Как было сказано в первом выпуске «Призыва», английские власти в Харбине...

Призыв англичан

Как было сказано в первом выпуске «Призыва», английские власти в Харбине...

Жизнь эта легко определяется «трехчленной формулой»: голод, холера и равнодушие потрепанного, исстрадавшегося до апатии обывателя.

С переездом «наркомов» в Москву, с перенесением туда всех страстей классово-политической и т.п. борьбы, петроградцы вошли в тихую сень северной коммуны, возглавляемой товарищем Зиновьевым.

Эта мертвая зыбь была слегка нарушена только жидкими первомайскими демонстрациями, похоронами Володарского и в несколько часов ликвидированным мятежом левых эсеров.

В газете «Призыв» есть все, что могло интересовать самые разные круги читателей. Публикуются не просто политические статьи («Задачи момента»), а серии таких статей: «Социальный вопрос в Японии» (в концовке указывается точный источник публикации: перевод японского автора во французской газете «De Journal da Pekin»). Строятся многообещающие прогнозы (статья «Значение Харбина»). «Призыв» широко размещает развлекательную информацию: в свободной форме написанные этнографические зарисовки («Сибирская охота»), бытовые сценки («Славный Харбин. В бане»). В ходу жанры комического: есть постоянная рубрика «Маленький фельетон», публикуются стихотворные пародии. Но и в этих жанрах газета не минует российской тематики «на злобу дня».

Ниже приводится сатирическая по целям, стилизованная по форме Песнь «про комиссара Руси Свет Ильич Ульяна» (рубрика «Шалости пера». Пр. 1918, 16 окт.). В текст заложен контраст древней песенной формы и современного содержания. Народно-поэтический стереотип обращения к главному герою (агенту революции), в стилизованной форме причитания входит в противоречие с событийной семантикой разорения Руси (вместо ее защиты как в древнем песенном жанре). Пропозициональная схема «агента-насилие-жертва» обнаруживается и здесь:

Ой, ты гой еси
 Комиссар Руси
 Свет Ильич Ульян,
 Загубил ты Русь
 Русь Великую.
 Ей большой изъян
 Сделан был тобой.

Ты двулюкую
 Вел политику,
 Разорил дотла
 Свою родину.
 В сердце горе-грусть
 От того, что Русь
 Кровью залита.

Сравните также фразы с первых страниц газеты «Призыв» (№ 183): «Первый друг и покровитель большевиков – Германия», «Ленин и большевики разбили Россию на черепки». Как видно (и согласно исследованиям, проведенным В. И. Буславевым еще в 40-е

годы XIX в.), знакомые читателю образы народной жизни, народной поэзии хранят в его этнической памяти не только «ее археологическую старину», но и нравственное чувство⁸.

Газета «Труд» – «ежедневная социалистическая газета с отделом союза служащих, мастеровых и рабочих Китайской Восточной железной дороги». «Труд» не только профессиональное, но и политизированное издание. К сожалению, в собрании РНБ числится только № 73 за 23 апр. 1918 г. Профессиональную ориентацию газеты соблюдает часть ее постоянных рубрик и заголовки: «Железнодорожная жизнь», «Делегатский съезд Уссурийской железной дороги», «Об экономических организациях», «У движенцев» (Союз движенцев информирует о своих проблемах, сообщает о назначениях агентов). Газета насыщена деловой информацией, и значительная часть рубрик относится к ее членению. Рубрики традиционны и лаконичны: «Печать», «Телеграммы», «Хроника», «Во Владивостоке» и т. п.

Столь же лаконичными предстают перед читателями информационные сообщения из России. Но это не мешает им сохранять общую для российского дискурса харбинских газет ироническую окраску. Вот изумительная по лаконизму и простоте своего замысла заметка, пародирующая высокопарный слог революционной власти (заранее напомним: мартира – орудие времен французской революции):

**Корнилов убит. Царицын, 18 апр. Революционной мученицей убит под Екатеринодаром Корнилов. Председатель исполкома Ленин.*

В обзоре под рубрикой «Печать» дается разоблачительный материал под названием «Мы всех запреиметим». Во вступлении читателю дают понять метод работы, привнесенный в народное сознание новой властью. Оценка выявляется в стилистических контрастах.

Приамурская «Жизнь» приводит отчет заседания Хабаровской экстремально-большевистской «думы», ярко иллюстрирующий, к каковым результатам может привести работа этих патентованных радетелей на общенародные интересы. <...>

...Поднимается шум. Председатель звонит...

Мужчина в пожарной тужурке, подходя к столу и грозя пальцем, кричит:

– Мы всех запреиметили, кто голосовал против!

Иронические кавычки, перифраза, цветовой символ, вариации времени в чужом высказывании в пространстве обратного соотношения текст → *заголовок (Мы всех запреиметили ↔ *«Мы всех запреиметим») не только служат задаче негативной оценки явления, но и его угрожающей типизации в образе большевизма.

«Новости жизни» – «ежедневная, политическая, общественная, литературная, торгово-промышленная газета». Издавалась т-вом «Печать» и была основным изданием русской колонии в Харбине на протяжении 12 лет (с 1914 по 1926, 31 дек.). В собрании РНБ в Петербурге она представлена четырьмя номерами: за 1919 г. № 93 (11 сент.), за 1920 г. – № 203, 261 и 262. Благодаря своей многоплановости и широкой ориентации на читателя, включала массу разнообразных материалов.

Наименования рубрик и заголовков газеты отражают их подбор в соответствии с доминирующей территориальной (Сибирь, Дальний Восток) и уравновешенной политической ориентацией издания: «Признание чингисского правительства», «Декларация Дальневосточной Республики Китаю», «Ленин и концессии Вандерлина», рубрика «Советская Россия и державы» («Франция о торговле с Россией», «К русско-английским переговорам»), рубрика «На русских фронтах», «Экономическое положение» и т. п.

Спрос на разностороннюю оперативную информацию определил содержание рубрик, традиционных для большой газеты: «За рубежом», «Разные известия», «Вести и факты», «Ночные телеграммы», «Хроника», «Торговая хроника», «Местная жизнь», «Происшествия», «Театр и музыка», «Курсы и лекции».

Обширна литературная часть издания. Она представлена публицистическими и художественными жанрами, среди которых очерк, рассказ, стихотворный фельетон. Их содержание во многом созвучно образу жизни, общественной психологии и проблемам жителя Харбина. Трудное положение смягчает юмор. Сравните изображение реальной ситуации в комическом свете фельетона С. Алымова (НЖ 1920, 25 сент.):

Душу дико царапают кошки,
Ведь вломбардил последние ложки.
В доме нет ни куска серебра –
Я теперь пролетарий... Ура!

Обратимся к показателям отношения к большевизму в год Гражданской войны (1919). Здесь газета проявляет широкую осведомленность по части существующих мнений разных лиц и сведений из разных источников. Среди них бывший французский министр, социалист Тома (большевизм – это «пагубная и опасная доктрина для пролетариата»); депутат-социалист, член президиума социалистической партии Неклю («вредное влияние» большевизма); французский социалист Эрлих и депутат-социалист Варенн («руководство партии захвачено красными элементами»); «Керенский о большевизме» («Армии Ленина и Троцкого испаряются, и проидет еще короткое время, и красный большевизм исчезнет в России»);

«Признания Троцкого»; сообщения агентств Рейтер, РТА, Чста и др. Всё это материалы, почерпнутые со стороны и опубликованные в газете вне оценочного контекста. По всем признакам газета «Новости жизни» соблюдает нейтральную позицию.

Материал «Признания Троцкого» (1919, 11 сент.) дается в информационном режиме, без комментариев. Имя большевика и связанные с большевизмом наименования организаций используются по своему прямому назначению.

Иркутск, 26 авг. (Чста). На собрании Моск. Совета, докладывая о военном положении на фронтах, **Троцкий, между прочим, сказал:** «История принудила нас вести войну. Во время боев мы начали строить армию. Этим можно объяснить успехи и неудачи. Год тому назад под Казанью была построена первая из наших регулярных армий. Мы имели успех, но тут явились новые фронты на юге, севере и западе». *С восточным пролетарское войско справилось, но положение на южном фронте признает Троцкий весьма тяжелым.*

Как видно, лаконичное изложение в форме прямой речи (1-е лицо) в последней фразе переключается в режим несобственно-прямой речи и может быть отнесено к сторонней точке зрения. Но, если учесть известные характеристики Троцкого как мастера публичной речи, то и прямая речь, ему приписанная, вряд ли имеет буквальный характер, а не сконструирована третьими лицами.

Заметка «Большевики среди казаков» содержит интересующие нас наименования в контексте с информацией о действиях большевиков и событиях, с ними связанных. Оценки действий принадлежат источнику сообщения. Приведем начало и концовку текста.

Омск, 5 сентября (Чста). *По достоверным сведениям из кругов казачества, красными сделана широкая попытка внести разложение в казачьи полки – особенно на Петропавловском фронте, где был задержан комиссар, у которого найдены документы и 2.000 000 рублей.*

к о н ц о в к а: *«Полагают, что большевики отпустили огромную сумму на разлад между сибирскими казаками»* (НЖ 1919, 11 сент.)

В материалах газеты обнаруживаются речевые факты, не столь однозначные для позиции газеты как нейтральной. Таким фактом представляется заметка агентства Рейтер, опубликованная под рубрикой «На русских фронтах» и оценочным заголовком «Еще одна авантюра». Все же заголовки присваивались текстам в редакции. И тогда «авантюрой» названо событие, имеющее отношение к белому движению.

Еще одна авантюра. Лондон. 1 дек. (Рейтер). Согласно большевистскому сообщению, **положение отряда Балаховича безнадежно.** На этом фронте большевики взяли в плен 120 офицеров и 4.500 нижних

чинов. Кроме того, большевики захватили большое количество всевозможного военного материала.

В 20-е годы газета выступает как лояльная по отношению к Советской власти. Именно здесь появилась знаменитая статья Н. В. Устрялова «Зеленый шум», знаменующая в газете идеологию «смены вех».

В действительности главную харбинскую газету «Новости жизни» больше интересуют проблемы жизни русской диаспоры, в том числе – проблема ее изоляции в чужеродной среде. Газета была чуткой на провокации по национальному вопросу (статья «Опасная Травля»). В конце 1920-го года «Новости жизни» публикуют воззвание к русским «В помощь голодающим китайцам». Приведем концовку, где поначалу дается рассказ очевидца, перерастающий в переложении в идеальный «сценарий» – встречное движение помощи голодающим. Нас интересует все тот же оппозитивный принцип построения. Строчки воззвания содержат оценочный контраст. Но этот семантико-речевой контраст выражает не конфронтацию, а сострадание русских к голодающим китайцам. Образно-риторические противоположения проводят благотворную идею жертвенности.

Приезжающие с юга видели, как **волна несчастных голодающих ползет** постепенно на север, достигая уже Мукден, стремясь к **благодатной и сытой Маньчжурии.**

Пусть же навстречу им идет волна добродетельных деяний, пусть она встретит их на пути, смягчит страдания, согреет больные, измученные и ожесточенные души.

Граждане! Мы бьем в набат, мы взываем к вам, к вашей совести, к сознанию вашего долга. Помогите.

Как видно, текст воззвания построен на олицетворении и завершается знакомым для русских риторическим образом набата как сигнала тревоги, призыва о помощи в ситуациях крайнего напряжения. Этническая оппозиция «русские/китайцы» снимается.

Подведем итог. В 1918 г. антибольшевистская устремленность харбинских газет сразу обнаруживается в контекстах со словом «большевик» и синонимичными словами. Эта идеологема стала не только отрицательно-оценочной у большинства харбинцев. Ее значение постепенно впитывало в свой коннотативный макрокомпонент те характеризующие смыслы, которые ассоциировались с объектом именованного в данной среде. Употребляемое и в прямом, и в переносном значении наименование «большевики» используется в контекстах, где образ действий агенса расценивается гуманистическим сознанием отрицательно, хотя и в форме занимательного изложения.

В описаниях действий «большевиков» слово приобретало новую референцию (нарушители социальных норм, преступники). В то же время в приведенных контекстах идеологические оценки в композиционном отношении объективированы, они соотносятся с категорией «точка зрения». Всякий раз оценка принадлежит мнению конкретного лица или группы: кроме авторской, обозначены самые разные точки зрения на большевизм (буржуазная; совнаркомовская; предполагаемое мнение народа; суждения идеологов со стороны – социалиста Тома, сенатора Шермана, социалиста Керенского).

Антибольшевизм харбинской печати в разных печатных изданиях неоднороден и варьирует от иронично-саркастической разновидности (в газетах «Маньчжурия», «Вестник Маньчжурии») к умеренно-ироничной («Призыв», «Труд») и, наконец – к умеренно-нейтральной разновидности (в газете «Новости жизни»). Умеренный антибольшевизм харбинской печати можно было бы объяснить удаленностью от центральной России и, как следствие, меньшей вовлеченностью в события. Но, по-видимому, главной причиной была сосредоточенность на экономических приоритетах со стороны ведущей части русской диаспоры в Харбине. В газетах же *умеренный антибольшевизм* явился идеологическим качеством дискурса, который характеризуется критикой, заметным неприятием большевизма и, в то же время, остраненностью идеологического субъекта, часто выражавшейся в утрированно комической форме. В харбинской печати 1918 г. много литературности, игры словами и жанрами, много любования риторикой публичной речи. Неслучайно харбинская умеренность на известном этапе в некоторых изданиях перешла в *умиренность*. Сравните по В. Далю: *умирить врагов, умирать страсти, умиротворить враждующих*, иными словами *улаживать, устранять ссору или тревогу, беспокойство*.

На когнитивном уровне в газетном дискурсе обнаруживаются: 1) *классово-идеологические оппозиции*, связанные а) с проблемой завоевания и применения власти (власть народа, «народоправство»/власть большевиков); б) с проблемой жизненных взаимоотношений представителей классов (рабочие/буржуазия); 2) *архетипические ментальные оппозиции*, опирающиеся на религиозное сознание: «земное»/«небесное», «внешнее»/«внутреннее». Обусловленная местом этническая оппозиция «русские/китайцы» целенаправленно снимается.

На речевом уровне основными способами оппозитивной формации выступают образно-риторические приемы противоположения и синтагматического контраста частей высказывания: 1) прием композиционно-смыслового противоположения частей; 2) прием

семантико-стилистического контраста деловых, разговорных, революционно-риторических, литературно-поэтических элементов речи; 3) прием градации смысловых наименований, тяготеющих к выражению крайней степени негативной оценки; 4) включение литературных аллюзий, перифраз, цветовых символов и построение семантико-стилистических (смысловых) парадоксов; 5) широкое использование комических приемов и средств иронии: а) преувеличений, доводящих враждебный смысл до констатации его абсурдности, б) приемов двусмысленной игры трагикомической формой в содержании сообщения при использовании жанровых традиций (фарса, пародии, стилизации, народно-поэтических образов и т.п.). «Культура низа» сделалась одним из способов преодоления избыточной экспрессии в газете и, одновременно, средством привлечения внимания простого читателя к смыслу сообщаемого.

6.2. Эмиграция в Америку и эмигрантская печать

Как свидетельствуют источники, появление первых русских иммигрантов в Америке относится к середине XVIII в. Процесс эмиграции из России происходил с разной интенсивностью, массовым он стал в самом конце XIX в.⁹ Наиболее крупным потоком русской эмиграции в Америку до 1917 года была религиозная эмиграция старообрядцев и духоборов. Хотя исследователи отмечали тенденцию к «американизации» их образа жизни и экспансию в их среде английского языка, нельзя не сказать о том, что эти эмигранты создали своего рода «островки» России за океаном. Первую группу *политэмигрантов* в Америке, еще малочисленную, составили народовольцы. Следующий значительный поток русской политической эмиграции за океан был связан с поражением первой русской революции 1905 г. Многие ее участники избрали убежищем именно Америку, боясь выдачи со стороны европейских правительств. Немало эмигрантов этой волны вернулись в Россию после февральской революции 1917 года. Возрастание потоков эмиграции за океан из России приходится на начало XX столетия. Поток продолжал нарастать перед Первой мировой войной, что объясняется кризисом, охватившем различные стороны российской действительности. Уже в годы Первой мировой войны каждый 20-й гражданин США был выходцем из Российской империи. Эмигрировали представители всех слоев общества, включая крестьян, если причислить к ним казаков. Но процент коренных русских (включая белорусов и украинцев) в американской статистике эмиграции из России был невелик. Очаги русской культуры складывались почти исключительно вокруг религиозных общин и церковных приходов.

Хорошо известная *трудовая* эмиграция в Америку объяснялась

надеждами большинства эмигрантов на лучшую, нежели в России, жизнь. Но людей востребованных, имеющих хорошую техническую специальность, было немного. Остальных ждал труд неквалифицированных рабочих. Газета «Свободная Россия» (Буэнос-Айрес 1918, № 53) писала: «Огромная масса российских рабочих, эмигрировавших в Южную Америку, покинула родину главным образом по мотивам экономического свойства. Стимулировала эту эмиграцию также искусственная пропаганда колониационного и транспортного капитала... Русские рабочие проживают в Аргентине, Чили, Уругвайской Республике, Парагвае, Бразилии т.д.».

Высокие транспортные расходы являлись фактором, удерживающим большинство русских беженцев от переселения за океан – в США или страны Южной Америки. Преобладающим было желание оставаться как можно ближе к России, а также «страх перед ассимиляцией», – пишет М. Раев. В то же время переселение за океан, в отличие от Европы, имело свою привлекательную сторону – автоматическую натурализацию поселенцев. Временами жизнь русских осложнялась обстоятельствами политического характера, – отмечает М. Раев. «На крупных предприятиях, где рабочие симпатизировали революции и советской власти, эмигранты часто становились изгоями. Рабочие-эмигранты имели возможность защищать свои права через профсоюзы, но многие отказывались от вступления в профсоюз или негодовали по поводу обязательного членства в них. *Это нежелание было обусловлено и их политическими взглядами, и всем опытом прежней жизни в России, который ставил их в оппозицию к любой форме профсоюзного движения*» [Раев 1994 : 59; здесь и далее выделено в цитатах нами. – Т. К.]. Показательны в этом отношении материалы газеты «Голос труженика», которая относительно хорошо представлена в РНБ в С.-Петербурге, начиная с 1919 года.

«Русская Америка» пережила ряд моментов в своей истории, вызванных революционными событиями в России¹⁰. Эти события привлекли внимание к русской иммиграции американского общества. Американское правительство, традиционно осуждавшее деспотический характер российской власти, приветствовало победу Февральской демократической революции. Но дальнейшее развитие событий в России, включая военную интервенцию США, обозначили длительный конфронтационный период в отношениях между двумя странами.

Революционные события в России сказались и на российской диаспоре. Во-первых, под влиянием революций 1917 г. русские организации росли как грибы и часто достигали 15 тыс. человек [Ручкин 2007]. Поэтому в дальнейшем на протяжении полувека русским иммигрантам приходилось существовать в условиях насто-

рожденного и подозрительного отношения со стороны американского общества, испытав воздействие идеологии, политики, культурных традиций и общественных институтов принимающей стороны.

Во-вторых, период с 1917 г. до середины 1921 г. отмечен развитием возвращенческого движения. Но оно не стало массовым явлением, «постреволюционная эйфория и стремление вернуться на родину сошли на нет», – пишет А. Б. Ручкин. Об этом периоде в жизни переселенцев оставила красноречивые свидетельства русская южно-американская газета «Свободная Россия»: «Давно знакомые нам демагоги, как на митингах, так и в прессе, на все способной, призывают русских рабочих в Южной Америке к объединению вокруг самых фантастических планов. Сначала под влиянием революционного опьянения этих рабочих призывали к массовой экономической эмиграции из Южной Америки за счет “Совета Раб. и Солд. Депутатов” из Петрограда. Эта фантазия была оставлена вследствие закрытия русских границ. <...> Теперь все те же демагоги пытаются создать искусственную фантастическую организацию, которая бы охватила всех русских рабочих Южной Америки. Цель организации – *защита интересов русских рабочих в Южной Америке путем установления связей с Российским Пролетариатом и развитие среди этих рабочих классового самосознания.* <...> Но планы демагогов, вносящие путаницу в умы рабочих, не ограничиваются полезным и достижимым. Они летят выше. *Они хотят подражать русской революции, вызвавшей там, на месте Советы Раб. и Крест. депутатов*». В конечном счете, национальное существование определяется условиями политической эмиграции, – считает газета. «Приобщившись к местным организациям и партиям, наши рабочие принесли бы много пользы, как себе, так и общему делу пролетарского движения» (СР₂ 1918, № 53).

В результате политических разногласий в начале 1918 г. в США одновременно состоялись два съезда (Первого русского Общеколоннального съезда и Первого Русского всегражданского съезда). Было положено начало существованию Федерации Русских организаций в Америке (Federation of Russian Organizations in America), целями которой провозглашались широкое объединение русской колонии на беспартийных началах, просветительская деятельность, защита русских граждан в Америке, содействие в развитии дружественных отношений между русским и американскими народами, всяческое содействие республиканско-демократическому строю в России¹¹.

В то же время историографические источники сообщают о **последствиях чрезмерной политизации** русских рабочих в США: «Революционный порыв иммиграционных масс, колеблющихся между реэмиграцией и созданием общества помощи новой России,

закончился разгромом русской колонии во время так называемого периода «красной угрозы» (Ручкин 2007 : 28). В ходе палмеровских рейдов 7 ноября 1919 г. и 2 янв. 1920 г. было разгромлено большинство общественных учреждений русской иммиграции, так или иначе связанных с Союзом русских рабочих или компартией Америки.

Необходимо отметить и другую политическую тенденцию в среде русской эмиграции. Представители некоторых иммигрантских кругов поддерживали политику непризнания Советской России и активно участвовали в антибольшевистской пропаганде. К ним относится меньшевистская «Народная газета», о которой речь далее.

На западное побережье Северной Америки попадали остатки белых армий. Согласно источникам, представители новой волны, «встретив равнодушный прием немногочисленной русской общины, надежды связывали с самоорганизацией»; одними из первых здесь возникли ветеранские объединения.

Исследователь российской иммиграции в Америке А. Б. Ручкин подвел итог ее послереволюционного этапа: «*Идеализация* предполагаемой родины и *коллективная вовлеченность в обсуждение путей развития русской государственности*» были характерны для постреволюционной иммиграции. «Применительно к этой волне мы можем говорить о наличии сильного группового этнического самосознания, поддерживаемого в течение длительного периода». Но «политический проект белого изгнания с его миссией спасения культуры и возрождения русской государственности оказался чужд российской диаспоре в Америке» [Там же].

6.2.1. Русская печать в Америке в период российского кризиса: краткий обзор

История русской эмигрантской журналистики послереволюционного периода не включала американский ареал (Нью-Йорк, Чикаго) в число значимых центров такой печати, сосредотачиваясь на основных европейских центрах. Аналогичная картина до некоторых пор наблюдалась и по отношению к русским газетам в Китае, которые также имеют статус периферийных изданий русской эмиграции. И все же это не делает подобные издания менее интересными. Сейчас, когда схлынул первый вал ажиотажного интереса к жизни и творчеству русской эмиграции, можно считать первоочередным изучение всего того, что ранее «попало в тень» или, по выражению Г. В. Жиркова, «вообще выпало из истории».

В середине XIX в., когда эмиграция из России в США была немногочисленной, специалисты по истории распространения русской литературы в США называют имя Г. М. Прайса – издателя еженедельника «Русский листок» в Нью-Йорке в 1892 году¹².

Л. П. Громова отмечает тот факт, что с начала 1890-х годов русская эмигрантская журналистика с европейского континента начинает распространяться и в Америке. Эмигранты из России стремились использовать печатное слово в интересах диаспоры и для выражения собственного мнения по поводу происходящих в мире событий. Главная роль при этом отводилась периодическим изданиям. Русские эмигранты, хорошо знавшие Штаты, указывали на особую роль прессы в стране, подчеркивали ее значение как «сильного средства» распространения знаний [Вишнякова 1998]. Интересные сведения оставил в своих воспоминаниях о поездке в Америку в 1905 году публицист, ученый, историк, неизменный лидер кадетов П. Н. Милоков: «Поездка эта раскрыла передо мной, прежде всего, еще одно американское “чудо”: удивительную организацию американской провинциальной печати. Проезжая, я покупал повсюду местные издания газет, чтобы следить за петербургскими событиями, последовавшими за “Красным Воскресеньем”. Помимо обширнейших телеграфных описаний самого события, я был поражен, что на всем пути мог читать самые последние сведения, как будто бы дело шло о последовательных изданиях одной и той же столичной газеты. Конечно, оставаясь в Петербурге, я не мог бы получать своевременно такого обширного и достоверного материала» [Милоков 1990 : 260].

В условиях динамичной жизни заокеанской республики для бывших жителей Российской империи газеты и журналы *продолжали оставаться орудием политической борьбы и формирования мировоззрения*. В рассматриваемый период американская русскоязычная печать по числу названий уступала только русской прессе Китая. Общее число русских газет и журналов, выходящих разновременно, достигло на территории США почти 50-ти. Многие из этих изданий традиционно относят к «вольной русской печати» [Вишнякова 1998: 42-43], хотя местная специфика накладывала на историю возникновения и эволюцию эмигрантской прессы свой отпечаток¹³.

6.2.2. Дискурс о политической борьбе и большевизме в русских газетах Америки

С 6 февр. 1911 года в Нью-Йорке выходила «ежедневная русская рабочая газета» «**Новый мир**» («Novi Mir»), издававшаяся группой эмигрантов (в отделе РНБ С.-Петербурга числится двумя номерами за 1917 и 1918 гг.). Краткую характеристику этого издания дает А. Ф. Бережной [Журналистика русского зарубежья 2003]. Характеристика относится к предреволюционному времени. Отмечается, что газета прежде всего обращала внимание на условия труда и

жизни русских рабочих, а своей задачей считала «вырвать оказавшихся здесь русских рабочих из-под влияния Русского правительства, способствовать их объединению и знакомить с идеями социализма и классовой борьбы» [Там же 2003 : 170].

«Новый мир» имел отделы и рубрики: «Что делается на Родине», «На злобу дня», «Корреспонденции и письма», «Новости из Американской жизни», «Из рабочей и социалистической жизни в Америке», «Из заокеанских стран» и др. Большое место в газете заняли материалы, связанные с начавшейся в 1914 г. Первой мировой войной. Кроме информационных сообщений здесь публиковались статьи, касающиеся отношения к войне крупнейших деятелей социал-демократии. К слову сказать, газета не поддержала пораженческие лозунги большевиков во время Первой мировой войны. В то же время, «Новый мир» выступал с резкой критикой другой, выходившей для русских рабочих в Америке газеты «Русский эмигрант», клеймя ее как черносотенное издание, находящееся на услужении царского правительства России [Там же 2003 : 171].

Стилистический и тематический облик газеты «Новый мир» в 1918 году соответствовал ее установке на массовую аудиторию. Апеллируя к рабочим, авторы прибегают к наивной революционной фразеологии и к сниженной, бытовой аргументации. Подчеркивается идея социальной несправедливости и обмана трудового народа. Для большей доходчивости используется диалогизированное изложение. Предложения строятся с интонационно-смысловым членением частей по модели «вопрос-ответ» и отражают классовое противоположение «буржуазия/рабочие». Привычная для читателя реальность неравноправия, закреплённая в присвоенных референтам оценочных выражениях «хозяева» и «народ», **преобразована в идеологему «народ – настоящий хозяин»**. Санкционированная идеологией (преконструкт) и общественным признанием (групповым сознанием) данная идеологема имеет статус непреложного знания и упоминается вскользь при констатации подтверждающих ее справедливость очевидных фактов. Сравните ниже оценочные противоположения в статусе фактических:

В России **«самозванные хозяева» до того зазнались, что настоящего хозяина – народ – совсем не признавали и довели до того, что он чуть с голоду не помирал, отнимали у него последнее.** <...> *Нигде на свете фабриканты не получали таких барышей, как у нас; за границей они наживают на рубль много-много 10 копеек, а у нас 30, даже 50 копеек. Почему так? – А потому, что у нас материал поплоче и работы дешевые: рабочий был дешев; а продавали товар дороже, чем за границей».*

Газета ведет однозначную пропагандистскую работу по разным направлениям воздействия. С одной стороны, публикуются воспо-

минания и разъяснения молодым рабочим о несправедливой в былое время жизни рабочего люда в России. С другой стороны, публикуются открытые письма-обращения в поддержку большевиков. Так, в тексте апелляции, насыщенной комплиментарными оценками, выражается вера в лучшую жизнь при посредстве новой власти: *Вам, дорогие товарищи, шлем свой горячий привет и глубокую признательность и / презрение низким клеветникам на вас. От вас, товарищи, ждем света, тепла и жизни* [знаком / передается семантико-стилистическая нестыковка элементов]. Обратим внимание на принятое в кругу левых дружеское обращение «дорогие товарищи» и особым образом смоделированные приветственные фразы. В них контрастирует пафосное сочетание фразеологии разного происхождения – книжной эмотивной и стереотипной революционной: *Шлем свой низкий поклон / в порыве радости, охватившей нас / после векового гнета капитализма, не дававшего нам / испустить вздох из наболевшей груди / от тяжести непосильного труда*. Трафаретные выражения существуют здесь в качестве знаков отношения к титульной идеологии.

Другой аспект пропаганды в газете – полемический. В номере за 14 февр. 1918 года находим литературно обработанную в сказовой манере заметку «Кто разбойник?» Рассказчик в роли стороннего наблюдателя комментирует происходящее посредством имитации чужой речи, похожей на пародию. Рассказчик апеллирует к читателю с саркастическим аргументом (присутствует намек на логическую несообразность в поведении противника):

Бронзвиль. Прослышал я, что наш бронзвильский батюшка собирается проповедь говорить о большевиках. Разобрало меня любопытство: что-то, думаю, скажет нам святой отец? И вот пошел я в церковь.

В церкви полутемно, народу много... Вот начал батюшка свою речь. **С места в карьер, без всякого предисловия, напал он на Ленина и Троцкого.** Такие, мол, и сякие. *Иуды Искаротские – хуже даже Иуды; Иуда одного Христа продал, а Ленин и Троцкий всю нашу святую матушку Россию хотят предать. (Как вам нравится логика?!) А кто за Лениным и Троцким идет? Разбойники, пьяницы... А что делают большевики в России? Грабят, громят – даже Церковь христову хотят отнять у народа. А что у нас в Америке происходит? То же самое, что в России: пьяницы и разбойники громят и грабят, и вот уже хотят у нас нашу бронзвильскую церковь отнять, хотят лишить нас храма Божьего (!). А во главе всех разбойников – жида. «Братие! Остерегайтесь большевиков, бейте их. Если вы убьете большевика, то греха вам не будет».*

Предоставляю читателю судить, кто хулиган и разбойник, – **большевик ли, который хочет добра народу, или наш батюшка, который с амвона призывает бить и убивать** (НМ 1918, 14 февр.).

Ироническая «двуличность» (оппозитивность в образе рассказчика), вопросно-ответное построение, элементы подражания и комического преувеличения свидетельствует не только о стремлении говорящего быть понятым, но и доставить удовольствие разным читателям, внимание которых будет привлечено к газете.

Библейские мотивы в контексте пропаганды показательны для русских пробольшевистских газет в Америке. Ср. фрагмент текста из газеты **«Голос труженика»** (Чикаго), умышленно апеллирующей к религиозному сознанию читателя для проведения исторической мысли о вековой борьбе угнетенных с враждебным классом и оправдания радикальных методов большевиков: *В начале нашей эры правители Рима распинали на крестах десятки тысяч восставших рабов. Одной из жертв был Назарянин, этот величайший лидер большевистского движения первого века.* Названная газета действует против своих идеологических врагов с воинствующим антинормативизмом: используется «черная пропаганда» с грубым нарушением этики в речевых оценках.

Если священники внимательно следят за новостями из России, **они должны знать**, что Колчак уже выгнал радикальные элементы из омского округа. **Они также должны признать в Колчаке адъютанта генерала Деникина и интимного друга бывшего царя Николая и надежду Романовых в настоящее время** <...>. Почему бы им не быть откровенными и прямо сказать: «Мы стоим за царя?» (ГТ 1919, 11 янв.).

Инвектива имеет под собой не только политико-идеологическую, но и психоэмоциональную подоплеку. Речевое отклонение от нормы общения вызвано аффектированной непримиримостью субъектов идеологий (оппозиция «революционный радикализм»/«апология монархизма»). Имеет место известная психологическая закономерность: наибольшей «этической маркированностью» обладает та «информация», которая затрагивает честь и достоинство человека, становясь причиной компрометации политика¹⁴. Ведь миф – форма сознания, разрушение одного мифа приводит не к господству рациональности, а к утверждению другого мифа. «Когда на смену высокому мифу приходит низкий – беда: цивилизация идет вперед, но культура распадается» [Гулыга 1985 : 275].

Содержание и речевое поведение политических изданий с пробольшевистскими тенденциями в Северной Америке можно назвать в 1918 году призывно-деловитым, переходящим в речевую агрессию по отношению к противнику. Ниже мы подробно остановимся на характеристике газеты **«Голос труженика»** – издании, до сих пор мало привлекавшем к себе внимание исследователей. Орган анархо-синдикалистской Русской секции «Индустриальных Рабочих мира» в США (Чикаго 1918-1924 гг.),

эта газета сосредоточилась на местной проблематике рабочего движения, но с большевистским размахом.

Обе изучаемые газеты – и «Новый мир», и «Голос труженика» – обнаруживают родственные черты в идеологическом сопровождении и оформлении номеров в период российской революции. Обе помещают на первой полосе каждого номера в качестве шапок политические лозунги – кредо издания. Это побудительные речевые формулы, диктующие читателю необходимый образ мыслей и действий. Лозунг справа имеет характер разъяснения, лозунг слева – предписания. В газете «Новый мир»: 1) лозунг-разъяснение *«Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих»*, 2) лозунг-предписание *«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»* В газете «Голос труженика» лозунги отличаются формой сильного отрицания: 1) лозунг-разъяснение *«Между классом хозяев и классом рабочих не может быть мира до тех пор, пока есть господа и рабы»*, 2) лозунг-предписание *«Историческая миссия рабочего класса – уничтожение капитализма»*. Модальностью разъяснения и предписания характеризуются также рубрики и заголовки данных газет: «К диктатуре пролетариата», «Готова ли Америка к революции», «Рост большевистского влияния», «Способ заставить организоваться», «Индустриальные рабочие мира, их принципы и методы», «Программа индустриальной работы», «Призыв к действию», «Россия прекратила войну», «Интернационал убьет войну».

Модальные концепты разъяснение и предписание полностью подчинили себе речевую стратегию газеты «Голос труженика», активного органа пропаганды и агитации в среде русскоязычных чикагских рабочих в 1918-1919 гг. В связи с успехами большевизма агрессивно модализованная речь приобретает все более конкретный и нетерпеливый характер. Повсеместно используется первичный (по выражению М. М. Бахтина) речевой жанр *обращения*, неизменно доминирует идея *«всемирного объединения рабочих для борьбы за освобождение от ига капитала»*.

В монографии [Журналистика русского зарубежья 2003], больше сосредоточенной на дореволюционном периоде, о газете «Голос труженика» не говорится. Дается лишь общая характеристика периодики анархистов. А. Ф. Бережным отмечается подъем интереса к идеям этого течения¹⁵. Оно обозначилось в самом начале XX столетия, а его развитию в России предшествовало издание анархистами периодики за границей – в Женеве, в Лондоне, в Париже. В начале столетия группы анархистов возникли почти одновременно в Швейцарии, Франции, Болгарии, Германии, США. Журналистика анархистов носила в основном партийный характер, выходила нерегулярно, отличалась неопределенностью типов изданий, число которых обычно вырастало на волне подъема

революционных настроений масс. «Однако, — отмечает А. Ф. Бережной, — она стала летописью анархизма и сохранила потомкам память о нем и его деятелях» [Там же 2003 : 164]. Правда, в обзоре ничего не говорится об идеологе и лидере анархо-синдикалистов в России М. Г. Максимове¹⁶. Упоминается лишь зачинатель этой идеологии князь П. А. Кропоткин (1842-1921), развивавший идеи анархо-коммунизма. Согласно им, необходимо построить самоуправляющееся общество: федерацию (союз) вольных общин (коммун), избавляющих человека от опеки государства и предоставляющих ему неограниченные возможности для всестороннего развития. Лозунг князя П. А. Кропоткина: **Всё принадлежит всем** (книга «Завоевание хлеба» издана в эмиграции)¹⁷. Первая мировая война внесла в анархистское движение раскол. Его основатель П. А. Кропоткин примкнул к оборонцам, призывающим к войне «до конца германского милитаризма». Но революционный подъем в России снова привел к возникновению периодики анархизма. Обратимся к газете анархобольшевиков в Америке.

Газета «Голос труженика» по речевому облику приближена к простому рабочему и включает свидетельства прямых контактов с читателем. Публикуются письма-отклики рабочих, литературные опыты читателей, но все без исключения материалы идеологизированы. В номере от 19 дек. 1918 г. напечатана «Песня рабочего». В ней жалоба скромного труженика (ср. усилители оценок) завершается наивной риторикой солидарности, подразумевающей непреодолимое классовое препятствие в духе архетипической оппозиции «свой/чужой».

Я рабочий простой, мало в школу ходил,
Самоучкою все мне досталось...
Не старался я петь, напрягая свой пыл,
Все само под пером выливалось.

Я их сидя слагал за шумливым станком
На заводе иль фабрике *чадной*.
О рабочих писал я с тоскою в груди
Об их жизни *пустой, безотрадной*.

Вырывались всегда с болью песни мои,
Как проклятья средь темной полночи

**И не тем их понять, кто в довольстве живет,
Их поймет лишь товарищ рабочий.**

Газета предназначалась в первую очередь для политической организации рабочих в защиту своих трудовых прав. Но под влиянием событий в России значительная часть иммигрантов с сочувствием приняла большевистские лозунги о борьбе за социальную справедливость, о захвате власти и победе пролетариата

Робинса, хотя он всегда настаивал, что он не большевик, они верили в его честность и прямоту, а он считал Ленина величайшим человеком в России.

Наименование «большевики» сопровождается в газете рядами дескрипций с множителями 'активность', 'динамизм' и позитивными коннотациями. Возникает оптимистический образ деятельной натуры, близкий к идеалу американского героя:

Большинство или нет *большевики*, так или иначе, они **самые жизнеспособные** люди в России; **агрессивные, способные, мыслящие, энергичные и смелые** люди в России – *большевики*. Почти все их лидеры – люди в возрасте от 20 до 35 лет, **этот народ создает Россию**.

Парные противоположения используются приемом сравнительной оценки в портретных зарисовках из России [оппозиция «Ленин/Троцкий»]:

– Самое лучшее, что можно сказать о **Ленине**, это то, что он реалист... он никогда не пускает в ход ни пускания пыли в глаза, ни причитаний. **Троцкий** скорее склонен видеть вещи в красном, розовом и торжественном освещении.

– **Ленин**, как вы знаете, беседует с вами запросто, в юмористическом тоне. **Троцкий** держится скорее наподобие министра, он весь проникнут революционным достоинством.

– Есть сходство в этом портрете Ленина?

– Здесь он выглядит как волк. Он скорее похож на аккуратного буржуа – какого-нибудь мэра в провинциальном французском городке.

Оппозитивные построения реализуются также в составе сложных уступительных конструкций, хорошо приспособленных в языке для выражения противоречий действительности. Ниже синтаксическое построение отвечает положению, характеризующему разное состояние сознания в среде рабочих [проблемная оппозиция «отсталые/сознательные» рабочие].

И хотя и **среди рабочих еще существуют отсталые**, только и заботящиеся о заработной плате, да о коротком рабочем дне, но **есть и другие**, как, например, члены Одного Большого Союза, **которые уже сознали ясно**, что вся капиталистическая система должна быть уничтожена.

И н ф о р м а ц и о н н а я политика газеты в отношении к российскому явлению большевизма прагматична. Отобранные из других газет сообщения о большевизме сопровождаются polemическим комментарием, а сама информация из чужого источника отобрана как доказательство со стороны для подтверждения конструируемой в газете оппозитивной картины мира.

Тот факт, что революционно организованные рабочие составляют грозную силу, противостоящую капиталистическому строю,

ется на южной Германии. Некоторые области Бадена собираются присоединиться к Швейцарии. И здесь, как, впрочем, и во многих других местах, национальный сепаратизм не является плодом ясно выраженной воли народных масс, желающих захватить самостоятельную государственную жизнь, а результатом политики буржуазии, стремящейся отвести революционную энергию народов в наиболее выгодное для себя русло.

Нет сомнения, что шовенистская вакханалия, бушующая теперь в Европе, прямо или косвенно поддерживается союзными империалистами. Ведь это уже давно известно, что девиз империалистов всех стран был и будет: раздвигай и властвуй. Этого девиза придерживалась империалистская Германия в своей политике натравливания одной национальности на другую в бывших провинциях России. Этого дозунга теперь крепко держатся и союзники и будут держаться тем крепче, чем сильнее будет развиваться революционное движение.

Надежда пролетариата в дальнейшем развитии этого движения. Надежда буржуазии — в его подавлении.

А. Н.

Рост большевистского влияния

Группа партий „Спартак“, под руководством Либкнехта, устроила демонстрацию перед дворцом канцлера, где находится главная правительственная квартира.

Толпа требовала, чтобы к ней вышел министр Барт, который является секретарем независимой социал-демократической партии и членом правительства Эберта. Он раньше был членом группы „Спартак“, но в настоящее время члены этой группы держат его под подозрением.

В ответ на требования Барт появился в окно и обратился к народу с речью. Он заявил, что принял пост ми-

нистер по настоянию Либкнехта. Его речь была принята громкими криками недовольства. Толпа требовала взятия дворца штурмом и ареста Барта. Однако, в конце концов она успокоилась и с криками „Да здравствует социальная революция!“ разошлась.

Амстердам. Путешествия, прибыв из Германии в Голландию, сообщают, что вследствие слабости правительства Эберта-Гаазе, влияние большевиков увеличивается с каждым днем. Большевистские пропагандисты действуют везде, но в особенности в Берлине и промышленных центрах прирейнской области.

что один из нас ответил, что этого сделать невозможно. Окончив лекцию, судья настаивал, чтобы мы взяли адвоката, но мы категорически заявили, что от адвоката отказываемся и ему в конце концов пришлось согласиться, чтобы мы защищались сами.

Затем мы потребовали права держать митинг. Доунил был избран председателем. Внесено и поддержано предложение, что все адвокаты нами рассчитываются. Предложение прошло.

Внесено и поддержано предложение, что мы все не признаем себя виновными. — Прошло.

Внесено и поддержано предложение, чтобы дело было перенесено разбором в Сан-Франциско. Предложение провалилось.

Внесено и поддержано предложение, что мы все не признаем себя виновными. — Прошло.

Вопросы горячо дебатировались, особенно вопрос о переносе дела в Сан-Франциско.

Присутствовали все высшие чиновники Калифорнии. Судья растерялся и не знал что говорить и что делать.

Присутствовали все высшие чиновники Калифорнии. Судья растерялся и не знал что говорить и что делать.

ЧИТАЙТЕ И РАСПРОСЕРАЙТЕ

газету
„ГОЛОС ТРУЖЕНИКА“.

становится все более и более ясным [**оппозиция «рабочие / капиталистический строй»**]. Об этом самом желтая пресса говорит открыто. Для иллюстрации мы приводим выдержку из чикагской газеты «Трибюн». Эта выдержка гласит: *«Большевицкие элементы в России, вопреки противоположным сообщениям [оппозиция «другие сообщения/ настоящее сообщение], по-видимому, крепнут, и можно опасаться, что им удастся войти в соглашение с группой «Спартак» в Германии и сообщая распространять доктрину в западных странах»*. Эта маленькая заметка довольно ясно характеризует тот страх, который навеивает на буржуазию каждый шаг вперед, сделанный большевиками... [**оппозиция «буржуазия / большевики»**].

В логико-понятийном отношении элементы противопоставлений в тексте соотносятся искусственно, только на основе идеологического прекопекта: революционно организованные *рабочие* противостоят капиталистическому *строю*, отдельный *класс буржуазии* противопоставлен отдельной *партии большевиков*.

Если факты говорят сами за себя, то чужая речь дается при минимальных показателях участия идеологического субъекта. Смысл того, что говорится, вытекает из функционирующего дискурса и привычной модализации сообщений в газете. Иногда возникают текстовые ситуации, когда отдельный заголовок толкуется как принадлежащий газете противника, например: «Учат большевизму», «Красный террор в Советской России». Оппозитивная коннотация и понимание возникают благодаря тому, что известна идейная ориентация газеты «Голос труженика» на большевизм. Ниже идеологическую окраску сообщения выдает лишь одна деталь – идеологема «буржуазный»: *Шведское правительство уведомляет своего консула, находящегося в Ревеле, что парламент никогда не согласится на посылку армии со шведской границы. И консул ищет помощи буржуазной английской лиги в Стокгольме*.

При всех издержках заданного специфическим языком изложения, в структуре сообщений газеты «Голос труженика» заметно влияние культурной традиции. Нарративы конкретных ситуаций противостояния создаются по сюжетной модели, хорошо известной в литературе и недавно освоенной первым опытом драматического кино. Обратимся к таким сценарно-тематическим моделям.

- **Сценарно-тематическая модель «противостояние»**. Выявляется кинематографический тип сценария с его экспозицией и крупным планом, фокусом на детали, с драматичностью, нарастающим сюжетом и его развязкой, а также благостным или иным финалом-концовкой.

Э к с п о з и ц и я: Группа партии «Спартак» под руководством Либкнехта, **устроила демонстрацию** перед дворцом канцлера, где находится главная правительственная квартира.

З а в я з к а: Толпа **требовала, чтобы** к ней вышел министр Барт, который является секретарем независимой социал-демократической партии и членом правительства Эберта. Он раньше был членом группы «Спартак», но в настоящее время члены этой группы **держат его под подозрением**.

Р а з в и т и е д е й с т в и я: В ответ на требования Барт **появился в окне и обратился** к народу **с речью**. Он заявил, что принял пост министра по настоянию Либкнехта. Его речь **была принята громкими криками недовольства**.

К у л ь м и н а ц и я: Толпа требовала **взятия дворца штурмом и ареста Барта**.

Р а з в я з к а: Однако, в конце концов, она успокоилась и **с криками «Да здравствует социальная революция!» разошлась**. (*Рост большевистского влияния. ГТ 1918, 14 дек.)

- **Сценарно-тематическая модель «борьба за победу мировой революции»**. Ниже по модели, построенной на гиперболизированной метафоре разгорающегося пожара, создается некий сценарий мировой революции. Сценарий в литературе известный: в нем слышны отголоски прагматически использованных прецедентных текстов, включая «Двенадцать» А. Блока (Сравните: *Мы на горе всем буржуям / Мировой пожар раздуем / Мировой пожар в крови / Господи, благослови*). В газете в развитие сюжета включен движущий повествование изобразительный мотив-идеологема *«Из искры возгорится пламя»*. Образ пожара от искры искусственно сменяется другой аллюзией – известным читателю образом из другого литературного источника («Буревестник» М. Горького). Таким образом, нижеследующий текст пронизывают диагональные высказывания, объединяющие а) риторический дискурс большевизма (включая газету «Искра»), б) часто цитируемые «общие места» российского литературно-художественного дискурса, в) образные стереотипы наивного творчества в духе идеологов газеты «Голос труженика». Идеологическая оппозитивность имеет комплексный характер: выражается в сюжетном построении и лексико-стилистических контрастах, поддерживается средствами риторики (метафора, олицетворение; параллелизм, антитеза).

Бушует пожар мировой революции, и пламя его разносится со старого, сухого здания современного капиталистического строя.

Маленькая кучка капиталистов **с ужасом смотрит туда, за океан**. Там же идет борьба *не на жизнь, а на смерть*. Борьба *не для захвата, а за освобождение*.

Масса разделилась **на два лагеря**. В одном группа буржуазии, поддерживаемая несознательными рабочими, в другом проснувшийся рабочий народ.

Вихрь пропаганды кружится в воздухе и, превратившись в ураган, **разносит повсюду искры**. Сильными порывами он заносит их в самые отдаленные уголки земного шара. Пожар мировой революции усили-

ства; другие две (3-4) с концептом ОНИ унифицируют агрессивно-циничные действия противника.

сценарий идеолога

(1) **Мы должны превратить** первомайскую забастовку в генеральную забастовку **и своими лозунгами выставить** немедленное освобождение в с е х пленников классово-борьбы. **Немедленное введение** шестичасового рабочего дня. **Немедленное разоружение** в с е х буржуазных армий и прекращение братоубийственной войны. Это пусть будут **НАШИ требования-минимум**.

(2) Это печальное положение дел **может быть изменено** и интересы рабочих **могут быть защищены только** [тогда], **когда** организация построена **таким образом, что** ее члены в какой-либо одной отрасли промышленности, или во всех отраслях, если это необходимо, **прекращают работу всякий раз, как только** стачка или локаут возникают в какой-либо части промышленности, признавая, таким образом, страдание о д н о г о страданием в с е х.

интерпретированный сценарий идеологического противника

(3) Союзные капиталисты **прекрасно знают, что** большевизм имеет огромный успех и может распространиться по всему свету, **поэтому ОНИ дали** страдания и голод народам, принявшим новую форму общественной жизни. **ОНИ внесли** и голод в те страны **и объявили миру, что** это вина большевизма. **И верные своему заявлению ОНИ все делают, чтобы** разрушить большевизм.

(4) Нет сомнения, что шовинистическая вакханалия, бушующая сейчас в Европе, **прямо или косвенно поддерживается** союзными империалистами. Ведь это уже давно известно, что девиз империалистов всех стран был и будет: **разделяй и властвуй**. Этому девиза **придерживалась** империалистическая Германия **в своей политике** натравливания одной национальности на другую в бывших провинциях России. Этому лозунга **теперь крепко держатся** и союзники, и **будут держаться тем крепче,** чем сильнее будет развиваться революционное движение.

итоговая сценарная оппозиция

Надежда пролетариата **в дальнейшем развитии** этого движения. Надежда буржуазии **в его подавлении**.

Дискурсивная специфика обозначенных моделей связана с организацией процесса осмысления оппозитивов **МЫ** (рабочие) / **ОНИ** (хозяева) в духе концептуализации по архетипам *добро* и *зло* (*праведники* и *преступники*). Интересно, что создание подражательной инструкции связано не только с литературно-текстовой традицией. Газета опирается на распространенные образительные модели массовой культуры – комиксы, активизируя представление о них известными словесными формулами (см. ниже).

В публикации «Лекция Копнагеля» (ГТ 1919) сначала даются занимательные для простого рабочего образительные эпизоды, затем на них строится инструкция. Читателю предлагается сценарий разоблачения интеллигента-социалиста с его умением складно говорить и ненадежностью идейного попутчика. Знаком к недоверию служит одна особенность лектора-интеллигента: он обнаруживает странную неустойчивость в контакте со своими слушателями-рабочими.

В субботу. 20-го декабря, местный отдел Соц. партии (**по недоразумению называя себя большевистским**) устроил лекцию, на которой и говорил тов. «**большевик**» Копнагель из Чикаго.

Выйдя на сцену, доктор *долго отдувался, долго осматривал публику, так долго, что, казалось, он выбирал человека, чтобы сказать ему: «а ну-ка покажи язык».* Но наконец-то он нашел в себе силы и заговорил. Доктор говорил довольно складно и о русской революции, и о германской, также правильно охарактеризовал войну и ее причины, коснулся и Николая, и угнетенного мужика...

Следует **сценарно-тематическая модель «разоблачение»**. Она строится по схеме «вопрос-ответ»: на провокационно составленный вопрос рабочего ожидается саморазоблачительный ответ интеллигента-противника:

Лекция сама по себе была вполне агитационной, и слушатели были довольны, независимо от направлений. Беда пришла неожиданно и разоблачила **поддельного большевика** – доктора. **Маска упала, и перед слушателями предстал типичный интеллигент-политикан, привыкший считать себя на много верст выше рабочей скотинки.**

Один из слушателей, по окончании лекции, задал приблизительно такой вопрос: «Вот вы заступаете и за мужика, и за рабочего, **а кто вы сам такой и чем занимаетесь?**» Вопрос безусловно некорректный, даже грубый, направленный с целью сбить впечатление. Но лектор «большевик» поступил как настоящий «меньшевистский пройдоха». Его ответ был: **мужик, грубиян, болван**. Интеллигент по профессии и по психологии Копнагель **не мог выдержать роли до конца и обнаружил пропасть, отделяющую интеллигенцию.**

[коммуникативно-речевая оппозиция «норма/антинорма», социально-классовая оппозиция «рабочие/интеллигенция»].

Автор приводит в доказательство ненадежности интеллигентов аналогичный по интерпретации факт и дает понятное рабочим заключение.

Это напоминает мне другую лекцию, здесь же в Гери, читанную другим типичным интеллигентом, но уже меньшевиком г. Оберучевым. Ему также был задан аналогичный вопрос. ...**Но и Оберучев, подобно** Копнагелю, **не выдержал** и, когда ему кто-то из рабочих начал возражать,

Оберучев перешел на «ты», тыкнув и гутнув, заставил слушаться непокорных. Прием не новый, но уничтоженный теперь в России.

В конце приводится знакомый рабочим по американским комиксам образ «мусорной тачки для господ»: *Такие ораторы из «Большевиков» и «Моншевиков» не осмеливались бы отвечать так русскому рабочему в России, ибо мусорная тачка готовится заранее для таких господ.* Следует важный для чистоты групповой идеологии вывод: *...призывая рабочих поступать в Русский отдел Амер. Соц. Партии большевиков, Копнагель этим самым нагло обманывает рабочих, прививая им абсолютно противоположную большевикам форму организации.*

Корреспонденция заканчивается пропагандистскими призывами:

Товарищи рабочие, помните, **не допускайте** в свои классовые организации **интеллигентов**, готовых при первом возражении смешать вас с грязью.

Проверяйте свои ряды! **Остерегайтесь** также тех своих товарищей, которые затуманены социалистической ложью и, не разбираясь в противоречиях большевистской и политиканской социалистической партий, готовы идти за первым встречным краснобаем.

Товарищи! **Берите пример с России!** Это первая дорога для конечной цели осуществления рабочего идеала.

Да здравствует первый российский опыт рабочего народо-права!

Да здравствует победа рабочих!

Модус побуждения с концептом «борьба», перформативные высказывания образуют в газете «Голос труженика» ядро агитационного дискурса. По-видимому, предполагалось, что призывы, лозунги, экскламативы создадут необходимую тональность агитационной речи в широкой среде общения. Призывами заканчивается множество публикаций.

• **Объединяйтесь! Бросайте работу не одиночками, а твердо спянной массой,** против которой ничто не может устоять, и перед которой преклоняются временщики. Да здравствует генеральная забастовка!

• Да здравствует интернациональный праздник Первого Мая! **На борьбу** за свои права! **Двери тюрьмы должны открыться!**

• Забастовку на работе проще всего объяснить следующими словами: **«Работайте как можно медленнее!»** Продолжайте работать, получайте следуемую вам плату, но работайте как можно медленнее.

• Рабочие, **пробудитесь и сознайте свою силу!** Один Большой **Союз всех** рабочих Морского Транспорта – вот наш выход. Урок прошлой зимы был довольно суров, не повторим его больше!

Обилие модусных предикатов речемыслительной, целеобразующей семантики также свидетельствует об идеологическом стержне и прагматическом уклоне воздействия газеты. Возможно в подражание российским изданиям, газета «Голос труженика» существует в образе пропагандиста, агитатора и организатора. Ср. ряды *целевых* конструкции: *Армия производителей должна быть организована для того, чтобы...; Для того чтоб рабочий люд освободился...; для того, чтобы без помехи можно было захватить все средства производства; вместо того, чтобы быть организованы в один Большой Союз; рабочий класс обладает достаточным разумом, чтобы спасти весь мир; Для успеха революции необходимо, чтобы; При этом никогда не нужно полагаться на...; Не нужно забывать, что...; Нужно помнить, что...; Они должны понять, что...; Пора нам понять, что...; Докажите товарищи, что...; Должны доказать, что...; Должны заявить, что...*

Из *речемыслительных* предикатов востребованы те, что акцентируют отчетливую ясность, не оставляющую сомнения очевидность утверждаемого. *Нет сомнения, что...; Несомненно, что; Мы имеем право повторять, что...; Можно понять – почему...; и ясно, почему...; шахтеры Колорадо сознали, что...; которые уже сознали ясно, что...; Немудрено, что...; уверены, что...; они знают, что...; ясно показали, что...; знают лишь одно: что...; прекрасно знают, что...* Возникают громоздкие убеждающие формулы с усилителями: *Ведь это уже давно известно, что...; Очевидно, что само собой понятно, что...*

В пробольшевистском дискурсе в ходу идеологические структуры отождествительного характера и семантики. Они легко извлекаются из текста и могут быть преобразованы в формулы, удобные для запоминания и воспроизведения в среде рабочих. Сравните: *Лектор «большевик» – поступил как настоящий «меньшевистский пройдоха».* = Он – меньшевистский пройдоха; *Берите пример с России! Это первая дорога для конечной цели осуществления рабочего идеала* = Пример России – первая дорога до конечной цели; *Советская власть как подлинный опыт рабочего правления* = Советская власть – опыт рабочего правления; *Мы (Союз Русских рабочих) остаемся последовательными и горячими сторонниками большевистской Советской власти* = Мы – сторонники большевиков; *Надежда пролетариата в дальнейшем развитии этого движения* = Надежда пролетариата – развитие этого движения.

Лаконичное оценочное отождествление характерно именно для лозунгов. Как известно, схемная семантика структурного типа является основой смыслового содержания реализующих его моделей¹⁸. В газете «Голос Труженика» высказывания с семантикой

прагматического отождествления и характеристики имеют тенденцию оформляться по ходу изложения в призыв. Стереотипные схемы предикации следующие:

N_1-N_1 : **Форма, которую должно принять** первое экономическое строительство нарождающегося свободного общества – **это большевизм!**

Неорганизованность народа – одна из причин, тормозившая успех революции.

Организованность народа – важный фактор революции, в особенности для таких стран, как Америка, так как капиталисты здесь сильно сплочены.

N_1-Inf_s : **Наша цель – готовить** революционное классовое самосознание русских рабочих в Америке

...призыв русского пролетариата – сбросить власть капитала и установить власть рабочих.

В составе сложных предложений убеждающий дейксис, выраженный союзными средствами, принимает на себя предикативную функцию:

• **Так возьмите же этот пример** себе для урока! **Поступите так, как поступают** наши враги капиталисты;

• ...здешние шахтеры решили взять дело в свои собственные руки, **как то рекомендуется** И.Р.М.;

• **Большевизм для класса паразитов то же, что керосиновое омование для вшей**, впившихся в спину собаки – вшам очень худо, конец пришел им, и такая ванна кажется верхом жестокости.

Стимулируя целенаправленные действия героя «рабочего», ИС газеты активизирует семантику страха, тревоги, опасности в высказываниях, передающих состояние врагов в стане «хозяева». Это возбуждающее энтузиазм рабочих состояние противника передается номинально или обобщенно-изобразительным описанием, которое обычно завершается утверждением идеи победы пролетариата.

• Почему свобода печати **вызывает пот страха на лбу** самодержца? Почему свобода собраний **пронизывает молнией страха** сердца деспотов? Если господствующий класс – деспоты и самодержцы и те, кто охраняет их интересы – преследуют в своей жизни честную и святую цель, **чего же они боятся?** Хитрая кучка **сознает опасность** свободы слова, печати, собраний слишком хорошо...

• ...а что их (русских большевиков. – Т. К.) называют разбойниками, то **они страшны им – капиталистам**, они их так называют, **но не страшны нам, рабочим**. Они свергают иго капитала в России и стремятся добиться уничтожения паразитов, и нам не нужно будет

БОЛЬШЕВИЗМ ДѢЛАЕТ ГИГАНТСКІЕ ШАГИ

Течение большевизма идет все дальше и дальше к нашей великой радости. В России они не только имеют власть, но их сфера влияния все расширяется. В Германии потеряно тысячи жизней, но все таки большевики все растут и растут. Последние события — это Венгрия и некоторая часть Чехо-Словакия и Югославия. Нам сообщают, что Голландия нависнула революцией, а в Швеции правительство открыло перья приготовления к восстанию. Почти каждая страна в мире заражена идеями большевизма. Все эти свершившиеся факты народных восстаний волнуют и радуют даже тех, кто не стоит на большевистской точке зрения ибо большевиками начато великое дело освобождения человечества.

Но могут ли они далеко уйти от этого начала?

Большевизм является народным возмущением против старого режима. Их первая цель направлена раньше всего против существующего правительства и послѣ торжествующей побѣды большевиков, все казенныя учреждения переходят в руки новаго государства, захватывая власть большевики занимают места, где раньше сидѣли сатрапы старого режима. Типичная большевистская революция — это политическая революция — насильно. Вышняя перемена, которая происходит при новом правительствѣ очевидна, но все таки фундамента или твердой почвы под собой большевики в настоящее время не имеют. Все эти изменения в рамках учреждения, которое мы называем «государство» мало чего дают народу. Достижения политического социализма вот за что борются большевики. Прогр. этого социализма общезвестны: Первый шаг это упразднение классов, затѣм социализация средств производства и основаніе социалистической республики. Но в самых главных пунктах программа их немного хромает. Русские большевики оставили много вопросов неразрѣшенными до послѣдняго момента и в результатѣ оказались, что рабочіе и крестьяне не были приготовлены управлять своими же фабриками и землею. Народ не научился быть хозяином в своем же домѣ, но за то политически большевики в скором времени захватили полную власть.

Советы сдѣлали слишком слѣпые эксперименты при захватѣ частной собственности. Несомнѣнно, что схема эта распадается и теперь Россия возвращается частью к частной собственности, частью управление переходит к кооперативному движению, которое все больше развивается. Только самая малая часть производства и раздѣленія труда контролируется индустр. организациями и проходит через руки рабочих, также как и мы бы поступали.

Вкратцѣ говоря, большевистская революция в России не закончилась Индустриальной Демократіей. Теперь только имѣется переходное и временное правленіе и надо быть очень ограниченными, чтобы сказать что конечная цель достигнута.

Существуют и другія движения в России, которые выставляют свои программы, но насколько мы знаем ни одна из них не приведет к Индустриальной Демократіи. Имѣя довольно фактов (хотя может немного несовершен-

ных) из России и других стран, где старое правленіе зашло, мы имѣем право повторять: что с нашей точки зрѣнія, никакое государство не может осуществить экономическое переустройство общества, ибо это значит давать приказы и законы сверху. Дау того, чтоб рабочій люд освободился от всяких подчиненій он должен взять свою судьбу в собственные руки и организовать на мѣстѣ работы, т. е. индустриально. То что мы твердим и твердим долгие годы. Перед Россіей стоит еще громадная задача — организовать рабочих индустриально, для того чтобы без помѣхи можно было захватить все средства производства.

Организованные синдикалисты Германии и Скандинавии все ясно предвидят и стараются доказать в прессѣ и вообще агитацией, что народ далеко еще не стал свободным.

Можно ожидать, что волны большевистских восстаний захватят всю Европу, но когда все пойдет в свой бѣрег, эти революции не оставят за собой организованную семью социалистических республик, где народы будут жить на волю и в раздѣлы.

Нам необходимо отдать большевикам справедливость в том, что они разрушают старое социальное зло. Большевизм это огонь, уничтожающій на своем пути все старья, увидя разстеленія. Но пахоть, сѣять и жать в этой разрухѣ эту работу большевики должны будут передать нам — индустриальным организациям, — строителям Одинаго Большаго Союза.

Если бы наши социалсты не были так упрямы и не игнорировали индустриальных организаций, если бы они не настаивали на том, что раньше всего рабочим нужен какія то схемы парламента, то теперь не оцугились в таком положеніи и их бы не пугали криками — нольво! Народ не стоял бы безпомощным, а умѣло взялся за свою же работу — без всяких наставников! И недалек тот час, когда рабочіе всего мира примут своим лозунгом — «Освобождение рабочих есть дело самих рабочих!» И борются против врага можно только объединившись в Один Всемирный Союз!

ХОРОШІЯ СОВѢТ.

Я не рабочій лидер. Я не хочу, чтобы вы слѣдовали за мной или за кѣм нибудь другим. Если вы ищете Моисея, могущих вас вывести из страны капитализма, лучше оставитесь там, где вы находитесь. Я не поведу вас в обѣтованную землю, даже если бы я мог, ибо если бы я привел вас туда, кто нибудь другой сможет вас оттуда вывести. Вы должны руководствоваться вашим разумом и существующими условиями. В настоящее время капиталисты овладѣли не только нашими руками, но и головами.

Е. Дебс.

С.Ш. УВОДЯТ ВОЙСКА ИЗ РОССИИ

Приготовляясь к уходу съѣхвъ войск с территории России, сдѣлаю распоряженіе о концентраціи американскаго экспедиціоннаго отряда у Архангельска, до открытія навигаціи на Бѣломъ морѣ. При первой возможности войска С.Ш. оставят Россію.

выходить на стачку и вести борьбу за свое существование, если большевики победят.

• Это деятельность И.Р.М. **нагнала порядочный страх** на собственников копеек и на должностных лиц союза Объединенных Шахтеров Америки. В местной прессе также отражается **этот страх, испытываемый хозяевами.**

Как видно, широко используется схемная модель «*вопрос-ответ*» и усилительные формы отрицания с семантикой ‘разрушение’, ‘старое’, ‘новое’. Неизменно присутствуют идеологемы революционной риторики: *свобода, деспотизм, ига капитала, борьба за существование* и пр.

При всей тенденциозности газета «индустриальных рабочих мира» **не была идеологически однозначным изданием по отношению к большевизму.** В связи с публикацией перевода ленинской работы «Очередные задачи Советской власти», где по оценке газеты «все так дышит диктатурой, но не пролетариата, а вожаков его», идеологический субъект газеты занимает позицию несогласия, которую затем использует для агитационных целей. *«Неужели нет выхода, чтобы пролетариат избавился от руководителей, хотя бы и хороших, но превращающихся в командиров?»* [оппозиция «командир, вождь»/«пролетариат»]. *Организуйтесь в Один Большой Союз, и тогда вам не нужны будут управители»* (ГТ 1919, 31 мая).

Подведем итог. В газете «Голос труженика» обнаруживаются очевидные черты пробольшевистского дискурса в отношении к новой власти в России и в связи с положением русскоязычных рабочих в Америке. *Пробольшевистский* дискурс мы понимаем как дискурс охранения (апологии) и пропаганды близкой русскому большевизму идеологии в публицистике на территории другой страны. Можно сказать, что газетой «Голос труженика» **идеологический продукт российских большевиков (преконструкт) был отчасти принят, заимствован и приспособлен к проблемам борьбы за права русскоязычных рабочих в Америке** – борьбы, которая организовывалась без участия дискредитировавших себя в глазах рабочих местных профсоюзов.

Глобальной задачей издания было решение трудовых проблем рабочего в Америке. Но решение этих проблем виделось идеологическому субъекту как результат совместной борьбы, организованных усилий русских рабочих и рабочих Америки (в мифическом представлении – пролетариата всего мира).

Концептуальный мир газеты «Голос труженика» формируется с помощью языка в виде упрощенной конструкции с поляризацией смысловых потоков в соответствии с семантическими оппозитивами

МЫ/ОНИ, получившими как обобщенную, так и местническую разработку в идеологическом контексте. Яркая выраженная экспрессивно-воздействующая функция газеты вызвала открытую оценочность речи и выразилась прежде всего в лексической семантике (в характере метафоризации, в отборе фразеологии). Идеологический прагматизм газеты «Голос труженика» нашел выражение в технике конструирования модализованного содержания *по сценариям* с опорой на образцы и модели литературно-художественного творчества, а также массовой культуры в их стереотипном для того времени состоянии.

В сущности то, что Достоевский назвал когда-то «умышленностью», приобрело в тенденциозной газете другое статусное для языка и речи существование, которое называется *идейностью* (партийностью) издания.

* * *

В 90-е годы и в начале XX в. значительно возрастает численность и активность русской социал-демократии в Америке. Был создан Фонд Вольной русской прессы для издания революционной литературы, велась агитационная работа среди американских рабочих. «**Народная газета**» – «еженедельная социалистическая», издавалась нью-йоркской группой правых социал-демократов в 1918 г. в течение трех месяцев – с 21 марта по июнь 1918 года. В собрании РНБ в С.-Петербурге представлены № 1-9, 12, 13. Название «Народная газета» должно было подчеркнуть демократичность издания, призванного объединить разные слои русской колонии в Америке вокруг ценностей свободы и демократии. Общепризнанным лидером правых социал-демократов был Г. В. Плеханов, который не раз высказывался против совмещения революции буржуазной (низвергающей самодержавную монархию) с революцией социальной (социалистической) с захватом власти. Для этого, считал Плеханов, еще не подготовлены ни сила, ни сознание. Но в России «революционная воля», по выражению Н. А. Бердяева, «преобладала над интеллектуальными теориями» [Бердяев 1990б : 86].

Начало издания приурочено к событиям, изменившим политическую ситуацию в мире, не только в России. 3 марта 1918 года большевиками был заключен Брестский мир с Германией, а 9 марта английские войска высадились в Мурманске, и это событие считается началом военной интервенции. 11 марта столицей государства стала Москва, а 25 мая 1918 года связывают с началом открытой Гражданской войны в России.

По ироническому тону многих материалов, посвященных положению в России, «Народная газета» близка к умеренным анти-

большевистским изданиям. Вместе с тем, газета открыто декларировала свою радикальную позицию по отношению к большевизму. Первый же номер газеты не оставляет сомнений в решительном характере отрицания нового режима в России. На 1-й странице рубрика «Новости из России» идет под шапкой «Большевистский съезд утвердил позорный “Мирный договор”». На 2-й и 3-й страницах публикации собраны под шапкой «Правда о большевистском перевороте». Композиционное расположение материала аналогично тому, которое использует демократическая печать. Газетная полоса делится на две части, слева и справа располагаются тематические рубрики, под ними соответствующая подборка материалов. Например, **слева:** «Как был взят зимний дворец, и как большевики захватили власть (рассказы К. А. Гвоздева, А. М. Никитина, Я. М. Миллера)»; **справа:** «Россия под властью большевиков (интересные подробности)». Сильной стороной материалов является подтверждение достоверности информации: редакция указывает источник, откуда заимствованы рассказы, дает справку о свидетелях описываемых событий¹⁹.

«Народная газета» была противником и конкурентом пробольшевистской газеты «Голос труженика» за влияние в среде русских эмигрантов в Америке. Сохранялась надежда на разгром большевизма, и правые социал-демократы подвергались грубым нападкам со стороны газеты «Голос труженика», которая занималась пропагандой не только идеологии, но и практики «ленинского марксизма» в кругах рабочих. «Народная газета» была радикально другой. Она дискредитировала большевизм в глазах читателей, открыто поддерживала идею его гибельности для России. 4 апреля 1918 года в зачине статьи «Развал России и наши задачи» газета пишет о разрушении страны в терминах катастроф: «ужас положения», «его трагизм», «картина прямо кошмарная», «страна гибнет», «устои рушатся». Это не просто слова; в редакции испытывают состояние аффекта от полученных свидетельств из случайных источников.

Положение России становится хуже со дня на день. Нам, находящимся так далеко от нее, трудно себе представить весь ужас этого положения во всем его конкретном, действительном его проявлении, во всем поражающем трагизме. По изредка получаемым здесь немногим русским газетам, по отдельным корреспонденциям в американских газетах, наконец, по отрывочным рассказам случайных путешественников мы стараемся хоть приблизительно представить себе истинную картину российской действительности. Но даже при поверхностном ознакомлении картина получается ужасная, прямо кошмарная. ...Страна гибнет. Государственный ее механизм отказывается действовать. Ее экономические устои разрушаются (НГ, № 3).

«Народная газета» повела войну с неадекватным освещением происходящего в России. Задачи газеты (НГ 1918, 21 марта) сформулированы в трех пунктах: 1) *правильное и всестороннее освещение происходящих в России событий* [проблемная оппозиция «достоверность/недостоверность» сообщаемого]; 2) *пропаганда среди русских выходцев в Америке идей социального демократизма* [идеологическая оппозиция «диктатура/демократизм»]; 3) *сплочение всех русских рабочих и крестьян, живущих в Америке вокруг лозунгов, объединяющих наиболее сознательные элементы русской демократии: прекращение развязанной большевиками гражданской войны, созыв Учредительного собрания, борьба за всеобщий демократический мир* [проблемная оппозиция «гражданская война» / «Учредительное собрание, демократический мир»]. Все это чисто пропагандистские идеологические задачи. В изоляции, далеко от России и Европы, газета не была лишь пристрастным наблюдателем, а хотела быть проводником знания истинного положения вещей, их достоверным интерпретатором. В первом номере на 4-й странице говорится о причинах появления «Народной газеты». Они связываются с потребностью русских рабочих в Америке следить за развитием «кровоавых событий общеевропейской войны» и узнавать о том, что происходит на родине. У рабочих не было печатного органа, «со страниц которого раздавались бы слова простой неприкрашенной правды, и только правды». Далее говорится, что если в начале Гражданской войны были понятны некоторые сомнения относительно характера обеих воюющих сторон, то сейчас они совершенно неуместны. «Теперь совершенно ясно, где сознательные рабочие должны стоять». Газета уверенно заявляет: «от победы союзников зависит не только победа европейской демократии, но и судьба нашей родины и революции».

Под рубрикой «Россия под властью большевиков» располагаются сюжетные нарративы, озаглавленные в соответствии с референцией: «Пьяные погромы», «Захват Николаевской дороги», «Тяжущиеся», «Арест союза защиты Учредительного собрания», «Убийство семьи Горемыкиных». В составе референт-заголовков, отражающих чуждую точку зрения, употребляются кавычки как знак лженаименования. Обычно это идеологемы в виде большевистских лозунгов, их семантика в тексте ироническая. В тексте возникает логическое несоответствие заявленного в кавычках реальному положению вещей: наименование «Свобода печати» – рассказ о том, что ее нет; наименование «Свобода собраний» – в тексте свидетелства ее отсутствия; наименование «Неприкосновенность личности и жилища» – в тексте факты опровержения (*Правда о большевистском перевороте. НГ 1918, 21 марта).

В мае 1918 г. газета (№ 8) помещает рассказ о положении на

НАРОДНАЯ ГАЗЕТА

РОССИЯ ПОДЪ ВЛАСТЬЮ БОЛЬШЕВИКОВ

This translation filed with Registrar of New York on April 8, 1918, according to Act of Oct. 3, 1917.

Пьяные погромы

Защита закона была в Москве... (text continues)

Арестъ Союза защиты Учредительнаго Собрания

Вчера в Москве... (text continues)

Посещение П. П. Гурья

Вчера в Москве... (text continues)

Убийство семьи Горемыкиных

Вчера в Москве... (text continues)

Арестъ тов. министра С. И. Сидорова

Вчера в Москве... (text continues)

Средня индустриальность

Вчера в Москве... (text continues)

Современный судъ въ Россіи

Вчера в Москве... (text continues)

заводах. Это обобщенно-оценочное повествование в режиме актуального настоящего с тезисом об агрессивной активности большевиков в благоприятных для них условиях. Заметим здесь: имя большевики получает в изложении символическое значение причины (каузатора) происходящего.

Большевики почувствовали вдруг почву, ожили и на всех парах решили догнать петроградских товарищей. **Расхищается оружие, вооружаются** красная гвардия, **конфискуется** проволока, заводы **превращаются** в форты, туда **свозят** оружие <...>. А пока что — *клевета* на казачество и *ложь* об их насилиях *сделали свое дело* (НГ 1918, 9 мая).

В составе приведенного абзаца обращает на себя внимание повествовательно-перечислительная структура с повторами форм настоящего процессуального, что создает эффект нарастания лихорадочной активности обобщенного субъекта действий. Начало следующей фразы выносит в сильную позицию подлежащее морального суждения (*клевета* и *ложь*). Предикат *сделали свое дело* снова актуализирует роль скрытого субъекта активности.

Сравните такую же перечислительную структуру нарратива и вывода в модусе обвинения: структуру, расширенную повтором соединительных, но поабзацно расчлененных высказываний в их негативно возрастающей последовательности с модусной скрепой **И**:

Пришли большевики. **Водворили** революционную пугачевщину. **Оттолкнули** самую передовую интеллигенцию. **Разнуздали** пролетариат и крестьянство. **Объявили войну** культурным классам. **Возобновили** царские репрессии, **Дезорганизовали** торговлю. **Парализовали** промышленность. **Посылали брата на брата**, товарища на товарища, одну часть страны против другой. **Навели ужас** на одну часть населения. **Сделали ужасной** другую. В самое короткое время **сделали все возможное, чтобы** революция стала **диким кошмаром** *внутри* страны и *посмешищем* за границей.

И целые классы населения **с ужасом отшатнулись** от революции, и одна часть страны за другой **стала отделяться**. <...>

И когда все было готово для приема новых варягов, правительство большевиков **закрыло** все оружейные заводы, **распустило** армию и **послало** Льва Троцкого в Брест-Литовск, **чтобы декламировать** пред представителями кайзера германского и кайзера австрийского о *братстве народов*.

И когда прусские и австрийские юнкера **наслушались** декламации Троцкого, они **решили**, что Россия готова. **Все, что большевики в состоянии были сделать** для них [объект пользы], **они великолепно сделали**. **И** пожидают **теперь** немцы в несчастной России то, что большевики там усердно для них посеяли.

Выбор и концентриация оценочных предикатов отражает отчетливое понимание событий идеологическим субъектом. То общее,

ПРАВДА О БОЛЬШЕВИСТСКОМ ПЕРЕВОРОТЪ

КАКЪ БЫЛЪ ВЪЗЪТЪ ЗЕМЛИНЪ ДВОРЕЦЪ И КАКЪ БОЛЬШЕВИКИ ЗАХВАТИЛИ ВЛАСТЬ

(Рассказы Н. А. Гаврилова, А. М. Никитина и Н. М. Миллера).
Теперь мы знаем, что в ночь с 25 на 26 октября 1917 года в Петрограде произошло величайшее событие в истории нашей страны. Большевики захватили власть и начали свое кровавое правление. Мы расскажем вам, как это произошло.

До 25 октября в Петрограде шла напряженная работа. Большевики готовились к захвату власти. Они знали, что им придется бороться с всеми силами, стоящими на пути их власти. Им предстояло захватить Зимний дворец, где находилась царская фамилия, и другие важные объекты. Им предстояло захватить власть в Петрограде и во всей России.

РАЗСКАЗЪ А. М. НИКИТИНА

Утром 25 октября я проснулся в своей квартире. Я слышал, что в городе происходят какие-то необычные события. Я вышел на улицу и увидел, что улицы пусты. Я спросил у прохожих, что происходит, и узнал, что большевики захватили власть.

РАЗСКАЗЪ А. О. КОБЫЛИНА

В тот день я находился в Зимнем дворце. Я видел, как большевики захватили власть. Я видел, как они захватили власть в Зимнем дворце и во всей России. Я видел, как они захватили власть в Зимнем дворце и во всей России.

РАЗСКАЗЪ И. П. КОЗЛОВА

Я был в Зимнем дворце в тот день. Я видел, как большевики захватили власть. Я видел, как они захватили власть в Зимнем дворце и во всей России. Я видел, как они захватили власть в Зимнем дворце и во всей России.

РАЗСКАЗЪ А. О. КОБЫЛИНА

В тот день я находился в Зимнем дворце. Я видел, как большевики захватили власть. Я видел, как они захватили власть в Зимнем дворце и во всей России. Я видел, как они захватили власть в Зимнем дворце и во всей России.

РАЗСКАЗЪ А. О. КОБЫЛИНА

В тот день я находился в Зимнем дворце. Я видел, как большевики захватили власть. Я видел, как они захватили власть в Зимнем дворце и во всей России. Я видел, как они захватили власть в Зимнем дворце и во всей России.

В тот день я находился в Зимнем дворце. Я видел, как большевики захватили власть. Я видел, как они захватили власть в Зимнем дворце и во всей России. Я видел, как они захватили власть в Зимнем дворце и во всей России.

В тот день я находился в Зимнем дворце. Я видел, как большевики захватили власть. Я видел, как они захватили власть в Зимнем дворце и во всей России. Я видел, как они захватили власть в Зимнем дворце и во всей России.

В тот день я находился в Зимнем дворце. Я видел, как большевики захватили власть. Я видел, как они захватили власть в Зимнем дворце и во всей России. Я видел, как они захватили власть в Зимнем дворце и во всей России.

В тот день я находился в Зимнем дворце. Я видел, как большевики захватили власть. Я видел, как они захватили власть в Зимнем дворце и во всей России. Я видел, как они захватили власть в Зимнем дворце и во всей России.

В тот день я находился в Зимнем дворце. Я видел, как большевики захватили власть. Я видел, как они захватили власть в Зимнем дворце и во всей России. Я видел, как они захватили власть в Зимнем дворце и во всей России.

В тот день я находился в Зимнем дворце. Я видел, как большевики захватили власть. Я видел, как они захватили власть в Зимнем дворце и во всей России. Я видел, как они захватили власть в Зимнем дворце и во всей России.

что объединяет канву идентификации, – это агенты и глаголы действия, то есть предметно-событийная сторона сообщаемого. Все они относятся к выражению крайнего неприятия сообщаемого, имплицитно отождествляются с преступлением в моральной оценке происходящего. Повествование сливается с комментарием и образует предметно-оценочный сплав **дискурса обличения**.

«Народная газета», судя по составу и происхождению публикаций, была тесно связана с европейскими источниками. Газета отличалась в своем отрицании большевизма характером личностной критики, резких выпадов против конкретных лиц – представителей власти в России. Отчасти эта особенность объяснялась личным знакомством авторов публикуемых статей с главными лицами²⁰. Приводятся свидетельства и суждения бывших высокопоставленных деятелей, известных обществу людей, простых очевидцев, мнение которых укрепляло наступательную позицию газеты. По тем же соображениям приводились перепечатки из других газет. Так, «Народная газета» публикует мнение М. Горького [перепечатка из газеты «Новая жизнь»] с характеристикой Троцкого и Ленина, содержащей прозвища-ярлыки «экспериментатор», «хладнокровный фокусник», «преступный авантюрист».

В материалах «Народной газеты» встречаются различные варианты обращений, мотивированные конкретными задачами публикации. Прежде всего, 1) это вариант коллективного обращения к читателю, объясняющий неожиданный феномен большевизма личными целями его лидеров [оппозиция «совокупное *МЫ* / единоличное *ОН*»]:

Проследите ход нашей революции с февральских дней и до нашего времени, **и для вас станет совершенно ясно** провокаторская роль Ленина и «ленинства» с целью направить эту революцию в свое заранее намеченное русло. **Он** – не только фанатик идеи, **он** – большой ум, скопление огромной энергии и воли, **он** на целую голову выше всех «программных мудрецов» **нашего российского социализма**, которых так легко умному человеку водить за нос и оставлять в дурачках.

2) Другим вариантом апелляции выступает одиночный «голос из России». Публикуется письмо – обращение к лидерам большевиков со стороны рядового участника событий, испытавшего на себе перипетии революции:

Всей своей намученной душой я кричу вам, Троцкий, Зиновьев, если вы мужественные люди, **подойдите** к руководимым вами массам и **скажите им откровенно**, что вы и прочие вам подобные, тоже принадлежите к еврейскому народу.

– Но вы этого не сделаете.

Старый бундовец, увечный воин.

Наконец, встречается (3) вариант с пародией на апелляции в виде сценария. В утрированной форме «большевики» дают наставления своим «попутчикам»:

Для начала надо будет немецких социалистов **объявить** изменниками и штрейкбрехерами; затем **не только можно, но должно обвинить** всю буржуазию в предательстве. **Не надо забывать** офицеров, этих контрреволюционеров, и **натравить на них** солдат...**Вы поняли, товарищи?**

Модальность разоблачения или обвинения сопутствует публикациям о России на разные темы. Одна из них – влияние происходящего на детское сознание. Существующее положение дел дается в форме образительного описания, подразумевающего в своей основе моральную оппозицию (антинорму).

Как влияют самосуды на подрастающее поколение?

Солдаты ведут топить в Мойке до полусмерти избитого вора, он весь облит кровью, его лицо совершенно разбито, один глаз вытек. Его сопровождает толпа детей; потом некоторые из них возвращаются с Мойки и, **подпрыгивая на одной ноге, весело кричат: Потопили, утопили!**

[оппозиции «трагедия»/«комизм», «сострадание»/«веселье»].

Трагедийный смысл фактов, символически отождествляемых в «Народной газете» с большевизмом соответствует так называемой «юридической» теории трагедии в эстетике. Сущность этой теории, по В. Н. Волошинову [1995 : 82], «сводится к попытке понять **структуру трагедии как структуру судебного процесса**» [выделено в тексте нами. – Т. К.]. «Существенная общность трагедии – да и всякого художественного произведения – с юридическим процессом сводится только к наличности «сторон», т.е. нескольких участников, занимающих разные позиции. Столь же распространено в поэтической фразеологии определения русского поэта, как «судьи», «разоблачителя», «свидетеля», «защитника» или даже «палача» (фразеология «бичующей сатиры» – Ювенал, Барбье, Некрасов и др.) [Там же].

Необычайно разнообразной была литературная оснащенность «Народной газеты». Влияние на умы читателей должны были иметь перепечатанные из разных источников статьи представителей социал-демократической мысли (А. Бебель, Г. Плеханов, К. Оберучев), острые публикации авторитетных писателей: М. Горького («Несвоевременные мысли», № 8 и № 9), А. Аверченко (фельетон «Вся власть мне», № 3), Евг. Чирикова (памфлет «Обманутые люди», № 1; «Кто такой Ленин», № 4; «Иллиодор и Ленин», № 6). Памфлет и фельетон были, можно сказать, родными жанрами для радикальной «Народной газеты» (авторы М. Езерский, А. Раскин, М. Бара-

нов, П. Маслов). Рассмотрим ниже показательный пример, связанный с концептом «Болезнь».

Фельетон М. Езерского «Эпидемия: заметки наблюдателя» (НГ 1918, 21 марта) посвящен комической интерпретации факта распространения «моды» на большевизм в среде русских анархистов в Америке. Написанный в разговорной манере фельетон отвечает образу недоумевающего читателя: в повествовании моделируются характерные для этого жанра ситуация несообразности и ситуация «пропажи» [Краснова 1987]. Ниже в тексте устанавливается комически парадоксальное положение с оппозицией «отсутствие/наличие»:

... Но тут в Америке это того, **немного непонятно. Куда делись все социал-демократы и социалисты-революционеры? Куда ни придешь – большевики.** Был я на концерте. Уж музыка-то вещь нейтральная, кажись. Но не тут-то было. Хватил скрипач какую-то ноту неподходящую, резанул по уху. Чего бы публике смолчать, либо выругаться, так нет же. **«Ах ты, большевик!»** – крикнул сосед мой.

А вот возьмем митинги. Уж тут **всегда господствовали социал-демократы, а теперь только и слышишь «большевыки»**, только и слышишь большевиков.

Но куда же социал-демократы делись? <...> Как же это случилось, что большинство на съездах, в особенности на первом, громадное большинство состояло **из анархистов и большевиков?** Да и какие это были **анархо-большевики** – на подбор прямо!

Далее пародируется речевой образ действий «анархо-большевика». Скопирована пропагандистская модель воздействия из арсенала газеты «Голос труженика». В категорических высказываниях воспроизводится манипулятивная схема N_1-N_1 оппозитивной номинализации, свойственная призывам и лозунгам этой газеты. Ср. по тексту:

Культурно-просветительская деятельность – **это буржуазность**; медицинская помощь – **шарлатанство буржуев**; пропорциональное представительство – **буржуазный пережиток**; демократические принципы – **ерунда**. Что было важно на съезде, о чем говорили и что дебатировали, это **комиссары, арестовать, контрреволюция, долой демократию и консульские места**. Ни одной социалистической темы.

Персонаж фельетона делает свой комический вывод, ассоциируя ситуацию с «болезнью» и необходимостью «борьбы» с ней:

«Не иначе как **эпидемия**», – решил я, после некоторого размышления. <...> ясно стало, что большевизм **эпидемия опасная** даже в Америке. Конечно, как всякая эпидемия она является у нас в Америке **результатом несанитарных условий**. <...> И нечего удивляться тому, что **эпидемия свирепствует**, что всюду и везде социал-демократов

не видать и не слышать. **В моменты эпидемии** ведь не говорят о врачах. В такие моменты **сама эпидемия важна и борьба с ней**.

Такой же комически оппозитивной по своей идее выступает в «Народной газете» публикация фельетона Арк. Аверченко **«Вся власть – мне»**. Фельетон мог быть напечатанным в противобойстве (или в насмешку) анархистской газете «Голос труженика». Концовка фельетона содержит формулу **«Всем – всё!»**, пародирующую лозунг идеолога анархизма кн. Кропоткина. Ценностная формула оказывается в оппозиции с «Я» говорящего по идеологическому критерию («общее/единоличное»). Идеологемы новой власти интерпретируются в духе волонтаризма, комического по своей заразительности и непредсказуемости.

Снова я стукнул кулаком по столу. Так будет же по-моему! Товарищи пролетарии! Объединяйтесь под знаменем: **«Вся власть Аркадию Аверченко!»** На наш век пролетариев хватит. <...> Итак, идите все на улицу и носите на улице писаную торбу, на которой должны быть начертаны великие слова: **«Вся власть Аркадию Аверченко!»**, **«Долой контрреволюционеров – всех этих буржуев, – Каледина, Керенского, Троцкого, Ленина и других, продавшихся капиталу!»** <...> **Моим преемником во власти оказался какой-то Федька Кныш <...>, крючник калашниковской пристани.** Краткий лозунг был у Федьки, а крепкий, черт его побери! Вот этот лозунг: **«Шантрапа! – писал грубый невоспитанный Федька. – Делай, что хошь! На шаран! Мой приказ: Всем – всё!»**

В отличие от американских газет, существующих по правилам организации делового предприятия, русские издания создавались как органы общественных организаций или небольших групп на собственные средства иммигрантов, которые быстро заканчивались. «Народная газета» не сумела выжить в условиях конкуренции. По всей вероятности, прекращение издания связано со смертью Г. В. Плеханова. Последний номер газеты (№ 13) числится в РНБ от 13 июня, и вся четвертая полоса посвящена этому вождю русской социал-демократии: озаглавлена **«Светлой памяти Г. В. Плеханова»**. Заголовок статьи К. Оберучева о смерти Плеханова – **«Замучили»**.

Мы относим «Народную газету» к радикальным антибольшевистским изданиям, как и парижскую газету Вл. Бурцева «Общее дело». **Радикальный антибольшевизм** понимается нами как особое идейно-стилевое качество ряда газет РЗ, куда входят и европейские издания. Это качество дискурса характеризуется и обеспечивается 1) состоянием глубоко мотивированного в своей гуманистической основе критического отношения издателей к большевизму; 2) речевым сплавом когнитивного и аффективного в оценке большевизма; 3) специфической стратегией речи, которая модализована утверждением необходимости наказать противника. Модализация

реализует такое умонастроение идеологического субъекта, которое возбуждает в читателе крайне эмоциональное неприятие большевизма и желание всемерно действовать против врага.

* * *

Из всех наук лингвистика более других способна создавать обобщения на основе фактологического минимума. Как и многие науки, она зиждется на наблюдении. И хотя в сферу анализа лингвистики попадает немного, «с помощью немногого возможно очень многое», «по отдельным примерам можно понять целое» [Бюлер 2001 : 23]. Ниже следует краткий комментарий к номеру неполитической газеты, которая издавалась в Чикаго (как и «Голос труженика»), но представлена в библиотечном собрании РНБ в С.-Петербурге единственным экземпляром.

Газета «Свободная Россия» (Чикаго) выходила с подзаголовком «русская народная беспартийно-прогрессивная газета» в 1917-1920 гг. В РНБ она числится № 2 за 19 февраля 1918 года. Единичность номера мы бы не посчитали случайностью.

При знакомстве с разнообразными публикациями в этом номере не оставляет впечатление, что газета предназначена для домашнего чтения: новости со всего мира на первой полосе, рубрика «Чикагская хроника» на последней, «Медицинский отдел», «Рабочий отдел» (предложение работы), отдел русского клуба «Знание» (полезные сведения, извлечения из книг, предложение учебы). Одна из страниц отведена литературно-художественным формам русской словесности (рассказы, анекдоты, остроты). Происходящее на родине, в Петрограде (город окружен войсками) передается с сожалением, возбуждает опасения, но без какого-либо анализа, только эмоционально. Под рубрикой «Вести с Родины» помещена статья с пугающим названием «Страшное пророчество». Написанная по личным воспоминаниям, она содержит ностальгические нотки, связанные с петербургской жизнью и культурой, дышит искренним чувством автора (подписался Д.К.). Но именно чувствительность остается до конца речевой доминантой этого текста. Риторические зачин и концовка находятся в смысловом противопоставлении, насыщены высокопарностью отрицания в ситуации растерянности и протеста. Ср., *зачин*: «Петербургу *быть пусту*». Еще немного, и *угроза*, казавшаяся *нелепой*, *написанное ненавистью* пророчество может стать действительностью, превратиться в событие *нестерпимое для сознания*; *концовка*: «Нет, не быть Петербургу пусту... Да не будет великолепная столица “великолепную могилу” нации» [оппозиция «жизнь/смерть»]. Очевидно «мысленный дейксис» к сведениям культурно-исторического характера (пророчество первой жены Петра I – А. Лопухиной) предполагают читателя-интел-

лектуала – того, кто запоминает не слова, а мысли и душевные движения. Это апелляция к слушателю, чьим внутренним состоянием автор хочет управлять. Отсюда стилевые черты: 1) доминирование функции экспрессии, по сравнению с функцией репрезентации; 2) присутствие стереотипного мотива гибели прежнего мира, далекого и прекрасного; а в конце – 3) акт заклинания с отрицанием такого сценария гибели. Это экспрессия с расчетом на взаимность, когда происходит слияние образа говорящего с образом адресата.

Беспартийная ежедневная рабочая и крестьянская газета «Свободная Россия» (Буэнос-Айрес) представлена в библиотечном собрании единичным экземпляром (№ 53 от 27 дек. 1918). На первой странице номера помещен материал на злобу дня. Речь идет, с одной стороны – о попытках распространения идей большевизма в Южной Америке, а с другой стороны – о попытках инициировать с помощью Советов возвращение русских эмигрантов на родину. Публикация носит название «Неуместная затея» и частично цитировалась в начале раздела 6.2.

Газета «Свободная Россия» имела возможность публиковать сообщения о происходящем на родине, но ссылки на источники не всегда в них присутствуют. *Заголовки*: «Революционная диктатура в России», «К последним событиям», «Роспуск Учредительного Собрания». Рубрика «По России» содержит информацию, сгруппированную по названиям городов: Тифлис. Тамбов. Вятка. Москва. Одесса. В газете обозначены *рубрики* «Торговля, промышленность и финансы», «Сельское хозяйство и статистика». На первой странице привлекает внимание подробная хроника с публицистическими комментариями от лица корреспондента Северо-американской газеты под названием «К последним событиям. Роспуск Учредительного Собрания». Случившееся сразу получает оценку события «трагического». В изложении присутствует динамика, активность главных героев повествования передается предикатами речи с семантикой ‘агрессия’:

Большевики **исполнили свою угрозу**. Задолго до начала заседаний Учредительного Собрания, как только окончательно выяснилось, что они не имеют в нем большинства, они **открыто объявили о своем намерении разогнать** действительных представителей России [этико-речевая оппозиция «норма/антинорма»].

Событийные высказывания сопровождается комментариями, где критическая ситуация в учредительном Собрании дается в модально-оценочном и этическом противопоставлении как проблемная:

Наивно было бы начинать с ними доктринальные дискуссии о правомерности этого разгона, **смешно было бы** взывать к их чувству

патриотизма. Пред нами **грубая сила кулака**, которая может быть свергнута только такой же силою

[проблемная этическая оппозиция *неэффективное* «речевое воздействие» / *эффективное* «физическое действие»].

В структуре семантико-речевой оппозиции ниже **позитивно представленная сторона** находится в положении пассивного субъекта с предикативными признаками неволевитивной (*много идеализма*) или обобщенной качественно-количественной определенности (*много стремления*). И наоборот, **негативно интерпретируемая сторона** проявляет активность агенса речевых и неречевых действий (*объявить, открыть стрельбу* и т.п.).

У наших революционеров еще много идеализма, много стремления к героическому подвигу, **много готовности** к самопожертвованию, и они идут на первое заседание Учредительного Собрания беззащитные, без охраны, сильные только верою. // **Большевики же каждый свой выкрик** о «чистом идеализме и высшей справедливости» **сопровождают трескотней из пулеметов**, и это производит должный эффект [оппозиция «готовность к действию/действию»].

В целом, по характеру созерцательного проблемно-критического изложения мы бы отнесли эту публикацию к умеренной разновидности антибольшевистского дискурса.

Подведем общий итог. События 1917-1919 гг. в России сказались на мировоззрении той части трудовой русской диаспоры в Америке, которая хотела подражать русской революции (1), и тех иммигрантских кругов, которые поддерживали политику непризнания большевистской России (2).

1. Для русских **пробольшевистских** изданий в Америке обсуждение событий в революционной России не было задачей главной. Они стремились использовать пропаганду большевизма для борьбы рабочих за свои права с «хозяевами» жизни, капиталистами в Америке. Наименования *большевики, Советская Россия* сопровождаются в пробольшевистских изданиях только позитивными коннотациями. Оптимистический образ большевика (включая неоднозначные оценки вождей большевизма) строится в приближении к идеалу успешного американского героя.

Местная специфика, российский опыт, изоляция русскоязычных колоний в Америке наложили на газетный дискурс пробольшевизма свой отпечаток. Радикальная газета «Голос труженика» ставит рабочих в *жесткую оппозицию к профсоюзным лидерам* как послушным исполнителям воли «хозяев». На примере русских большевиков эта газета стимулирует целенаправленные *протестные действия*

своего главного героя (рабочего); мифологически организует его классовое самосознание, агитационно-пропагандистскими текстами.

На уровне ментального в пробольшевистском дискурсе обнаруживаются: **классово-идеологические оппозиции**, связанные а) с проблемой «*буржуазного*» *неприятия* Советской России и большевиков (Сов. Россия/капиталистический мир); б) с проблемой разрешения непримиримого *классового противоречия* мирового масштаба (рабочие/буржуазия); в) с проблемой *внутренней оппозиции* в духе архетипа «свой»/«чужой» в среде рабочих. При этом введенная антибольшевиками оппозиция «христиане/большевики» снимается в религиозном сознании с помощью специфической концептуализации (образом Назарянина как лидера большевистского движения первого века).

В текстах идеологизированные оппозиции разного вида искусственно конструируются и бывают неоднородны в логико-понятийном отношении. Выделяются *прагматические модели* с противоположениями сценарно-тематического характера. Они имеют не только пропагандистский, но и агитационно-обучающий характер. К специфике идеологической оппозитивности анархобольшевистского толка относится *неприятие диктата* вождей, хотя как раз диктатура относится к одному из коренных положений «ленинского марксизма».

На семантико-речевом уровне идеологическая оппозитивность пробольшевистской печати выражается **комплексом сюжетно-сценарных и образно-риторических средств**, среди которых особое место занимают метафора, олицетворение, гипербола. К способам оценочно-оппозитивного изложения относятся *лексико-синтаксические* (оценочные наименования; параллелизм, антитеза) и *стилистический контраст* элементов высказывания (книжных пафосных и разговорных, грубопросторечных).

Лозунги о борьбе за социальную справедливость и победе пролетариата во всем мире составляют набор тех *диагональных высказываний*, которые дискурсивно объединяли идеологию русского большевизма и анархо-большевизма в Америке. Тенденциозность газет пробольшевистского толка определяются двумя главными показателями: 1) использованием санкционированных идеологией трафаретных выражений (*идеологем*); 2) модальностью *воинствующего неприятия* существующего порядка. Отсюда тональность высказываний – стилистически сниженная, грубо уничижительная (для описания действий противника) и прескриптивная, азартно-возбуждающая (для читателя-рабочего). Если передается речь противника, то в ней доминирует ироническое *двуголосие* (пародирование чуждой точки зрения). Наблюдается нарушение этических правил коммуникации, так называемый – *антинормативизм*.

Для стиля пробольшевистских изданий в высшей степени характерно *диалогизированное*, вопросно-ответное (порой сказовое) изложение с обращениями, императивами, лозунгами, призывами. Нередко они завершают публикацию, переводя речевую данность в аспект запланированных групповых действий.

2. Пробольшевистскому газетному дискурсу противостоит **радикальный антибольшевистский** дискурс «Народной газеты». Антибольшевистская газета в Америке больше сосредоточена на *предметно-событийной* стороне сообщений из России. Нарративы в модусе реального (свидетельства очевидцев) сопровождаются *суровой оценкой* деятельности большевиков. В «Народной газете» эта деятельность имплицитно концептуализируется понятием *преступление*.

На ментальном уровне анализа дискурса русской антибольшевистской газеты обнаруживается множество проблемных оппозиций, имеющих отношение к разным сферам общественного сознания: к сфере политики и идеологии (*диктатура/демократия; гражданская война/Учредительное собрание и демократический мир; коллективизм/индивидуализм*), к сфере философии (*жизнь/смерть*), к сфере логики в ракурсе комического (*отсутствие/наличие*), к сфере морали и этики (*норма речи/антинорма, речь/физическое воздействие; сострадание/веселье*), к сфере литературной деятельности (*достоверность/недостоверность; идеологическое/реальное; трагедийное/комическое*).

На семантико-речевом уровне оппозиционность «Народной газеты» выражается: 1) обозначенным в наименованиях отрицанием большевизма; 2) идеологемами социального демократизма в противоположение к чуждой идеологии, мифологема которой обозначены как ложные в кавычках; 3) иронией или юмористическим выражением отношением к анархизму, которое передается вопросами недоумения, комическими преувеличениями, парадоксальными высказываниями; 3) 4) пародированием чуждой речи в ее сценарно-тематических образцах; 5) перечислительными по структуре нарративами с градацией негативного смысла; 6) общим модусом крайнего неприятия, в русле которого повествование сливается с комментарием, образуя обличительный пафос речи.

6.3. Эмиграция и беженство в Европу; эмигрантская печать

Европейский путь эмиграции был традиционным, хотя сама эмиграция носила разнородный характер [об этом: Русская эмиграция до 1917 года 1997]. Лучше всего разработана тема эмиграции меньшевиков [Там же 1997 : 217 (Л. Хэфнер)]. Появились работы,

посвященные пути социалистов-революционеров в эмиграцию. Эсеры уезжали не для того, чтобы переселиться в другие страны, а для того, чтобы вести там политическую борьбу, ставшую для них невозможной в Советской России [Кукушкина 2004 : 97].

Дальнейшее изложение построено с учетом обширной информации, содержащейся в монографических работах Г. Струве [1996], С. Волкова [1999], В. Клавинга [2004], М. Раева [1994], в коллективной монографии РАН «Русский исход» [2004] и в монографии ученых кафедры истории журналистики С.-Петербургского университета [Журналистика русского зарубежья XIX – XX веков 2003]. В центре внимания в начале раздела – сведения о положении русской диаспоры, эмигрантов и беженцев – иными словами – читателей, наиболее интегрированных в дискурс газет РЗ.

В 1918-1919 гг. основную часть эмигрантов составляли гражданские лица. Большинство выходцев из России расценивали эмиграцию как явление временное. Представители стран Антанты контролировали все миграционные потоки, направлявшиеся с Севера России за рубеж. Желающим покинуть Северную область вместе с союзниками было предложено три направления: на Юг России, в Прибалтийский край и Польшу (через Великобританию). Пароходы рейсами шли в Прибалтику и на Юг России.

Есть разные мнения по поводу численности мигрантов, попавших во время революционного кризиса в Европу. Множество эмигрировавших были офицерами действующих белых армий. По данным С. В. Волкова, помимо офицеров, находящихся на службе за границей, в том числе – в плену, и так и не вернувшихся в Россию, часть офицеров покинула Россию уже после Февральского переворота. Затем в течение 1918-1919 гг. за границей оказались тысячи офицеров, спасавшихся от красного террора, а также значительное число тех, кто по инвалидности или по возрасту не мог принять участие в антибольшевистской борьбе.

Тяжелая судьба постигла военнослужащих Сев.-Западной армии и тех гражданских лиц, кто последовал за ней в отступлении. Созданный генералом Н. Н. Юденичем комитет в условиях нахождения на территории Эстонии помощи людям оказать не смог. Эстония, еще недавно входившая в состав России, недоверчиво относилась к белым политикам и готова была заключить договор с большевиками. В Северо-западном направлении несколько тысяч офицеров из состава войск Киевской и Новороссийской областей ВСЮР перешли под командование генерала Бредова в Польшу, некоторые – в Румынию. В Финляндии, куда спасалась масса беженцев из Петрограда, к 1919 г. находилось более 20 тыс. эмигрантов, в том числе 2-2,5 тыс. офицеров.

В Южном направлении шел самый массовый поток беженцев.

В янв. – марте 1920 года после эвакуации Одессы и Новороссийска не менее трети от общего числа попали в Турцию, Болгарию, в Египет. Эвакуация вооруженных сил юга России приняла затяжной характер. Летом 1920 г. в Крыму было уже более 500 тыс. беженцев и столько же в Европе, Египте и на Ближнем Востоке. К началу мая 1920 г. по данным красной разведки в Турции и Болгарии находились около 45 тыс. русских, из которых почти половину составляли офицеры (Около 7 тыс. из них позже вернулись в Крым или нелегально – через Румынию, Польшу и Закавказье – возвратились в Россию).

Большая часть беженцев, находившаяся первоначально в Турции, переместилась затем в славянские и балканские страны. Положение беженцев было облегчено тем, что, во-первых, помощь в эвакуации и первичном обустройстве оказывала Англия, во-вторых – более доброжелательным, сравнительно с балтийскими странами, отношением балканских государств к представителям «старой России», и в третьих – активно действовавшей в балканских странах сеть военных и дипломатических представительств. Авторы монографии «Русский исход» [2004] полагают: «старая» русская дипломатия в тяжелейших условиях до конца выполнила свой долг. В частности, в Югославии при помощи Королевского правительства удалось создать благоприятные условия для жизни русских беженцев.

1919 год является условной хронологической датой начала процесса формирования России за рубежом. Границы РСФСР были установлены окончательно по Рижскому мирному договору 1921 года. До начала коллективизации и первой пятилетки или, по крайней мере до **середины 20-х гг.** – Россия за рубежом не была еще окончательно отделена от другой, Советской России. Показательно географически обширное размещение русской эмиграции первой волны в Европе. В то же время все историографы русской эмиграции отмечают: характер политики, проводимой в отношении беженцев, определялся как экономической ситуацией, так и внутриполитической обстановкой, сложившейся в этих странах. Далее рассмотрим этот ракурс подробнее, ориентируясь на территории, где работали редакции изучаемых эмигрантских газет.

Англия, Дания, Швеция, Норвегия, Голландия, Испания, Португалия, Италия, Канада, Япония закрыли свои границы для русских эмигрантов. Ряд западноевропейских стран дали согласие на въезд мигрантов – частично по политическим мотивам, но в большей мере по мотивам экономическим. Германия, Бельгия, Франция нуждались в дешевой рабочей силе (как и страны славянские – Сербия, Болгария, Чехословакия). Страны Антанты «субсидировали» нужды беженцев, пока у них жила надежда использовать остатки белых армий против большевистской России» [Русский исход 2004 :

122]. В начале 1921 г. правительство в Париже официально заявило, что будет прекращено финансирование Русской армии. 8 февраля 1921 г. в Париже была создана структура русской дипломатии в эмиграции – «Совет послов и Финансовый совет». Эта структура приняла на себя миссию защиты беженцев и ответственность за расходование оставшегося за рубежом российского имущества, денежных средств. В дальнейшем приоритет в деле решения проблем беженцев принадлежал бюрократически грамотным монархическим и праволиберальным кругам.

6.3.1. Дискурс о большевизме в европейских центрах эмиграции (1917-1920)

Пойдем традиционным путем, отметив центр и периферию в пространстве русского зарубежья в Европе 1917-1919 гг. В свое время русский мыслитель и публицист А. С. Изгоев установил: «Известно, что у Зарубежной России есть своя столица и своя провинция. Столица – это Париж. Провинция менее захудалая, близкая к центрам, – Прага, Берлин. Провинция глухая – медвежьи углы на Балканах, в Маньчжурии, в Китае» [цит. по изд. Абызов 1990 : 14]. Наше описание начиналось как раз с менее изученных до недавнего времени мест размещения эмигрантской печати (Маньчжурия, Америка), а также с внимания к трудовой жизни эмиграции. Теперь отдадим должное политическим и культурным центрам европейского зарубежья, которые по времени соответствуют раннему периоду русского исхода в 1918-1919 гг.

Наиболее полным является историко-культурное описание русской эмиграции в Германии и Франции. Воспоминания самих эмигрантов и сочинения, посвященные жизни и творчеству русских эмигрантов в Берлине и в Париже, хорошо известны²¹. Ниже мы ограничимся сведениями, гипотетически имеющими отношение к географическому положению и читателям изучаемых газет. Основное содержание внутренних разделов по-прежнему составляет характеристика изданий по содержательно-идеологическим и семантико-стилистическим признакам с выявлением смысловых оппозиций.

Париж, по общему мнению, в силу различных причин был политическим центром русского зарубежья. Более того – он считался неофициальной «духовной столицей русской эмиграции». Об этом пишет Г. Струве [1996 : 30-31]: «Здесь еще в 1919 году во время Версальской мирной конференции было организовано т.н. Русское политическое совещание, здесь нашло себе приют большинство дореволюционных политических деятелей». Здесь возникли «первые серьезные» (выражение Струве) эмигрантские газеты – «Общее

дело» и «Последние новости». «Общее дело» как ежедневная газета «просуществовало недолго (правда, потом оно возобновлялось несколько раз – то как русская, то как французская газета – но каждый раз существование его было недолговременным)», – добавляет Г. Струве. «Последние новости», наоборот, оказались самой долговечной из европейских эмигрантских газет (1920-1940).

Обзор положения русских эмигрантов во Франции дает М. Раев [1994], и мы полагаемся ниже на его данные. Французские власти выдавали виды на жительство на большие сроки. Отношение к эмигрантам было либеральным, если не считать выдачи разрешений на трудоустройство. Франция, испытывавшая после войны острую нужду в рабочей силе, организовала вербовку русских беженцев в других странах. В результате небольшие русские общины возникали во Франции повсюду.

Немаловажным было и другое обстоятельство. Согласно источникам, в первые годы эмиграции русские по-прежнему находились под официальной защитой российских посольств. Послы в большинстве своем располагали некоторыми средствами, а в ряде случаев могли пользоваться частью кредитов, выделенных царскому правительству, или же государственной собственностью России, находившейся за границей. На долю посольств выпала задача удостоверить личности и брать под юридическую защиту бывших военнопленных и отдельных лиц, бежавших из Советской России. Послы также обращались к западным правительствам с просьбой о выделении средств на нужды беженцев и распределяли полученную помощь.

М. Раев отмечает, что ситуация осложнилась уже после окончания Гражданской войны в ноябре 1920 года. Официальные лица, которые занимались проблемами русских эмигрантов в зарубежных странах, встали перед необходимостью выбора, чьи полномочия признавать: 1) «правительства в изгнании», признанного некоторыми державами; 2) представителей Врангеля; или 3) признать ведущую роль по делам беженцев командующих тех белых армий, представители которых численно преобладали в стране (во Франции это были генералы Миллер и Юденич). Поначалу оказавшиеся в изгнании политические лидеры могли еще надеяться на то, что им удастся оказывать влияние на «русскую» политику принявших их стран. Однако в 1924 году Франция последовала примеру Германии и дипломатически признала СССР.

«Общее дело» («La cause commune») – «ежедневная» газета, редактором-издателем которой был В. Л. Бурцев – политический деятель, публицист, историк общественного движения в России. Вл. Бурцев подготовил издание (1897) сборника материалов по ис-

ОБЩЕЕ ДѢЛО

LA CAUSE COMMUNE

ABONNEMENT: 25 c.
Un mois, 1 franc
Six mois, 6 francs
Un an, 12 francs

Пятница 30 августа 1919.

Редактор-издатель В. Л. БУРЦЕВ.

Вышел 30 Аюст 1919.

БОЛЬШЕВИКИ И СОЦИАЛЫ

Конгресс торжествующих рабов.

В Бернере заключена социалистическая конференция конгрессов. Дюло не только в том, что на этом конгрессе Лозер и Редерман, Церрали или Генрих-Говина, Листона.

В Лозерра они бросились в воду, чтобы спасти немощных, истребляемых социализмом. Россия не скоро позавидует своим товарищам. На своей, Лозерской Конференции они говорили о большевиках, как о России. Россия! Россия! Россия! – не болшевики, а болшевики – не Россия это – ты, кто без разницы негр стоит на месте еще прежде, чем Кочина и Дениска. Ты же, кто без разницы негр создаешь Россию, кто был и останется ирландцем, нахальством, кто не на языке, а на языке берется с Лениным, а Тристаном.

Еще мы своим участникам Лозерского Конгресса. В свой момент, мы должны быть социальными.

ТЕЛЕГРАММЫ

Въ борьбъ на Петербургъ.

Образованъ комитетъ въ Петербургѣ, членомъ котораго избранъ Лозеръ. Комитетъ этотъ призванъ бороться за интересы русских эмигрантов въ Петербургѣ. Комитетъ этотъ призванъ бороться за интересы русских эмигрантов въ Петербургѣ.

Въ Петербургѣ, 1-го августа. Мы призываемъ этотъ комитетъ бороться за интересы русских эмигрантов въ Петербургѣ. Мы призываемъ этотъ комитетъ бороться за интересы русских эмигрантов въ Петербургѣ.

Мы призываемъ этотъ комитетъ бороться за интересы русских эмигрантов въ Петербургѣ. Мы призываемъ этотъ комитетъ бороться за интересы русских эмигрантов въ Петербургѣ.

Мы призываемъ этотъ комитетъ бороться за интересы русских эмигрантов въ Петербургѣ. Мы призываемъ этотъ комитетъ бороться за интересы русских эмигрантов въ Петербургѣ.

Наша борьба за свободу.

тории общественного движения в России за сто лет (1800-1896 гг.). В 1900 году стал издавать историко-революционные сборники «Былое» (со списком «Шпионы, предатели, провокаторы»), в 1907 составил «Историко-революционный альманах», вышедший в издательстве «Шиповник» и арестованный цензурой (переиздан в 1917 под названием «Календарь русской революции»). В. Л. Бурцев был идеологом своей газеты и автором большинства публицистических статей.

«Общее дело» издавалось в Париже с перерывами на время возвращения Бурцева в Россию (Парижские годы издания: 1909-1910, 1918-1922 и 1928-1933). В 1915 г. после сибирской ссылки В. Л. Бурцев начал издание «Общего дела» в Петрограде. После того как Временное правительство закрыло газету, он стал издавать «Наше общее дело». Бурцев предвидел события в России накануне переворота в октябре: в день 25 октября 1917 года весь тираж газеты с призывом «Граждане! Спасайте Россию!» был арестован. В мае 1918 года через Финляндию В. Л. Бурцев уехал из России. 29 августа 1919 года уже в парижском номере «Общего дела» ее редактор изложил свои неизменные убеждения. Они составляют кредо газеты, где ключевыми являются слова «борьба с большевизмом».

Основной темой «Общего Дела» является **борьба с большевизмом как мировым злом**. Мне хотелось бы, чтобы наши читатели ясно поняли, что эта **борьба для нас не случайна**, и не в Париже, как эмигранты, мы начали ее. С большевизмом, выразившемся в настоящее время в том, **что связано с именами Ленина и Троцкого, у нас борьба всегда была на первом плане**.

Я боролся с большевиками и в 1914-1917 гг., когда еще до революции они, по указанию немцев, разлагали и русскую и все союзнические армии, боролся с ними и после революции, когда весной 1917 г. Керенский раскрыв им всем широко двери во всю Россию. **С ними я боролся и после их переворота**.

Идея борьбы не только декларировалась. Для Вл. Бурцева она была делом **объединения сил русских с силами союзников** на поле мировой битвы с большевизмом. В решающем 1919 году, наряду с постоянными рубриками «Телеграммы», «Хроника», «Разные известия», «В Совдепии», «По Сибири», «Из петроградских писем», «Борьба с большевиками», в газете появилась рубрика «Союзники и Россия». Материал от 26 июня 1919 г. озаглавлен «Русский вопрос и иностранная политика Франции». Вопрос был поставлен ребром: союзники вы наши или нет? По существующим данным, газета «Общее дело» служила основным средством информирования заграницы о положении в России, об успехах белого движения.

Вл. Бурцев написал в газете большую часть ожесточенно кри-

тических статей о большевизме. Бывший народоволец, он к 1921 году эволюционировал вправо. Газета, которую создал Бурцев, была настолько обсуждаемой, что получила широкое распространение в эмигрантской среде. Ее пропагандистские приемы моментально распространялись и были восприняты «коренными» эмигрантскими изданиями²². Вл. Бурцев возглавлял информационное агентство УНИОН (Union). Отсюда в газете большое количество, даже по европейским меркам, новостных источников.

Разоблачение сущности большевизма была целью издания и целью ее редактора, знавшего «вождя пролетариата» лично. Бурцев опубликовал статьи, построенные на живых аналогиях: «Азеф и Ленин», «Ленин и Малиновский». Статья Бурцева «Азеф и Ленин» начинается с идентифицирующих имен-оценок, дейктически выстроенных поабзацно: «**Вот два проклятых имени!** (1-й абзац) **Вот два предателя родины!** (2-й абзац) **Обоих их будут вечно проклинать в России.** (3-й абзац). Для газеты характерна агрессивность литературных формул в роли словесного «клейма» по отношению к известным объектам именованию: **Звери! Малюты Скуратовы! В душе палачи!**

В 1918-1919 гг. самые прагматичные части текстов в газете – заголовки, зачины, концовки – уничижительно оценочны, аффективны, содержат обличительные аналогии: «**Накануне ликвидации большевиков**», «**Во власти Ноздревых и Собакевичей**», «**Горький на дне русской жизни?**» Некоторые заголовки отражают естественную для сомневающегося читателя реакцию. Так, сообщение об убийстве в тюремной больнице двух бывших министров Шингарева и Кокошкина озаглавлено вопросом-недоумением: «**И это правда?**» Прочитанный текст завершается таким же естественным для ошеломленного читателя заклинанием: **Проклятие, проклятие вам большевики!** (Од 1918, 20 окт.). Коммуникативная проекция на образ собеседника (неподготовленный читатель) выдает в авторе искушенного агенса общения и воздействия.

Смысл «преступление» и само слово не просто **ключевые** в оценке деятельности большевиков Вл. Бурцевым. Это идеологема, определяющая направление означивания в дискурсе и доминирующий в нем *сюжет*. Группы заголовков – референтов ситуации, интерпретируют положение в России как катастрофическое (вспомним аналогичное представление в нью-йоркской «Народной газете»). Настойчиво проводится стратегическая идея: консолидировать для борьбы с большевизмом все европейские силы. *Идеология крайнего неприятия* большевизма передается множественными повторами однородных смыслов, связанных с концептуализацией происходящего как 1) **насилия и гибели** («**Красный террор в Совдепии**», «**Массовый расстрел рабочих**», «**Расстрел дезертиров**»,

LA CAUSE SO

REDACTION: 49, Bd Saint Michel
Réception de 2 à 4 h.
ADMINISTRATION: 17, rue Cujas
Réception de 10 à 12 et de 2 à 6 h.
Tél.: Gob. 11-12. Aдр. télégr. Beurtzef-Paris

ОБЩЕЕ Д

Mercredi 2 Avril 1919.

Directeur politique V. BOUR

Во власти Ноздревых и Собакевичей

Голодь, грабежь, порка, пытки, убийства!

В советской России, в такт называемой, Совдепии, власть все еще находится в руках Ленина, Троцкого, Зиновьева, Нахамкиса, Ржавского, Петерса, Держинского и Ко.

Все эти господа сплошь — откровенные политические циники, сознательные предатели родины, немецкие агенты, тюремщики, грабители, палачи и убийцы. Свое дело они делают сознательно, с открытыми глазами. Все, что за последнее время произошло в России, лежит на их отбывственности и на отбывственности их партий.

Этих вояков большевикам окружают Дуначарские, Горькие, Шалинины, а за последнее время с.р. — Черновы, Вольские и им подобные. Они им славословят, поют, играют, кланутся в вбродности и всячески помогают им удержаться у власти.

Но Ленин, Дуначарский, Горький часто сами являются простыми выразителями воли тех, кого мягко называли Кедровский «заблудившимися рабами», и исполняют только волю толпы, — а руководители этой толпы действуют большею частью по им исключительно самым низменным, желудочным, эгоистическим инстинктам, как обыкновенно.

новенно действуют мелкие мошенники и крупные убийцы. Это — те Ноздревы и Собакевичи, с их безграничным цинизмом, алчностью, злостью, тупостью, о которых в свое время с таким негодованием говорил Герцен.

Этими то поддонками человечества и переполнены все совдепии. Они то и являются главными, истинными представителями советской власти в России в настоящее время. От них то и зависят все грабежи, разбои и все жестокости.

Этот большевизм — смертельный враг России, враг всего человечества, враг самого понятия права и справедливости.

С этим большевизмом Ноздревых и Собакевичей и с теми, кто является его выразителями, мы обязаны вести беспощадную борьбу, и он не может не быть раздавлен. Он будет раздавлен!

Мы получили ряд новых удивительных известий и документов о деятельности большевиков за время их господства в России.

Читатели «Общего Дела» все это прочтут в ближайшее время.

Вл. Бурцев.

Профессор Лаппе-Данилевский умер от голода!

Из Петрограда сообщают, что там в феврале этого года известный профессор, историк Лаппе-Данилевский умер... от голода!

«Каждый день, пишет известный английской публицист Гарольд Вильямс, мы узнаем о смерти кого-нибудь. Рядом с именами русских интеллигенции, а нам остается только прикинуть их мысли, что Петроград — город смерти и что каждый уходящий день уносит с собою кого-нибудь из наших друзей».

Покойный профессор Лаппе-Данилевский был членом Русской Академии. Это был, раньше всего, ученый, далек от политики и от практической жизни. Его знали и ценили за преданности России. Камбриджский Университет дал ему звание доктора.

Умер профессор Смирнов, авторитет по истории и искусству, хранитель Эрмитажа. Те, кто видели его в последние дни, говорят, что пламя и лицо его растрепали от голода. Профессор Липунов застрелился от отчаяния. Секретарь Академии, профессор Ольденбург, говорит, остался в спешке поэт, но пострадал и осужден на неузнаваемость. Между тем утверждают, что профессор преследовали, в общем, не больше, чем кого-либо, а комиссар по Народному Просвещению Дуначарский — их даже перевели в первую категорию, что дает им право на увольнение, т. е., рабочий паек, тогда как в третьей категории, в которой они, как известно, по праву, должны числиться, людей просто морят голодом.

Жутко читать эти известия из России...

Если проф. Лаппе-Данилевский, знаменитый русский ученый, умер в

«Расстрел за агитацию в войсках», «Расстрел за “кромольную” молитву», «Убийства в России», «Пытки в советских тюрьмах», «Петроград вымирает»); 2) разрушения и упадка («Дезорганизация жизни в провинции», «Разорение Туркестана», «Прекращение пассажирского движения в Совдепии», «Разруха и анархия все продолжают»; 3) массового сопротивления («Крестьянство и рабочие восстают против большевизма», «Восстание в Казани», «Заговор против большевиков в Киеве», «Народ против большевиков», «Восстания рабочих и крестьян против Советской власти», «Рабочие и крестьяне, недовольные диктатурой пролетариата»). В первых двух группах заголовков в качестве агенса или каузального обстоятельства текстовых ситуаций подразумевается власть, в третьей группе обозначенный или подразумеваемый агенс сопротивления — народ [проблемная оппозиция «власть/народ»]. В заметке под названием «Убийства в России» Вл. Бурцев пишет об установившейся норме: «расстрелы, бессмысленные, преступные расстрелы, стали обычным явлением русской жизни!» [оппозиция «социальная норма / антинорма»]. Газета публикует отрывки из частных писем, в которых слово «жизнь» связано с ощущением нереальности, «кажмости» происходящего. В порядке вещей скорее онтологическое «отрицание» жизни (то, что отрицает собою, своим существованием) жизнь». Отрицание выражается лексически и синтаксически в предикативных центрах высказываний. Фраза распадается в смысловом отношении на две части — тематически мотивированную жизнью и отрицательную. Общая картина мира складывается в рамках концептуальной оппозиции «жизнь/смерть». Ср. отрывок из письма в газете:

Жизнь в России — кошмар, какого не создавало даже воображение сумасшедших... Я уже потерял счет своим знакомым, которые застрелены или умерли от голода. Переписываться с Петроградом нет возможности. Редкие люди приезжают оттуда, но никто не едет туда...;

Нет никакой возможности переезжать из одного города в другой внутри России — все поезда железных дорог переполнены солдатами, все разбито, испорчено. Продовольствия почти нет, хлеб мы еще получаем по 3¼ фунта на два дня на человека, но и это приходит к концу. О ценах я и не говорю. Ни за какие деньги нельзя достать многого необходимого. Мы живем почти без освещения — нет электричества, нет керосина, почти без трамваев (...);

Редуют ряды русской интеллигенции, а нам остается только привыкнуть к мысли, что Петроград — город смерти и что каждый уходящий день уносит с собою кого-нибудь из наших друзей (ОД 1919, 30 июля).

Информационно-аналитический дискурс «Общего дела» подводит читателя к заключению, опровергающему распространенное мнение за рубежом. Ключевое утверждение Вл. Бурцева также

• Перед всеми союзниками сегодня мы ставим вопрос: Кто вы? – **Союзники наши или нет?** Мы ждем ответа на этот вопрос и этот ответ должен быть *не на словах, а на деле*. Он не может быть ни обещаниями, ни туманными общими местами.

В радикальной антибольшевистской газете концепт «большевизм» опосредован фреймом «преступление». Активируются знания, связанные с «юридическим процессом» в духе соотношения ПРЕСТУПЛЕНИЕ – НАКАЗАНИЕ. Риторические наименования охватываются рамочным представлением по четырем главным слотам: преступление, преступники, жертвы, спасение (защита).

СЛОТ преступление: сношения с врагом во время войны \ тайный союз большевиков с немцами \ большевистско-немецкий переворот \ иго насажденного германцами большевизма \ «диктатура пролетариата» (введенная большевиками) \ коммунизм в виде хищений, системы заложничества и многочисленных казней \ участие в большевизме уголовных элементов (а также бывших охранников и провокаторов) \ глубокое равнодушие к вопросу о выборе средств в осуществлении своих целей \ циничное осуществление идеи классовой борьбы в потоках крови (в неслыханных по бессмысленности насилиях и жестокостях) \ расчленение России \ разрушение промышленности (разрушение рабочего класса) \ эксплуатация широких масс незначительным меньшинством комиссаров \ расправа с представителями других партий \ беспощадный террор \ страшные репрессии отрядов красной армии; предавать родину (по различным мотивам) \ совершать предательство тайно \ действовать систематически, по известному плану (на людях, среди бела дня) \ делать свое дело сознательно (с открытыми глазами) \ совершать свои злодеяния открыто (на глазах всего мира) \ стоять на страже немецких интересов (не допускать восстановления восточного фронта против Германии) \ погубить русскую армию \ предать Россию и союзников (овладеть властью ценою измены союзникам) \ творить волю немецкого Ген. Штаба \

стать на путь «революционного авантюризма» \ предать самую идею социализма (полагая, что служат самым чистым возвышенным идеям социализма) \ дискредитировать веру в возможность демократии (в нашей измученной родине) \ привлечь цинизм всей своей партии \ арестовать патриарха Тихона \ ввести беспримерный в истории автократии порядок, основанный на насилии и гнете \ уничтожить свободу сходок \ отнять право голоса (у всех, кроме как у фабричных и беднейших служащих) \ объявить декреты под угрозой смертной казни \ восстановить пытку \ ввести вновь систему заложников (наказывать скрывшихся политических противников в лице ни в чем не повинных жен, дочерей, сестер и матерей их) \ запретить все несочувствующие газеты \ уничтожить даже самые примитивные формы правосудия \ убивать и расстреливать всех, кто стоит у них на пути (и правых и левых, социалистов и монархистов) \ развить гражданскую войну (с помощью немцев) \ пытаться открыто создать в Европе гражданскую войну \ отдать Россию на общее растерзание \ довести страну до вырождения

Красный террор в Совдепи.

Въ «Извѣстiяхъ» Ш. И. К. Съв. Кавказа Сов. Беспушкинъ отъ 2-го ноября напечатано:

На основанiи постановленiя Чрезвычайной Комиссiи по борьбѣ съ контр-революціонными организаціями и въ силу приказа № 3 отъ 8 октября, разстрѣляли слѣдующихъ лицъ:

- 1) генерала Руцкого,
- 2) князя Сергѣя Урусова,
- 3) князя Николая Урусова,
- 4) генерала князя Федора Урусова,
- 5) контр-адмирала кн. Кавкнста.
- 6) сенатора, барона Мейсема,
- 7) полковника Колосова,
- 8) полковника Каранова,
- 9) полковника Рыцова,
- 10) князя Леона Шаховскаго,
- 11) князя Вл. Шаховскаго,
- 12) министра путей сообщенiи Руслова.
- 13) министра Юстиціи Добровольскаго.
- 14) полковника Вязова,
- 15) генерала Коломакова,
- 16) полковника Ларманова,
- 17) полковника Букакина,
- 18) генерала Шелова,
- 19) полковника Исаковича,
- 20) полковника Савенка,
- 21) ген. лейт. Пирцова,
- 22) ген. лейт. Тохтелова,
- 23) ген. лейт. Перфильева,
- 24) ген. майора Исаевскаго,
- 25) полковника Васильева,
- 26) генерала Смирнова,
- 27) ген. майора Алексеевича,
- 28) полк. кн. Трубенкова,
- 29) полковника Николаева,
- 30) генерала Рудинскаго,
- 31) кушча 1-ой гильдiи Власова,
- 32) подполковника Федорова,
- 33) князя Федорова,
- 34) генерала Палмиско,
- 35) генерала Чижоскаго,
- 36) капитана Русанова,
- 37) генерала Милунова,
- 38) графа Вобринскаго,
- 39) генерала Бестафенко,
- 40) генерала Радко-Дамиріева,
- 41) генерала гр. Пенатьева,
- 42) генерала Мелендескаго,
- 43) ген.-лейтенанта Умакова,
- 44) полковника Тульча,
- 45) подполковника Вобринскаго,
- 46) полковника Учинскаго,
- 47) полковника Федиста,
- 48) генерала князя Бургалиона-Мурганскаго,
- 49) полковника Шедова,
- 50) поручика Мымивскаго,
- 51) полковника Сорокоженка,
- 52) генерала Поконькова,
- 53) полковника Ратковскаго,
- 54) дочь полковника Дерилазова,
- 55) полковника Буржудалова,
- 56) полковника Вильева,
- 57) ген.-майора Тринатматого.

II.

Чрезвычайная комиссiя по борьбѣ съ контр-революціей въ засѣданiи своемъ отъ 31-го октября постановила разстрѣлять слѣдующихъ лицъ:

- 1) Ф. Ник. Волкова,
- 2) полковника Евгения Случевского,
- 3) князя Павла Котковова,
- 4) Изворьяна,
- 5) офицера Кассерова,
- 6) Николай Волкова,
- 7) Владим. Волкова,
- 8) полковника Шульмана,
- 9) Бориса Косича,
- 10) офицера Ключкова, за неспвку по регистраціи,
- 11) полковника Александра Попова,
- 12) офицера Григорія Войтенко,
- 13) Алексея Шефростова,
- 14) офицера Павла Гутарова,
- 15) Антона Шалина,
- 16) Семена Куликовича,
- 17) сенатора Петра Николаевича Крашенинкова,
- 18) графа Вобринскаго,
- 19) Антоніи Кузнецова,
- 20) Паука,
- 21) Чернаго,
- 22) Боданова,
- 23) Граненко.
- 24) Ив. Коковлова,
- 25) Вас. Переверова.
- 26) Ив. Хондинова.
- 27) Вас. Буслова.
- 28) офицера Бардзаева.
- 29) кн. Тамбеева.
- 30) кн. Тамбеева-Мурава Векъ.
- 31) Сивко.
- 32) Суврина.
- 33) Якова Торова.
- 34) Ф. Попова.
- 35) Ив. Пиробичко.
- 36) Серг. Зайченко.
- 37) Алексея Шербака.
- 38) Владимира Карпанова.
- 39) Вас. Орлова.
- 40) Ник. Прокофьевича.
- 41) ерничника Ив. Ребухичко.
- 42) Мих. Мейрова.
- 43) Георгіи Мазанидзе.
- 44) Георгіи Косенкова.
- 45) Эльву Пелонскую.

Бальмонтъ о большевикахъ.

9 октября 1918 г. К. Д. Бальмонтъ читалъ лекцію въ Московскомъ Политехническомъ музеѣ. Послѣ окончанiя лекціи кто-то изъ слушателей спросилъ его, когда они окончатъ свой переводъ поэмъ Шота Руставели?

Бальмонтъ отвѣтилъ:

«Мои поэмы окончены, но она будетъ напечатана тогда, когда кровавыми руками, сжимающими горло Россіи разломается, и руки, удерживающія набираться, перестанутъ убивать».

Сторо послѣ этого инцидента Бальмонтъ выпустилъ книжку «Революціонеръ я, или нѣтъ?» Въ началѣ поэтъ говоритъ, что «принудительное обществденіе труда сеть паухудшій видъ духовной каторги и наиболѣе полное оскверненіе свободы личности». Далѣе онъ говоритъ по поводу нынѣшней большевистской диктатуры пролетариата: «сидятъ на цѣпи, на въ дворянскіе псы, которымъ не каждай денъ бросать корку хлѣба. Цѣпи разбиваютъ покатывающіе ихъ, и вотъ узя, не псы они болные — они волки, они биченная собака, рвущая своими обрызганными садиною зубами ту руку, которая ихъ освободила. Говорятъ о свободѣ и — замикаютъ своихъ товарищей въ тюрьму! Называютъ себя немущими и — сами, беря плату за кровь, беря плату за дѣнь, оцѣнивалъ на монету свои убійства, утопаютъ въ ростоичествѣхъ, вымогательствахъ и вѣткахъ!.. Говоритъ о братствѣ, а въ это время рѣжутъ чужое горло!»

Звѣри! Малюты Скуратовы! Въ душѣ палачи!

Нѣтъ, — того, что дѣлаютъ большевики, не дѣлаютъ и звѣри! До такого злѣвства не доходятъ и звѣри...

Нѣтъ! — Того, что дѣлаютъ большевики, не дѣлалъ и Малюта Скуратовъ... Ему далеко до Ленина, Троцкого, Нахамкина и всей ихъ компаніи!

Для того, чтобы позволить себѣ дѣлать то, что дѣлается большевиками, мало быть „въ душѣ палачемъ“ какимъ былъ Малюта, — надо при этомъ, быть идиотскимъ циникомъ, какъ Ленинъ, и имѣть за собой такую партію, какъ большевики.

Малюта, по словамъ нашего поэта, былъ „въ душѣ палачъ“, но по размѣрамъ своихъ злодѣйствъ и по ихъ уточненности ему далеко до русскихъ большевиковъ. Свои злодѣйства онъ совершалъ въ четырехъ стѣнахъ тюрьмы и не хватался ими въ жидовской печати. Большевики совершаютъ свои злодѣйства открыто, на глазахъ всего міра, для ихъ защиты создаютъ специальные почтатные органы и защищаютъ ихъ на своихъ конгрессахъ.

Въ слѣдующемъ номерѣ „О. Д.“ мы приведемъ выдержки изъ официальныхъ отчетовъ Моск. Чрезв. Комиссіи, напечатанныхъ въ ихъ органѣ. Эти документы не говорятъ намъ

ничего новаго. Они только дополняютъ то, о чемъ мы много разъ говорили раньше.

Все, что въ нихъ говорится о злодѣйствахъ Московской Чрезвычайной Комиссіи, великолѣпно известно и Ленину и Троцкому и Нахамкису.

Въ ихъ рукахъ имѣются не только номера журнала Московской Чрезвычайной Комиссіи, о которыхъ мы говоримъ, но и очень много другихъ документовъ, которыхъ у насъ нѣтъ. Обо всемъ этомъ они знаютъ гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ мы. Если же они тѣмъ не менѣе идутъ дальше по этой дорогѣ, то они дѣлаютъ это вполне сознательно.

Да — это звѣри! Это — Малюты Скуратовы! Это — „въ душѣ палачи“!

Въ моей прошлой деятельности мнѣ часто приходилось вести систематическую агитацію противъ бывшаго въ Россіи царскаго правительства. Я много разъ писалъ и въ русской, и въ европейской прессѣ по поводу его арестовъ, тюремъ, цензуры, ссылки безъ суда, казней, по поводу якутской исторіи (1889 г.), по поводу исторіи Вятровой (1898 г.), разстрѣловъ рабочихъ, краснаго воскресенія 1905 г. и т. д. Много пи-

сь, особенно послѣ въ объединенныхъ Штатахъ не принявъ представителямъ много бы то ни было правительства. Къ завлеченію этого господина, претендующаго на званіе представителя правительства большевиковъ въ Нью-Йоркъ, слѣдуетъ поэтому относиться съ чрезвычайной осторожностью.
(Union)

салъ я и противъ его Гартингера и Азеева, его охранниковъ и тюремщиковъ и въ настоящее время я не беру назады ни одного слова изъ того, что обо всемъ этомъ я тогда писалъ. Все это я тогда писалъ во имя пріобрѣтенныхъ всей предшествующей борьбой демократіи правъ человѣка и гражданина, ставшими неизлечимыми пріобрѣтеніями для всѣхъ насъ.

Если бы мнѣ пришлось еще разъ переживать то, что я переживалъ при царизмѣ, то я и теперь снова повторилъ бы объ этомъ то же самое, что писалъ тогда.

Но нужно прямо сказать, что въ сравненіи съ большевиками царскіе жандармы и царскіе судьи, о которыхъ я говорилъ тогда, — мелкіе преступники, и то, что Россіи приходилось переживать при царизмѣ, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что ей приходится переживать теперь при большевикахъ.

Но въ настоящее время мы можемъ быть вполне увѣрены въ томъ, что царствованіе большевиковъ не будетъ столь долговѣчно, какъ старый режимъ.

Свободная Россія скоро набавится отъ большевиковъ со всеми ихъ Чрезвычайными Комиссіями.

Вл. Вурдевъ.

СЛОТ жертвы: целый класс (*буржуазія*) \ пролетариат \ пролетарские организации \ рабочие (*голосовавшие противъ большевиковъ*) \ демократы \ социалисты \ кадеты \ министры Первого временнаго правительства \ ответственные работники \ старые революционные борцы \ «контрреволюционеры» \ священники \ русские офицеры \ офицеры-белогвардейцы \ тысячи мужчинъ и женщинъ \ жертвы массовыхъ расстреловъ \ беженцы \ заблудшие \ невинные жертвы (мученики) \ вся страна \ больная Россія (*изуродованная, обнищавшая*)

СЛОТ спасение (защита): спасение Россіи только в союзѣ \ союзъ всехъ русскихъ государственныхъ партий \ образование сильной внепартийной диктаторской власти в Россіи (*действующей в тесной связи и в полномъ согласіи с союзниками*) \ борьба с большевизмомъ какъ мировымъ зломъ

вести бесплощадную борьбу \ спасти Россію и устроить ее на новыхъ основаніяхъ \ служить делу спасенія родины (*отдать Россіи все*) \ пойти противъ испытанныхъ враговъ и восстановить честь Россіи \ нести личную ответственность \ потребовать отчета отъ всехъ большевистскихъ деятелей \ предать суду (*ихъ место на скамье подсудимыхъ*) \ понести должную кару \ сделать правильные выборы в Учредительное Собрание \ работать в нормальныхъ правовыхъ условияхъ

Редакторъ газеты «Последніе новости» П. Н. Милюковъ в 1933 году призывалъ къ «нейтралитету» эмиграціи по отношенію къ внешнеполитической деятельности пріютившихъ ее европейскихъ странъ («Милюкова костятъ» [Абызовъ 1990 : 186]). Оппозитивность отношеній внутри эмигрантскаго представительства в Европѣ лишній разъ подтверждаетъ неоднозначный характеръ интерпретаціи происходящего в Россіи на разныхъ территорияхъ русскаго зарубежья. Слѣдуетъ отметить, что степень включенности политизированныхъ группъ эмиграціи в борьбу с большевизмомъ во многомъ была детерминирована опытомъ личной жизни, в частности, личными связями главныхъ идеологовъ антибольшевизма с источниками поддержки внутри и вне Россіи. Со страницъ радикальныхъ газетъ «Народная газета» (Нью-Йоркъ) и «Общее дело» (Парижъ) читатель выноситъ впечатленіе устрашающей катастрофы, грозящей охватить весь миръ, не одну Россію. Вскрывалась для многихъ в Европѣ неочевидная угроза идеологической позиціи с противоположеніемъ «гибнущая Россія/ нашъ миръ».

По-своему и н о е пониманіе картины действительности в **1917-1920-х гг.** представляетъ читателю берлинская эмигрантская печать. В Германіи находилось больше всего русскихъ эмигрантовъ по разнымъ причинамъ. **Берлинъ** еще при царизмѣ былъ притягательнымъ местомъ для учебы и проживанія русскихъ. Число студентовъ изъ Россіи всегда было такъ велико, что в началѣ XX в. были разработаны специальные правила приема российскихъ подданныхъ [Фрейнкман-Хрусталева, Новиковъ 1995 : 47-48].

СЛОТ преступники: преступники по отношенію къ Россіи \ предатели родины (*внутренние \ сознательные*) \ провокаторы \ шпионы и немецкіе агенты среди большевиковъ \ агенты Вильгельма II (*сознательные или бессознательные, невольные выразители воли Вильгельма II*) \ Совет рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ (погубившій Россію) \ совдепы \ циники-фанатики (*откровенные политическіе циники*) \ вожаки большевизма \ ответственные большевистскіе деятели \ ряд виднейшихъ социалистовъ (*с Ленинымъ и Троцкимъ во главѣ*) \ представители советской власти в Россіи (*главные, истинные*) \ все те, кто такъ или иначе принималъ ответственное участіе в этихъ преступленіяхъ \ Чрезвычайная Комиссія большевиковъ \ опричники \ ярые «співробітнікі» \ тюремщики \ грабители \ палачи и убійцы (*подонки человечества*) \ знаменосцы дикой толпы (*ее послушные белые рабы*) \ генералы и офицеры, служащіе в красной арміи \ те, кто, находясь среди насъ (*по сю сторону Ленина*), занимаютъ положеніе статиста \ помощники (*явные или тайные, сознательные или бессознательные*) \ явные историческіе враги \ немцы и австрийцы с ихъ агентами (*о Ленине и Троцкомъ, Винниченко, Петлюре, Радеке, Грушевскомъ и др.*)

ставлена несколькими номерами за 1917 год. Заглавия даются параллельно на русском и немецком языках. Газета проводила политику разоблачения царского режима в России, а затем и деятельности Временного правительства под руководством Керенского. Напротив, по отношению к большевикам и Германии, их подерживающей, «Русский вестник», занимает позицию защиты.

«Русский вестник» – единственная эмигрантская газета в собрании РНБ С.-Петербурга, в которой мы обнаружили оперативное сообщение об октябрьском перевороте в России. Динамичное изложение соответствует статусу «горячей новости» и быстрой смене событий в самой действительности с активной ролью в ней большевиков. В составе высказываний большевики играют роль агенса, которому соответствуют предикаты политических действий:

Переворот в Петрограде.* Большевики **низвергли правительство Керенского, **взяли управление** страной **в свои руки** и **арестовали** бывшее Временное Правительство. Керенский скрылся. Большевики **высказались за немедленное заключение мира**.

Ниже в короткой заметке под рубрикой «Из содержания номера» наблюдаются 1) саркастическая тональность лексики в отношении к Керенскому и 2) предусмотрительность сдержанных оценок в отношении к действиям большевиков [оппозиция «Керенский» ⁽⁻⁾ / «большевики» ⁽⁺⁾].

В Петрограде большевики **забрали в свои руки власть**. При этом также текла кровь, **но не вследствие шага** большевиков, // а из-за всеобщего хаоса случайностей, так как в революционные дни все преступники были выпущены на свободу, и потому, что прославленный Керенский не был в силах решить принятую на себя задачу. **Большевики сняли с дерева созревший плод** [РВ 1917, 13 ноября].

Следующая короткая информация выступает как разоблачение, благодаря язвительному заголовку и смысловому противопоставлению двух частей (интонационному, абзацному, точек зрения).

Распродажа России.* Американская газета «Associated Press» сообщает, что русское правительство **готово предоставить значительную часть русских копеек и рудников **в распоряжение** северо-американского капитала. Кроме того, член американского посольства ведет переговоры с министром земледелия, чтобы **достигнуть не только** монополии северо-американских земледельческих орудий в России, **но и завладеть** путем покупки или аренды государственных уделными землями.

Откровенно! **Где же земля, предназначенная к разделу между крестьянами?** [РВ 1917, № 172; разрядка в примерах из этой газеты здесь и далее дана по первоисточнику. – Т. К.]

Начатое в соответствии со стандартами телеграфной информации сообщение наращивает отрицательные смыслы в предикатах высказываний. Они входят в противоречие с концовкой в форме запроса сведений. Но запрос этот условный, иронический: он лишь намеком указывает на известный факт, обещание правительства. Оппозитивно-оценочный контраст – предметно-смысловой и стилистический (делов./ лит.-разг.), модально-оценочный (усиленное утвержд./иронич. вопрос) – выдвигает в поверхностную структуру высказывания две разные точки зрения и два разных субъекта пользы (оппозиция «власть капитала/народ»).

Материал газет подтверждает данные исследований языка эпохи об активизации в речи процесса оценочного именования. Даже один публицистический текст в газете «Русский вестник» (статья **Новое кровопролитие*) дает читателю целую серию разностилевых глаголов именования: *называть, величать, обзывать, обругать*. Комментируются распространенные факты именования Керенского *героём*. Это имя иронически трансформируется: словоизвержение оратора связывается с предосудительным по умыслу своих речей действием Керенского-политика [оппозиции «называние/умолчание», «дать народу успокоиться»/«гнать в огонь и смерть»].

Он **гов о р и т** **зажигательные речи** на фронте и вследствие этого его величают **героём**. ... **Все заграждающее** Керенскому **пути к власти**, он **называет анархией**, а **у м а л ч и в а е т** о настоящей причине внутренних беспорядков, состоящей лишь в том, что он *не дает русскому народу успокоиться и оправляться, а продолжает гнать его для французов и англичан в огонь и смерть*.

В следующем высказывании вскрываются субъективированные *идеологией защиты большевизма* имплицитные противоположения «большевики»⁽⁺⁾/«противники»⁽⁻⁾, «важное дело»/«ложное слово».

Большевики, энергичнее всех **отстаивающие** стремление русского крестьянства к миру и требующие надела земли (...), – большевики **были обруганы** «германские агенты». А **Троцкий**, с которым англичане обращались с невероятной наглостью? Проехал ли он тоже через Германию? **Разве и он германский агент**, // **потому что он заступает за мир и стремится избавить русский народ от нового русского похода?** (РВ 1917, 28 июля).

Газета «Русский Вестник» была союзником большевиков в политике прекращения военных действий в 1917 году. Она делает попытки снять враждебную конфронтацию «русский народ/германцы» софизмами, например: *...Вот и возобновилась война. Но германцы и австрийцы ведут ее не против русского народа и его тоски к миру, а против нападавших*. Возбуждение неприятия к позиции русского правительства передается самым

дений с фронтов русских Национальных Армий», «Юг России под властью большевиков», «Ненависть революции к христианству», «Керенский и большевизм». Для широкого круга читателей предназначалась рубрика «Беседы с ближними», из номера в номер печатались «Записки беженца». Газета публикует «Воспоминания из недавнего прошлого» и дает (аналогично шведскому «Скандинавскому Лист-ку») культурно-исторические очерки на тему «Русский мир и Германия».

Информационная часть была обеспечена не только обычными для газет, но и частными источниками. Не случайно «Призыв» помещает ответное объявление редакции в связи с запросами авторов по поводу присланных статей или с просьбами о возврате рукописей. Редакция входила в контакт с людьми, которые «нет-нет, да и прорвутся через большевистский кордон на волю». В качестве источников использовались большевистские газеты: «несмотря на присущую им в чрезвычайной степени официальную ложь, они не могут все же скрыть всей правды». Традиционной для издания стала небольшая передовая статья (2-3 столбца), где отмечались важные даты, публиковались редакционные соображения по поводу текущих событий или столкновения мнений.

(Пр₂ № 125) **Скоро минет год как мы огласили Берлинские улицы русским говором** и заполнили здешние гостиницы и пансионы так, что, **несомненно, любезным хозяевам нашим стало и теснее и труднее жить**; особенно в прошлую зиму, вследствие ограниченного количества съестных припасов и общего квартирного кризиса, переживаемого Берлином.

(Пр₂ № 138) **На столбцах нашей газеты мы постоянно высказываем уверенность** о грядущем возрождении великой и могучей России.... **Со стороны многочисленных наших явных и тайных врагов** такая уверенность вызывает глумливые и злорадные насмешки...

Газета регулярно публикует телеграфные сообщения агентства УНИОН и включает перепечатки со ссылкой на газету «Общее дело». Часть заголовков соответствуют общей для радикальных газет тенденции обозначать происходящее в России с помощью интенсификаторов: «Кошмар Петрограда», «Кошмар Одессы», «Из мертвого города» (жизнь в Петрограде со слов иностранца), «Жуть отчаяния». Последний заголовок мотивирован в зачине указанием на частный источник: «*Русская жизнь*» **приводит на своих столбцах письмо, полученное из Петрограда, от каждой строчки которого веет невыразимой жутью и нечеловеческими страданиями**. Добавим, что аффектированность **эмигрантских газет в эпоху кризиса** отвечает общей для языка русских тенденции к сильным выражениям²⁴. По мнению исследователей, культурная разработанность и лексический состав языка связаны; «язык, может быть», как это сформули-

ровал Сепир, – путеводитель в «социальной действительности», т.е. руководство к пониманию культуры в широком смысле, включающем образ жизни, мышления, чувства» [Вежицкая 2001 : 29].

Публикации о России в газете «Призыв» делятся на две основные группы: 1) известия; новые факты с комментариями очевидцев и публициста, 2) обсуждение коренного вопроса российской трагедии: как все это могло случиться.

(1) Группа публикаций первого рода отличается стремлением к изобразительной подаче сообщаемого. «Картина мира» дается в деталях, производящих впечатление своей неординарностью и абсурдностью:

(Пр₂ № 78) Кому **хорошо живется** в Петрограде – так это **зверям** из Зоологического сада, которых обильно **кормят**... человеческим мясом. <...> Обыкновенно к часу кормления зверей из различных мертвецких **доставляются** трупы, которые тут же **рубятся** на куски и **бросаются** **зверям** в клетки. *Особенно много умирают людей по большим тюрьмам, где арестованных кормят лишь однажды невообразимой бурдой, именуемой супом. Ни хлеба, ни кипятка не дают.*

Изложение строится на предикатах а) неволевительной семантики (*живется*) или б) на безличных глагольных формах, которые рисуют происходящее как случающееся по обыкновению.

Повествование о событиях в России часто дается в сопоставительно-перечислительном режиме, предикатами с семантикой претерпевания, в то время как субъект-объектные именованья символизируют претерпевших (жертву):

Как и в первые века христианства, те, кто провозглашал свое безверие, **обратились против** церкви. Первым делом – церкви **были ограблены**; драгоценные священные сосуды частью **разворованы и проданы** на сторону. Исторические драгоценности <...> **погибли**. В Александроневской лавре **устроен** кинематограф и демократическая ночлежка. Более половины церквей в Москве **заключены**.

Глаголы, в предикативной функции характеризующие групповые действия лиц из народа (крестьян, юродивых, жителей городов), в своей глубинной семантике передают не акциональность, а **претерпевание состояния глубокой заторможенности** [скрытая оппозиция «динамизм/стагнация»]:

Крестьяне, в особенности старики, **ждут конца мира**. По России из конца в конец **бродят** различные «странники» и юродивые, к рассказам которых всегда особенно **внимательно прислушивались** и крестьяне и жители городов, и эти Божьи люди **шепотом вещают** о скором пришествии **антихриста** (*Гонение на Церковь Христову).

(2) В публикациях второго рода обсуждаются причины российской трагедии. В передовых столбцах газеты «Призыв» от 5 дек. 1919 года приводится перепечатанная из «Общего дела» статья «Керенский и большевизм». Согласно перепечатанному, Вл. Бурцев пишет: «В интервью, данном на днях сотруднику большевистствующего “Daily News”, Керенский сильно нападал на русских патриотов Колчака и Деникина. Он называет их отъявленными реакционерами... Как бы случайно Керенский обходит молчанием большевиков, будто бы не они являются главными виновниками несчастий, постигших Россию» [оппозиция «называние/умолчание»]. В статье Бурцева большевики названы «изменниками», «палачами», «преступниками», которые погубили и разорили Россию. «Все они обгарены кровью. С ними невозможно никакое примирение». И наоборот, имена Колчака и Деникина у Бурцева связаны с «великими и дорогими нам принципами справедливости и свободы, во имя которых совершается восстановление России».

По всей видимости газета «Призыв» солидарна с мнением Вл. Бурцева, который считает виновниками бед России большевиков и «полубольшевиков, подобных Керенскому». Однако в отличие от крайне тенденциозного «Общего дела» газета «Призыв» направлена в большей степени **против «керенщины»**. Именно это понятие обсуждается и негативно трактуется в разных аспектах — как политическое и как житейское. В обоих случаях «керенщина» противоречит морально-нравственной основе, даже гуманистическому началу, что привносит в речь модальные оттенки глубоко скрытого сожаления и ярко выраженного обличения.

1) *Субъективизированная политическая трактовка*. «Керенщина» ассоциируется с разрушением жизненного уклада, страны и в целом с развитием большевизма. Выявляются оппозитивные структуры идеологического несоответствия, которые олицетворяют идейную разруху: несоответствие искаженного на практике смысла преобразований и существа революционной идеологии [оппозиция «революционная идеология/практика»]:

Всё приводит меня к заключению, что в нашей **российской разрухе** никто так не виновен, как **сами русские люди** [алогизм соответствия]. Самым ужасным режимом был режим «Временного правительства», с которым связано **начало разрушения** России и **развитие** большевизма. **Все было возвращено, все взбудоражено, все ходило злым и завистливым** [генерализация; эмотивность].

Эти бесконечные митинги на углах улиц, где вид прилично одетого **человека** или шляпки **повергал толпу в дикую злобу** [оппозиция «человек/толпа»; эмотивность]. Только и слышались речи о том, что дома у **имущих отнимутся**, помещичьи земли **крестьяне возьмут себе**, банки будут **разграблены**, **фабрики будут принадлежать рабочим**, которые могут **поделить капиталы** и **не работать** [алогизм несоответствия].

Записки бьженца.
Продолжение "»

«Юванкиа» отправил из штаба генерала Дуркина — вот что сообщает Петя Цере иль тут же даю в ответ. Какое это дело прозвучало. Никуда не ездить, что могут расстрелять только за одну возмутительную фразу, озвученную на улицах Петрограда во время бурной борьбы:

«А как хорошо можно было пасть на Юге?.. Господа, как хорошо было теперь на Юге! — купил сам, захотелось (но тайна же, прибавлял он, никто) поехать поехать в омлагу, в Омскую губернию, там же находится влиятельный человек, который через нас поведает тебе, как Юванкиа угодил в Красную армию». Петя продолжил как в дурной шпильке; говорил так, что толпа-то его и прогнала и пошла домой, но она опять сидит в порыве, так как он по-прежнему еще остаётся. Он писал, писал, что приходит какой-то «бундшман» и говорит, чтобы «бундшман» и в-дальше, без помощи ораторских искусствения делала каждую заблуждение, в случае если кто-нибудь из них, кто-нибудь из них.

9) См. «Призыв», № 114, 125 и 126.

Был этот человек обидчив, что происходило до послышания иль это было-таки разрыв. Такие расстрелы несли практику в Москве, а также в Омске, и притом так, что это уж совсем не было притворным поведением. Иногда мне приходилось видеть, как кто-то в бурные времена в предостережении и оказывал оживлённый расстрел, особенно во время, когда видели «еще довер».

Убоялся, обильно, из-за революции, вступил в движение, так же, как и другие. Петя продолжил, что это было-таки разрыв, и говорил, что это было-таки разрыв, и говорил, что это было-таки разрыв. Петя продолжил, что это было-таки разрыв, и говорил, что это было-таки разрыв.

Ваш этот человек обидчив, что происходило до послышания иль это было-таки разрыв. Такие расстрелы несли практику в Москве, а также в Омске, и притом так, что это уж совсем не было притворным поведением. Иногда мне приходилось видеть, как кто-то в бурные времена в предостережении и оказывал оживлённый расстрел, особенно во время, когда видели «еще довер».

Убоялся, обильно, из-за революции, вступил в движение, так же, как и другие. Петя продолжил, что это было-таки разрыв, и говорил, что это было-таки разрыв.

Ваш этот человек обидчив, что происходило до послышания иль это было-таки разрыв. Такие расстрелы несли практику в Москве, а также в Омске, и притом так, что это уж совсем не было притворным поведением. Иногда мне приходилось видеть, как кто-то в бурные времена в предостережении и оказывал оживлённый расстрел, особенно во время, когда видели «еще довер».

Убоялся, обильно, из-за революции, вступил в движение, так же, как и другие. Петя продолжил, что это было-таки разрыв, и говорил, что это было-таки разрыв.

Всеми этими идеями **несчастные темные массы вдохновлялись** существовавшим правительством, в котором сидели такие *большевики-разрушители*, как Чернов, Авксентьев, Керенский и даже *несчастный Шингарев, который не ведал, что творил* [амбивалентность оппозиции «образ разрушителя/образ несчастного»; эмотивность].

2) *Субъективированная житейская трактовка* «керенщины» связана с нарушениями правил коммуникативной этики – нарушениями, ассоциированными с образом оратора Керенского: «Мы опять развели *керенщину*, не уважая чужого мнения, перебивая, противореча». Однако и эта трактовка окрашивается косвенно политизированным контекстом общения, характеризуя действия оппозиционеров не только в борьбе с противником [оппозиция «враги/друзья»], но и в стане друзей [оппозиция «единомышленники/ложные попутчики»].

И в то время, когда все эти **враги России напрягают все свои силы, чтобы склонить** на свою сторону Антанту, **русские социалисты и «демократические» круги**, объявляющие себя также противниками большевиков, **не находят ничего лучшего, чем вести усиленную газетную и устную травлю** адмирала Колчака и генерала Деникина и **пропаганду** восстановления в России «демократического» строя, то есть, попросту говоря, – **«керенщины»**.

3) Другим идеологическим отличием берлинской газеты «Призыв» на фоне радикальной газеты «Общее дело» была *своеобразная прогерманская идеология*. Ее экономические основания указывались выше. Но определенно существовали и человеческие взаимоотношения, благоприятствующие такой *жизненной идеологии*. Гневные обличения (со стороны газет «Общее дело» и «Народная газета») германских властей в их связи с большевиками были построены на политических и морально-нравственных постулатах «нелжи», «нелицемерия» и т.д., которые были нарушены. Напротив, идеологические мотивы благодарного отношения к германцам в газете «Призыв» распространяются на людей (включая военных), которые сочувственно отнеслись к нуждам русских беженцев [субъективированное снятие оппозиции «свой/чужой»]. Приведем высказывания с модальностью благодарного приятия такого отношения немцев к русским в Германии:

• Очень многие из нас **не только тем, что живем** в Берлине, но и вообще **тем, что еще живем** [оппозиция «жизнь/смерть»], обязаны отзывчивому, благородному отношению к нам возвращающихся на родину Германских войск, которые, *несмотря на собственное тяжкое и опасное положение*, как **настоящие воины-рыцари не захотели нас оставить, беспомощных и беззащитных** [оппозиция «эгоизм/альтруизм»].

• Мы помещаем в нашей газете настоящую статью, дающую, с одной стороны, **образчик** «просвещенной» и «благодарной» деятельности *наших партийных фанатиков, взявшихся было за дело благодетельствования России*, а с другой стороны, **пример истинного** государственного разума и рыцарства, проявленный молодыми немецкими офицерами [оппозиция «фанатики-большевики/немецкие офицеры»].

• Получаемый от этого доход был передан, согласно *приказу коменда-туры, русскому союзу инвалидов*. Само собой разумеется, что с тех пор между *нашими инвалидами и немецкими военными кругами* установились близкие, сердечные отношения [субъективированное снятие оппозиции «свой/чужой», «эгоизм/альтруизм»].

На фоне субъективированного отождествления положений двух стран (России и Германии) наблюдается **мифологизированный как возможность** перенос опыта и житейских свойств германцев на «русское пространство» жизни и отношения народа к родине. Этническая, в своей пропагандистской основе, оппозиция «германцы/русские» дается в ее разовом преодолении:

Находясь сейчас в стране, которая переживает тождественное положение с нами, я вижу, что она может служить **нам** примером.

Они сделают все, чтобы справиться со своей разрухой **самим** и вывести родину на светлый путь [генерализация].

Ну попробуйте же и вы, русские люди, приникнуться разумом, *отрешитесь от эгоизма и подчините хоть раз дряблкое тело сильному духу* [оппозиции «патриотическая любовь/эгоизм»; «сила/слабость»; «тело/дух»].

В заключение аналитического обзора приведем суждения, ставшие определяющими для жизненной идеологии русских эмигрантов впоследствии. Они высказаны от обобщенного лица в публикации под идентифицирующим названием «Эмигранты» (Пр₂ 1919, № 40). Это публицистическое выступление посвящено драматической оценке положения русской культуры в чужой среде. Отметим теперь уже очевидное: *острота выступления создается комплексным выражением многозначцей в русском ментальном мире оппозитивности; формация этого преобладающего в сознании дискурса определяет текстовое смыслопорождение*. Ниже подразумеваемое идеологическое противоположение проводится в тексте риторическим акцентированием негативной канвы утверждаемого с помощью оценочной лексики, приемов параллелизма, антитезы, смысловыми повторами, градацией.

Мы все **одичали** [оппозиция «культура/одичание»]. Мы живем во внешней оболочке иностранной культуры, принимая ее как должное и пользуясь **не духовными, а лишь внешними** благами **чужой** цивилизации, **забываем о необходимости** строить **свою** [оппозиции

«дух/тело»; «свой/чужой»]. Русская культура, *глубоко мирная* по зачаткам и по характеру своему, **гибнет безвозвратно** [оппозиция «мир/конфронтация»; «жизнь/смерть»].

Русские люди, сидящие в других странах, говорят слова, спорят о способах устройства России, утомляют друг друга схоластическими формулами [оппозиция «единство/разноречие»] ... Неумелыми руками взялись мы за огромное культурное дело. Русская общественная мысль **рассеялась** по всему свету и в **разных** центрах, в Париже, Лондоне, Гельсингфорсе, галдела **по-разному** [оппозиция «единство/рассеяние»].

Автор ставит здесь тот главный вопрос *о единстве русского мира и культуры*, который стал ведущим в понимании идеи с л у ж е н и я России и неделимой русской культуре в эмиграции (см. Приложение, подраздел 1).

Газета «Голос России» (Берлин 1919-1922) – «орган русской демократической мысли», издавалась после окончания мировой войны, но в разгар Гражданской. В центре внимания газеты в 1919 году – информация о событиях в России и вокруг нее. Большое место занимала военная хроника («Военные известия») и материалы, связанные с судьбой русских военнопленных. Газета призывала к сбору пожертвований, публиковались тексты обращений («Помогите нашим военнопленным!»), заявлений (германское заявление о «положении русских военнопленных») и т.п. Здесь же находим заголовки антибольшевистской направленности: «Германские проекты борьбы с большевизмом», «Деникин и окраины», «Высылка из Америки русских большевиков» (далее в тексте «экстремистов»). Регулярно помещаются сведения о положении дел в бывшей столице России: «Вести из Петрограда», «Новый антибольшевистский заговор в Петрограде» и др. Источниками служат очевидцы и доступные материалы петроградских газет.

Публикуются статьи, посвященные вопросам будущего России. В идейном отношении показательна статья Н. Русанова с акцентированным этнически названием «Русская проблема» (№ 251). В ней отстаивается право русских на решение вопроса власти собственными силами и демократическим путем, исключая любую диктатуру.

Борьба с большевизмом должна быть делом самих русских, но русских, настроенных **искренне демократически**, которые отвергают **реакционные** взгляды и **насильственные централистические** способы царских генералов [оппозиция «диктатура/демократизм»].

В традициях русской сатирической печати написан фельетон «Князь Пожарские», нацеленный против сторонников радикального способа решения проблемы и против адмирала Колчака. Как известно, левый фланг политического спектра России, ходом рево-

люции заброшенный в антибольшевистский лагерь, не меньшим, чем большевики, злом продолжал считать монархистов, возражая против диктаторских методов адмирала Колчака. Этой позицией названная газета отличалась от радикальных изданий. В целом политизированный дискурс «Голоса России» можно отнести к умеренному антибольшевизму.

Ограничиваясь кратким обзором идеологических тенденций в газете «Голос России» по материалам РНБ в С.-Петербурге, мы не можем не обратиться к работам, где эта же русская эмигрантская газета характеризуется по другим источникам. В электронной Библиотеке Центра экстремальной журналистики²⁵ размещена публикация А. В. Лысенко «Голос Изгнания: Становление газет русского Берлина и их эволюция в 1919-1922 гг.». Автор приводит цитату из газеты, отмечая, что после падения армии Врангеля и триумфа большевиков, похоже, возникла ностальгия по недавним, хотя и очень тяжелым военным годам: «Эпоха страшной мировой войны была все же во многих отношениях прекрасной эпохой, – читаем в передовой статье «Голоса России». – *Тогда еще были идеалы. Тогда люди мечтали еще о светлом будущем, когда воцарится мир и спокойствие, и отношения народов будут регулироваться новыми совершенными законами. Казалось, уроки прошлого дадут свои богатые плоды. Государственные и политические деятели обеих сторон неустанно возвещали человечеству возвышенные принципы, по которым они воссоздадут гибнущий мир, как только будет повержен в прах противник и завоеван мир.* Но вот мир настал – поистине печальный мир! Мечты рассеялись в прахе, идеалы разбиты, благие намерения куда-то исчезли»²⁶ [курсив наш. – Т. К.].

Обратимся к эмигрантской газете, вышедшей на территории Чехословакии. Здесь правительство активно содействовало переселению в страну квалифицированных беженцев из других стран. Как известно, в дальнейшем **Прага** стала научным центром русской эмиграции. В 1922 году после высылки из России здесь год работал в Русском университете Питирим Сорокин. В Праге он подготовил рукопись монографии «Социология революции» (опубликована в 1925 г.). В предисловии к американскому изданию 5 декабря 1924 года П. Сорокин отмечал одну особенность своей работы: «Описывая последствия русской революции, я в подавляющем большинстве случаев пользовался данными, сообщаемыми большевиками. Не потому, что коммунистическая статистика внушает большое доверие, – просто я хочу быть объективным. Коммунисты, занимающиеся сбором статистических данных, пытаются избежать преувеличения негативных итогов революции. Во имя той же объективности я снабдил книгу некоторыми замечаниями и текущими

данными, которые были мне недоступны, когда я собирал материалы для этой книги и работал над ней» [Сорокин 2005 : 594]. Это суждение свидетельствует о позиции объективированного равновесия, к которой стремился (и должен стремиться) ученый.

По воспоминаниям М. Цветаевой, жизнь в Праге была трудной, не такой как в Берлине в лучшее для русских эмигрантов время. По данным РНБ газета «Русское дело» (Прага 1919-1920, окт.) существовала недолго. Вспоминаются слова Глеба Струве, который говорил, что русские газеты вырастали повсюду как грибы, «но и жизнь их была грибная, короткая». «Русское дело» выходило три раза в неделю и было политизированным изданием. Здесь размещалась обширная политическая информация, включающая перепечатки из других газет. В собрании РНБ «Русское дело» представлено № 71 за 1919 год и шестью номерами за 1920 год (5, 8, 18, 19, 105, 108).

Основные рубрики: «Политическая хроника», «На большевистских фронтах», «Комментарий Amicus'a», «Экономический отдел». Газета удовлетворяла интерес русского эмигранта к вопросам межгосударственных отношений России. Заголовки: «Россия и Польша», «Отношение России к Англии и Франции», «Румыния и Бесарабия» (с ироническим подзаголовком «К двухлетнему юбилею захвата Бесарабии румынами»). В 20-м году публиковались сообщения из русских источников об экономических сдвигах в хозяйственной жизни Советской России, о починах большевиков. Характерное название статьи: «Большевики о большевиках». В газете излагается критический взгляд на решение русской проблемы заимствованием. Л. Стеговский в статье «Русское дело» расценивает отрицательно «опыт насаждения в России немецких теорий, лишенных истинной своей сущности – реальной свободы».

В разделе «Политическая хроника» цитируются программные речи Ленина и Троцкого на 3-м съезде Советов солдатских депутатов; дается изложение произнесенной в Палате Общин речи Ллойд-Джорджа в той части, где говорится о положении в России. В концовке публикации читатель находит важное и для многих неожиданное, где **непримиримая оппозиция** к власти большевиков **снимается**:

Россия может быть возрождена новым, небольшевистским правительственным методом. Россию, по мнению Ллойд-Джорджа, можно **возродить мирными действиями**. Этими соображениями руководствовались союзники в своем решении **войти в торговые отношения с большевиками** (РД 1920, 14 февр.).

Заметим, что именно в Праге вышел сборник «Смена вех», изданный в 1921 году группой белоэмигрантов и проложивший последний рубеж между умеренными и радикалами. В Праге нашли

свое пристанище для жизни и творчества выдающиеся русские эмигранты, среди которых поэт М. И. Цветаева, языковед и литературовед Р. О. Якобсон, писатель и журналист Е. Н. Чириков. Свой роман «Зверь из бездны: Поэма страшных лет» писатель посвятил чешскому народу «в знак глубокой благодарности за то, что братский народ дал мне приют и возможность написать эту книгу» [Русское зарубежье. Золотая книга 1997 : 699]. См. также: *Постников С. П.* Русские в Праге (1918-1928). Прага. 1928.

6.3.2. Дискурс о большевизме в окраинных центрах эмиграции (1918-1919)

В приграничных государствах, образовавшихся к западу от Советской России, было коренное русское население. Крестьяне проживали здесь из поколения в поколение, и беженцы стремились затеряться среди этого русского меньшинства, спасаясь от большевиков. Положение эмигрантов было сложным. Политика по отношению к эмигрантам, согласно М. Раеву, тесно переплеталась с политической линией в отношении национальных меньшинств. Для местной элиты, долгое время подавлявшейся царскими властями, были характерны антирусские настроения. Этнические русские в этих странах были в меньшинстве и не всегда получали гражданские права в полном объеме. Кроме того, властные представители приграничных республик «не стеснялись заявлять, что для них выгоднее держать Россию в состоянии анархии и бессилия, «чем считаться с ней, вновь возрожденной к бытию могучей державой». По мнению берлинской газеты «Призыв», «окраинные государства» являются «отъявленными врагами возрождения и России. Именно России, а не большевизма. Наоборот, с большевизмом у них дело клонится к миру» (Пр, 1919, 15 янв.).

Польша и Румыния относились к тем (согласно М. Раеву) «провинциям» России за рубежом, которые «сокращались в размерах или исчезали совсем вследствие особенностей политического развития этих стран». Этому способствовали рост националистических настроений и политический авторитаризм, утвердившийся в Польше, Литве и Латвии в конце 20-х гг.

В составе эмиграции было значительное число русских евреев, большинство которых пересекло польскую и румынскую границы. Среди более чем 2-х млн. эмигрантов в 1918-1922 гг. их было около 200 тысяч. А. И. Солженицын в книге «Двести лет вместе», написанной на основе обширного документального материала, отмечает: в новообразовавшуюся Польшу после революции ехала часть возвратников-переселенцев военных годов. Основная их часть селилась далее в Западной Европе.

В Польше правительственной поддержкой пользовались лишь некоторые политические течения и издания, которые власти рассчитывали использовать в своей антисоветской политике. В любом случае, — как отмечает М. Раев, — поляки в целом отнюдь не симпатизировали русским эмигрантам, хотя владельцам были возвращены поместья, расположенные в восточной Польше. Тем, кому удавалось найти работу (ученые и специалисты), вынуждены были интегрироваться в польское общество.

Газета «**Варшавская речь**» (Варшава, 1918-1919) — «внепартийный демократический орган», издавалась т-вом «Русское издательство» в лице В. М. Левшиной. Газета оставляет впечатление солидного, хорошо спланированного и обеспеченного источниками издания. Его особенность — в идеологической **неоднозначности**. Антибольшевистская устремленность была сдержанной и соединялась с ощущаемой лояльностью к большевизму. В собрании РНБ в С.-Петербурге газета представлена лишь за 1919 год.

«Варшавская речь» отвечала нуждам русской колонии в Польше, которая заметно пополнилась эмигрантами после признания ее независимости от России в ноябре 1918 г. Приток русских эмигрантов в Польшу, когда-то попираемую властью русских наместников, вызвал неоднозначную реакцию в общественных кругах и явился поводом для парламентских разбирательств: статья «Радикальные мероприятия» [ВР 1919, 14 дек.]. Такое положение обусловило хорошо выраженный в русской газете защитный эффект. В частности применялась тактика морального порицания польских экстремистов, недовольных потоком русских эмигрантов (статьи «Pour le roi de Prusse», «Программа Сазонова»). Газета вынуждена была вести правозащитную работу, публиковать подборки юридических актов («Каким законам подведомо русское население Польского государства»), делать пропагандистские экскурсии в историю русско-польских отношений, где **враждебная оппозиция «поляки/русские» снимается**. Сравните:

Мы видим, что у поляков и русских не было никаких спорных пунктов, и бороться им было не за что. Шел вековой спор между Рюриковичами и Гедиминовичами из-за того, кто должен объединять русские княжества. <...> Последующие **польско-русские войны** носят характер войны за то, кому царствовать в Москве — Романовым или Вазам, избранным на престол Грозного с соблюдением всех обрядностей, установленных на этот предмет, и **кончатся вечным миром** (*Программа Сазонова. ВР 1919, 9 нояб.).

Имея возможность получать сведения из разных мест России и окружающих ее государств, по части заголовков газета склонна к пространственному членению информации, с оценкой или без

Варшава, воскресенье 14 декабря 1919 г. Цена номера 7 марк. Год издания 2-ой. № 122.

ВАРШАВСКАЯ

Речь

Последняя известия.

Сообщение Генерального Штаба от 13.12.

Лит.-Вис. фронт. На всем фронте удачные для нас тактические разведочные операции. **Восточный фронт. Спокойно.**

История польской делегации.
ПАРИЖ 12.12 ПАТ (Глас). Польская мирная делегация приняла Верховному Совету меморал по вопросу о Вост. Галиции.

Японцы уходят в отставку.
ПРИМА 13.12 (ПАТ). „Matin“ сообщает из Нью-Йорка, что Лансинг намерен подать в отставку. Между презид. Вильсоном и Лансингом произошла якобы серьезная конференция.

Внепартийный демократический орган. Выходит ежедневно.

Редакция и контора Варшавская 4, кв. 44 — тел. 256-20. Печать в Варшаве в издательстве «Речь» — 30 м. Понедельник — выходной день. Выходит в 7 ч. вечера. Цена 7 марк. За год 72 марк. Вперед по почте — 3 марк. в месяц. Доставка по почте — 3 марк. в месяц. Доставка по телеграфу — 3 марк. в месяц. Доставка по телефону — 3 марк. в месяц.

„АПОЛЛО“ Американская серия. **„ПОЗОРНОЕ ДЬЛО“** сенсационная драма в 6 ч. Первая картина известна, американ. фирма „Trans Atlantic Film Co“.

„СЕРДЦЕ“ 1) „Ларион“ 2) „Судное дитя“ 3) **„CZARNY KOT“** 4) **„ИМЕННЫЕ ПАННЫ КАТАЖИНЫ“**

ЦИРК 1) **„СЕРДЦЕ“** 2) **„РЕГИЯ“** 3) **„ЮМАЗЕТТА“**

Варшавская труба „ЗЕЛЕНЫЙ ПОЯС“ Театр „ЦЕНТРАЛЬ“

Др. А. С. ЛЕЩИНСКИЙ **„ДОРА“**

Варшава, 14 декабря. Среди польских историков, любителей и исследователей истории, занимают одно из первых мест рассказы про шута короля Сигизмунда I Станислава, которому немцы приписывают изобретение, что была распространена в Польше, где враждебная оппозиция «поляки/русские» снимается. Сравните: Мы видим, что у поляков и русских не было никаких спорных пунктов, и бороться им было не за что. Шел вековой спор между Рюриковичами и Гедиминовичами из-за того, кто должен объединять русские княжества. <...> Последующие польско-русские войны носят характер войны за то, кому царствовать в Москве — Романовым или Вазам, избранным на престол Грозного с соблюдением всех обрядностей, установленных на этот предмет, и кончатся вечным миром (*Программа Сазонова. ВР 1919, 9 нояб.).

В Польше правительственной поддержкой пользовались лишь некоторые политические течения и издания, которые власти рассчитывали использовать в своей антисоветской политике. В любом случае, — как отмечает М. Раев, — поляки в целом отнюдь не симпатизировали русским эмигрантам, хотя владельцам были возвращены поместья, расположенные в восточной Польше. Тем, кому удавалось найти работу (ученые и специалисты), вынуждены были интегрироваться в польское общество.

Газета «Варшавская речь» (Варшава, 1918-1919) — «внепартийный демократический орган», издавалась т-вом «Русское издательство» в лице В. М. Левшиной. Газета оставляет впечатление солидного, хорошо спланированного и обеспеченного источниками издания. Его особенность — в идеологической неоднозначности. Антибольшевистская устремленность была сдержанной и соединялась с ощущаемой лояльностью к большевизму. В собрании РНБ в С.-Петербурге газета представлена лишь за 1919 год.

«Варшавская речь» отвечала нуждам русской колонии в Польше, которая заметно пополнилась эмигрантами после признания ее независимости от России в ноябре 1918 г. Приток русских эмигрантов в Польшу, когда-то попираемую властью русских наместников, вызвал неоднозначную реакцию в общественных кругах и явился поводом для парламентских разбирательств: статья «Радикальные мероприятия» [ВР 1919, 14 дек.]. Такое положение обусловило хорошо выраженный в русской газете защитный эффект. В частности применялась тактика морального порицания польских экстремистов, недовольных потоком русских эмигрантов (статьи «Pour le roi de Prusse», «Программа Сазонова»). Газета вынуждена была вести правозащитную работу, публиковать подборки юридических актов («Каким законам подведомо русское население Польского государства»), делать пропагандистские экскурсии в историю русско-польских отношений, где враждебная оппозиция «поляки/русские» снимается. Сравните:

Мы видим, что у поляков и русских не было никаких спорных пунктов, и бороться им было не за что. Шел вековой спор между Рюриковичами и Гедиминовичами из-за того, кто должен объединять русские княжества. <...> Последующие польско-русские войны носят характер войны за то, кому царствовать в Москве — Романовым или Вазам, избранным на престол Грозного с соблюдением всех обрядностей, установленных на этот предмет, и кончатся вечным миром (*Программа Сазонова. ВР 1919, 9 нояб.).

Имея возможность получать сведения из разных мест России и окружающих ее государств, по части заголовков газета склонна к пространственному членению информации, с оценкой или без

нее: «Совещание во Вроцлаве», «Важное совещание в Стокгольме», «Архангельская делегация в Лондоне». Много заголовков в форме субстантивных наименований с грамматическим значением 'предложный определительный местоимения': «В меньшевистской России» (рубрика), «В штабе Махно», «В Киеве», «В Сибири», «На юге», «В Бесарабии». Ряд заголовков содержит близкий славянству психологический ракурс в подаче событий на местах: «*Настроения в Сибири*» («Сибирские настроения»), «*Настроение Армии Деникина*», «*Митинговые настроения в Петрограде*», «*Решительные бои на Украине*».

Политическая ориентация газеты просвечивает в названиях рубрик и заголовков: читателю сообщается о повсеместном противодействии большевизму. Существует специальная рубрика «*Борьба с большевиками*». Заголовки акцентируют оппозитивные отношения: «*Встрепчение въезда русских в Норвегию*», «*Киргизы против большевиков*», «*Скандинавские социалисты против большевиков*», «*Объединение против большевистских партий*», «*Славянская армия против большевиков*» и т.п. Сообщается о предосудительных действиях и большевиков, и немцев: «*Красный террор в Воронеже*», «*Мобилизация детей*», «*Неслыханные преступления немцев*», «*Налет большевиков на Териоки*», «*Налет большевиков на Киев*», «*Большевистские поджигатели в Архангельске*».

Как и в харбинских изданиях, в «Варшавской речи» немало публицистических и литературно-художественных материалов, делавших содержание газеты более живым и разнообразным. Деятельность большевиков в них освещается насмешливо. При этом авторы предпочитают привлекать литературные аллюзии, семантику странности и алогизм несоответствия: «*Следует удивляться, как это большевики до сих пор не последовали совету Свифта, предлагавшего иронически своим согражданам употреблять в пищу молодых ирландцев. Почему до сих пор в Большевии нет лавок, продающих мясо буржуев – вещь почти непонятная...*» [комическая оппозиция «большевики/буржуи»; весь фрагмент рассматривается в 5.1.2].

Вместе с тем идеологический субъект газеты различает близкие полякам оттенки политической окраски, прихотливых связей в политике и разделяет опасения, связанные с противоречивостью происходящего. Сравните: «*Правительство Петлюры определенно антибольшевистское, но и русофобское*» (*Силы Петлюры. ВР 1919, 16 сент.); «*Недоверие между русскими и украинцами еще велико. Украинцы опасаются быть уничтоженными впоследствии сильной Россией, и это опасение поддерживается неосторожными речами некоторых групп*» (*Настроение армии Деникина. Там же). Газета полнится слухами и в обстановке неопределенности высказывает соображения, которые можно понимать неоднозначно. В поисках новых возможностей получения информации редакция размещает

объявления: «*Нужны представители для газеты "Варшавская речь" на Литву, окраины и провинции. С предложениями обращаться к фирме "Выгода" (адрес)*». Русские газеты, как сказано – «за приличное вознаграждение», покупает сама редакция. В условиях дефицита известий используется любой шанс дать читателю какие-либо сведения. Сравните уведомление от лица корреспондента WBK [Варшавское бюро] от 9 ноября 1919: «*в случайно попавшей в наши руки новозыбковской газете "Красная Армия" помещена беседа с Мануильским по поводу налета красных на Киев, из коей заимствуем следующие сведения...*» (*Налет большевиков на Киев).

Расширяя сферу контакта с читателем, «Варшавская речь» регулярно помещает публикации из иностранной печати с комментариями о положении в России, включая вопросы экономических интересов читателей. Так, 24 сентября 1919 г. вниманию промышленников отвечает материал под названием «*Завоевание русского рынка*».

Г. Альфред Фишель в газете «*La France de Bordeaux du SudQuest*» в статье под заглавием «*Завоевание русского рынка дает целую серию весьма ценных указаний о положении русского рынка*», «самого завидного из всех существующих рынков». Разоренная Россия остается сокровищницей несметных богатств, в мирной, но в неумолимой погоне за которыми победители и побежденные идут рука об руку.

Когда-то могущественная Россия представляет ныне не более как колонизационную территорию, разделенную на зоны влияния. За Байкалом уже орудуют японцы, и лишь американская конкуренция может помешать им использовать всецело в свою пользу сибирские промышленность и торговлю.

В своей информационной политике газета проявляет скорее объективированность, чем тенденциозность, стремясь к подаче событий с разных сторон: «*Беседа с мин.-предс. нового русского правительства Лианозовым*», «*Ллойд-Джордж о мире всего мира*», «*Ленин о будущности большевизма*», «*Приказ Троцкого*», «*Речь Ленина*», «*"Бабушка русской революции" в Праге*» [Брешко-Брешковская. – Т. К.]. Газета внимательно отслеживала все события, связанные с положением в России и вокруг нее. Проявив незаурядное политическое чутье, «Варшавская речь» первой среди эмигрантских газет зафиксировала в 1919 году тенденцию к изменению политического климата в мире по отношению к Советской власти. Сравните заголовки с семантикой 'новизны', 'изменения': «*Первые успехи большевиков на Южном фронте*», «*Дипломатия союзников*», «*Торговые сношения Америки с большевиками*», «*Новое положение на юге России*», «*Новая политика Антанты*», «*Возможность мира между Коалицией и большевиками*». Показательны следующие сообщения с комментариями к ним в «Варшавской речи»:

• Копенгаген, 12 сент. Председатель конгресса Банинг обратился с заявлением к правительству, предостерегая последнее от продолжения войны против России. **По поводу о вооруженном вмешательстве в дела России правительство находится сейчас в резком противоречии с общественным мнением** (*Конгресс английских профессиональных союзов. ВР 1919, 16 сент.; оппозиция «власть/общественное мнение»).

• Державы позволяют русским революционерам разрешить их внутренние дела по их усмотрению. Единственное условие со стороны этих держав является то, **чтобы новая Россия не нарушила прав своих соседей** (*Новая политика Антанты. ВР 1919, 25 сент.; оппозиция «Россия/соседи»).

Авторы коллективной монографии «Журналистика русского зарубежья XIX – XX веков» [2003 : 301] упоминают выходившую в Варшаве с 1920 г. эсеровскую газету «Свобода», переименованную в 1921 г. («За свободу»). Говорится, что издание финансировалось правительством Пилсудского и просуществовало 12 лет (чего не скажешь о газете «Варшавская речь»). Как пишет Г. В. Жирков, деятельность газеты «За свободу» получила в литературе об эмиграции две разные оценки. Первая оценка: газета «с лакейской угодливостью восхваляла ясновельможное польское начальство» [дается ссылка: *Любимов Л.* На чужбине. М., 1963. С. 255]. Вторая оценка: «издание чувствовало постоянную ответственность за судьбу русского населения, живущего в непосредственной близости от СССР» [ссылка: *Богомолов Н. А.* Об одной литературно-политической полемике 1927 г. // Культурное наследие Кн. 2. С. 26].

Сопоставление говорит о многом. Важно то, что оно свидетельствует о сложном контексте, в который включена была работа издания в Польше. Во внешнем дискурсе деятельность изданий противопоставлялась по критерию соотношения «газета русской диаспоры» – «местная власть». В одном случае газета была больше расположена слушать власть («За свободу»), в другом случае больше выступала в защиту русскоязычного населения («Варшавская речь»). Эта оппозиция, возможно, стоила газете жизни [«газета»/«власть»].

Перейдем к изданию, выходившему на приграничной территории Эстонии (Нарва) в период действий Северо-Западной армии в 1919 г. По мнению ряда ученых, **русская военная журналистика** – богатый, интересный, но плохо изученный пласт в истории отечественной печати²⁷. Маленький раздел в монографии «Журналистика русского зарубежья XIX – XX веков» [2003] посвящен А. И. Куприну – редактору-издателю прифронтовой газеты «Принева край» (Северо-Западная армия). Первый номер этой газеты вышел

19 октября 1919 г. в Гатчине, а «Вестник Северо-Западной армии», о котором пойдет речь ниже, издавался в 1919 году – на территории, по «Брестскому миру» от 3 марта 1918 г. уже не принадлежавшей России. В названной выше монографии об этом издании не упоминается, хотя обе газеты выходили в одно время.

«**Вестник Северо-Западной армии**» издавался штабом Северо-Западной армии в период ведения боевых действий. Его читателями были военные, «офицеры и солдаты Русской армии», и сочувствующее гражданское население. Газета выполняет мобилизующую работу. Здесь публикуются оперативные *сводки, приказы* («Приказ Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего Адмирала Колчака», «Приказ ген. Деникина о государственном языке»), *обращения* («Обращение писателя к офицерам Русской Армии» Ив. Наживина), *зарисовки с фронта* («Друзья» – о взаимоотношениях с представителями союзных войск, англичанами), *публицистический комментарий* по следам событий («Перелом», «Заколдованный круг»), *фельетоны* («Секрет спасения умирающих от голода жителей Москвы и Петрограда по способу “товарища” Дышлера из газеты “Деревенская коммуна”»; «Красные “ученные” от танках»).

В соответствии с типом издания в содержании газетного дискурса выделяются три аргументативно-стилевых пласта речи: 1) информационно-деловой; 2) враждебно-уничтожительный, сатирический и 3) пафосный, убеждающий; ср. из приказа Колчака:

Только полное уничтожение позорного большевизма, его правительства и его вооруженных сил **позволит нашей измученной родине** и русскому народу **устроить свою судьбу** по своей воле, даст ему мир и возможность России занять достойное место среди великих народов. [оппозиция «большевизм/Россия»]. Господу богу да угодно будет благословить воинскую работу и труды ваши конечным успехом и увенчать их созданием единой нераздельной и великой Родины нашей [В. Сев.-Зап. арм. 1919, 8 окт.].

«Вестник Северо-Западной армии» стоит в ряду ярко выраженных критико-полемических изданий **мобилизующей устремленности**, возбуждающих у читателей взволнованно-приподнятое настроение. Здесь хорошо выражена противоположность субъектов конфронтации (*мы/они*), ассоциированных с архетипической ментальной оппозицией *Добро/Зло*. Названные концепты присутствуют в морально-нравственной трактовке ситуации благодаря оппозитивным наименованиям типа «измученная родина и русский народ»/«позорный большевизм». Концепт *Добро* подразумевает в трактовке газеты уничтожение *Зла*, «воинскую работу», «труды» во имя создания «нераздельной великой Родины».

ВѢСТНИКЪ

СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ АРМІИ. с 529536

Цена отдѣльн. № 50 к. Газета выходитъ ежедневно кромѣ праздничныхъ дней
Всѣхъ отдѣловъ за 1 мѣс. 15 р. РЕДАКЦІЯ КОНТОРА
Всѣхъ отдѣловъ за 3 мѣс. 45 р. Москва, Введенская ул. Париж, Горная ул., 2
Всѣхъ отдѣловъ за 6 мѣс. 80 р. Омск, Гости Петербургск. Страница съ 10-12
Всѣхъ отдѣловъ за годъ 150 р. Редакторъ принимаетъ съ 11-1 и 4-5 ч. дня.
Число нѣ выходныхъ въ году 126. Издается въ 1919 г. 1-й раз. Ред. и изд. отдѣлы въ Петроградѣ.
За доставку вѣстника въ 10 коп.

№ 88.

Среда 8-го октября (25-го сентября) 1919 года.

№ 88.

Приказъ Верховнаго Правительства и Верховнаго Главнокомандующаго Адмирала Колчака.

Офицеры и солдаты Русской Арміи.

Объявленный мною приказъ Главнокомандующаго вооруженными силами Юга Россіи генерал-лейтенанта Деникина отъ 30 мая сего года за № 45, ознаменовалъ окончательное созданіе Русской Арміи, какъ сама родина, единой и нераздѣльной.

Эта, отнынѣ единая русская армія, создавалась частями, независимыми другъ отъ друга, среди невзгодъ и трудностей, лишений и страданій.

Героическими подвигами офицеровъ, солдатъ и казаковъ, испробованной волеи, и тѣмными трудами вождей и начальниковъ явились вооруженныя силы Юга, мѣсто съ казачьими войсками эти вооруженныя силы вступили въ беспощадную борьбу съ предателями и изменниками, образовавшими по нѣмецкимъ инструкціямъ, съ помощью нѣмецкихъ шпионовъ и агентовъ позорное правительство Центральной Россіи, известное подъ именемъ Совѣтскаго.

Это правительство, обвинявшее насъ населеніи Центральной Россіи обидными ироніями и счастливой жизни, разрушило все народное хозяйство, развратило все народное хозяйство, закинуло его фальшивыми, ничего не стоящими бумажными деньгами, обрекло на голодную смерть большую часть населенія Европейской Россіи и завлело родину нашу кровью лучшихъ ея сыновъ.

Но близится часъ суда и расплаты, и Армія русская свершитъ этотъ судъ надъ предателями родины, продавшими съ вѣчнымъ врагу—нѣмцемъ для осуществленія сумасшедшихъ попытокъ основанія международнаго социалистическаго государства, лишеннаго национальности, вѣры, права и чести. И въ эти дни созданія Арміи Великой и Нераздѣльной Россіи, я отъ имени нашей Святой Родины приношу глубокую благодарность Главнокомандующему и командующимъ арміями, офицерамъ, солдатамъ и казакамъ, преклонясь передъ великими трудами, страданіями и кровью, пролитой во имя ея блага и счастья.

Съ неодолимой вѣрой въ светлое и славное будущее Россіи и народа Русскаго и арміи русской продолжайте свой великій подвигъ служенія родинѣ, памятуя, что только полное уничтоженіе позорнаго большевизма, его правитель-

Сегодня въ ноябрь.

Сѣверо-Западная армія успѣшно продолжаетъ наступленіе. Большевики признаютъ свое пораженіе. Побѣды ген. Деникина. Сверженіе Совѣтской власти въ Туркестанѣ. Приказъ Верховнаго Правительства объ одной и нераздѣльной русской арміи. Приказъ ген. Деникина о государственномъ языкѣ. За Границей. Ратификація военнаго соглашенія между Франціей, Америкой и Англіей.

ства и его вооруженная сила, позволить нашей измученной родинѣ и русскому народу устроить свою судьбу по своей волѣ, дая ей миръ и возможность Россіи занять достойное мѣсто среди великихъ народовъ. Господу Богу да угодно будетъ благословить воинскую работу и труды ваши конечнымъ успѣхомъ и увѣнчать ихъ созданіемъ единой нераздѣльной и великой Родины нашей.

сическихъ образахъ, и въ первые годы обученія въ начальной школѣ, для облегченія усвоенія учащими первыя начатки знаній. Различные образцы не будутъ никакимъ ограниченіемъ въ отношеніи малорусскаго языка къ печати. То единство, безъ котораго не создавалась бы мощная русская рѣчь, въ равной долѣ создано вѣковыми усилиями Киева, Москвы и Петрограда.

Приказъ ген. Деникина о государственномъ языкѣ.

Доблестно и кровью армія одна за другую освобождаетъ русскія области отъ иго безумцевъ и предателей, давшихъ обнищанному народу рабство вмѣсто счастья и свободы. Съ древнему Киеву, между городовъ русскихъ, приближаются поля къ государственной стремленія вернуть русскому народу утраченное имъ единство, безъ котораго немалыя поля и правильная хозяйственная жизнь, когда Северъ и Юго-востокъ и Западъ въ свободной обѣмѣ несуть другъ другу все, чѣмъ богатъ каждый край, каждая область.

Въ виду сего, въ основу устройства областей юга Россіи будетъ положено начало самоуправленія и децентрализация, при непреклонномъ уваженіи къ живымъ особенностямъ мѣстнаго быта.

Объявляю государственнымъ языкомъ на всемъ пространствѣ Россіи языкъ русский, но считаю совершенно недопустимымъ и запрещая преслѣдованіе малорусскаго языка: каждый можетъ говорить въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, земствахъ, присутственныхъ мѣстахъ и въ судѣ по малорусски.

Частныя школы, содержащія на частныя средства, могутъ вести преподаваніе на какомъ угодно языкѣ; въ мѣстныхъ школахъ, если не удастся желанное, могутъ быть учреждены уроки малорусскаго народнаго языка, въ его клас-

Сообщенія Штаба Сѣверо-Западной Арміи.

Къ 22 часамъ 4 Октября.

Наши части заняли ст. Струги Вѣлыя и Введенскій Лагерь.

На Лужскомъ направленіи. Въ районѣ д. д. Гуси—Мужичъ поиски развѣдчиковъ противника. Наши развѣдчики дошли до д. Сара—Лого Дер. Муравейно обстрѣливались артиллеріей противника.

Къ 10 часамъ 4 октября.

На Псковскомъ направленіи. Противникъ проявляетъ активность въ районѣ д. Нисковичи.

Со ст. Струги Вѣлыя. Донесеній не поступало. На остальныхъ участкахъ безъ переменъ.

Къ 22 часамъ 5 октября.

На Псковскомъ направленіи. Противникъ предпринялъ наступленіе въ направленіи на пор. Гвоздянский—Дубровщина, но былъ энергично отбитъ нашими частями: разбитъ 19-я Красная дивизія, въ составъ пяти полковъ. Всего 500 пѣхотныхъ, 30 пулеметовъ, 70 лошадей съ повозками, 30 пулеметовъ, 70 лошадей съ повозками, 30 пулеметовъ, 70 лошадей съ повозками, 30 пулеметовъ, 70 лошадей съ повозками.

Частныя школы, содержащія на частныя средства, могутъ вести преподаваніе на какомъ угодно языкѣ; въ мѣстныхъ школахъ, если не удастся желанное, могутъ быть учреждены уроки малорусскаго народнаго языка, въ его клас-

Концептъ «борьба» в Вестнике определяет значительную часть мифологической составляющей дискурса, которая связана с древней этнокультурной оппозицией «свой–чужой» [Степанов 1997]. В соответствии с ней образу врага в его многоплановом выражении противостоит единый образ защитника. Наименования с концептом «враг» многочисленны и разнообразны. Это прагмемы с оппозитивными коннотациями «большевики», «красная армия», «красные газеты»; сочетания идентифицирующих имен референтов с уничижительно-оценочными атрибутами: «позорное правительство Центральной России, известное под именем Советского»; «безумцы и предатели, давшие обманутому народу рабство вместо счастья»; «вожаки большевиков», «разбойники и грабители воли русского народа комиссародержавцы Ленин, Троцкий и К⁰».

Наименования с концептом «защитник» имеют обобщенный или документально-деловой характер. Образ защитника в тексте Приказа военачальника выражен привычным именем «вооруженные силы». Этот совокупный образ уточняется в статусных наименованиях участников борьбы (офицеры, солдаты, казаки) или обозначен географическим атрибутом (силы Юга, Сибири, Севера, Северо-Запада). В то же время, включаясь в оценочное противопоставление, образ защитника тяготеет к символу. В тексте Приказа Главнокомандующего событие появления вооруженных сил связывается с могуществом твердой воли и образом тяжелого воинского труда.

Героическими подвигами офицеров, солдат и казаков, непреклонной волей и тяжкими трудами вождей и начальников явились вооруженные силы Юга, Сибири, Севера и Северо-Запада. Совместно с казачьими войсками эти вооруженные силы вступили в беспощадную борьбу с предателями и изменниками, образовавшими по немецким инструкциям, с помощью немецких шпионов и агентов позорное правительство Центральной России, известное под именем Советского [оппозиция «защитник/враг»].

Жанр обращения неоднократно используется газетой как способ модализации. Публикуется «Обращение писателя Ивана Наживина к офицерам Русской армии» (перепечатка из газеты «Свободная речь»). В публицистическом обращении писателя образ защитника опирается на культурные архетипы. В ряду метафорических противопоставлений возникают позитивные образы «воина-грозы» и «воина-щита», а также идеальный образ «рыцаря без страха и упрека» (перев. фр. – chevalier sans peur et reproche – «человек безупречного мужества и безупречных нравственных достоинств»).

И воин – это гроза беззаконников, щит для слабых, но не палач. <...> будьте защитниками беззащитных, будьте грозой для злодеев и,

главное, никогда ни в чем, ни на йоту не преступайте закона, ибо вы – только вы – единственная охрана его. Не выступайте судьями – на это есть судьи, не будьте палачами-самоуправцами, ибо это позорит вас. **Повторяю: рыцари без страха, будьте рыцарями без упрека** (В. Сев.-Зап. арм. 1919, 18 окт.).

Используя риторический символ, автор побуждает отталкиваться «от противного», чтобы следовать идеальному. Расставляются логические акценты, риторическая фигура оживает в символической форме увещательного обращения, где сочетается отождествительное речевое действие (вы – *рыцари без страха*) с побудительным (*будьте рыцарями без упрека*).

Интенциональность и мобилизующая функция текста очевидны. Это мобилизация душевных сил, которая в «Обращении» носит мифологизирующий характер. В контексте Гражданской войны предложенный читателю постулат не мог быть принятым однозначно. Он более всего риторичен. В нем **соединяется трудно сочетаемое**: идея «войны» с мотивом «послушания», «морального превосходства» [оппозиция «война»/«гуманизм, рыцарственность»].

Подведем итог. Европейские газеты русского зарубежья в наибольшей степени включены в российские события и освещают их с наибольшим разбросом мнений и политической устремленности.

Страны Европы переживали очевидные последствия от нарастающего в годы Гражданской войны беженства из России. Роль газет РЗ на местах не сводилась к информированию, она состояла в необходимости интерпретировать происходящее на российской территории. Отношение к событиям было непростым. Беженство осложняло жизнь диаспоры, и в то же время газеты были заинтересованы в создании нужного идеологического восприятия российских событий за рубежом. Публицистическая активность влияла на мнение властей принимающей стороны. Европейские газеты русского зарубежья работали и для политиков, и для политизированного местного населения, и для обывателей, привлекаемых сенсационностью и непредсказуемостью сообщаемого. Но именно газеты, в конечном итоге, подготавливали общественное мнение к приему беженцев, предопределяли сочувствие к ним и понимание их драматической участи.

В европейских газетах отчетливо выделяется *радикальный антибольшевистский* дискурс. Он представлен двумя разновидностями – *категоричной политическо-идеологической* («Общее дело») и *мобилизующей военно-политической* («Вестник Северо-Западной армии»). Радикальный антибольшевистский дискурс включает также берлинская газета «Призыв» с ее *подчеркнутой гуманистической составляющей* в критике большевизма и «керенщины». Другую берлинскую газету («Русский Вестник») по мотивировкам противостояния и

оценкам деятелей революции можно отнести к *умеренному пробольшевизму* с прогерманской составляющей. Остальные газеты мы бы отнесли к изданиям, реализующим признаки *умеренного антибольшевизма*. Особое место в этой группе занимает газета «Варшавская речь», заслуживающая внимания качеством своих публикаций и не одномерной политической позицией.

6.4. Опозитивная модель расхождения газет русского зарубежья в 1918 году. Размежевание газет в 20-е годы

Самым распространенным взглядом на эмигрантские газеты служит постулат об их политическом расхождении в оценке советской власти, о «грызне» между изданиями, о случаях «оборотничества» в среде эмигрантской печати. Необходимо уточнить общую картину в связи с изучаемыми изданиями эпохи кризиса. Попытаемся это сделать двумя путями: 1) построением семиотической модели типов оппозиций в расхождении газет русского зарубежья и 2) пробным анализом двух разных изданий за 1921-1922 гг.

1. Руководством к моделированию общей картины расхождений газет послужила методическая концепция в русле структурной семантики А.-Ж. Греймаса [2004]. В нашу задачу входит *построение совокупной модели* эмигрантских газет в период начала Гражданской войны и «русского исхода», когда существовали еще *все* изучаемые нами издания.

Если взять за основу моделирования **отношение** к большевистской власти, то намечается следующее основание для построения общей схемы: наличие двух объектов – **А** (эмигрантские газеты) и **В** (большевизм) – с отношением **г**. Традиционной структурой в лингвистических теориях является структура бинарная. Принимая **А** за субъекта оценки, **В** – за объект оценки, **S** – за семантическое содержание отношения, а связку **г** – за отношение, получаем искомую структуру в виде формулы Греймаса **А / г (S) / В**. В нашем случае она имеет вид *п е р в и ч н о й* модели семантического отношения в составе совокупного газетного дискурса.

субъект оценки ----- *оцен. отношение* ----- *объект оценки*
эмигрантские газеты *связка* *большевизм в России*

Вводим общую семантическую ось (знаменатель структуры), которая отмечает нижний уровень обобщения значащей совокупности. Эту общую семантическую ось составляет субъективно-оценочное отношение к объекту структуры, то есть отношение к большевизму, изменившему Россию.

Далее содержание отношения может быть уточнено в составе точки зрения **A(Sa)** и точки зрения **B(Sb)**: **A(Sa) r B (Sb)**. Эта модель представляет элементы значения внутри значащих совокупностей **A** и **B** как составляющих семантической структуры. Учет их взаимного противоположения на основе **r** создает семантическое отношение конкретно-группового совокупного уровня газетного дискурса, где идеологическая противопоставленность эмигрантских газет предстает в виде **т р е х в т о р и ч н ы х** моделей.

1) Построение в виде **двух полюсов** семантической оси:

пробольшевизм /про/-Б vs антибольшевизм /анти/-Б

о т н о ш е н и е к *Большевизму*

Это **крайнее** выражение идеологической оппозиции в расхождении эмигрантских газет предполагает альтернативный смысл **'либо то, либо другое'**. Входящими в такую оппозицию в нашей работе оказываются радикальные газеты «Голос труженика» и «Общее дело».

2) Семантическое построение в виде тринарной структуры, где **нейтральное** предполагает смысл **'ни то, ни другое'**:

пробольшевизм/про/-Б vs нейтральное/0/-Б vs антибольшевизм/анти/-Б

о т н о ш е н и е к *Большевизму*

Это выражение идеологической оппозиции с промежуточным **нулевым** звеном в расхождении эмигрантских газет. К выразителю такой оппозиции в нашем исследовании относится торгово-промышленное издание «Скандинавский листок» (см. Глава 7).

3) Семантическое построение в виде тринарной структуры, где смешанное предполагает смысл **'и то, и другое'**:

пробольшевизм vs смешанное vs антибольшевизм
/про/-Б/ vs анти/+про/-Б /анти/-Б

о т н о ш е н и е к *Большевизму*

Это выражение идеологической оппозиции с промежуточным **смешанным** звеном в расхождении эмигрантских газет. К смешанному звену размежевания мы относим газетный дискурс, проявляющий элементы сложного (или двусмысленного) отношения к большевизму. Разновидность этого дискурса обнаруживается в харбинской газете «Новости жизни» и в европейской газете «Варшавская речь».

2. Вопрос о **размежевании эмигрантских газет в 20-е годы** ставится в связи с эволюцией *антибольшевистского* дискурса,

самого объемного в материалах зарубежья. Вопрос имеет отношение к антибольшевистским газетам, независимо от места их расположения. Как и вся русская эмиграция, они разобщались тем больше, чем очевиднее становилась сила большевистской власти. По данным 1918-1919 гг. антибЭГ различались в основном степенью отрицания большевизма и субъективированной окраской оппозитивности. 20-е годы были отмечены более очевидным идеологическим размежеванием.

Разлом обозначился после перехода части эмигрантов-идеологов на позиции последовательного примирения с большевизмом. В изучаемом материале этот переход ознаменовался публикацией 25 сентября 1920 г. в газете «Новости жизни» (Харбин) статьи Н. В. Устрялова «Зеленый шум». Статья посвящена судьбам России и антибольшевизму значительной части эмиграции. Со статьей Устрялова в газетный дискурс вошла «возвращенческая», или сменовеховская, идеология²⁸. Уже в 1921 году в Праге был издан сборник «Смена вех» – программа примирения с русской революцией. Часть эмиграции не только проявляла свою лояльность по отношению к Советской власти, но считала своим долгом содействовать усилению своей родины «во имя русского народа, и, прежде всего, во имя Великой России» (слова Устрялова). В новых политических условиях Ник. Устрялов назвал бескомпромиссный «нынешний “антибольшевизм” *родным братом “красной партизанщины”*» [снятие субъективированной оппозиции «антибольшевизм»/«красная партизанщина»].

Внутренняя сущность их одна: нежелание какой-либо власти над собою, признание высшей властью “себя”. Воистину он страшен такой «антибольшевизм» и страшен не только для большевиков, но еще больше для страны и, уж конечно, для ее интеллигенции (НЖ 1920, 25 сент.).

Работа по привлечению на свою сторону колеблющихся проводилась с советской стороны. В феврале 1921 г. в Риге появилась ежедневная газета «Новый путь», ставшая, по выражению Ю. И. Абызова, «одним из ранних рупоров новых, сменовеховских тенденций». Они, как известно, пробивали себе дорогу не только в эмиграции, но и внутри Советской России. Газета «Новый путь» просуществовала до весны 1922 г. и высоким культурным уровнем была обязана Г. О. Винокуру (псевдоним Гр. Осипов) – сотруднику посольства, впоследствии выдающемуся советскому лингвисту. В его задачу входило «дезаурирование пропагандных утверждений эмигрантской прессы, изоляция непримиримых флангов эмигрантской общности» [Абызов 1990 : 45]. В дальнейшем советские органы сосредоточились на издании в «русском Берлине» газеты «Накануне».

Часть эмиграции и некоторые печатные издания оставались на позициях непримиримого антибольшевизма. Впоследствии, с высылкой из Советской России в августе 1922 года большой группы ученых, писателей, деятелей культуры в эмиграции возросла группа газет и журналов, проповедовавших культурологическое мессианство [Культура российского зарубежья 1995; Краснова 2000; см. Приложение, подраздел 1]. В противоположность сменовеховским, это были издания, выступившие за возрождение общерусской, национальной духовности при антибольшевистских убеждениях²⁹.

Мы рассмотрим две эмигрантские газеты *периода закрепления советской власти* в России в 1920-1922 гг. Газеты относятся ко времени, когда советский режим начал получать осуждение для новой власти в мире признание. На примере двух газет (хорошо известной и малоизвестной) можно понять, какие перемены в отношении к большевизму заметны в идеологии послевоенного газетного дискурса.

Газета «**Новое слово**» – «ежедневная, общественно-политическая и литературная газета», «орган Бесарабской народной лиги и объединенной оппозиции в Бесарабии». Как выяснилось, относится к радикально настроенным антибольшевистским изданиям. Вся Бесарабия, после подавления там советской власти, с января 1918 г. была занята румынскими войсками, а в апреле 1918 официально присоединена к Румынии. В общественных кругах Бесарабии оставалась влиятельная оппозиция. Газета отличалась профессионализмом кадровых журналистов эмигрантов (А. Кулишер, Д. Ременко, Ст. Иванович), по-видимому вывезших с собой из России солидное газетное прошлое. При явном антибольшевизме в издании ощущается твердый *прорусский* ориентир.

Информация распределялась по рубрикам: «Телеграммы», «Внутренние известия», «Экономическая жизнь», «Хроника европейской жизни», «Штрихи», «Местная жизнь», «Происшествия», «Театр и искусство», «Спорт». Интерес представляет наименование рубрики «В Совето-России», очевидно ироническое. Ироническим характером, «языковой игрой» отличаются многие материалы газеты. Об этом свидетельствуют заголовки, которые имплицитно включают оппозицию «содержание/форма» в ироническом переосмыслении названия. Общий иронический тон дискурса на тему большевизма подготавливает искушенного читателя к не прямому восприятию заглавий. Обычно они строятся на семантико-стилевом несоответствии: «Советское *миролюбие*», «*Социализм демократический* или *диктаторский*», «Товарищи-*провокаторы*». В ходу литературные аллюзии, известные читателю и переосмысленные в тексте: «*Канитель*» (по одноименному рассказу А. П. Чехова).

Очевиден не только общий критический уклон издания. В газете предьявляется обвинение тем, кто раньше занимал позицию непри-

тия, а теперь служит поддержке большевизма в международном мнении [оппозиция «бывшие попутчики/теперь полубольшевики»].

Теперь ближе всего к большевикам стоят как раз **российские интернационалисты, играющие постыдную роль оппозиции** Его Величества Ленина. **Они – российские интеллигенты**, сделавшие все, чтобы толкнуть колеблющиеся элементы в сторону большевизма, они теперь **играют в международном рабочем движении чисто реакционную роль**, поскольку всякая, хотя бы и с тысячью меньшевистских оговорок, поддержка большевизма – есть поддержка самой худшей из всех возможных сейчас реакций (*Социализм демократический или диктаторский. НС 1921, 21 марта).

Стараясь избавить читателя от иллюзий, газета публикует иронический комментарий к угрожающему документу, поступившему в ЦИК Бесарабии из России (*Товарищи-провокаторы. НС 1921, 21 марта).

Письмо, написанное на машинке, адресованное мне, отправленное по почте: «Ц.И.К. Бесарабии, № 118». Требуем прекращения контрреволюционной деятельности. Иначе Вы, предатель, будете устранены. (...) **Еще интереснее дальнейшее. Держинский рекомендует своим соратникам** «стараться получить влияние на иностранные организации шпионажа и контрразведки, существующие вблизи наших границ, дабы использовать их в наших интересах», **а также** «устраивать фиктивные белогвардейские организации для обнаружения деятельности заграничных агентов в Советской России».

То есть опять-таки провокация. Поистине, это родная стихия Со-ветской власти.

Цитируемый документ вместе с комментарием образует оппозитивное двуголосие. Один голос – агрессивный, всецело находится в дискурсе войны: обозначена проблемная оппозиция «революция/контрреволюция», а инвектива замещает реальную агрессию вербальной моделью насилия. Другой голос – уравновешенный, оценивает действия первого (оппозиция «агрессивность/ирония»).

Ежедневная газета «**Новое русское слово**» (Нью-Йорк, с 1910 г. – продолжающееся изд.) в собрании РНБ в С.-Петербурге представлена с 19 сент. 1920 года. Газета занимает гибкую позицию по отношению к Советской власти. В одном и том же номере газеты можно встретить противоположные по оценкам материалы о России. Например, в номере за 28 июля 1922 г. одновременно находим выражение **протеста** по поводу событий в России («Дебс заступается за эсэров» с подзаголовком «По просьбе В. Чернова он обратился с протестом к Н. Ленину») и заявление о **солидарности** с Россией в контексте местнической профсоюзной злобы дня («Лидеры и политиканы ОТПСР»). Концовка:

Я уверен, что русская колония и рядовые члены ОТПСР поймут меня и **мое сыновнее желание помочь России и им самим**. Я призываю их, **во имя Советской России**, на борьбу с этими политиканствующими «джабодержателями», присосавшимися к ОТПСР (НРС 1922, 28 июля).

Американские СМИ изначально развивались как принадлежащие средствам популярной культуры, в отличие от журналистики в России, больше вписанной в сферу культуры духовной. Находясь в этом контексте, газета «Новое русское слово» была обычным по местным понятиям изданием. Она прагматична и всеядна по характеру информации, сосредоточенной в одном месте. Впечатлению всеядности газеты в политике информирования способствует техника мозаичного расположения материала. Сравните заголовки сообщений в верхней части полосы слева («Новые попытки уладить угольную забастовку») и в верхней части полосы справа («Мечь ревнивой сестры»). Рубрика «По России» содержит конгломерат сообщений о борьбе с саранчой, об отсутствии денег для выплаты рабочим, о ценах в Харькове, об увеличении в ближайшее время балтийского торгового флота пятью пароходами, о разгуле бандитизма. На последних страницах издания размещаются жанры художественного рассказа, фельетона и рубрики «Социальное страхование», «Летние вечерние школы для эмигрантов», «Розыск родных и близких». Наконец, даются сведения о поступивших из России газетах: «Известия», «Правда», «Экономическая газета», «Беднота».

«Новое русское слово» не тенденциозно в своем отношении к российскому опыту. Позитивная информация связана и с внешним, и с внутренним положением России: «Советское консульство в Канаде» (о первом советском консульстве за рубежом), «Реорганизация Красной Армии» (о сокращении численности и повышении окладов красноармейцев, их занятостью уборкой урожая). Рядом с позитивными новостями соседствуют предостерегающие сообщения о возможности революционной ситуации в Америке: заголовок «Вождь железнодорожных рабочих предостерегает Гардинга против революции».

Полагаем, газета «Новое русское слово» начала 20-х гг. отвечала демократическим традициям местной прессы и по-американски динамичному образу жизни, представляя собой целиком прагматическое издание. Его трудно назвать идеологически выдержанным (в отличие, например, от чикагской газеты «Голос труженика»). Это вполне конъюнктурное издание, если учесть ранее имевшую место тенденцию лоббирования большевистских интересов в Америке [Саттон 1998].

Завершая раздел, можно заключить следующее. В период закрепления советской власти эмигрантские газеты сохраняют тенденцию к расхождению в оппозицию антибЭГ/пробЭГ. Таковы ука-

занные выше газеты: «Новое слово» входит в группу типичных антибольшевистских газет, «Новое русское слово» тяготеет к группе сторонников средней линии, близкой к пробольшевизму. По всей видимости, происходило **смещение центра соотношения: инварианту антибЭГ в крайней позиции** на другом конце схемы стала соответствовать более сложная конфигурация, *включавшая бывших умеренных в состоянии сближения с пробольшевизмом*.

В ы в о д ы по Главе 6

Принимая во внимание условия существования политизированных газет на разных территориях размещения эмигрантской печати, можно обозначить некоторые **закономерности, обусловившие их специфику на местах**.

1. Хотя отношение к событиям на родине в политизированном газетном дискурсе РЗ определялось *критической* или *апологетической* позицией идеологического субъекта газеты по отношению к большевизму, существенными оказались некоторые иные факторы влияния на формирующийся дискурс. Предполагаем, что к ним относятся:

Ё степень включенности русскоязычного населения в события на родине (фактор интегрированности аудитории в российский дискурс);

Ё степень территориальной удаленности от национального центра (географический фактор);

Ё степень изолированности русского населения в стране пребывания (фактор слияния с местным обществом и защищенности русских в социуме приютивших их стран);

Ё степень влияния на диаспору и газеты диаспоры со стороны местных властей (местный политический фактор);

Ё степень трудовой занятости населения в стране пребывания (трудовой фактор).

В связи со сказанным можно отметить следующее.

2. В Маньчжурии (Китай) и в Америке газетные издания в большей степени, чем в Европе, чувствовали себя в замкнутом пространстве, обособленными от российских центров и текущей российской жизни. Окруженные чужеродной средой и обращенные проблематикой своих выступлений в довольно узкий круг русскоязычных читателей, газеты Маньчжурии и Америки отличаются детерминированным территориально дискурсом. В *Харбине* газеты и их русские читатели жили и в значительной мере чувствовали себя в родном пространстве (русском оазисе), напомиравшем Россию и русский уклад жизни. Китайская специфика была скорее экзотикой в стенах построенного русскими города. В *Америке*

совсем другая картина. Здесь газеты и русскоязычная аудитория были интегрированы в местный уклад жизни, зависели от властей и отношений конкуренции, от возможного и традиционного в области финансирования и ведения издательского дела. Русские эмигрантские издания в Америке сильнее, чем в Маньчжурии, противопоставлены друг другу, существуют в условиях жесткого соперничества и политической борьбы в рамках существующего законодательства. Пробольшевистская радикальная печать видит происходящее в России в своем эгоцентрическом для русскоязычных групп в Америке ракурсе. Дело даже не в том, что газета «Голос труженика» включала пробольшевистский дискурс, а в том что газета издавалась как радикальная в Америке. Именно трудовая ситуация для русскоязычных рабочих на местах рассматривается ею как идеологическая, по-большевистски симптоматичная для житейски справедливой классовой борьбы рабочих за свои права и свободы в регионах Америки.

3. На территории *Европы* заметен большой разброс изданий и оттенков их политической ориентации. Дискурсная формация и способ существования газет в отношении к большевизму имели специфические черты на местах. В контексте места общая *анти-или пробольшевистская модализация* читателя проводится в русле нужного направления идеологического означивания (*ментализации*). В пропагандистском отношении выделяются: антибольшевистские (радикальные и умеренные) и пробольшевистские издания, русские газеты прогерманской ориентации и газеты с ощущаемой германофобией. Все европейские издания РЗ глубоко интегрированы в текущий российский дискурс и в то же время особенно внимательны к позиции властей и общественно-политических групп в странах пребывания. Пропагандистская модализация прагматична: она опирается на *общечеловеческие* постулаты добропорядочного воспитания, внедряя *новые идеологемы* под воздействием целенаправленной концептуализации.

Опорой формации политизированного газетного дискурса в целом оказались следующие ментально-речевые особенности

– *конфликтно-оппозитивное мироощущение*, связанное на фоне культурной традиции с приятием или неприятием существующего положения и политической доктрины большевизма;

– *диалогизация и аффектированная оценочность традиционной* для русской публицистики *полюемической речи*, сосредоточенной на отрицании;

– *прецедентные элементы оппозитивности* в вертикальном контексте; преимущественно к ним относятся:

– Эстереотипы марксистской идеологии с ее постулатами классовой борьбы и необходимости преобразования общества;

– Элементы стереотипов религиозного сознания с его посту-

латами борьбы добра со злом, грехопадения, христианской любви и жертвенности;

– Эстереотипы народно-поэтического мирозерцания, связанные с семейно-родовыми отношениями (родная земля, отчизна; мать – сын, братья – сестры; свой – чужой; враг – защитник);

– Эстереотипы исторического и литературно-художественного знания с их фактами и приемами построения, знаковыми образами и символами (Малюта Скуратов, Ноздревы и Собакевичи; кровь, новый-старый, темный-светлый, пожар, набат, буря и т.п.).

В зависимости от политико-идеологического основания в оценке новой власти в России, выявляется ***градация разновидностей политизированного дискурса русского зарубежья***: радикальный антибольшевистский дискурс (*радикально-политический, военно-политический, радикально-гуманистический*), умеренный антибольшевистский дискурс (*иронично-саркастический, умеренно-ироничный, умеренно-нейтральный*) и пробольшевистский дискурс, наиболее отчетливо представленный в его радикальной анархо-большевистской разновидности.

Больше всего изданий РЗ относится к **антибольшевистскому** дискурсу. Одна из функций нарративов в этом газетном дискурсе – получение выводных данных. Для газет антибольшевистского направления важнейшим условием воздействия на читателя становится *возникающий в рамках модализации сообщаемого процесс инференции* – *получения выводных данных по мере накопления эффектов событийного изложения*. Адресат улавливает способ представления предмета говорящим, т.е. в сущности мотивы суждения. С учетом характера изучаемых источников, в числе которых есть издания социал-демократического толка, необходимо отметить, что «переоценка ценностей», связанная с большевистской революцией, превратилась для них в одну из задач политической деятельности. Однако в условиях войны при неоднозначном отношении к ней стран зарубежья эта политическая работа осталась декларативной. Можно предположить, что *идеологический субъект антибольшевистской газеты больше ощущает себя субъектом состояния, в то время как его противник (большевик, пробольшевик) и в тексте, и в действительности выступает в качестве субъекта действия*.

Специфика разновидностей газетного дискурса проявляется в наличии характерных для изданий оценочных оппозиций и типичных дискурсных признаков: диагональных высказываний, доминирующей идеи, концептуализации через опорные слова, фреймы и сценарии. Идеологическая оппозитивность обнаруживается на двух уровнях реконструкции социального дискурса – на ментальном (когнитивно-семантическом) и семантико-речевом.

Когнитивно-семантический уровень анализа антибольшевистских газет показывает, что политически **радикальный**

антибольшевистский дискурс газеты «Общее дело» отвечает идеологическим оппозициям обобщенно-сущностного характера, указывающим (по мысли идеолога издания) на кардинальные противоречия российской действительности: *народ/власть большевиков*, социальная норма /*антинорма*, и, наконец – *жизнь/смерть*. Оппозиция *сущность/явление* отражает субъективированную трактовку сущности большевизма как идеологии, губительной для России.

Несколько иные оценочно-оппозитивные контексты мы находим в радикальных антибольшевистских «Народной газете» и берлинской газете «Призыв». В ментальном мире этих газет представлены в большей степени идеалистически мотивированные оппозиции: социально-оценочные противоположения по архетипу «антимир» (*гражданская война/демократический мир, враги/друзья, ложные попутчики/единомышленники*); социально-оценочные противоположения с концептом «власть» (*большевистская диктатура/социалистический демократизм, революционная идеология/революционная практика*, включая оппозиции по характеристике действий *наличие/отсутствие, динамизм/стагнация*); социально-оценочные противоположения с этико-эстетической интерпретацией происходящего (*добро/зло; культура/одичание, трагедийное/комическое, сострадание/веселье*); социально-оценочные противоположения с морально-нравственной интерпретацией образа мышления и поведения лиц (*индивидуальное/коллективное, человек/толпа, одиночное/общее*), включая амбивалентную оппозицию *образ разрушителя/образ несчастного (не ведающего, что творит)*.

Концепт «болезнь» не характерен для парижской газеты «Общее дело». Этот концепт преобладает в антибольшевистских газетах умеренного толка (в «Варшавской речи», пражском «Русском деле», в харбинской газете «Новости жизни») или в радикальных газетах, близких по вариативности дискурса к умеренным изданиям (например, в «Народной газете»). Так, в фельетонах концептуализация «болезни» носит больше комический, нежели мифологический, характер.

Семанτικο-речевой уровень анализа антибЭГ показывает, что речевая форма оппозитивных контекстов поддерживает радикальную идеологию антибольшевизма открытым способом. Открытость и агрессивность – основные показатели способа существования антибольшевистского дискурса в его сугубо политической разновидности. Оценки выражаются в наименованиях, не оставляющих сомнений в крайней степени отрицания большевиков и большевизма (*преступники, предатели, палачи, провокаторы, убийцы, самозванцы, политические шулеры и шантажисты, международные авантюристы, грабители* и проч.).

Иконизм оппозитивной разделительности «**либо/либо**» выносятся на риторический уровень изложения с помощью противопос-

тавлений и усилителей как безальтернативное решение вопроса о завоевании власти. Преобладающий модально-оценочный концепт «Неприятие» по-новому концептуализирует привычные слова. С наименованием «большевизм» открыто связываются трагедийные сюжетные нарративы, развенчание идеологом, разоблачительные образы вождей. Наименование «большевизм» концептуализируется смысловым значением 'преступление' в интерпретации происходящего в России. Доминирующие модальные концепты существуют в целом комплексе интенций: это крайнее неприятие, обвинение, необходимость и вера в неотвратимость наказания. Доминирующая *тональность* – агрессивная (уничтожающие наименования-оценки, аффектация). ИС опирается на распространенные цитаты из прецедентных текстов, среди которых преобладают литературные. Направление означивания положения дел включает проспективно-обязывающий компонент – актуализацию схемной модели «всеобщий суд». *Высокая степень эмоциональной включенности в кризисную ситуацию порождает, с точки зрения психологии, акцентированную личность – идеологического субъекта с чрезмерной выраженностью отдельной черты* (крайний вариант нормы). Происходит наложение морального дискурса на аффективный. Способы противостояния злу связаны для идеологического субъекта с ответной реакцией на злое деяние, снижающей реальную и потенциальную опасность большевистского аморализма. С другой стороны, в вариативных разновидностях радикального антибольшевистского дискурса выделяются так называемые «снятые» идеологические оппозиции. Они маркируют территориально-этнические модификации в способе существования оценочно-оппозитивного дискурса.

Военно-политический дискурс антибольшевизма характеризуется множественными вариантами архетипа свой/чужой: *мы/они, враги/защитники; добро/зло*. В то же время радикальный антибольшевистский дискурс газеты «Вестник Северо-Западной армии» отличается в нашем материале идеологически осложняющим концепт «борьба» ограничителем жестокого противоположения (в духе «гуманизм», «рыцарственность»). Гуманистический вопрос действительно соответствует положению вещей во время Гражданской войны, но не соответствует ведущей идеологеме «беспощадной борьбы с большевизмом».

Антибольшевистский *радикально-гуманистический* дискурс берлинской газеты «Призыв» на фоне стратегически близкой ему политической газеты «Общее дело» отличается по-житейски человеческой проблематикой дискурса, а также отмечен прогерманским оттенком позитивности в местечковой содержательно-смысловой оппозиции германцы/русские: *немецкие офицеры/большевики; альтруизм/эгоизм; сила/слабость; дух/тело*. Этнически ориентированная оппозиция германцы/русские, соответствующая архетипу

чужой/свой, идеологически снимается. В то же время наблюдается концептуальный перенос понятия «чужой» с расширением объекта обличения: в российской трагедии обвиняются не только большевики, но и «керенщина». Острота публицистических выступлений создается комплексным выражением смысловой оппозитивности. Она проводится тотально – схемно-содержательной, лексико-синтаксической и риторической организацией текста.

Умеренный антибольшевистский газетный дискурс с открыто выраженной оппозитивной направленностью строится на противоположениях политико-идеологического характера (*рабочие/буржуазия; народоправство/власть большевиков; диктаторство/демократизм*). Степень неприятия большевизма в газетах умеренного направления различна, отличается вариантами проблемно-критического изложения. Выделяется *иронично-саркастическая разновидность* газетного дискурса. К ней относится часть газет социалистической направленности, выражающих свое отношение к большевизму со всей определенностью и резкостью. К изданиям, включающим такой дискурс, относится большинство харбинских газет (за исключением газеты «Новости жизни»). Иронично-саркастическая разновидность дискурса приближается в своих оценках большевизма к дискурсу радикальных изданий. Но иронично-саркастический дискурс характеризуется скорее латентным присутствием концепта «большевизм», чем его открытым именовым выражением в процессе оценочной интерпретации. Возможно, это объясняется связью с привычно текущим из номера в номер общим дискурсом обличения. Иронично-саркастический газетный дискурс нацелен полемически и вооружен системой риторических средств. Для него характерна сгущенность средств иронической оценки и четкость интонационно-ритмического членения высказываний. Чуждый смысл доводится в структуре противоположений до преувеличения, близкого к абсурду.

Умеренно-ироничный дискурс харбинской печати, а также некоторых материалов газеты «Варшавская речь» характеризуется занимательностью, юмористическим включением в текст литературных аллюзий и построением смысловых парадоксов. Для создания иронии часто используется стилистический контраст. «Большевики» в построенном по литературным канонам сюжете обычно выполняют роль агенса предосудительных действий, а сама фельетонная манера письма придает изложению увлекательность и литературно-художественную оснащенность, которой, по-видимому, ждал от умеренной газеты читатель. Проблемно-оппозитивное изложение в рамках умеренного дискурса опирается на религиозно-философское сознание усредненного читателя с его представлениями о противоречиях несправедливой жизни (оппозиции внешнее/внутреннее; земное/небесное).

Умеренно-нейтральная разновидность газетного дискурса выделяется условно. Названием подчеркивается имевший место в некоторых умеренных газетах **неустойчивый** дискурс, когда политика пристрастного информирования сменялась позицией ИС газеты как стороннего наблюдателя. Беспристрастное равновесие сохранялось в изложении при условии отчуждаемого цитирования первоисточника. Нейтральная всеядность чужой речи, даваемой без комментариев, вызывает эффект равновесности, обозначенный в структурной семиотике формулой «и то, и другое». Именно такой передачей некомментируемой чужой речи в политике информирования отличаются газеты «Варшавская речь» и харбинские «Новости жизни». Результатом стала неопределенность, точнее – неоднозначность политической оценки, вызванная осторожной двусмысленностью позиции газеты в отношении к большевизму. Другой специфической особенностью двух указанных газет на общем фоне было «снятие» местечковых этнических противопоставлений *русские/поляки* («Варшавская речь») и *русские/китайцы* («Новости жизни») в духе снижения конфронтации свой/чужой.

Пробольшевистский газетный дискурс концептуализируется идеологемой «борьба», выявляя субъективированные классовые позиции. Архетипы «свой»/«чужой» в *берлинской* газете «Русский вестник» представлены идеологическими вариантами оппозиций: большевики/Керенский; большевики/противники; власть капитала/бесправный народ. В *ню-йоркской* газете «Новый мир» оппозитивные структуры сосредоточены для выражения оценочного противоположения буржуазия (хозяева)/рабочие (народ); революционные радикалы/приспешники монархизма. **Радикальный пробольшевистский** дискурс газеты «Голос труженика» обнаруживает оппозитивные черты мифологической природы. На м е н т а л ь н о м уровне он существует в виде рационально обособленного «полярного» мира, сконструированного идеологизированным сознанием. Конструктивно заданная смысловая формация передается на с е м а н т и к о - р е ч е в о м уровне *искусственными противоположениями неоднородного ряда*: «рабочие»/«капиталистический строй»; «буржуазия»/«большевики»; «пожар мировой революции»/«спящие нации»; «несознательные рабочие»/«проснувшийся рабочий народ»; «командиры»/«пролетариат». В аффектированном состоянии сознания такие идеологизированные противоположения модифицируются в речевую антинорму (инвективы). Несмотря на то что в ментальной презумпции ненормативные выражения контрастируют с представлениями об этике общения, в субъективированном идеологическом сознании они концептуализированы могущественной идеей «классовой борьбы» и поощряются ИС газеты. Оскорбительная инвектива, используемая как способ дискредитации идеологического против-

ника, составляет популистскую особенность пробольшевистского дискурса, возникшую в подражание большевистской печати времени кризиса.

¹ Подробнее см.: *Аблажей Н. Н.* Эмиграция из России (СССР) в Китай и эмиграция в первой половине XX в. : автореф. ... д-ра ист. наук / Н. Н. Аблажей. Новосибирск, 2008. 47 с.; *Василенко Н. А.* История российской эмиграции в освещении современной китайской историографии. Владивосток, 2003.

² Событием, получившим широкий общественный резонанс и усилившим интерес к проблеме российской эмиграции в Китае, стало переиздание в России в начале 1990-х гг. книги американского историка П. П. Балакшина (*Балакшин П. П.* Финал в Китае: Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на дальнем Востоке. Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк. 1958. Т. 1.; 1959. Т. 2.). Крупные коллекции эмигрантских газет и журналов разных лет, изданные в Китае, находятся в ГАРФ, РНБ, Музее Русской культуры в Сан-Франциско, Гуверовском институте Стэнфордского унив. (США), Хэйлунцзянском унив. (КНР) и др., сохранились в фондах Политбюро ЦК ВКП(б). В самом Китае наиболее активно изучается тема русского Харбина (российская политика в Китае оценивается как колониальная).

³ Источником, кроме названных выше изданий, послужил также портал «Соотечественники»: Русские в Китае. URL: <http://www.russedina.ru/frontend/heading?id=13296>. Портал «Соотечественники» зарегистрирован в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство Эл № 77-6260 от 23 апреля 2002 г.

⁴ 24 января 1909 г. группа российских китайцев, окончивших Санкт-Петербургский университет и Владивостокский институт Востока, образовали в Харбине «Российское общество востоковедения». Орган данного общества «Вестник Азии» начал издаваться в июне 1909 г. Было опубликовано множество статей о Китае, касавшихся политики, экономики, культуры, истории. Общество выпускало ряд научных периодических изданий.

⁵ Зачин понимается как начальный фрагмент текста и ключевая композиционно-смысловая единица, создающая перспективу развертывания текста.

⁶ По данным словаря В. И. Даля, «большинствовать» означает начальствовать, «большинничать» – распоряжаться по праву, «большичать» – быть головою дела (Толковый словарь В. Даля. Часть 1: А-З. М., 1863. С. 101).

⁷ В средневековье это делалось во время исполнения религиозных драм (мистерий). Героями фарса, лишённого поучительности, часто являлись ловкие адвокаты, монахи-шарлатаны, смекалистые солдаты, разного рода плуты и мошенники.

⁸ *Степанов Ю. С.* Концепт // Электронная Библиотека МГУ: Теория языка. URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_120.shtml (27.06.2008). См. также: *Степанов Ю. С.* Константы : словарь русской культуры : опыт исследования. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академ. Проект, 2001. С. 49-50.

⁹ См.: *Соколов А. С.* Русские в Америке в конце XIX века. Л. 1985.

¹⁰ См.: *Ручкин А. Б.* Русская диаспора в Соединенных штатах Америки в первой половине XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М. 2007 (Гл. 4 §1 «Русская диаспора в 1910-1920-е гг.»).

¹¹ Организациям, входившим в Федерацию (партийным, беспартийным,

просветительским, взаимопомощи, кооперативным, прогрессивным, православным братствам, независимым приходам, баптистам, молоканам, духоборам и другим организациям и религиозным сектам), региональным исполнительным комитетам предоставлялась широкая автономия.

¹² *Вишнякова Н. В.* Из истории распространения русской книги в США / Вестник Омск. ун-та. 1998. Вып. 3. С. 44-50.

¹³ *Елепов Б. С., Пайчадзе С. А.* Геополитический характер распространения русской книги : к постановке вопроса. Новосибирск. 2001. 84 с. (Препр. / ГПНТБ СО РАН; 01-2).

¹⁴ *Культура* русской речи. М.: Норма, Инфра-М, 1998. С. 253.

¹⁵ Период первой русской революции был его высшим подъемом движения анархизма в России: в 1905 г. насчитывалось 125 анархических организаций, в 1906 г. соответственно – 221, в 1907 – 255. Многие из них выпускали печатную продукцию: листовки, прокламации, журналы и газеты.

¹⁶ Согласно данным «Библиотеки Центра экстремальной журналистики», Максимов Григорий Петрович (1893-1950) – анархист, идеолог и лидер анархо-синдикалистов в России, а позже в США (анархо-синдикалистская организация «Индустриальные рабочие мира»); человек, при жизни признанный классиком либеральной мысли всего международного анархического движения; философ, политический борец: 40 лет из 50-ти в революционном движении. Между тем, он не включен ни в библиографический словарь «Политические деятели России. 1917» (1993), ни в энциклопедию «Политические партии России. Конец XIX – перв. треть XX в.» (1996). Максимов считал себя последователем классического учения Бакунина и Кропоткина, которое называл «конструктивный анархизм». – Электронная библиотека: Библиотека Центра экстремальной журналистики. URL: http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=250&c=id=2275 Интернет-источник: *Эмигрантские* периодические издания социалистического и анархистского направлений после 1917 г.

¹⁷ *Русская эмиграция до 1917 года* – лаборатория либеральной и революционной мысли / под ред. Ю. Шеррер и Б. Ананьича. СПб.: Европейский Дом, 1997. С. 188.

¹⁸ *Монина Т. С.* Схемная семантика высказывания // Русский язык : исторические судьбы и современность : III Междунар. конгресс исследователей рус. яз. : труды и материалы. М.: МАКС Пресс. 2007. С. 766.

¹⁹ Ср. сноску-пояснение в газете: «Тов. К. А. Гвоздев, один из наиболее выдающихся русских рабочих социалистов. Член Центрального Комитета Российской Соц. Демократической Рабочей Партии. В кабинете А. Ф. Керенского занимал пост Министра Труда. Тов. А. Н. Никитин, известный московский юрист, старый партийный деятель, дважды был кандидатом московских соц. демократов в Думу. В кабинете Керенского он занимал пост Министра Внутренних Дел. Я. М. Миллер, бывший адъютант А. Ф. Керенского. Как и тов. Гвоздев, так и тов. Никитин вошли в министерство с разрешения Партии. Рассказы их позаимствованы нами из центрального органа Р.С.Д.Р.П. «Рабочая газета»+. РЕД.».

²⁰ Евг. Чириков, статьи которого публиковала «Народная газета», учился в Казанском университете вместе с В. Ульяновым (Лениным). В декабре 1887 г. Чириков был исключен из университета в числе вожаков студенческой сходки вместе с В. Ульяновым. В 1918 г. Ленин предложил писателю, выступавшему против новой власти, уехать из Советской России под угрозой ареста.

²¹ Напр., *Флейшман Л., Хьюз Р., Равская-Хьюз О.* Русский Берлин 1921-1923 гг. (по матер. архива Б. И. Николаевского в Гуверовском ун-те). Париж. 1983. – В России большая часть таких изданий появилась в последнее десятилетие прошлого века. Отметим особенно: *Рав М.* Россия за рубежом : история культуры русской эмиграции. 1919-1939. Пер. с англ. М.: Прогресс-Академия, 1994; *Струве Г. П.* Русская литература в изгнании : Глеб Струве. Краткий биографический словарь русского Зарубежья. – 3-е изд. испр. и доп. М. 1996; *Берберова Н.* Курсив мой : автобиография. М. 1996; *Андреева-Бальмонт Е. А.* Воспоминания. М. 1997; *Русское зарубежье : золотая книга эмиграции. Первая треть XX века : энцикл. биогр. словарь.* М.: Рос. полит. энцикл., 1997; *Васильев А. А.* Красота в изгнании : творчество русских эмигрантов первой волны : искусство и мода. М.: Слово/Slovo, 1998.

²² О Бурцеве и его газете: *Журналистика русского зарубежья XIX – XX веков : учеб. пособие / под ред. Г. В. Жиркова.* СПб.: Изд. С.-Петерб. ун-та, 2003. С. 120-124; *Лурье Ф. М.* Хранители прошлого. Л.: Лениздат, 1990. С. 14-22; *Будницкий О. В.* Владимир Бурцев и его корреспонденты // *Отеч. история.* 1992. № 6. С. 110-113; *Седых А.* Далекое, близкие. М., 1995. См. также: Электронная библиотека: Библиотека Центра экстремальной журналистики. URL: http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=250&c=id=2275

²³ СССР образован 30 декабря 1922 года.

²⁴ “Если прибавить к этому, что в русском языке, – пишет А. Вежбицкая, – есть также гиперболическое существительное *ужас* с высокой частотностью 80 и полным отсутствием аналогов в английском языке, различие между этими двумя культурами в их отношении к преувеличению станет еще более заметным». *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. /А. Вежбицкая; пер. с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки слав. культуры, М. 2001а. С. 32.

²⁵ http://www.library.cjes.ru/online/?a=con&b_id=250&c=id=2275

²⁶ А. В. Лысенко замечает: «Моральное опустошение здесь не связано с последствиями войны для какой-то конкретной страны или нации. Эмигрантская газета, читатели которой вскоре будут и официально лишены гражданства, уловила в перемене то **всеобщее**, что не может быть жестко связано с территорией той или другой страны. Тут отмечены глобальные изменения мира, и **признаки наднационального мышления в эмиграции со временем будут более отчетливыми**» [выделено в цитате нами. – Т. К.].

²⁷ *Жирков Г. В.* Между двух войн : журналистика русского зарубежья. 1920-1940 годы. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гуманитар. ун-та профсоюзов. 1998. С. 235.

²⁸ Весной 1918 г. в Москве вышло несколько выпусков «еженедельника политики, литературы и общественной жизни» под названием «Накануне» Он издавался Ю. Н. Потехиным, Ю. В. Ключниковым и Н. В. Устряловым – будущими инициаторами сменовеховства.

²⁹ Об идейной конфронтации между большевиками и русской эмиграцией в 20-30 гг. см.: *Русское зарубежье : из истории социальной и правовой мысли.* Л.: Лениздат, 1991. 440 с.

Глава 7. Газетный дискурс с имплицитно выраженной оппозитивностью (деполитизированная газета в Швеции)

Север Европы (за исключением Финляндии) остается своего рода «белым пятном» на карте зарубежной России [Русский исход 2004]. Как отмечают авторы указанной монографии, такое положение, «с одной стороны, обедняет и схематизирует картину русского рассеяния, а с другой стороны – противоречит выводам о целостном, системном характере такого многомерного и объемного явления, как русское зарубежье» [Там же 2004 : 11]. Попробуем хотя бы отчасти исправить это положение изучением иного источника, каким является газета «Скандинавский листок». В совокупной схеме семантики, передающей отношение к большевизму в печати русского зарубежья (6.4), эта газета восполняет собой недостающее нейтральное звено в виде формулы **«ни то, ни другое»**.

Швеция – менее известное в историографии русской эмиграции место проживания переселенцев. Хотя имеются свидетельства успешного торгового сотрудничества русских и шведов в период Первой мировой войны. В **1918** году Швеция заняла первое место во внешнеторговом обороте Советской России¹. А в сентябре **1919** года газета «Варшавская речь» (№ 46) опубликовала сообщение из финских источников с заголовком-вопросом **Швеция – центр большевистской пропаганды?*: «Стокгольм, 12.9. Финская газета “Huvudsbladet” обращает внимание шведского правительства на проникновение в Финляндию большевистской литературы, печатаемой в Швеции. Большевистские воззвания призывают к свержению правительства и к учреждению “диктатуры пролетариата”». Примерно в это же время в Стокгольме опубликована брошюра Вл. Бурцева *«Проклятие вам, большевики!»* Напомним, что в мае **1918** года В. Л. Бурцев, издатель газеты «Наше общее дело» в Петрограде, бежал через Финляндию в Стокгольм. Изданная им брошюра вышла на трех языках – русском, шведском и французском. Кроме того по приезде в Париж Бурцев выпустил сборник статей из «Общего дела» – *«В борьбе с большевиками и немцами» (1919)*.

Все это не слишком удивительные обстоятельства появления оппозитивного российского дискурса в стране, если учесть нейтральную позицию Швеции. Другое дело существование русской газеты в Швеции.

Характер взаимоотношений двух стран – России и Швеции – никогда не был однозначным – ни до революции, ни после нее. Однако в период мирового военного кризиса в обеих странах были силы, заинтересованные в тесном сотрудничестве на экономическом

поприще. В годы установления советской власти по отношению к России существовала шведская позиция холодной лояльности. Отмечается рационализм шведских коммерсантов и в то же время серьезный сырьевой голод, который испытывала Швеция в 1917 – первой половине 1918 гг. из-за резкого сокращения (под давлением Западных держав) поставок из Германии. Исследователи считают, что в отличие от большинства государств Швеция в своих внешнеэкономических действиях руководствовалась не идеологическими, а прагматическими мотивами.

7.1. Экономическая миграция из России в Швецию. Дискурс о России в торгово-промышленной газете «Скандинавский листок»

С начала 1900-х гг. вклад торгово-промышленных групп в развитие страны с каждым годом увеличивался. Рост влияния и прав торгово-промышленников, нужда в товарах и оборудовании заставляли Россию интенсифицировать экономические связи с союзными и нейтральными странами. В числе приоритетных партнеров, в силу географического положения и специфики экономической структуры, оказалась Швеция. Она же со своей стороны нуждалась в сырье. Если в предвоенный период Российская империя занимала скромное место в шведском товарообороте, то Первая мировая война стимулировала возрастание шведского экспорта в Россию: за три года войны Россия переместилась с 7-го на 3-е место.

В самой Швеции во время войны шла внутривнутриполитическая борьба по вопросам сохранения нейтралитета. Шведское общество оказалось расколотым на «активистов» и пацифистов. «Активистами» называли сторонников союза с Германией и вступления в войну против России. В этот круг входили консервативное дворянство, офицерский корпус, высшая школа, лютеранское духовенство. Но влияние «активистского» движения в Швеции было незначительным. За сохранение нейтралитета стояли шведские социал-демократы и либералы. Политику нейтралитета поддержало большинство предпринимателей². Они требовали от правительства обуздать антироссийскую пропаганду в прессе и создавать позитивный образ России. В этой благоприятной среде и возникли условия для издания коммерчески ориентированной русской газеты «Скандинавский листок» в 1915 году.

Газета регулярно доставлялась с экспедицией в Россию. В сущности, ее издание и планировалось в значительной степени для потребления и пропаганды в кругах русских предпринимателей. Название газеты составлено по образцу, к которому привыкли русские у себя на родине («Петербургский листок», «Московский

листок», «Астраханский листок», «Одесский листок» и проч.). Ориентация на прибывших из России в Швецию также хорошо выражена. До войны, писала газета, русские в Стокгольме были большой редкостью. «Жило здесь несколько политических эмигрантов, несколько выходцев из России, застрявших случайно в Швеции и этим, не считая официальных представителей России, исчерпывалась вся русская колония» (СЛ № 359). Картина изменилась с июля 1914 года: «теперь тысячи, десятки тысяч русских находятся в Скандинавских государствах» (СЛ № 1). Появление газеты «Скандинавский листок» связано с беспрецедентным военным положением в мире и теми последствиями, которые внесла Первая мировая война в жизнь разных народов. Россия оказалась отрезанной от прежних торговых путей в Европе и потеряла связь со своими торговыми партнерами, среди которых главными были германские. Основной грузопоток в Россию сосредоточился на путях через Скандинавские страны.

7.1.1. История издания и его направленность

Русская газета «Скандинавский листок» вызывает закономерный интерес. Она издавалась в непосредственной близости от России в то время, когда в Петрограде одна за другой произошли две революции (февральская и октябрьская 1917 года). Политическая обстановка в России не стала предметом оценки и обсуждения в газете. Здесь придерживаются практики идеологического умолчания. Она свойственна экономическим изданиям³, а в качестве тактического приема используется субъектами политики; ср. заголовок телеграммы Российского Телеграфного Агентства (РТА): «Ни слова о большевизме» (НЖ, Харбин).

В «Скандинавском листке» господствует язык деловых отношений, коммерции, финансов, рекламы, наконец – язык культуры стран-партнеров. Главной целью издания было содействие укреплению торговых сношений между Швецией и Россией. Ведущей идеологемой публикаций, связанных с Россией, выступает слово *сближение*. Оценки той или иной ситуации находятся в прямой зависимости от степени воплощения этого главного замысла торгово-промышленных кругов. **Позитивность идеи сближения имеет прагматическую основу:** она сулит выгоды обеим сторонам – и России, и Швеции. Но в изучаемом газетном издании эта доминанта постепенно выводится на уровень глубинных, культурно-исторических ее оснований (см. далее).

В редакционном слове к выходу первого номера появление газеты для русских в Швеции расценивается как событие невероятное: «Газета на русском языке в Стокгольме! То, что казалось невероятной и даже неосуществимой мечтой, стало действительностью и

SKANDINAVSKIJ LISTOK СКАНДИНАВСКИЙ ЛИСТОКЪ

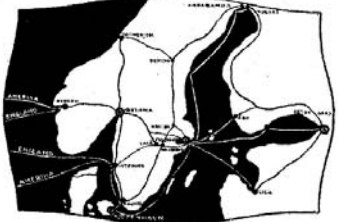
ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ ГАЗЕТА.

Дополнение:
Для тех, кто не имеет 20 стр. в неделю:
Абонентам доставлять посылку по почте.

Цена объявлений:
Второй и третий листы по 20 стр. в неделю, в год.

Подписная цена:
В год 3 кр. 50 ц. 1/2.
В квартал 1 кр. 10 ц. 1/2.
В месяц 30 ц. 1/2.
В день 10 ц. 1/2.

Печать и вынос: Стокгольм, Карлсбергсгатан 11.
Телефон: Рига 1018, 1019, 1020, 111.
Адрес: 7314, 1018.

Tidning för skandinavisk handel och industri på ryska språket.

Utgår varje lördag i veckan, enstaka och lördag.

Bästa annonsorgan för export på Ryssland.

Redaktion och administration:
Kardarskällaregatan 11, Stockholm
Telef. 1018, 1019, 1020, 111. ALLM. 2034, 10000.

Om du vill beställa eller skicka in annonser, vänligen adressera till:
Redaktion "Skandinavisk Lästare".
Bästas och värsta av oss är oss: på grund av oss.

6255 Стокгольм, Среда 14-го Марта 1917 г. Stockholm, Onsdagen den 14 Mars. 1917

Оборудование фабрик для производства и рафинации масла

Инженер **Beñå Særolin**, Kristiania (Норвегия) Kjøbenhavn, D.

Въ Петроградъ
„Скандинавский Листокъ“
имеется въ читальн. кабин. больш.хъ гостиницъ:
„Большой Сѣверной Гостиницы“ и „Свѣтль“.

A.-B. NYA BANKEN STOCKHOLM
Акц. Общ. НЯ БАНКЕНЬ
Вашингтон 6
Вашего рода банковск. сообще.

Акц. О-во „Иваръ Линдмаркъ“
Акционерскаfé Ivar Lindmark, Örebro
Комп. для обуч. Швеция, Норвегия, Финляндия, Чехия и Австрия
Телефон: 107 А 1927

Gedde & Bruce, Stockholm, Barnhusgr. 6
Второ по Экспорту и Импорту. Финляндия, Сербия, Турция и др. страны. Торговля и экспорты. Телефон: 1018, 1019, 1020, 111.

ФАБРИКА ИНСТРУМЕНТОВЪ „TOR“
HESLEHOLM
Телефон: 238
СПЕЦИАЛИЗОВАН.

Автомобили и Молотилки
Автомобильный заводъ в Швеции. Автомобили, тракторы, молотилки.
Axel Rydens Exportafdelning, Stockholm.

JOHN JOHANSSON, Stockholm, Götra Badstugugatan 12 B. А. т. 506. 7450. К. т. 506. 760
Цинковые бѣллы, свинцовыя бѣллы, охру, чугуръ, сталь и желье.

Русско-Канадская Агенция
North Westport 27
История и описание земель Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки.
Минер. вода
№185. 1018, 1019, 1020, 111.

Акц. О-во „Норвежский заводъ подпольныхъ винтовъ“ въ Кристини.
(A. S. Olo Nørstka Hestekonstruktørblik, Kristiania.)
Телефон: 1018. Телефон. адрес: Нюманнск. №1018. 1000,000 крон.

Электрический Лампочки
Утюги и ин. др. машин. купить дешево у
Hoslagens Elektriska Aktiefabrik, Stockholm, Klara 1, Kyrkogatan 5. Телефон: 1018, 111.

HUGO LINDEN
83 Högskolan 63
СПЕЦИАЛИЗОВАН.
Переводчикъ въ делов. Испанск. португал. во французск. и англиск. языки. Представитель испанск. и англиск. фирмъ. Телефон: 1018, 111.

ERIK ISRAELSSON, Stockholm, Västerlånggatan 13
Ищетъ для экспорта машин и инструментовъ: электромоторы, тракторы, молотилки.
Телефон: 1018, 1019, 1020, 111.

„Скандинавский Листокъ“
Издается въ Петроградѣ въ читальн. кабин. больш.хъ гостиницъ:
„Большой Сѣверной Гостиницы“ и „Свѣтль“.

Wahlberg & Andersson, Stockholm, Klara 1, Kyrkogatan 5. Телефон: 1018, 111.
История и описание земель Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки.
Минер. вода
№185. 1018, 1019, 1020, 111.

N. H. Nylander's Kullafabrik, Kristiania
Фабрика каменск. Н. Г. Ниландера въ Кристини (Норвегия)
Безопасно для здоровья и здоровья. Производство каменск. и другихъ строительныхъ материаловъ.

печатается и выйдетъ въ свѣтъ въ самомъ непродолжит. время. Цена 6 кронъ. Издание газеты

Торгово-промышленный календарь „СКАНДИНАВИЯ“

сегодня 1-го апреля 1915 г. наши соотечественники, число которых в Стокгольме, по имеющимся у нас сведениям, достигает до 15000 человек, будут иметь свою газету». Здесь же со щепетильностью, не характерной для русской газеты, подчеркивается аполитичность будущего издания: «"Скандинавский Листок" как торгово-промышленная газета не будет иметь никакой политической программы, а будет исключительно содействовать укреплению зарождающихся торговых сношений между Россией и Скандинавскими Государствами».

С направлением издания ознакомился А. И. Гучков⁴ и как председатель Центрального военно-промышленного комитета выразил свою благодарность его организаторам. Началась непростая жизнь газеты с ее неустойчивым бюджетом, заботой о распространении тиража и завоевании своего читателя.

Необычным для коммерческого издания был тот факт, что редактором и издателем газеты стал археолог (И. Г. Лурье). Заметной особенностью газеты была сильная историко-культурная составляющая. Обзоры истории торговой, завоевательной политики, культурных отношений двух соседей – Швеции и России, должны были восполнить тот недостаток специальных знаний, который ощущался обеими сторонами. Жители Скандинавских государств, отмечается в статье «Наши Северные соседи» (за подписью *коммерсант*), живут своей обособленной жизнью. В Скандинавии немного туристов, мало знают о России и русском народе. Неясное представление друг о друге мешает торговым отношениям. А здесь существует прочная, успешно развивающаяся промышленность. Надо только узнать друг друга лучше, и к этому должны стремиться обе стороны. В первую очередь этот недостаток знаний ощущали в Швеции русские, которые «очутились там без малейшего понятия об образе жизни, нравах и обычаях местных жителей, а незнание местных языков делает жизнь здесь, а тем более деловые отношения, весьма трудными и даже почти невозможными» (1 апр. 1915). Любопытно, что в публикациях более позднего времени (1918) подчеркивается та особенная легкость, с какой освоились русские в Швеции. Поскольку эти сведения имеют прямое отношение к дискурсу как явлению и процессу, остановимся на них подробнее. Приметой дискурса является имплицативность. За высказанным содержанием (что говорится) маячит невысказанный второй план (что этим сказано, или «что сказалося»). Должно быть, в силу тревожного своей неопределенностью положения в России в 1918 году, ИС газеты пытался сделать существующий в Швеции бизнес особенно привлекательным для русских коммерсантов. В описании, в комментариях обнаруживается облегченная точка зрения на положение вещей в торговле (сравнительно с 1915 г.). Слова и выражения, получившие распространение в обиходе в Швеции, но

малоизвестные читателю в России, даются в кавычках, сопровождаются оборотом *так называемый* или поясняются в скобках. Изложение строится занимательно для читателя, содержит много неожиданных, интересных ему деталей.

- Прошел какой-нибудь год, и русские обосновались плотно в Стокгольме. Есть кварталы, почему-то особенно излюбленные русскими, где чаще можно услышать русскую речь, чем шведскую. Это *так называемая «русская биржа»*, устроенная вблизи здания главного почтамта (№ 359);

- «Наши» быстро ориентировались за границей! Нельзя сказать, чтобы шведский язык был популярен где-нибудь в Саратове или Киеве, но русский народ чрезвычайно восприимчив, и на вторые сутки своего пребывания наши россияне уже неподражаемо произносили популярное шведское: – **ясо!**.. (Ага... вот как!), *которым обыкновенно щедро пересыпана вся шведская речь* (№ 361);

- Так или иначе – но русские пионеры оценили сразу, что может дать Швеция России, а в частности Стокгольм, где сосредоточена торговая жизнь страны; оценили так сказать и **«транзитные возможности»** <...> скоро, как грибы после дождя, стали расти здесь русские **«акцибологеты»** (акционерные общества), которые занялись усиленным экспортом товаров из Швеции в Россию. В несколько месяцев в Стокгольме было сфабриковано и немалое количество **«свежеиспеченных миллионов»**, или, как их принято называть в Швеции:

- **Гуляш баронов** (№ 318).

Кавычки и вынос слова с тире в короткую строку используются в качестве знаков, отмечающих свойственную русским торговым кругам форму выражения. Примером вкраплений в текст специфических форм языка может служить выражение *продать* или *купить «вагон»*. Описание ниже передает картину оживленной купли-продажи, разжигая воображение читателя приятными впечатлениями удачных сделок:

Если, прислушиваясь к разговорам, закрыть глаза, то можно на минуту вообразить, что **вы в петроградском кафе, где продают и покупают «вагоны», и где кнопки и иголки, электрические лампочки, поташ, наждак и напильники, сальварсан, термометры и сепараторы** – все смешалось в один заколдованный круг (№ 359).

Интересен случай непривычного еще употребления слова *карточка* в значении 'бланк с отрезными талонами при нормированной системе продовольственного распределения'. Слово относится к свидетельствам эпохи, к новому в обиходно-бытовом дискурсе. Можно вспомнить, что помимо «ключевых слов», то есть слов с относительно повышенной частотностью использования, выделяют еще «слова-свидетели», характерные для определенной эпохи и

фиксирующие изменения, происходящие в определенных сферах общества [ЛЭС 1990 : 467]. По всей видимости, слово *карточка* пришло из Германии. Оно ассоциируется с войной и образом вражеского государства в сознании русского. Автору текста пришлось сделать извинительную оговорку за свое выражение «вошла в почет». Сравните:

Надо отдать справедливость шведской организации распределения товаров. Оно рационарует те или иные продукты не тогда, когда в них оказывается острый недостаток, а когда только предвидит возможность такового. **Так в наше время вошла в почет «карточка».** *Некстати: кажется, ведь карточку изобрели в Германии?* (СЛ 1918, 4 мая).

Продолжим наши заметки об истории газеты «Скандинавский листок». 4 января **1916** года, в связи с новым открытием подписки, цель издания формулируется как *«русско-скандинавское экономическое сближение, развитие русско-скандинавских торговых сношений»*. Постоянные отделы газеты содержат статьи по вопросам внешней торговли, скандинавскую хронику, официальные распоряжения русского и шведского правительства по вопросам экспорта и импорта, вексельные курсы, объявления шведских торговых и промышленных фирм, экспортирующих товары в Россию и пр. деловую информацию. Русская экономическая хроника представлена в рубриках «Из русской печати», «Отклики русской печати», «Торгово-промышленные вести из России». Российскими источниками специальных сведений были «Финансовая газета», «День», «Торговая газета». Из номера в номер следует рубрика «Финансы, Промышленность, Торговля». Жанровый состав «Скандинавского листка» в качестве серьезного коммерческого издания характеризуется не только постоянством, но и привлекающим читателя разнообразием. Публикуются аналитические статьи, рецензии, очерки (например, очерки скандинавской промышленности, торговли и мореходства), фельетоны на бытовые и торговые темы, научно-популярные обзоры истории культурных связей Швеции и России. В ходу жанр беседы и ее оперативная разновидность – интервью. Коммерческой рекламе отводилась 4-я страница газеты.

Сначала «Скандинавский листок» издавался три раза в неделю. Через полтора года редакция уведомляет своего читателя о новых условиях выхода газеты: 2 раза в неделю по средам и субботам. В издании публикуются важные для читателя обзоры иностранной прессы по торговой тематике, интервью с иностранными коммерсантами, имеющими опыт коммерции в России. Редакция входит в вопросы интересов русских и шведов, в вопросы конкуренции между торговыми агентами разных стран за свое влияние в России (№ 245-246). В частности, странами-конкурентами Швеции были Германия и Америка.

Сильная конкуренция Германии как давнего партнера-монополиста в торговле с Россией сопутствовала закреплению ее негативного образа в контексте мировой войны. Газета поддерживала веру шведских коммерсантов в возможность обойти соперника в новой послевоенной ситуации в России. Прежние успехи Германии в области торговли с Россией подвергаются анализу и обсуждению. С оглядкой на опыт конкурента даются рецепты, строятся планы, прогнозируется новая торговая политика России после войны.

Столь же ревниво относились русско-шведские коммерсанты к активизации интересов в отношении русского рынка со стороны Америки. В редакции изучаются американские издания. В газете помещаются обзоры по вопросам возможностей и выгод такой торговли, мотивированные в американской печати тем, что «из всех стран Европы Россия экономически наименее развита».

Главной заботой издания в условиях российского кризиса было расширение читательской аудитории. Для этого планируется выпуск специальных приложений на шведском языке. В интересах шведских промышленников и торговцев освещаются как вопросы экспорта в Россию, так и возможности экспорта из России. Редакция ведет пропагандистскую и культурно-просветительскую работу, рассчитанную как на русских, так и на шведов. Например, в № 29 от июня 1916 г. читателя извещают о лекции редактора газеты И. Г. Лурье на тему «Перспективы шведско-русских торговых отношений». Лекция была организована правлением акционерного о-ва «Шведская Экспортная и Промышленная Выставка» и состоялась в помещении Академии Наук. В составе первоочередных вопросов, от решения которых зависят названные перспективы, редактор называет вопрос информационный. Изложение лекции дается в газете параллельно на русском и шведском языках.

И н ф о р м а ц и о н н ы е сообщения периода 1915-1918 гг. составляли три основных потока. Самый оперативный поток телеграмм относился к событиям мировой войны. Большая часть их, судя по источникам, поступала в газету из России (Петроград, Москва) или по каналам известных информационных агентств:

- **Агентство Рейтера сообщает**, что британские войска прибыли в Архангельск. Город был убран флагами. Население восторженно приветствовало войска.

- **Лондон, 20 июня. Из Москвы телеграфируют:** Английский отряд автомобилей проследовал через Москву на фронт. Тысячная толпа с энтузиазмом приветствовала англичан.

- **Восточный фронт. Петроград, 21 июня. Официально сообщается:** Ожесточенные бои на Стогри продолжаются. С 4 по 17 июня армиями ген. Брусилова взято в плен 3350 офицеров и 169.134 солдат

и захвачено 198 пушки, 550 митральез и 189 бомбометателей и много другой военной добычи.

Второй, основной поток информационных сообщений относился к торгово-экономической проблематике:

- **Королевским указом** запрещены с 15 июня к вывозу из Швеции: чемоданы, портфели, ридикюли, бумажники, аккумуляторы, хлористый цинк <...>.

- **Из Петрограда сообщают:** 29 января в совете съездов промышленности и торговли состоялось обсуждение по отдельным положениям доклада проф. М. Н. Фридмана «Основные задачи финансовой политики после войны», прочитанного докладчиком на Заседании комитета совета съездов. В общих чертах доклад сводится к следующему...

- **По сообщению Американского финансового вестника**, американский экспорт в Россию, за последние три года, превзошел всю сумму экспорта за предыдущие 50 лет, достигнув суммы в миллиард долларов. Главный предмет вывоза, как видно из отчетов, составили военные материалы.

Третий, более узкий поток новостей составляли сообщения, не только связанные с Россией, но косвенно влияющие на положение граждан в Скандинавии:

Капитан дальнего плавания швед О. Б. Дальбек представил шведскому королю доклад и ходатайство разрешить ему в одной из защищенных гаваней соорудить станцию для воздушного плавания. **С согласия русского правительства**, он возьмется организовать постоянное и правильное сообщение **между берегами Швеции и указанной гаванью Финляндии. Пассажирами могут быть как шведские, так и нейтральных держав граждане**. В его докладе указывается возможность проведения сообщения из Швеции к берегам Оландских островов (*Воздушное сообщение между Швецией и Россией. СЛ 1917, 8 сент.).

Начиная с № 213, формат газеты меняется. На фоне разворачивающихся событий в России газета становится более строгой, прагматичной по виду и более сухой по содержанию. В газете больше информации, даются параллельные заголовки на двух языках, выходит специальное приложение на шведском языке. С января 1917 г. на первой странице помещается содержание номера с переводом на шведский язык. Пробные номера газеты высылаются для ознакомления потенциальным читателям бесплатно. В № 255 внимание коммерсантов-шведов привлекает объявление об издании «Скандинавского Листка» целиком на шведском языке. Принимаются объявления для шведских номеров газеты (тариф: 2 кроны за 8 квадратных сантиметров). Читателя информируют о том, что шведское издание широко распространяется среди коммерческих и промышленных кругов Швеции, Норвегии и Дании.

Стимулом к обновлению издания отчасти послужила смена редактора. Прежний глава И. Г. Лурье в начале 1918 г. был назначен на должность представителя Российской Экспортной палаты в Стокгольме. Газета напутствует его в духе своей неизменной идеологии:

Ныне г. Лурье, получив назначение <...>, оставил редактирование нашей газеты. **Приветствуя г. Лурье на новом ответственном посту в той же области русско-скандинавского экономического сближения**, мы желаем ему успеха в его работе, **значение которой в переживаемый нами момент является особенно важной** (СЛ 1918, 2 марта).

На место редактора заступил Г. Г. Александров – эмигрант, окончивший Упсальский университет. Еще в 1912 г. он был привлечен И. А. Лунделем, первым профессором кафедры славянских языков в Швеции (изучал русский язык в Москве), для руководства «русским семинарием».

Свободно владея обоими языками, Г. Г. Александров читал лекции по русскому языку в Упсальском университете и для широкой публики в Стокгольме, так как общий интерес шведов к России возрос. В мае 1917 г. Г. Г. Александров был назначен российским консулом в Мальме. Это назначение было прокомментировано в «Скандинавском листке» в соответствии с концепцией издания о сближении России и Швеции:

Д-р Александров, хорошо знакомый со Швецией и всеми местными условиями, **надо надеяться, сумеет справиться с теми сложными задачами**, которые возлагаются ныне на представителей России за границей, будет **способствовать укреплению и развитию русско-шведских отношений**.

30 января 1918 г. сообщается о том, что «Скандинавский листок» организует ряд докладов по вопросам экономического и культурного сближения Швеции и России. Предлагаются лекции по истории культуры и для русской, и для шведской публики. В № 375-376 за апрель 1918 года дается следующий перечень тем и лекторов: «Петр Великий и его время» д-ра А. Енсена, «Шведско-русские сношения тысяча лет тому назад» д-ра Арне, «Промышленность Восточной России до войны» Г. Г. Александрова. Ту же задачу выполняют рекламные объявления о выставках на 4-й полосе. Ср. в том же номере: «Русское искусство на выставке церковного искусства в Швеции».

Относительная аполитичность «Скандинавского листка». Говоря об относительной аполитичности, мы подразумеваем нейтральное отношение газеты к острой ситуации в России. В контексте революционных событий на родине вопрос о выраженности поли-

тического аспекта публикаций в русской коммерческой газете того времени обойти невозможно. Но дело в том, что даже актуализированное в контексте эпохи слово *политический* не было востребованным наименованием в «Скандинавском листке». Совсем наоборот. Роль этого слова в газете самая незначительная. Оно существует здесь в качестве речевого стереотипа только по необходимости (наименование лиц, 'участвующих в революционном движении'), ограничено жанром объявления (на рекламной полосе) и редким для него контекстом практического рассуждения. Сравните: 1) в объявлении:

Российское генеральное Консульство в Стокгольме по предписанию Министерства Иностранных Дел объявляет, что в связи с чрезвычайными обстоятельствами настоящего времени и по соображениям государственной обороны, приостановлены впредь до новых распоряжений действия установленного льготного порядка выдачи паспортов **на въезд в Россию политическим эмигрантам**;

2) в контексте проблем торговли:

На курс русского рубля, помимо торгового баланса, **влияют и политические события**. В частности, внутреннее положение России;

Торговые сношения России и Швеции в последнее время **затруднены благодаря общей политической конъюнктуре**.

В стереотипных ситуациях в газете обходятся без слова *политический*, так как присутствуют соответствующие смыслы. В номере от 29 авг. 1917 г. газета не могла не опубликовать «Черный список» (заголовок), то есть список находящихся в нейтральных странах лиц и товариществ, с которыми русским воспрещается вступать в договоры или в какие-либо иные торговые сношения (в списке – 581 шведских, датских, голландских и персидских фирм). Традиционная политика, направляющая деятельность в области торговли, определяется отношением государств к политическим лицам. Смысл присутствует в скрытом виде в самом наименовании «черный список». Ср. по словарю Д. Н. Ушакова: *Черный список* (дореволюц., загр.) – 'списки революционеров, революционно настроенных трудящихся, которых капиталисты по взаимному уговору не принимают на работу или увольняют в первую очередь'.

В революционное для России время (конец 1917 – начало 1918 гг.) газета дает обширные материалы под рубрикой «Экспорт русского сырья в Скандинавию». В № 356 на всей полосе под рубрикой NORGE – RUSLAND расположены публикации параллельно на двух языках – норвежском и русском. **О перевороте в октябре 1917 г., о большевиках и т.п., в газете не упоминается** [РНБ: № 339 за 1917 г., №№ 349-386 за 1918 гг.]. Когда обозначились нужды

политической эмиграции в условиях революционного положения в России, даже тогда политический аспект сообщений подчинен культурно-экономическим потребностям русской колонии и, главное – соблюдению нейтральной позиции шведского государства. Способом отчуждения политизированных наименований в речи служат кавычки. Они выступают как сигналы чужой речи в контексте той злобы дня, которая породила наименования. Ср.: *Финская революция занесла в Швецию некоторых русских офицеров, которые были принуждены уйти из Финляндии, где протекала их служба, дабы не участвовать в борьбе между «белыми» и «красными»* (СЛ 1918, 4 мая). Как политические ярлыки такие наименования в российско-шведском дискурсе условны, они лишь отражают речевой стереотип, имеющий хождение среди мигрантов.

В целом, положение русской газеты в нейтральном государстве в период политического кризиса в России можно назвать затруднительным, причиняющим неудобства ее создателям.

Начиная с января 1918 г., газета дает сдвоенную нумерацию своих выпусков, что свидетельствует о продолжающемся сокращении издания в условиях новой политической ситуации в России. В № 349-350 от 5 янв. 1918 г. на четвертой, рекламной полосе издания говорится, что «многие товары запрещены к вывозу, большие трудности в области валюты и транспорта и т.д.». 9 марта 1918 года в «Скандинавском листке» публикуются «Новые правила для внешней торговли России» с перечнем торговых запретов. Необходимость запретов была вызвана удручающим внутренним положением России. Вместе с тем, для русских коммерсантов выражается оптимистическая надежда: *Но как только кончится война, все эти препятствия устранятся. Вам необходимо поэтому заблаговременно выяснить возможности торговых сношений со Скандинавией.* Оптимизм по поводу торговых сношений внушается при соблюдении одного коммерчески выгодного условия: *Что касается будущих сношений Швеции с Россией, то мы смотрим на это будущее с уверенностью и надеждой, но при условии, что товарообмен этих стран будет происходить непосредственно* (СЛ 1918, 23 марта).

С конца января 1918 года в «Скандинавском листке» стало очень мало информации о России (всего 1-2 материала в номере). В русском содержании газеты доминируют очерки по вопросам истории шведско-русских культурных связей. 16 января 1918 г. публикуются новые «Правила въезда и выезда из России». В 6-м пункте новых российских правил сообщается: «Лица, у коих будут найдены компрометирующие бумаги, арестовываются и препровождаются в распоряжение комиссариата по иностранным делам».

И все же читателю внушается вера в хорошие близкие перспективы отношений Швеции и России. Этому посвящена статья проф. И. А. Лунделя «Наши сношения (Что было, и что будет)».

В ней происходящие в России перемены обозначены обобщенно, без детализации, зато присутствует некоторая доля просочившейся в газету революционной фразеологии (*огромная сила, народ, Россия, освобождение от тяжелого гнета, новая эпоха*). Говорится, правда, больше о культурных устремлениях русского народа. Сравните: «Проходит уже гроза мировой войны. Надеемся навсегда, к счастью для шведов и для русских. Настанут новые времена. Завоевательный третий Рим, который давно уже был анахронизмом, распался. Четвертого не будет, как пророчил старец Филофей, и покоренные народы заживут новой жизнью, как и сама Россия. Временной хаос кончится. *Огромные силы и культурные стремления даровитого русского народа освободятся от тяжелого гнета. Настанет новая эпоха и для наших сношений*» (1918, 2 февр.; курсив наш. – Т. К.). При всей оптимистичности изложения концовка статьи И. А. Лунделя выражает озабоченность. Автор обращается к тому главному, ради чего существует издание. Последняя фраза не лишена чувства, близкого читателю, но относится больше к внутренней точке зрения, напоминая собой заклинание: *Взаимному ознакомлению, духовному сближению двух народов, да поможет и скромный «Скандинавский Листок»*. Последний номер в РНБ числится 11-м мая 1918 г. (№ 386). Ничего более о судьбе газеты нам неизвестно.

М и ф о л о г и ч е с к а я составляющая. Мифотворчество в газете связано с пропагандистской задачей. Нужно было внушить коммерсантам обеих стран уверенность в перспективности их совместного дела. Отсюда доминирующий план *Будущего* в речи организационно-убеждающего характера. Эта речь мотивирована опытом, мнением авторитетного лица и отвечает чувству конкуренции в международной среде торгово-промышленников; ср.:

• [шведский консул]: После войны **сами русские будут создавать** массу промышленных предприятий для использования природных богатств страны, и эти новые предприятия, **несомненно, будут нуждаться** в большом количестве технических сил и квалифицированных работников. А потому г. Норденсон **горячо советует шведским техникам и мастерам уже сейчас решительно взяться** за изучение русского языка, **чтобы быть в состоянии занять пустующие, ввиду устранения с рабочего рынка германцев, места** (СЛ № 186);

• [лекция И. Г. Лурье]: Швеция является одной из немногих стран, с которыми **Россия сумеет наладить** добрососедские торговые отношения. Хотя торговые сношения с Германией и будут иметь место после войны, но **Германия безусловно лишится** своего исключительного положения на русском рынке (СЛ № 288).

В публикации, относящейся к новому для России времени («Торговая политика России. Беседа с Е. С. Каратыгиным» от 2

февр. 1918 г.), авторитетный собеседник представлен читателю по канонам старого образца: *Известный общественный деятель, председатель Российской Экспортной Палаты, председатель правления общественных и торгово-промышленных организаций, Евгений Сергеевич Каратыгин в беседе с корреспондентом «Скандинавского листка» в Петрограде высказался по вопросам о торговой политике России*. Указанное лицо не являлось представителем новой власти, вскоре последовала его отставка и назначение на эту должность И. Г. Лурье. Высказывания Каратыгина противоречат тому, что происходило на самом деле (альянс большевистской власти с Германией). В них есть последовательно утверждаемая мифологическая составляющая. Вероятно, автор говорил о том, что хотели от него услышать коммерсанты в Швеции; ср.:

• **Россия, наученная горьким опытом войны, будет стремиться всеми силами пойти по новому пути** и не попасть окончательно под экономическое влияние какой-нибудь одной большой державы – Германии, Англии или Америки. **Вот почему взгляды России обращены на небольшие, но с сильно развитой промышленностью страны, как Швеция и Норвегия.**

• Ближайшие годы пройдут в России при колоссальном подъеме торговой деятельности. Русская промышленность **слишком ослаблена войной и социалистическими экспериментами**, и на промышленный подъем нет пока надежд. **Вот почему все усилия промышленных кругов России направлены теперь на правильную и планомерную организацию внешней торговли.**

Заметны идеологические нестыковки в речи собеседника. Выражение «пойти по новому пути» согласуется с новой идеологией, которая насаждалась в России. Но ей косвенно противоречит наименование «социалистические эксперименты», никак не согласующееся с точкой зрения ортодоксального большевизма.

Другой пример – публикация на специальную тему «Скандинавские техники и русская промышленность» (№ 381-382 от 27 апр. 1918). Начало изложения сразу сбивается к оценке положения дел в России. Делается это вскользь, попутно, а мнение принадлежит частному лицу (проф. Р. Корзухин): *Еще до текущих событий, превративших Россию в пылающую кучу развалин и грозящих извести на Руси всех людей, обладающих каким-либо научным познанием, русская промышленность в сильнейшей степени ощущала недостаток в техниках*. Далее автор занят только предметом своего сообщения.

Можно заключить: лишь в режиме чужой речи, намеком, газета давала читателю некоторое представление о том, что замалчивалось по идеологическим соображениям. Строго придерживаясь позиции

невмешательства, редакция дистанцировалась от политической оценки происходящего в России.

Труднее считать нейтральной издательскую деятельность «Скандинавского листка». Ее можно считать субъективированным действием, компенсирующим политическую остроту редакции. В этом смысле показательна рекламная аннотация к книге К. М. Оберучева «Великая русская революция» (№ от 27 апр. 1918). Аннотация содержит оценки, не оставляющие сомнения в том, что газета коммерческого направления не может быть совершенно аполитичной. Как живому организму, ей присущ субъективизм поступка. Таким поступком является факт публикации книги политического содержания; ср.:

Только что вышла из печати и продается во всех книжных магазинах Стокгольма новая книга о Русской революции 1917 г. на шведском языке в переводе доктора философии Альфреда Енсена «Великая Русская Революция» полковника К. М. Оберучева со многими иллюстрациями. Автор, принимавший непосредственное участие в событиях, дает правдивую и яркую картину событий в России.

Полковник К. М. Оберучев – один из видных деятелей революции 1917 г., в течение нескольких месяцев был командиром войск киевского военного округа. Свои интересные воспоминания, свои любопытные встречи и столкновения со всеми наиболее видными деятелями русской революции: Керенским, Лениным, Троцким, Брусиловым, Коллонтай и мн. др., он изложил в популярной форме, **и книга эта издана «Скандинавским Листком»**. Перевод на шведский язык сделан одним из лучших шведских переводчиков – доктором А. Енсенем, познакомившим шведов с Пушкиным и другими светочами русской литературы (Марк Norden).

Книга отражает понимание К. М. Оберучевым политических событий в России. Факт ее издания и рекламирования дает некоторые основания для отождествления позиций редакции с мнением рецензента, которое выражается с большой эмоциональностью. К. М. Оберучев отнесен к «видным деятелям революции 1917 года». Правда, отождествляются две революции (как мы бы сейчас сказали), и разные деятели даются в одном перечислительном ряду. Высока и степень навязчивости мнения лица, рекомендующего издание читателям: *Книга Оберучева – совершенно исключительно интересна и как нельзя больше своевременна*.

Нельзя не предполагать следующее: оценка изданной книги показывает коммерческую заинтересованность редакции.

Беженство в Швецию. В 1917 году берет свое начало поток массовой российской эмиграции в страны Европы. Во властных структурах Швеции возникают серьезные разногласия по поводу приема русских беженцев. Опасаются, что размещение в стране

эмигрантов из Финляндии, чья политическая активность была хорошо известна, фактически вовлечет нейтральную страну во внутри-русский конфликт и создаст угрозу политической стабильности. Чтобы не провоцировать раскол в обществе, было решено предоставить визы только 150 русским беженцам. Вместе с тем, с начала 1918 г. количество выезжающих в Швецию бывших жителей Петрограда и губернии увеличивается. Значительную часть эмигрантов составляли еврейские семьи, проживавшие ранее в западных и северо-западных губерниях бывшей Российской империи [Русский исход 2004 : 16]. Швеция и Норвегия становятся транзитными странами для российских беженцев.

В Норвегии социал-демократическая пресса считала, что помощь «русским бандитам и контрреволюционерам недопустима». Широко распространялось мнение, что рассеянные по стране несколько сотен политических беженцев (которых левая газета называла «пиратами, мошенниками») повлечет за собой крайне негативные последствия для Норвегии. В силу этих обстоятельств, на январь 1920 года в Швеции и Норвегии проживало лишь около 1500 эмигрантов из России (из них в Швеции насчитывалось около тысячи) [Там же 2004 : 33].

Подчеркнем: в числе причин, вызвавших эмиграцию северной русской буржуазии, были не только политические перипетии, но и экономический кризис в России, неблагоприятно сказавшийся на деловой активности предпринимателей. Результатом революции было падение объемов производства, общее обеднение, дезорганизация всей экономической жизни общества. Многие представители северного торгово-промышленного класса не видели перспективы ведения дел в России. Декрет СНК РСФСР от 22 июля 1918 г. запретил частную торговлю и явился одной из причин угасания налаженных было торговых сношений Швеции с Россией. По-видимому это стало причиной прекращения издания «Скандинавского листка». Хотя считается, что шведская буржуазия меньше пострадала от первых декретов Советской власти, по сравнению с предпринимателями Франции и Англии, все же следует признать, что Октябрьская революция не позволила России и Швеции реализовать тот экономический потенциал, который был накоплен двумя странами в первые годы мировой войны.

7.1.2. Концептуализация дискурса: выражение идеологии издания в ключевых словах

Чтобы судить об идейной направленности дискурса, достаточно обратить внимание на ключевые слова и смыслы, так как они в сжатом виде способны передать концепцию издания. Ключевыми словами традиционно считаются наиболее частотные слова по

текстам наблюдения (количественно-функциональный критерий оценки) и наиболее важные по смыслу слова (качественно-функциональный критерий оценки)⁵.

Коммерческая коммуникация «стратегична», как и любая другая, поскольку мотивируется желанием ИС газеты достичь посредством своих действий определенных результатов. Основной считается стратегия, которая с учетом иерархии мотивов и целей является наиболее значимой. К *основным* стратегиям относят те, которые непосредственно связаны с воздействием на адресата и его модель мира, систему ценностей и поведение. По своей сути они являются стратегиями когнитивными. Кроме того, выделяются стратегии *вспомогательные* – прагматические, диалоговые и риторические [Иссерс 2007 : 380]. Речевые стратегии переплетаются в действиях говорящего.

Направление деятельности во многом определяется доминантой – устойчивым очагом повышения возбудимости в коре и/или подкорке головного мозга⁶. Понятие доминанты хорошо известно, в том или ином виде оно использовалось в работах по литературоведению и лингвистической поэтике (Б. Эйхенбаум, Ю. Тынянов, В. Виноградов, Р. Якобсон, Г. Гуковский, М. Бахтин, М. Риффатер и др.). Отмечается, что доминанта текста может быть выделена по разным основаниям – идеологическому, жанровому, образно-композиционному, временному, языковому. В данном случае речь пойдет об **идеологической доминанте**.

В коммерческом дискурсе положение вещей рассматривается сквозь призму торгово-экономических предпочтений. Намерения ИС декларированы: «содействовать возможно большему сближению и развитию отношений между Россией и Швецией». Идея сближения в психосемантическом отношении так сильна, что акцентируется в слове не только по воле идеологического субъекта, но и непроизвольно. Связь между мыслью и словом обусловлена интенционально. Организующим началом в поведении говорящего выступает субъективная направленность на некий объект, активность сознания субъекта [Слово в действии 2000 : 10]. Слово *сближение* в сознании ИС связано с мыслью о средстве достижения успеха. Главным намерением ИС газеты было способствовать эффективной организации сношений между Швецией и Россией. Этой цели служили промежуточные задачи разностороннего сближения Швеции с Россией и социальная роль газеты «быть связующим звеном между Скандинавией и Россией». В семантическом поле дискурса с концептом «сближение» появляются слова *приобщение, узнавание, ознакомление*. Это наименования с р е д с т в, способствующих, по мысли ИС, развитию дружеского взаимодействия между партнерами. Таким образом концепт «сближение» выступает как страте-

гическая единица, обогащенная некоторым объемом ценностных представлений в сознании идеологического субъекта.

Концепт «сближение». Концептуальный анализ предполагает реконструкцию и интерпретацию базовых концептов. Теоретически концепт, или концептуальное пространство, формируется на основе стяжения общих признаков, репрезентируемых на поверхностном уровне текста словами и предложениями одной семантической области, что и определяет цельность концептосферы текста [см. Бабенко 2004 : 104-108]. Концепт «сближение» обозначен в изучаемых текстах, прежде всего – благодаря словам с морфом *близ-*. В поэтике повтор внутренней формы слова – один из приемов создания лейтмотива. В когнитивной же лингвистике живой процесс порождения и трансформации смыслов, проявляющих сходство, связывают с процессом концептуализации. В изучаемом газетном дискурсе повтор слов с морфом *близ-* становится навязчивым. Наблюдаются соположения однокоренных слов, в значения которых входят разные семы: 'пространственное положение'; 'установление тесных отношений, дружеской связи'; 'взаимодействие'. Особо выделим семы 'связь' и 'взаимодействие', содержащиеся в повторяющемся ключевом блоке *сближение Швеции и России*.

Повтор внутренней формы одновременно означает наличие парадигматических смысловых отношений. Согласно [Демьянков 1997], в зависимости от того, какая сущность является названием (смыслом) этого отношения, различаются два типа внутренней формы – словообразовательный и смешанные случаи. Слова абстрактной семантики, значение которых возникло путем метафорического переосмысления пространственных категорий (*представление, влияние, сближение* и т.п.), имеют внутреннюю форму смешанного типа. Такие слова не имеют «конкретного» значения – его имеют лишь составляющие данное слово морфемы. Объединение довольно разнородных явлений в рамках единого понятия «внутренняя форма» нужно потому, что оно имеет под собой вполне определенную психолингвистическую реальность: **«исходное» значение в концепте необычайно глубоко укоренено в сознании говорящих.**

Подойдем к вербальным наблюдениям с критерием «обычное-необычное» в использовании слов с морфом *близ-*. Обычным явлением будет использование *прямых* значений для передачи пространственного или временного расположения: близости во времени (*в ближайшее время*), близости в пространстве (*несмотря на близость Швеции и России*). Однако ведущим в проблемных публикациях «Скандинавского листка» является все же *переносный* смысл отглагольного существительного «сближение» с семантикой взаимности (*руско-шведское экономическое сближение*).

Необычным в газетном дискурсе является то, что слова с корнем *близ-* и в прямом, и в переносном значениях тяготеют друг к другу в синтагматическом отношении. Бросается в глаза **словесная избыточность в синтагматической цепочке**, а также **появление слов с корнем близ в сильных позициях текста** – в заголовке, зачине, концовке. Сравните заголовок *«О русско-шведском экономическом сближении»*, зачин статьи и ее концовку:

[зачин] Для освещения вопроса о возможностях взаимного товарообмена России и Швеции **в ближайшее время**, мы обратились к одному из наиболее видных деятелей на почве русско-шведского **сближения**, директору Нью Банкен (Nya Banken) г-ну У. Ашбергу <...>;

[концовка] Будущее шведско-русских отношений рисуется мне светлым и оживленным – и я верю в **близость** экономического и культурного **сближения** обеих стран, – закончил У. Ашберг (СЛ 1918, 9 февр.).

А. А. Потебня писал о том, что без всякого намерения со своей стороны человек замечает звуки своего голоса⁷. Быть может, без всякого намерения появился в тексте избыточный повтор внутренней формы слова. Но само явление показывает, что эта форма, говоря словами В. З. Демьянкова – «центр, ядро образа, внушаемого целым словом». **Регулируя процесс понимания, внутренняя форма предопределяет ожидания интерпретатора** – отсюда возможность угадывать, что хотел сказать человек, использовавший избыточность слова. Все-таки значение времени в приведенных сочетаниях могло быть передано другим способом: прямое значение передается выражением «в скором времени»; смешанное значение (ср. «близость сближения») выражением «близость тесного сотрудничества». Так или иначе приходится рассматривать два варианта объяснения. *Первый:* избыточность или тавтология могут быть не контролируемые в определенном состоянии человека (психологическое объяснение). *Второй:* слово специально «впечатывается» в сознание, мы имеем дело с речевой стратегией (риторическое объяснение).

Обратим внимание на грамматику слова, на неоднократное использование формы отглагольного существительного. *Во-первых*, номинализация говорит о желании речевого субъекта представить сближение как уже совершающийся процесс. Правда, в тексте имплицитивно выраженное желание уравнивается семой гипотетичности вкупе с модальностью возможности (*«вопрос о возможности взаимного товарообмена»*) и с модальностью веры (*«я верю в близость экономического и культурного сближения обеих стран»*). *Во вторых*, слово «сближение», обладая актантными свойствами, обозначает взаимно-возвратную ситуацию⁸. Благодаря повторам, сема взаимности тоже актуализируется как стратегическая в концепции сближения.

О русско-шведскомъ экономическомъ сближеніи.

(Интервью съ директоромъ Нью Банкомъ У. Амбергемъ.)

Какъ освѣщенный вопросъ о экономическомъ сближеніи товариществъ России и Швеции въ ближайшее время, я обратился въ одному изъ наиболее видныхъ дворянъ на нашу соотечественную общину, директору Нью-Банка (Nyu Banken) г-ну Амбергу, который, являясь естественнымъ членомъ, лишь въ легкихъ рукоясъ изъ России, куда въѣзжаетъ для покупки необходимыхъ для Швеции товаровъ.

Директоръ У. Амбергъ.

— Считаете ли возможнымъ въ наше время закончить то же было пробовать между Швеції и Россіи?

— Не только возможно, но и необходимо. Экономическая связь между этими странами, что ждешь пока прекратится политическая борьба в России не прекратится. — замѣтилъ У. Амбергъ. Нужно теперь возобновить связи между Швеціей и Россіей и, несмотря на разрывъ торговыхъ сношеній, сохранить связь между этими странами, а съ другой стороны, и на границахъ, въ области торговли и промышленности, думать о взаимномъ сближеніи. Повторю, что при существующемъ состоянии русской валюты полная независимость курса русского рубля приобрести необходимо, давая въ уплату кредитный билетъ, въ связи с зарученными, но то же время такъ не потерять своей добычи и обязать вас не можете заключить обоимъ ничто неимеющего договора. Кредитный билетъ У. Амберга, а съ этого необходимыми отъ насъ импортировать кредитный рубль, чтобы легче удовлетворить потребности русской рубли. Видно, вопросъ является важнымъ въ предмете обмена, а предметомъ первой необходимости. Такъ или иначе, сейчасъ чрезвычайно озабочены Россия должна въ своемъ материале, для обеспечения ремонта и восстановления своихъ железныхъ дорогъ.

По мнѣнію г. Амберга экономическая связь, который поставила ребромъ вопросъ обмена и валюта, встретивъ сударства въ свои руки концы, не желая этой важной статьи валютного хозяйства. Въ России г. Амбергъ встрѣтилъ такую же живую реакцию почти на всю страну, оживленную торговлю и на перспективу будущего она, смотря весьма оптимистически.

— Что же касается Швеции, — замѣтилъ г. Амбергъ, то явное впечатление о политическомъ исключительно отношеніи въ этому важному вопросу и поэтому идетъ конструктивная и упорную въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Россіей.

Характерна въ дальнѣйшей своей бесѣдѣ современное отношение

на все время, война обострила работу для урегулированія правильнаго торговаго обмена между странами, — замѣтилъ У. Амбергъ. — Ваше мнѣніе о восстановленіи правильнаго торговаго обмена между Швеціей и Россіей или Швеціей?

— Это вопросъ самого важнаго характера. Съ проведеніемъ демократизации въ России освобождается торговля, который безъ сомнѣній будетъ употребленъ для организаціи регулярнаго сообщения и темъ самымъ установится возможность правильнаго торговаго обмена и съ Швеціей.

Что же касается короткого сообщения съ Швеціей, то г. Амбергъ придерживается того мнѣнія, что или будетъ избыточнымъ здесь можно считать какъ одинъ изъ портовъ западнаго побережья, или полный возможности приходить въ Петроградъ. Такую же картину наблюдаютъ и въ Финляндіи являютъ изъ Швеции.

Въ дѣлѣ восстановления русскаго железнодорожнаго сообщения, по мнѣнію г. Амберга, шведская промышленность можетъ сыграть большую роль, особенно въ томъ, что касается оборудования, но и часть необходимыхъ для ремонта железныхъ дорогъ и приподнятыхъ составовъ. При существующемъ техническомъ установившемся въ России явится возможность послужитъ на русскомъ рынкѣ не только страны, что повлечетъ несомненно за собой увеличение торговли.

Въ восстановленіи русской промышленности и разработкѣ ее при родныхъ богатствъ, какъ полагаютъ г. Амбергъ, на долю шведскаго капитала падаетъ сравнительно съ Америкой и Англійей, не столь значительная роль, но въ этомъ отношеніи послѣ войны несомненно придутъ въ помощь шведскіе инженеры и квалифицированные рабочіе, въ которыхъ такъ нуждается русская индустрія.

Мировой рынокъ металловъ.

Мѣди (Окончаніе).

Самымъ увеличилась свое производство мѣди на оловянныхъ 10—15 мѣтъ Иноземіи, достигавшая въ 1913 г. 2,7 проц. мирового производства мѣди. Въ 1900 г. выдѣлано было въ Иноземіи только 24,3 тыс. тоннъ мѣди, въ 1913 г. выдѣлано достигло 77,9 тыс. т., т. е. увеличилось более чѣмъ въ 3 раза. Темпъ развитія иностранной мѣдной промышленности былъ, однако, избыточно медленнымъ, чѣмъ въ России, гдѣ производство мѣди въ то же время увеличилось благодаря необходимости ликвидировать запасы, почти въ 4 раза (изъ 8,5 въ 34,3 тыс. тоннъ). Абсолютно, однако, иностранное производство мѣди было въ два раза больше, чѣмъ русское и въ 1915 г. Японія въ основаніи была доставить России черезъ Владивостокъ 1,610 тыс. тунъ (35,400 т.) мѣди на 30,8 милл. рублей.

Максимумъ ввоза получали въ России въ 1904 г. Минимумъ же ввоза приходится на 1907 г., но въ то же время въ 1906 г. былъ вывезенъ мѣди больше ввоза охранительная пошлина на мѣди, въ 5 р. за тунъ, имѣло превращеніе 3 р. 70 к. за тунъ.

Благодаря увеличенію спроса на мѣди и уменьшенію производства, Россия вынуждена была ввозитъ въ 1914 г. 12,8 тыс. т. мѣди. Въ 1910 же году ввозъ мѣди еще больше увеличился, причемъ только черезъ Балтийскій портъ было ввезено 1,891 тыс. т. мѣди (31,000 т.) стоимостью въ 35,6 милл. р. Противъ 226 тыс. т. стоимостью въ 2,5 милл. р. въ 1914 г. Главными поставщиками мѣди явились при этомъ Японія, откуда ввезено было этого металла въ Россию на 30,5 милл. р. къ то время какъ изъ С. Штатовъ ввезено было мѣди всего на 3,7 милл. р.

Если Россия могла бы и раньше, повлечь увеличеніе своего производства мѣди и увеличенію потребности въ этомъ металлѣ путемъ более усиленнаго ввоза изъ другихъ странъ, то Германия въ отношеніи снабженія мѣдью оказалась въ более неблагоприятномъ положеніи. Хотя выдѣлка мѣди въ Германин и достигла въ 1913 г. 41,1 тыс. т., но изъ собственной руды было добыто въ 1913 г. только 25 300 т.

По отдельнымъ странамъ мировое производство мѣди представлялось съ 1900 г. въ слѣд. видѣ (въ тыс. тоннъ):

	1900	1910	1913
Мировое произв.	502,2	916,8	1.044,6
Сред. Штаты	174,4	333,9	348,1
Германин	108,9	219,5	259,3
Англіи	108,5	140,0	140,9
Франція	51,6	55,7	103,6
Россія	29,4	28,0	41,2
Аустре-Венгрія	19,7	23,5	30,2

Такимъ образомъ, что Сред. Штаты между войнъ странами заняли первое место не только въ отношеніи

Приведемъ другой примеръ акцентированія ключевого смысла благодаря повтору внутренней формы. Объявление на рекламной полосе гласит:

Продолжается подписка на 1918 год на газету для экономического и культурнаго сближенія Швеции и России «Скандинавский Листокъ». В газету принимаютъ ближайшее участие: доктор философии Туре Арне, доктор философии Альфредъ Енсен, доктор Антонъ Карльгрен, профессор И. А. Лундель, доктор Рикардъ Экслумъ и др.

Здесь нетъ нарушенийъ сочетаемости: выраженіе *принимать ближайшее участие* фиксируется словаремъ под ред. Д. Н. Ушакова какъ стереотипное. В то же время сочетанные смыслы — а) переносное ‘тесное взаимодействие’ и б) смешанное ‘скорое дружеское участие’ — повышаютъ градусъ влияния на читателя, благодаря повтору внутренней формы.

Итакъ, внутренняя форма слова какъ составляющая концепта въ объеме вербальной практики коммерческаго дискурса существует въ разныхъ типовыхъ вариантахъ — в словообразовательномъ (прямомъ) и смешанномъ (метафорическомъ). В синтагматическомъ плане текста эти варианты **соседствуютъ другъ с другомъ, создавая эффектъ эха в семантике дискурса сближенія**: прямое + смешанное (прямое + переносное) значенія.

Прямой, или пространственный, аспектъ значенія преобладаетъ какъ более наглядный иконический (подр. в 7.2).

В одномъ изъ контекстовъ актуализированы слова с внутренней формой словообразовательного типа: *близкий, близость*. На языковомъ уровнѣ значенія этихъ словъ объединяются первичнымъ понятіемъ пространственнаго отношенія. Но в газетномъ дискурсе эти значенія трансформированы комическимъ пониманіемъ давно существующего на деле противоречія. Слова о пространственной близости Швеции и России охвачены имплицативнымъ смысломъ о длительномъ нераціональномъ для торговли отношеніи между странами. Нераціональность (коммерческая, а за ней и житейская) обозначена лексически и грамматически на базѣ противоположенія въ формѣ уступительной конструкции, а затемъ усилена интенсивомъ *никогда не*. Сравните: **Несмотря на близость Швеции и России, торговые сношенія между этими странами никогда не достигали большого развитія**. В насмѣшливомъ вариантѣ дискурса идея пространственной близости Швеции-Россія обыгрывается преувеличенной оценкой странности такого положенія с использованием лица комическаго «героя» — русскаго обывателя. Объективный фактъ близости объекта (прямой смыслъ ‘находиться рядомъ’) подается какъ неожиданный для субъекта несобственно-прямой речи:

Когда на русском рынке остро стал ощущаться кризис бестоварья, – а это случилось уже на втором году войны, **русский обыватель** потянулся за географической картой и **тут не без удивления обнаружил, что путь на Швецию уж не так далек**, и что Стокгольм, *пожалуй, лежит и в самом деле несколько ближе Северного полярного круга*. И, поневоле, *приздумался!*

В «географической картине мира» говорящего, мнение комического субъекта пересекается с доводами субъекта знания: первый соглашается со вторым (*пожалуй, лежит несколько ближе*). Смягчающим обстоятельством служит указание на житейский прецедент: *Шведы же, по справедливости следует заметить, знали Россию ... не больше того. Это было, так сказать, обоюдное незнание, как часто случается с двумя близкими соседями*. Положение мотивировано констатацией обоюдности такого «состояния незнания», которое в подтексте наименования «близкие соседи» усиливает логико-смысловое несоответствие норме отношений.

Комический образ или идея, положенные в основу рассмотренных номинаций, задают необычный способ существования языкового сознания в дискурсе. *Пространственно-материальная* семантика внутренней формы слова «близкий» оказывается дискурсивно родственной приоритетному *духовному* концепту «сближение».

Иконизм выражения идеи сближения в тексте. На синтагматическом уровне пространственное значение материальной близости реализуется благодаря иконическим знакам в текстах, где формируется символический ряд связанных концептуально элементов высказывания. К иконическим знакам близости мы относим языковые знаки, отражающие на линейной оси видимую связь референтов Швеция и Россия. Это может быть: а) непосредственное соседство однородных дескрипций и производных от них наименований: *история Швеции и России, шведы и русские*; б) взаимное сочетание их в одной синтаксической позиции; в) обозначение совокупного единства: *оба народа, о взаимоотношениях обеих стран*; г) подразумеваемое признаковое единство: *шведы и русские – старые знакомые*; д) контактное положение в структуре сложного словосочетания с 'предложным определительным местонахождения': *русско-византийская живопись в одной шведской церкви, скандинавские мотивы в русских былинах*. Такого рода знаки сближения можно наблюдать в тексте рецензии на книгу «Великий Свитиод» (СЛ 1918, 6 февр.). Здесь говорится о культурном взаимодействии двух народов в прошлом, а концептуальным аналогом слова *сближение* выступает слово *знакомство*.

Доказывать шведскому обществу, что **шведы и русские старые знакомые**, что это **знакомство не ограничилось** теми всем известными историческими моментами, когда эти **оба народа** сталкивались на поле

битвы, что **оно началось уже до времен Рюрика**, и что **оно тянулось столетиями** то более оживленно, то несколько затихая, но что **его** почти полное прекращение надо отнести к сравнительно недавнему времени – наконец, что это *старое, чуть не забытое знакомство* *следует возобновить*, что тут есть задача, за которую стоит взяться серьезно, что этот вопрос нужно ставить во всю его ширину – вот цель, которую поставил себе талантливый шведский архитектор доктор Т. Арне в своей вышедшей недавно книге о «Великом Свитиоде» (Свитиод – так в старину называлась Швеция).

Тут не место судить о научном значении этой книги, об этом пусть скажут свое слово более компетентные, мы же со своей стороны приветствуем в ней новый ценный вклад в **шведскую литературу о России**. За последние десятилетия исследованы многие вопросы общей дипломатической и военной истории **Швеции и России**, на **шведский язык** переведены многие из лучших произведений могучей **русской литературы**, но вопрос о культурных взаимоотношениях **обеих стран** до сих пор почти не затрагивался вовсе. Тут Арне является пионером. *Он рассказывает шведскому обществу* о том, как в первые столетия **по Р. Х., по рекам восточно-европейской равнины** шли громадные передвижения народов, в которых играли крупную роль **германские племена**, основавшие в **южной Руси царство готов**, как в это время с **берегов Черного моря на север** шло сильное культурное течение, давшее **скандинавским** народам, между прочим, их первую азбуку, руны, *он знакомит своих соотечественников* с теми следами **варяжских колоний**, которые найдены **русскими исследователями и им самим в различных местах России**, с остатками **скандинавских мотивов в русских былинах**, он говорит о **русско-византийской живописи в одной шведской церкви** на о. Готланд, о **русских колоколах в шведских церквях**, о **русских иконах в шведских собраниях**, о **шведском «торговом шпионе» в России** в 17-м столетии, о **«русском подворье» в Стокгольме** и т.д.

С нашей точки зрения, к иконическим знакам концепта «сближение» здесь относятся: 1) контактные парные сочетания с соединительными союзами: *Швеция и Россия, шведы и русские*; 2) сочетание по соседству знаков, предметно связанных и взаимно обусловленных пространственной локализацией: *германские племена, основавшие в южной Руси царство готов; скандинавские мотивы в русских былинах, русско-византийская живопись в одной шведской церкви, русские колокола в шведских церквях, русских иконы в шведских собраниях, шведский «торговый шпион» в России в 17-м столетии, «русское подворье» в Стокгольме*; 3) повторяющееся соседство знаков обоих референтов, связанных предикативно пропозицией (*следы варяжских колоний, которые найдены русскими исследователями и им самим в различных местах России; по Р. Х. (Руси Христианской. – Т. К.), по рекам восточно-европейской равнины шли громадные передвижения народов, в которых играли крупную роль германские племена*). Кроме того

признак сближения передает семантика совокупности: *обеих стран, оба народа, общая история Швеции и России.*

В данном случае иконический и вербально-смысловый комплексы сливаются, существуют как единое целое. Такой «комплекс печатной страницы» существует уже в качестве «чувственно-вещественной объектности, созерцательно воспринимаемой и обладающей целостностью» [Мисонжников 2001 : 181] в духе изучаемой эпохи *логоцентризма*. Отметим, что наименование «иконический» знак, принадлежащее Пирсу, может быть заменено на «символический» знак. О тонком осознании того, что различие трех основных классов знаков (иконических, индексальных и символических) является у Пирса лишь различием в их относительной иерархии, писал Р. Якобсон. Он подчеркивал, что в основе разделения знаков на иконические знаки, индексы и символы лежит не наличие или отсутствие подобия или смежности между означающим и означаемым, а лишь преобладание одного из этих факторов над другими. Ученый говорит об «иконических знаках», в которых сходство поддерживается конвенциональными правилами⁹.

Об условиях успешного торгово-экономического взаимодействия России и Швеции говорится на примере частных историй коммерсантов – шведов, работающих в России. Позитивность оценок и сочетание наименований по принципу соединения «шведское-русское» подчеркивает это взаимодействие:

Одним из важнейших условий торговли с Россией является организация там хорошо поставленного представительства с привлечением к этому делу в полне компетентных лиц. Акционерному о-ву «Торговля и промышленность» удалось в этом отношении достигнуть значительного успеха. О-во **открыло в Петрограде контору**, которая работает под руководством директора **Густава Нордина, шведа**, родившегося **в России**, о ч е н ь опытного коммерсанта. В течение последних лет он был, между прочим, **управляющим русским отделением «Северной Компанией»**. Технической частью отделения заведует инженер **Адольф Лаурин**, состоящий много лет **управляющим русским отделением** Акционерного о-ва Оружейных Заводов Хюскварна (СЛ 1917, 28 апр.; разрядка дана по первоисточнику. – Т. К.).

Картина сближения, культурного и языкового приобщения русских и шведов друг к другу дается в описательно-повествовательных контекстах. Они иллюстративно поддерживают главную идею издания. Ряды предикатов развивают тему освоения русскими и шведами языков друг друга:

А через неделю спустя уже **любой россиянин благодушевствовал** в кафе за газетой, которую, **безусловно, не «читал» ногами вверх** <...>. Нечего говорить уж о том, что «универсальному магазину», чтобы

удовлетворить вкусы русских дам – **пришлось завести специальных переводчиков, которые сумели бы точно разъяснить**, какие именно складки и кружева требуются на данном платье и т.д. и т.п. **Не прошло и месяца как большинство** стокгольмских крупных магазинов **украшилось** табличками с такими надписями: **Здесь говорят по-русски** (СЛ № 361).

Наибольшая степень выраженности субъективной концепции сближения связана с употреблением местоимения *МЫ*. В модусе будущего, как и в модусе прошлого, концепт русско-шведского сближения присутствует благодаря совокупному *мы*, притяжательному местоимению *наши* и наречию *вместе*. Все они включены в предикативную рамку высказываний на правах важнейшего (и потому повторяющегося) смысла взаимности или совокупности. Сравните:

Проходит уже гроза мировой войны. **Надеемся** навсегда, к счастью **для шведов и для русских**. <...> Огромные силы и культурные стремления даровитого русского народа освободятся от тяжелого гнета. Настанет новая эпоха и для **наших сношений**. На научном поприще **нам предстоят** великие задачи. **Будем разрабатывать вместе** историю се-верных народов. В русской земле, в русских музеях и архивах хранятся массы самых любопытных памятников и документов – **надо [нам] их обнаружить и исследовать** <...> [И. А. Лундель. * Наши сношения (Что было, и что будет). СЛ 1918, 2 февр.].

Вместе с тем, желаемое входит в конфликт с реальным развитием событий. В дискурсе этот невольный конфликт отражается языком имплицитно.

7.2. Когнитивно-семантические оппозиции, имплицитно связанные с референтами Россия/Швеция

В отличие от идеологии сближения, которая настойчиво проводится идеологическим субъектом в речи, противоположения наименований в контексте общего смыслообразования, связанного с Россией и Швецией, передаются языком непроизвольно. В дискурсе эти оппозиции существуют как элементы, отражающие реальную картину мира.

Проблема исследования доминирующей в языке картины мира – одна из основных проблем не только современной лингвистики, но и дискурс-анализа (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Т. В. Булыгина, В. Г. Гак, Е. В. Падучева, Ю. С. Степанов и др.). Аспекты этой проблемы различны. Нас в данном случае интересует аспект доминирующих падежных связей ключевых слов Россия и Швеция в рамках пропозиционального соотношения агенс-пациенс. Как известно, именные категории, в частности категория падежа, соот-

носятся с точкой зрения говорящего через синтаксическую конструкцию, которая в свою очередь характеризуется определенными функционально-текстовыми возможностями [Онипенко 2007 : 322]. По сути мы имеем дело со схемной семантикой, которая касается «набора ролей и допустимых их сочетаний – “падежных рамок”, или “фреймов” в составе высказывания»¹⁰. Встает вопрос, как сказывается наличие таких рамок для референтов Швеция и Россия в составе идеологического дискурса сближения.

Семантические оппозиции наименований Швеция и Россия в падежном фрейме. Стереотипная сочетаемость как отражение доминирующих связей языковой картины мира способна показать «уровень значимой типизации, отражаемой в картине действительности» [Букаренко 2007 : 478], а сами доминирующие связи, в свою очередь, могут быть национально отличительными в ту или иную эпоху для некоторых социальных групп народа. Ср. мнение Н. Д. Зарубиной и А. А. Леонтьева: «Национальное своеобразие видится в наличии/отсутствии тех или иных концептов, их ценностной иерархии, системе связей и проч.» [цит. по указ. соч.]. В системе языковых связей центральное место принадлежит связи «предмет и его действие».

Актантные позиции и падежные связи слова Швеция. Уровень значимости слова *Швеция* в семантической роли «активно действующий субъект» довольно высок. Вот типичный для него ряд предикатов, когда слово стоит в падеже субъекта: *Швеция «играет роль», «стала главным поставщиком», «обратила особое внимание», «увеличила экспорт», «начала экспортировать в больших количествах ряд новых товаров»* и т.п.

Мы относим к языковому концепту «активно действующий субъект» и те составные дескрипции, в которых роль Швеции как а г е н с а подразумевается. Это составные номинализованные словосочетания с генетивной формой субъекта действия: «*Лояльный нейтралитет Швеции содействовал установлению* наилучших отношений между обеими странами»; «*Переход Швеции* от земледелия к промышленности *вызвал выступление ее* на мировом рынке»; «Последние 50 лет, это – период необычайного промышленного *роста Швеции*».

Наименованиями, создающими совокупный образ действующего субъекта, могут быть имена референтов, с которыми отождествляется образ Швеции (или России): наименования групп, фирм, деятелей социального поприща и т.п. Ср.: «*Шведские инженеры проложили себе дорогу, завоевали определенное положение* в русской технической организации»; «*Среди стокгольмских организованных рабочих*, в их профессиональных союзах, уже неоднократно

подымался вопрос...»; «*Стокгольмская “бургаскула”* (Городская школа с вечерними занятиями для взрослых) *ввела русский язык в свой учебный план* еще в 1906 г.»; «*Комиссия риксдага обратилась* в Государственную Думу с *просьбой сообщить* результаты насаждения трезвости в России».

Именные словосочетания с актантом Швеция в пассивном падеже объекта для изучаемого коммерческого дискурса не характерны. Большинство именных словосочетаний с актантом Швеция в предложном падеже отрабатывают стереотипные предпочтения, связанные с экспортом, – с семантикой локализации и направления передвижения товаров: *вывоз продуктов удобрения из Швеции в Россию; товары, запрещенные к вывозу из Швеции; транзитом через Швецию.* Формы творительного падежа включены в семантику «субъект взаимного действия» – *торговля продуктами русского птицеводства со Швецией.* Множество именных словосочетаний имеют атрибутивную дескрипцию *шведский* и включены в общую действительную картину: «*шведский экспорт в Россию*», «*шведские промышленники и экспортеры шведских товаров*», «*шведский консул в Москве о русско-шведской торговле*», «*шведские техники и мастера*»; «распоряжения *шведского* правительства, ограничивающие права иностранцев»; «объявления *шведских* торговых и промышленных фирм, экспортирующих товары в Россию»; «многочисленные запросы *шведских* фирм относительно проектируемой в Петрограде Выставки усовершенствований и изобретений».

Заданный в газете образ Швеции как заинтересованного активного партнера России был не случаен. Во-первых, для этого были объективные основания: обстоятельства военного времени, географическое положение, политическая конъюнктура. Во-вторых, имелись причины субъективные: благоприятное положение русской колонии в Швеции, условия существования и самочувствие эмигрантского печатного издания в нейтральной стране.

Актантные позиции и падежные связи слова Россия отличаются от рассмотренных выше. Дескрипция *Россия* в подавляющем большинстве находится в позиции пациенса (публикации в газете за 1917-1918 гг.). Преобладают именные словосочетания с дескрипциями *русский, российский.* Присутствует множество сведений из русских источников, фактов из русской жизни, истории культуры. Эта ассоциативная множественность и приводит к разнообразию и количественной частоте использования указанных дескрипций как в заголовках, так и в текстах.

Сначала мы обратимся к имени *Россия* в падеже субъекта (именительный падеж). Исходная форма имени встречается во множестве заголовков, где имя *Россия* сочетается союзом **И** именем другой страны. **Символизируется идея равнозначного**

соединения: «Россия и Норвегия», «Россия и Египет», «Турция и Россия», «Соединенные Штаты и Россия». Привлекают внимание соединения с неоднородными, или неравнозначными, именами: одно называет «отрасль экономики», другое – название целой страны (Россия): «Американские банки и Россия», «Норвежская промышленность и Россия», «Шерстяное дело во Франции и Россия». На фоне этого стереотипа заголовок «Нижегородская ярмарка и шведская промышленность» выглядит более логичным по соотношению соединяемых понятий. В манере объединять в заголовках наименование отрасли и наименование страны можно усмотреть чисто формальное, представительское употребление номинации *Россия*. Такая недифференцированная обобщенность, на наш взгляд, – сродни показателю пассивного начала, которое вольно или невольно возникает в «Скандинавском листке» в связи с образом России.

Союз **И** выступает как **носитель концептуальной идеи** «сближение, соединение» там, где речь идет о торговом союзе между Россией и Скандинавскими странами: *Но нужна более планомерная и интенсивная деятельность, главным образом информационная, дабы Россия и Швеция стали ближе друг к другу*. Идея соединения просматривается и в заголовках, и в текстах с генетивными формами наименований. Заголовки: *Торговые сношения Дании и России. О торговых сношениях Швеции и России. Перспективы торгового сближения Норвегии и России*. Сравните также сочетания в составе высказываний: *товарообмен Швеции и России; экономическое и культурное сближение Швеции и России; по вопросу об экономическом сближении России и Скандинавских стран*. Встречается и обратное явление – нарочитое разделение наименований стран посредством сопоставительно-разделительного союза *как, так и*: *Начинание это следует приветствовать и поощрять самым широким образом в интересах как Швеции, так и России*. Фоновые знания поддерживают это разделение, так как речь идет об интересах разных стран.

В составе текстов *Россия* в падеже субъекта выступает чаще в роли **п а ц и е н с а**. Сопровождающая предикативный центр субъективная оценочность атрибутивных усилителей создает негативную окраску такого положения. При этом актант *Россия* характеризуется:

а) выступая как объект чьих-то действий со стороны. Ср.: «В ближайшем прошлом Россия коммерчески **так тесно была связана** с Германией, что...»; «из всех стран Европы Россия экономически **наименее развита**»; «Вспыхнула мировая кровавая бойня и Россия **оказалась отрезанной** от Европы»; «Русская промышленность **слишком ослаблена** войной и социалистическими экспериментами и на промышленный подъем нет пока надежд».

б) выступая в «образе» пассивного субъекта при глаголе менталь-

ного действия (*знала*) и глаголе волитивного действия (*привести*), осуществляемого со стороны абстрактного агенса (*политика*): «Старая Россия **знала исключительно пассивную торговую политику, которая и привела Россию к полному подчинению** Германии».

Образ пациенса, связанный в пространственно-временном контексте с Россией, так силен, что возникает даже благодаря стереотипному предикату «лежит» (о географическом положении). При этом контекст, в который предикат включен, отмечен семантикой деятельности, свойственной торговому агенту в Швеции:

Пусть нам кажется, что Россия **лежит** не в Европе, а в Южной Америке. *Ведем же мы дела со всеми внеевропейскими странами, куда письма даже в нормальное время идут неделями*. Вся беда в том, что в переписке с Россией **ничего нельзя высчитать**: иногда письмо идет месяц, иногда – два (СЛ 1917, 28 апр.).

Роль **а г е н с а** дается России, когда речь идет о будущем или прошлом страны. Как известно [Степанов 1989; Красухин 2007], под именем агенса могут выступать самые различные и по-разному действующие сущности: не только наименования лиц, живых существ, но также имена неживых предметов и абстрактных сущностей. Активность России как агенса, контролирующего свои действия в плане настоящего, усматривается в заголовках и текстах по материалам торговли в 1915-1916 гг. Во всех случаях присутствует интерпретационная точка зрения ИС газеты.

• *Будущее*. Выражается субъективная уверенность и вера в возможность правильных действий России в будущем: «Швеция является одной из немногих стран, с которыми **Россия сумеет наладить** добрососедские торговые отношения»; «Русская почва так обильна, что **при правильной разработке, Россия станет** хлебным магазином всего мира»; «**Россия, наученная горьким опытом войны, будет стремиться всеми силами пойти** по новому пути **и не попадет окончательно под экономическое влияние** какой-нибудь одной большой державы – Германии, Англии или Америки». Излагаемое напоминает некий **с ц е н а р и й** действий, который предписывается соблюдать России.

• *Прошлое*. В материалах историко-культурного содержания констатируется активность России как сильного деятеля в прошлом. Ср.: «Новгород долгое время **был центром** этой торговли»; «Под ними **укрепилось** Московское государство и стало уже во время двух Иванов III и IV **могущественной силой** на страх соседним народам»; «**Восстановливалось** Московское государство, **росло, опять усилилось** и, мало помалу, со времен Петра I, **стало грозой** не только по отношению к восточным азиатским соседям, но и для Польши и Швеции».

• *Настоящее*. В роли семантического агенса слово Россия встречается в заголовках, выступая генетивом при номинализованном действии или обобщенных именах, связанных с управлением: «Торговые **сближения России**», «Торговая **политика России** в 1915 г.», «Внешняя **торговля России** через Владивосток за первую половину 1916 г.». В заголовках о взаимоотношениях стран препозиция имени означает бенефактив и приоритетную точку зрения России как самостоятельного деятеля: «Сближение **России** с Америкой», «Пересмотр торгового договора **России** с Соед. Штатами».

В газете нашла отражение речемыслительная активность, связанная с исполнением должностной роли высокопоставленными лицами России в 1915-1917 гг. В частности, такая активность развивалась в отношении установления или преодоления разного рода запретов.

Комиссар русского Временного Правительства, С. Г. Сватиков, **ревизировавший** за границей русские учреждения, будучи на обратном пути своим в Стокгольме, **ознакомился** здесь на месте с теми условиями, при каких проживающие за границей русские, принуждены получать переводы из России. <...> и, как нам сообщают из Петрограда, **поднял этот вопрос** в соответствующих кругах (СЛ 1917, 6 окт.).

Несколько замечаний о других падежных связях наименования Россия. В творительном падеже (с *Россией*) наименование страны в составе высказываний выступает в статической роли пациенса, в то время как смысл высказываний имеет отношение к желаниям, планам или действиям другого контролирующего субъекта. Сравните: *завязать торговые сношения с **Россией***; *анкета о торговле с **Россией***; *послужат ознакомлению широких кругов шведского общества с **Россией***.

Именная форма в позиции творительного падежа с союзом (и *Россией*) обладает семой взаимности ('между кем и кем'). Здесь имя *Россия* выступает в функции объекта наряду с другим таким же равноправным наименованием страны-партнера. Эти сочетания особенно характерны для заголовков: *Морское сообщение между **Швецией и Россией***. *Воздушное сообщение между **Швецией и Россией***. *Шмоллер о будущих торговых отношениях между **Россией и Германией***. «*Exporters Review*» о возможностях торговых отношений между *С. Штатами и Россией*.

Дескрипция в позиции творительного изъяснительного падежа ('о ком') фигурирует как объект познания: *устройство лекций о **России***, *ряд публичных лекций о **России** на шведском языке*, *новый ценный вклад в шведскую литературу о **России***.

В заголовках предложно-падежная схема отрабатывает типичную ситуацию информационного сообщения с пространственной локализацией что-где (куда-откуда): *Шведские банки и банковое*

*дело в **России***. *Японские станки в **России***. *Электротехнические товары в **России***. *Металлический рынок в **России***. *Развитие туризма в **России***; *Подготовительная работа для экспорта в **Россию***. *Кожа и обувь из **Америки** в **Россию***. *Импорт пишущих машин в **Россию***. *Порядок ввоза скота в **Россию***. *Вывоз продуктов удобрения из **Швеции** в **Россию***. *Ввоз предметов роскоши в **Россию***; *Вывоз товаров из **России***. *Вывоз легких кож из **России***. *Вывоз льна из **России***. *К вывозу мехов из **России***. *К вопросу о запрещении вывоза щетины из **России***, *К запрещению вывоза товаров из **России***.

О падежном фрейме с семантикой «субъект пользы» (для России) говорится далее.

Семантические оппозиции референтов Швеция и Россия в парадигматике предикатов. По мысли А. А. Потебни, понятие действия, как и понятие субъекта и объекта, неотделимо от понятия причины. В центре внимания коммерческого дискурса находится не субъект купли-продажи, а его объект – всевозможные товары для России в процессе их закупки и перемещения.

В Швеции закупаются и отправляются в Россию не только обычные в довоенное время **товары** шведской фабрикации, но и **товары** американские, английские, норвежские, датские, даже германские.

...**предметы роскоши** продолжают закупаться и ввозиться в Россию.

Форма пассивного залога глагольного сказуемого предпочитается при активном количественном субъекте высказывания «много торговых фирм»: *В Стокгольме образовалось за последние два года **много торговых фирм** специально для экспорта всевозможных товаров в Россию*. Учтем в этом случае взаимосвязь категорий каузальности и акциональности. Для категории акциональности более значим субъект, тогда как категория каузальности сосредоточивается в основном на объекте [Дробинина 2007 : 308]. При оценке степени активности шведских коммерсантов в России в центре внимания оказывается действие, а его составной субъект оказывается в подчиненном положении, связанный семантикой образа и места действия: «...*главная часть торговли шведскими товарами **ведется шведскими фирмами** через своих **представителей** в России, или без всяких **представителей** непосредственно в разных местах России*».

Ниже в таблице приводятся экстраполированные в дискурсе по методу оппозиции предикаты с семантическими показателями «динамизм/статичность». В текстовых референт-ситуациях предикаты связаны реальной модальностью как показатели оценки положения дел, существовавшего в Стокгольме в 1915-1916 гг. и существующего в России в 1917-1918 гг. Н е с о б с т в е н н о –

Множество собственно оценочных предикатов служат в газете созданию общей атмосферы успеха в деле сближения Швеции с Россией. Мы бы назвали рисуемую картину «комплиментарно благостной». Оценочными предикатами выступают стереотипные глаголы *одобрить, оценить* (в значении 'понять, признать достоинства, положительные качества, ценность и т.п. кого-л., чего-л'), *благоприятствовать*; фразеологические глагольно-именные формы *иметь громадное значение, выразить симпатию, отнестись сочувственно, заслужить интерес, выразить уважение, наградить аплодисментами, играть важную роль* и др. Приведем эмотивно избыточный фрагмент текста на тему России, в котором передаются позитивные впечатления, объединившие разных субъектов оценки – шведских лектора, публику и русского наблюдателя события.

Известный в Швеции знаток русской культуры доктор А. Енсен выбрал тему для своей лекции «Петр Великий и его время», чтобы дать шведской публике представление, какое громадное **значение** для России **имело** время Петра. Через всю лекцию **красной нитью** Енсен **провел** глубокое **свое уважение** к этой крупной фигуре русской истории <...>. Лекция **имела** большой **успех**, и А. Енсен **был награжден** дружными **аплодисментами** (СЛ 1918, 13 апр.).

Эффект подобной концентрации оценок предназначен был, должно быть, возбуждать чувства расположения и приязни друг к другу шведских и русских читателей, агентов общего торгового промышленного дела.

7.3. Модус необходимости и актуализация целеобразующих смыслов в дискурсе

Для изучаемого дискурса характерны высказывания с предикатом цели, одновременно указывающие на средства ее достижения. Стереотипные лексико-грамматические конструкции проводят целеполагающий смысл в модусе необходимости.

Ведущие конструкции с семантикой «цель-средство».

1. Номинализованные целевые конструкции с предлогом **для** в сочетании с отглагольными существительными *усиление, установление, достижение, использование, сотрудничество, изучение, ознакомление* часто встречаются в заголовках рекламного типа («*Организация для усиления экспорта*») и в целом широко используются в публикациях рекламной направленности, включающих познавательный культурно-исторический компонент. Ср.:

Перед нами мемориал Русско-Голландского банка в Петрограде, который, кроме чисто коммерческих данных о результатах своей деятельности, содержит массу весьма интересных и важных **для ознакомления** с положением торговли сведений.

Удивительно, до какой степени международная обстановка, пропаганда и рекламирование заманчивых перспектив в торговых сношениях с Россией активизировали прагматический интерес шведов к русскому языку. Из номера в номер, в разных публикациях повторяется одна и та же стереотипная конструкция цели, связанная с языковой подготовкой и переводом с русского на шведский язык.

• В Швеции издан целый ряд прекрасных учебников **для изучения** русского языка, чрезвычайно доступных и легких.

• Профессор Люндель <...> провел *реформу изучения русского языка* в средней школе, и **для обучения** понадобились преподаватели русского языка, **для чего и был организован** в 1912 г. «*русский семинарий*».

• Сейчас говорят об организации издательства, специально **для перевода русских классиков** на шведский язык.

Само слово *цель* используется в контекстах по прямому назначению, для открытой формулировки общих и частных намерений. Каждый раз такую конструкцию сопровождает выражение *средств* достижения цели.

• Практическое изучение **для торговых целей** русского языка концентрировалось всегда в Стокгольме, <...> а теперь – все торговые школы *ввели уже у себя русский язык – как обязательный предмет*.

• 11 апреля в зале Viktoria состоится вторая лекция серии «Скандинавского Листка», **имеющая целью культурное сближение** Швеции с Россией.

Актуализация цели приводит к перестройке высказываний с помощью инверсии. Но и в этом случае, когда начало фразы образуют привлекающие внимание субъект и объект цели, сильную позицию конца занимает предикат волитивного модуса с семантикой «средство достижения»: *Нам, шведам, для установления постоянных торговых сношений с Россией, необходимо изучить Россию* [здесь разрядка дана по первоисточнику. – Т. К.].

Значительную долю утверждений с совокупной семантикой «цель и средство ее достижения» составляют высказывания, сопрягающие план будущего с необходимостью в настоящем (детерминанты *сейчас, пока же*):

Будущее покажет, в каком направлении **придется практически работать** для достижения наилучших результатов, **пока же надо напрячь** все творческие силы страны для скорейшего лечения ран, нанесенных войной всей хозяйственной жизни страны [о России].

Многие высказывания о положении дел в России, связанные целями с будущим, служат в настоящем обоснованию причин жела-

емой ориентации шведов на Россию. Убеждающая речь ИС газеты включает, кроме дейктических слов, усилители оценок и эксплицированный модус знания о действительности (а не полагания)¹²:

• После войны **сами русские будут создавать** массу промышленных предприятий **для** использования природных богатств страны, и эти новые предприятия, **несомненно, будут нуждаться** в большом количестве технических сил и квалифицированных работников.

• ...тому, кто хоть несколько знаком с неиссякаемыми богатствами России и вспомнит, как скоро в прошлом оправлялась она после периодов слабости и разложения, **совершенно ясно, что именно теперь**, когда России **в скором будущем предстоит** идти к новому периоду внутренней созидательной работы, **назрело время** для культурного сотрудничества между Швецией и Россией **для изучения в Швеции развития новой России** (СЛ 1918, 2 марта).

Список предикатов мнения, сопровождаемых модусом уверенного знания, как и частота их использования в дискурсе, свидетельствует о навязчивой позиции газеты, напоминающей этим речевое поведение ИС в пробольшевистской газете «Голос труженика». Сравните: *Можно с уверенностью сказать, что... Нет сомнения, что... Не подлежит никакому сомнению, что... Нет никакого сомнения, что... Есть все основания полагать, что... Несомненно, что... Зная очень хорошо, что... Мы знаем, что... Нечего говорить о том, что... Совершенно ясно, что... Свидетельствуют о том, что... Станет ясным, что...* Хотя по большей части, в своем стремлении идеологически воздействовать на читателя газета опирается на мнения специалистов, на чужую речь.

2. Заметной активностью обладают конструкции с предложением *чтобы*. В составе сложноподчиненного высказывания предикаты с этой связкой и придаточным предложением цели поддерживают и акцентируют компонент со значением «средство достижения». Он занимает позицию информативного центра (главное предложение):

<...> к тому же *планируется издание специальных приложений на шведском языке, чтобы* ознакомить шведских промышленников и торговцев как с вопросами экспорта в Россию, так и с возможностями экспорта из России.

В составе высказывания предикаты в модусе необходимости передают мнения частных лиц или обобщенного ИС газеты. При этом выделяются

– субъективированная формулировка основания цели:

Исходя из того принципа, что *не покупатель ищет продавца, а продавец покупателя, я нахожу н е о б х о д и м ы м, чтобы* Швеция

проявляла большой интерес к русской промышленности и торговле и сама искала путей для завязывания сношений.

– субъективная оценка цели в полемическом рассуждении:

Распространять сведения о Швеции и ее промышленности, несомненно, *важно*, **но еще важнее**, полагает Г. Норденсон, **чтобы** шведы лично знакомылись с русским рынком.

– субъективированное установление зависимости между утверждаемой причиной, следствием и целью:

После войны сами русские будут создавать массу промышленных предприятий *для использования* природных богатств страны, и эти новые предприятия, несомненно, *будут нуждаться* в большом количестве технических сил и квалифицированных работников [**←причина**]. А потому [**следствие→**] г. Норденсон *горячо советует* шведским техникам и мастерам *уже сейчас* решительно взяться за изучение русского языка, [**цель→**] **чтобы** быть в состоянии занять пустующие, ввиду устранения с рабочего рынка германцев, места.

В высказываниях убеждающей модальности наблюдается совмещение конструкций со связками *для* и *чтобы*, семантики «цель» и «средство». Выражая стержневую идею коммерческого дискурса, ИС газеты включается в общий план работы по организации взаимодействия сил, заинтересованных в сближении:

Ныне редакция ведет переговоры с известными представителями торгово-промышленного мира, **чтобы и они своим участием вложили лепту** в эту созидательную работу **для русско-шведского сближения**.

Конструктивно-семантическое взаимодействие целеобразующих средств и концептуальной семантики приводит к эффекту контаминации – **резонансному звучанию главной идеи**. Организация некоторых смысловых фрагментов дискурса такова, что семантическая «орудийность» в контексте идеологии взаимодействия становится семантической «целью», а затем приводит к обозначению нового варианта явления с семантикой «средство». Например:

С проведением демобилизации в России освободится тоннаж, который без сомнения будет употреблен [**←средство+цель→**] для организации регулярного сообщения, и тем самым [**←средство+цель→**] восстановится возможность правильного товарообмена и с Швецией.

Совмещение конструкций «цели» и «средства» в высказываниях демонстрируют мотивированный ИС план организации коллективного взаимодействия ради достижения желаемого результата. Ср. также:

«Скандинавский Листок» [**←орудие, или средство**], цель которого быть связующим звеном между Скандинавией и Россией [**←цель₁**], желая прийти на помощь в этом отношении не только посредством печати, но и живым словом [**←средства_{2и3}**], решил [**цель₂→**] устроить в этом году ряд публичных лекций о России на шведском языке. С этой целью редакция «Скандинавского Листка» вошла в контакт с рядом лиц, много лет потрудившихся в Швеции на поприще [**←средство₄**] ознакомления своих соотечественников с русской жизнью, русской культурой и русским народом [**←цель₃**].

3. В построениях с творительным орудийным компонент «средство» включен в модус необходимости и актуализирован в препозиции целевого высказывания. Разные языковые средства и стилистически, и по существу мыслимых отношений в референции, выступают как **аналоги идеи достижения цели** в том или ином субъективном мнении. Рассмотрим три примера.

Фрагмент рассказа ниже принадлежит коммерсанту-иностранцу (СЛ 1916, 18 мая). В переложении его речь характеризуется русской непосредственностью, благодаря оправданному темой включению разговорно-просторечных выражений.

(1) Есть целый ряд условий, которые *н е о б х о д и м о* выполнить [**←средство**] для завязания сношений с русским рынком [**←цель**]. И сделать это *н е о б х о д и м о н е м е д л е н н о*, так как не одни только С. Штаты *заряты* сейчас на германское наследство на Востоке. **Но самое главное** – это установление кредита для России. Германцы, рассказывает автор, – **тем и взяли русский рынок**, что *сплошь да рядом* предлагали кредит на три и более лет.

Как видно, смысл *необходимости* здесь дополнительно мотивируется и усиливается, чтобы подчеркнуть доминанту. Творительный орудийный служит моделью успешного ведения дел по «*с ц е н а р и ю*» конкурента. В то же время сниженный стиль (*заряты, тем и взяли, сплошь да рядом*), выражая неумеренность в действиях противника, окрашивает сообщаемое иронией. Поскольку носители русского языка придают эмоциям гораздо большее значение, чем говорящие на западноевропейских языках (А. Вежицкая), то скорее всего в (1), мы имеем дело с национально специфическим переложением того, о чем рассказывал иностранец.

В других фрагментах с творительным орудийным (см. 2, 3) используется литературное выражение *путем (чего-л.)*. Примеры показывают, что модель существует в речи как способ построения или опровержения схем, связанных с предполагаемым положением вещей, а также с оценкой необходимости и продуктивности той или иной идеи для достижения результата.

(2) Помимо сего, по мнению Д. И. Зубкова, **путем международных отношений и мероприятий внутри страны** – [*н е о б х о д и м о*]

содействовать возможно большему развитию непосредственных торговых сношений России с торгово-промышленными кругами потребляющих стран.

(3) Однако г. Ашберг предостерегает от слишком сильного увлечения идеей поднятия курса рубля в нынешнее время **путем экспорта**.

Точка зрения говорящего в (3) содержит уравнивающее позитив (торговые выгоды) предостережение. Это **предостережение**, как и в (1), **связано с неумеренностью увлечения определенной идеей**. Таким образом, предлагая читателю авторитетные мнения, ИС газеты имплицитно поддерживает мысль о взвешенности действий при всех выгодах предприятия.

Казалось бы, ответственность в акцентировании значений необходимости (а также возможности/невозможности) лежит на субъектах чужой речи. Мы полагаем, что устойчивое модальное значение свидетельствует о развитом волитивном начале в дискурсе, а также – о предусмотрительной гибкости идеологического субъекта, проводящего свою идейную политику в нейтральном издании с помощью других лиц в сложных условиях войны и конкуренции.

Включение конструкций с семантикой «субъект/объект пользы». Конструкции с предлогом *для* в сочетании с конкретными именами (*Россия, русская промышленность*) и в особенности с наименованиями лиц (*русские, покупатели, рабочие*), в газетном дискурсе «Скандинавского листка» имеют отношение к демонстрации коммерческой заинтересованности шведов и русских в их обоюдном взаимодействии.

Логическая оценка условий успешной торговли и ее прагматическое обоснование строится на коммерческих выгодах субъекта пользы – России, русского покупателя: *<...> самое главное – это установление кредита для России; <...> срок уплаты назначали такой, какой был наиболее выгоден для покупателя*. Культивируется мысль, что объектом пользы для России в сложившихся условиях войны выступает Швеция, и наоборот.

Выделяется оценка партнерских возможностей Швеции как исключительно полезного торгово-экономического субъекта для России. Для усиления воздействия используются привычный для публицистики того времени прием градации и литературно-исторические аллюзии.

Но **Швеция, а в особенности Стокгольм**, в настоящее военное время является **для России не только** промышленным центром, откуда экспортируются в Россию шведские товары, *но и* центром внешней торговли с Россией, тем, **чуть ли не единственным «окном в Европу»**, через которое производятся всевозможные торговые сделки. В Швеции закупаются и отправляются в Россию *не только* обычные в довоенное

время товары шведской фабрикации, *но и* товары американские, английские, норвежские, датские и даже германские (СЛ 1916, 15 июня).

Для читателя сказанное тем увлекательнее, что автор обнаруживает формальное стремление соблюдать уравнищенность в оценке «фактов»:

Проникшие в Россию **слухи** о том, что Швеция – вторая Калифорния, были, **правда, слегка преувеличены**, *но для очень многих* Стокгольм безусловно оказался:

– Золотым городом.

Выражение уверенности в будущих перспективах экономических потребностей России должно было привлечь интересы шведских рабочих. Примечательная особенность: русский субъект пользы выражается в высказываниях *открыто* (конструкция с предлогом *для*), в то время как шведский субъект пользы представлен *косвенно* и очень позитивно, благодаря отсылке к социальному контексту. Такая ненавязчивая «агитация» убеждающего субъекта подстать только *дискурсивно чувствительному ИС*, знающему коммуникативные привычки и амбиции в местных кругах шведского и русского общества.

Несомненно, что с наступлением мирного времени, когда условия труда в России войдут в норму, для русской промышленности *п о т р е б у ю т с я* новые силы, и в данном случае не только шведские инженеры, *которые уже давно проложили себе дорогу и завоевали определенное положение в русской технической организации*, – но и квалифицированные рабочие, *которые в Швеции стоят на очень высоком уровне*.

Имплицитным субъектом пользы (как и планируемым субъектом восприятия) сообщения являются шведские инженеры и рабочие. *Открыто* выражен такой субъект пользы в высказывании, организованном как ретрансляция позиции самого рабочего. Но и в этом случае в дискурсе присутствует имплицитивный компонент: высказывание служит косвенным обращением к властям, побуждая их действовать в интересах России и Швеции.

Среди стокгольмских организованных рабочих, в их профессиональных союзах, уже неоднократно подымался вопрос об учреждении курсов русского языка, **специально для рабочих**, при Стокгольмском Народном Доме (Folkets Hus).

Отрицательная оценка объекта для субъекта пользы связана с конкурентом Швеции в торговле с Россией [оппозиция «Швеция/Германия»]: *Германия, заключая мир, не ставила особых требований в области торговли, настаивая лишь на сохранении старого договора*

(конечно, тоже не благоприятного для России). В целом же усиление отрицательной оценки положения дел для коммерческого субъекта пользы обусловлено реальностью – политическими событиями в России.

7.4. Когнитивно-семантическая оппозиция антинорма/ норма. Мотив преодоления противоречий

Судя по характеру наименований, связанных с концептом «норма», он неизменно присутствует в сознании ИС, так как дискурс газеты содержит связанный с ним набор устойчивых атрибутов: *нормальный, правильный, планомерный, регулярный, постоянный, добрососедский*. Как мы знаем, противоположности сходятся на базе концепта по причине амбивалентности оценочного сознания. В изучаемых текстах антонимы приведенных слов не встречаются. Исключение составили дескрипции *нормальный-ненормальный*, которые появились независимо друг от друга в разных контекстах. Значение 'несоответствующий норме' создается в текстах описательно или намеком, имплицативно [оппозиция «норма/антинорма»]. Это достигается двумя способами.

1) Высказывания, открыто выражающие нормативную оценку, передают ее в наименовании темы, в то время как сказуемое (рема) содержит его отрицание. Ср.: *Корреспонденция и посылки отправляются лишь в Северную и Центральную Финляндию, так как южная часть страны находится в руках «красной гвардии» и правильное железнодорожное движение не функционирует.*

2) Оппозитивное значение 'несоответствующий норме' нередко подразумевается в пресуппозиции высказывания в то время, как в его поверхностной структуре содержится наименование 'соответствующий норме'. Обычно такие суждения относятся к констатациям проблем и пожеланиям ближайших перспектив для России: *В своем докладе г. Л. указал на огромное значение для свободной России правильного решения сложных проблем внешнего товарообмена (пресуппозиция = такого решения пока нет); В связи с заключением мира России предстоит необычайно трудная и серьезная задача возобновления нормальных торговых сношений (пресуппозиция = таковых пока нет).*

Говоря о наименованиях, связанных с нормативными представлениями, невозможно отвлечься от лексического поля с концептом «борьба» в изучаемой газете.

Тематическое поле лексики, связанное с концептом «борьба». Тактика смягчения оппозитивности. Концепт «борьба» («война»)

в дискурсе «Скандинавского Листка» реализуется в трех направлениях семантического означивания, связанных с референтами: 1) «мировая война», 2) «политическая борьба», 3) «преодоление трудностей» в торговле с Россией.

1. Референт «мировая война» отождествлен преимущественно в новостных сообщениях, а его наименования отвечает фрейму «война».

Слот **война**: война (*вспыхнула, захлестнула*), мировая война (*гроза, волна мировой войны*), мировая кровавая бойня, военное время, временной хаос;

Слот **воюющие стороны (субъекты действий)**: Германия, Англия, Франция, Россия, воюющие державы; армия, войска, генерал, офицер, командир, солдат; враги, неприятель, противник;

Слот **военные действия**: поле битвы, ожесточенные бои, усилия, столкновения; вступить в бой, вторгнуться, захватить, завладеть, занять, взять в плен;

Слот **оружие**: пушки, митральезы, бомбометатели, аэроплан, гидроаэроплан;

Слот **следствие (жертвы) войны**: плен, пленные, комитет «Красного Креста», лечение ран, прискорбный факт, тяжелое положение, страдания, потери; томиться в плену, разыскивать пленных, оказаться отрезанным, оказывать помощь (*поддержку*), помочь перебраться.

Газета тиражировала официальное обращение Скандинавских государств к воюющим державам. Так называемая «Коллективная Скандинавская нота о мире» имела отчетливый морально-политический смысл:

<...> скандинавские правительства не могут считать себя выполнявшими свои обязательства перед своими народами и всем человечеством, если они не выразят своей горячей симпатии всем стремлениям к прекращению страданий и потерь, как моральных, так и материальных, которые все возрастают. Все три правительства заявляют, что они надеются, что инициатива президента Вильсона приведет к результату, достойному вызвавших ее возвышенных побуждений (СЛ 1916, 30 дек.).

2. Референт «политическая борьба» представлен номинально в свернутом виде (в т.ч. наименованиями в кавычках), чаще всего в составе чужой речи и только в связи с проблемами торговли в условиях войны и кризиса в России: *борьба, политическая борьба; «белые» и «красные», «красная гвардия»; Великая Русская Революция, Финская революция, политические эмигранты, «черный список», компрометирующие бумаги, социалистические эксперименты, освободиться от тяжелого гнета, сталкиваться,*

находиться в руках; не участвовать в борьбе между «белыми» и «красными» (о русских офицерах, оказавшихся в Швеции).

3. Большая часть референтов связана с концептом «**экономическая (конкурентная) борьба**» в условиях общемирового кризиса, включающего Россию.

Слот затруднения в торговых сношениях: серьезные затруднения, ненормальные условия торговли, кризис бестоварья, контрабанда, недостаток средств, запретительные меры, ненормальность развития, трудности отправки, трудности в области валюты и транспорта, затрудненность (*неналаженность*) почтовых сообщений, нарушение правильного течения банковской жизни, перерывы в телеграфных отношениях, запрещение вывоза, запрещение ввоза (*прекращение*), ограничение ввоза, ограничение закупок, контроль над ввозом, учреждение (*насаждение*) надзора, надзор за выдачей валюты, обуздание безумной роскоши (*швырянья деньгами*), злободневность вопроса, невозможность ведения дел, тормоз русско-шведской торговли;

Слот действия, затрудняющие торговые сношения: препятствовать, приостановить, прекратить, закрыть, запретить, воспретить, исключить из...;

Слот действия по преодолению затруднений в торговых сношениях: помочь делу, провести реформу, устранять недочеты; преодолевать, устранять препятствия, предотвратить (*крайним напряжением сил*); знакомить; развивать программу; послужить толчком к созданию; взяться за дело, серьезно подумать, возобновить; не медлить, не выжидать, не попасть (*России*) под экономическое влияние, отвлечь русскую торговлю от Германии;

тесное экономическое и культурное сближение обеих стран; планомерная и интенсивная деятельность; правильное решение (*Россией*) сложных проблем внешнего товарообмена; установление кредита для России; изменение и дополнение правил; реформирование русских консульств в Швеции; учреждение русско-шведской торговой палаты; знакомство с промышленностью и торговлей Швеции и России.

В ряду наименований со слабо выраженным концептом «борьба» дискурс пронизывает парадигматическая оппозиция старый/новый: *старое чуть не забытое знакомство; новый путь (новая эпоха, новые времена); зажить новой жизнью.*

В синтагматических контекстах обнаруживаются яркие лексические оппозиции компонентов, связанные с противоположениями семантических множителей *временного* (раньше/теперь) и *качественного* характера (старая Россия/новая Россия). Сравните:

• Одним из важнейших преобразований, которые стоят **теперь** на очереди в **обновленной** России, является реформа Консульской службы за границей.

• В своем докладе г. Л. указал на огромное значение для **свободной России** правильного решения сложных проблем внешнего товарообмена. **Старая Россия** знала исключительно пассивную торговую политику, которая и привела Россию к полному подчинению Германии (СЛ 1917, 14 апр.).

Наращение кризиса в России не лишает готовности иностранных коммерсантов к действию. Отрывок ниже, из обзора иностранной печати (СЛ 1918, 13 апр.), показывает: речь коммерсанта строится в модусе необходимости с целью преодоления неблагоприятных обстоятельств торговли. В построении актуализирована оценочная оппозиция «статичность»(-) / «динамизм»(+). Перевод чужой речи на русский язык осуществляется в категорической форме – с использованием интенсификаторов образа действия, обобщающих слов, императивных форм предикации. Главный тезис подкрепляется *образом* активно действующего в Петрограде *соперника по торговле* (Германией). В конце эпизода начальный тезис повторяется с новой силой уже в прямой речи г. Линда. События в России как главный пункт затруднений коммерсантов отмечаются, вновь дается раздражающий образ предприимчивого конкурента:

На днях в популярной датской газете «Politiken» появилось очень интересное интервью с только что вернувшимся из России крупным датским купцом И. Линдом, который в течение семнадцати лет работал в России, главным образом, открывая датские молочные станции и сыроварни в Сибири.

Ни под каким видом выжидать конца событий в России нельзя. **Важно** всем датским торговым и промышленным предприятиям, заинтересованным в России, **теперь же взяться за дело.**<...> Далее Г. Линд рассказывает, что в тот же день, когда мирный трактат был подписан в Брест-Литовске, Петроград наводнился германскими торговыми комиссиями, которые предлагали свои товары с доставкой через три недели и кредитом на три месяца. – Поэтому, – закончил г-н Линд, – Дании **не нужно медлить и ждать**, когда наступит **порядок** в русском **хаосе**. К этому времени всем рынком завладеет Германия.

Наблюдается тактика дипломатического смягчения противоречий, существовавших и существующих между шведами и русскими [оппозиция «шведы/русские»]. Позитивным сигналом в этом случае выступает объединение в речи двух точек зрения – шведской и русской. Так, например, смягченность позиции ученого (А. Енсен) выделена корреспондентом газеты с помощью детерминанта *иногда*. Дается оценка личности шведского лектора, утверждающего непродуктивность обвинений в контексте исторической науки: *Подчеркивая непонимание в Швеции **иногда** петровского времени, т а л а н т л и в ы й лектор указал на то, что в истории не может быть ненависти и безосновательного обвинения.*

В высказывании ниже находится не голое утверждение фактов столкновений шведов и славян – фактов, могущих оживить недобрые чувства – а сопровождение известного знания смягчающей мотивировкой: указываются естественно-географические причины столкновений с их оправдательной интерпретацией: *С древнейших времен сталкивались северные германцы-шведы и восточные славяне, сталкивались друзьями и врагами. Эти столкновения обусловились как географическим положением, так и сухопутными и морскими путями того времени.*

В другой статье дается смягченное (в форме сослагательного наклонения) опровержение бытующего во время мировой войны мнения о случайном характере связей России и Швеции. Это мнение расценивается как недалекое: *Было бы наивно думать, что идея развития русско-шведских отношений возникла лишь во время войны и в связи с ней.*

В своей борьбе за приемлемые условия торговли с Россией, ИС газеты использует предупредительную форму оппозитивной аргументации – риторический вопрос и отрицание, смягченные неволитивным предикатом мнения и вводно-модальными словами и частицами, оговорками согласия. Заметим, это происходит на фоне известной в данную эпоху практики усиленного речевого воздействия. Может быть поэтому идеальным читателем, к образу которого нередко апеллирует газета, является высокопоставленное лицо. Ниже обсуждается вопрос о запретах импорта.

Запретить ввоз предметов роскоши очень легко, но борьба с этим злом все же далеко не будет закончена. И невольно напрашивается вывод: нельзя ли для поднятия курса разрешить вывоз некоторых товаров, конечно, при серьезной гарантии, что товары не пойдут в Германию. Этот вопрос поднимался не раз. В своей речи с трибуны Государственной Думы в 1915 г. (сентябрь) говорил об этом Шингарев, обсуждался этот вопрос во многих совещаниях и до сих пор не решен (СЛ 1916, 15 июня).

Дипломатически смягчающим положение выступает комментарий газеты в случае публикации неудобных для эмигрантов постановлений шведского правительства. Используются формы отрицания возможности неблагоприятного развития дел, эвфемизмы, вводно-модальные слова с тональностью предположения (а не утверждения) неприятных последствий. Так, в заметке «К вопросу о торговых правах иностранцев» (№ 289 от 6 июня 1917 г.) говорится о последних распоряжениях шведского правительства, ограничивающих права иностранцев даже в разрешенной им области покупок для экспорта за границу. По словам газеты, постановление «вызвало волнение в здешней русской колонии, в значительной части состоящей из посредников по продаже шведских товаров в России

и из доверенных русских фирм». Указывается на возникающее противоречие в правах между русскими и шведскими коммерсантами, что «затормозит посредническую деятельность здешних русских коммерсантов в то время, когда торговые права шведов в России никакими законами не ограничены». Затем идет смягчающий картину комментарий о неблагоприятных последствиях правительственного решения:

На русско-шведские отношения это новое распоряжение **влиять не может**, так как главная часть торговли шведскими товарами ведется шведскими фирмами через своих представителей в России, или без всяких представителей непосредственно с русскими покупателями в разных местах России.

Завершает тему осторожно высказанное предположение о нежелательных последствиях:

Все же новый закон **может вызвать некоторую заминку** в делах, так как многие контракты, заключенные шведскими фабрикантами со стокгольмскими русскими покупателями **будут, вероятно, расторгнуты** последними.

Расчетливость предпочтительного сглаживания неприятной для коммерсантов информации приводит говорящего к стремлению погасить ее контрастным компонентом, прогнозирующим благоприятный исход. Так, переключаясь на диалогической основе, сформировалась текстовая оппозиция «пессимизм/оптимизм» на стыке двух речевых форм – повествовательной (пересказ чужой речи) и комментирующей (замечание корреспондента в следующем абзаце):

...пока в торгово-промышленных кругах России **преобладает пессимизм**, курс рубля в нейтральных странах будет низок.

Г. Ашберг, однако, сам **очень оптимистично смотрит** на будущее России и русских финансов.

Тактика смягчения неприятного для взаимодействия в торговой коммуникации эффекта непонимания приводит ИС газеты к стремлению публиковать переводные материалы о работе иностранных коммерсантов в России. Публикация из американской печати содержит специфическое описание русского покупателя как противоречивого партнера [этнически мотивированная оппозиция «динамизм/статичность»]:

Одна из замечательных особенностей русского характера, – объясняет автор своим соотечественникам, – заключается в том, что русский коммерсант **не любит платить сразу**, хотя он был **вполне в состоянии** встретить свои обязательства. Американским экспортерам раз и навсегда надо запомнить, что русский покупатель часто

отказывается платить не потому, что он не располагает средствами, **а потому** что он не хочет, чтобы его в данный момент «потревожили» (СЛ 1916, 18 мая).

Как видно, оценка дается в русле социальных обязательств в области торговли. Мнение говорящего в форме уступительной конструкции (*хотя*) демонстрирует не только факт непредвиденного затруднения, но и снисходительность понимания в оценке поведения партнера. Можно предположить, что здесь реализуется неписаная заповедь успешной торговли: «желание покупателя – для торговца закон». Отсюда императивность формулы *«экспортерам раз и навсегда надо запомнить»*.

Сверх сказанного, считаем возможным добавить следующее. Находясь в атмосфере англо-саксонской культуры, при передаче отрицательных или близких к тому оценок ИС газеты соблюдал традицию прибегать к разного рода смягчающим выражениям или объяснениям, чтобы не нарушать общественную гармонию.

7.5. Ментальные оппозиции как способ увеличения занимательности изложения (парадоксальные высказывания)

Прежде чем перейти к обозначенной теме, очертим общие положения, оправдывающие заданный ракурс наблюдений. Ведь отчасти этот последний раздел имеет отношение ко всем предыдущим аспектам описания газетного дискурса.

Эффективная концепция и занимательность связаны. Занимательность способствует вовлечению адресата в целенаправленную деятельность. В этой связи *способ подачи* событий и мнений приобретает особенное значение. Улучшить качество восприятия позволяет внутренняя организация высказывания, которая приводит к занимательному чтению.

С точки зрения семантики, занимательность – это «свойство занимательного», а занимательный значит ‘привлекающий внимание, интересный, заманчивый или любопытный’ (В. И. Даль). Имеет смысл говорить о двухуровневой структуре этого феномена: занимательности на содержательном уровне (интересно то, **о чем** пишут) и занимательности на формальном уровне (интересно то, **как** написано).

Решение проблемы занимательности в «Скандинавском листке» связывается с культурно-исторической составляющей дискурса. Здесь фактор занимательности служит толчком к появлению познавательного интереса, является опорой эмоциональной памяти. Принцип занимательности находит свое выражение в разнообразии

и вариативности форм, приемов изложения, о которых мы уже говорили выше.

Можно думать, что занимательность на *содержательном* уровне в достаточной степени субъективна. Она подразумевает «увлекательность» тематики и событийного ряда произведений для определенного читателя, а ведь интересы и вкусы аудитории могут быть разными. В то же время занимательность на *формальном* уровне характеризуется известной объективностью. В ее основе не личностные предпочтения субъекта, а давление на определенные стороны психики и сознания, например – на инстинктивную тягу человека к неизвестности или, наоборот – к неосознанному фоновому представлениям, возбуждаемым разными способами подачи материала.

В данном подразделе в центре внимания находится второй аспект. Поначалу нас будут интересовать элементарные приемы занимательности на уровне одного-двух высказываний. Мы обратимся к парадоксальным высказываниям, которые строятся *по принципу синтагматической оппозиции*, занимая положение интригующих элементов изложения. Выступая в таком качестве, парадоксальные высказывания имеют текстообразующий характер. Они «притягивают» к себе мотивировочные комментарии, часто содержащие «разгадку» парадоксального тезиса. Подробнее техника такого письма с обзором литературы вопроса рассматривается в [Краснова 2010].

Ведущую роль в занимательном изложении играет семантика *странности*, заложенная в текст как отражение чьей-то точки зрения. Чаще интригующая странность создается описательно, через семантические противоположения или, как мы их называем – линейные смысловые контрасты. Конечно же для такого восприятия высказывания необходимо знание конституции, широкого контекста. Думается, наш читатель находится в русле социального контекста, о котором идет речь.

Еще из опыта формальной школы известно, что отправной точкой при построении «увлекательного» текста может стать фактор *интригующей неизвестности*, который реализуется главным образом за счет особых логико-семантических образований – «тайн», или «загадок». Загадка – ведущий формальный компонент занимательности, наиболее распространенная разновидность тайны. Загадку признали особым видом тропа, интригующим элементом художественной «техники тайн», «цепи неожиданностей» [Шкловский : 1966; Добин : 1976], которая в журналистике выступает способом проблемной подачи сообщаемого.

Тема коммерческих затруднений в сношениях Швеции с Россией составляет в газете особую часть содержания. Нередко она строится как описание неожиданных противоречий и логических

странностей. ИС газеты обращает внимание читателя на *противоречия, парадоксы* действительности с помощью *конструирования несоответствий*.

Мысль, сама по себе не парадоксальная, может выглядеть как парадокс в определенной ситуации. Например, она может противоречить вневелингвистическому опыту читателя и (или) речевой традиции. Внешний, видимый принцип парадокса формулируется как «толкование предмета вопреки традиционному представлению» [Манякина 1981 : 10]. В ментальности шведов главным критерием правильности оценок выступает простая, трезвая рассудительность. Поэтому к парадоксальным, а следовательно и к занимательным, могут быть отнесены все утверждения, которые противоречат общепринятым понятиям или (часто лишь внешне) здравому смыслу¹³.

Предметом отображения по ходу развития событий выступает сама действительность в ее противоречиях и неожиданных связях, соответствиях или несоответствиях, как их понимает ИС газеты. Оценочные соответствия или несоответствия в текстах подаются как связи с неожиданным качеством отношений. Такая связь, например, устанавливается между понятиями «война» и «улучшение отношений между Швецией и Россией». Наименование *война* относится к разряду тех прагмем, которые в обычном человеческом представлении включают коннотативную отрицательную оценку скорее, чем положительную. Отсюда констатация неожиданно позитивной связи в референции, подчеркнутая говорящим: *Война, – заявил далее министр, – лишь улучшила шведско-русские отношения*. Оппозиция «отсутствие/наличие» позитивной связи между объектами «война» и «отношение между странами» выступает одной из интригующих политических закономерностей в контексте войн. Дается объяснение (р а з г а д к а →) парадокса:

Лояльный нейтралитет Швеции содействовал установлению наилучших отношений между обеими странами. Сердечный прием, оказанный шведами русским, возвращающимся из Германии на родину, а особенно – инвалидам, оставит навсегда глубокий след в русской душе.

Еще пример:

XIX век – эпоха, когда внешняя торговля России стала сильно расти, **почти не знает торговых отношений с Швецией**. (р а з г а д к а →) Причины этого лежат отчасти в монополизации внешней торговли России Германией, а отчасти в том, что в XIX в. Швеция представляла собой преимущественно земледельческую страну с очень слабо развитой промышленностью.

То, что по логике вещей и с прагматической точки зрения *должно бы существовать*, на деле *отсутствует*, и это становится предметом парадоксальной мысли.

Рассмотрим способы построения парадоксальных высказываний на базе простого и сложного предложений.

1) В простом предложении линейная оппозиция строится на соположении логически не соответствующих друг другу элементов в составе грамматической основы. Обычно один из элементов расположен в составе подлежащего, или темы высказывания, тогда как другой, контрастный по ожидаемому смыслу, находится в зоне предиката, или ремы высказывания.

- Война показала русским / дорогу **на Стокгольм**.
- Газета на русском языке / **в Стокгольме!**
- Почтовые посылки из Италии в Россию / **через Архангельск**.

В сложном предложении парадоксальность обозначенного положения дел строится на противопоставлении. Обычно первой части сообщения по логике вещей или ожидаемому следствию не соответствует вторая часть сообщения. Сравните, например, как фиксируется следующее противоречие, составляющее «загадку»:

За последние десятилетия **исследованы** многие вопросы общей дипломатической и военной истории Швеции и России, на шведский язык **переведены многие** из лучших произведений могучей русской литературы, // **но** вопрос о культурных взаимоотношениях обеих стран до сих пор **почти не затрагивался вовсе**.

2) Сложное предложение со слабо выраженной оппозицией оценки часто передает уступительно-возместительные отношения. Ниже в составе фразы акцентируется вторая часть, передающая высокую степень привлекательности культурного объекта:

Русская литература последних годов, **хотя она не достигает художественной высоты** предыдущих десятилетий, **но зато** в историческом и психологическом отношении она в **высшей степени интересна**.

Уступительные конструкции играют особую роль в линейном сочленении противоположных по социальной оценке референтов. В предложениях ниже курсивом выделены отрицательно интерпретируемые в конситуации объекты, а разрядкой отмечены позитивные компоненты.

• **Несмотря** на все трудности внешней торговли, шведский экспорт в Россию в 1915 г. несомненно *у т р о л с я*, по сравнению с прошлыми годами.

• **Несмотря** на близость Швеции и России, *торговые сношения* между этими странами *никогда не достигали большого развития*.

Уступительные конструкции хорошо приспособлены к форми-

рованию утверждений, фиксирующих парадоксальное положение дел. Например, парадоксальный смысл возникает в результате логического несоответствия между правом субъекта действия контролировать положение дел и действительностью. Это происходит в тексте на фоне исключаящего такое положение дел отрицания, что и создает занимательную ситуацию *з а г а д о ч н о с т и*. Сравните:

- Регулирование курса путем надзора за выдачей валюты, по-видимому, не привело к желательным результатам; **несмотря на право «расчетного отдела» не выдавать** валюту на предметы роскоши, эти предметы *все-таки ввозятся*.
- Русский коммерсант **не любит платить сразу, хотя бы он был вполне в состоянии встретить свои обязательства**.

Семантически контрастные соположения в тексте создают тематическое двуголосие, диалогизм смысловых тезисов и антитезы в структуре высказываний.

Если шведский «здравый смысл» не может объяснить некое положение дел в России, явление получает логическую оценку как *странное*. В действительности недостающая информация обычно выводится из знания ситуации. Но в «Скандинавском листке» такие знания, по-видимому, не предъявляются из соображений нейтралитета. В силу этого обстоятельства в публикациях о затруднениях, связанных с ведением дел в России, преобладает шведская точка зрения. Русский корреспондент соглашается, но выражение «лица» его не только недоумевающее (как у шведа), но и взыскующее: он рассчитывает на что-то, надеется. Речь пойдет о публикации «Почтовые сношения с Россией» (СЛ 1917, 28 апр.).

Логическая несообразность положения передается описательно, с помощью парадоксальных высказываний и образа повествователя, близкого шведской точке зрения. Повествование насыщено эмотивными оценками, выражающими высокую степень озабоченности. Поскольку все эмоции имеют когнитивный базис, вызваны определенными мыслями или связаны с ними, то здесь можно считать эксплицированным состояние крайнего недоумения.

Одним из главнейших тормозов русско-шведской торговли является крайняя затруднительность почтовых и телеграфных сношений. Письма и телеграммы и в Россию, и из России приходят в самые неопределенные сроки, причем часто отправленные одновременно письма прибывают **в разное время**.

Письма из Москвы и Петрограда прибывают часто **на третью и четвертую неделю**. А телеграммы **на пятый и шестой день**. Что касается писем из русской провинции, то здесь *приходится сталкиваться* с самыми странными явлениями: письмо из Феллина, Лифл. губ. прибывает в Стокгольм **на седьмую неделю**, из Воронежа – **через**

два с половиной месяца и т.д. Нам часто *приходилось слышать* жалобы шведских коммерсантов на трудности и даже невозможность ведения дел с Россией по причине неналаженности почтового дела.

В составе следующей цитаты из письма мир фактов переходит в кажущийся, фантастический мир в ощущениях шведского коммерсанта и мотивируется им в соответствии с этим пониманием:

Мы бы охотно мирились с более длинным сроком доставки писем, – говорят эти коммерсанты, – если бы были уверены, что срок останется всегда одним и тем же. *Пусть нам кажется, что Россия лежит не в Европе, а в Южной Америке*. Ведем же мы дела со всеми вневропейскими странами, куда письма даже в нормальное время идут неделями. Вся беда в том, что в переписке с Россией *ничего нельзя высчитать*: иногда письмо идет месяц, иногда – два.

Далее собеседник читателя вновь оборачивается редакционным работником отдела писем, который фиксирует отношения обусловленности в существующей проблеме.

Нельзя не согласиться с этими справедливыми замечаниями. **Невозможно вести дела, если** даже приблизительно *нельзя высчитать*, когда получится письмо. Еще больше: часто и у русских и у шведских коммерсантов **отпадает охота писать, когда нет уверенности** в получении ответа. **Часто** ответ на запрос из России о каталоге машин *получается* через много месяцев. **И подумать только, что Петроград лежит в трех сутках езды от Стокгольма!**

Как видно, текст насыщен формами сказуемых, выражающими неконтролируемость действий (*приходилось слышать, нельзя высчитать, невозможно вести дела, получается*) и пассивные, неволевые состояния (*нет уверенности, отпадает охота писать, И подумать только!*). О публикации можно было бы сказать, что корреспондент газеты стоит на шведской точке зрения, но в русской форме изложения.

Парадоксальный смысл снимается, когда недостающая информация восстанавливается из предтекста или ситуации. Скажем, алогичные высказывания адресат либо отвергает как «уму непостижимые», либо ищет путь к их пониманию в семантическом преобразовании или в восстановлении пропущенных звеньев.

В некоторых случаях возможность восприятия события как странного снимается **противительным объяснением** с учетом фактов из русской истории, из опыта русского прошлого с проекцией в будущее. Такой выступает ниже аргументированная шведская точка зрения (*Т. И. Арне*).

Может показаться с т р а н н ы м , что именно теперь, когда положение в России так неопределенно и сношения с ней более затруднены, чем

когда-либо, – предлагают основать шведско-русское общество? Но тому, кто хоть несколько знаком с неиссякаемыми богатствами России и вспомнит, как скоро в прошлом оправлялась она после периодов слабости и разложения, **совершенно ясно, что именно теперь, когда в России в скором будущем предстоит идти к новому периоду внутренней созидательной работы, назрело время для культурного сотрудничества между Швецией и Россией для изучения в Швеции развития новой России** (СЛ 1918, 2 марта).

И последнее. Парадоксальность или алогизм изложения сродни фельетонной манере письма. В № 359 от 6 февр. 1918 года опубликован фельетон «Как это началось...» Каждая строчка в его зачине содержит некоторое отклонение от логики вещей, интерпретированное комически. Встречается и неожиданный поворот мысли. Под неожиданным поворотом мысли понимается **вид алогизма** [Манякина 1981 : 11], при котором конец мысли либо противоречит ее началу, либо не вытекает непосредственно из него, что создает впечатление резкого скачка в ее движении (эффект шлагзаца).

До войны, мы русские, **не очень-то знали Швецию**. Больше понаслышке, да из Иловайского... Шведы же, по справедливости следует заметить, **знали Россию ... не больше того**.

Кстати о пунктуации. Согласно замечанию Н. С. Валгиной, изучавшей русскую пунктуацию, многоточие может подчеркивать алогизмы, указывать на неожиданность и содержательную неоправданность сочетания каких-либо слов, подчас даже абсурдность таких сочетаний, но **абсурдность, оказавшуюся реальностью**. Еще пример:

До весны русские весьма редко заглядывали в Стокгольм. Для нашего российского обывателя Стокгольм лежал **где-то очень далеко, чуть ли не за северным полярным кругом**. Рассказывают, что как-то группы наших замоскворецких купцов чудом каким-то все-таки забрела в столицу Швеции и от пребывания в ней *вынесла такую резолюцию*:

Непутевый город: ни кафешантанов, ни извозчиков! [эффект шлагзаца].

Этим действительно грешен Стокгольм, представляющий зато совершенно исключительный интерес во всех других смыслах: и как **старинный город, сохраняющий местами всю еще прелесть средневековья, и как центр всей промышленной и торговой жизни Швеции** (СЛ 1918, 6 февр.).

Тактика юмористического столкновения по-разному мотивированных точек зрения – обиходно-бытовой и познавательной – возмещает наличие контраста комической тональностью дружелюбия.

Нейтральное отношение газеты «Скандинавский листок» к острой ситуации в России выразилось в относительной аполитичности издания, которую можно обозначить отношением невмешательства с семантикой «**ни то, ни другое**». Способом отчуждения политизированных наименований в дискурсе газеты служат кавычки, а способом отчуждения политизированных суждений (если таковые появляются в чужой речи) выступает их слабая отмеченность, неакцентированность. Применяется ускользающая от внимания читателя тактика их композиционно-смысловой изоляции в тексте, посвященном вопросу экономики и торговли.

Актуализированный в газетах русского зарубежья концепт «**борьба**» в газете «Скандинавский листок» интенционально связан с желанием шведских коммерсантов и их посредников **завоевать русский рынок, несмотря на препятствия** (оппозиция «отсутствие/наличие»; «динамизм/стагнация»), **несмотря на конкуренцию** (оппозиция «Германия, Америка/Швеция»), **несмотря на поведенческие расхождения партнеров** («динамизм/инертность», коммерческий «пессимизм/оптимизм»). Оппозиция «старый/новый» **отвечает надеждам идеологического субъекта на успешное сотрудничество Швеции с Россией**.

На фоне объемлющей дискурс концептуализации с ключевым словом «сближение» *идеологически заданное* порой входит в несоответствие с *семантикой «здравого смысла»*, или смысловой закономерности, передаваемой языком *непроизвольно*. В отличие от *идеологии сближения*, которая открыто и настойчиво проводится в *лексике* (включая феномен «внутренняя форма слова»), в дискурсивных связях актантов Швеция и Россия *на уровне синтаксиса* возникает предикативное отношение несоответствия. **Модальная нагрузка актантно-предикативных связей в дискурсе входит в ментальную структуру, отображая реальность в имплицитивных оппозициях «динамизм/статичность (стагнация)», «раньше/сейчас» и др.**

По отношению к переменам и новой власти в России газета «Скандинавский листок» занимает предусмотрительную позицию, которую можно назвать позицией *идеологического умолчания* (нулевая степень политической модализации). Кардинальным отличием коммерческого газетного дискурса является **общая позитивная модализация**. Главным концептом и опорным тезисом газеты выступает не идея борьбы, а идея согласия, не категорическое или ироническое отрицание, а модализация в духе добрососедских, иногда юмористически означенных отношений. Конфронтация *МЫ/ОНИ* отсутствует, хотя отмечены явления неприятия и конкурентной борьбы с противником, который дискредитировал себя на мировой

арене (германцы). В остальном коммерческий дискурс газеты – это **модализованная желанием торгового успеха репрезентация обособленной картины мира, рассчитанной на созидательность.** Существующие противоречия юмористически облегчаются на семантико-речевом уровне текстов, модифицируются с помощью парадоксальных высказываний. Российско-шведский дискурс отличается общей занимательностью изложения, экскурсами в прошлое России и Швеции. Историко-культурные противоположения в духе традиций враждебности (оппозиция «шведы/русские») стираются, утверждается идея дружелюбного взаимодействия двух народов-соседей.

Если учесть семиотическую традицию названия дискурса по выраженности состояния субъекта (А.-Ж. Греймас), то дискурс газеты можно было бы определить как дискурс *предвкушения*. Это качество сродни модусу ожидания пробольшевистского «Голоса труженика» в эпоху войн. И там и здесь на первом плане пропагандистская, агитационная и в некоторой мере организаторская функции (устройство лекций, сбор средств, сотрудничество с представителями науки и бизнеса). Как и в пробольшевистской газете, в идеологии и речи коммерческого издания преобладает не модализованный нарратив и связанная с ним инференция, а *речемыслительное модусное начало*, заметное *влияние местных условий и профессиональной среды*. Идеология выступает как специфическое преломление в деловой публицистике целей и задач торгового сообщества. Анализ выступлений деполитизированной газеты с учетом их контекста показал, как групповой интерес, стремление к согласию нивелирует трудно преодолимые противоречия в дискурсе (но не в самой реальности).

¹ В нашем изложении мы полагаемся на материалы, полученные из разных печатных источников, включая Интернет. См. издания, указанные в библиографическом списке к разделу. По адресу <http://www.law.edu.ru/script/cntSource.asp?cntID=100118922-114k> находятся публикации, содержащие данные изучения фондов российского государственного Военно-морского архива (Ф.418,479) и Архива Внешней политики Российской империи (Ф.133,135).

² Отмечается, что шведский нейтралитет в период войны не был беспристрастным, но в значительной степени гибким. Правительство прикрывалось нейтралистской позицией парламента, все вместе – король, правительство и парламент – ссылались на мнение народа, которое в большинстве своем было пацифистским.

³ А. Л. Дмитриев, исследовавший харбинский «Экономический бюллетень» (приложение к журналу «Вестник Маньчжурии» в 1922-1934 гг.), по этому поводу пишет: «Любопытно, что в материалах, освещающих положение в СССР, была лишь констатация информации, без каких-либо выпадов и

критики в адрес Советской России, что нельзя сказать о многих других эмигрантских изданиях».

⁴ Гучков А. И. – русский предприниматель и политический деятель (1862-1936), лидер партии «Союз 17 октября» (октябристы), существовавшей в 1905–1917 годах. Депутат III Государственной думы, ее председатель с 1910 г. В 1915-1917 гг. он был председателем Центрального военно-промышленного комитета. В марте-мае 1917 г. А. И. Гучков – военный и морской министр Временного правительства.

⁵ См. : *Слово и ключевые смыслы в современных медиа-текстах* / Л. М. Майданова, С. И. Соломатов, Т. Г. Федотовских, А. П. Чудинов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2004. Ср. также мнение Ю. Караулова о том, что смысл вытекает из семантики, знаний о мире и прагматической информации, заложенной в высказывании по вектору «стимул-реакция».

⁶ *Ухтомский А. А.* Доминанта. М.-Л.: Наука, 1966; СПб.: Питер., 2002.

⁷ *Потебня А. А.* Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 127.

⁸ *Пазельская А. Г.* Актантные свойства русских отглагольных существительных // *Русский язык : исторические судьбы и современность : III Международный конгресс исследователей русского языка : Труды и материалы.* М.: МАКС пресс, 2007. С. 183-184.

⁹ *Якобсон Р.* В поисках сущности языка // *Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики.* Вып. 16. М.: ВИНТИ, 1970. С. 4-15.

¹⁰ *Лингвистический энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 357.

¹¹ *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. 3-е изд., стереотип. М.: КомКнига, 2006. Главы 2 и 4.

¹² О различии знания о действительности (собственно знания) и информированности см.: *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки рус. культуры, 1999. С. 415.

¹³ *Большая советская энциклопедия* : в 30 т. Т. 5. М.: Сов. энцикл., 1968. С. 591-592.

З а к л ю ч е н и е

1. **Содержание** газетного дискурса русского зарубежья 1917-1920(22) гг. на тему России отвечает оппозитивной формации дискурса эпохи войн. Эта «социальная формация» находится в общественном сознании между человеком и его намерением создать текст. Формация дискурса – показатель стабильного функционирования *конструктивного стереотипа* с его предназначением оформлять идеологические «поручения» говорящих. Оппозитивную формацию дискурса в газете можно рассматривать как общий способ существования проблемно ориентированной *идеологии оценки* в сфере публицистики. Оппозитивная формация в газете связана с обозначением аспектов проблемы и с акцентированием смысла сообщаемого в заданном идеологией направлении.

Статус оппозитивного дискурса в газетах высок. Он обусловлен ценностью полемического способа существования идеологии в конкурентно-агрессивной среде и не зависит от убеждений идеологического субъекта. Оппозитивный дискурс существует *сквозь* тексты, пронизывая их в бесчисленном множестве. Оппозитивностью обладают все издания, которые оказались на описанном информационном поле. В скрытом или в смягченном виде оппозитивность обнаруживается и в коммерческом дискурсе, где доминирует концепт «сближение». В целом дискурс согласия сильно проигрывает выражению в газетах отношений оппозитивности. Идеологическая позиция согласия в данную эпоху сама подчинена организации противодействия и существует в условиях борьбы, неблагоприятных для достижения общего успеха.

2. **Оппозитивность** – это ментально-речевая (когнитивно-семантическая) категория, обеспеченная в многообразии ее концептуальных проявлений разными способами выражения логических отношений отрицания, несоответствия (несообразности, странности) и доминирующим модальным отношением неприятия. Оппозитивность политизированного газетного дискурса носит тотальный, комплексный и многомерный характер. **Тотальность** указанной характеристики дискурса определяется тем, что концептуальная оппозитивность – качественная и количественная характеристика речи всех политизированных участников общения в данную эпоху. Специфика оппозитивной концептуализации в газете – в попытке отразить мир, расколотый на две части (мир и антимир, выстроенный вокруг войны). **Комплексный** характер оппозитивности газетного дискурса рождается из интенции к оценочному противопоставлению: в нем противопоставлены два пространства (*где* =

пространства России и земли, которая приняла мигрантов), противопоставлено время (*когда* = эпоха до революции и после переворота в октябре), противопоставлены люди (*с кем* = идеологические противники и союзники), над всем царит концепт «борьба» (*что* = действия и противодействия в борьбе с противником), актуализирован концепт «неприятие» (*как* = тональность и организация отношений с союзниками и противниками), наблюдается столкновение идеологических мотивов действия (*почему* = объяснение точек зрения по критериям социальных оценок – справедливо/несправедливо, законно/незаконно и т.п.). **Многомерность** оппозитивности в высказываниях заключается в том, что она выражена множественными оппозициями на парадигматическом и синтагматическом уровнях дискурса не только в когнитивной, но и на разных уровнях языка-речи (лексико-синтаксическом, стилистическом, композиционном).

3. **Природа** оппозитивного дискурса сложна. Его природа *социокультурная* (социально-оценочная) по своей укорененности в культурный контекст, в проблематику общественной жизни, и одновременно это природа *ментально-речевая* по механизмам языкового мышления, получающего выражение в риторических формах высказываний. Когнитивное и семанτικο-речевое противоположение как фокус (средоточие) оппозитивного дискурса обусловлено извне и изнутри полями контекстных зависимостей – миром дискурса. *Мир газетного дискурса* русского зарубежья – это мир конфликтной реальности и вместе с тем виртуальности (референциального правдоподобия), диалогическое пространство вражды и согласия взаимодействующих сторон; мир амбивалентный – классово-антагонистический и гуманистический, патетический и комический, обличительный и сострадательный. Это конкурентный мир культуры и идеологии (партийной, народной, общечеловеческой), содержащий прекодексы и постулаты для защиты их субъектом газеты, действующим как проводник ценностной идеологии.

Дискурс не только стандартная социокультурная структура, участвующая в процессе общения, но **способ связи** *внешнего* мира через образ и речь с *внутренним* миром говорящего. Функцию связующего звена между внутренней ментальной сферой личности и социокультурным контекстом выполняет *оценка*. Анализ показал тесную связь аксиологических концептов (хорошо/плохо) с концептами культуры.

4. **Доминанта** идеологического означивания в газете – результат *оценочной модализации* сознания при подавляющем иные

стимулы *политическом* отношении к явлению большевизма в России. Модализация (привятие/непривятие) привносится в тексты как признак идеологического дискурса в аспектах его отношений с *другим*. Другой всегда присутствует в дискурсе благодаря риторике, направленной на опровержение чуждой идеологии. **Модализованная оппозиция** выводится на поверхность речи или присутствует в скрытом виде в качестве конструктивного признака формации. Именно от структуры мысли зависит ее функция полемическая, направленная вовне для диалога с другим. Одновременно идеологически устремленная модализация соотносится с внутренней стороной потока речи, с аффективно-волевой деятельностью говорящего.

Диалогичность является условием формирования оппозитивных смыслов в газете и представлена в текстах многоаспектно. Дискурсная формация отсылает текст к его внешнему окружению, к связи с интердискурсом как *другим*: это может быть *конституирующий другой* или память о *другом* как *важном смысле* и его повторяемость. Кроме того существует символически олицетворенный *Другой*. В политизированном дискурсе это агрессивный *образ врага*, а в коммерческом дискурсе исключаящий враждебность *Другой* как *не такой*.

5. Операциональные модусы оппозитивности в духе *анти-* или *пробольшевизма*, в совокупности с другими модусными категориями сознания в речи (актуализационными, квалификативными, социальными), существуют в дискурсе как **идеологические**, связанные с властным направлением процесса означивания. В газете существенны две стороны категории идеологии для интерпретации сообщаемого.

Основу концептуализации текстов задает *идеология преко-структа*, поставляющая в текст очевидные и подразумеваемые истины, о которых в нем можно не говорить. Ситуативную концептуализацию текста обеспечивает *идеология эффектов смысла* с ограничительной программой, в рамках которой существует и движется в дискурсе модализованная картина мира («состояние вещей» превращается в состояние души). На достижение последнего направлены усилия идеологического субъекта как пропагандиста и психолога. Модальная нагрузка открывает воображаемое пространство для развертывания идеологического дискурса, и тогда, в зависимости от интенциональности и типа культурного сознания, читатель разных газет получает *разные модальные объекты* (картины мира).

6. В широком смысле идеология оппозитивности связана с обозначением **проблемы**. Модели оппозитивности работают на

разных уровнях абстракции и связаны с обозначением разных проблем. Оппозиция образуется как некий узел в пространстве пересечения отношений с *другим*. Проблемность выражается структурой противоположения, акцентированием смысла, идеологической оценкой и переоценкой чужого слова в процессе развертывания дискурса. Идеология проблемы связана с модальностью, с интерпретацией реальности или ирреальности осуществления программ, с констатацией возможности, необходимости, отрицания или утверждения ранее означенного. Очевиден **познавательный ресурс** оппозитивности. Если в оппозитивном дискурсе человек находится в диалоге с миром, интерпретируя его, то оппозитивность – явление *познающего* оценочного сознания. Изучение оппозитивного дискурса предполагает рассмотрение положения дел с учетом *другого* и при помощи *другого*.

7. **Язык** газеты выступает как «проявитель» лежащего за ним типа культуры, находящейся в оппозиции к *другому*. Множество слов, выражений, высказываний получают свой смысл от дискурсной формации. В силу этого речевую оппозитивность можно представить как **функционально-семантическую категорию**, обеспеченную в многообразии ее проявлений самыми разными языковыми средствами с модальным отношением неприятия (несогласия). Наблюдается функциональная общность между лексическими, грамматическими, риторическими средствами выражения этой категории. По-видимому, можно говорить о средствах речевой *техники оппозитивности*, о поддерживающих оппозитивность значениях в ресурсах политизированных идеологических языков, о градуальном характере оппозитивности.

Лексика открыто или косвенно фиксирует оппозитивность экспрессии. Ее основной признак – подверженность концептуализации, приобретение оппозитивных коннотаций и даже новых значений, которые «затвердевают» по наиболее повторяющимся в сознании линиям тематического применения слова в рамках схем «борьба» (война), «преступление», «болезнь» и др. Таким образом в системе противоположений оппозитивного дискурса понятие и слово приобретают специфическую осознанность и систематичность употребления. С этим же связано идеологическое ограничение толкований слов (например, слово *рабочие* используется узко прагматически, в основном как идеологический антипод понятий *капиталисты, хозяева, буржуазия*).

Специфика газетного дискурса на тему России такова, что в его составе особого внимания удостоилось **слово-концепт «большевизм»**. На позициях ключевого это слово семантически реагировало

на острые проблемы смены власти в России. Для процесса идеологизации этого слова и понятия в языке новой власти удобной было само ощущение *внутренней формы* слова (по В. И. Далю: «большинствовать» – начальствовать, «большинничать» – распоряжаться по праву, «большичать» – быть головою дела). Эмигрантский дискурс антибольшевистского толка изменил структуру значения этого слова противоборством заложенных в дискурс смыслов.

Слово «большевизм» существует в разных ипостасях концептуального смысла. В дискурсе русского зарубежья слово превратилось в прагмему, где предметное и оценочное значения предстают жестко связанными. Слово «большевизм» стало символическим элементом, в котором имплицитивно (благодаря фреймам) закодировано и смысловое пространство, и его новая предметная сущность. В процессе сопоставительного анализа выявились особенности идеологической трактовки понятий «*большевизм*» и «*Россия*». Концептуальный образ России реконструируется в интерпретациях концепта «болезнь» и архетипа «мать», в то время как образ большевизма опосредован концептом «власть» (в его спецификативной по газетам трактовке с противоположением «народоправство»/«диктатура»). В представлениях антибольшевиков это «антинародная преступная власть»; в спецификативной трактовке анархобольшевизма это «власть трудящихся» и преобразующая мир «сила социальной справедливости». В сознании русских людей сформированы два мифа, порожденные двумя радикальными типами идеологии при общей наступательно-агрессивной тональности каждой.

Модализация дискурса переросла в его концептуализацию как области идеологического сознания русских, где прочно установились (а затем и окончательно утвердились) концепты, отрицающие друг друга. Слово «большевизм» и в современных текстах аккумулирует дополнительную информацию, явно в знаке не выраженную. В нашем языке «большевизм» стал широко толкуемым понятием (концептом), включающим бинарную составляющую с противоположением другому. Получается так, что оппозитивная концептуализация слова («большевизм – преступление против страны и народа» и напротив «большевизм – надежда пролетариата всего мира») представляет собой пример свернутого в одном концепте решения, а в слове-концепте задействованы скрытые механизмы умозаключений.

Грамматика в сравнении с оппозитивным лексиконом газетного дискурса выступает как результат комплексных процессов концептуализации, когда ментальный процесс сводит воедино информацию из разных областей знания. Грамматика языка предо-

ставляет говорящему инвентарь символических ресурсов и моделей, относящиеся к области коллективного опыта. При их использовании возникает спроецированный мир войны (антимир). В этом заключается своеобразный и к о н и з м самой структуры оппозитивности, отображающей содержание мысли.

В эпоху логоцентризма, политической идеологизации, веры в идею и слово, избыточность информационная, языковая, эмоциональная явились показателем кризиса, связанного с деформацией массового сознания в этот период. Отсюда ведущие процессы в области языка и речи: доминирование модуса отрицания, усиление процессов идеологизации сознания, его враждебной поляризации и усиления перформативности, сверхмерной оценочности, аффективности и антинормативности.

8. В групповых менталитетах наличествует оппозитивность **идеологически субъективированных** сознаний.

Интенционально оппозитивность дискурса более всего связана с персонализацией образа врага в мифологизированной картине мира пробольшевиков и антибольшевиков в газетном дискурсе. Корень противоречий оказывается в том, что идеологически оппозитивной в эпоху модернизма была сама **классовая доктрина** марксизма, провоцирующая конфликт на уровне сознания разных слоев общества. При анализе дискурса ощутимо различается оппозитивность, возникшая на базе несоответствия теоретических представлений **идеологии** и живой **практики** ее воплощения. В обыденном сознании оппозитивность усматривается на уровне **морально-нравственных** представлений, включающих религиозные и общечеловеческие постулаты добропорядочного воспитания, проявления полярного этнокультурного сознания.

Для типов двух прагматически ориентированных идеологий (пробольшевистская и коммерческая) показательным стало *мифологическое* моделирование в производстве смыслов, в то время как радикальная антибольшевистская идеология тяготеет к *риторической* манифестации антагонизма.

В **антибольшевистских** газетах большевизм характеризуется в нарративах, где он представлен как отрицательное социально-правовое и к тому же массовое явление, характеризующееся особым мотивом совершения (классовая ненависть); как особое качество жестокости и цинизма в проявлениях ненависти и враждебности, вандализма и садизма. В основном демонстрируется мир действительности (событийно интерпретационный). Осознание своего отношения к происходящему на родине происходит в рамках ценностных ориентаций; преобладают чувства, болезненно-тягостные переживания, эмоциональное напряжение. В **пробольшевистских**

изданиях решающую роль играет мыслевыражающая стратегия речи, основанная на преубеждении. Идеологическая установка по-видимому препятствует адекватному в жизни восприятию событий или действий. Многие слишком умозрительно, идет от замысла, к которому подверстывалась реальность.

В конкретно-историческом дискурсе газет трудно говорить о верифицируемости сообщаемого в границах категорий исторического знания. Но труды П. А. Сорокина подтверждают достоверность общей информационной картины в антибольшевистском дискурсе социологически установленной закономерностью. Подобно П. Сорокину, газеты дают конкретизацию и обобщение явлений революции в концентрированном виде. Многие, о чем писал ученый в «Социологии революции», может быть проиллюстрировано выдержками из газет. При этом П. Сорокин не обвиняет прямо («я не прокурор», С. 318), а констатирует факты и выводит закономерности.

Образ идеологического субъекта газеты связывается с образом пропагандиста-идеолога, в нем много общего с образом ратора и образом субъекта познания. При всем том, что ИС газеты не равен субъекту исходной политической идеологии (марксистско-ленинской, анархистской или эсеровской), над его критическим сознанием все же господствовала идея «социального заказа».

Концептуализация субъектов действия (большевики) и субъектов состояния за рубежом (антибольшевики) может быть прочитана в культурном пространстве дискурса с помощью знакомого и неоднозначного символа: Россия – большая мать и жертва сыновних заблуждения и неистовства. Растерзанную на части ее жалеет один сын (морализатор, сам заболевший от пережитого потрясения) и ведет к счастью второй, блудный сын (отщепенец и безбожник), еще не осознавший им содеянного.

В свете сказанного идеологически показателен для газет русского зарубежья **мотив сострадания**. В русском сознании всегда занимала видное место способность ощутить страдание и испытать страдание. Эта способность была среди факторов, формирующих русскую культуру психологически. Доведенное до экзальтации чувство человечности было свойственно в последние годы жизни публицистике В. Г. Белинского и довело его до отрицания Бога («Отрицание – мой Бог») к заключению, что нужно насильно вести людей к счастью. Н. А. Бердяев считал нигилизм Белинского предтечей большевистской идеологии. Такой нигилизм мог возникнуть лишь в душе, получившей православную формацию (ощущение мира, лежащим во зле). Отчасти поэтому в России выработалась эсхатологическая душевная структура, предчувствующая катастрофу.

С изменением типа культуры, о чем также писал Н. А. Бердяев, появилась идеология силы, и мотив сострадания ослабевает. Но он есть в газетах русского зарубежья. Изменение типа культуры выразилось в изменении направления сознания. Миф о народо-крестьянстве был заменен мифом о пролетариате, которому приписывались мессианские свойства избранного народа Божьего (В представлении «Новая Россия как Новый Иерусалим» усматривается секуляризация древнееврейского мессианского сознания). Как видно по анархо-большевистской газете «Голос труженика», не столько состраданием диктовалось отношение к народу-пролетариату, сколько верой в то, что он должен зло наказать и победить.

Можно заключить следующее. Социально-психологические корни ментальной и речевой оппозитивности – в изменившемся характере мирозерцания человека эпохи кризиса, когда в системе обобщенных взглядов на мир, взглядов на отношение людей к действительности и друг к другу стала доминировать конфликтно-генная составляющая в виде основ нового учения (марксизм) и политического течения (большевизм) с идеей преодоления классово-несправедливости путем захвата власти и преобразования государства и общества. В сознании поколений целостный образ мира раскололся и обусловленные этим расколом взгляды участников конфликта оказались в изоляции от общегуманистической составляющей консервативного мировоззрения, инициировали конфронтацию и нарастание сил антагонизма не только в обществе, но внутри человека. Хуже всего, что конец Гражданской войны не был ее концом. С осуществлением власти большевизма и нового уклада жизни оппозитивные интенции не только не угасли, они были загнаны внутрь и вновь обострились в когнитивном модусе. «Разделение между добром и злом, полное и окончательное – в этом цель нашего пребывания на земле», – счел возможным подчеркнуть в этой связи свящ. Родзянко.

Нельзя не сказать о власти дискурса, под влиянием которой находится человек. Дискурс способен изменить среду, группу, общество. **Угроза** влияния дискурса возрастает, если он насаждается какой-либо властью. Существует мнение, что, находясь в дискурсе власти, русские в XX веке пережили разорение во второй раз. Модализация и мифологизация советской власти, когда возможное выдавалось за действительное, и з м е н л и способ существования предмета, предиката или события. Мифологизировано было политическое устройство государства, история, мораль. Презумпция советской угрозы в XX веке была обозначена в газетах русского зарубежья именно в период пореволюционного кризиса и оказалась востребованной за рубежом. Ее использование в британских СМИ

80-х годов, усиление идеологического контроля в дискурсе «тетчеризма» отмечал в 1989 г. N. Fairclough.

Процесс освобождения от гнета господствовавшей идеологии определяется как процесс последовательной демифологизации. **Новое модальное преобразование коснулось интерпретации личности и деятельности вождей революции, происходившей на фоне ревизии и критики марксизма как доктрины.** Новая оппозитивность переосмыслила слово «*большевизм*» в языке. Вновь и вновь идеологическая формация оппозитивности выступает в качестве силы, противопоставленной другим силам и выгодной обеим сторонам оппозиции в критический момент времени. Мир логизированный, сконструированный политико-прагматическим или гуманистическим сознанием, внедряется в жизнь, и в нем предлагается жить массовому сознанию.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Примеры из газет даются в современных орфографии и пунктуации, исключая те случаи, когда имеет значение старая версия правописания (заглавные буквы). В случае ненормативного пропуска части союза или целого слова, они восстанавливаются в квадратных скобках.

2. Написание заглавных букв в наименованиях, в основном, сохраняется как выражающее дух времени. Сокращения аббревиации в газетных текстах большей частью оставлены без изменений. В основном сокращения в газетах понятны. Графические выделения, несущие информацию о точке зрения газеты, оговариваются в скобках.

3. Атрибуция цитируемых текстов (высказываний) дается в скобках в следующем порядке: сокращенное обозначение газеты, календарное число или номер выпуска.

В сгруппированном по ходу изложения виде фрагменты цитируемых текстов (высказываний) даются без отсылки, если указание газеты, ее номера или календарного числа не имеют принципиального значения.

СОКРАЩЕНИЯ

1. Эмигрантские газеты

ВМ — «Вестник Маньчжурии» (Харбин)

ВР — «Варшавская речь» (Варшава)

В. С.-З. арм. — «Вестник Северо-Западной Армии» (Нарва)

ГР — «Голос России» (Берлин)

ГТ — «Голос труженика» (Чикаго)

Мн. — «Маньчжурия» (Харбин)

НГ — «Народная газета» (Нью-Йорк)

НЖ — «Новости жизни» (Харбин)

НМ — «Новый мир» (Нью-Йорк)

НРС — «Новое русское слово» (Нью-Йорк)

НС — «Новое слово» (Кишинев)

ОД — «Общее дело» (Париж)

Пр₁ — «Призыв» (Харбин)

Пр₂ — «Призыв» (Берлин)

РВ — «Русский вестник» (Берлин)

РД — «Русское дело» (Прага)

РС — «Русский социалист» (Берлин)

СЛ — «Скандинавский листок» (Стокгольм)

СР₁ — «Свободная Россия» (Чикаго)

СР₂ — «Свободная Россия» (Буэнос-Айрес)

Тр. — «Труд» (Харбин)

2. Научные издания

ЛЭС — *Лингвистический* энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990.

Сл. под ред. Д. Н. Ушакова — *Толковый словарь русского языка* / под ред. Д. Н. Ушакова : в 4-х т. М.: Сов. энцикл., 1935-1940.

СЭС — *Стилистический* энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд. М. : Флинта, Наука, 2006.

3. Условные обозначения в тексте, включая примеры

газеты РЗ — газеты русского зарубежья (синоним «эмигрантские газеты» — ЭГ)

антибЭГ — антибольшевистские эмигрантские газеты

пробЭГ — пробольшевистские эмигрантские газеты

ЭГ-дискурс — эмигрантский газетный дискурс

ИС — идеологический субъект

ИИ — источник известий (информации)

Список источников¹

Территория Европы

Варшавская речь (Варшава, 1918 — ?): Внепарт. демократ. орган / Ред. Г. Ледкевич. Варшава: Т-во «Рус. изд-во» в лице В. М. Левшиной. > **1919** № 29 (28 авг.), № 44-46, 51, 52, 91, 120-122 (14 дек.). — РНБ.

Вестник Северо-Западной армии (Нарва, 1919 — ?): Ежедн. > **1919** № 88 (25 сент.), 96, 103, 107, 120, 121, 128 (12 нояб.). — РНБ.

Голос России (Берлин, 1919-1922): Орган Рус. демократ. мысли / Ред. 1919 Г. Шумахер. > **1919** № 251 (30 дек.). — РНБ.

Новое слово (Кишинев, 1920-1923): Ежедн. обществ.-полит. и лит. газ. : орган Бесараб. нар. лиги и объедин. оппозиции в Бесарабии / ред. Н. Н. Александри, С. Е. Путерман > **1921** № 44 (2 марта), 116, 118-127, 129 (15 июня). — БАН.

Общее дело (Париж, 1909-1933): Ежедн. / Ред. изд. В. Л. Бурцев > **1918** № 27 (12 окт.)–29; **1919** № 31, 37, 41, 46-50, 52, 55, 56. — РНБ.

Призыв (Берлин, 1919-1920): Беспарт. рус. газ./Ред. С. Золотницкий. Берлин: «Возрождение России» изд. о-во с огр. отв. > **1919** № 78 (экз. деф.), 100, 102, 103, 105, 106, 124, 125, 128, 129, 136, 138, 139, 144, 145. — РНБ.

¹ Знак > в списке указывает те номера газет (около 180 ед.), которые составили ресурс для выборки основного материала исследования.

Знак ? в пометах означает, что составителям каталога не удалось установить точные годы окончания выхода издания.

Знак экз. деф. означает плохо сохранившийся номер газеты.

Русский вестник (Берлин, 1915-1918) > **1917** № 172 (28 июля), 201, 206, 208, 211 (20 нояб.). — РНБ.

Русское дело (Прага, 1919-1920): / Ред.-изд. д-р Стегум (Koral). — Прага: Г. О. Тилль. Три раза в неделю. > **1919** № 71; 1920 № 5, 8, 18, 19, 105, 108. — РНБ.

Русский социалист (Берлин, 1918 — ?). Три раза в неделю. > **1919**, № 28 (28 янв.). — РНБ.

Скандинавский листок (Стокгольм: 1915, 1 апр. — ?): Торг.-пром. газ. > **1915-1916** (неполн. компл.); 1917 № 339 (28 нояб.); **1918** № 349-386 (по 11 мая). — РНБ.

Территория Китая (Маньчжурии)

Вестник Маньчжурии (Харбин, 1918–1920): Ежедн. газ., посвящ. политике, экономике, культуре и интересам проф.-трудовой жизни. > **1918** № 208 (25 окт.) — 216 (3 нояб.). — РНБ.

Маньчжурия (Харбин, 1918 — ?): Ежедн. обществ.-полит. газ. / Ред.-изд. П. В. Ровенский; М. Полежак. > **1918** № 36 (30 окт.), 40 (3 нояб.), приложение. — РНБ.

Новости жизни (Харбин 1914–1926, 31 дек.): Ежедн. полит. обществ., лит., торг.-пром. газ. / Ред. З. М. Клиорин, С. Р. Чернявский. > **1919** № 93 (11 сент.); **1920** № 203, 261, 262. — РНБ.

Призыв (Харбин, 1918 — ?): Ежедн. газ. / Ред. Н. Ф. Олигер. — Харбин: Изд-во «Русь». > **1918** № 160 (1 окт.) — 172, 181-183, 185, 186, 190 (7 нояб.). — РНБ.

Труд (Харбин, 1918): Ежедн. соц. газ. > **1918** № 73 (23 апр.). — РНБ.

Территория Америки

Голос труженика (Чикаго, 1918-1924): Ежедн. рабочая газ. индустр. рабочих мира / Ред. Я. Санжур. > **1918** № 3 (дек.), 4, 6; **1919**, № 6-75. — РНБ.

Народная газета (Нью-Йорк 1918, 21 марта — июнь): Ежедн. социалист. газ. > **1918** № 1 (21 марта) — 9, 12, 13 (13 июня). — РНБ.

Новое русское слово (Нью-Йорк, 1910 — ?): Ежедн. газ. / ред. А. Я. Кречмар, М. Вейнбаум > **1922** № 3393, 3471 (28 июля). — БАН.

Новый мир (Нью-Йорк: 1916-1935): Ежедн. рус. раб. газ. > **1917**, № 1140 (6 нояб.); **1918** № 1234. — РНБ.

Свободная Россия (Чикаго: 1917-1922): Ежедн. раб. и крестьян. газ. / Ред. Н. Николенко. > **1918** № 2 (19 февр.) — РНБ.

Свободная Россия (Буэнос-Айрес, 1918-1920): Ежедн. по воскресеньям. > **1918** № 53 (27 янв.) — РНБ.

ЛИТЕРАТУРА

Монографии, сборники, учебные пособия, статьи

- Аблажей, Н. Н.* Эмиграция из России (СССР) в Китай и реэмиграция в первой половине XX в. : автореф. ... д-ра ист. наук / Н. Н. Аблажей. Новосибирск, 2008. 47 с.
- Абушенко, В. Л.* Наблюдение / В. Л. Абушенко // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск : Изд-во В. М. Скакун, 1998. С. 452.
- Абызов, Ю. И.* Русское печатное слово в Латвии (1917–1944) / Ю. И. Абызов. Stanford : Stanford. univ. press, 1990.
- Аверинцев С. С.* Византия и Русь : два типа духовности / С. С. Аверинцев // Новый мир. 1988. № 7. С. 210–220; 1988. № 9. С. 215–230.
- Автономова, Н. А.* Актуальное прошлое : структурализм и евразийство : [вступ. ст.] / Н. А. Автономова // Патрик Серио. Структура и целостность : об интеллектуальных истоках структурализма в Центральной и Восточной Европе. 1920–30-е гг. М. : Языки слав. культуры, 2001. С. 9–30.
- Адамец П.* Образование предложений из пропозиций в современном русском языке. Praha : Univerzita Karlova, 1978. 179 с.
- Александров, А. А.* Современная психотерапия : курс лекций / А. А. Александров. СПб. : Академ. Проект, 1997. 335 с.
- Алпатов, В. М.* Волошинов, Бахтин и лингвистика / В. М. Алпатов. М. : Языки слав. культуры, 2005. 432 с.
- Алпатов, В. М.* История лингвистических учений / В. М. Алпатов. М. : Языки рус. культуры, 1999. 368 с.
- Алпатов, В. М.* Общественное сознание и языковая политика в СССР (20–40 гг.) / В. М. Алпатов // Язык в контексте общественного развития. М. : Ин-т языкозн. РАН, 1994. С. 29–46.
- Амиров В. М.* Агитационный предвыборный сверхтекст : организация содержания и стратегии реализации : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. М. Амиров. Екатеринбург, 2002. 23 с.
- Андреева-Бальмонт, Е. А.* Воспоминания / Е. А. Андреева-Бальмонт; подгот. текста, предисл. Л. Ю. Шульман. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 1997. 560 с., ил.
- Аристотель.* Сочинения : в 4 т. / Аристотель. Т. I. М. : Мысль, 1976. 275 с.; Т. 2. 1978. 486 с. (Филос. наследие).
- Арутюнова, И. Д.* Аномалии и язык / Н. Д. Арутюнова // Вопр. языкозн. 1987. № 3. С. 3–19.
- Арутюнова, Н. Д.* Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д. Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике.

Вып. 16. Лингвистическая прагматика : сб. : пер. с разн. яз. / общ. ред. Е. В. Падучевой. М. : Прогресс, 1985. С. 8–42.

Арутюнова, Н. Д. Лингвистические проблемы референции / Н. Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (проблемы референции) / общ. ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Радуга, 1982. С. 5–41.

Арутюнова, Н. Д. От редактора / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка : знание и мнение : сб. науч. тр. М. : Наука, 1988а. С. 3–6.

Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы) / Н. Д. Арутюнова. Изд. 2-е, стереотип. М. : Едиториал УРСС, 2002. 384 с.; Изд. 1-е. М. : Наука, 1976.

Арутюнова, Н. Д. Проблема числа / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка : квантификативный аспект языка / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2005. С. 5–21.

Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений : оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова. М. : Наука, 1988б. 339 с.

Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Изв. АН СССР, Сер. лит. и языка. 1981. № 4. С. 356–367.

Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. М. : Языки рус. культуры, 1999. 896 с.

Асеева, Ж. В. Лексические средства выражения идеологии политической корректности в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ж. В. Асеева; Иркут. гос. лингв. ун-т. Иркутск, 1999. 17 с.

Аскольдов, С. А. Религиозный смысл русской истории / С. А. Аскольдов // Пути Евразии : русская интеллигенция и судьбы России / сост., вступ. ст., коммент. И. А. Исаева. М. : Рус. книга, 1992. С. 29–66.

Астафурова, Т. Н. Стратегии коммуникативного поведения в профессионально значимых ситуациях межкультурного общения (лингвистический и дидактический аспекты) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. Н. Астафурова; Моск. гос. лингв. ун-т. М., 1997. 41 с.

Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста : основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник для вузов / Л. Г. Бабенко. М. : Академ. Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2004. 464 с.

Баженова, Е. А. Специфика смысловой структуры научного текста и его композиции / Е. А. Баженова // Т. II. Ч. 1. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Т. II. Ч. 1. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1996. С. 158–235.

Базанов, П. Н. Досуговая журналистика русского зарубежья / П. Н. Базанов // Досуговая журналистика в России : матер. межвуз. науч.-практ. конф. / под ред. Л. Р. Дускаевой, В. И. Шароградского. СПб. : Астерион, 2009. С. 6–9.

Байбурин, А. К. Семантические аспекты функционирования вещей / А. К. Байбурин // Этнографическое изучение знаковых средств в культуре : сб. ст. / отв. ред. А. С. Мыльников. М., 1989. С. 63–88.

Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. 2-е изд., стереотип. М. : Едиториал УРСС, 2001. 416 с.

Балли, Ш. Французская стилистика. М. : Изд. иностр. лит., 1961. 416 с.

Баранов, А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста / А. Г. Баранов. Ростов-н/Д. : Изд-во Ростов. ун-та, 1993. 182 с.

Баранов, А. Н. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. Т. 56. 1997. № 1. С. 11–21.

Баранов, А. Н. Языковые игры времен перестройки : феномен политического лозунга / А. Н. Баранов // Russistik = Русистика. 1993. № 2. С. 64–72.

Барт, Р. Избранные работы : семиотика, поэтика / Р. Барт. М. : Прогресс, 1994. 616 с.

Барт, Р. Лингвистика текста / Р. Барт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста / сост., общ. ред., вступ. ст. Т. М. Николаевой. М. : Прогресс, 1978. С. 442–449.

Барт, Р. Нулевая степень письма / Р. Барт // Семиотика : антология / сост. Ю. С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академ. проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. С. 327–370.

Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет / М. М. Бахтин. М. : Худ. лит., 1975. 502 с.

Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. С. 250–296.

Бейтс, Э. Интенции, конвенции и символы / Э. Бейтс // Психоллингвистика : сб. ст. / под ред. А. М. Шахнаровича. М. : Прогресс, 1984. С. 50–102.

Белл, Р. Т. Социоллингвистика : цели, методы, проблемы : пер. с англ. / Р. Т. Белл. М. : Междунар. отнош., 1980. 318 с.

Белов, В. Белая печать: ее идеология, роль, значение и деятельность : матер. для будущего историка / В. Белов. Пг. : Госиздат, 1922. 127 с.

Белунова, Н. И. Интегрирующая функция лексико-синтаксических повторов в текстах публицистического стиля / Н. И. Белунова // Текстовые реализации и текстообразующие функции синтаксических единиц : сб. науч. тр. Л. : Ленингр. гос. пед. ин-т, 1988. С. 70–86.

Бельчиков, Ю. А. Русский литературный язык во II половине XIX века / Ю. А. Бельчиков. М. : Высш. школа, 1974. 192 с.

Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. М. : Прогресс, 1974. 448 с.

Берберова, Н. Курсив мой : автобиография / Н. Берберова. М. : Согласие, 1996. 735 с.

Бердяев, Н. А. Духи русской революции / Н. А. Бердяев // Пути Евразии : русская интеллигенция и судьбы России / сост., вступ. ст., коммент. И. А. Исаева. М. : Рус. книга, 1992. С. 67–106.

Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. Репринт.

воспроизв. издания YMCA-PRESS, 1955 г. / Н. А. Бердяев М. : Наука, 1990а. 224 с.

Бердяев, Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990б. 256 с.

Береговская, Э. М. Система синтаксических фигур : к проблеме градации / Э. М. Береговская // Вопр. языкозн. 2003. № 3. С. 79–91.

Бирюлин, Л. А. Презумпция побуждения и прагматика императива / Л. А. Бирюлин // Типология и грамматика / под ред. В. С. Храковского. М. : Наука, 1990. С. 162–173.

Блакар, Р. М. Язык как инструмент власти / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия / сост. В. М. Сергеев, Б. П. Паршин; общ. ред. В. В. Петрова. М. : Прогресс, 1987. С. 88–124.

Богданов, В. В. Речевое общение : прагматические и семантические аспекты / В. В. Богданов. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 88 с.

Бокадорова, Н. Ю. Грамматика и метафизика модистов как явление позднесредневековой культуры / Н. Ю. Бокадорова // Логический анализ языка : языки этики / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Языки русской культуры. 2000. С. 429–430.

Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика : курс лекций по англ. филологии. Тамбов : Изд-во Тамбов. гос. ун-та. 2000. 123 с.

Болдырев Н. Н. Репрезентация языковых и неязыковых знаний синтаксическими средствами / Н. Н. Болдырев, Л. А. Фурс // Филол. науки. 2004. № 3. С. 67–74.

Бондалетов, В. Д. Имя собственное в художественном тексте : учеб. пособие / В. Д. Бондалетов, О. И. Фоякова. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 104 с.

Бондаренко, В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В. Н. Бондаренко. М. : Наука, 1983. 212 с.

Бондарко, А. В. Основы функциональной грамматики : языковая интерпретация времени / А. В. Бондарко. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 260 с.

Борботько, В. Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения) : дис. ... д-ра филол. наук / В. Г. Борботько. Краснодар, 1998. 250 с.

Борисова, Е. Г. Предисловие / Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов // Имплицитность в языке и речи / отв. ред. Е. Г. Борисова и Ю. С. Мартемьянов. М. : Языки рус. культуры, 1999. С. 9–14.

Братусь, Б. С. Аномалии личности / Б. С. Братусь. М. : Мысль, 1988. 301 с.

Бродский, И. Поклониться тени : эссе / И. Бродский. СПб. : Азбука-классика, 2006. 896 с.

Бродский, И. Н. Философские и логические аспекты отрицательных высказываний / автореф. дис. ... д-ра филол. наук / И. Н. Бродский. Л., 1974. 30 с.

Брудный, А. А. Психологическая герменевтика : учеб. пособие / А. А. Брудный. М. : Лабиринт, 1998. 336 с.

Брызгунова, Е. А. О смысловозначительных возможностях русской интонации / Е. А. Брызгунова // *Вопр. языкозн.* 1970. № 4. С. 42–52.

Будницкий, О. В. Владимир Бурцев и его корреспонденты / О. В. Будницкий // *Отеч. история.* 1992. № 6. С. 110–113.

Букаренко, С. Г. Стереотипная сочетаемость как отражение доминирующих связей языковой картины мира (к постановке проблемы) / С. Г. Букаренко // *Русский язык : исторические судьбы и современность : III междунар. конгресс исследователей рус. языка : тр. и матер.* М. : МАКС Пресс, 2007. С. 478.

Булыгина, Т. В. О границах и содержании прагматики / Т. В. Булыгина // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка.* Т. 40. 1981. № 4. С. 333–342.

Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. М. : Языки рус. культуры, 1997. 576 с.

Бунатян, Г. Г. Петербург серебряного века : дома, события, люди / Г. Г. Бунатян, М. Г. Чарная. СПб. : Лениздат, 2002. 256 с., ил.

Бюлер, К. Теория языка : репрезентативная функция языка : пер. с нем. / К. Бюлер; общ. ред. и коммент. Т. В. Булыгиной. М. : Прогресс, 2001. 528 с.

Вагапова, Н. А. Структурные особенности психологического механизма самоуправления деятельностью : на примере учебной и профессиональной деятельности : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Н. А. Вагапова. Казань, 1998. 20 с.

Вайнрих, Х. Лингвистика лжи : пер. с англ. / Х. Вайнрих // *Язык и моделирование социального взаимодействия* / сост. В. М. Сергеев, Б. П. Паршин; общ. ред. В. В. Петрова. М. : Прогресс, 1987. С. 44–87.

Вакуров, В. Н. Стилистика газетных жанров / В. Н. Вакуров, Н. Н. Кохтев, Г. Я. Солганик. М. : Высш. шк., 1978. 143 с.

Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / Т. А. Ван Дейк; сост. В. В. Петров; под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. М. : Прогресс, 1989. 312 с.

Васильев, А. А. Красота в изгнании : творчество русских эмигрантов первой волны : искусство и мода / А. А. Васильев; науч. ред. Е. Беспалова. М. : Слово / Slovo, 1998. 480 с., ил.

Введенская, Л. А. Культура и искусство речи : современная риторика / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. Ростов-н/Д. : Феникс, 1998. 576 с.

Вежбицкая, А. Антитоталитарный язык в Польше : механизмы языковой самообороны / А. Вежбицкая // *Вопр. языкозн.*, 1993. № 4. С. 107–126.

Вежбицкая, А. Речевые акты / А. Вежбицкая // *Новое в зарубежной лингвистике.* Вып. 16. Лингвостилистическая прагматика. М. : Прогресс, 1985. С. 251–275.

Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая; пер. с англ. А. Д. Шмелева. М. : Языки слав. культуры, 2001а. 288 с. (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.).

Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая; пер. с англ. А. Д. Шмелева. М. : Языки слав. культуры, 2001б. 288 с. (Язык. Семиотика. Культура. Малая сер.).

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание : пер. с англ. / А. Вежбицкая; отв. ред. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой. М. : Рус. словари, 1996. 416 с.

Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // В. В. Виноградов. *Избранные труды : исслед. по рус. грамматике.* М. : Наука, 1975. С. 53–87.

Виноградов, В. В. Поэтика и ее отношение к лингвистике и теории литературы // *Вопр. языкозн.* 1962. № 5. С. 16–23.

Виноградов, С. И. Средства массовой информации и культура речи / С. И. Виноградов, О. В. Платонова // *Культура русской речи : учебник для вузов* / под ред. Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева. М. : Инфра-М, Норма, 1998. Гл. VI.

Винокур, Г. О. Поэтика. Лингвистика. Социология / Г. О. Винокур // *Винокур, Г. О.* *Филологические исследования.* М. : Наука, 1990. С. 22–31.

Вирячева, С. Г. Межчастеречные лексические парадигмы в художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Г. Вирячева. СПб., 1991. 20 с.

Власть в русской языковой и этнической картине мира / С. В. Ермаков, И. Е. Ким, Т. В. Михайлова и др. М. : Знак, 2004. 408 с.

Волков, С. В. Трагедия русского офицерства / Сергей Волков. М. : Фокус, 1999. 382 с.

Волков, С. В. Почему РФ – еще не Россия : не востребованное наследие империи / Сергей Волков. М. : Вече, 2010. 352 с.

Волков, С. Диалоги с Иосифом Бродским / Соломон Волков; вступ. ст. Я. Гордина. М. : Независимая газета, 2000. 328 с., ил.

Володина, М. Н. Язык массовой коммуникации – особый язык социального взаимодействия / М. Н. Володина // *Язык средств массовой информации* / под ред. М. Н. Володиной. М. : Академ. Проект, 2008. С. 27–47.

Волошинов, В. Н. Марксизм и философия языка : основные проблемы социологического метода в науке о языке / В. Н. Волошинов // *Волошинов, В. Н.* *Философия и социология гуманитарных наук* / вступ. ст. Н. Л. Васильева; сост., примеч., библиогр., указ. Д. А. Юнова. СПб. : Аста-пресс, 1995. С. 216–380.

Волошинов, В. Н. Марксизм и философия языка / В. Н. Волошинов [М. М. Бахтин]. М. : Лабиринт, 1993. 188 с.

Вольф, Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо / плохо» / Е. М. Вольф // Вопр. языкозн. 1986. № 5. С. 99–102.

Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф; вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, И. И. Чельшевой. 3-е изд., стереотип. М. : КомКнига, 2006. 280 с. (Лингв. наследие XX в.).

Воркачев, С. Г. Безразличие vs. Презрение (на матер. исп. яз.) / С. Г. Воркачев // Вопр. языкозн. 1992. № 1. С. 79–86.

Выготский, Л. С. Мышление и речь / Л. С. Выготский. М. : Лабиринт, 2005. 352 с.

Гагин, Ю. А. Акмеологические аспекты предмета психологии / Ю. А. Гагин // Вестн. Балт. пед. акад. : Вып. 55. 2004. С. 45–60.

Гак, В. Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста / В. Г. Гак // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 87–95.

Гак, В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. М. : Языки рус. культуры, 1998. 768 с.

Гамкрелидзе, Т. В. Об одной лингвистической парадигме / Т. В. Гамкрелидзе // Вопр. языкозн. 2005. № 2. С. 3–6.

Гаспаров, Б. М. Язык. Память. Образ : лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. М. : Нов. лит. обозр., 1996. 352 с.

Герасимов, В. И. На пути к когнитивной модели языка / В. И. Герасимов, В. В. Петров // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXII. Теория речевых актов / сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова; общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс, 1988. С. 5–11.

Гетманова, А. Д. Отрицание в системах формальной логики / А. Д. Гетманова. М. : Высш. школа, 1972. 139 с.

Гловинская, М. Я. Глаголы со значением передачи информации / М. Я. Гловинская // Язык о языке : сб. ст. / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Языки рус. культуры, 2000. С. 403–416.

Гловинская, М. Я. Язык эмиграции как свидетельство о неустойчивых участках языка метрополии и эмиграции (на материале русского языка) / М. Я. Гловинская // Жизнь языка : сб. ст. : к 80-летию М. В. Панова / отв. ред. С. М. Кузьмина. М. : Языки слав. культуры, 2001. С. 174.

Голик, Н. В. Другой как проблема политической этики / Н. В. Голик // Проблема «другого голоса» в языке, литературе и культуре : матер. IV междунар. конф. / под ред. Н. В. Тишунинной. СПб. : Янус, 2003. С. 37–47.

Голокова, М. С. Оценка в газетном тексте, посвященном предвыборной компании : на примере материалов прессы республики Саха (Якутия) : дис. ... канд. филол. наук / М. С. Голокова. СПб., 2008. 174 с.

Голубева-Монаткина, Н. И. Грамматические особенности русской речи потомков эмигрантов «первой волны» во Франции / Н. И. Голубева-Монаткина // Филол. науки. 1994. № 4. С. 104–111.

Голубева-Монаткина, Н. И. Лексические особенности русской речи

потомков русского зарубежья во Франции / Н. И. Голубева-Монаткина // Русистика сегодня. 1995. № 1. С. 70–92.

Грайс, П. Логика и речевое общение / П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингв. прагматика. М. : Прогресс, 1985. С. 217–237.

Грановская, Л. М. Русская эмиграция о русском языке : аннотир. библиогр. указ. (1918–1992) / Л. М. Грановская. М. : Азъ, 1993. 98 с.

Грановская, Л. М. Русский литературный язык в конце XIX и XX вв. : очерки / Л. М. Грановская. М. : Элпис, 2005. 448 с.

Грановская, Л. М. Русский язык в «рассеянии» : очерки по языку русской эмиграции первой волны / Л. М. Грановская. М. : Ин-т рус. яз. РАН, 1995. 176 с.

Греймас, А.-Ж. Семиотика страстей : от состояния вещей к состоянию души : пер. с фр. / А.-Ж. Греймас, Ж. Фонтаний. М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 336 с.

Греймас, А.-Ж. Структурная семантика : поиск метода / А.-Ж. Греймас; пер. с фр. Л. Зиминой. М. : Академ. Проект, 2004. 368 с.

Грицанов, А. А. Идеология // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск : Изд-во В. М. Скакун, 1998. С. 256–257.

Грицанов, А. А. Прагматизм // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск, 1998. С. 541.

Грицанов, А. А. Советская философия // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск, 1998. С. 631.

Громова, Л. П. К вопросу об изучении эмигрантской прессы XIX века / Л. П. Громова // Журналистика в 1996 году. Средства массовой информации в постсоветском обществе : тезисы науч.-практ. конф. Ч. 2. М. : Моск. ун-т, ф-т журн., 1997.

Громова, Л. П. Китайские и российские СМИ в историко-журналистских исследованиях / Л. П. Громова // Слово есть Дело : юбил. сб. науч. тр. в честь проф. И. П. Лысаковой. Т. 1. СПб. : Сударыня, 2010. С. 193–196.

Гудков, Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса / Д. Б. Гудков // Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М. : Академ. Проект, Альма Матер, 2008. С. 401–418.

Гулида, В. Б. Петербургская социолингвистика: пятнадцать лет развития / В. Б. Гулида, Р. Б. Вахтин // Вопр. языкозн. 2010. № 2. С. 106–119.

Гулыга, А. В. Миф как философская проблема / А. В. Гулыга // Античная культура и современная наука / под ред. Б. Б. Пиотровского. М. : Наука, 1985. С. 271–276.

Гуревич, В. В. О «субъективном» компоненте языковой семантики / В. В. Гуревич // Вопр. языкозн. 1998. № 1. С. 27–35.

Гуреев, В. А. Языковой эгоцентризм в новых парадигмах знания / В. А. Гуреев // Вопр. языкозн. 2004. № 2. С. 57–67.

Данилевская, Н. В. Роль оценки в механизме развертывания научного текста / Н. В. Данилевская. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2005. 360 с.

Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. М. : Книга, 1991. 574 с. (Ист.-лит. архив).

Декреты Великого Октября : книга-альбом / авт.-сост. Ю. А. Ахапкин, М. П. Ирошников. Л. : Лениздат, 1977. 143 с.

Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. М. : Прогресс, 1989. 312 с.

Дейк, Т. А. ван. Расизм и язык : пер. с англ. / Т. А. ван Дейк. М. : ИНИОН АН СССР, 1989. 76 с.

Демьянков, В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста / В. З. Демьянков. М. : Всесоюз. центр переводов, 1982. 280 с.

Демьянков, В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В. З. Демьянков // Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М. : Академ. Проект, Альма Матер, 2008. С. 374–393.

Демьянков, В. З. Лингвистическая интерпретация текста : универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии / В. З. Демьянков // Язык и культура : факты и ценности : к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. М. : Языки слав. культуры, 2001а. С. 309–324.

Демьянков, В. З. Морфологическая интеграция как конструирование внутренней формы слова / В. З. Демьянков // Морфемика : принципы сегментации, отождествления и классификации морфологических единиц : межвуз. сб. / под ред. С. И. Богданова, А. С. Герда. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. С. 147–156.

Демьянков, В. З. Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной технике / В. З. Демьянков. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1985. 76 с.

Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. 3. Политический дискурс : история и современные исследования. М. : ИНИОН РАН, 2002. С. 32–43.

Демьянков, В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В. З. Демьянков // Вопр. филол. 2001б. № 1. С. 35–47.

Дерлугьян, Г. Кризисы неизбежны – как с этим бороться // Эксперт : спец. вып. 2008. 29 дек. – 2009. 18 янв., № 1 (640). С. 9–14.

Десницкая, А. В. О традициях социологизма в русском языкознании / А. В. Десницкая // Теория языка : методы его исследования и преподавания : к 100-летию со дня рожд. Л. В. Щербы / отв. ред. Р. И. Аванесов. Л. : Наука, 1981. С. 79–87.

Дешериев, Ю. Д. Социальная лингвистика : к основам общей теории / Ю. Д. Дешериев. М. : Наука, 1977. 382 с.

Джоуэтт, Г. Пропаганда и внушение / Г. Джоуэтт, В. О’Доннел; реферат К. С. Гаджиева. М. : Мысль, 1988. 260 с.

Дилтс, Р. Фокусы языка : изменение убеждений с помощью НЛП / Р. Дилтс. СПб. : Питер, 2001. 320 с.

Добин, Е. Сюжет и действительность : искусство детали / Е. Добин. Л. : Сов. писатель, 1976. 432 с.

Добренькова, Е. В. Социальная морфология образовательного дискурса : теоретико-методологический анализ : автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Е. В. Добренькова. Ростов-н/Д., 2007. 42 с.

Досуговая журналистика в России : матер. межвуз. науч.-практ. конф. / под ред. Л. Р. Дускаевой, В. И. Шароградского. СПб. : Астерион, 2009. 150 с.

Дробинина, А. Н. Взаимосвязь категорий каузативности и акциональности / А. Н. Дробинина // Русский язык : исторические судьбы и современность : III междунар. конгресс исследователей рус. яз. : тр. и матер. М. : МАКС Пресс, 2007. С. 308.

Дускаева, Л. Р. Диалогичность газетных текстов 1981-1991 гг. дис. ... канд. филол. наук / Л. Р. Дускаева. Пермь, 1995. 252 с.

Дускаева, Л. Р. Диалогичность современных газетных текстов в аспекте речевых жанров / Л. Р. Дускаева. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2004. 112 с.

Дымарский, М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.) / М. Я. Дымарский. 2-е изд., испр. и доп. М. : Едиториал УРСС, 2001. 328 с.

Елеонская, А. С. Русская публицистика второй половины XVII века / А. С. Елеонская. М. : Наука, 1978. 268 с.

Еременко, Л. И. Русская эмиграция как социально-культурный феномен : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. И. Еременко. М., 1993. 22 с.

Есин, Б. И. Русская дореволюционная газета : крат. очерк / Б. И. Есин. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. 87 с.

Живов, В. М. [Рец. на кн.:] Handbuch der sprachwis-senschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen/Hrgb. von H. Jachnow. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 1999, 1336 S. / В. М. Живов, Е. А. Земская, Л. П. Крысин // Вопр. языкозн. 2000. № 5. С. 122–137.

Жинкин, Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н. И. Жинкин // Вопр. языкозн. 1964. № 6. С. 26–38.

Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. М. : Наука, 1982. 157 с.

Жирков, Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. / Г. В. Жирков. М. : Аспект Пресс, 2001. 368 с.

Жирков, Г. В. Между двух войн : журналистика русского за-

рубежья. 1920-1940 годы : учеб. пособие / Г. В. Жирков. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гуманитар. ун-та профсоюзов, 1998. 208 с.

Жирмунский, В. М. Марксизм и социальная лингвистика / В. М. Жирмунский // Вопросы социальной лингвистики. Л. : Наука, 1969. С. 5–25.

Жирмунский, В. М. Проблема социальной дифференциации языков / В. М. Жирмунский // Язык и общество. М. : Наука, 1968. С. 22–38.

Житенева, Л. И. Язык и стиль «Правды» 1917 года / Л. И. Житенева. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. 100 с.

Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков : учеб. пособие / А. Ф. Бережной, Н. Л. Волковский, Л. П. Громова и др.; под ред. Г. В. Жиркова. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 320 с.

Загладин, Н. В. Тоталитаризм и демократия : конфликт века / Н. В. Загладин // Кентавр. 1992. № 7–8. С. 3–15.

Залевская, А. А. Информационный тезаурус человека как база речемыслительной деятельности / А. А. Залевская // Исследование речевого мышления в психолингвистике. М. : Наука, 1985. С. 150–171.

Залевская, А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : избр. тр. / А. А. Залевская. М. : Гнозис, 2005. 543 с.

Зарубина, Н. Д. О методике составления ассоциативного словаря / Н. Д. Зарубина, А. А. Леонтьев // Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 53–55.

Зарубежная лингвистика. II : пер. с англ. / общ. ред. В. А. Звегинцева, Б. А. Успенского, Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс, 2002. 268 с.

Захарова, Н. В. Оценка как основная текстообразующая категория критико-полемиического способа изложения : дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Захарова. Л., 1988. 21 с.

Звегинцев, В. А. О предмете и методе социолингвистики / В. А. Звегинцев // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1976. Вып. 4. С. 308–320.

Звегинцев, В. А. Социальное и лингвистическое в социолингвистике // В. А. Звегинцев. Мысли о лингвистике. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. С. 108–119.

Зеленин, А. Язык русской эмигрантской прессы (1919–1939) / А. Зеленин. СПб. : Златоуст, 2007. 380 с.

Зеленищikov, А. В. Пропозиция и модальность / А. В. Зеленищikov. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. 244 с.

Земская, Е. А. Городская устная речь и задачи ее изучения / Е. А. Земская // Разновидности городской устной речи / под ред. Д. Н. Шмелева, Е. А. Земской. М. : Наука, 1987. С. 5–43.

Земская, Е. А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. М. : Наука, 1981. 276 с.

Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А.

Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. 2-е изд. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1998. 528 с.

Иванов, Вяч. И. Наш язык / Вяч. И. Иванов // Пути Евразии : русская интеллигенция и судьбы России / сост., вступ. ст., коммент. И. А. Исаева. М. : Рус. книга, 1992. С. 170–176.

Иванов, Г. В. Стихотворения / Г. В. Иванов. М. : Эксмо, 2002. 384 с.

Иванова, В. А. Синонимно-антонимические блоки / В. А. Иванова // Вопросы грамматики и лексикологии русского языка. Кишинев : Штиинца, 1979. С. 61–76.

Иванчикова, Е. А. О «двухголосых» синтаксических конструкциях в текстах Достоевского / Е. А. Иванчикова // Словарь. Грамматика. Текст / отв. ред. Ю. Н. Караулов, М. В. Ляпон. М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 1996. С. 377–386.

Ивин, А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. М. : Наука, 1970. 198 с.

Из глубины : сборник статей о русской революции // Пути Евразии : русская интеллигенция и судьбы России / сост., вступ. ст., коммент. И. А. Исаева. М. : Рус. книга, 1992. С. 28–36.

Изгоев, С. А. Социализм, культура и большевизм / С. А. Изгоев // Пути Евразии : русская интеллигенция и судьбы России / сост., вступ. ст., коммент. И. А. Исаева. М. : Рус. книга, 1992. С. 177–216.

Имплицитность в языке и речи / отв. ред. Е. Г. Борисова и Ю. С. Мартмянов. М. : Языки рус. культуры, 1999. 200 с.

Исаев И. А. Утописты или провидцы / И. А. Исаев // Пути Евразии : русская интеллигенция и судьбы России / сост., вступ. ст., коммент. И. А. Исаева. М. : Рус. книга, 1992. С. 3–26.

Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. Омск : Омск. гос. ун-т, 1999. 285 с.

Иссерс, О. С. Когнитивные и речевые стратегии в аспекте их функционирования в различных типах дискурса / О. С. Иссерс // Русский язык : исторические судьбы и современность : III междунар. конгресс исследователей рус. яз. : тр. и матер. М. : МАКС Пресс, 2007. С. 380–381.

История журналистики русского зарубежья XIX–XX веков : матер. 2-й науч. конф. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, 1999. 52 с.

История журналистики русского зарубежья XIX–XX веков : тезисы науч. конф. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, 1997. 51 с.

История ментальностей, историческая антропология : зарубежные исследования в обзорах и рефератах / РАН, Ин-т всеобщ. ист. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. 255 с.

Каблуков, Е. В. Пленарное заседание Государственной думы : дискурсивно-текстовой и прагматический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Каблуков. Екатеринбург, 2007. 23 с.

Казин, А. Л. Искусство и истина / А. Л. Казин // Новый мир. 1989. № 12. С. 235–245.

Как это было / О. А. Лаптева, Г. Ф. Благова, М. М. Маковский, Г. В. Строкова // Вопр. языкозн. 2002. № 1. С. 48–57.

Какорина, Е. В. Стилистический облик оппозиционной прессы / Е. В. Какорина // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М. : Языки рус. культуры, 1996. С. 409–425.

Каменская, О. Л. Компоненты семантической структуры текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. Л. Каменская. М., 1986. 49 с.

Кара-Мурза, С. Г. Манипулирование сознанием / С. Г. Кара-Мурза. М. : Эксмо-Пресс, 2001. 832 с.

Карасик, В. И. О категориях дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность : социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. тр. Волгоград; Саратов : Перемена, 1998. С. 185–197.

Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. М. : Гнозис, 2002. 333 с.

Караулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров // Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : пер. с англ. М. : Прогресс, 1989. С. 5–11.

Караулов, Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю. Н. Караулов // Язык и личность / под ред. Д. Н. Шмелева. М. : Наука, 1989. С. 3–8.

Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. М. : Наука, 1987. 263 с.

Карцевский, С. И. Из лингвистического наследия / С. И. Карцевский; сост., вступ. ст. и коммент. И. И. Фужерон. М. : Языки рус. культуры, 2000. 344 с.

Квадратура смысла : французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. М. : Прогресс, 1999. 416 с.

Кибрик, А. А. Дискурсивно-ориентированные исследования / А. А. Кибрик, В. А. Плулган // Современная американская лингвистика : фундаментальные направления / под ред. А. А. Кибрика и др. 2-е изд., испр. и доп. М. : Едиториал УРСС, 2002. С. 307–339.

Китайгородская, М. В. «Свое» – «чужое» в коммуникативном пространстве митинга / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русистика сегодня. 1995. № 1. С. 93–116.

Клавинг, В. В. Высшие офицеры Белых армий / В. В. Клавинг. СПб. : С.-Петербург. ун-т, филол. ф-т, 2004. 316 с.

Клушина, Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. И. Клушина. М., 2008. 57 с.

Кожина, М. Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций / М. Н. Кожина // Текст – Дискурс – Стиль : сб. науч. ст. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т экон. и финансов, 2004. С. 9–32.

Кожина, М. Н. О соотношении некоторых стилистических понятий и категорий с функционально-семантическими категориями / М. Н. Кожина // Структура лингвистической и ее основные категории : сб. науч. тр. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1983. С. 15–24.

Кожина, М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина. М. : Просвещение, 1977. 223 с.; 2-е изд. 1983. 224 с.; 3-е изд. 1993. 224 с.

Козина, Е. С. Базовая структура современной политической мифологии в России / Е. С. Козина // Журналистика в 1996 г. : средства массовой информации в постсоветском обществе : тезисы науч.-практ. конф. Ч. 1. М. : Моск. гос. ун-т, 1997. С. 16–18.

Козинцева, Н. А. Выражение косвенной засвидетельствованности в газетном тексте / Н. А. Козинцева // Средства массовой информации в современном мире : матер. науч.-практ. конф. СПб. : С.-Петербург. ун-т, ф-т журн., 1997. С. 60–61.

Козлова, М. М. История отечественных средств массовой информации / М. М. Козлова. Ульяновск : Изд-во Ульянов. ун-та, 2000. 104 с.

Колесов, В. В. «Жизнь происходит от слова...» / В. В. Колесов. СПб. : Златоуст, 1999. 368 с.

Колесов, В. В. Философия русского слова / В. В. Колесов. СПб. : ЮНА, 2002. 448 с.

Колеров, М. А. Русская интеллигенция и национальная судьба / М. А. Колеров, Н. С. Плотночников // Из глубины : сб. ст. о рус. революции. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 5–16.

Колобкова, Л. В. Ментальная основа модальной семантики / Л. В. Колобкова // Исторические изменения в языковой системе как результат функционирования единиц языка : тезисы докл. межрегион. науч. конференции 4-6 окт. 1992 г. / отв. ред. С. С. Баулина. Калининград, 1992, с. 92–93.

Колшанский, Г. В. Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. М. : Наука, 1980. 149 с.

Кольцова, Е. Ю. Институт СМК в современной России : производство новостей как система властных взаимоотношений : дис. ... канд. социол. наук / Е. Ю. Кольцова. СПб. : 2001. 173 с.

Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. 2-е изд. М. : Наука, 1975. 720 с.

Коньков, В. И. Речевая структура газетного текста / В. И. Коньков. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1995. 160 с.

Коньков, В. И. Речевая структура газетных жанров : учеб. пособие / В. И. Коньков. СПб. : Роза мира, 2004. 221 с.

Корнеева, Т. С. Менталитет как социокультурный феномен : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Т. С. Корнеева. Екатеринбург, 2001. 21 с.

Костанди, Е. И. Языковые средства выражения прагматической направленности газетного текста : дис. ... канд. филол. наук / Е. И. Костанди. Тарту, 1987. 20 с.

Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе / В. Г. Костомаров. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. 266 с.

Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи : из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Златоуст, 1999. 319 с.

Котюрова, М. П. Выражение эпистемической ситуации в периферийных текстах целого произведения / М. П. Котюрова // Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Т. II. Ч. 1. Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1996. С. 341–363.

Кравец, Т. И. Название газеты : ономаσιологический и стилистический аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. И. Кравец. Екатеринбург, 2002. 22 с.

Краснова, Т. И. Загадка и странность как способ повышения занимательности («Техника тайн») / Т. И. Краснова // Медиа. Демократия. Рынок. Ч. 2. Функционирование средств массовой информации в сфере досуга : матер. междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Л. Р. Дускаевой. СПб. : Астерион, 2010. С. 178–182.

Краснова, Т. И. Контекст, дискурс и проблема двустороннего дискурсивного анализа / Т. И. Краснова // Речеведение : современное состояние и перспективы : матер. междунар. науч. конф., посвящ. юбилею М. Н. Кожинной (Пермь, 16–20 ноября 2010 г.) / отв. ред. Е. А. Баженова. Пермь : Перм. гос. ун-т, 2010. С. 65–71.

Краснова, Т. И. Контраст как прием развертывания сюжета в фельетоне / Т. И. Краснова // Журналист. Пресса. Аудитория. Вып. 3. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. С. 112–118.

Краснова, Т. И. Лингвистические заметки о модальности / Т. И. Краснова // Логос, общество, знак (к исследованию проблемы феноменологии дискурса) : сб. науч. тр. / отв. ред. Б. Я. Мисонжников. СПб. : Бриг-Экспо, 1997. С. 51–61.

Краснова, Т. И. Пушкин в Зарубежной России / Т. И. Краснова // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. История. Языкознание. Литературоведение. 2000. Вып. 2. С. 76–82.

Краснова, Т. И. Семантика отрицания / Т. И. Краснова // Гуманитарные науки : из опыта теоретической интерпретации. СПб. : Фантомы, 1993. С. 37–44.

Краснова, Т. И. Ситуация «пропажи» и ее композиционно-стилистические разновидности в фельетоне / Т. И. Краснова // Язык и композиция газетного текста : теория и практика. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. С. 113–122.

Краснова, Т. И. Субъективность – модальность / Т. И. Краснова. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т экон. и финансов, 2002. 189 с.

Краснова, Т. И. Целеобразующий концепт «сближение» и фактор занимательности в коммерческом издании / Т. И. Краснова // Досуговая журналистика в России : матер. межвуз. науч.-практ. конф. / под ред.

Л. Р. Дускаевой, В. И. Шароградского. СПб. : Астерион, 2009. С. 133–138.

Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) / В. В. Красных. М. : Диалог-МГУ, 1998. 362 с.

Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации : курс лекций / В. В. Красных. М. : Гнозис, 2001. 270 с.

Красухин, К. Г. Проблема агенса в русской и общей грамматике / К. Г. Красухин // Русский язык : исторические судьбы и современность : III междунар. конгресс исследователей рус. яз. : тр. и матер. М. : МАКС Пресс, 2007. С. 795.

Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика : язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. М. : Нов. лит. обозр., 2002. 592 с.

Кривоносов, А. Т. Мышление – без языка? : экономия языковой материи – закон процесса мышления / А. Т. Кривоносов // Вопр. языкозн. 1992. № 2. С. 69–83.

Крысин, Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского литературного языка / Л. П. Крысин. М. : Наука, 1989. 188 с.

Крюков, А. Н. Фоновые знания и языковая коммуникация / А. Н. Крюков // Этнопсихолингвистика / под ред. Ю. А. Сорокина. М. : Наука, 1988. С. 19–33.

Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма : лингвистика – психология – когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопр. языкозн. 1994. № 4. С. 34–37.

Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века : сб. ст. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. С. 144–238.

Кубрякова, Е. С. О связях когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) / Е. С. Кубрякова // Язык и культура : факты и ценности : к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. М. : Языки слав. культуры, 2001. С. 283–294.

Кубрякова, Е. С. Падежная грамматика / Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац // Современные зарубежные грамматические теории / отв. ред. Ф. М. Березин, Е. С. Кубрякова. М. : ПИК ВИНТИ, 1985. С. 68–109.

Кубрякова, Е. С. Вербальная деятельность СМИ как особый вид дискурсивной деятельности / Е. С. Кубрякова, Л. В. Цурикова // Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М. : Академ. Проект, Альма Матер, 2008. С. 183–209.

Кукушкина, И. А. Путь социалистов-революционеров в эмиграцию (1918–1922) / И. А. Кукушкина // Русский исход : сб. ст. / отв. ред. Е. М. Миронова. СПб. : Алетей, 2004. С. 79–105.

Культура парламентской речи / отв. ред. А. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. М. : Наука, 1994. 370 с.

Культура российского зарубежья : сб. ст. М. : Моск. гос. ун-т, 1995. 219 с.

Культура русской речи : учебник для вузов / под ред. Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева. М. : Норма, Инфра-М, 1998. 560 с.

Купина, Н. А. Тоталитарный язык : словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та; Пермь : Зап.-Урал учеб.-науч. центр, 1995. 144 с.

Курас, И. Ф. Предисловие / И. Ф. Курас, И. И. Лукинов, Т. И. Деревянкин // Питирим Сорокин. Социология революции. М. : Рос. полит. энцикл., 2005. С. 8–22.

Кучерова, Г. Э. Карл Ясперс о теоретических основах функционирования СМИ / Г. Э. Кучерова // Журналистика в 1996 г. : средства массовой информации в постсоветском обществе : тезисы науч.-практ. конф. Ч. 2. М. : Моск. гос. ун-т, 1997. С. 3–4.

Кучерова, Г. Э. Гюстав Ле Бон : методологические основы функционирования массовой коммуникации в условиях «эры толпы» / Г. Э. Кучерова // Журналистика в 1996 г. : средства массовой информации в постсоветском обществе : тезисы науч.-практ. конф. Ч. 2. М. : Моск. гос. ун-т, 1997. С. 30–33.

Лабов, У. Исследование языка в его социальном контексте / У. Лабов // Новое в лингвистике. Вып. 7. Социолингвистика. М. : Прогресс, 1975. С. 96–181.

Лазарева, Э. А. Газета как текст : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Э. А. Лазарева. Екатеринбург, 1994. 32 с.

Лазарева, Э. А. Заглавие и начало газетного текста / Э. А. Лазарева // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка : сб. науч. тр. / отв. ред. В. С. Безрукова. Свердловск : Изд-во Свердлов. пед. ин-та, 1989. С. 121–131.

Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. Изд. 2-е. М. : Изд-во ЛКИ, 2008. 256 с.

Лейчик, В. М. Стереотипность и творчество в дискурсе (рапсодия в стиле «дискурс») / В. М. Лейчик // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Е. А. Баженовой. Вып. 13. Пермь : Изд-во Перм. гос. ун-та, 2009. С. 64–73.

Лихачев, Д. С. Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. Л. : Наука, 1984. 295 с.

Лосев, А. Ф. Философия имени / А. Ф. Лосев // Лосев, А. Ф. Бытие. Имя. Космос / сост. и общ. ред. А. А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1993. С. 613–801.

Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман. М. : Гнозис, Прогресс, 1992. 272 с.

Лотман, Ю. М. Миф – имя – культура / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Труды по знаковым системам. VI. Тарту : Изд-во Тартуск. ун-та, 1973. С. 282–303. (Учен. зап. Тартуск. ун-та. Вып. 308).

Лотман, Ю. М. Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / Ю. М. Лотман. М. : Гнозис, 1994. 556 с.

Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. СПб. : Искусство-СПб., 2000. 704 с.

Лурье, Ф. М. Хранители прошлого / Ф. М. Лурье. Л. : Лениздат, 1990. 256 с.

Лысакова, И. П. Пресса перестройки : учеб. пособие / И. П. Лысакова. СПб. : Астра-Люкс, 1993. 150 с.

Лысакова, И. П. Стиль рубрики, заголовка, жанра как фактор типовой модели газета / И. П. Лысакова // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. История. Язык. Литературовед. Вып. 3. 1982. № 14. С. 77–83.

Лысакова, И. П. Тип газеты и стиль публикации : опыт социолнгв. исслед. / И. П. Лысакова. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 183 с.

Лысакова, И. П. Язык газеты : социолнгв. аспект / И. П. Лысакова. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. 101 с.

Лысакова, И. П. Язык газеты и типология прессы : социолнгв. исслед. / И. П. Лысакова. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т, филол. ф-т, 2005. 256 с.

Ляпон, М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст : к типологии внутритекстовых отношений / М. В. Ляпон. М. : Наука, 1986. 200 с.

Майданова, Л. М. Структура и композиция газетного текста : средства выразительного письма / Л. М. Майданова. Красноярск : Изд-во Красноярск. ун-та, 1987. 180 с.

Майданова, Л. М. Категории текстообразования и композиция газетного текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л. М. Майданова. Свердловск, 1987. 32 с.

Майенова, М. Р. Теория текста и традиционные проблемы поэтики / М. Р. Майенова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М. : Прогресс, 1978. С. 425–441.

Макаров, М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М. Л. Макаров. Тверь : Изд-во Твер. гос. ун-та, 1998. 199 с.

Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. М. : Гнозис, 2003. 280 с.

Макеева, И. И. Языковые концепты в истории русского языка / И. И. Макеева // Язык о языке : сб. ст. / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Языки рус. культуры, 2000. С. 63–155.

Манякина, Т. И. Языково-стилистическая характеристика жанра афоризмов (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. И. Манякина. Киев, 1981. 24 с.

Матвеева, Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых катего-

рий : синхронно-сопост. очерк / Т. В. Матвеева. М.; Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. 170 с.

Мельник, Г. С. Массовая коммуникация как фактор политического влияния : автореф. дис. ... д-ра полит. наук / Г. С. Мельник. СПб., 1998. 32 с.

Методология исследований политического дискурса : актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 1 / под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск : Изд-во Белорус. ун-та, 1998. 283 с.

Миллер, Дж. Планы и структуры поведения / Дж. Миллер, Е. Галантер, К. Прибрам. М. : Прогресс, 1964. 239 с.

Миллер, Е. Н. Межчастеречная антонимия / Е. Н. Миллер // Филол. науки. 1981. № 1. С. 78–82.

Милюков, П. Н. Воспоминания (1859–1917) / П. Н. Милюков; сост. и авт. вступ. ст. М. Г. Вандалковская; коммент. и указатель А. Н. Шаханова: в 2 т. Т. 1. М. : Современник, 1990. 448 с.; Т. 2. 448 с. (Память).

Миненков, Г. Я. Социальная катастрофа / Г. Я. Миненков // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск : Изд-во В. М. Скакун, 1998. С. 651.

Минский, М. Фреймы для представления знаний : пер. с англ / М. Минский. М. : Энергия, 1979. 152 с.

Мисонжников, Б. Я. Феноменология текста : соотношение содержательных и формальных структур печатного издания / Б. Я. Мисонжников. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 490 с.

Михалева, О. Л. Политический дискурс : специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. М. : Либроком, 2009. 256 с.

Михальская, А. К. Русский Сократ : лекции по сравн.-ист. риторике : учеб. пособие для студ. гуманитар. ф-тов / А. К. Михальская. М. : Academia, 1996. 192 с.

Михальская, А. К. Риторические примитивы, аттрактанты и репелленты / А. К. Михальская // Риторика и речевая коммуникация : теория – практика – преподавание : матер. 2-й междунар. конф. М. : Моск. гос. ун-т, 1998.

Михеев, А. Язык тоталитарного общества / А. Михеев // Вестн. АН СССР. 1991. № 8. С. 131–134.

Можейко, М. А. Интерпретация / М. А. Можейко // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск : Изд-во В. М. Скакун, 1998. С. 270–272.

Можейко, М. А. Контекст / М. А. Можейко // Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. Минск : Изд-во В. М. Скакун, 1998. С. 329.

Молчанов, Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917 – 1920) / Л. А. Молчанов. М. : Издат-профпресс, 2002. 272 с.

Монина, Т. С. Схемная семантика высказывания / Т. С. Монина // Русский язык : исторические судьбы и современность : III междунар. конгресс исследователей рус. языка : тр. и матер. М. : МАКС Пресс, 2007. С. 766.

Моррис, Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика. М. : Академ. Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. С. 45–97.

Морозов, В. Д. О диалектическом отрицании и отрицании отрицания / В. Д. Морозов // Диалектика отрицания отрицания : над чем работают и спорят философы. М. : Политиздат, 1983. С. 125–126.

Москальская, О. Н. Семантика текста / О. Н. Москальская // Вопр. языкозн. 1980. № 6. С. 32–42.

Муравьев, В. Н. Рев племени / И. Н. Муравьев // Пути Евразии : русская интеллигенция и судьбы России / сост., вступ. ст., коммент. И. А. Исаева. М. : Рус. книга, 1992. С. 217–237.

Нечаева, Г. А. Оценки и ее роль в познании : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Г. А. Нечаева. Л. : Ленингр. гос. ин-т, 1979. 24 с.

Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики : учеб. пособие / М. В. Никитин. СПб. : Науч. центр диалога, 1996. 760 с.

Никитин, М. В. Предел семиотики / М. В. Никитин // Вопр. языкозн. 1997. № 1. С. 3–14.

Николаева, Т. М. О логико-семантических работах современных французских лингвистов / Т. М. Николаева // Вопр. языкозн. 1987. № 6. С. 121 и сл.

Николаева, Т. М. Семантика акцентного выделения / Т. М. Николаева. М. : Наука, 1982. 104 с.

Новиков, Л. А. Антонимия в русском языке / Л. А. Новиков. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1973. 290 с.

Новиков, Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков. М. : Высш. школа, 1988. 272 с.

Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика : сб. : пер. с разных яз. / общ. ред. Е. В. Падучевой. М. : Прогресс, 1985. 500 с.

Новое в лингвистике. Вып. 7. Социоллингвистика : сб. тр. М. : Прогресс, 1975. 486 с.

Одинцов, В. В. Контраст в речи / В. В. Одинцов // Ленин – мастер пропаганды : сб. матер. науч.-метод. конф. М. : Знание, 1971. С. 36–39.

Одинцов, В. В. Стилистика текста / В. В. Одинцов. М. : Наука, 1980. 364 с.

Онипенко, Н. К. Грамматика точки зрения и падеж (к проблеме «выбора падежа») / Н. К. Онипенко // Русский язык : исторические судьбы и современность : III междунар. конгресс исследователей рус. языка : тр. и матер. М. : МАКС Пресс, 2007. С. 322.

Оптимизация речевого воздействия / Н. А. Безменова, В. П. Белянин, Н. Н. Богомолова и др.; отв. ред. Р. Г. Котов. М. : Наука, 1990. 240 с.

Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов : сб. : пер. с англ. / сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова; общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс, 1986. С. 22–130.

Павилёнис, Р. И. Проблема смысла : совр. логико-филос. анализ языка / Р. И. Павилёнис. М. : Мысль, 1983. 286 с.

Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. 2-е изд. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 288 с.

Падучева, Е. В. Идея всеобщности в логике и естественном языке / Е. В. Падучева // Вопр. языкозн. 1989. № 2. С. 15–25.

Падучева, Е. В. Семантические исследования : семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива / Е. В. Падучева. М. : Языки рус. культуры, 1996. 464 с.

Падучева, Е. В. Феномен Анны Вежбицкой / Е. В. Падучева // Вежбицкая, А. Язык. культура. Познание : пер. с англ. / отв. ред. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой. М. : Рус. словари. 1996. С. 5–32.

Пархоменко, Т. А. Культурная жизнь русской эмиграции в первые послереволюционные годы (1917–1925) / Т. А. Пархоменко // Культура российского зарубежья : сб. ст. М. : Моск. гос. ун-т, 1995. С. 29–44.

Петренко, В. Ф. Проблемы эффективности речевого воздействия в аспекте психолингвистики / В. Ф. Петренко // Оптимизация речевого воздействия. М. : Наука, 1990. С. 18–30.

Петрикеева, А. П. Модальная перспектива в побудительных предложениях : дис. ... канд. филол. наук / А. П. Петрикеева. М., 1988. 21 с.

Петров, В. В. Язык и искусственный интеллект: рубежи 90-х годов / В. В. Петров // Язык и интеллект : сб. : пер. с англ. и нем. / сост. и вступит. ст. В. В. Петрова. М. : Прогресс, 1995. С. 5–13.

Плеханов, Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю / Г. В. Плеханов // Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения : в 5 т. Т. 1. М. : Гос. изд-во пед. лит., 1956. С. 507–730.

Плеханов, Г. В. К вопросу о роли личности в истории / Г. В. Плеханов // Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. Т. 2. М. : ГИПЛ, 1956. С. 300–334.

Поливанов, Е. Д. Статьи по общему языкознанию / Е. Д. Поливанов. М. : Наука, 1968. 376 с.

Полторацкий, Н. Сборник «Из глубины» и его значение / Н. Полторацкий // Из глубины : сб. ст. о рус. революции. 2-е изд. Париж : YMCA-Press, 1967. С. 2–10.

Полярность в культуре / сост. В. Е. Багно, Т. А. Новичкова. СПб. : 1996. 430 с. (Альманах «Канун». Вып. 2).

Попова, Е. А. Политический дискурс как предмет культурно-лингвистического изучения / Е. А. Попова // Языковая личность : проблемы значения и смысла : сб. науч. трудов. Волгоград : Перемена, 1994. С. 143–152.

Попова, Т. И. Параграфемные средства выражения коммуникативной ситуации автор – читатель в газетном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. И. Попова. Л., 1988. 16 с.

Попова, Т. И. Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте / Т. И. Попова. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, филол. ф-т, 2002. 220 с. (Филол. исслед.).

Поппер, К. Логика и рост научного знания / К. Поппер. М. : Прогресс, 1983. 605 с.

Потебня, А. А. Слово и миф / А. А. Потебня; сост., подгот. текста А. В. Топоркова. М. : Правда, 1989. 623 с.

Почепцов, Г. Г. Информационные войны / О. Г. Почепцов. М. : Рефл-бук; Киев : Ваклер, 2001. 576 с.

Почепцов, Г. Г. Психологические войны / О. Г. Почепцов. М. : Рефл-бук; Киев : Ваклер, 2000. 528 с.

Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / О. Г. Почепцов. М. : Рефл-бук; Киев : Ваклер, 2001. 656 с.

Почепцов, О. Г. Языковая ментальность : способ представления мира / О. Г. Почепцов // Вопр. языкозн. 1990. № 6. С. 110–122.

Привалов, В. В. Функции журналистики : методол. аспект (4.3) / В. В. Привалов // Журналистика в 1996 году : средства массовой информации в постсоветском обществе : тезисы науч.-практ. конф. Ч. 3. М. : Моск. гос. ун-т, ф-т журн., 1997.

Привалова, Е. А. В союзе с белогвардейской прессой : Американское бюро печати в советской России (1917–1920) / Е. А. Привалова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. 319 с.

Проблема «другого голоса» в языке, литературе и культуре : матер. IV междунар. конф. / под ред. Н. В. Тишуниной. СПб. : Янус, 2003. 387 с.

Пропп, В. Я. Морфология сказки / В. Я. Пропп. 2-е изд. М. : Наука, 1969. 166 с.

Прохоров, Е. П. Введение в теорию журналистики : учеб. пособие / Е. П. Прохоров. 2-е изд., испр. и доп. М. : РИП-холдинг, 1998. 306 с.

Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс : учеб. пособие / Ю. Е. Прохоров. М. : Флинта, Наука, 2004. 224 с.

Прохоров Ю. Е. Русские : коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. 3-е изд., испр. М. : Флинта, Наука, 2007. 328 с.

Прохорова, К. В. Совокупный заголовочный текст как разновидность газетного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. В. Прохорова. СПб., 2001. 20 с.

Пути Евразии : русская интеллигенция и судьбы России / сост., вступ. ст., коммент. И. А. Исаева. М. : Рус. книга, 1992. 432 с.

Раев, М. Россия за рубежом : история культуры русской эмиграции : 1919–1939 : пер. с англ. / М. Раев; предисл. О. Казниной. М. : Прогресс-Академия, 1994. 292 с.

Раевский, М. В. [Рец. на кн.:] L. N. Zybatow. Russisch im Wandel. Die russische Sprache Seit der Perestrojka. Harrasowitz-Verlag: Wiesbaden. 1995. 350 S. / М. В. Раевский // *Вопр. языкозн.* 2000. № 1. С. 150–155.

Рассел, Б. Исследование значения и истины : пер. с англ. / Б. Рассел; общ. ред. Е. Ледников. М. : Идея-Пресс, 1999. 400 с.

Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев : мемуары. М. : Отечество, 1991. 512 с.

Ревзина, О. Г. Контекст / О. Г. Ревзина // *Русский язык : энцикл.* / гл. ред. Ф. П. Филин. М. : Сов. энцикл., 1979. С. 114–115.

Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. 118 с.

Речеведение : современное состояние и перспективы : матер. междунар. науч. конф., посвящ. юбилею М. Н. Кожинной (Пермь, 16–20 ноября 2010 г.) / отв. ред. Е. А. Баженова. Пермь : Перм. гос. ун-т, 2010. 537 с.

Рогова, К. А. Стиль ленинской «Искры» и газеты «Новая жизнь» / К. А. Рогова. Л. : Изд-во Ленингра. ун-та, 1979. 152 с.

Рождественский, Ю. В. Принципы современной риторики / Ю. В. Рождественский; под ред. В. И. Аннушкина. 3-е изд., испр. М. : Флинта, Наука, 2003. 176 с.

Рождественский, Ю. В. Теория риторики / Ю. В. Рождественский. М. : Добросвет, 1997. 597 с.

Роль человеческого фактора в языке : язык и картина мира. М. : Наука, 1988. 216 с.

Романенко А. П. Советская культура и язык / А. П. Романенко // *Активные языковые процессы конца XX века : тезисы докл. междунар. конф. IV Шмелевские чтения.* М. : Азбуковник, 2000.

Романенко, А. П. Советская словесная культура : образ ратора / А. П. Романенко; под ред. О. Б. Сиротининой. 2-е изд., стереотип. М. : Эдиториал УРСС, 2003. 212 с.

Романенко, А. П. Советская словесная культура : отечественная история ее изучения / А. П. Романенко // *Вопр. языкозн.* 2002. № 6. С. 118–138.

Романенко, А. П. Советская философия языка : Е. Д. Поливанов – Н. Я. Марр / А. П. Романенко // *Вопр. языкозн.* 2001. № 2. С. 110–122.

Романенко, А. П. Характер и смена «парадигм» в истории советского языкознания / А. П. Романенко // *Лингвистика : взаимодействие концепций и парадигм.* Вып. 1. Ч. 1. Харьков : ХИМЭСХ, 1991. С. 37–38.

Романенкова, М. В. «Национальный аспект» в литературоведческом исследовании / М. В. Романенкова // *Проблема «другого голоса» в языке, литературе и культуре : материалы IV междунар. конф.* / под ред. Н. В. Тишуниной. СПб. : Янус, 2003. С. 79–85.

Руднев, В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. М. : Аграф, 1999. 384 с.

Русская эмиграция в Китае и на Дальнем Востоке (1920–1945) : тезисы и матер. науч. конф. РГПУ им. А. И. Герцена, 22–23 января 1997 г. / под ред. В. И. Старцева. СПб. : Минерва, 1997. 17 с.

Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли / под ред. Ю. Шеррер и Б. Ананьича. СПб. : Европейский Дом, 1997. 247 с.

Русский букварь для мигрантов / под ред. проф. И. П. Лысаковой. М. : Кнорус, 2010. 24 с.

Русский исход / отв. ред. Е. М. Миронова. СПб. : Алетей, 2004. 320 с. (Рус. зарубежье. Источники и исслед.).

Русский язык и советское общество : социолого-лингв. исслед. : в 4 кн. / под ред. М. В. Панова. Кн. 1. М. : Наука, 1968. 185 с.; Кн. 2. 347 с.; Кн. 3. 213 с.; Кн. 4. 299 с.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е. А. Земская. М. : Языки рус. культуры, 1996. 480 с.

Русский язык по данным массового обследования : опыт социолингв. изучения / под ред. Л. П. Крысина. М. : Наука, 1974. 361 с.

Русское зарубежье : из истории социальной и правовой мысли. Л. : Лениздат, 1991. 440 с.

Ручкин, А. Б. Русская диаспора в Соединенных штатах Америки в первой половине XX века : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А. Б. Ручкин. М., 2007. 42 с.

Салимовский, В. А. Вклад М. Н. Кожинной в развитие лингвистической стилистики и становление речеведения / В. А. Салимовский // *Stilistika.* XIV (Opole). 2005. С. 13–37.

Саттон, Э. Уолл-стрит и большевицкая революция : пер. с англ. / Э. Саттон. М. : Рус. идея, 1998. 400 с.

Севостьянова, Н. Г. Общественное мнение / Н. Г. Севостьянова // *Новейший философский словарь* / сост. А. А. Грицанов. Минск : Изд-во В. М. Скакун, 1998. С. 484.

Селиверстова, О. Н. «Когнитивная» и «концептуальная» лингвистика, их соотношение / О. Н. Селиверстова // *Язык и культура : факты и ценности : к 70-летию Ю. С. Степанова* / отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. М. : Языки слав. культуры, 2001. С. 293–307.

Селищев, А. М. Труды по русскому языку. Т. 1. Язык и общество / А. М. Селищев; сост. Б. А. Успенский, О. В. Никитин. М. : Языки слав. культуры, 2003. 632 с. (Классики отечественной филологии).

Семiotics : антология / сост. Ю. С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академ. Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. 702 с.

Серио, П. Анализ дискурса во французской школе (дискурс и интердискурс) / П. Серио // Семиотика : антология / сост. Ю. С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академ. Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. С. 549–562.

Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла : французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. М. : Прогресс, 1999а. С. 12–53.

Серио, П. Русский язык и анализ советского политического дискурса : анализ номинаций / П. Серио; пер. с фр. В. И. Селиванова // Квадратура смысла : французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио; предисл. Ю. С. Степанова. М. : Прогресс, 1999б. С. 337–383.

Серль, Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике : Вып. XVII. Теория речевых актов : сб. : пер. с англ. / Сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова. Общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс, 1986а. С. 170–194.

Серль, Дж. Р. Косвенные речевые акты / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. С. 195–222.

Серль, Дж. Р. Природа интенциональных состояний / Дж. Р. Серль // Философия, логика, язык / под ред. Д. П. Горского и В. В. Петрова. М. : Прогресс, 1987. С. 96–126.

Сеченов, И. М. Избранные философские и психологические произведения / И. М. Сеченов. М. : Госполитиздат, 1947. 260 с.

Слобожникова, В. С. Политическая мысль России 30–40-х годов XIX в. : автореф. дис. ... д-ра полит. наук / В. С. Слобожникова. Саратов, 2001. 41 с.

Слово в действии : интент-анализ политического дискурса / под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. СПб. : Алетейя, 2000. 316 с.

Слово и ключевые смыслы в современных медиа-текстах / Л. М. Майданова, С. И. Соломатов, Т. Г. Федотовских, А. П. Чудинов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. 230 с.

Современная американская лингвистика : Фундаментальные направления / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой и И. А. Секеиной. Изд. 2, испр. и доп. М. : Едиториал УСССР, 2002. 480 с.

Современный русский язык : социальная и функциональная дифференциация / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М. : Языки слав. культуры, 2003. 568 с.

Современный русский язык : учебник для филол. спец. ун-тов / под ред. В. А. Белошапковой. М. : Высш. школа, 1989. 800 с.

Соколова, Н. Л. О связях между стилистическими приемами / Н. Л. Соколова // Филол. науки. 1989. № 2. С. 58–63.

Солганик, Г. Я. Лексика газеты (функциональный аспект) : учеб. пособие для вузов / Г. Я. Солганик. М. : Высш. школа, 1981. 112 с.

Солганик, Г. Я. Очерки модального синтаксиса : монография / Г. Я. Солганик. М. : Флинта : Наука, 2010. 136 с.

Солганик, Г. Я. О языке газеты / Г. Я. Солганик. М., 1968.

Солганик, Г. Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое) : учеб. пособие / Г. Я. Солганик. М. : Высш. школа, 1973. 214 с.

Солганик, Г. Я. Системный анализ газетной лексики и источники ее формирования : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Г. Я. Солганик. М., 1976. 42 с.

Солганик, Г. Я. Стилистика публицистической речи / Г. Я. Солганик // Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М. : Академ. Проект, Альма Матер, 2008. С. 456–468.

Соломатов, С. И. Ключевые слова в журналистском портрете политика и предпринимателя : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. И. Соломатов. Екатеринбург, 2005. 21 с.

Солонин, Ю. Н. Аспекты моральной философии модернизма / Ю. Н. Солонин // Этическое и эстетическое : 40 лет спустя : матер. науч. конф. 26–27 сент. 2000 г. : тезисы докл. и выступл. СПб. : С.-Петерб. филос. об-во, 2000. С. 148–152.

Солонин, Ю. Н. Сознание журналиста как научная проблема (к феноменологии профессионального мышления) / Ю. Н. Солонин // Вестн. Ленингр. ун-та. Сер. 2. Вып. 4. 1989. № 23. С. 52–59.

Солсо, Р. Л. Когнитивная психология / Р. Л. Солсо. М. : Тривола, 1996. 598 с.

Сорокин, П. А. Социология революции / П. А. Сорокин ; вступ. ст. Ю. В. Яковца; предисл. И. Ф. Кураса, И. И. Лукинова, Т. И. Деревянкина; подгот. текста, сост. и коммент. В. В. Сапова. М. : Территория будущего, Рос. полит. энцикл., 2005. 704 с.

Сорокин, Ю. А. Психолингвистика и семантика : итоги исследований / Ю. А. Сорокин, Н. В. Уфимцева // Общение. Текст. Высказывание. М. : Наука, 1989. С. 103–112.

Социально-лингвистические исследования / под ред. Л. П. Крысина, Д. Н. Шмелева. М. : Наука, 1976. 232 с.

Степанов, Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принципы Причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца XX века : сб. ст. М. : Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 1995а. С. 35–73.

Степанов, Ю. С. В мире семиотики / Ю. С. Степанов // Семиотика : антология / сост. Ю. С. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Академ. Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2001а. С. 5–41.

Степанов, Ю. С. В трехмерном пространстве языка : семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / Ю. С. Степанов; отв. ред. В. П. Нерознак. 2-е изд. М. : Либроком, 2010. 333 с.

Степанов, Ю. С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века /

Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века : сб. ст. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995б. С. 7–34.

Степанов, Ю. С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика) / Ю. С. Степанов. М. : Наука, 1981. 360 с.

Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры : опыт исслед. / Ю. С. Степанов. М. : Языки рус. культуры, 1997. 824 с.; 2-е изд., испр. и доп. М. : Академ. Проект, 2001б. 990 с.

Степанов, Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики / Ю. С. Степанов. 2-е изд. М. : Эдиториал УРСС, 2001в. 312 с.

Степанов, Ю. С. Париж – Москва, весной и утром... / Ю. С. Степанов // Квадратура смысла : французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серию; предисл. Ю. С. Степанова. М. : Прогресс, 1999. С. 3–11.

Степанов, Ю. С. Стилистика / Ю. С. Степанов // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл., 1990. С. 493.

Степанов, Ю. С. Язык и метод : к современной философии языка / Ю. С. Степанов. М. : Языки рус. культуры, 1998. 784 с.

Стернин, И. А. Коммуникативное и языковое сознание / И. А. Стернин // Язык и национальное сознание / под ред. И. А. Стернина. Вып. 4. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2003.

Стросон, П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах / П. Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов : сб. : пер. с англ. / сост. и вступ. ст. И. М. Кобозевой и В. З. Демьянкова; общ. ред. Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс, 1986. С. 130–150.

Стругова, С. В. Динамика оппозитивности в спортивном дискурсе (на материале русского, немецкого и английского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Стругова. Пермь, 2011. 21 с.

Структуры представления знаний в языке : сб. науч.-аналит. обзоров / под ред. Ф. М. Березина, Е. С. Кубряковой. М. : Инион РАН, 1992. 164 с.

Сулименко, Н. Е. Современный русский язык : слово в курсе лексикологии : учеб. пособие / Н. Е. Сулименко. М. : Наука, Флинта, 2006. 352 с.

Сумерки лингвистики : из истории отечественного языкознания : антология / сост. и коммент. В. Н. Базылева и В. П. Нерознака; под общ. ред. В. П. Нерознака. М. : Academia, 2001. 576 с.

Тараненко, И. В. Лексическое представление социокультурного пространства в жанре антиутопии : автореф. дис. ... канд. филол. наук / И. В. Тараненко. СПб., 2001. 16 с.

Текст и дискурс : проблемы экономического дискурса : сб. науч. ст. / отв. ред. В. Е. Чернявская. СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т экон. и финансов, 2001. 155 с.

Телия, В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного

фактора в языке и ее прагматическая ориентация / В. Н. Телия // Человеческий фактор в языке : языковые механизмы экспрессивности / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Наука, 1991. С. 5–35.

Тенишева, М. К., княгиня. Впечатления моей жизни / авт. вступ. ст. и сост. альб. ил. Н. И. Пономарева. Л. : Искусство, 1991. 287 с.

Теория функциональной грамматики : персональность, залоговость / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб. : Наука, 1991. 370 с.

Теория функциональной грамматики : темпоральность, модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. Л. : Наука, 1990. 263 с.

Теория функциональной грамматики : субъектность, объектность, коммуникативная перспектива высказывания, определенность / неопределенность / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб. : Наука, 1992. 304 с.

Тетеревлева, Т. П. Пореволуционная российская эмиграция на севере Европы 1917 – начала 1920-х гг. / Т. П. Тетеревлева // Русский исход / отв. ред. Е. А. Миронова. СПб. : Алетейя, 2004. С. 10–52.

Трубецкой, Н. С. История. Культура. Язык / Н. С. Трубецкой; сост. В. М. Живова; общ. ред. В. М. Живова; вступ. ст. Н. И. Толстого и Л. Н. Гумилева. М. : Прогресс, 1995. 800 с.

Трубецкой, Н. С. Основы фонологии : пер. с нем. / Н. С. Трубецкой. М. : Иностр. лит., 1960. 372 с.

Усманова, А. Р. Постструктурализм / А. Р. Усманова // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск : Изд-во В. М. Скаун, 1998. С. 537.

Успенский, Б. А. Избранные труды. Т. 2. Язык и культура / Б. А. Успенский. М. : Языки слав. культур, 1994. 688 с.

Успенский, Б. А. Поэтика композиции / Б. А. Успенский. М. : Искусство, 1970. 224 с.

Устимова, О. И. Социально-политические ориентации российских журналистов (по материалам экспертного опроса) / О. И. Устимова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2000. № 4. С. 15–28; № 5. С. 24–45.

Устимова, О. И. О ценностно-ориентирующей роли СМИ (по материалам экспертного опроса) / О. И. Устимова // Журналистика в 1997 году : тезисы науч.-практ. конф. Ч. 2. М. : Моск. гос. ун-т, 1998.

Уфимцева, Н. В. Этнический характер : образ себя и языковое сознание русских / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание : формирование и функционирование. М. : Прогресс, 1998. С. 135–170.

Ухтомский, А. А. Доминанта / А. А. Ухтомский. М.; Л. : Наука, 1966. 341 с.; СПб. : Питер, 2002. 448 с.

Ушакова, Т. Н. Речь человека в общении / Т. Н. Ушакова, Н. Д. Павлова, И. А. Зачесова. М. : Наука, 1989. 193 с.

Федосюк, М. Ю. Неявные способы передачи информации в тексте : учеб. пособие по спецкурсу / М. Ю. Федосюк. М. : Моск. гос. пед. ин-т, 1988. 82 с.

Федотовских, Т. Г. Листовка как жанр политического дискурса :

когнитивно-прагматический анализ : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. Г. Федотовских. Екатеринбург, 2005. 21 с.

Филин, М. Д. Пушкин как русская идеология в изгнании / М. Д. Филин // «В краю чужом...» : зарубежная Россия и Пушкин / сост., вступ. ст. и коммент. М. Филина. М. : Русский мир; Рыбинск : Рыбинское подворье, 1998. С. 5–38.

Филитов, Л. И. Философская антропология Жан-Поля Сартра / Л. И. Филитов / отв. ред. Б. Т. Григорьян. М. : Наука, 1977. 287 с.

Философские, эпистемиологические и идеологические основания дискурса о языке в СССР. 1917–1950 // Вопр. языкозн. 2003. № 2. С. 150.

Филлмор, Ч. Дело о падеже (1968) / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М. : Прогресс, 1981. С. 369–495.

Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М. : Прогресс, 1988. С. 52–92.

Флоренский, П. А. Антиномия языка / П. А. Флоренский // Вопр. языкозн. 1988. № 6. С. 88–125.

Формальная логика / под ред. И. Я. Чупахина, И. Н. Бродского. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. 367 с.

Франк, С. Л. Духовные основы общества : введение в социал. филос. / С. Л. Франк // Русское зарубежье : из истории социальной и правовой мысли. Л. : Лениздат, 1991. (Власть и право).

Французская семиотика : от структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М. : Прогресс, 2000. 536 с.

Фрейнкман-Хрусталева, Н. С. Эмиграция и эмигранты : история и психология / Н. С. Фрейнкман-Хрусталева, А. И. Новиков; науч. ред. Г. А. Тишкин. СПб. : С.-Петербур. гос. акад. культуры, 1995. 153 с.

Фрумкина, Р. М. Самосознание лингвистики – вчера и завтра / Р. М. Фрумкина // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1999. Т. 58, № 4. С. 28–38.

Фуко, М. Археология знания / М. Фуко; пер. с фр. В. П. Визигина; общ. ред. Б. Левченко. Киев : Ника-Центр, 1996. 208 с.

Харина, Н. А. Культурное наследие русской эмиграции в оценке немецких ученых (1924–1994) / Н. А. Харина // Журналистика и культура : метод. указ. СПб. : С.-Петербур. гос. ун-т, ф-т журн., 1995. С. 56–58.

Химик, В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке / В. В. Химик. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 181 с.

Храковский, В. С. Повелительность / В. С. Храковский // Теория функциональной грамматики : темпоральность, модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. Л. : Наука, 1990. С. 185–238.

Цурганова, Е. А. Интерпретация / Е. А. Цурганова // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США) :

концепции, школы, термины : энцикл. справ. М. : Интрада – ИНИОН, 1996. С. 213–215.

Цима, П. Ф. Социология текста / П. Ф. Цима // Общественные науки за рубежом. Сер. 6. Языкознание. 1982. № 2. С. 87–91.

Чейф, У. Л. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения / У. Л. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М. : Прогресс, 1982. С. 277–316.

Чепкина, Э. В. Внутритекстовый автор и адресат газетного текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э. В. Чепкина. Екатеринбург, 1993. 16 с.

Чепкина, Э. В. Русский журналистский дискурс : текстопорождающие практики и коды (1995–2000) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Э. В. Чепкина. Екатеринбург, 2001. 51 с.

Чернявская, В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В. Е. Чернявская // Текст и дискурс : Проблемы экономического дискурса : сб. науч. ст. / отв. ред. В. Е. Чернявская. СПб. : С.-Петербур. гос. ун-т экон. и финансов, 2001. С. 11–22.

Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. 248 с.

Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивные исследования политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

Чулкова, В. С. Многочленный стилистический прием как одно из средств интеграции текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. С. Чулкова. М., 1978. 24 с.

Шаймиев, В. А. Метатекст и адекватное восприятие текста / В. А. Шаймиев // Аспекты речевой конфликтологии : сб. ст. / под ред. С. Г. Ильенко. СПб. : Рос. акад. образ., 1996. С. 58–62.

Шаховский, В. И. Эмотивность и модальность в семантике слова / В. И. Шаховский, В. И. Карасик // Семантика слова и синтаксической конструкции : сб. науч. тр. / отв. ред. З. Д. Попова. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. С. 31–38.

Швейцер, А. Д. Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике / А. Д. Швейцер. Л. : Наука, 1971. 105 с.

Швейцер, А. Д. Введение в социолингвистику / А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский. М. : Высш. школа, 1978. 216 с.

Шейгал, Е. И. Структура и границы политического дискурса / Е. И. Шейгал // Филология – Philologica (Краснодар). 1998. № 14. С. 22–29.

Шкловский, Виктор. О теории прозы / Виктор Шкловский. М. : Сов. писатель, 1983. 384 с.

Шкловский, Виктор. Повести о прозе : размышления и разборы : в 2 т. / Виктор Шкловский. Т. 1. М. : Худ. лит., 1966. 336 с.

Шмелев, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. М. : Языки слав. культуры, 2002. 496 с. (Язык. Семиотика. Культура).

Шмелева, Т. В. Диалогичность модуса / Т. В. Шмелева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1995. № 5. С. 147–156.

Шмелева, Т. В. Модус и средства его выражения в высказывании / Т. В. Шмелева // Идеографические аспекты русской грамматики / под ред. В. А. Белошапковой и И. Г. Милославского. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 168–202.

Шмелева, Т. В. Смысловая организация предложения и проблема модальности / Т. В. Шмелева // Актуальные проблемы русского синтаксиса / под ред. К. В. Горшковой, Е. В. Клобукова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. С. 78–100.

Шомова, С. А. Медиариторика как метод политической PR-коммуникации / С. А. Шомова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2003. № 4. С. 49–60.

Шор, Р. О. Кризис современной лингвистики / Р. О. Шор // Сурмерки лингвистики : из истории отечественного языкознания : антология. М. : Academia, 2001. С. 41–71.

Шостак, М. И. Журналистика новостей : вопросы технологии / М. И. Шостак. Ч. 1, 2, 3. М., 1996.

Шпет, Г. Г. Внутренняя форма слова : этюды и вариации на темы Гумбольдта / Г. Г. Шпет. 3-е изд., стереотип. М. : КомКнига, 2006. 216 с. (Академия фундамент. исслед. : философия).

Штомпка, Петр. Социология социальных изменений / Петр Штомпка. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996.

Щерба, Л. В. Современный русский литературный язык / Л. В. Щерба // Л. В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М. : Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просв. РСФСР, 1957. С. 113–129.

Щербакова, Г. И. Журналистика и читатель : история и современность / Г. И. Щербакова // Журналистика в 1996 г. : средства массовой информации в постсоветском обществе : тезисы науч.-практ. конф. Ч. 2. М. : Моск. гос. ун-т, 1997. С. 4–5.

Эпштейн, Мих. Искусство авангарда и религиозное сознание // Новый мир. 1989. № 12. С. 224–235.

Эпштейн, М. Н. Идеология и язык / М. Н. Эпштейн // Вопр. языкозн. 1991. № 6. С. 19–33.

Эсалтек, А. Я. Взаимодействие диалогизма и монологизма как принцип соотношения «голосов» в структуре романного жанра / А. Я. Эсалтек // Проблема «другого голоса» в языке, литературе и культуре : матер. IV междунар. конф. / под ред. Н. В. Тишуниной. СПб. : Янус, 2003. С. 157–167.

Этнопсихоллингвистика / отв. ред. Ю. А. Сорокин. М. : Наука, 1988. 192 с.

Юнина, Е. А. Общая риторика (современная интерпретация) / Е. А. Юнина, Г. М. Сагач. Пермь : Зап.-Урал. учеб.-науч. центр, 1992. 110 с.

Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды : печать, радио, телевидение, документальное кино / Г. Я. Солганик, Н. Н. Кохтев, Д. Э. Розенталь и др. / Под ред. Д. Э. Розенталя. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980. 256 с.

Язык. Наука. Философия : логико-методол. и семиот. анализ : сб. ст. / отв. ред. Р. И. Павилёнис. Вильнюс : АН СССР, 1986. 289 с.

Язык и интеллект : сб. ст. : пер. с англ. и нем. М. : Прогресс, 1995. 416 с.

Язык и культура : факты и ценности : к 70-летию Ю. С. Степанова / отв. ред. Е. С. Кубрякова, Т. Е. Янко. М. : Языки слав. культуры, 2001. 600 с.

Язык и моделирование социального взаимодействия / сост. В. М. Сергеев, П. Б. Паршин. М. : Прогресс, 1987. 464 с.

Язык и наука конца 20 века : сб. ст. / под ред. Ю. С. Степанова. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. 432 с.

Язык и структуры представления знаний : сб. науч.-аналит. обзоров / под ред. Ф. М. Березина, Е. С. Кубряковой. М. : ИНИОН РАН, 1992. 163 с.

Язык о языке : сб. ст. / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М. : Языки рус. культуры, 2000. 624 с.

Язык русского зарубежья : общие процессы и речевые портреты / отв. Е. А. Земская. М. : Языки слав. культуры; Вена : Венск. славист. альманах, 2001. 496 с.

Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М. : Академ. Проект, Альма Матер, 2008. 760 с.

Якобсон, Р. Вопросы поэтики : постскрипtum к одноименной книге / Р. Якобсон // Р. Якобсон. Работы по поэтике. М. : Прогресс, 1987. С. 80–98.

Якобсон, Р. Работы по поэтике / Р. Якобсон. М. : Прогресс, 1987. 459 с. («Постскрипtum» Р. Якобсона к книге «Вопросы поэтики» 1973 г. издания).

Якобсон, Р. В поисках сущности языка / Р. Якобсон // Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики. Вып. 16. М.; ВИНТИ, 1970. С. 4–15.

Яковец, Ю. В. Анатомия и физиология революции : истоки интегрализма / Ю. В. Яковец // Сорокин, П. А. Социология революции / вступ. ст. Ю. В. Яковца; предисл. И. Ф. Кураса, И. И. Лукинова, Т. И. Деревянкина; подгот. текста, сост. и коммент. В. В. Сапова. М. : Территория будущего, Рос. полит. энцикл., 2005. С. 5–7.

Якубинский, Л. П. Избранные работы : язык и его функциони-

рование / Л. П. Якубинский; отв. ред. А. А. Леонтьев. М. : Наука, 1986. 59 с.

Якубинский, Л. П. О диалогической речи / Л. П. Якубинский // Русская речь : сб. ст. / под ред. Л. В. Щербы. Вып. 1. Пг., 1923. С. 96–194.

Dijk, Teun van. Ideology : A Multidisciplinary Approach / Teun van Dijk. London : Sage, 1998. 384 p.

Eco, Umberto. The Role of the Reader : Explorations in the Semiotics of Texts / Umberto Eco. Bloomington : Indiana Univ. press, 1984. 273 p.

Fairclough, Norman. Language and Power / Norman Fairclough. London; New York : Longman, 1989. 248 p.

Fairclough, Norman. Critical Discourse Analysis : The Critical Study of Language / Norman Fairclough. London : New York : Longman, 1995. 265 p.

Grillo, R. Anthropology, Language, Politics / R. Grillo // Social Anthropology and the Politics of Language. London; New York : Longman, Krashen, 1999.

Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen / Hrgb. von H. Jachnow. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 1999. 1336 S.

Hauzenblas, K. Explicitnost a implicitnost jazykoveho vyjadrovani / K. Hauzenblas // Slovo a slovesnost. 1972. № 2. P. 98–105.

Humphrey, C. “Janus-faced Signs” – the Political Language of a Soviet Minority before Glasnost / C. Humphrey // Social Anthropology and the Politics of Language. London; N. Y. : Routledge, 1989.

Jackendoff, R. What is a Concept? // Frames, Fields and Contrasts. New Essays in Semantics and Lexical Organization. Hills-dail, 1992. P. 191–209.

Le petit Larousse en couleurs. Nouv. ed. Paris : Hatier, 1995. 600 p.

Meninni, G. Marxist Theories of Language / G. Meninni // The Encyclopedia of Linguistics / ed. R. R. Asher. Vol. 5. Oxford e. a. : Pergamon Press, 1994.

Pennycook, A. English in the World / The World in English / A. Pennycook // Power and Inequality in Language Education. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995.

Power and Inequality in Language Education. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1995. 222 p.

Texts and Practices : Readings in Critical Discourse Analysis // C.R. Caldas-Coulthard and M. Coulthard. London; New York : Routledge, 1996. 335 p.

Tihanov, G. Seeking a “Third Way” for Soviet Aesthetics : Eurazianism, Marxizm, Formalizm / G. Tihanov // The bakhtin Circle : in the Masters Absence. Manchester : Manchester Univ. Press, 2004.

Wilson, James R. Mass Media / James R. Wilson, Stan Le Roy Wil-son / Mass Culture : an Introduction. New York : Routledge, 1996. 355 p.

Zelenin, Aleksander. The Language of the Russian Emigre Periodical Press in the 1920s and 30s / Aleksander Zelenin // Nordiska Slavistmotet (Helsinki). 1997. XIV.

Zubатов, L. N. Russisch im Wandel : Die russische Sprache Seit der Perestrojka / L. N. Zubatov. Wiesbaden : Harrasowitz-Verlag, 1995. 350 S.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Анцупов, А. Я. Словарь конфликтолога / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. 2-е изд. СПб. : Питер, 2006. 528 с.

Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. 2-е изд., стереотип. М. : Сов. энцикл., 1969. 608 с.

Большая советская энциклопедия : в 30 т. М. : Сов. энцикл., 1969–1978.

Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты : энцикл. словарь-справ. / под ред. А. П. Сковородникова. М. : Флинта, Наука, 2005. 480 с.

Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. СПб. : Диамант, 1996.

Кондаков, Н. Н. Логический словарь-справочник / Н. Н. Кондаков. М. : Наука, 1975. 720 с.

Краткая литературная энциклопедия : в 8 т. М. : Сов. энцикл., 1962–1975.

Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М. : Моск. гос. ун-т, филол. ф-т, 1997. 245 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл., 1990. 685 с.

Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Т. I. Писатели русского зарубежья. М. : Рос. полит. энцикл., 1997. 512 с.

Мокиенко, В. М. Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. М. : Фолио-Пресс, 1996. 700 с.

Несоветские газеты (1918–1922) : каталог собрания Рос. нац. б-ки / под ред. Г. В. Михеева. СПб. : Изд-во РНБ, 2003. 168 с.

Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Минск : Изд-во В. М. Скакун, 1999. 896 с.

Островский, А. В. Универсальный справочник по истории России / А. В. Островский. СПб. : Паритет, 2000. 348 с.

Политологический словарь / под ред. В. Ф. Халипова. М. : Высш. школа, 1995. 192 с.

Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М. : Политиздат, 1990. 494 с.

Русский язык : энцикл. / Гл. ред Ф. П. Филин. М. : Сов. энцикл., 1979. 432 с.

Русская философия : малый энцикл. словарь / отв. ред. А. И. Алешин. М. : Наука, 1995. 624 с.

Русское зарубежье в деятельности учреждений С.-Петербурга : справ. Вып. 1. Издательское и библиографическое дело русского зарубежья : учеб. пособие. СПб., 1998.

Русское зарубежье : Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века : энцикл. биограф. словарь. М. : Рос. полит. энцикл., 1997. 742 с.

Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках С.-Петербурга (1917–1992 гг.). 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во Рос. нац. б-ки, 1996. 199 с.

Словарь иностранных слов. М. : Рус. язык, 1981. 621 с.

Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М. : Просвещение, 1974. 609 с.

Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. М. : Наука, 1981–1984.

Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М.; Л. : Наука, 1948. 1950–1965.

Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США) : концепции, школы, термины : энцикл. справ. М. : Интрада – ИНИОН, 1996. 317 с.

Справочник по психиатрии / под ред. А. В. Снежневского. М. : Медицина, 1985. 416 с.

Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. 2-е изд. М. : Флинта, Наука, 2006. 696 с.

Струве, Глеб. Русская литература в изгнании / 3-е изд., испр. и доп.; Краткий биографический словарь русского зарубежья / Глеб Струве. Париж : YMCA-Press; М. : Русский путь, 1996. 448 с.

Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова : в 4 т. М. : Сов. энцикл., 1935–1940.

Толковый словарь русского языка конца XX века : языковые изменения / под ред. Г. Н. Скляревской. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 700 с.

Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург); под ред. И. Е. Андреевского : в 86 т. СПб. : Семеновская типо-литография И. А. Ефрона, 1890–1904.

Гегель. Энциклопедия философских наук : в 3 т. Т. I. Наука логики / Г.-Ф. Гегель. М. : Мысль, 1974. 1618 с. (Филос. наследие).

2. *Демьянков, В. З.* Политический дискурс как предмет политологической филологии.

URL: <http://www.infolex.ru/PolDis.html> (13.06.2008).

3. «*Соотечественники*» : русские в Китае.

URL: <http://www.russedina.ru/frontend/heading?id=13296>

4. *Кибрик, А., Паршин, П.* Дискурс
<http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/7/75/1008254.htm>
(13.06.2008).

5. *Библиотека* Центра экстремальной журналистики.

URL: http://www.library.cjes.ru/on_line/?a=con&b_id=250&c=id=2275.

Интернет-источник: Эмигрантские периодические издания социалистического и анархистского направлений после 1917 г.

6. *Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации* / А. А. Леонтьев и др.
URL: <http://www.gdf.ru/books/dign/content.html>. (ноябрь 1999).

7. *Степанов, Ю. С.* Концепт // Электронная Библиотека МГУ : теория языка.

URL: http://genhis.philol.msu.ru/article_120.shtml (27.06.2008).

8. *Van Dijk, Teun.* Ideology A Multidisciplinary Approach. London : Sage, 1998 (А. Дерябин, пер. с англ., 31 May, 1999).

URL: <http://www.psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>
(13.06.2008)

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

1. *Вежбицкая, А.* Толкование эмоциональных концептов.

URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/krugosvet/article/8/80/10008269.htm> (13.06.2008).

П Р И Л О Ж Е Н И Е

«Модус существования» и мироощущение человека в пространстве культуры

Глава приложения содержит дополнительный и вспомогательный материал, поддерживающий основную концепцию книги: услышать другой голос. Прикладной характер главы сказывается и в специфике материала наблюдений, и в ракурсе его описания.

В подразделе 1 дается *культурологический очерк* состояния сознания и духовных приоритетов в жизни эмиграции первой волны в 20-30-е годы XX века. В подразделе 2 основным объектом наблюдений стал жанр *детской страшилки* с его «профанными» стилистикой и поэтикой, с его назначением развлекательно-поучительного жанра городского фольклора. В 90-е годы XX века ключевые атрибуты данного жанра стали заметными составляющими продукции российских СМИ. Очевидно, не случайно.

Исследовать текст масскультуры на заданном выше фоне не только рискованно и неожиданно для читателя. Это было бы и нелогично, если убрать все, за исключением логики. Но есть иррационализм и логика оценки, с ним связанная. В отличие от текстов политически идеологизированных, тексты так называемой массовой культуры в значительной степени подчинены тому, что называют «принцип тела», то есть материальности жизни, которая оказывается важнее индивидуальности, идеологии, общества (об этом писали Бахтин, Фиске, Почепцов). Однако и здесь, правда на бессознательном уровне, получают отклик все важнейшие аспекты жизни индивидуальной и общественной. Показательным стало выявление родственной по историческому смыслу концептуальной семантики, группирующейся вокруг двух знаковых идей-архетипов – «антимир» и «болезнь».

1. Культурологическое мессианство и символ веры: идеологизация образа Пушкина в Зарубежной России (20-30-е гг.)

Мы бы хотели уделить внимание одной идеологической тенденции в сознании русской эмиграции 20-30-х годов. Состояние культурного сознания в условиях постоянной эмиграции связывалось с «идеологией выживания» в чужой культурной среде, с образом Пушкина и «языка Пушкина», каким представлялся эмигрантам настоящий русский язык. Мотивы все те же, что и ранее. Идеологически они расположены в культурном пространстве с оппозициями «Антимир»/«Мир добра», «Болезнь»/«Здоровье». Доминанта смыс-

лов группируется вокруг концептов, давно живущих в национальном сознании, но именно теперь субъективно реконструируемых в условиях полной изоляции от России. Эти концепты – Русская душа (дух) и Культура. Обозначился спасительный выход в литературу и ту систему идей, которые восприняты с чтением еще в детстве, в России.

В. В. Виноградов определял языковую культуру как «сложную систему отвлеченных идей (государственных, общественно-политических, лично-нравственных, художественных) и форм их выражения, которая вырабатывается всей жизнью нации». Она принадлежит народу, создавшему ее, но «как творческое начало» она принадлежит всему миру¹. Культурологическое значение наследия эмигрантской печати для современной России невозможно переоценить. Вполне осознанным стал тот факт, каким огромным вкладом в историю культуры является в сё, прежде недоступное, но бережно хранимое в Зарубежной России и в архивах России Советской. Неведомый прежде «град Китеж» медленно поднимается со дна.

В 1998 г. вышел в свет сборник «В краю чужом...», подготовленный М. Д. Филиным, увидели свет тома энциклопедии «Русское зарубежье: золотая книга русской эмиграции» и «Литературной энциклопедии». Это были *события* в деле приобщения нынешней России к идеологии русского сознания в условиях эмиграции (Первая волна). Изучение наследия в полном объеме и с разных сторон могло бы дать адекватную для науки реконструкцию всего разнообразия идеологического дискурса эмигрантской печати, и такая реконструкция, безусловно, может составить цель всей жизни.

«Россия должна понять самое себя, – заметил в юбилейные пушкинские дни 1999 года В. Распутин. – Мне кажется, мы должны сами в себе разобраться...»². Что касается должного понимания Россией самой себя, эту духовную работу со своей стороны давно уже совершала Россия Зарубежная. Ее вклад в историю русской культуры во всем том объеме и разнообразии, которые мы сейчас имеем (в том числе благодаря архивам, открытым или переданным потомками первых эмигрантов на родину) можно назвать не только удивительно значимым, – он уникален.

В силу обстоятельств представители интеллектуальной элиты России после 1917 и 1922 гг. многое написали за рубежом и много сотрудничали в эмигрантской печати. Одно немаловажное замечание: Зарубежная Россия – явление, конечно, не географическое, а культурное. Интерес к Зарубежной России огромен и, наконец-то, политически оправдан в новой России. Хочется думать, настал и новый период в отечественной истории культуры. Отдельно существовавшие культурные пространства дореволюционной, советской, зарубежной и нынешней России, вольно или

невольно теперь взаимодействуют в новом культурно-историческом поле – в другой, в современной России, во многом еще не определившейся, «не понявшей еще самое себя» (В. Распутин). Но если нам чего-то сейчас и недостает, так это веры в культуру, в русскую культуру. Эта неизменная вера – один из главных выстраданных ради нас уроков русской эмиграции. Приоритет культуры перед государственностью в деле объединения и сохранения национальных начал подчеркивали сами изгнанники. Через сохранение национальной культуры, русской духовности, русского языка сохранялась и надежда на возрождение русской государственности. *«Мы видели примеры, как государственность исчезала, как народ на полтора века терял свое государство и все-таки воскресал потому, что сумел не потерять своей национальной культуры. Уцелевшая культура возрождала умершее государство, как бы иллюстрируя обеты Писания о воскресении тел»* (Маклаков В. Русская культура и А. С. Пушкин // «Современные записки». Париж, 1929, № 29; далее в цитатах выделенный курсив наш. – Т. К.).

Из глубины времени доходят теперь до нас голоса высокочтимых эмигрантов.

«Не пытайтесь свести Родину к телесному, к земле и природе... Посмотрите: силою судеб мы оторваны ото всего этого; а она незримо присутствует в нас. Она не покинула нас, и мы не оторвались от нее; а внешняя разлука состоялась уже давно. <...> А детей наших поведем и приведем к нашим алтарям, к нашим Пророкам и нашим гениям. А из гениев – прежде всего и навсегда – к Пушкину... Ибо здесь они найдут солнечное средоточие нашей истории. Здесь они найдут свою Родину» (Ильин И. А. Родина и гений // Перезвоны. Рига. 1926. № 22)³.

Отношение к личности А. С. Пушкина, к его творчеству в среде эмигрантов «первой волны» имело совершенно особый культурный характер. В условиях эмиграции понятия Пушкин и Россия становились нераздельными, с неизбежностью и д е о л о г и з и р о в а л с ь. Для беженцев и эмигрантов, «жестоко национально израненных», Пушкин олицетворял собою не только вечно живое национальное прошлое, но и драматическое настоящее, а также многообещающее будущее России.

Ё *«Среди мучительных переживаний современности, когда наша Родина стонет под тяжким гнетом, а мы, ее изгнанники, едим горчащий хлеб изгнания в нищете и унижении, когда отчаяние порой готово охватить малодушное, настрадавшееся сердце, – радостно вдруг осознавать, не разумом только, но сердцем почувствовать, что вопреки всем унижениям, всякому презрению, которых пьем мы полную чашу, все же принадлежим мы к великому, к величайшему в мире народу. / А это чувство, это неоспоримое сознание никто*

*в нас не будит так ясно, так ярко, как именно Пушкин – «наше все», по словам Достоевского»*⁴ (Архиепископ Нестор. Пушкин и современность // Наш путь. Харбин, 1937. № 37. 11 февр.; знак / отмечает абзац).

Ё *«Пушкин, так же как Петр, – не дар, а залог, не исполнение, а обещанье русской всемирности... Вот почему сейчас так, как никогда, нужен Пушкин обеим Россиям. Что их две – одна здесь, в изгнание, другая там, в плену, – это очень страшно; но надо смотреть правде в глаза: это сейчас так, на две половины расторгнута Россия. И мы только верим, что обе половины соединятся. Непреложное свидетельство единой России – Пушкин. Он – примиритель, соединитель, тот, кто делает из двух одно и разрушает стоящую посреди преграду»* (Мережковский Д. Пушкин с нами // День русской культуры 1926. 8 июня).

Ё *«И о делах мира сего Пушкин знал, что всякая земная сила, всякая человеческая мощь сильна мерой и в меру собственного само-ограничения и самообуздания. Ему в земных делах и оценках была чужда расслабленная, нездоровая чувствительность, и вместе с тем ему прямо претила пьяная чрезмерность, тот прославленный в настоящее время «максимализм», который рождается в угаре и иссякает в похмелье... / Вот почему Пушкин – первый и главный учитель для нашего времени, того трудного исторического периода, на котором одни сами еще больны угаром и чрезмерностью, а другие являются жертвами и попутчиками чужого пьянства и похмелья»* (П. Б. Струве, Белград, февр. 1937).

В эмигрантских газетах периода Гражданской войны и после нее имя Пушкина встретить было почти невозможно. Всё заслоняли военные и политические события: судьба России решалась оперативным путем – в военных действиях и дипломатических акциях. Редкие сообщения, связанные с именем поэта в среде русской диаспоры, носят характер сугубо культурной, ориентированной по месту информации. Поводом своим она имеет прежде всего события календарные. Таким, например, является скромное (в правом углу 5-й полосы) сообщение в газете «Накануне» (№ 127) о Пушкинском вечере, который состоится в кафе «Леон» 6 июня 1924 г. по случаю 125-летия со дня рождения А. С. Пушкина. В одной из комнат кафе устроен «уголок Пушкина» (книги, иллюстрации, портреты). В «Литературной неделе» (приложении к газете от 8 июня 1924 г.) печатается статья «Пушкин в искусстве», где читателю рассказывают о прижизненных портретах Пушкина (похож или не похож), об искусстве иллюстрации к его произведениям и т.п. Конечно, такие публикации имели в большей степени занимательный, даже рекламный характер.

Как нам сейчас представляется, самыми значительными явлениями послевоенной поры, как для Советской, так и для Зарубеж-

ной России, были два совершенно разные события: одно из них (культурное) состоялось в феврале 1921 г. в Петрограде, другое (политическое) в июне того же года – в Париже.

11 февраля 1921 г. в Петрограде в Доме литераторов состоялось «собрание представителей литературных и культурно-просветительских учреждений и организаций». Оно приняло «Декларацию о ежегодном всероссийском чествовании памяти Пушкина в день его смерти». В это время в Советской России существовала еще идейная оппозиция, и ее влияние ощущается, хотя и в завуалированной форме, в тексте Декларации. Там, в частности, говорится: «Новая русская литература начинается с Пушкина и Пушкиным. До Пушкина наша литература была оранжерейным растением, утехой немногих любителей... До Пушкина на литературу смотрели свысока, то покровительствуя ей, то пренебрегая ею. После Пушкина литературы начинают бояться... Вся история русской литературы после Пушкина — история великой борьбы, в которой литература совершенно одинока... *В России выход в свет книги, постановка пьесы, даже опубликование газетной статьи часто приобретают значение событий первостепенной политической важности. Русская история знает чисто литературные события, которые имели не меньшие последствия, чем выигранные или проигранные сражения, дипломатические трактаты или акты внутреннего законодательства.* Чувство благоговения перед Пушкиным, которое всегда было свойственно лучшим русским людям последних трех поколений, не должно угаснуть — оно должно разрастаться. Оно должно стать всеобщим, всенародным. И свое выражение это чувство найдет в ежегодном торжественном чествовании всей Россией памяти великого поэта»⁵. Таким образом, **именно в тогдашней Советской России возникла инициатива воссоздать традицию празднования пушкинских дней**, которая зародилась еще в XIX веке. Почетным председателем торжественного собрания, принявшего декларацию, был А. Ф. Кони, членами президиума — А. Ахматова, А. Блок, Н. Гумилев, А. Куприн, Ф. Сологуб, В. Ходасевич и др. В дальнейшем, как известно, большинство из них оказались в вынужденной эмиграции (А. Куприн, В. Ходасевич, Ф. Сологуб), были расстреляны (Н. Гумилев) или в условиях советского режима всечасно ощущали свою духовную обособленность, изолированность от общества (А. Ахматова).

В том же году состоялось крупное политическое событие в Зарубежной России. Это был «Съезд национального объединения», который открылся Париже **6 июня 1921 г.** Съезд был представительным как по тем ученым и политическим силам, которые участвовали в его работе, так и по своему содержанию. Ход съезда подробно освещала газета «Общее дело» (№ за 6-14 июня 1921 г.). Рассматри-

вались вопросы политического строя Советской России (доклад Г. Б. Слиозберга), экономического положения (доклад С. С. Ольденбурга); русский опыт коммунизма (доклад П. Б. Струве), «азиатская» природа большевизма (доклад А. И. Гучкова) и др. Но главными вопросами, которые стояли на съезде, были: *задачи, характер и программа русского национального объединения* (доклад А. В. Карташева), *предпосылки объединения, факторы объединения, цели и задачи объединения* и т. д.

Впоследствии, однако, выяснилось, что сама *Идея объединения всех сил Зарубежной России для спасения родины* трудно материализуется. Слова плохо воплощаются в дело объединения. И вот здесь, как стало ясно со временем, величайшая роль досталась духовному образу Пушкина — такому, каким его создали, идеологизировали, поместили в центр своего национального сознания сами изгнанники. По выражению М. Д. Филина, составителя и автора вступительной статьи к сборнику эмигрантских работ о Пушкине, извлеченных им из зарубежных архивов и библиотек, Пушкин в этих работах встает как «русская идеология в изгнании». И этому есть объяснение. В основе духовной жизни эмиграции, ее ментальности была *соборность*, включающая веру в Бога, веру в недалекую реставрацию и веру в культуру. Идея реставрации осталась несбыточной. Тем больший вес с течением времени приобретала объединяющая эмигрантов идея приверженности, служения Русской культуре, гармоничным воплощением которой являлось «чудо Пушкина».

«Если Пушкин жив, не умерла Россия — и не один же зверский лик у нее. Подавленному грубостью, некрасотой теперешней России Пушкин обнаружит ее прелесть. Лишенному России он даст обаяние ее полей, простых людей, женских сердец, ее гармоний и величия, снегов, метелей, идиллий, любви, меланхолии, безграничности. / В России его следовало бы запретить. Тиранам он отвратен был, есть и будет, и ему они отвратны... Рабу, мрачному хаму без улыбки, мещанину, поднажившемуся на резне, врагу поэзии, бесцельности, мечтательности, другу брюха и поклоннику нагайки Пушкин вреден. / Разно живя в разных душах — для одних лучшее творение Бога в искусстве, для других воздь и пример, для третьих вольнолюбец, певец родины, — Пушкин, думаю, для всех сейчас — лучшее откровение России. Не России старой или новой: истинной. Когда Италия объединялась, Данте был знаменем национальным. Теперь, когда России предстоит трудная и долгая борьба за человека, его вольность и достоинство, имя Пушкина приобретает силу знамени» (Зайцев Б. Пушкин в нашей душе // Дни. Берлин, 1925. 11 февр.).

В 1924 г. в Эстонии в день рождения А. С. Пушкина впервые

с большим успехом прошел День Русского Просвещения, устроенный Союзом русских просветительных и благотворительных обществ. Он дал начало главному празднику русской эмиграции. Вот тогда-то и было составлено специальное воззвание ко всем русским за границей: «...Мы обращаемся к местным русским ассоциациям, обществам и группировкам с призывом организовать ежегодный «День русской культуры» как средство объединения всех русских. Мы предлагаем ... для этого праздника — день рождения Пушкина, который более других оставил отпечаток своего гения в языке русского народа» [цит. по изд. Кузина Г. А. 1995 : 47]. Это воззвание было напечатано почти во всех русских газетах. В 1925 г. в день праздника в Латвии, Эстонии и Чехословакии были выпущены специальные газеты «Русский день», «День русского просвещения», «Русская культура» [Раев 1990 : 211]. С этих пор День русской культуры стал отмечаться повсюду. Отныне, как оказалось, в отличие от Советской России, судьба России Зарубежной была решена, но не оперативным путем, а ментальным и духовным путем (*Сим победиши!*): обретенным единством своим она была спасена, выстояла и передает нам свои бесценные плоды. Среди них — и деология выживания, столь актуальная для России в разные времена.

Ё*Пушкин был духовно здоров... Бытийное добро и духовное здоровье русской национальной стихии — вот что являет собой Пушкин. Пушкин есть художественно отвержденный и нравственно отвержденный русский быт ... Пафос малых дел, подвижничество обыденной жизни и пафос служения высшим ценностям, подвижничество публичной деятельности — вот этика Пушкина, вот его учение жизни. Это идеология героического мещанства и героического гражданства... Сохранять и строить жизнь можно, лишь опираясь на эту идеологию* (Зайцев К. Пушкин как учитель жизни // Русская мысль. Париж, 1927. № 1).

Ё*За последние годы в советской России наблюдается примечательное развитие «пушкинизма», т. е. науки о Пушкине. Старые и молодые ученые выпускают одно за другим исследования о Пушкине... Чем объяснить это увлечение? Только одним. Люди лечатся Пушкиным от окружающей их прямо противоположной Пушкину, его исключаяющей действительности* (Цуриков Н. А. Заветы Пушкина // Мысли о национальном возрождении России. Белград, 1937).

Ё*Мы верим в то, что Россия выздоровеет от долгой и тяжелой болезни и вновь займет подобающее ей место среди мировых государств. Мы не предвидим еще формы власти, под которой она возродится, но уверены, что жизнь ее потечет по широкому и глубокому руслу просвещенного национализма, в котором дружно сойдутся входящие в нее племена, религии и допускаемые госу-*

дарственной мудростью политические партии, работающие на пользу и благо страны. И страшная, кровоточивая борозда, проведенная десятилетним безумием большевизма, заживет. Но рубец от нее навеки останется, как память русского страстотерпчества и как суровый наглядный урок всему миру (Куприн А. Рубец // Борьба за Россию. Париж, 1927. № 33).

В юбилейном 1937 г. состоялась небывалая культурная акция «во всех пяти частях света... а всего в 42 государствах и в 231 городе» [Лифарь 1966 : 34]. Сейчас она расценивается как подвиг русской культуры в изгнании. Свою задачу «охранения» русской культуры, русского языка, православной веры и русских традиций в условиях эмиграции Зарубежная Россия выполнила. И во многом выполнила благодаря гению А. С. Пушкина.

Современные исследователи пушкинианы русского зарубежья отмечают и разные частные последствия того необычайного положения, которое заняли творчество и личность А. С. Пушкина в «идеологическом поле зарубежья». Среди них: 1) *прагматизм*, который ощущается в работах эмигрантов по их отношению к определенным темам и сюжетам у Пушкина (например, внимание не к любовной лирике, а к философско-религиозным мотивам в творчестве Пушкина); 2) *мифологизация* самого образа поэта (вплоть до присвоения ему звания пророка); 3) поистине *народный характер приобщения* к Пушкину. Он выразился не только в повсеместном чтении томиков Пушкина, но и в подражаниях ему [см. Филин 1990 : 21-25].

Нельзя не вспомнить о том огромном значении, которое придавалось в деле сохранения эмигрантами национальной культуры русскому языку. Этим вопросом много и плодотворно занималась Л. М. Грановская [1993, 1995]. Мы бы хотели привести здесь слова Ник. Ермакова из статьи «Русский язык» («Новое слово». Берлин, 1937. № 6, 7 февр.): «*Западные языки явились как плод, а не как завязь западной культуры. Один лишь русский язык был завязью культуры, один лишь он, рванувшись в первые ряды борцов за нашу самобытность, стал водителем их, стал самой культурой. Как сквозь драгоценное кружево, сквозь русский язык видны и плоть и дух русской нации в их постепенном усовершенствовании. О каком еще языке это можно сказать?*» Конечно же, отношение к языку как к «борцу за самобытность» в национальной культуре олицетворяет в сознании русских за рубежом скорее высокий «символ веры», нежели саму действительность.

2. Архетип «антимир» и концепт «болезнь» в дискурсе массовой культуры периода второй российской революции (90-е гг. XX в.)

Существует одно осложняющее наше положение исследователя обстоятельство. Предпринятая попытка изучения дискурса массового текста наряду с представленным в работе дискурсом эмигрантской газеты не лишена риска и поводов к дискуссиям. Вместе с тем дискуссионность не самый худший показатель научного процесса. Сошлемся также на то, что все мы живем сейчас в эпоху постмодернизма – даже в науке, с ее новейшими признаками расподобления в материале или идеях (признание идей языкового эгоцентризма, активность в изучении маргинальных текстов и т.п.).

Присутствие в этой книге в качестве предмета наблюдений так называемых *массовых текстов* – образцов городского фольклора (страшилок) или журнально-газетных публикаций, использующих поэтику страшилки для детей, – лишь на первый взгляд ассоциативное. По своей ментальной структуре и, если угодно, по своему «историческому смыслу» (подразумевающему контекст), они входят вольно или невольно в родственную связь и сопоставление с исходным материалом изучения.

Категория массового текста в литературе обозначилась сравнительно недавно, когда сформировались представления о разных типах текстов. Категория подразумевает текст, обращенный к массовой аудитории и нацеленный на удовлетворение ее интересов, желаний, интенций (не всегда осознанных потребностей), в том числе по формированию собственного мнения. Это понятие связывается с двумя самыми распространенными трактовками. 1) К таким текстам относят тексты массовой коммуникации, но преимущественно такие, которые обращены к массовой (а не ограниченной) аудитории. В современном мире это тексты в первую очередь информационные и, в какой-то мере, познавательно-аналитические. 2) Другой круг текстов, удовлетворяющий интересам толпы, это тексты развлекательно-информативные – так называемая бульварная, или желтая, пресса. Сюда относят жанры святочного, бульварного или детективного романа. Скажем, в эмигрантской газете к таким текстам можно отнести целый ряд произведений массовой культуры – непритязательные стихи читателей, частушки, анекдоты, страшилки, комиксы и т.п. Как оказалось, «массовая культура отражает то поле, в рамках которого реализуются многие политические действия»⁶. В любом случае эти действия опираются в контексте ситуации на презумпции и определенные пропозиции. В качестве семантического ядра предложений таковые служат для представления отображаемого положения дел в некотором «модусе

существования» говорящего. *Модус существования* в качестве понятия, берущего начало в модальностях Аристотеля, выражает «форму существования самих объектов, и только в зависимости от последней мы можем различным образом высказываться об этих объектах»⁷. Перейдем к анализу.

2.1. Речевые стереотипы российской массовой культуры

Страшилка стала одним из ключевых жанров массовой культуры эпохи нового послереволюционного кризиса, получившего в СМИ название «лихие девяностые». Российские печать и телевидение конца XX века как никогда наводнены «страшилочной» тематикой: поджоги, убийства, людоедство – происшествия из разряда фильмов ужасов. И сюда относится не только событийный ряд, но и речевые факты. Сравните заголовки **Маленький мальчик нашел арсенал; *Откройте, покойник пришел!; *Басаев далеко не уйдет: ему оторвало ногу; *«Давайте отрежем Мересеву ноги», или 1/2 разгневанного телезрителя*, а также фразы, им подобные: *Пятьдесят трупов внес в криминальную копилку один только заводик «Цветмет» тихого унылого Касимова*. Страшилка – живой жанр. Вот современная «коммерческая» страшилка: *Жуткий труп лежит под елочкой: творог он купил в «Пятерочке»*.

Примеров страшилок в СМИ 90-х гг. множество. Их можно рассматривать как речевое свидетельство экспансии популярного в городской среде, в кино, в газете «чернушечного» дискурса. Почему жанр страшилки стал так популярен? Знания об этом необходимы журналисту точно так же, как и культурологу.

Значение массовой культуры и то немалое место, которое она занимает в современном мире, находят свое объяснение. Оно связывается с динамичным распространением и совершенствованием на протяжении XX века средств массовой информации. Вот как говорит об этом В. П. Руднев, составитель «Словаря культуры XX века»: «Специфической чертой XX века было распространение в основном благодаря развивающимся средствам массовой коммуникации массовой культуры (далее **М.к.**). В этом смысле **М.к.** в XIX веке и ранее не было – газеты, журналы, цирк, балаган, фольклор, уже вымирающий, – вот все, чем располагали город и деревня. Вспомним, как важна была газета для творческой лаборатории Достоевского. Интересно, как бы изменилось его творчество, живи он в середине XX века – в эпоху радио, кино и телевидения с их разветвленной системой жанров и новостей через каждые полчаса, бесчисленных газет и журналов, видео, компьютером и Интернетом, телефоном, рекламой, авторской песней, блатным фольклором, детскими страшилками, анекдотом, комиксами, джазом, роком, поп-

музыкой, матрешками, лозунгами, троллейбусами, самолетами и спутниками?» [Руднев 1999 : 155 и сл.].

К основным свойствам текстов **М.к.** относят занимательность, традиционность и простоту. И это понятно: они предназначены для массовой аудитории. Занимательность задается жесткими структурными условиями текста и наличием сюжетной загадки. Сюжетная и стилистическая фактура продуктов **М.к.** может быть и примитивной, но обязательно хорошо отработанной, удобной для восприятия и воспроизведения: четкий сюжет, его жесткое, как в фольклоре, построение [Прош 1969], и при этом отсутствие семантической глубины. Сюжеты повторяются и заимствуются. Известно, что повторяемость — свойство мифа. Здесь же наблюдается установка на повторение, как в телесериале или архаической мифологии, когда герой, умерший в одном сюжете, воскресает, действует и, может быть, снова умирает в другом. Каждый жанр в **М.к.** — это замкнутый мир со своими языковыми законами. Жанр опознается сразу: ожидание не должно нарушаться. И главное: внутренняя структура текстов является частью структуры самой жизни. Отсюда своеобразный «иконизм» страшилочной тематики и поэтики.

В 70-80-е годы, в так называемые времена застоя, в устной традиции широко распространился жанр стихотворной «детской страшилки»⁸. Она актуализировалась в ряду жанров **М.к.**, которая в XX веке в подавляющей степени заменила фольклор, но вполне сохранила его «родимые пятна». По своей лаконичности и примитивизму формы стихотворная страшилка напоминает частушку — самый демократический «концертный номер». Содержательная простота, событийная исчерпанность — в четырех, реже двух строчках. Как явление демократизма социальной жизни, противопоставленное фундаментальной и элитарной культуре, **М.к.** существует по принципу дополнительности, когда нехватка информации в одном канале связи заменяется избытком ее в другом⁹. Отсюда страшилки. Например, такие: *Быстро, надежно и без хлопот / вас похоронит Аэрофлот!* [Здесь и далее косая линия отмечает границу синтагмы. — Т. К.].

Назвать страшилки детскими можно лишь условно. В большинстве своем это **стилизированные** под детские «черные» стишки. Всякий припомнит детскую стихотворную страшилку типа: *Маленький мальчик нашел пулемет, / больше в деревне никто не живет*. Если во времена застоя существование этого жанра было ограничено устной формой, то позже стала возможной публикация образцов такого анонимного творчества [Мальчик в овраге нашел пулемет... 1992]. Вот примеры страшилок, разных по времени появления, по своим историческим и литературным аллюзиям: *А из нашего окна / площадь Красная видна, / Мы в оптическом прицеле / даже БРОВИ*

разглядели! Здесь используется цитата из детского стихотворения А. Барто. Что же касается выражения *Брови*, то это своеобразная синекдоха, замешанная на табу, — так в народе называли Брежнева. *Волосы седые / на головке детской: / хорошо живется / нам в стране советской* — перефразирована строчка детской песни «Эх, хорошо в стране Советской жить...» *Ускоренье — важный фактор! / Но не выдержал реактор. / И теперь наш мирный атом / вся Европа кроет матом* — перефразирован дежурный для советского времени лозунг. *Дедушка Ельцин за внуком бежал / Но не успел: / внучек кнопку нажал... / Дедушка утром вошел в кабинет / — Буш позвонил, что Албании нет*.

Бурный расцвет «страшилочного» жанра начался в период перестройки с его эйфорией плюрализма и гласности, с новым, заметно агрессивным развитием политической жизни. Это было время провозглашения ценностей демократии при завершающих перелом проявлениях тоталитаризма: вспомним скрытую поначалу катастрофу в Чернобыле, тбилисские и вильнюсские события, Форос и развал Союза. Им сопутствует тяжелейшее экономическое и моральное положение в обществе: многолюдные очереди, талоны, ожесточенные взрослые, заброшенные дети и обиженные старики. По-видимому, такая мрачная концентрация событий может отчасти объяснить, почему в сюжетно-стилистической форме детской страшилки при всей ее комической и частушечной легкости развернулось столь мрачное, да еще ассоциированное с детским, массовое сознание.

Но прежде чем говорить о детских страшилках, стоит сказать о причинах популярности жанра «страшной истории». Она, как и «святочный рассказ», издавна относится к социально востребованным жанрам [Душечкина 1995]. С одной стороны, страх, как и жалость, — социальные чувства, выступающие в качестве средства воспитания (ср.: страх «нарушения запрета»). Они используются как фактор регуляции поведения. С другой стороны, в обществе воспитывается (или должна быть воспитана) устойчивость к биологическому страху. Причем это воспитание обычно направляется не на избавление от него человека, а на выработку умений владеть собой при появлении страха.

Избавление от страха связано с процессом познания. Все непонятное и необъяснимое часто вызывает страх. Эта биологически важная для человека эмоция выражает оценочное отношение к существующим условиям, жизненным ситуациям¹⁰. А значит, страх имеет и особенный социальный характер. Интересно то, что к «вечным спутникам русской души» относят страх и ненависть. В «Словаре русской культуры» Ю. С. Степанова, где приводится соответствующая строчка из «Последних песен» Н. А. Некрасова, слова *страх и ненависть* называются чисто русскими синонимами, а

тоска и раздолье удалое — чисто русскими антонимами [Степанов 1997 : 670 и сл.]. В качестве причины этого явления в словаре дается указание на вечный для России антагонизм между имущими и неимущими (для некрасовского времени — между «владеющими землей» и «лишенными земли»). Там же говорится, что эмоция страха связана с эмпирической опасностью, «грозящей мне из низшего мира», в отличие от ужаса, который связан с «тоской бытия и небытия». Однако страх и тоска тоже связаны.

Обратимся теперь к детским страшилкам. На первый взгляд, изучение содержательной структуры, поэтики, семантических особенностей детской страшилки не кажется задачей, достойной особого внимания. Но только на первый взгляд. Скажем, одним из источников поэтики обериутов, столь популярных в наше время, был детский инфантильный фольклор с его считалками, «нескладушками» и черным юмором.

Материал, нами использованный, почерпнут из двух разных источников, которые отличаются 1) по сфере бытования: устная неподцензурная речь / письменная цензурованная речь в журнале; 2) по авторской принадлежности: анонимное творчество / журналистское творчество. К первому источнику относятся устные стихотворные страшилки, собранные у подростков-школьников и их родителей, а также опубликованные в печати. В качестве второго источника выступает периодическое издание — юмористический журнал «Трамвай» [№ 12 за 1990 г.], подготовленный взрослыми для детей. Оба источника объединяет одно — юмор и «страшилочная» тематика. Основное внимание уделяется материалу из первого источника — детским стихотворным страшилкам. Журналистский материал привлекался для увеличения поля наблюдения по ассоциации и контрасту — как целенаправленное творчество взрослых для детей. Результат дал необходимый выход в социальный аспект культуры, нормализующей жизнь общества в кризисную эпоху. В результате исследования обозначилась разница в смыслах, которые связаны с оценочным отражением действительности в текстах **М.к.**, с одной стороны, и в журналистских текстах, с другой. Специфика и значение каждого рода деятельности, а также речевого жанра в этом сопоставлении становятся более очевидными.

2.1.1. Глубинная модель интерпретации картины мира: детские стихотворные страшилки как явление культуры

В основе страшилки лежит короткий событийный сюжет (сценарий). Главное событие, конечно — страшный случай. В детской страшилке чаще всего это гибель или увечье ребенка, детей, реже взрослых. Две первые строчки задают событийный сюжет в его

определенном моменте (перед смертельным исходом), две вторые — убийство, смертельный исход демонстрируют. При этом страшная гибель обычно обставляется какой-нибудь жуткой подробностью: роль детали в сюжете очень велика, она является знаком смерти. Жертвой страшного случая чаще всего оказывается «маленький мальчик» или девочка, что должно вызывать у слушателя особенную жалостливость. Соответственно язык страшилок включает элементы «детской» речи: речи детей или речи взрослых, разговаривающих с детьми. Отсюда — детские имена, наименования *мальш*, *мама*, *папа*, *бабушка*, *дедушка*, *дядя*, обилие уменьшительно-ласкательных наименований: *глазки*, *ручка*, *ножка (ножонка)*, *тельце*; *бантик*, *ленточка*, *колечко*; *котлетка*, *конфетка*, *лучик*, *кусочек*. Но функция этих наименований неоднозначна. Как правило, они имеют провокативный, издевательский смысл. Они обозначают в сюжете садистское желание взрослого спровоцировать гибель ребенка, а в речи рассказчика — навязчивое желание сообщить о страшном случае, болезненно смакуя жуткие подробности.

Мальчик в подвале котлету нашел.
«Что это, дядя?» — завел разговор.
«Скушай котлетку», — дядя сказал.
Долго в подвале мальчик вонял.

Девочка в поле гранату нашла.
«Что это, дядя?» — спросила она.
«Дерни колечко», — дядя сказал.
Долго над полем бантик летал.

Девочка к папе на стройку пришла,
Завтрак в газете ему принесла.
Под шлакоблоком увидел отец
Платья кусочек и ленты конец.

Мальчик в бетоне на стройке играл.
Сзади за ним экскаватор стоял.
Тихо на стройке: ни вдоха, ни стопа,
Только ножонки торчат из бетона.

Маленький Саша по стройке гулял,
В бочку с бензином случайно попал
Стал задыхаться, высунул нос —
Добренький дядя спичку поднес.

Мальчик зимою на льдине гулял,
Вдруг поскользнулся и в прорубь упал.
Долго ручки хватались за льдину.
Нет, не видал я смешнее картину!

Маленький мальчик увидел ружье
Маленькой ручкой взял за цевье,
Маленькой ножкой нажал на курок,
С визгом умчались мозги в потолок.

Красная площадь, зеленые елки.
Мальчик играет в желтой футболке.
Черная «Волга» промчалась, шурша.
Нет, не дождется мать мальш.

Мчится Ваня на машине,
Весь размазанный по шине.

В содержании страшилки так или иначе реализуется мысль о детской незащищенности, заброшенности и гибели в равнодушно-злом или агрессивном мире взрослых. Если речь говорящего выражает сочувствие к жертве страшного случая, в ход идут детали с мотивами сиротливости ребенка, с одной стороны, и равнодушного прагматизма взрослых по отношению к ребенку, с другой.

Маленький мальчик на крыше играл, Солнечный лучик его согревал. Дрогнула крыша, хрустнули кости. Нет, не поедет он к бабушке в гости.	Поздняя осень, пожухла трава, Мальчик чахоточный рубит дрова. Впился топор в беззащитное тело. Кончилось детство, нога отлетела.
--	---

Маленький Вова залез в холодильник, Щелкнул замок и не слышен будильник. Быстро замерзли сопли в носу — Больше не будет он красть колбасу!	Маленький Сема в лифте катался. Все хорошо бы, да лифт оборвался... Роется мама в груди костей: Где же кроссовки за 40 рублей?!
---	--

«Жуткая» деталь имеет либо изобразительную, либо выразительную природу. Как видно из примеров, изобразительная деталь — чаще всего деталь зрительная, реже обонятельная или звуковая. В то время как выразительная деталь — событийный комментарий от лица говорящего. Изобразительная и выразительная детали в высказывании могут совмещаться. В качестве комментария выступает отрицательное по семантике эмотивное высказывание. По форме это может быть: 1) общее отрицание, например, *Больше не будет он красть колбасу*, в том числе отрицание двойное: *Нет, не дожидается мать малыша; Нет, не поедет он к бабушке в гости; Больше в деревне никто не живет*; 2) смысловое отрицание, выраженное лексикой с семантикой «конца», «лишения»: *Кончилось детство, нога отлетела; С визгом умчались мозги в потолок*. Но главная особенность детали в страшилке — ее провокативность, склонность к издевательствам, глумлению. Провокативность, речевой садизм — самая яркая особенность страшилок. Недаром в народе их прозвали «садюшками».

Деталь является существенным атрибутом «смертельного номера» еще и потому, что прямо о гибели героя не говорится. Сообщение об этом замещено «красноречивым» элементом описания. Так или иначе концовка строится на имплицатуре, своего рода фигуре умолчания, а для слушателя возникает **эффект загадки и разгадки**. **Но разгадки «стрессовым» путем** — через жуткие ассоциации многозначительной детали и вывода (следствия). При этом имплицитный семантический вывод-следствие (гибель, увечье ребенка) нередко выступает и как логическая причина конечного детализированного высказывания (каузирует утверждение): *Нет, не поедет он к бабушке в гости; Больше не будет он красть колбасу; Кончилось детство, нога отлетела*. Поэтика детской страшилки убеждает в том, что перед нами образцы **мифологического сознания**. Мифологическое сознание не знает фундаментальных противопоставлений между реальностью и вымыслом. Для мифологического сознания характерно всеобщее взаимное отражение (оборотничество): миф не разделял ни субъекта, ни объекта, ни предиката [Лосев 1994; Руднев 1999]. Именно поэтому важнейшую роль выполняет деталь, ведь она выступает как знак, представитель целого смысла (гибели).

По своему содержанию и провокативной форме многие страшилки принадлежат к текстам непристойного содержания. Такие тексты (как и тексты антиклерикальные или эротические) издавна принадлежали к сфере анти-поведения. **Анти-поведение** — это обратное поведение, поведение наоборот, сознательно нарушающее принятые социальные нормы. В страшилке создается **своя модель антимира**. Это мир не настоящий, мир отрицательный, мир антикультуры. Все знаки в нем означают нечто противоположное тому, что они значат в «нормальном» мире. Перед нами иногда что-то похожее на неблагополучную реальность, а иногда полная небылица, нереальность и нелогичность, **абсурд**:

Папа с работы рубанок принес, Сын на папашу в ментовку донес. С яростным свистом ремень заплясал: Мальчик с ошибкой донос написал.	Мальчик в конверт запечатал тротил, Папе на письменный стол положил... Сын на граните просил написать: «Нечего было за двойку ругать!»
---	---

Бабушка внучку очень любила, Мину в постель ей она положила. Ночью два мощных раздалися взрыва — Внученька бабушку тоже любила.	Бабушка внучку из школы ждала, Калий цианистый в ступке толкла. Дедушка бабушку опередил — Внучку гвоздями к забору прибил.
--	--

В страшилках антиповедение характеризует: 1) и взрослых, и детей — действующих лиц сюжета; 2) образ рассказчика. Как известно, антиповедение играло большую роль в древнерусском быту. В средние века, например, смех был направлен на самые чувствительные стороны человеческого бытия: против всего того, что считалось святым, благочестивым и почетным, в том числе против самой личности смеющегося. Впрочем, антиповедение на Руси всегда имело важный ритуальный, то есть магический, характер. Речевое действие в таком случае выполняет чисто номинальную функцию — называющую, но не выполняющую своего назначения¹¹.

Нечто подобное мы находим в страшилке. Возьмем, например, семейные отношения (тема это ходовая): в сюжете страшилки они перевернуты полностью. Представители разных поколений в семье — дети, родители, бабушки, дедушки — или ненавидят друг друга, или злодейски прагматичны в своих поступках и стремлениях. Больше того, отношения эти имеют направленно «зверский», биологический характер: они связаны с умерщвлением плоти, нанесением ей увечья или с элементарным поеданием плоти из чувства голода.

Мама с тоскою смотрит на Вовку: Нет, не войдет целиком он в духовку!	Маленький Ваня в ванне купался: Мылся, плескался, водой обливался.
Папа в кладовке ищет пилу — Очень нужна буженина к столу.	Мама подкралась, юбкой шурша, — Бах табуреткой, и нет малыша.

Девочка в ванной бритву нашла.
«Что это?» — папу спросила она.
Папа ответил: «Губная гармошка...»
Все шире и шире улыбка у крошки...

Бедный Вовочка лежал
В луже крови розовой.
Это папа с ним играл
В Павлика Морозова.

Голод и поедание — один из самых устойчивых мотивов в сценарии детской страшилки. Этот мотив встречается в двух провокативных по своей радужности вариантах: 1) он подается с точки зрения радостно предвкушающего еду голодного существа, 2) он представлен с точки зрения удовлетворенного результатом кормления служащего зоопарка:

Трое друзей на охоту пошли,
Мертвого деда в канаве нашли.
Тут же от радости вырвался крик:
Будет отличный на завтрак шашлык.

Мальчик Валера в зверинец пришел.
К клетке с тигрицей он подошел,
Ручку просунул, сказал ей: «Привет!»
Был у тигрицы вкусный обед.

Мотив, связанный с естественным желанием ребенка поесть, получить сладкого, присутствует в следующих «семейных садюшках»:

Дочка просила у мамы конфетку,
Мама сказала: «Сунь пальцы в розетку».
Скорчилось тельце, обуглились кости...
Долго смеялись над шуткою гости.

Мне мама в детстве выколола глазки,
Чтоб я в шкафу варенье не нашел.
Я не читаю ни стихи, ни сказки,
Но нюхаю и слышу хорошо.

Как отмечалось, садистами в садюшках выступают не только взрослые, но и дети. Так они действуют во время игры (что, как известно, лучший способ обучения и закрепления навыков) или других занятий.

Дети в подвале *играли в гестапо*:
Зверски замучен сантехник Потапов.
Ногти гвоздями прибиты к затылку,
Но не сказал он, где спрятал бутылку!

Девочки в поле цветы собирали,
Мальчики в поле *в индейцев играли.*
Оля нагнулась — в попе топор:
Метко бросает индеец Егор.

Дети на стройке *в Нюрнберг играли*
Утром с веревки рабочего сняли.

Ночью к соседям забрался Егор,
Вор у подружки *игрушку упер.*
Куклу не вынесет он за забор:
Метко Наташа метает топор.

Девушка шла мимо спецПТУ,
Дети-маньяки косили траву.
Девушку звали по паспорту Света,
Больше она не увидит рассвета.

Итак, перед нами изнанка мира, мир перевернутый, абсурдный, дурацкий. А говорящий (рассказчик) ведет себя как юродивый. По словам Д. С. Лихачева, такой мир в древнерусской традиции имел название «наничный». В нем перевернуты все человеческие отношения, понятия, идеи, церемонии, формы. Изнаночный мир — это мир зла, одержимый злой силой. Д. С. Лихачев приводит выражение из «Слова о полку Игореве» — «наничесья години обратиша», которое толкует следующим образом: «Плохие времена наступили», ибо «наничный» мир, «наничные» години всегда плохи [Лихачев, Панченко, Поньрко 1984 : 19-20].

Устойчивым элементом сюжета о гибели является **ситуация «страшной находки»**, несущей смерть. Такой сюжет чаще всего имеет **идеологическую** окраску и сопровождается «наивным», а по существу двусмысленным комментированием рассказчика. Идеологическая окраска возникает благодаря включению в текст 1) языковых историзмов, а по сути — **идеологем**, обозначающих реалии советской жизни со свойственным их референции объемом понятий: *райком, красный галстук, пионерский лагерь, отряд октябрят, педсовет*; 2) наименований атрибутов войны, сопутствующих идеологии. Очевидно для общества, где всегда живым был образ врага, где «вечный бой, покой нам только снится» (А. Блок), страшная находка всегда связана с такой деталью, как боевое оружие (орудие смертоубийства). В страшилке оно представлено во всем своем историческом разнообразии: *топор, ружье, обрез, пулемет, мина, снаряд, фугас, тротил, нейтронная бомба*. Сопровождает рассказ о гибели почти саркастический комментарий (включая кинематографические аллюзии, типа «Сорок первый»).

Дедушка в поле *гранату нашел.*
Дедушка в город к райкому пошел.
Дернул колечко, бросил в окно:
Дедушка старый, ему — все равно.

Дедушка в поле *нашел ананас,*
Он не подумал, что это *фугас.*
Ножик достал и хотел его есть:
Жопу нашли километров за шесть.

Дед Митрофаныч присел на пенек:
Ох, и тяжелый случился денек!
Долго над лесом летали штаны.
Вот оно, подлое эхо войны!

Мальчик *нейтронную бомбу нашел,*
С этою бомбою в школу пошел.
Долго дивился весь педсовет:
Школа стоит, а учащихся нет.

Мальчик Сережа на грушу залез.
Деда Михеич *наводит обрез.*
Выстрел раздался, послышался крик.
«Сорок второй!» — улыбнулся старик.

Как показывают тексты, сюжет страшилок просто зациклен на смертоубийстве. В качестве убийцы и орудия смерти выступает стереотипный ряд действующих лиц и таких объектов, которые косвенно оказываются орудиями убийства. Прежде всего это 1) садисты — как взрослые, так и дети (сверстники, родители, воспитатели, случайные люди); 2) технические средства, в том числе электрические (розетка, рубильник), а также разные механизмы (лифт, трамвай, экскаватор, машина, самолет, ледокол и т.п.), горючие средства (спички, бензин), стройматериалы (бетон, шлакоблок, топор); 4) атрибуты войны (см. выше); 5) вполне обычные предметы (котлета, крыша). Из ряда в ряд повторяющийся сюжет гибели или убийства создает впечатление бесконечно варьирующейся ситуации опасности, нарастающей угрозы жизни человека.

Уже говорилось, что большинство страшилок явно абсурдны. Абсурдность тоже провокативна, и проявляется она самым экономичным образом — через деталь. Но и эта особенность вполне традиционна для поэтики мифа. Добавим, что Хармс сделал прием абсурда, «сочетания несочетаемого» одним из принципов построения текста. В страшилке абсурдная деталь имеет порой решающее значение: ради нее и создавалась страшилка.

Ленточка к ленточке, звездочки в ряд: Мальчик играл на бетонной дорожке.
Трамвай переехал отряд октябрят. Вдруг подкосились у мальчика ножки.
ТУ-104 промчался со стоном:

Красные галстуки в небе летят: Не оторвать головы от бетона.
В лагерь попал реактивный снаряд.

Маленький Петя плыл по реке, Маленький мальчик в коляске лежит,
Вдруг ледокол загудел вдалеке. Глазом единственным в небо глядит,
Нету картины печальней на свете: Ручкой беспалой чешет протез:
Слева — пол-Пети, и справа — пол-Пети. Мучит ребенка болезнь диатез.

Несколько замечаний о **рифме**. Стихотворная рифма страшилки «по-детски» **наивная**, безыскусная (ср.: *штаны — войны, залез — обрез, на свете — пол-Пети, со стоном — от бетона* и т.п.). Исторически здесь просматривается связь с такой народной традицией, как балагурство. Балагурство — одна из национальных русских форм смеха, в которой значительная доля принадлежит лингвистической его стороне. Вот как пишет об этом Д. С. Лихачев: «Рифма в раешном или “сказовом” стихе “рубит” рассказ на однообразные куски, показывая тем самым нереальность изображаемого. Это все равно как если бы человек ходил, постоянно пританцовывая. Рифма объединяет разные значения внешним сходством, оглуляет явления, делает схожим несхожее, лишает явления индивидуальности, снимает серьезность рассказываемого» [Лихачев, Панченко, Поньрко 1984 : 21]. Совершенно очевидно, что стихотворная форма

страшилки соответствует «раешному» стереотипу. Эта лукавая древняя форма оказалась сродни самому современному содержанию. Напоследок приведем еще одну детскую страшилку: в ней досталось «на орехи» и современной журналистике.

Маленький Федька конфетку сосал.
Сзади подъехал к нему самосвал...
Завтра наутро писали газеты:
«Федя погиб, подавившись конфетой».

Подводя некоторый итог, можно сказать следующее. Являясь жанром массовой культуры, детская страшилка безусловно несет в себе особый семиотический образ реальности. Образ этот не просто однозначно отрицательный. Это жестокий и одновременно комический по отношению к самому себе субъективный образ мира с обратным знаком. Этот «антимир» представлен в болезненных ощущениях говорящего как лица также с отклонениями от нормы, подобно среде, в которой он живет. Отсюда болезненность той картины мира, которая в страшилках представлена. Эта череда повторяющихся, зацикленных на одном и том же сюжете событий похожа на фобию — навязчивое состояние с новым и новым переживанием страхов, зверства, злорадства, других эмоций разрушительного характера.

Смех, как известно, содержит и разрушительное, и созидательное начала одновременно. Разрушая, он строит нечто свое, мир нарушенных отношений. «Психологически смех снимает с человека обязанность вести себя по существующим в данном обществе нормам — хотя бы на время. Смех дает человеку ощущение своей “сторонности”, незаинтересованности в случившемся и происходящем» [Лихачев, Панченко, Поньрко 1984 : 21]. Но вряд ли это относится к «черному» юмору. Здесь в восприятии слушателя за комической гримасой юродствующего говорящего остается впечатление чего-то ужасающего: ужасающего, потому что *возможного* и, в известной степени, *реального*. Здесь граница между страшным и смешным, реальным и нереальным слишком тонка для здорового юмористического восприятия. Важно то, что «черный» юмор создает мир антикультуры, который противостоит идеальному, и является **знаковым миром, диагностирующим болезнь**. Важно и то, что мир антикультуры противостоит не всякой культуре, а только данной — осмеиваемой. Хотим мы этого или нет, но в страшилках сконцентрировалось то, что есть в массовом сознании — ощущение тупика — не только социального, но и в какой-то степени видового биологического тупика, за которым маячит не просто разложение безбожного общества, но и разрушение человека, «венца мироздания».

2.1.2. Социально компенсирующая модель интерпретации: мотивация страшилки в периодическом издании для детей

Периодическое издание можно сравнить с «барометром», фиксирующим в каждый момент исторического времени состояние общественного сознания, последствия перестройки которого в новый исторический период хорошо известны. Особенно быстро в общественных отношениях актуализировалась «зоопсихология»: агрессивное поведение (действия), захват, соперничество, намеренное нанесение вреда другому и т.п.

«Трамвай» – журнал юмористический, издававшийся в свое время Советским детским фондом им. В. И. Ленина. Хотя в этом детском издании указанные «страшные напасти», конечно, присутствуют (тематически открыто или косвенно), но они взрослыми заметно облегчаются, юмористически обыгрываются. Метод обыгрывания «страшного», «мрачного» имеет характер **языковой игры** и одновременно представляет форму самой жизни – реальности, которую мы воспринимаем «через призму языка» (Витгенштейн). Заметим также, что ведущим ориентиром в изложении материалов номера выступает «ты-сфера» модуса, в тех или иных модификациях включающая в текст образ читателя (местоимения 2-го лица и 1-го лица множ. числа, обращение, вопрос).

Какие темы (мотивы) доминируют в изучаемом номере? Их пять: 1) мотив поедания (и не только друг друга); 2) мотив чертовщины-дьявольщины (действия злой силы); 3) мотив дьявольского искушения, провокации, соблазна; 4) мотив хулиганства (нарушения запретов); 5) мотив звероподобия (правда, внешнего, и потому весьма невинного). Приведем иллюстрации с нашими комментариями к ним.

1) Мотив поедания. Присутствует неоднозначно: это поедание в прямом смысле (как поглощение) и поедание как аналог приобщения, освоения чего-либо, демонстрации своих способностей или уровня возможностей (ср.: он в этом деле собаку съел). Номер открывается тематической страничкой *За обе щеки* с подзаголовком *Ежеобедник тайного общества «Зубы на полку»*. Здесь главный редактор обращается к читателям с юмористическими предложениями. Дается смоделированный по известному образцу девиз «ежеобедника»: *Ешьте с нами, ешьте как мы, ешьте лучше нас*. Выразительны и юмористические названия публикаций, и псевдонимы авторов: Лев Голодный «*Без аппетита*» (о людоеде, потерявшем аппетит), Д-р Шницель «*Традиция поедания друг друга как осознанная необходимость*». Представляются дидактические *Правила пользования выражениями о еде*. Значение выражений (фразеологизмов по теме «еда») поясняется, что важно с познавательной точки зрения. Для тех читателей, кто не вдумывался в соотношение

между буквальным значением и переносным смыслом русской фразеологии, такие пояснения носят характер комической неожиданности. Например: *Когда вас будут «кормить завтраками» (обещать, но не выполнять обещанное), не стоит «глотать слюни» (завидовать недоступному). Лучше докажите, что вы «не лаптем щи хлебаете» (не прозябаете в невежестве). Если у вас «каша в голове» (беспорядок в мыслях), то не нужно «жевать мочалку» (повторять одно и то же)*. И так далее.

2) Мотив чертовщины-дьявольщины. Поскольку актуальна «мрачная» действительность, то специально провоцируется и «мрачное» сознание. Делается это с юмором: используются контрастные наименования, в обычной речи несовместимые. Рубрика для детских страшилок в журнале имеет название «*Мурашки*» с подзаголовком «*ведомости неведомых явлений*». В преамбуле разъяснение: *Привидения, черти, лешаки, оборотни, ведьмы разные – все это по нашей части. Мы, как говорится, их орган. У нас – плюрализм*. Однако детские страшилки (под названием «*Черный утюг*», «*Желтые зубы*») на самом деле являются **страшилками-наоборот**: редакция предлагает опыт переделки страшного в нестрашное как способ очищения детского сознания. Ожидание мрачного не оправдывается: страшный *Черный утюг* всего лишь хотел погладить девицу платя, а страшные *Желтые зубы* всего лишь искали зубную щетку. Юмористическая инструкция «*Как черта-дьявола одолеть*» также учит обращению страшного в нестрашное.

3) Мотив дьявольского искушения, провокации, соблазна. В рамках фантастического повествования-страшилки от 1-го лица с элементами репортажа рассказывается, как мать спасала похищенного чертями сына Ванятку. В композиции и атрибутике повествования явно используются элементы гоголевского «Вия». При этом актуализируется представление о спасительном, с социальной точки зрения, образе действий. Это может быть наставление типа «не нарушай запрета». Сюжетное повествование идет в соответствии с принципом семантической оппозиции. Ср.: *Только встала Авдотья Тихоновна на молитву, как позади нее поднялся бесовский хохот и свист, топанье и дьявольские пляски. Слышался временами детский плач и угрозы. Голосом Ванятки кричали черти:*

– *Не мать ты мне, а змея подколотная! На соблазн и гибель раздавались бесовские голоса: Оглянись – отдадим Ванятку!*

– *Не оглядывайся, Авдотья Тихоновна, шепчу я из засады.*

На вторую ночь повторилось то же...

Третья ночь оказалась самой жуткой (...) Тут пропел третий петух, и черт-дьявол бросил перед Авдотьей совершенно белого Ванятку. Схватила Авдотья Тихоновна сына, опрометью домой побежала.

А я задержался возле церкви, чтобы с чертями побеседовать...

Заканчивается рассказ своего рода магией — молитвой ангелу-хранителю. Таким образом в детском издании (и в сознании тоже) возрождается охранительный смысл и обряд русской молитвы. Ею как спасительному заклинанию учат детей от всяких страстей — страхов действительных. Делается это вполне серьезно и в соответствии с русской речевой традицией: **Ангел мой хранитель мой! Сохрани мою душу, укрепи мое сердце на всяк день, на всяк час, на всякую минуту. По утру встаю, росой умываюсь, пеленой утираюсь Спасова Пречистова образа. Враг-сатана, отшатнись от меня на сто верст — на тысячу, на мне есть крест Господень. На том кресте написаны Лука и Марк, и Никита мученик: за Христа мучаются, за нас Богу молятся. Пречистые замки ключами заперты, замками запечатаны, ныне и присно, и во веки веков, аминь.**

4) Мотив хулиганства (нарушения запретов). В рубрике «Фингал» с подзаголовком (*ведомости неведомых явлений*) редакция обращается к нетрадиционному образу читателя-хулигана. Таким способом дифференцированный образ читателя хотя бы отчасти привели в соответствие с действительностью, с ее не слишком приятной, но актуальной стороной. Как всегда, спасает юмор, построенный на игре слов. В преамбуле читаем: *А как же наш отечественный хулиган?! Ребенку тоже хочется раскрыть свою душу. Думали мы, думали, ломали друг другу головы, ломали (трансформация фразеологизма) и решили: получай наш дорогой советский хулиган «Бац» и «Фингал»!* (каламбур: речь идет о названиях рубрик). Далее следуют «краткая история хулиганства», «хулиганская народная сказка “Как били яичко”». Руководство «Как из школьной тетради сделать хлопушку» заканчивается призывом: *Хулигань на здоровье!* (трансформация фразеологизма). В рубрике под названием «Объявления» юмористически имитируется речевое сознание и безграмотность «отпетого хулигана»: *Отпетый хулиган хочет познакомиться са слабенькой дивчонкой, у каторой есть длинные косы, каторая может громка плакать и каторая медленно бегаёт.*

5) Мотив звероподобия (звериного облика). Лукавость этого мотива в текстах налицо. Как видно, в современной жизни актуально даже совсем невинное внешнее сходство со зверем. В примере это сходство юмористически мотивировано семантическим контрастом частей имени собственного: *Когда-то меня звали Роза Львовна. — Какое у вас красивое имя отчество, — завидовали мне. — В нем есть и цветок, и зверь. Мне это нравилось. Но потом надоело. — «Зовите меня, пожалуйста. Ромашка Бегемотовна», — попросила я.*

В журнале публикуется юмористический рассказ «Зверская фотография», фрагмент которого следует ниже. Он демонстрирует житейский казус: умение делать зверское лицо (другими словами —

внушительное) оказывается важнейшим условием благополучной жизни. Ср.: *У папы болели зубы. И от боли он делал зверское лицо. А ему надо было на новый паспорт фотографироваться ... Раз-два и готово! Получилось на фотографии зверское лицо.*

А тут у папы зубная боль и прошла. Отправились мы с ним к морю отдохнуть. Только нас в самолет не пускают. Потому что теперь у папы лицо нормальное и на паспортную фотографию непохожее.

— Папочка, к морю хочется...

— И мне хочется, — отвечает папа. Потом грустно вздыхает и **зверское лицо корчит**, будто у него зубы болят.

— Вот теперь другое дело — говорит милиционер...

— **Можете в самолет садиться.**

Итак, страшилочная тематика, выражающая оценочное отношение к действительности, в интерпретации журнала имеет явно облегченный, юмористический характер. Это не означает, что взрослые воспринимают происходящее несерьезно. Облегченность, юмор, преобразование страшного в нестрашное — целенаправленный прием адаптации детского сознания, его очищения и защиты от страшной действительности с помощью субъективной работы сознания. Дается установка на перерабатывающую активную деятельность мозга, на щадящее эмоциональное восприятие. В этом сказывается мудрое понимание событий как явления временного, которое должно быть пережито и переработано во имя сохранения психического здоровья. Используется с определенным назначением целый ряд приемов психологической и рациональной адаптации сознания: 1) прием расширения информационного поля, связанного с образом поедания, в сторону позитивного смысла (поедание как приобщение, освоение); 2) «прививка» на юмористическое переключение эмоций (не бояться чертей, дьявола); 3) магия молитвы; 4) поучение (в сказке) не поддаваться на провокацию, мысль о важности соблюдения правила «не нарушай запрета»; 5) идея встречного доброго отношения к проявлениям фактов антиповедения, идея важности использования игрового момента в трактовке и процессе преодоления антиповедения, «зоопсихологии» вообще. Особенное внимание уделяется прагматике личного поведения в жизненных ситуациях. Вообще положительный прагматизм всех этих обучающих моментов налицо, он составляет главную силу и смысл такого рода установок. Правда, открытым остается вопрос о степени эффективности такой детской журналистики. Он может стать предметом специального социопсихологического исследования.

В заключение скажем следующее. Если данный журналистский материал определенно относится к детской субкультуре, то рассмотренное выше анонимное творчество в форме «детских стра-

шилок» к ней лишь примыкает. Однако сама стилизация «детскости» в наивной страшилке не случайна, з н а ч и м а . Здесь в утрированной форме реализовалась стихийно выраженная в массе народа **тревога о своем будущем**, ну а воплощением будущего всегда были дети – святая святых цивилизованного общества. Журналистский же материал и по времени появления (90-й год), и по направленности (детям) является реактивным откликом публичного характера. Здоровым откликом на «страшилочную» действительность – по возможности конструктивным и оптимистическим.

2.2. «Чернушечный» мир в социокультурном контексте

Жанры не только массовой, но и традиционной культуры порождаются и существуют во взаимодействии типичных автора и читателя («собеседника»). Автор прозорлив, а читатель («собеседник») дорисовывает, опираясь на собственные опыт и воображение, картину мира, которая выступает как типичная и привлекательная для него (как и китч) в социально-культурном контексте сообщаемого.

В истории русской культуры XX века расположен пока еще мало исследованный пласт авторского творчества, в том числе литературных произведений, которые дали начало «чернушечному» направлению в искусстве советской и постсоветской эпохи. «Чернушечность» – это привившееся в кругах литературной критики наименование основного качества категории «антимир» (народное наименование – «чернуха»); вспомним традиционную для русского культурного сознания идеологическую оппозицию «черное»/«белое». «Чернушечность» подразумевает стилистику и поэтику низовой (т.е. бытовой и массовой) культуры, совмещенную с традицией жанра ужасов и абсурдизмом.

Значительная часть многообразного творчества петербургского поэта *Олега Григорьева* (друга и соратника «митьковского» братства) определенно относится к этой гибридной категории. К тому же существует версия, что именно О. Григорьев явился родоначальником жанра стихотворной детской страшилки. Из воспоминаний М. Яснова, издателя и переводчика: «...рисовальщиком он был замечательным. Олег писал самые заурядные предметы, но так... монументально это делал. Он рисовал стоптанные башмаки, разбитые кружки, порванные спецовки, но это были не просто стоптанные башмаки. Это был памятник стоптанному башмаку! Хотя сам он говорил, что не сберег себя как художника. Его выгнали из художественной школы в конце 50-х, и тогда же он написал свое самое знаменитое четверостишие, положившее начало целому жанру

детских страшилок: «Я спросил электрика Петрова: / “Ты зачем надел на шею провод?” / Ничего Петров не отвечает, / Только тихо ботами качает» [Елисеев 2002 : 22].

Примечательно и другое: М. Яснов сравнивает особенности творчества О. Григорьева с поэтикой французского поэта-постсюрреалиста Рене Добалдия: «...когда я переводил француза, я просто за уши себя хватал, до чего его ходы, его – если так можно выразиться – фокусы похожи на ходы и фокусы Олега. Тот же самый чернушечный мир взаимовидения детей и взрослых. Совершенно по-другому написанные стихи, но взгляд, подход – тот же самый. Какое-то удивительное родство, которое идет, наверное, от низового, городского, подросткового, что ли, сюрреализма» [Там же]. Образ жизни поэта О. Григорьева кратко описал С. Волков: «Ютившийся в труппных каморках, которые он увешивал гротескными масками собственного изготовления, Григорьев вел *типичную* отчаянную жизнь ленинградского человека богемы с ее постоянными конфронтациями с властями, арестами, сроком в лагерях и тяжелыми запоями, приведшими в конце концов к ранней трагической смерти поэта в 1992 году» [Волков С. 2002 : 658].

Отношение направлений «сюрреализм», «абсурдизм» – «реализм» в ракурсе так называемой «чернухи» у наших писателей довольно условное. Здесь важен именно «модус существования», в котором расположено мироощущение автора. Отсюда – то, что его занимает, что привлекает его внимание и определенным образом выражается. Ведь страшные факты, эпизоды, случаи присутствуют в реальной жизни всегда. «Стилистическое снижение в целом и экспрессия негативного воздействия, в частности, стимулируются внешними, внеязыковыми обстоятельствами» [Химик 2000 : 215]. Показательным выступает самый выбор их в качестве объекта изображения через авторское отношение с включением низового, стихийного начала.

С этой точки зрения, чернушечная поэтика и стилистика характеризуют факты вполне реалистических опытов стихосложения у *С. Довлатова*. В начале 60-х гг. во время службы в армии он написал стихотворение «Посвящается памяти Андрея Рябчуна» [Довлатов 1999 : 20]. В стихах реальный эпизод из жизни, воссоздан в стилистике и поэтике чернушечного жанра: с бытовой деталью и вкраплениями армейского языка, с немотивированной смертью и недосказанностью, с ужасающим контрастом сопоставления (в ракурсе взрослости и детскости, в том числе).

За осиновою рощей
Яму рыли вчера
Хоронили под Ропчей
Молодого жмура.

Были стройные залпы,
Визг надраенных труб,
Специфический запах,
Передержанный труп.

Мы вернулись на Зимку,
Схоронив одного.
Вдруг приходит посылка
Для него, для него.

В ней зеленые груши
Мать прислала Андриюше.

Стихотворение датировано 7 августа 1962 г., но ассоциации у читателя остро современные. Таково значение реальности и формы, продлевающей художественно овеществленное и осмысленное автором и читателем время.

Примечания

¹ *Виноградов В. В.* Величие и мощь русского языка : учеб. пособие по русскому языку. Вып. 1. М.: Изд-во «Правда». 1944.

² Из интервью с В. Распутиным в газете «Смена» (1999, 11 июля).

³ В настоящем разделе цитаты из эмигрантских публикаций о Пушкине выделены курсивом. В скобках приводятся сведения об авторстве и выходе публикации. Цитаты даются по изд. : «В краю чужом...». Зарубежная Россия и Пушкин. М.: Русский мир; Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998.

⁴ Неточность: слова принадлежат А. Григорьеву.

⁵ Выставка «Пушкин. Два века русской культуры». СПб. 1999.

⁶ *Почепцов Г. Г.* Теория коммуникации. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер. 2001. С. 252.

⁷ Формулировка принадлежит Р. К. Луканину, цит. по изд.: *Зеленищев А. В.* Пропозиция и модальность. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. С. 18.

⁸ В 1997 г. вышел сборник русских детских страшилок, собранных и пересказанных Г. М. Науменко (см. Библиограф. список). Сборник отражает давние традиции этого жанра в составе русского фольклора. Но в качестве такового он не является предметом нашего анализа.

⁹ В. П. Руднев отмечает: «В тоталитарных обществах практически отсутствует деление культуры на массовую и элитарную. Вся культура объявляется массовой, а на самом деле культура является элитарной. Это звучит парадоксально, но это так» (*Руднев В. П.* Словарь культуры XX века : ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 1999. С. 156).

¹⁰ В обыденном сознании оценочное отношение представлено прежде всего в качественных эмоциональных характеристиках, к которым психология относит знак (положительный или отрицательный) и модальность (удивление, радость, отвращение, негодование, тревогу, печаль и т.д.) См.: Психология : словарь. М.: Политиздат, 1990. С. 462.

¹¹ В определенные временные периоды (на святки, масленицу, в купальские дни) антиповедение признавалось уместным и даже оправданным

(или практически неизбежным). До сих пор поведение участников карнавала имеет во многих случаях кощунственный характер (эротика, пародирование обрядов, сквернословие). Но при этом антиповедение остается и осознается обратным, перевернутым поведением, то есть воспринимается как нарушение общепринятых норм. Грехи требуют в дальнейшем покаяния и очищения. *Успенский Б. А.* «Заветные сказки» А. Н. Афанасьева / Избр. труды. Т. 2. Язык и культура. М., 1994. С. 131.

Библиографический список к разделу «Приложение»

Подраздел 1:

Виноградов В. В. Величие и мощь русского языка : учеб. пособие по русскому языку. Вып.1. М.: Изд-во Правда. 1944.

«В краю чужом...». Зарубежная Россия и Пушкин / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Филина. М.: Русский мир; Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998. 495 с.

Кузина Г. А. Значение «Дней русской культуры» в жизни российской эмиграции первой волны // Культура российского Зарубежья : сб. ст. М.: Моск. гос. ун-т, 1995.

Грановская Л. М. Русская эмиграция о русском языке : аннотир. библиогр. указ. (1918-1992). М.: Азь, 1993. 98 с.

Грановская Л. М. Русский язык в «рассеянии» : очерки по языку русской эмиграции первой волны. М.: Инст. рус. яз. РАН, 1995. 176 с.

Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918-1940) / Том 1. Писатели русского зарубежья. М.: Рос. полит. энцикл., 1997. 512 с., илл.

Лифарь С. М. Моя Зарубежная Пушкиниана. Париж, 1966.

Пархоменко Т. А. Культурная жизнь русской эмиграции в первые послереволюционные годы (1917-1925) // Культура российского Зарубежья. М.: Моск. гос. ун-т, 1995.

Раев М. Россия за рубежом : история культуры русской эмиграции. 1919-1939 : пер. с англ. / предисл. О. Казниной. М.: Прогресс-академия, 1994. 269 с.

Русское зарубежье : из истории социальной и правовой мысли. Л.: Лениздат, 1991. 440 с.

Русское зарубежье : золотая книга эмиграции. Первая треть XX века : энцикл. биограф. словарь. М.: Рос. полит. энцикл., 1997. 742 с.

Филин М. Д. Пушкин как русская идеология в изгнании // «В краю чужом...». Зарубежная Россия и Пушкин / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Филина. М.: Русский мир; Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998. С. 5-38.

Подраздел 2:

Волков С. История культуры Санкт-Петербурга. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. 704 с. (С. 658).

Довлатов С. Творчество, личность, судьба / Изд. сост. и подг. А. Ю. Арьев. СПб., 1999 (С. 20).

Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ (становление жанра). СПб.: Изд-во С.-Петербур. гос. ун-та, 1995. 256 с.

Елисеев Н. Vogelfrei, или веселый Кафка // «Северо-запад». 2002. № 44 (105). С. 22.

Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука. 1984. 295 с.

Лосев А. Ф. Миф – Число – Сущность / Сост. А. А. Тахо-Годи; общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1994. 919 с.

Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер. 2001. 656 с.

Протт В. Я. Морфология сказки. Изд. 2. М.: Наука, 1969. 166 с.

Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1997. 118 с.

Руднев В. П. Словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф. 1999.

Русские детские страшилки / Сост. Г. М. Науменко. М., 1997.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки рус. культуры», 1997. 824 с.

Успенский Б. А. «Заветные сказки» А. Н. Афанасьева / Избр. труды. Т. 2. Язык и культура. М., 1994.

Хворостьянова Е. В. Поэтика Олега Григорьева. СПб.: ИЦ Гуманитарная Академия, 2002.

Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, филол. ф-т, 2000. 272 с.

Краснова Т. И. *Другой голос: анализ газетного дискурса русского зарубежья 1917-1920(22) гг.* / под ред. Л. Р. Дускаевой. СПб.: Издательство «Северная звезда», 2011. 588 с., ил.

Выпускающий редактор *М. В. Тоскина*
Технический редактор и корректор *И. В. Фомичева*

Отпечатано в типографии ООО «Северная звезда»

Санкт-Петербург, Варшавская ул., д. 23, к.1

Тел. (812) 388-93-41; e-mail: tozvezda@yandex.ru

Гарнитура «Петербург». Печать офсетная. Формат 60x84 1/16.
Печ. л. 36,75. Тираж 1000 экз. Подписано к печати 18.12.2011.